
Енисейску 400 лет

Михаил Прокопьевич Миндаровский
(1867 – 1936)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Енисейский краеведческий музей имени А. И. Кытманова

ЕНИСЕЙСК

В ЗАПИСКАХ МИХАИЛА ПРОКОПЬЕВИЧА МИНДАРОВСКОГО

1891—1935

Красноярск
2019

УДК 94(571.51) «19»
ББК 63.3(2Рос-4Крн)
З 324

З 324 **Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891–1935 гг.** / Сибирский федеральный университет; Енисейский краеведческий музей имени А. И. Кытманова; ред.-сост. М. А. Лаптева, Н. В. Поздеева, А. В. Ульверт; вступ. ст. А. П. Дворецкой, Н. В. Поздеевой. — Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-7638-3880-0

В преддверии четырехсотлетнего юбилея Енисейска издательство Сибирского федерального университета и Енисейский краеведческий музей имени А. И. Кытманова представляют город таким, каким его видел М. П. Миндаровский, общественный деятель конца XIX — начала XX века, человек неравнодушный и нестандартно мыслящий, эмоциональный и поэтому несколько субъективный. Неординарный подход к описываемым событиям делает чтение «Записок» полезным и увлекательным занятием. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Издание осуществляется
при поддержке
государственной
грантовой программы
Красноярского края

ISBN 978-5-7638-3880-0

Содержание

От составителей

Енисейск — город-музей. Каждый дом и улица города дышат историей. Это город-повествование, город-послание нам всем, ныне живущим, неравнодушным и интересующимся, думающим и мечтающим. Здесь время идет по-другому: неспешно, вдумчиво и мудро. У Енисейска непростая судьба. Очень многое пережито и прочувствовано. Времена перемен, войн и иных событий меняли город и людей. Ситуации, в которых непонятно, как быть объективным, нашли отражение в письменных трудах неравнодушных к судьбе города людей. Людей умных, наблюдательных, умеющих тонко чувствовать и обладающих редким талантом сопереживания, не столько житейски, сколько духовно мудрых, умеющих видеть, слышать и рассказать об этом.

В преддверии юбилея города Енисейска Сибирский федеральный университет реализовал ряд проектов, наиболее значимыми из которых стали виртуальный проект кафедры прикладной информатики в гуманитарных науках и искусстве Гуманитарного института «Историко-культурное наследие города Енисейска»[1] и издательский проект «Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии»[2] А. И. Кытманова, который вошел в число лучших книг региональных издательств по итогам общероссийского конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги 2016 года».

Предлагаемый вниманию читателя новый проект издательства СФУ и Енисейского краеведческого музея «Енисейск в записках М. П. Миндаровского» — это следующий срез реальности Енисейска в период с 1895 по 1935 год, поданный через оптику эго-документа. Автор публикуемых записок Михаил Прокопьевич Миндаровский, занимая до установления в Сибири советской власти должности в системе городского самоуправления Енисейска, а после работая в различных советских учреждениях, стал свидетелем многих событий тех лет.

В своих воспоминаниях он не ставит себе целью бесстрастное описание наблюдаемых им явлений, как это пристало бы добросовестному летописцу, все увиденное он пропускает через призму своего личного представления о добром и злом, правильном и ошибочном, красивом и уродливом. И в силу

---

[1] http://www.yeniseisk-heritage.ru.

[2] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 гг. / А. И. Кытманов; отв. ред. Л. П. Бердников; авт. предисл. В. Г. Дацышен; Сиб. федер. ун-т, Енисей. краевед. музей им. А. И. Кытманова. Красноярск: СФУ, 2016.

всего вышесказанного повествование носит подчас весьма субъективный характер. Бесспорно одно: это взгляд человека умного, имеющего давно сложившиеся понятия о честном и лукавом, мудром и безумном, дальновидном и сиюминутном. Именно потому читать его записки необыкновенно интересно, не говоря уже об их важности как исторического источника.

Первая часть записок датирована 1891–1916 годами, но тетрадь за 1891–1894 годы была изъята в 1921 году при обыске и аресте Миндаровского. Автор не стал восстанавливать утраченный текст и продолжил его с 1895 года, однако вслед за ним мы сохраняем в названии книги указание на 1891 год как на год начала записок.

Вторая часть записок рассказывает о событиях 1919–1935 годов. Чтобы не оставлять между двумя этими периодами хронологического пробела за 1917–1918 годы, в приложении помещены воспоминания М. П. Миндаровского «Революционные дни в Енисейске», опубликованные в журнале «Сибирские записки»[3].

Настоящее издание выполняет публикаторскую задачу и вводит в научный оборот полный текст записок М. П. Миндаровского, хранящихся в фондах Енисейского краеведческого музея имени А. И. Кытманова. Надеемся, что благодаря книжной публикации записок их ждет дальнейшее исследовательское освоение.

Издание проиллюстрировано фотографиями и документами из фондов Енисейского краеведческого музея и Красноярского краевого краеведческого музея.

Текст записок воспроизводится по рукописному подлиннику, находящемуся в фондах Енисейского краеведческого музея[4].

В нашу задачу не входила максимально точная текстологическая передача подлинника, поэтому текст публикуется по современным орфографическим и пунктуационным нормам, исправление языковых ошибок и опечаток не оговаривается, но в ряде мест орфографическое и лексическое своеобразие авторского текста сохранено и вынесено в примечания.

Большинство постраничных примечаний принадлежит составителям, а встречающиеся в тексте комментарии самого автора записок снабжены указанием «*Прим. Миндаровского*».

В квадратных скобках раскрываются многочисленные сокращения слов, а также при необходимости уточняются инициалы и имена. В треугольные

---

[3] Миндаровский М. Революционные дни в Енисейске // Сибирские записки. 1919. № 6 (ноябрь-декабрь). С. 53–80.

[4] «Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 год» (ЕКМ ОФ 7085); «Записки и воспоминания 1919–1935 годов» (ЕКМ ОФ 11069).

скобки заключены указания на поврежденные фрагменты текста или пропущенные автором даты.

Наследие М. П. Миндаровского, хранящееся в фондах Енисейского краеведческого музея, нуждается в продолжении публикаторской и исследовательской работы с ним. Наши дальнейшие планы связаны с изданием его автобиографии[5] и дневниковых записей последних лет жизни[6].

Выражаем благодарность Енисейскому краеведческому музею имени А. И. Кытманова и Красноярскому краевому краеведческому музею за предоставленные иллюстративные и документальные материалы. Благодарим за помощь, оказанную в работе над изданием, директора Енисейского краеведческого музея Кузнецову Татьяну Юрьевну, директора Красноярского краевого краеведческого музея Ярошевскую Валентину Михайловну и сотрудников Красноярского краевого краеведческого музея Быстрову Августу Васильевну, Дашко Антона Дмитриевича, Куклинского Илью Владимировича, Макарову Надежду Алексеевну.

[5] «Былое и думы, или Моя автобиография» (ЕКМ ОФ10815).
[6] «Мои заметки и наблюдения. 1936 г.» (ЕКМ ОФ11070).

Енисейск в записках М. П. Миндаровского

А. П. Дворецкая

Город Енисейск занимает особое место в Приенисейской Сибири. В социально-культурном отношении город, возникший первым в Восточной Сибири, несколько веков оставался центром всей жизни огромного пространства от киргизских степей до Ледовитого океана. Он являлся цивилизационным форпостом внутренней колонизации региона. Енисейск был городом фронтира: отсюда шло дальнейшее освоение региона, в том числе пути на Север, где взаимодействовали русские и автохтонные народы, происходило соприкосновение различных типов культуры.

В XIX веке Енисейск стал типичным провинциальным городом. Он выступал сперва экономическим, а затем культурным центром. Вокруг него формировалась живая провинциальная культура, он определял специфику развития местного сообщества. Множеством связей и действий город был соединен с различными сферами общественной жизни Енисейского уезда.

Во время, представленное в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского, в Енисейске сложилось особое социокультурное пространство с типовыми признаками, характерными для малых городов. Жителей в нем насчитывалось по Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года 11 506 человек, к 1913 году население не намного увеличилось и достигло рубежного для малых городов значения — 12 965 человек[1].

Элементы традиционного и цивилизации (даже с элементами модерна) удивительно в нем перекликались. Первоначальный экономический подъем за счет развития золотопромышленности сменился упадком, в городской жизни появились признаки деградации. В этот период распространились кабаки, в которых лились рекой горячительные напитки, шла игра на деньги, а люди легко разорялись, проматывая целые состояния. Об этом весьма красноречиво написал, например, А. Уманьский[2].

---

[1] Аксенова А. В. Енисейск в последней трети XIX — начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города / А. В. Аксенова, Н. В. Гонина; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2017. С. 50, 51.

[2] Уманьский А. Золотой город (этнографический очерк) // Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб.: Товарищество С. П. Яковлева, 1888. С. 5–34.

Целый ряд причин мешал активному развитию промышленности города: значительная отдаленность от центра страны, малая плотность населения, почти полное отсутствие разделения труда, узость рынка. Все это усугублялось удаленностью от главных трактовых дорог и административно-хозяйственных центров региона. К сожалению, открывшееся в начале 1880-х годов XIX века постоянное пароходное движение по Енисею и строительство Транссибирской железнодорожной магистрали в конце 90-х годов оставило Енисейск на периферии экономического развития Приенисейской Сибири.

С другой стороны, благодаря расцвету золотопромышленности и расширению торговой деятельности в Енисейской губернии в середине столетия, выросло благосостояние Енисейска, значительно повысился удельный вес торговли в экономике города, открылись многочисленные магазины и лавки, получили дальнейшее распространение ремесла, развивались промышленные предприятия. Еще Г. Н. Потанин в своей работе обращал внимание на это буржуазное начало в жизни Енисейска[3].

На средства городского общества создавались школы, библиотека-читальня. Открытие музея дало значительный импульс преобразованию города в культурный и научно-просветительский центр на севере Сибири. Несмотря на оставшийся во многом традиционным быт, в начале XX века развивалась и инфраструктура города. Развернулось каменное строительство. Архитектура большинства зданий воплощала продолжавшийся в то время поиск новых форм через соединение исторических стилевых направлений готики, классицизма, русского стиля. В это время Енисейск представлял собой городок с узенькими улицами, где было немало каменных двухэтажных домов и более десятка церквей. Значительное количество каменных зданий возводили на благотворительные пожертвования состоятельных горожан. Именно таким город Енисейск описывается в немногочисленной дореволюционной литературе и работах первых лет советской власти[4].

В отличие от дореволюционных историков, советская историография характеризовала Енисейск как захолустный купеческий город. В работе А. И. Малютиной «Енисейск» (1957) утверждалось, что двигателем прогресса здесь выступали не купцы и разночинцы, а ссыльные. Именно они

---

3 Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 234–269.

4 Чудновский С. Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилея Сибири. Статистико-публицистические этюды. Томск, 1885; Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее: очерк. СПб., 1992; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. I, II. СПб.: Типогр. В. Безобразова и компании, 1865; Архангельский И. Город Енисейск 1618–1918 гг. Енисейск, 1923. С. 1–2.

способствовали народному образованию, формированию очагов культуры. П. Н. Мешалкин продолжил эту тему и обратился к судьбе большевика Леонида Скорнякова. Однако уже на закате советского государства ученый серьезно расширил рамки своих исследований. Его привлек купеческий Енисейск и отдельные енисейские купеческие роды — Кытмановых, Востротиных и Баландиных. В поздних своих работах историк осветил их вклад в развитие города[5].

В 1980-е годы происходит значительный прорыв в изучении дореволюционного Енисейска. А. В. Дулов и Г. Ф. Быконя в это время обратили внимание на особенности функционирования и порубежный статус северных территорий, формирование здесь постоянного русского населения[6].

Из красноярских исследователей одним из первых описывает развитие культурно-исторической среды города В. В. Буланков[7]. К проблеме формирования архитектурного облика древнейшего города-памятника Приенисейской Сибири — Енисейска — и его значения для развития местности обращаются красноярские историки и архитекторы[8]. Отдельные аспекты истории Енисейска (развитие купечества, повседневная городская жизнь, культура и образование) в настоящее время освещены в работах историков Абакана, Красноярска, Новосибирска[9].

Важный вклад в изучение истории Енисейска внесли работники Енисейского краеведческого музея. В их работе «Очерки истории г. Енисейска

---

5 Мешалкин П. Н. Единомышленники. Красноярск, 1974; Он же. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Красноярск, 1995.

6 Дулов А. В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М.: Наука, 1983; Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в.: формирование военно-бюрократического дворянства: моногр. Красноярск: Изд-во Крас. гос. ун-та, 1985.

7 Буланков В. В. Формирование культурно-исторической среды Енисейска в XVIII веке // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск, 1989. Вып. 1. С. 342–359.

8 Буланков В. В., Шумов К. Ю. Енисейск: Очерки по истории развития и застройке города. Красноярск: Красн. кн. изд-во, 1999; Горбачев В. Т., Крадин Н. Н., Крушлинский В. И., Степанская Т. М., Царев В. И. Градостроительство Сибири. СПб.: Коло, 2011; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978; Оглы Б. П. Строительство городов Сибири. Л., 1980; Можайцева Н. В., Царев В. И. Градостроительная летопись Енисейска. Красноярск, 2005.

9 Быконя Г. Ф., Комлева Е. В., Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах (XVIII — начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 450 с.; Григорьев А. А., Шорохов Л. П. Енисейск: исторический очерк // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. Красноярск, 1989. С. 49–54; Долидович О. М., Федорова В. И. Женщины Сибири во второй половине XIX — начале XX в. (демографический, социальный, профессиональный аспекты): моногр. Красноярск: КГПУ, 2008. 229 с.; Кискидосова Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Абакан: ООО «Бригантина», 2012. 312 с.; Туман-Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX — начало XX в.). Красноярск: КГТЭИ, 2004; Федорова В. И. Очерки социально-экономического развития Енисейской губернии в пореформенный период. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1999; Федорова В. И. Школа — учитель — общество. Из истории народного образования Енисейской губернии XIX — начала XX в. Красноярск, 2015.

и Енисейского уезда (XVII–XIX вв.)» представлены самые яркие и интересные сюжеты из истории города.

Первое комплексное изучение города проведено в работе А. В. Аксеновой и Н. В. Гониной. В работе исследуется Енисейск конца XIX — начала XX века. Как считают авторы, в это время город находится в состоянии экономического упадка, сопровождавшегося, как это ни парадоксально, развитием культурной жизни и активной социальной динамикой[10].

Значительно меньше изучен Енисейск 1920–1930-х годов. Уже упомянутая работа А. И. Малютиной, очерк Л. П. Шорохова и А. А. Григорьева в книге «Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1» (Красноярск, 1989) по традиции касаются революционного прошлого города, строительства новой советской жизни. События трактовались в рамках советской политики памяти: рассказывалось о ссыльных-большевиках — пламенных революционерах и строителях коммунизма, партизанах — героях Гражданской войны.

Современные авторы рассматривают только отдельные эпизоды из жизни города, например процесс отделения церкви от государства в 1920–1923 годы[11]. Реализации культурной политики в Енисейске в 1920–1930-е годы посвящена диссертация М. В. Холиной[12]. К сожалению, данная работа не вылилась в отдельную монографию.

Комплексное изучение жизни Енисейска 1920–1930-х годов еще ждет своего исследователя. Тем важнее для нас мемуары М. П. Миндаровского, в которых он очень подробно и достаточно точно описывает то, что происходило в Енисейске в этот период.

Сам М. П. Миндаровский не был чужд писательства как до революции 1917 года, так и после нее. До революции он выступал корреспондентом иркутской газеты «Восточное обозрение», позднее — томской газеты «Сибирская жизнь», где писал под псевдонимом Абориген. Им было выпущено несколько очерков — откликов на злобу дня, а также неплохие аналитические работы, касающиеся дальнейшего развития города Енисейска[13].

---

10 Аксенова А. В., Гонина Н. В. Енисейск в последней трети XIX — начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города / А. В. Аксенова, Н. В. Гонина; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2017.

11 Вдовин А. С., Бобрик И. Е. Отделение церкви от государства в Енисейской губернии (1920–1923 гг.): музейный аспект // Известия лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4(25). С. 176–184; Бобрик И. Е., Вдовин А. С., Макаров Н. П. Судьба северных церковных архивов Енисейской губернии в 1920–1921 гг. // Северные архивы и экспедиции. 2017. Т. 1. № 2. С. 6–22.

12 Холина М. В. Реализация культурной политики в малых городах в начале 1920-х — конце 1930-х (на примере Красноярского края): автореферат дис. ... к. и. н. Красноярск, 2010.

13 Миндаровский М. П. Историческая записка ко дню пятидесятилетия существования Енисейского общественного банка, 1863–1913 гг.: прочитана на торжественном заседании Думы 7 января 1913 года. Енисейск: Тип. П. М. Борзецовой, 1913; В Енисейскую Городскую Думу: доклад. Енисейск: Тип. бр. Кытмановых, 1915; Томск — Енисейская дорога и северопуть как мера к экономическому развитию края: очерк. Енисейск: Тип. Горсовета, 1929 и др.

В своем публицистическом творчестве он продолжал традиции дореволюционной журналистики и мемуаристики, о которых рассуждают в своих работах Н. П. Матханова, Н. Н. Родигина и Л. П. Бердников. Как считают исследователи, резкое увеличение количества мемуаров вполне объяснимо и соответствовало росту культурно-образовательного уровня и исторического самосознания сибирского населения того времени. Так как многие мемуаристы были одновременно и журналистами, то нередко их творчество ориентировалось на публикацию, их работы сближались с очерком, корреспонденцией, исследованием, документом[14].

В начале XX века провинциальная культура во многом способствовала расцвету мемуарной краеведческой литературы. Благодаря различного рода мемуарам происходило осмысление окружающей действительности, формировались отдельные образы, воспоминания, от которых и зависело восприятие городской среды горожанами[15].

Енисейск обретает свой голос у А. И. Кытманова[16], енисейского купца Н. В. Скорнякова[17], известных общественных деятелей города конца XIX — начала XX века В. А. Баландиной[18], М. О. Маркса[19], краеведа А. Л. Яворского[20].

Авторы предлагают свои версии местной жизни, очень часто далекие от «столичных»[21]. Это не рассуждения путешественников о местных красотах. Видно, что город жил своими чаяниями и надеждами, которые и транслировали местные летописцы. Эта инерция дореволюционной традиции продолжалась все 1920-е, а в некоторых случаях — и 1930-е гг., что очень хорошо видно у М. П. Миндаровского, который свои записки начинает писать в 1925 году, а заканчивает уже перед своей смертью в 1936 году.

---

14 Бердников Л. П. Кланяйтесь залам библиотечным: краткие очерки истории библиотечного дела и книжной торговли в Енисейской губернии (1838–1916). Красноярск, 1995; Бердников Л. П. Таежная страна Александра Кытманова // Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг. Красноярск: СФУ, 2016; Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010; Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. Аннотированный библиографический указатель / под ред. Н. Н. Родигиной: в 2 т. Новосибирск, 2014. Т. 1–2.

15 Горелова Ю. Р. Образные характеристики городской среды: сущность, механизмы формирования, классификация // Омский научный вестник. № 3 (109). 2012. С. 234–238.

16 Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг. Рукопись машинописная. Ксерокопия. Фонды КККМ.

17 Дневник одного из основателей енисейского музея Н. В. Скорнякова (хроника событий города Енисейска). 1891–1907 гг. // АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. 126 л.

18 Баландина В. А. Восстановление истины // Школьному краеведу. Красноярск, 1995. С. 20–39.

19 Маркс М. О. Записки старика (рукопись воспоминаний М. О. Маркса в 1866–1888 гг.). Машинописный вариант. ЕКМ НФВ 2141-10.

20 ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 88. 10 л.; Д. 27. 162 л.; Д. 29. 9 л.

21 Северная шведская полярная экспедиция под начальством профессора А. Е. Норденскольда (Норденшельда) // Живописное обозрение. 1877. № 31. С. 82; Нансен Ф. Через Сибирь. М., 2012. С. 189–191.

Его записки интересны не только самой подачей материала, во многом журналистской, оценивающей, критичной, но и широтой затрагиваемых им тем обсуждения, что вполне объяснимо его родом деятельности и кругозором. Уроженец Сибири, он описывал региональные проблемы и специфику повседневной жизни. Чиновник и интеллигент, человек сразу нескольких профессиональных и общественных кругов, он передавал свой собственный взгляд на образ власти и чиновничества, был хорошо информирован, необычайно точен в характеристиках людей и событий. Одновременно он был человеком достаточно либеральных взглядов, замечал и показывал все негативные стороны енисейской жизни: неразвитость местной инфраструктуры, удаленность города от основных промышленных и культурных центров, сложности с трудоустройством, грязь улиц, пьянство местного населения. В своих записках Миндаровский подчеркивал нежелание царского режима и местной власти решать эти проблемы. Все это не могло не сказаться на оценке и понимании им смысла и значения енисейской действительности. Не только социальное, но и политическое привлекало автора. Записки дают представление о вовлеченности в политическую деятельность передовых и образованных слоев енисейского общества.

Эта включенность в социальную действительность и культуротворчество местного сообщества, повседневность провинциальной жизни, приближенность культурных процессов к человеку и ощутимость личного участия в культурной жизни, формирование историко-культурного ландшафта местности очень хорошо описаны в работах И. М. Гревса, Н. П. Анциферова и Н. К. Пиксанова, которые в 1920-е годы высказали важные для нас идеи о принципах формирования областных «культурных гнезд»[22].

Как указывает Д. Н. Замятин, культурные ландшафты — это образы пространства, находящиеся в силу своей доминирующей визуальности ближе всего к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей[23].

В рамках этого процесса формировались несколько слоев участников культуротворчества: семья, близкие друзья, образованные горожане, которые присутствуют у М. П. Миндаровского. Связь с сообществом достигалась проведением различного рода общественных мероприятий, выставок, театральных постановок, а также за счет дружеских посиделок в кругу семьи

[22] Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 1, 3–4; Гревс И. М. Город как предмет краеведения // Краеведение. Т. 1. 1923–1924 гг. М.; Л., 1924. С. 245–258; Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925; Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. М.; Л., 1928. С. 60–69.

[23] Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 118–140.

и пикников. Значимость и отличительность енисейского сообщества автор подчеркивал через праздничные, символические практики: награждения, юбилеи, другие памятные церемонии, в основном светские, благодаря которым и рождалась духовная близость местных жителей друг с другом.

М. П. Миндаровский с большой любовью описывал дореволюционное «образованное общество» Енисейска. Традиционные объединения: приход, семья, община — сменились рядом добровольных сообществ, своеобразных кружков по интересам. Как указывают А. В. Аксенова и Н. В. Гонина, новые сообщества были относительно краткосрочными и немногочисленными. Наиболее успешными оказывались те, что получали внешний стимул, например, были частью общероссийского движения или поддерживались администрацией. Причем часто одни и те же люди входили в разные сообщества. Они же вступали в исследовательские и просветительские объединения общесибирского и общероссийского характера, например РГО[24].

Еще одной отличительной чертой мемуаристики М. П. Миндаровского, особенно при описании революционных и послереволюционных событий, становится включенность в краеведческую деятельность. Краеведение как одна из форм культурной деятельности человеческого сообщества, создающих у его членов чувство самобытности и преемственности, в 1920-е годы, когда автор и начинает свои записки, по выражению С. О. Шмидта, переживало свой золотой век. Ученый точно отразил сущность периода:

> Местные краеведы <…>, группировавшиеся подле Центрального бюро краеведения, возглавлявшегося тогда непременным секретарем Академии наук С. Ф. Ольденбургом, верили в большое общественное значение научно-просветительской и памятникоохранительной работы краеведов, высоко оценивали его усиливавшиеся взаимосвязи с «большой наукой» (академической и вузовской). Для тех интеллигентов, которые не склонны были поддерживать идеи социалистических преобразований, это давало возможность продолжать свое служение идеалам культуры (и в то же время облегчить материально свое существование). А советская власть видела в этом возможность использовать «спецов» в советском культурном строительстве[25].

Однако краеведческая деятельность уже в конце 1920-х годов пошла на спад, ушла в «интеллектуальное подполье» неопубликованных или ча-

---

[24] Аксенова А. В., Гонина Н. В. Указ. соч. С. 240.

[25] Шмидт С. О. К участникам региональной научно-практической конференции «Золотое десятилетие» иркутского краеведения: 1920-е гг.» // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: мат-лы регион. науч.-практ. конф. «Золотое десятилетие» иркутского краеведения: 1920-е годы», Иркутск, 11–13 января 2000 г. / редкол.: А. С. Маджаров и др. Ч. 1. Иркутск: Иркут. обл. публ. б-ка, 2000. С. 7–9. Цит. по: Аксенова А. В., Гонина Н. В. Указ. соч. С. 20, 21.

стично опубликованных рукописей, заметок, записок. В своих записках Миндаровский указывает:

> Пробовал было я пропагандировать идею краеведения чрез местную районную печать, и написанные мною две статейки на эту тему напечатаны не были. В конце концов и я был снят с работы как человек надоедливый и к ихнему лагерю неподходящий. «Со святыми упокой» — остается сказать про наше краеведение.

Государство стремилось контролировать все сферы деятельности, в том числе сферу культуры. Формировались новые способы идеологизации прошлого, создания необходимых власти социальных представлений и национальных символов, что в современной науке определяется как политика памяти. При этом политика памяти в советской России не была институциализирована и оформлена в систематическом виде, она была «растворена» в советской идеологии и пропаганде[26].

Известно, что строительство нового советского государства затронуло все сферы общественной жизни, в том числе и идеологическую, которую официальное руководство стремилось взять под свой тотальный контроль и подчинить целям построения «нового общества» и формирования «нового человека». Развитие общественной жизни шло в определенных государством границах, терялась ее спонтанность, независимость. Взамен навязывалась единая идеология, базирующаяся на марксистской теории.

Но в лице многих представителей дореволюционной интеллигенции социальная память не прервалась. Можно согласиться с Е. И. Красильниковой, что политика памяти в этом случае не достигла эффекта абсолютной манипуляции сознанием индивида. Память не слилась полностью с официальной идеологией. Память конструировалась не только сверху, но и снизу, со стороны подчиненных групп, имеющих собственные интересы, взгляды, социально-политические и культурные ориентации[27].

Не только прошлое, но и современные события неминуемо врывались в мемуарное повествование записок. Мы видим, как вживались представители местного образованного сообщества в советскую действительность и выживали в ней. Стратегия сохранения жизни привела их на небольшие чиновничьи должности в различные советские учреждения: образовательные, хозяйственные, административные. Из-за своего происхожде-

---

[26] Красильникова Е. И. Помнить нельзя забыть… Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. С. 13, 14.

[27] Красильникова Е. И. Указ. соч. С. 14, 15.

ния, возраста, убеждений они не могли, да и часто не хотели продвигаться по карьерной лестнице. Боязнь сказать лишнее порождала совсем не свойственную дореволюционному времени замкнутость внутри семьи или ближайшего круга общения. Старая интеллигенция и «спецы» очень остро переживали невозможность адаптироваться к окружающей советской действительности, реализовать себя.

Многие из представителей интеллигенции начинали вести дневники, писать письма и мемуары, чтобы хоть как-то отрефлексировать происходящее, осознать те изменения, которые происходят в обществе, культуре. Эту «современность» они пытались вписать в систему своих координат и неминуемо сравнивали с прошлым, ностальгируя по нему. Различного рода записки рассматривались как средство коммуникации, позволявшее людям высказать свое отношение к происходящему. Это была и попытка ответить на известный вопрос: «А что же будет с Родиной?» В данном случае записи имели культурно-транслирующую нагрузку, что позволяло сохранить связь поколений, донести свои взгляды до потомков, обрести хоть какую-то надежду на будущее. Миндаровский хорошо понимал значимость своих записок для потомков. Не зря он начинает их следующей преамбулой:

> Моя убедительная просьба к тем моим друзьям и знакомым, в руках которых после моей смерти окажется тетрадь моих записок и воспоминаний, всячески постараться сохранить их как исторический материал для будущего, когда наступит время для изучения той нашей эпохи, современником которой я был при жизни, и чем дальше это время наступит, тем ценнее эти записки окажутся для их обнародования.

В мемуарной литературе раннего советского времени проявлялось и личное: любовь и ненависть, страх за свою жизнь и боль утраты близких, родных, беспокойство за родителей, братьев и сестер. Именно в личных записях можно найти то сокровенное, что связывало между собой в социокультурном плане различные поколения людей, помогало им выжить в трудных условиях. Дом, семья, местное сообщество становились для них моральной опорой и поддержкой. Нередко записи остаются единственными источниками и памятью о многих людях.

Мы видим, что Миндаровский весьма остро реагировал на все новое — этот видимый ему перелом эпохи, некий переход от досоветского к советскому времени. Социальные катаклизмы, революции, Гражданская война, преобразования новой власти в корне изменили жизнь населения Енисейска. Автор записок видел, что те преобразования, которых он желал до революции, были некой карикатурой, искажением планов

русской интеллигенции на изменение окружающей действительности. Поэтому его повествование нередко приобретало гротескные формы: он заострял внимание на неприятных, ужасных для него событиях, проводил неожиданные сопоставления и уподобления. Например, он пишет о событиях, связанных с установлением советской власти в городе в 1919 году:

> В тот момент, когда я, арестованный разгуливавшими по улицам города патрулями, был задержан на дороге и приведен в штаб, то заседавший за письменным столом Баландина солдат Чудинов (енисеец) и сидевшие с ним еще два типа едва ворочали языком, так как на столе пред ними вместо чернил и бумаги находилась недопитая четверть водки, соленый моксун и краюха хлеба.

Или о событиях 1920–1921 годов:

> Как известно, в 1920 и 1921 годах вся хозяйственная часть города и уезда регулировалась путем разверсток, о которых мы коснемся в дальнейшем, а условия существования служащих и рабочих в эти годы зависели всецело от размера пайка, который получали в крайне ничтожном размере эти советские труженики, если не располагали запасом «реальной» ценности в виде шуб, пальто, женских юбок, экипажей и т. п.

Обладая критическим мышлением, он указывал на раскол общества, отсутствие диалога этого самого общества с властью. Быстрота перемен, которая при описании дореволюционного времени привлекала Миндаровского, показывала его включенность в происходящее, после революции, наоборот, пугала и отталкивала. Из записок:

> Конечно, каждому из нас досадно и обидно видеть и наблюдать, что сосед против меня живет далеко лучше и сытнее, чем я, и это неравенство мы находим ненормальным, поэтому всячески ищем способов к его устранению. Но как таланты и гении всегда выше посредственности, так и способы борьбы за уравнение в понятиях тех и других людей всегда будут различны.

Благодаря запискам можно судить, в какой степени процессы и явления, зафиксированные автором, были уникальными или характерными для нашего региона. Перед читателем записок проходят своим чередом революция 1917 года и Гражданская война, установление советской власти в го-

роде Енисейске, формирование новых органов советской власти, «военный коммунизм» и нэп. Вот как, например, Миндаровский описывает похороны вождя революции — В. И. Ленина в 1924 году:

> Умер Ленин, торжественно похоронили, как обыкновенно хоронят всех выдающихся или гениальных людей, и делу конец. Однако хоронили не просто, а с древнеязыческою обрядностью бальзамирования, устроили склеп наподобие царских усыпальниц, а затем открыли паломничество на поклонение его праху, подобно мощам. Кто знает, быть может, мы явимся свидетелями признания его новым Христом.

Ситуация усугублялась тем, что местные органы советской власти, в том числе енисейские, проводили все новое в жизнь административными методами, продиктованными внешне- и внутриполитическими реалиями того времени. Из записок:

> Все десять лет держать трудовое население на полуголодном пайке и в то же время требовать от него исключительного напряжения сил для создания государственных ценностей могут только или завзятые мошенники и демагоги, или пустоголовые, ни о чем не размышляющие люди, умственный кругозор которых дальше бухаринской азбуки коммунизма и «диктатуры пролетариата» не двинулся.

Постепенно в 1930-е годы страна разделялась на противоборствующие стороны. Нарастает и ощущение катастрофы, апокалиптики в записках. Старая интеллигенция описывается как «последнее поколение», обломок прошлого. А новое — как «временщики», беззастенчиво грабящие народ. Отзыв о событиях коллективизации:

> Целые восемь лет наша Сибирь, в частности наш Енисейский район, терпеливо переносил на себе советское иго, но 1928 год нанес первый удар по крестьянскому карману, целиком обрушившийся на зажиточную часть деревень, прибегающих в своем хозяйстве к наемному труду. Второй нажим, сделанный в прошлом, 1929 году, еще сильнее дал себя почувствовать, отозвавшись уже на спине рядового крестьянина-землероба, а только что наступивший 1930 год, в который я пишу эти строки, делает определенную ставку на все крестьянство — «быть или не быть». Отбирая у мужика последнего коня, советская власть уверяет, что это она делает для его же блага, которое скоро наступит, а пока следует потерпеть.

Или о борьбе с «антисоциальными и контрреволюционными» явлениями общественной жизни:

> Озабоченная таким положением дел центральная власть, не перестававшая думать, что ее любимчики-коммунисты и все русские кухарки за 12 прошедших лет уже достаточно научились управлять государством, стала искать вредителей всех дел в лагере беспартийных работников и главным образом среди инженеров, агрономов и других лиц, стоявших в предприятиях в роли технических руководителей, не принимая во внимание того обстоятельства, что техник выполняет только порученное ему дело, а распорядительная и вообще всякая основная работа является директивой партии.

Сами условия жизни становились все более тяжелыми, а быт — малоустроенным:

> Вот уже более полугода мы живем здесь на голодном пайке, получая в месячную норму от 8 до 14 кило муки в месяц на работника, несколько грамм сахару, иногда кусочек мыла, и это все.

А красивейший старинный город превратился в руины, до которых нет никому дела:

> В момент, когда я пишу эти строки, пред глазами стоят полуразрушенные здания, груды щебня и мусора, смытые водою и дождем взвоза и набережные и почти целые кварталы пустырей, по которым публикою проложены уже проезжие дороги, сокращающие путь с одной улицы на другую.

Миндаровский, как человек образованный, хорошо видел, в какую сторону трансформировалось под влиянием государственной идеологии общественное сознание. Росла нетерпимость, развертывался поиск внешних и внутренних врагов. Как он пишет с горьким юмором:

> Вообще справедливость требует сказать, замечательное время переживаем мы, советские подданные, следящие за международной политикой и всем тем, что творится у нас, это тем более становится любопытным, что «правды-истины и правды-справедливости» мы не знаем, а черпаем из советской прессы только одни факты; фактом, например, мы называем дальневосточную эпопею, грозящую нам неприятностью, и фактом, а не чем иным, мы можем объяснить вдруг ни с того вспыхнувшее гостеприимство

> и визиты друг к другу. К нам едут гости, и мы летим в гости, и это в тот момент, когда атмосфера насыщена пороховым дымом, а за спиной блестит отточенный нож. Самореклама советской власти не ограничивается одной печатью. Очковтирательство идет и по другой линии. В Москве бросаются миллионные средства на постройку метрополитена. На месте сломанного храма Христа Спасителя строится какая-то новая «Вавилонская башня» в полверсты вышиною, и это делается исключительно для того, чтобы затмить глаза посещающих нас иностранцев.

Таким образом, в записках М. П. Миндаровского зафиксировано множество событий и воспоминаний. Это память о себе и о людях того времени, многое переживших, за одну жизнь перенесшихся из дореволюционного в советское время. Правда, мы всегда должны помнить, что память имеет свои законы. Она не запечатлевает все подряд, как это бывает с информационным документом или художественной фантазией, творческим вымыслом; память «делает заметки» буквально, как вы сейчас в своих тетрадях: «записывает» фразу, строку, штрих, за которыми стоит очень многое, и многое остается между строк. События не столько излагаются, сколько подразумеваются, а запись служит для напоминания всей их череды.

Поэтому ценность этого комплекса документов состоит не только и не столько в ликвидации белых пятен в истории, а в передаче духа эпохи через иной социально-исторический ракурс, новый взгляд на события прошлого — снизу, глазами и словами рядового человека. Логика обращения к тематике повседневной жизни позволяет отказаться от традиционной приоритетности исследования макропроблем, перенести центр тяжести на умение «увидеть большое в малом», общий взгляд на прошлое не сверху, через историю власти и государства, а снизу, через мысли, взгляды, оценки, поступки, жизнь рядовых людей.

При этом случаи ведения систематических дневниковых записей или увековечение своей жизни в мемуарах для рядового человека в тот период были чрезвычайно редки. Поэтому записки М. П. Миндаровского являются уникальным источником, донесшим до нас, потомков, умонастроения, сознание и психологию людей того времени.

О семье Миндаровских

Н. В. Поздеева,
хранитель документальной коллекции
Енисейского краеведческого музея имени А. И. Кытманова

Основные этапы формирования фонда Миндаровских

Фонд Михаила Прокопьевича Миндаровского в Енисейском краеведческом музее имени А. И. Кытманова формировался постепенно. Казалось бы, предметы фонда должны были оказаться в музее одновременно, ведь автор увлекался краеведением и поставил себе цель сохранить знания о крае для последующих поколений. Но этого не произошло, и рукописи Михаила Прокопьевича после его смерти рассеялись по разным городам. Одну из них (какую именно — неизвестно) сын Владимир сдал в Красноярское архивное бюро, о чем сообщил в письме от 14 ноября 1937 года археографу А. И. Андрееву[1]. Здесь же он упомянул, что библиотека отца «погибла от воды»[2].

Однако в музее имеются книги из библиотеки М. П. Миндаровского — это «Свод законов Российской Империи» с его экслибрисом. К сожалению, осталось только три тома. Оттиск печати с фамилией Миндаровского есть также на «Материалах о церковном расколе эпохи 1905 г.»[3] и брошюре «Пожарная охрана городов Поволжья» (здесь вместо штампа-экслибриса — сделанная владельцем чернильная надпись «Из библиотеки Миндаровского»).

В музее также хранится двухстраничный машинописный текст «Из доклада секретаря Енисейской городской думы М. П. Миндаровского за 1915 год» и рукопись Миндаровского «Мнение мирянина о церковной реформе в связи с деятельностью «Живой церкви» (1922).

Статьи Михаила Прокопьевича, его газетные вырезки и сформированные им дела оказались в музее еще при его жизни: например, доверенность на Михаила Прокопьевича от имени Енисейской городской думы о предъявлении иска к касимовскому мещанину Николаю Александровичу Пав-

---

1 Александр Игнатьевич Андреев — преподаватель Археологического института и Ленинградского государственного университета, в 1933–1935 годах был научным сотрудником Енисейского музея, находясь в ссылке по «академическому делу».

2 СПб. АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 247. Л. 27–27об.

3 Тетрадь с вырезками Миндаровского о революционных событиях 1905 года из газет и «Журнала для всех».

лову в сумме 43 рублей 88 копеек за аренду в 1912 году городских сенокосных паев и письмо Метеоритной экспедиции Российской академии наук с просьбой собрать сведения о падении метеорита 30 (17) июня 1908 года.

Его профессиональная карточка («53 лет от роду, сотрудник губсовнархоза с 1 мая 1920 года») дает нам представление об исполнительном, пунктуальном человеке с аккуратным почерком.

Пометы Миндаровского встречаются в объявлениях и листовках, сохранившихся в фондах музея. На полях собственных записок автор также оставил ряд ремарок, порой весьма едких. Так, упоминая про объявление райпродкомиссара Я. Маслобоева о невозможности выдачи дополнительного продпайка малообеспеченным енисейцам, Михаил Прокопьевич делает саркастическое примечание: «Маслобоев весил 7 п[удов] 10 ф[унтов] и был достаточно упитан».

Сейчас сложно судить о времени поступления материалов фонда, поскольку в советский период деятельности музея первая инвентаризация и первые учетные документы появились в музее в 1953 году, и в большинстве случаев указана именно эта дата. Зная теперь, что в конце жизни Миндаровский сомневался в том, передавать или не передавать свой труд, можно предположить, что некоторые документы появились после ухода Михаила Прокопьевича из музея, другие же были присланы родственниками краеведа. Кстати говоря, о копировании рукописей сообщает 25 мая 1935 года директор музея Федор Бархатов в письме археографу Андрееву: «А.[лександр] И.[гнатьевич], рукописный труд М. П. Миндаровского, очевидно, не удастся заполучить в музей, а посему, если бы Вы смогли достать соответствующее количество бумаги, то я бы «ассигновал» несколько сотен рублей для того, чтобы перепечатать на машинке экземпляра 3–4. Но для этого необходимо несколько стоп бумаги. Вместе с «Летописью» Кытманова это был бы ценный материал для музея»[4]. Сразу оговоримся, что в музее имеется машинописный экземпляр записок Миндаровского, отпечатанный, скорее всего, главным хранителем музея Марией Григорьевной Мощалковой.

Тем не менее первыми поступлениями стали:

- групповая фотография – Миндаровский в составе президиума Енисейского комитета по оказанию помощи политссыльным и Общества попечения о начальном образовании в Енисейске. Снимок был сделан в Енисейске 22 октября 1908 года после освобождения всех четверых из тюрьмы по делу о нелегальной деятельности и революционной пропаганде[5];

[4] СПб. АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 247. Л. 6об.
[5] Фотография опубликована на стр. 185.

— «Доклад М. П. Миндаровского в Енисейскую городскую думу», отпечатанный в Енисейской типографии братьев Кытмановых в апреле 1915 года;
— статья «Революционные дни в Енисейске», опубликованная в № 6 журнала «Сибирские записки» за 1919 год, которая стала последним материалом Миндаровского для журнала Крутовского[6];
— многостраничное рукописное и машинописное «Дело об архивах», составленное Миндаровским в 1922 году;
— одностраничная рукопись Миндаровского «Карьера одного революционера», написанная в 1928 году;
— брошюра Миндаровского «Томск-Енисейская дорога и Северопуть как мера к экономическому развитию края. Очерк», изданная в Енисейской типографии горсовета в 1929 году (издание есть в музее в нескольких экземплярах);
— небольшая черно-белая фотография Миндаровского 1935 года.

Если следовать логике нашего рассуждения о времени формирования фонда Миндаровского и принимать за отправную точку 1936 год, когда не стало Михаила Прокопьевича, то лишь через 64 года фонды музея пополнились новыми материалами из архива Миндаровского, поступившими от его потомков.

Скорее всего, свой труд, состоящий из двух тетрадей, автор разделил и отдал дочери и сыну. Начатая в Енисейске в 1925 году рукопись «Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 год» с выполненной автором красной карандашной надписью на титульном листе «После моей смерти в музей» была передана в музей в 2000 году. Такой дар сделала Прасковья Степановна Миндаровская (Лопатина), жена внука Михаила Прокопьевича — Константина Владимировича. Вместе с этим музейные фонды пополнили документы самой Прасковьи Степановны и ее мужа Константина Владимировича, а также копии фотографий его отца — Владимира Михайловича Миндаровского.

Самым важным документом в фонде Миндаровских стала переданная в музей Прасковьей Степановной рукопись Миндаровского «Былое и думы, или Моя автобиография»[7], написанная в конце жизненного пути, в 1935 году.

Версию о разделе архивного наследия подтверждает и тот факт, что окончание рукописных воспоминаний Миндаровского «Записки и воспоминания 1919–1935 годов», а также его дневниковые записи последних лет

[6] См. стр. 466–511.
[7] ЕКМ ОФ10815.

жизни «Мои заметки и наблюдения. 1936 г.»[8] были получены только 13 ноября 2001 года из Санкт-Петербурга от внучки Михаила Прокопьевича по женской линии Инны Иннокентьевны Резниковой.

В 2014 году неожиданно произошло пополнение фонда енисейского краеведа. В ходе работы с делом профессора Александра Игнатьевича Андреева в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук удалось обнаружить девять писем Михаила Прокопьевича[9], затрагивающих последний год его жизни. Они-то и открыли, почему рукописи попадали в Енисейский музей таким сложным путем: «Я думаю, Вы согласитесь со мной, что мой инстинкт воздержаться передачей в музей своего труда об Енисейске вполне правильный»[10].

Время от времени о семье Миндаровских появлялись небольшие публикации. Начало положила научный сотрудник музея Валентина Николаевна Бондарева. К 80-летию Великой Октябрьской социалистической революции в местной газете «Енисейская правда» она опубликовала свою статью «Революционные дни в Енисейске»[11].

Через два года эстафету подхватила Татьяна Васильевна Титовская. Ее статьи «Енисейск — его судьба»[12] и «Мы все Миндаровские...»[13] — знакомство с родственниками Михаила Прокопьевича.

Активно формировали фонд и енисейские архивисты. Сотрудники Енисейского госархива передали в музей «Воспоминания М. Миндаровского о февральском восстании в 1919 году в городе Енисейске» — машинописную копию статьи, опубликованной Миндаровским в «Сибирских записках».

Директор Енисейского районного архива Л. П. Соломенцева в 2013 году в статье «Далекое? Близкое!»[14] характеризует Миндаровского как родоначальника архивного дела в Енисейске и Енисейском уезде.

И теперь понимаешь, как далекое становится близким, когда листаешь пожелтевшие шуршащие страницы, вчитываешься в написанные ровным почерком строки. Удивительные истории человека, пережившего все русские революции и две войны (мировую и гражданскую), побывавшего в застенках царской полиции и советской милиции, имеющего всегда свою точку зрения, сегодня представляются вашему взору.

---

8 ЕКМ ОФ11070.
9 СПб. АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 247.
10 СПб. АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 247. Л. 20об.
11 Енисейская правда. 18.03.1997.
12 Енисейская правда. 22.12.1999.
13 Енисейская правда. 05.04.2000.
14 Архивы Красноярья. 2013. № 3 (июнь).

Биография М. П. Миндаровского

Отцу Михаила, бывшему крепостному дворовому Прокопию Миндаровскому, было 30 лет, когда он около 1862 года вместе с родителями обосновался в Енисейске. Поступил на работу в контору золотопромышленной компании купца Дудкинского. Спустя некоторое время женился на Фекле Селивановой — дочери портного Селиванова, по женской линии имевшего родство с семейством Поплюйковых из д. Озерной Енисейского округа. Родители Прокопия вскоре после женитьбы сына умерли. Но и сам он, простудившись на охоте, умер 28 июля 1868 года на 36-м году жизни, оставив десятимесячного Михаила на руках у матери[15].

И поскольку Михаил нигде не указал свою точную дату рождения, можно предположить, что родился он в сентябре 1867 года. Крестной матерью мальчика стала супруга служащего золотопромышленной компании Асташева господина Алексея Алексеевича Станкеева.

После страшного пожара 1869 года небольшая семья потеряла все имущество и дом. Отказавшись от повторного замужества, мама Михаила стала зарабатывать на жизнь шитьем верхнего платья, ведь портняжное ремесло она знала хорошо еще от отца. Скорее всего, это приносило немалый заработок, поскольку Михаил Прокопьевич помнит, что лет через шесть или семь на погоревшем месте рядом с усадьбой купца Козминых был выстроен небольшой домик. Одну комнату и без того маленького дома сдавали внаем, а в другой, задней части, разделенной на комнату и кухню, жили Миша с матерью. На долгие годы близким товарищем Мише стал соседский мальчик Вася Козминых. Будучи немного грамотной, мама сама обучала Мишу, но на девятом году отдала в частную школу в обыкновенном бревенчатом зимовье, находившуюся, как тогда называли, на Лубянках (современная улица Бограда) во дворе усадьбы Опрелкова. Через полтора года Миша уже смог поступить в первый класс уездного училища (сегодня в этом здании размещается детская спортивная школа).

Поступить в только что открытую мужскую прогимназию Мише не удалось из-за высокой стоимости обучения (40 рублей в год) и отсутствия гимназической формы, хотя на этом настаивали супруги Станкеевы. Поэтому по наставлению родственника матери Коковкина с августа 1877 года он стал учеником уездного училища за 30 рублей в год (согласно правилам, утвержденным в 1872 году). Кроме столярного Миша освоил переплетно-картонажное дело и первые карманные деньги получил в 11 лет. Спустя

[15] Биографические сведения приводятся по рукописи «Былое и думы, или Моя автобиография» (ЕКМ ОФ10815).

шесть лет, в 1883 году, беззаботное время учения и чтения закончилось, и почти в 16 лет полный курс уездного училища был пройден. А дальше начались рабочие будни: сначала учеником по канцелярии с 10 октября 1883 года, а затем писцом в казначействе, где и проработал он до января 1891 года. Заработанные деньги позволили освободить от квартирантов комнату, свободное время Михаил проводил в открывшейся библиотеке. Читал много и в какой-то момент перешел на чтение русских писателей и поэтов, а также газеты «Искра».

Уже в декабре 1890 года енисейский городской голова Михаил Михайлович Бородкин одобрил прошение Михаила на службу в городскую управу делопроизводителем вместо Ивана Петровича Лалетина, проработавшего на этом месте около 40 лет. Помимо жалованья все 30 лет службы приработок составляло начертание просителям планов их построек (немудрено, что автобиография написана на бланках таких планов). Миндаровский вел посемейные и призывные списки, а с 1894 года — избирательные списки в городскую думу. Городским головой в этом созыве стал Степан Васильевич Востротин. Вместе с ним к управлению городом приступило небывалое количество лиц с высшим образованием — шесть человек.

Приличный заработок позволил Михаилу скопить денег на постройку нового дома, стоившего семье 900 рублей, новоселье в котором отмечалось 15 августа 1892 года с «молебствием и водосвятием».

Скопленные 100 рублей пригодились, а покупку фотографического аппарата пришлось отложить до 1896 года. В этом же году Михаил стал агентом страхового общества «Россия», что в совокупности с фотографированием приносило значительный приработок. В этом страховом обществе Михаил застраховал и свою жизнь. Но осенью 1896 года умирает тесть, и Михаил вынужден содержать оставшуюся без попечения тещу и пятерых детей в возрасте от 2 до 15 лет. В это время в город приезжает А. К. Полынцев, доверенный акционерного общества по выделке и продаже пороха «Виннер и К°», ставший на два с лишним десятилетия другом и кумом Миндаровского (он начертит ему план для постройки дома). С 1897 года Михаил Прокопьевич заведует одним из переписных участков Первой всеобщей переписи. Пока он занимал эту должность, 27 января 1897 года родилась дочь Хрисия, а 10 июля 1898 года появился третий ребенок, сын Владимир.

Этот год чуть не стал для Михаила роковым, когда его крестный брат врач Александр Алексеевич Станкеев признал у него наследственный туберкулез. Все обошлось, когда в лечение вмешался вольнопрактикующий врач Алексей Васильевич Цветаев, человек честный, но малодушный, прекрасный врач, талантливый поэт, артист и переводчик с французского, ушедший в мир иной от алкоголизма в енисейской тайге. В апреле

1899 года Михаил Прокопьевич был избран секретарем городской управы (на эту службу его предложил оканчивающий свой срок С. В. Востротин). Служить Михаил Прокопьевич будет с заместителем городского головы Василием Михайловичем Харченко до смерти последнего (14 ноября 1902 года). Сама служба секретарем будет продолжаться до марта 1919 года, возобновляясь через каждые четыре года. И возможна она была, по мнению самого Миндаровского, лишь благодаря краеведческой библиотеке музея при непосредственном руководстве собирателя ее Александра Игнатьевича Кытманова.

Выработанные навыки сделали Михаила Прокопьевича настоящим краеведом, в роли которого (по наставлению еще Станкеева) он писал статьи для иркутской газеты «Восточное обозрение», позднее — томской газеты «Сибирская жизнь» под псевдонимом Абориген. За это время Миндаровский, кроме того, был еще секретарем Общества пособия бедным, секретарем Добровольного пожарного общества, заведующим книжным складом Общества попечения о начальном образовании и городской общественной библиотеки, членом и секретарем железнодорожного комитета, делегатом от думы и общества 3-го съезда распорядителей городских ломбардов в Санкт-Петербурге в 1904 году, I Сибирского пожарно-страхового съезда в Томске в 1914 году, членом правления общества потребителей «Самопомощь» (с конца 1915-го по январь 1917 года), а также делегатом на съезде представителей городов Восточной Сибири в Иркутске в 1916 году. Вся эта активная деятельность давала возможность жить безбедно, поэтому в 1906 году к дому была сооружена пристройка, в которой поселилась мать Миндаровского. Зимние месяцы семья проводила в театре, лето — на модных в то время пикниках и загородных гуляньях. Так весело и беззаботно семья Миндаровских встретила и революционный 1905 год, который взбудоражил даже такое «стоячее болото», как Енисейск. Михаил стал членом подпольного комитета помощи политссыльным. Продолжалось это до октября 1908 года, когда было закрыто Общество попечения о начальном образовании, а Миндаровский был отстранен от службы и заключен в тюрьму, как и председатель вышеупомянутого общества А. А. Станкеев, член правления Ю. Н. Васильев и секретарь И. И. Покровский. Фотография, сделанная по освобождении этой четверки, является одним из известных и уже опубликованных документов из фонда Миндаровского[16].

В 1917 году он отказался примкнуть к какой-либо партии и останется беспартийным, «проповедуя» мысли народовольцев и швейцарскую федеративную республику. После тревожных мартовских дней Михаил Проко-

---

[16] Фотография опубликована на стр. 185.

пьевич отказался от должности секретаря городского головы и был назначен заведующим пожарно-страховым отделом при губревкоме.

В период подготовки выборов в Учредительное собрание публиковал статьи в газете «Голос момента», где убеждал, что «всякая диктатура, пусть даже и пролетарская, <...> противна общечеловеческому идеалу свободы». В думе этого созыва большинство депутатов были беспартийными. Миндаровский же был избран старшим членом управы и заместителем городского головы, обязанность которого и выполнял честно до марта 1919 года.

После маклаковского восстания работал в совнархозе, затем по увольнении — счетоводом Каргинского кредитного товарищества, откуда был «вычищен».

С конца 1920-го по март 1922 года был сотрудником Енисейского губернского архивного фонда по городу Енисейску и уезду.

Миндаровский овдовел в 1921 году, на 54-м году жизни. Из-за трудностей с трудоустройством уехал в Благовещенск, где на тот момент жила его дочь Хрисия. Сначала трудился в транспортной кооперации, а затем статистиком на спичечной фабрике «Искра». Через два года, соскучившись по родным местам, возвратился в Енисейск в начале лета 1927 года, где временно заведовал музеем до 1 января 1930 года, когда был «сокращен».

Далее была работа в красноярском «Рудметаллторге» с 21 апреля 1930-го по 10 июля 1931 года в должности счетовода-статистика. А затем снова Енисейск, где работал счетоводом на водном транспорте, а с января 1933-го по февраль 1935 года — в системе горсовета.

Примечательно, что Михаилу Прокопьевичу за 15 лет пришлось поработать в девяти учреждениях, хотя до этого он 30 лет служил только в одном месте — городской управе.

А далее по советскому законодательству было положено звание «Герой труда» за бессменную службу в течение 35 лет. Но это для других, не для «эсера-областника» Михаила Прокопьевича Миндаровского.

Миндаровские

В Енисейске семья Миндаровских проживала в собственном доме по адресу: Бассейный переулок, 12, впоследствии в старом доме на улице Тамарова, 3.

Михаил Прокопьевич женился 9 февраля 1894 года на Агриппине Михайловне Угрюмовой. Бракосочетание он считал самым запоминающимся событием этих лет. Жениху было 27 лет, невесте — 17. Дружка-

ми жениха стали крестьянин деревни Захарцевой Ковровского уезда Владимирской губернии Василий Никитич Агарский и енисейский мещанин Иван Александрович Коновалов. Невесту поддержали красноярский мещанин Петр Павлович Дмитриев и енисейский мещанин Александр Коковкин[17].

Невеста Агриппина была из многодетной семьи енисейца Михаила Дмитриевича Угрюмова, скромного мещанского старосты, поэтому приданого за ней не было. Ее отец в 1895 году входил в строительный комитет по достройке второго этажа, скорее всего, уездного училища.

Жить они стали вместе с матерью, женщиной своенравной и сварливой. В год, когда появился первенец, молодой семье пришлось перебраться на второй этаж сдававшегося напротив Угрюмовых флигеля на Спасской улице (сегодня улица Тамарова)[18].

Первый ребенок родился в семье 2 февраля 1895 года, но Миндаровский нигде более не упоминает о нем. Информацию об Анне, так звали девочку, удалось отыскать в метрической книге Богоявленского собора за 1895 год[19]. Она, прожив пять месяцев, умрет 13 июля этого же года. Немного странно, что об этом скрупулезный краевед не сообщил будущим потомкам.

Дочь Хрисия родилась 27 января 1897-го, сын Владимир через полтора года — 10 июля 1898 года.

Таким образом, существуют две ветви семьи Миндаровских. Одна — по женской линии — через Дальний Восток и Китай приведет на Волгу и далее на берега Невы. Другая — по мужской линии — свернет на Кавказ и запутается в Сибири.

Хрисия (Кристина) Михайловна, выйдя в Благовещенске замуж, уехала с мужем Иннокентием Резниковым в Китай. По воспоминаниям Прасковьи Степановны, жены внука Михаила Прокопьевича, до 1965 года никаких вестей о ней не было. И только в 1965 году она приехала в Енисейск в гости. Сохранилось письмо тети Хрисии к племяннику Косте, его жене Пане (Прасковье) и их мальчикам. А в 1967 году она приехала во второй и последний раз уже с дочерью Инной и в том же году скончалась в Волгограде.

Инне Иннокентьевне Резниковой (1923 г. р.) было около 78 лет, когда в ноябре 2001 года она отправила из Санкт-Петербурга на адрес Енисейского краеведческого музея бандероль, содержавшую рукопись Миндаровского «Записки и воспоминания 1919–1935 годов» и его дневник «Мои заметки и наблюдения. 1936 г.».

---

17 Архив города Енисейска. Ф. Р-273. Оп. 1. Д. 214 (Метрическая книга Преображенской церкви за 1894 год). Л. 40.

18 «Былое и думы, или Моя автобиография» (ЕКМ ОФ10815).

19 Архив города Енисейска. Ф. Р-273. Оп. 1. Д. 223. Л. 4.

Христина Михайловна Миндаровская

Инна Иннокентьевна Резникова

Красноармейскую книжку иметь всегда при себе, не имеющих книжек — задерживать

1. Фамилия Миндаровский
2. Имя и отчество Константин Влад...
3. Звание и должность сержант командир отделения
4. Наименование части (учреждения) 973 ОБС
5. Наименование подразделения (батальон, рота) Т. КР. К/Г.
6. № личного знака ИК

Личная подпись владельца книжки Миндаров

Место для фотокарточки владельца книжки

Командир роты

„29" Августа 41 г.

(Место печати части)

2

I. Общие сведения

1. Номер военно-учётной специальности 48
2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или вуз, то указать его название) 7 кл.
3. Национальность Русский
4. Год рождения 1924
5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв 15.08.42
6. Каким военкоматом призван Снчетский
7. Специальность до призыва Слесарь

3

Более разнообразная информация содержится в фондах Енисейского музея о мужской линии Миндаровских.

Владимир Михайлович узаконил свои отношения с Евдокией Ивановной Скорняковой (1896 г. р.) спустя шесть лет после рождения первенца. Брак зарегистрировали в Енисейском ЗАГСе после возвращения отца с Дальнего Востока — 2 апреля 1928 года.

До войны и в первые военные годы работал в милиции, о чем свидетельствует фотография. Воевал на Дальнем Востоке (в феврале — декабре 1942 года был расквартирован в Чите), награжден медалью «За победу над Японией». Медаль была вручена в июне 1947 года.

После войны работал бухгалтером на хлебозаводе. Умер 9 августа 1951 года 53 лет от роду от тромбоза коронарных сосудов в Дудинке.

Евдокия Ивановна (25 лет) на момент рождения первенца была домохозяйкой, Владимир Михайлович (24 года) — делопроизводителем уездного военкомата. Дочь Мария Владимировна родилась 10 февраля 1923 года, о чем 12 февраля была сделана запись № 27/12 в отделе записей актов гражданского состояния при Енисейском уездном исполкоме.

1 июля 1941 года Мария получила аттестат об окончании средней школы № 1 города Енисейска. При отличном поведении она показывала посредственные знания (средний балл — 3,4) школьных предметов.

В марте 1942 года поступила в Красноярский счетно-финансовый техникум, где за полтора года изучила и сдала на отлично профильные предметы, включая военное дело, прекрасно защитила преддипломную практику, после чего ей была присвоена квалификация старшего бухгалтера промпредприятий. Диплом получила в Енисейске 29 сентября 1943 года.

В возрасте 31 года Мария вышла замуж за уроженца Петюхинского района Приморского края Михаила Федоровича Евстифеева. Брак был зарегистрирован в Енисейском ЗАГСе 2 апреля 1954 года, по стечению обстоятельств дата совпала с родительским бракосочетанием — с поправкой на 26 лет.

Если представить, что в фондах Енисейского музея находятся все сохранившиеся документальные свидетельства, то свою важную награду — почетную грамоту — Мария получит, работая бухгалтером на СИХАЛИ (Сихотэ-Алинский полиметаллический комбинат им. Молотова) в Дальнегорске Приморского края, где в 1950-е годы было открыто уникальное месторождение боросиликатных руд и построен горно-химический комбинат. Это произойдет через 16 лет после окончания техникума, в 1959 году.

Дочь Татьяна Михайловна Евстифеева (правнучка М. П. Миндаровского) вместе с матерью Марией Владимировной жила в Кабардино-Балкарии, в городе Прохладном, в доме № 40 на улице Добровольского.

Сын Константин родился в семье Владимира Михайловича в 1924 году.

Константин Владимирович (внук М. П. Миндаровского) до призыва в армию успел окончить семь классов школы. В 18 лет вступил в ряды РККА, о чем имеется запись в красноармейской книжке за 15 августа 1942 года. Воевал в звании старшины, был командиром отделения 973-го отдельного батальона связи 69-го стрелкового корпуса 50-й армии. Участвовал в освобождении северной части Польши. В марте 1945 года в возрасте 21 года за умелое руководство своими подчиненными и проявленное личное мужество и отвагу по обеспечению командования связью в бою награжден медалью «За отвагу». Награжден также благодарностями Сталина за завершение прорыва обороны противника в районе Мазурских озер в составе 2-го Белорусского фронта (1 июня — 30 августа 1944 года), а затем и за участие в овладении крепостью главного города Пруссии — Кенигсберга — во время Восточно-Померанской операции 1945 года в составе 3-го Белорусского фронта (23 и 27 февраля 1945 года).

После войны вернулся в родной город и женился на Прасковье Степановне Лопатиной (родилась в Стрелке Енисейского уезда в 1923 году).

В 1942 году в 19 лет Прасковья стала студенткой только что открытого в городе ремесленного училища № 7. Училище было создано в целях выполнения постановления исполкома крайсовета и бюро крайкома ВКП(б) № 170 об увеличении добычи рыбы в крае.

Спустя два года, 11 марта 1944 года, прошла испытание на должность штурмана речного озерного плавсостава II разряда. Аттестат с регистрационным номером 7 она получила через пять дней, став тем самым одной из первых выпускниц РУ № 7. Первую практику проходила на теплоходе «Чернышевский» на Оби. Затем была практика в техучастке и сплавной конторе. После окончания училища работала на «Сыме» старшиной, потом на «Ангаре» рулевым. В 1945 году перешла рулевым на пароход «Пионер», где капитаном был Андрей Макарович Бардыш (до 1947 года). Вышла замуж и воспитывала детей, работала продавцом в магазине № 7 Енисейского ОРСа ЕнУРПа.

У Константина и Прасковьи было трое детей: Валерий, Николай и Виктор (погиб очень рано).

Константин Владимирович работал в сплавной конторе, на пристани, плавал, выучившись на штурмана. Умер в 1966 году.

Прасковья Степановна была награждена знаком «Победитель социалистического соревнования 1973 года». В 1993 году ей была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

А через несколько лет она сдаст в музей документы свекра Владимира Михайловича, мужа Константина Владимировича и золовки Марии Влади-

мировны, а также рукопись М. П. Миндаровского «Былое и думы, или Моя автобиография».

Последнее письмо от сына Миндаровского — Владимира Михайловича — для Александра Игнатьевича Андреева было датировано 14 ноября 1937 года. Он пишет, что «папа скончался от склероза сердца 8.VI.1936 года». Проживал он на тот момент после продажи дома в собственном доме на улице Тамарова, 3. Работал в Енисейске.

Дом, который продаст Владимир, — скорее всего, это родовое гнездо Миндаровских на улице Бабкина, 12 (дом на месте сегодняшней аптеки № 20 напротив остановки «Автовокзал»). Интересно, что на карте 1932 года улица еще носит имя тасеевского партизана Бабкина, а уже в 1934 году будет переименована в улицу Горького.

Когда-то Михаил Прокопьевич Миндаровский напишет на своей рукописи слова: «Моя убедительная просьба к тем друзьям и знакомым, в руках которых после моей смерти окажется тетрадь моих записок и воспоминаний, всячески постараться сохранить их как исторический материал для будущего, когда наступит время для изучения той нашей эпохи, современником которой я был при жизни, и чем дальше это время наступит, тем ценнее эти записки окажутся для их обнародования».

Просьба автора оказалась выполнена, его воспоминания были сохранены. Наступил час для изучения той эпохи, современником которой был М. П. Миндаровский. Ценность его записок уже давно подтвердили исследователи. Но еще ни разу рукописи не были опубликованы, как того хотела внучка автора, прислав в Енисейский музей последние из его воспоминаний в конце ноября 2001 года.

М. П. Миндаровский

Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 год

Расхищение и, можно сказать, полное уничтожение в 1920 году архивов городских учреждений натолкнуло меня на мысль заняться составлением своих записок и воспоминаний с целью сохранить для будущих поколений хотя отрывки от многого из того, что прошло пред моими глазами за 30-летний период своего служения на поприще общественной деятельности.

Начало моих записок идет с 1891 года, т.[о] е.[сть] с года моего поступления в управу, но в 1921 году, при обыске и аресте меня, написанная тетрадь за первые четыре года была взята «для просмотра» и, разумеется, погибла, так что продолжение сих записок идет с 1895 года.

Записки свои я писал без предварительной обработки в том самом виде, как диктовала их моя мысль, и предназначаются они совсем не для издания, а как материал для истории города, место которому в книгохранилище местного музея имени Александра Игнатьевича Кытманова.

М. Миндаровский
Енисейск
1925 год

1895 год

По новому городовому положению[1], если один из состава гласных почему-либо выйдет, то заменяется одним из старших по количеству избирательных голосов кандидатом. Такой случай и выпал на долю гласного[2], избранного на должность тов.[арища] директора общественного банка, которая по тому новому закону и положению о банках несовместима с званием гласного. Вследствие этого обстоятельства потребовалось выбывшего гласного заменить ближайшим кандидатом, каковым являлся старый гласный и видный общественный деятель В. М. Харченко. О личности и деятельности Харченко в жизни гор.[ода] Енисейска я еще буду говорить впоследствии в своих записках, а здесь я только остановлюсь на том маленьком обстоятельстве, которое случилось с приглашением Харченко принять звание гласного и которое явилось особым вопросом в первом же очередном думском заседании 10 января.

Во время выборов гласных нового состава, происходивших в ноябре 1894 года, когда дошла очередь до кандидатуры Харченко, один из избирателей, именно Алекс.[андр] Петр.[ович] Кытманов, высказал на собрании мнение, что он со своей стороны находит неудобным подвергать Харченко баллотировке в гласные на том основании, что он в числе других заводчиков (Х-[арчен]ко — владелец винокуренного завода) привлекается Прав.[ительствующим] сенатом к ответственности за участие в стачке к повышению цен на вино. Хотя сделанное заявление и было как бы единоличным и отсутствовавший Харченко подвергнут был баллотировке (тогда не было принято за обычай спрашивать согласие баллотирующегося), однако сделанное заявление кой-кем, очевидно, было принято в соображение, хотя, быть может, и по чисто формальным побуждениям, и Харченко получил сравнительно незначительное количество голосов и по подсчету попал в кандидаты. И не что иное, как только это, послужило причиною к отказу Харченко принять предложение городской управы вступить в гласные, хотя он и отозвался «деловыми обстоятельствами». Хотя городская дума в своем постановлении 10 января и объясняла все это случайностью, отсутствием его во время выборов из города, которые «не уменьшают его достоинства как полезнейшего члена общества и не колеблют доверия к нему последнего», тем не менее это упрямство Харченко не сломило, и он остался

---

1 Над строкой вписано: «Изд. 1892 г.».

2 Здесь в строке оставлен пробел, но фамилия не вписана.

непреклонен в своем отказе, даже после того как городской голова и некоторые из тузов-гласных лично являлись к нему на квартиру и упрашивали взять свой отказ обратно. Здесь характернее всего то, что в эту депутацию вошел и Кытманов, агитировавший на выборах против Харченко, который, как потом передавали сами участвовавшие, хлопал Харченко по плечу, уговаривая не отказываться, на что последний сказал: «Отойди от меня, сатана», — и энергичным жестом руки отстранил от себя фамильярность своего предателя. Так на этом дело с приглашением Харченко и остановилось, и общественная работа его все 4-летие шла мимо думы и даже, как мы увидим далее, в разрез ей, что дозволяло его положение в роли почетного старшины общественного собрания и председателя попечит.[ельного] совета женской гимназии.

* * *

Каменное оштукатуренное здание бывшего уездного училища, в котором я получил свое скромное образование, еще в наше время признавалось недостаточным по размерам для размещения в нем 3-х классов с 120 учащимися, но, сколь возможно, год от года мирились с этим положением. Теперь директор мужской прогимназии [Петр Петрович] Гадзяцкий[3] обратил на это свое внимание, с ним согласился и педагогический совет училища, в результате чего в думе возникает вопрос о необходимости расширения здания путем пристройки или возведения над ним 2-го этажа из дерева. Директор прогимназии в своей бумаге по этому поводу, адресованной в думу, писал, что «теснота помещений и даже самого двора училища свидетельствует о полном невнимании общества к физическому развитию учащейся молодежи и совершенном пренебрежении самыми простыми требованиями гигиены».

Городская дума, признавая пользу, приносимую этим училищем городу, значительная часть обывателей которого обязана ему своим образованием, и принимая во внимание развивающуюся в городе потребность образования, постановлением своим 26 января решила открыть подписку на увеличение здания училища и обратиться к мещанскому обществу, которое бы также приняло свое участие в этом деле. Мещанское общество отозвалось сочувственно этому проекту, ассигновав денег 1000 руб., да подписка думы принесла близь того же. В результате сорганизована была строительная комиссия по надстройке деревянного верхнего этажа над штукатуренным зданием, выполнить которую на торгах взялся подрядчик Ник. Сергеев[ич] Харин за 2100 руб. В комиссию по подстройке вошли городской

[3] У Миндаровского — «Гадзятский».

1895 год

По новому городовому положению, если один из состава гласных почему либо выйдет, то замещается одним из стоящих по количеству избирательных голосов кандидатом. Такой случай и выпал на долю гласного избранного на должность тов. директора общественного банка, которая по тому новому закону и положению о банках не совместима с званием гласного. Вследствие этого обстоятельства потребовалось выбывшего гласного заменить ближайшим кандидатом, каковым явился старый гласный и видный общественный деятель Ф. М. Харченко. О личности и деятельности Харченко в жизни гор. Енисейска я еще буду говорить впоследствии в своих записках а здесь я только остановлюсь на том маленьком обстоятельстве, которое случилось с приглашением Харченко принять звание гласного и которое явилось [illegible] вопросом в первом же очередном думском заседании 10 ян.

Во время выборов гласных нового состава, происходивших в ноябре 1894 года, когда дошла очередь до кандидатуры Харченко, один из избирателей, именно Алекс. Петр. Кытманов высказал на собрании мнение, что он с своей стороны находит неудобным подвергать Харченко баллотировке в гласные на том основании, что он в числе других заводчиков (Х-ко владелец винокуренного завода) привлекается Прав. сенатом к ответственности за участие в стачке к повышению цен на вино. Хотя сделанное заявление и было

Страница из рукописи М. П. Миндаровского

голова С. В. Востротин, мещанский староста М. Д. Угрюмов, штатный смотритель училища Аргунов [Владимир Александрович] и гласный думы Соз.[онт] Вас.[ильевич] Телегин. Работа хотя и шла с некоторыми препятствиями, выражавшимися в уклонении Харина от выполнения договора и начерченного проекта постройки, однако за лето 1895 года была закончена, и здание на следующий год служило уже в расширенном виде, пока не потребовалось еще дальнейшее расширение помещения.

* * *

Под 1893 годом я уже касался вопроса о реформе внутреннего строя в Александровском доме призрения бедных детей, возбужденного гласным Н. В. Скорняковым. Недостатки воспитательной системы этого приюта признавал и теперешний городской голова С. В. Востротин, который при рассмотрении отчета приюта за 1894 год провел в думе мысль основать особую комиссию, которая бы основательно занялась выяснением и разработкой проекта необходимых преобразований. В заседании думы 6 февраля была выбрана комиссия, в которую вошли гласные: врач Алекс.[андр] Ал.[ексеевич] Станкеев, основатель и распорядитель музея Ал.[ександр] Игн.[атьевич] Кытманов и опытный в хозяйственных делах гласный строитель Созон[т] Вас.[ильевич] Телегин.

Комиссией этой составлен был довольно обширный доклад, в котором указан и план необходимых преобразований в хозяйственной и воспитательной части учреждения, главным образом решено было открыть при приюте школу с программой начальных приходских училищ с принятием в нее приходящих учеников. Учителем и воспитателем учащихся воспитанников назначить лицо со специальным учительским стажем преимущественно из окончивших учительскую семинарию. Все это было одобрено думою в заседании, и с осени этого года школа была открыта под названием «IV приходское училище для мальчиков». Учителем и воспитателем назначен окончивший учительскую семинарию Владимир Павлович Тыжнов, которому под квартиру отведена была одна из комнат приютской усадьбы. Интересующихся подробностями работ комиссии и школьной постановки отсылаю к управскому делу № 18 за 1895 год.

Но «на солнце даже бывают пятна», как говорит русская пословица, почему же не иметь их каждому смертному из нас, хотя бы и школьному воспитателю, подверженному общечеловеческим слабостям. Так и случилось. Молодой человек не мог устоять против соблазна, явившегося в лице кухарки приюта, и тем самым подал своим поведением дурной пример воспитанникам, среди которых были и великовозрастные юноши, и обратил внимание начальствующих учреждения. К счастью, скорое вступление на-

ставника в брачный союз с прибывшей из Красноярска невестой положило конец нелестным отзывам «праздноболтающих» языков.

* * *

В этом же думском заседании 6 февраля городской голова С. В. Востротин поднимает вопрос в ознаменование дня бракосочетания государя императора Николая II учредить здесь народные чтения с отпуском на расходы на их организацию незначительной суммы. Дело в том, что мысль о расширении плана внешкольного народного образования в г. Енисейске уже бродила в головах прогрессивного меньшинства гласных новой городской думы, вопрос только в том, как этот, по тому времени весьма щекотливый и опасный, проект протащить через думу. С одной стороны — консервативное большинство гласных, скептически относящихся ко всяким модным начинаниям, с другой — подозрительный взор губернского начальства, видевшего в подобных ходатайствах общественных представителей одну лишь крамолу, заставлял подходить к подобным вопросам с большею осторожностью, и вот бракосочетание царя представляло собою благоприятный случай для возбуждения такого ходатайства от имени думы. И городская дума без особой оппозиции этому, кроме одного гласного, высказавшегося против, решила возбудить об этом ходатайство, обещав отпустить на это единовременно 300 руб. и ежегодно по 50 руб., внося их в городские сметы, и царь Николай, по докладу ему об этом, всемилостивейше приказал за это внимание благодарить городскую думу. Вопрос оставался только за, так сказ.[ать], технической стороной дела и разрешением местной администрации, с которой после этого и началась переписка и соглашения. Первым долгом губернатор потребовал подробно объяснить ему, кто именно и под чьим наблюдением и ответственностью будет устраивать народные чтения.

Пришлось ответить, что ведение народных чтений предполагается передать местному Обществу попечения о начальном образовании, в ответственный состав которого, согласно уставу, входят директор гимназии, штатный смотритель уездного училища, городской благочинный и городской голова; лица, как видите, все ответственные на своих постах. Все это пошло на заключение главного инспектора училищ и генерал-губернатора. Затем потребовалось представить программу чтений, т.[о] е.[сть] будут ли читаться публике печатные произведения, одобренные правительственными учреждениями, или статьи и сочинения по усмотрению самих лекторов. Наконец, понадобилось представить список лиц, желающих участвовать в чтениях, так что окончательно вопрос о чтениях вырешился только в конце 1897 года. В разрешении открыть и вести такие публичные чтения принимали участие министры народного просвещения, внутренних

дел и даже обер-прокурор Святейшего синода. Вот какое страшное дело затеяла городская дума. Ну не справедлива ли русская пословица «Жалует царь, да не жалует псарь», вполне оправдавшаяся в данном случае? Открытие чтений сопровождалось молебствием в зале городской думы и приветственным словом, произнесенным секретарем управы К.[онстантином] А.[лексеевичем] Станкеевым.

Народные чтения происходили по воскресным или другим праздничным дням в народной читальне имени А. С. Баландина и демонстрировались волшебным фонарем. Продолжались они все время существования Общества попечения о начальном образовании, т.[о есть] до октября 1908 года, когда последовало закрытие последнего по распоряжению Ирк.[утского] ген.[ерал-]губерн.[атора] Селиванова. Публика охотно посещала эти чтения. Иногда на чтениях происходило и пение какого-либо духовного хора или просто любителей пения. Справедливость требует сказать, что существование народных чтений много содействовало развитию и просвещению темной народной среды, в большинстве рабочего класса, от которого даже приходилось слышать слова благодарности по адресу устроителей. В имеющихся печатных отчетах общества можно найти и перечни статей, которые были прочитаны лекторами на этих чтениях. Так покойное общество потихоньку да помаленьку сеяло добрые семена на народную ниву, пока не погибло от руки царского деспота.

* * *

27 января 1895 года последовало Высочайшее повеление о восстановлении капиталов по утраченным или погибшим у владельцев государственным процентным бумагам. А так как у города погибло таких бумаг в пожаре 1869 г. на 18 000 руб., которые составляли часть основного капитала общественного банка, основанного в 1863 году, и, несмотря на неоднократные ходатайства старых городских дум, восстановлены так и не были, то в данном случае, пользуясь изданным законом, городская дума в заседании 20 марта постановила снова поднять ходатайство о восстановлении этих капиталов банка, заключавшихся частью в выигрышных билетах выпусков 1864 и 1866 гг., частью в билетах государственного казначейства. Чтобы ускорить дело, городской голова С. В. Востротин лично поехал хлопотать в С[анкт-]Петербург и благодаря этому быстро добился удовлетворения. Под выданное думою обязательство в том, что если бы где-нибудь серии и №№ билетов, заявленных как сгоревшие, оказались предъявленными банкам к уплате, то город ответствует в убытках казны всем своим достоянием.

Разумеется, опасаться за то, что билеты воскреснут из пепла, не приходилось, и вот городу возмещены были все погибшие в пожар капиталы

ЕНИСЕЙСКЪ
1895 г.

Съ дозволенія начальства,

ВЪ ЗДАНІИ ПРОГИМНАЗІИ,

ВЪ СЛѢДУЮЩІЕ ЧЕТЫРЕ ВОСКРЕСНЫХЪ ДНЯ, ИМѢЮТЪ БЫТЬ

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ И ЧТЕНІЯ СЪ ТУМАННЫМИ КАРТИНАМИ.

ПОРЯДОКЪ ЧТЕНІЯ.

26 Февраля о статическомъ электричествѣ.
5 Марта о динамическомъ электричествѣ.
12 Марта объ устройствѣ желѣзной дороги.
19 Марта о солнечной системѣ.

НАЧАЛО ЧТЕНІЙ ВЪ 7 Ч. ПОПОЛУДНИ.

ВХОДЪ НА ЧТЕНІЯ БЕЗПЛАТНЫЙ.

Пожертвованія на музыку принимаются съ благотворительностью и опускаются самими жертвователями въ кружку.

ВХОДЪ ГИМНАЗИСТКАМЪ РАЗРѢШАЕТСЯ.

Начальница гимназіи С. Померанцева.

ВХОДЪ ГИМНАЗИСТАМЪ РАЗРѢШАЕТСЯ.

Директоръ П. Гадзяцкій.

Печ. разрѣш. 23 Февраля 1895 г. Окр. Испр. Поповъ.
Енисейскъ. Тип. С. Н. Штеблера

в сумме 9192 р. 50 коп., два выигрыша по 500 р. и проценты за 2-е пятнадцатилетие в сумме 9065 р. 47 к., всего 19 257 р. 97 коп., да кроме того за городом оставлено право на получение по 47 билетам, не вышедшим в тираж погашения 1-го займа, и по 27 билетам 2-го займа, остающимся в госуд.[арственном] банке на хранении, тиражей или выигрышей по ним с 3-го 15-летия. Так спустя 36 лет город неожиданно вернул себе пропащие капиталы, в свое время уже списанные на убыток.

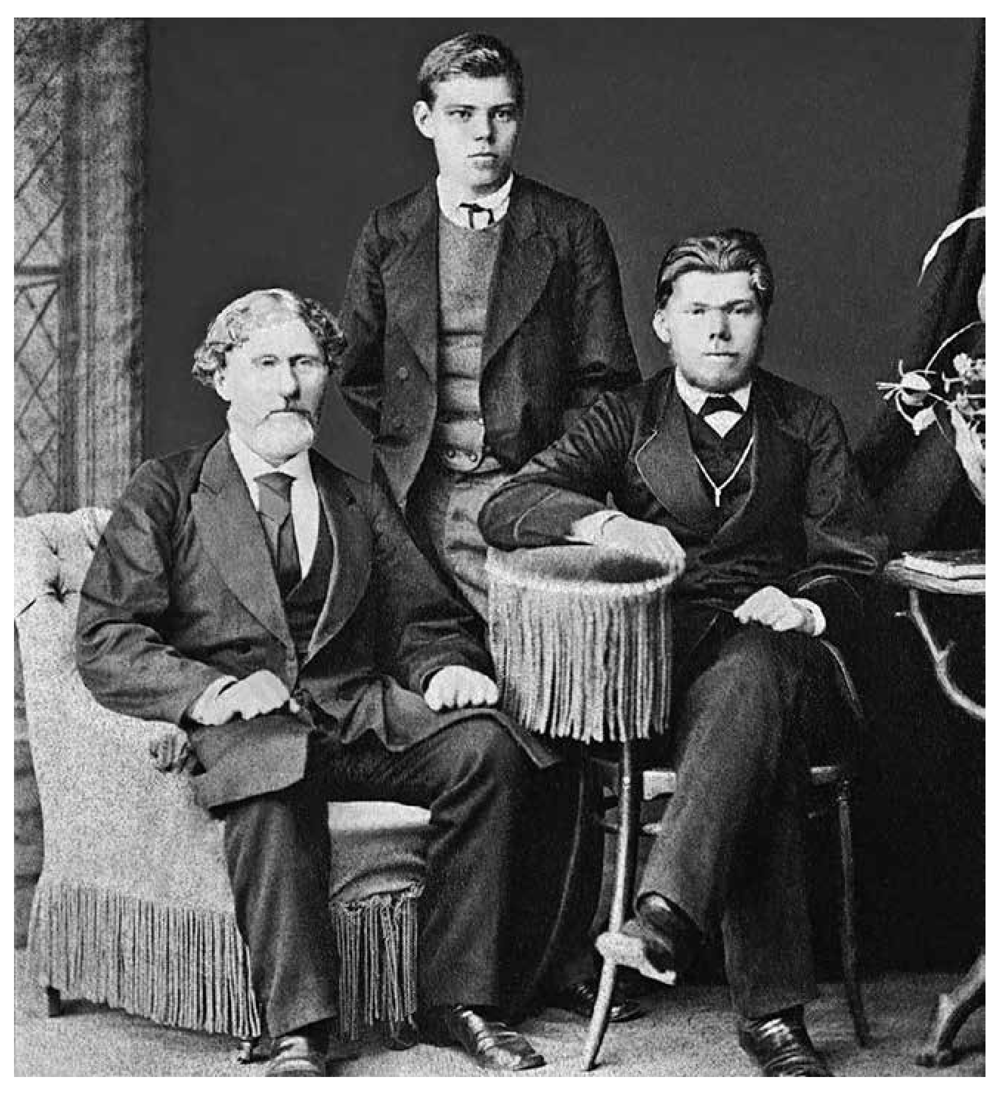
Справедливость требует отметить энергию городского головы, лично отправившегося хлопотать по этому делу, а если бы по обыкновению, как привыкли делать наши отцы города, ходатайство пошло обычным путем, в порядке 102 ст.[атьи] Город.[ового] пол.[ожения], то с уверенностью можно сказать, ничего бы из этого не вышло или в лучшем случае прошли бы целые годы в бумагомарании, пока дума добилась бы осуществления дарованных прав. Получением этих денег город немного поправил свое затруднительное финансовое состояние и поддержал существование общеполезных учреждений. 15% с полученной суммы были переданы, согласно уставу, для причисления к основному и запасному капиталам банка.

* * *

В марте месяце[4] город понес великую утрату. 20-го числа марта скончался старейший член общества, полезный общественный деятель и благотворитель Игнатий Петрович Кытманов. Покойный родился в 1820 году в крестьянской семье с. Анциферовского Енис.[ейского] уезда, и природное ли дарование или добрые семена окружающей среды сделали из него впоследствии всесторонне развитого и дельного работника-предпринимателя, составившего миллионное состояние на золотопромышленном деле. Покойный как-то раз в моем присутствии, вспоминая свое детство в отцовской семье, упомянул имя декабриста Якубович[а], как известно, сосланного в северный край Енисейской губ.[ернии], который, бывая в доме отца Кытманова, занимавшегося извозом, часто вел беседу с ребятами и даже, кажется, помогал их школьному обучению.

Касаясь этого периода, Игн.[атий] Петр.[ович] с особенным уважением и даже гордостью заметил, что «от этой личности я много впитал в себя хорошего». И вполне возможно, что многим из того, что Кытмановым было сделано полезного для края и для города, мы обязаны влиянию на него Якубовича. Разумеется, это только мое предположение, но что вся прошедшая деятельность Игн.[атия] Петр.[овича] в области народного образования или

[4] В машинописной версии здесь поверх строки подписано шариковой ручкой: «1895 г.». В рукописном оригинале указание на год отсутствует.

Династия купцов Кытмановых. Слева направо: Игнатий Петрович Кытманов, племянник И. П. Кытманова Евгений Михайлович Кытманов, Александр Игнатьевич Кытманов, 1876 г. Из фондов ЕКМ.

общественной филантропии могла бы быть только под силу человеку высокообразованному, а не малограмотному крестьянину, каким был покойный, с этим вряд ли можно кому-либо спорить.

Захватив хорошие годы золотопромышленности и занимаясь ею всю почти жизнь, он одной рукой приумножал свое состояние, другою делал добро людям и обществу.

Найдутся, разумеется, люди, да они и были в действительности среди его современников, которые не в таком розовом свете, как я, представля-

ли Кытманова как общественного деятеля, и я не собираюсь опровергать их в этом, я только пишу о Кытманове свое личное впечатление, какое он оставил во мне всею своею деятельностью на пользу города, и скажу: с десяток бы таких Кытмановых, и Енисейск был бы неузнаваем. Но в том-то и суть, что заметных богатых людей Енисейск видел у себя сотни, но таких энергичных полезных людей для края я знаю единицы. Пусть мне ответят положительно, имел ли бы город у себя такое прекрасное здание мужской гимназии, если бы не взялся за это дело Игнат.[ий] Петр.[ович] К-[ытмано]в? Да и вообще-то существовала ли бы у нас прогимназия, открытая в 1876 г., если бы не усиленные хлопоты К-[ытманов]а? Возможно и даже наверное, гимназию мы завели бы, но только четвертью века попозже. Я не буду здесь в подробности перечислять всех заслуг покойного, потому что над этим, насколько мне известно, трудятся другие — имеющие под руками материалы. Я только скажу, что Кытманову помимо гимназии обязаны своим существованием: Александровский дом призрения бедных детей (усадьба по Спасской улице), начало пароходства на р. Енисее, реставрация Преображенской церкви, а в частности отделка верхнего придела во имя Вознесения Христова, о вкладах и многочисленных пожертвованиях я уже не говорю, о том, что сделано им на родине в селе Анциферовском, распространяться тоже не буду. Я мало знаю личные, т.[ак] ск.[азать], душевные, индивидуальные качества покойного, и каких взглядов он держался в вопросах политического значения, тоже не скажу, но что он близок был к народу, к тому мужику, от которого произошел сам, — это неоспоримая истина. Мне, напр.[имер], по службе в казначействе известен тот факт, как он неоднократно выручал своих земляков, анциферовских крестьян, внося в казну за них подати целыми тысячами. Может быть, тут руководил им какой-нибудь коммерческий расчет — этого я не знаю, но что благодаря Кытманову не один десяток неисправных плательщиков спасли этим своих коров от описи и продажи за подати — это факт. Я знаю, как Игн.[атий] Петр.[ович] умел подметить в одном юноше Кореневе природный дар к рисованию, он тотчас же принял в нем участие, выучил его и отправил совершенствовать свое художественное образование в столицу, откуда он потом и вышел со званием свободного художника.

К сожалению, только преждевременная смерть не дала развернуться молодой силе. Только художественная копия с известной картины В. И. Сурикова «Бегство самозванца», написанная Кореневым в подарок своему меценату, является свидетелем погибшего таланта.

Как сейчас помню я Игн.[атия] Петр.[овича], этого «старичка с тургеневской физиономией», как очень удачно обрисовал его Елпатьевский

Пожарная каланча, мужская гимназия и городская дума. Из фондов КККМ.

в своих «Очерках Сибири»[5]. В особенности часто видеть его приходилось в бульварной беседке, куда он почти ежедневно вечером в летние дни приезжал посидеть на часок, с тем чтобы отсюда направиться в собрание сыграть в картишки по маленькой, чем всегда обыкновенно и заканчивался его деловой день. Являясь в садовую беседку, где вкруг его сейчас же собиралась публика, он вынимал свою серебряную табакерку и, изрядно зарядив свой вместительный нос, принимался знакомить собравшихся с политическими новостями, читая им вслух доставленные с аппарата телеграммы Северного рос.[сийского] телеграфного агентства за этот день. В Енисейске в то время, кажется, он один располагал этими новостями, платя за них что-то около 1000 руб. ежегодно. Печатных бюллетеней (хотя и была уже типография) тогда не выходило, и он один являлся информатором в городе, летом на бульваре — для простых обывателей, а в стенах собрания — для интеллигенции.

В жизни мне не приходилось видеть в своем Енисейске таких похорон, какие выпали на долю Кытманова. Как сейчас помню эту поистине колоссальную траурную процессию в ясный весенний день. За гробом кроме родных и всего духовенства города тянулись фургоны с регалиями покойно-

---

[5] См.: «Только при виде высокого старика с седою, тургеневского типа, головой, в глазах Мещеринова снова появляется льстивое, ластящееся выражение и губы складываются в любезную улыбку» (Елпатьевский С. Я. Маскарад в Тайгинске // Елпатьевский С. Я. Очерки Сибири / 2-е изд. М.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1897. С. 83).

го, затем три или четыре колесницы с венками, а затем уже трехтысячная масса горожан замыкала печальное шествие. Литии по пути около гор.[одской] управы, мужск.[ой] гимназии, у театра-собрания, у Александровского приюта, у домов покойного, и всё речи и речи, вплоть до могилы на Севастьяновском кладбище. Достойно и с честью проводили енисейцы редкого филантропа и обществ.[енного] деятеля.

* * *

Старшины Енисейского общественного собрания делали две попытки обращения к городской думе, прося ее уступить им участок земли по набережной от углового дома Кытмановых до усадеб Матониных, длиною 40 саж.[еней], а шириною 5 саж.[еней], для постройки на нем деревянного здания для летнего собрания, но все время условия пользования с обеих сторон оказывались неприемлемыми. И в этом году в думе 15 мая был поставлен по заявлению старшины Вицина вопрос о собрании, и дума условно отдала место с тем условием, «чтобы на протяжении всего бульвара был свободный проход для публики и обруб бульвара на протяжении всего занятого собранием участка поддерживать в исправности с разрешением устроить арку через взвоз для соединения с общественным бульваром». Здесь представление свободного прохода для публики через собранские строения и двор оказались неприемлемыми для собрания, и вопрос снова остался висеть в воздухе. В думе при обсуждении его происходили между гласными крупные разногласия: одна часть с общественным темпераментом настаивала на отдаче собранию участка на условиях, какие оно предлагает (на 10 лет с платою по 50 р. ежегодно и с поддержкой набережной, но без всяких оговорок). Другие, старички-консерваторы, стоящие в стороне от собранской веселой жизни, шли напротив, говорили, что тут лучше построить амбары для склада хлеба и т. п. Т.[ак] что при голосовании этого вопроса шарами выходило большинство, преодоляющее[6] ту или другую сторону каким-нибудь одним-двумя голосами. Между тем, если встать на нейтральную почву, то можно бы сказать, что занятие просимой местности, кроме пользы и удовольствия для широкой публики, никакого вреда или ущерба не принесло бы, ходить она могла по панели возле здания, как показано было на чертеже здания. Само здание с открытой верандой для посетителей и музыкантов представляло бы очень красивый вид с набережной. Правда, существование тут летнего помещения с бильярдом и танцевальным залом было бы соблазном для многих слабовольных горожан и тятенькиных сынков и дочек, карманы и чистоту души которых так ревни-

[6] У Миндаровского — «переодоляющую».

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ИМѢЮ ЧЕСТЬ ДОВЕСТИ ДО СВѢДѢНІЯ Гг. ЖИТЕЛЕЙ Г. ЕНИСЕЙСКА, ЧТО ПО СЛУЧАЮ МОЕГО ОТЪѢЗДА, ВЪ МАГАЗИНѢ МОЕМЪ, НА БОЛЬШОЙ УЛИЦѢ Д. ХАРЧЕНКО,

ИМѢЕТЪ БЫТЬ

РАЗНАГО ТОВАРА ДО 1го ФЕВРАЛЯ С. Г.

А ИМЕННО:

Шали суконныя, 12 чет. 3 р. 50 к. и 4 р. 50

Платки пуховыя, от 1 р. 50 к.

„ гарусныя, разныхъ цѣнъ.

„ носовыя за дюж., 1 р. 50 коп. до 2 р. 25 коп.

Кашемиръ двойной ширины, 45 к. арш.

Трико разныхъ рисунковъ хорошей доброты, 1 р. 70 коп.

Одѣяла тканьевыя, 2 р. 30 коп.

Скатерти 10 четвер., 90 к. до 3 руб.

Салфетки столовыя, 3 р. дюжина.

Полотно кусокъ 6 р., 7 р. 50 к. и 9 р.

„ сѣрое, разныхъ цѣнъ.

Ярославская шерстинка, 28 к. арш.

Холстъ полотен. 15 к. арш.

Платье мужское: Пинжачные пары, 16 руб. 50 коп.

Дипломаты, 14 руб.

Брюки отъ 4 р. 50 коп.

Дамскія дипломаты, отъ 20 руб.

Обувь дамская: Ботинки габмурскія, 3 руб.

Баретки, отъ 3 руб.

Мѣха ангурскія, отъ 8 до 12 руб.

Кружева машинныя, отъ 10 до 20 к. за аршинъ.

Парфюмерный и галантерейный товаръ.

Большой выборъ золотыхъ и серебрянныхъ вещей.

Часы серебрянные, отъ 15 руб.

Шарифзанъ ШУРУПКОВЪ.

Печ. разр. 13 Января 1892 г. Пом. Испр. Гомолицкій. Г. Енис. Тип. С. Н. Штеблера.

во отражали думцы — приверженцы домостроевского уклада, но нельзя же личные интересы одних, и притом немногих, ставить выше желания большинства, по преимуществу молодежи, не принадлежащей к составу думы. Но вот в том-то и беда, что отцы города привыкли общественные дела решать лишь с точки зрения собственной колокольни.

Так, сколько ни побились, вопрос с постройкой собрания так и был заброшен, вызвав только никому не нужное обострение между общественными деятелями, сказавшееся не далее как в следующем году.

* * *

Тот примитивный взгляд на городское хозяйство и привычка вести его на глазомер, по соображению, которые усвоены были и переходили по наследству от одной думы до другой, ее заменившей, весьма естественно, показались по меньшей мере странными для свежего, да еще культурного человека. И неудивительно, что в составе новой думы по мере ознакомления с делами города нашлись такие гласные, которые более сложные технические вопросы, касающиеся благоустройства города, стали рассматривать с точки зрения науки и техники и в этом направлении стали входить в думу со своими докладами и предложениями. Один[7] из таких докладов был представлен городскому голове гласным А. И. Кытмановым еще в феврале месяце этого года. В этом докладе указывались многие хозяйственные стороны городского благоустройства, подойти к осуществлению которых он полагал бы не иначе как при посредстве специалистов. Так, наприм.[ер], он, обращая внимание на окружающие Енисейск болота и стоячую по некоторым местам воду, находил необходимым устранить это не иначе как по учинении предварительной нивелировки и канализации, которые бы указали, как надо действовать при производстве осушительных и канавоотводных работ, если бы город, согласившись с его предложением, вздумал заняться этим. Того же самого А. И. К-[ытмано]в рекомендовал придерживаться при высорке[8] улиц, площадей и при устройстве тротуаров. Везде нужна одна строго определенная система и точно выработанный план. Но молодой гласный упускал из виду то соображение, что городская управа не имеет у себя на службе специалистов-техников ни по землемерной, ни по строительной или дорожной частям, а без них вести намечаемый им образцовый план хозяйства нельзя. Правда, в своем докладе он говорит о возможности воспользоваться знанием и трудом техников, служащих в конторе Черноцова (начальника Ангарской изыскательной экспедиции),

[7] У Миндаровского — «одним».
[8] Так в тексте. Вероятно, следует читать «вымерке».

но ведь и их труд пришлось бы оплатить, а вот этого-то в видах экономии всегда и избегали старые гласные, предпочитая действовать на основании своей практической сметки. Так рылись канавы, строились дома и отводились новые пустые места под застройку, в результате чего оказались, в особенности по окраинам, весьма важные нарушения от селитебного плана 1870 года, устранить которые иначе как сносом построек нельзя. Когда мы осенью этого года с одним молодым студентом-технологом по поручению городского головы производили промерку кварталов и улиц, заселенных после 1870 года, и делали астролябическую съемку застроенных усадеб, то нашли такую массу нарушений, в особенности в южной части города, за линией Барабинской улицы, что чем восстановлять неправильности застройки, удобнее пересоставить самый план города в этой части, а сейчас остановить тот порядок отвода селитебных мест под застройку, какой издавна вошел в обычай. А обычай этот заключался в том, что отвод земли под застройку управа поручила хозяйственному члену, который не имел ровно никакого понятия о землемерных познаниях и отвод производил на пустырях только при помощи землемерной цепи, а то и просто одной сажени.

Городская дума, которой докладывался мой рапорт об обнаруженных неправильностях, постановлением своим 27 сентября поручила той же управе снестись с губернскими землемерами и горным отводчиком, проживавшим тогда в Енисейске, по вопросу о размежевании и распланировании городских участков земли, и на этом дело застряло, не подвинувшись по сие время. И выходит, что «суждены нам благие порывы, да свершить ничего не дано»[9]. Как подойдет дело до денег, так и стоп машина. С тех пор как об этом писалось и говорилось в думе, прошло до сегодняшнего дня, когда я пишу эти с[т]роки, еще четверть века, а «воз и поныне там». В болоте тонем, а по улицам ныряем, по переходам и тротуарам во многих местах ломаем шеи.

* * *

В заседании городской думы 4 октября, созванном вне очереди, обсуждался весьма важный вопрос о повышавшихся ценах на хлеб и о мерах к обеспечению жителей продовольствием.

Должен отметить, что т.[ак] назыв.[аемый] хлебный вопрос всегда имел для Енисейска существенное значение и обсуждался на общественных собраниях с некоторою нервозностью. В особенности он остро стоял в прежние годы, до проведения Сибирской железной дороги, когда Енисейский

---

[9] Миндаровский неточно цитирует строки стихотворения «Рыцарь на час» Н. А. Некрасова.

уезд хлеба производил мало и юг губернии, т.[о] е.[сть] Минусинский и часть Красноярского уезда, являлись для него исключительными кормильцами. Летний сплав хлеба на плотах и барках определял цены и обеспечивал город на 8-месячное зимнее существование. В заботах об обеспечении недостаточного населения хлебом местные общественные организации, каковыми являлись городская и мещанская управы, всегда подвергались бомбардировке со стороны обывателей, при малейшем даже колебании цен в сторону повышения. Если бы вы взглянули в старые дела этих учреждений, то поразились бы той грудою бумаги, какая тратилась на писание приговоров и постановлений по мучному делу.

Как мещанское общество, так и городская дума имели в своем распоряжении специальные продовольственные капиталы, на которые в урожайные годы запасался хлеб и лежал в запасных магазинах на случай недорода хлеба в верховьях, всегда чутко отражавшегося на хлебном рынке в г. Енисейске. Хлопот с этим хлебом было немало. Периодически его приходилось обновлять, иногда он попадался в покупке сыромолотный и горел на складе, тогда его пересыпали или обменивали на хлеб, предназначаемый к вывозу на прииска для продовольствия. Случись недостаток запаса хлеба в магазинах, а в это время пошла цена на повышение, тогда беда и городскому голове, и мещанскому старосте. «Где были, что смотрели?» — вопят повсюду обыватели. А скачки в хлебных ценах зимою действительно бывали страшные: в 100–200 и даже доходили до 500% против летнего времени. Я помню следующий факт, не припомню только, в котором году это было. В Минусинском, частию Красноярском и Ачинском, в Бийском и Кузнецком округах был обильный урожай, цены благодаря отсутствию вывоза пали до четвертака. Тогда местный заводчик Харченко, о котором я недавно упоминал, в компании с золотопромышленником Востротиным закупают для себя громадную партию хлеба из этих районов.

Хлеб везут зимою по Староачинскому тракту, а затем летом на пароходах до села Бирлюс[10] и им заполняют амбары Енисейска. На следующий год кобылка губит минусинские всходы. Цены крепнут, и зимой следующего года пуд хлеба у енисейских мучных торговцев достигает до 1 р. 50 [к.] — 1 р. 80 к. за пуд. Тогда покойный Харченко ежедневно отправляет к городским весам по 100 пудов и продает его беднейшим жителям по пудику за целковый, чем всю зиму и регулирует рыночные цены местных хлеботорговцев. «Благодетель наш! Отец наш родной!» — прославляли тогда появление Харченко на улице енисейские обыватели. А ведь он и наживал-то всего каких-нибудь 70–80% на бийском или кузнецком хлебе, обошедшемся

[10] Село Бирилюсское Большеулуйской волости Ачинского уезда.

Г. ЕНИСЕЙСКЪ.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА,

честь имѣю извѣстить здѣшнюю публику, что

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ

ОСТАЕТСЯ НА САМОЕ КОРОТКОЕ ВРЕМЯ:

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 НОЯБРЯ,

БУДЕТЪ ОТКРЫТЪ

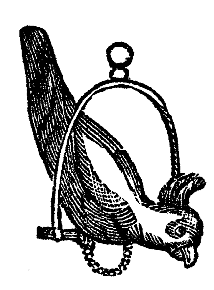
ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

ЦѢНА ЗА ВХОДЪ ВЪ МУЗЕЙ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

МУЗЕЙ И ПАНОРАМА ОТКРЫТЫ

ЕЖЕДНЕВНО СЪ 12 ЧАСОВЪ ДНЯ ДО 11 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Прошу почтеннѣйшую публику не оставить своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ, въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Енисейскѣ.

Содержатель БОРОВКОВЪ.

Печ. разр. 2 Ноября 1894 г. Окр. Испр. Поповъ. Енисейскъ. Типографія С. Н. Штеблера.

ему сплавом прошлого года в полтинник или много 60 коп. Так умели люди и невинность соблюсти, и капитал приобрести.

Так было до проведения железной дороги, с проведением же последней экономические взаимоотношения Сибири и нашего края хотя и стали видоизменяться, но привычный план хлеботорговли все еще продолжал господствовать, постепенно уступая напору идущей цивилизации. Явление с повышением хлебных цен осенью этого года — еще отклики старых отходящих традиций. На этот раз по совершенно малопонятной причине цена пошла в гору, в то время как запасы хлеба в городе были вполне достаточны и покупался хлеб весною по 35–40 к. за пуд, а к октябрю поднялся он до 75–80 коп. Урожай в Минусинском крае был не ниже среднего, откуда же в таком случае повышение? А причина ясна — отсутствие запасов хлеба у самого города и сравнительно незначительный приплав его летом. И вот, чтобы остановить дальнейшее повышение цен, дума решает купить из запасов золотопромышленников и хлеботорговцев, имеющих хлеб на складе, до 25 тыс. пудов «по цене не выше 60 коп., каковой и продавать беднейшим жителям с надбавкой к покупной цене 2 коп. расходов по продаже и перевозке».

* * *

Другим, не менее важным злом на фоне общественной жизни города были хронические периоды краж, пожаров и грабежей. И начало осени этого года особенно обильно было кражами и грабежами, которые заставили даже городское управление созвать экстренное собрание думы, чтобы на нем в присутствии и с участием исправника обсудить меры, какие необходимо предпринять к их уничтожению. Тот эпидемический характер совершаемых преступлений, какой приходилось наблюдать, живя постоянно в городе, можно объяснить многими явлениями. Слабостью надзора со стороны чинов полиции, обилием безработного люда, появлением какого-нибудь организатора шайки, вокруг которого собирается разный темный элемент с преступными наклонностями. Летом этого года сюда был значительный сплав по Ангаре иркутских чаев на паузках, и все рабочие, рассчитанные здесь, остались в городе, усилив собою кадр безработных людей. Во всяком случае, уловить истинную причину развившихся краж довольно трудно. Не нашли ее и гласные, беседовавшие с начальником полиции на заседании думы 11 сентября. А что, беседа была на этом собрании самая задушевная. Например, г.[осподин] исправник упрекает общество за то, что пострадавший от кражи обыватель не всегда сообщает полиции и та зачастую не знает, где была кража. На это один из гласных, барахольщик-торговец Борисов, отвечает: «Что же пойду в полицию заявлять, что у меня подломили подвал, когда вперед знаю, что ничего не най-

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ИЗВѢЩАЮ Г. Г. ЧЛЕНОВЪ ЕНИСЕЙСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО СОБРАНІЯ, ЧТО МАСКАРАДЪ, НАЗНАЧЕННЫЙ ПЕРВАГО МАРТА, ОТМѢНЯЕТСЯ.

ФЕВРАЛЯ 26-го ДНЯ 1891 ГОДА.

Дежурный старшина С. Востротинъ.

Печ. разрѣш. 26 Февраля 1891 г. Испр. Щегловъ.
Г. Енисейскъ. Тип. С. П. Штеблера.

дут, а я только зря потеряю день, который мне дорог». Много, разумеется, зависит от энергии и распорядительности самой полиции, т.[ак] как преступники, совершающие злое дело, знают, с кем они будут иметь дело в случае его обнаружения. И в этом отношении серьезное значение имеет личность полицейского пристава. Приходилось наблюдать усиленность преступлений в то время, когда в должность полицейского пристава вступило новое лицо. Это значит, пробуют, что это за птица. Тогда как обслужившемуся на месте чиновнику, который уже лично знает обитаемую в городе шпану, а та его знает, легче вести розыски, и, разумеется, успешнее ему обнаруживать краденое, если только сам он порядочный человек. Совсем другое дело, если невысока нравственная сторона пристава и недалек на своем посту исправник, тогда купцу и середняку-торговцу, да и вообще зажиточному обывателю крышка. Измотают совсем, и концов не сведешь. Вся эта система, закаленная духом нашего законодательства, до того стала обычным явлением в жизни города, что обыватель заранее свыкся с нею, и только исключительные, более дерзкие по форме и чувствительные для кармана преступления заставляют его волноваться, принимать меры, кричать «караул» и апеллировать к своей городской думе, чтобы та приняла какие-либо меры, хотя бы и паллиативные. К таким паллиативным свелось и поста-

новление думы 11 сентября, как то: к усилению надзора со стороны полиции в ночное время и за исправностью ночных караулов, к найму в помощь полиции двух верховых объездчиков и к бдительному надзору самого населения за разными подозрительными лицами без определенных занятий. И действительно, иных мер, которые бы не выходили из рамок действующего городового положения, городской думе и не предоставлено.

* * *

Осенью с экспедицией судов, ожидаемых прибыть через Северный Ледовитый океан, должен был прибыть известный мореплаватель и исследователь Карского моря капитан Виггинс, и это прибытие его совпадает с 20-летним путешествием его через льды Карского моря.

Ввиду особых заслуг Виггинса, оказанных делу развития Северного морского пути, в котором так близко заинтересована наша Сибирь, а в частности Енисейск, группа гласных по инициативе городского головы, тоже большого поборника открытия торгового движения через Карское море, вошла в городскую думу с предложением отметить заслуги Виггинса хотя бы поднесением адреса и устройством общественного обеда.

Городская дума, принципиально ничего не имея против оказания Виггинсу особых знаков внимания местного общества, в форме ли обеда или поднесения адреса, не могла только согласиться с коллегами в смысле придания почтенному мореплавателю тех особых преимуществ, какие присваиваются историей выдающимся героям или исследователям. На этой почве между гласными из интеллигенции произошел раскол, к одной половине которых, стоящей в оппозиции автору представления, присоединились и наши толстосумы, очень щедрые на раболепные адреса высочайшим особам, но обыкновенно скупые на выражения признания ученым, писателям или исследователям. Получилась своего рода разноголосица в хоре между собравшим[и]ся петь один общий концерт.

Началось с того, что первый подписывающий думское постановление о поднесении адреса (проект адреса в постановление включен не был) гласный Баландин сделал оговорку, что он, «вполне признавая важность заслуг капитана Виггинса, не может согласиться на поднесение ему адреса в тех выражениях, какие употреблены в постановлении», т.[о] е.[сть], как он пояснил в особо посланном потом мнении, он против таких трескучих слов, как «изумительная настойчивость», «бесконечная энергия», «блестящая деятельность», и что он находил бы уместным упомянуть в адресе об исследованиях им физических особенностей Карского моря, об изыскании им фарватера в устье реки Енисей и по самой системе ее до Енисейска и о других полезных его наблюдениях. Гласный М. М. Бородкин пояснил, что он

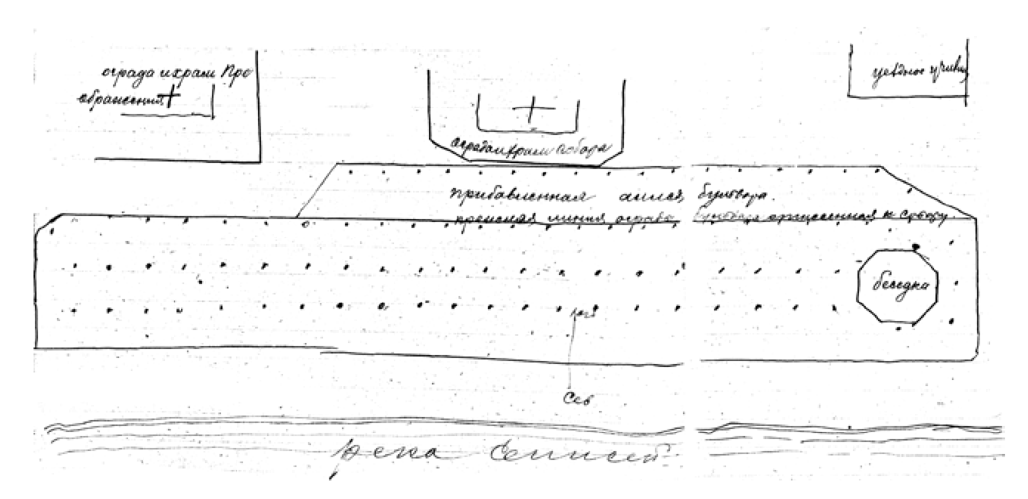
не может считать за Виггинсом честь открытия им Северного пути, когда над этим работали прежде его много русских людей, напр.[имер], известны имена Малыгина, Скуратова, Овцына, позднее Сидоров, Сибиряков и, наконец, Норденшельд. Остальные гласные, не выражая ничего своего, просто присоединялись к мнению Баландина, и только более откровенный А. Ф. Петров высказался на постановлении, что он против поднесения адреса, потому что «доставляемые Виггинсом товары продавались в Енисейске по дорогим ценам». Очевидно, сторонники Петрова были и еще кроме его, так [как] вопрос о поднесении адреса разрешен баллотировкой большинством 15 против 6 голосов, но остальные 5 почему-то своих мнений не высказали. В конце концов при обоюдном соглашении редакция адреса была выработана в следующих выражениях:

> Капитан Виггинс!
>
> Енисейское городское общество имеет честь видеть Вас не первый раз благополучно прошедшим путь от населенных, полных жизни берегов Англии через северно-полярные льды до песчаных берегов Енисея. Исследуя состояние льда и физические условия Карского моря в 1874 году на пароходе «Диана», Вы проникли за меридиан Енисейского залива, куда не достигало ни одно европейское судно, и в тот же год благополучно вернулись в Англию. Затем на пароходе «Темза» Вы первый поднялись на 1000 верст вверх по Енисею и в 1887 году на морском пароходе «Феникс» бросили якорь у самого города. Целый ряд ваших удачных плаваний по Карскому морю, в которых ни одно судно не было затерто или остановлено льдами, рассеяли укоренившийся за Карским морем предрассудок как о непроходимом леднике. Три с лишком столетия трудились над этим многие отважные мореплаватели, но завидная доля в деле открытия и упрочения торгового морского пути принадлежит Вам, капитан!
>
> Не жалея материальных затрат, собственных сил и несмотря на неудачи, постигшие в негостеприимных водах Карского моря предшественников и других, работавших одновременно с Вами, Вы достигли цели. Отныне Северный морской путь, который, без сомнения, будет играть громадную роль в торгово-промышленном и производственном отношениях нашей страны и нашего города, — путь свободный и беспрепятственный.
>
> Енисейское городское общество приветствует Вас с счастливым прибытием и выражает глубокую признательность за 20-летний период вашей деятельности, полный безграничной энергии и изумительной настойчивости.
>
> 16 ноября 1895 года
>
> г. Енисейск

* * *

У нас, как мы видим, единственным местом летнего отдохновения публики является городской бульвар, расположенный по набережной с прекрасным видом на р. Енисей. Посаженные за полсотни лет (в пожарный год, как говорят старики) деревья в три правильных ряда разрослись настолько, что представляют очень тенистый садик, к сожалению немного поврежденный детским катком в зиму 1894 года.

Один выдающийся по части заботливости о благосостоянии города гласный, С. В. Телегин, подал 14 октября этого года заявление, в котором, обращая внимание думы на этот бульвар, «начавшийся приходить в разрушение», — как он писал в нем, — «решетка у оного сгнила, а частию развалилась, беседка с гнилым полом и облинялою краскою, деревья многие посохли, а частию вытоптаны до того, что приходится ходить по корням их, так что если все это не поддержать поправкою и устройством нового забора-решетки, то в недалеком будущем от нашего бульвара останется одно воспоминание». В заключение почтенный гласный предлагает увеличить сад прибавкою на одну аллею, дотянув его ширину до ограды соборного храма на 2 сажени. В отношении же денежных средств предлагает устроить подписку между гражданами города. Городская дума в заседании своем 3 ноября согласилась с доводами Телегина, и дело ремонта началось было сразу же, так как пожертвований собралось до 300 руб., а вся та затрата, по соображению Телегина, не должна бы превысить 400 руб. Но неожиданно на пути этому возникло препятствие. Благочинный и настоятель собора протоиерей Евтихиев сообщил об этом преосвященному, находя с своей стороны границу бульвара с оградою собора неудобным, так как гуляющие в летнее время могут дозволять себе танцы, музыку, песни и друг.[ие] игры во время совершения в храме богослужения, с другой стороны, по закону церкви должны находиться на площадях и отстоять в 20, в крайности в 10 саж.[енях] от обывательских строений. Пришлось управе отписываться и доказывать, что бульвар не представляет собою обывательского строения, а служит местом отдохновения публики и существует не один десяток лет в расстоянии всего лишь двух сажен, что засадка этого пространства деревьями на ширину одной аллеи не будет отступлением от правил расположения церквей в черте селений, что, наоборот, еще церкви окружаются садами и растительностью. Наконец, как ранее, так и с прибавкою аллеи никаких нарушений порядка и благопристойности для храма не получится, кроме разве мирной прогулки обывателей. Вся эта переписка затормозила дело более чем на год, и проект Телегина был осуществлен только зимой 1897 года и обошелся в 300 р., а с посадкой деревьев по новой аллее весною 1897 года — в 323 рубля. Ну не дешевка ли, подумай, читатель! Рас-

Чертеж перестройки бульвара по проекту Телегина, рисунок М. П. Миндаровского

ширенный бульвар находится в таком же виде и сейчас, когда я пишу эти строки, только снова просит ремонта. Вот чертеж перестройки бульвара по проекту Телегина.

Любили покойнички отцы города работать за чужой труд и чужую копеечку. Небось лишнего грошика не пронесут. Вот в заседании думы 3 ноября становится пред ними до сих пор в летописях думы еще небывалый вопрос о назначении какой-то пенсии престарелому городскому служащему. «Да что мы, государственное пенсионное казначейство, что ли? До сих пор никому никаких пенсий, кажется, не выдавали. Секретарь! Дайте-ка справку, вправе ли мы даже толковать об этом», — волнуются господа гласные. Им секретарь читает прошение бухгалтера Мартынова, где он, прося об увольнении его после 30-летней службы в управе в отставку по случаю старческой слабости, ходатайствует о предоставлении ему с семьей на прожитие какой-либо пенсии. Оклад жалованья он получал 50 руб. в месяц.

По прочтении начинается разговор в вышеприведенном смысле. Конфузясь откровенно сказать, что жалко денег, бьют все более на законность. «А в самом деле вправе ли давать пенсии?» Ну-ка, как на этот счет говорится в городовом положении? Выясняется, что давать пенсии не возбраняется и даже самой формою сметы предусмотрено. Делать нечего, начинается торг, сколько назначить. Слышатся: «половина жалованья», «20», «10» и т. п. Наконец вопрос по обыкновению ставится на баллотировку, и большинством 10 против 9 разрешается в положительном смысле за 10 руб. в м[еся]ц. Так поощрили отцы города своего труженика за его 30-летнюю посильную работу городу.

1896 год

Эластичный закон о городском самоуправлении, затемненный разного рода правительственными циркулярами и сенатскими толкованиями, давал повод многим из правительственных учреждений и должностных лиц, имеющих в городе свои канцелярии и штаты, обращаться к городу за разного рода субсидиями и подачками. Зачастую такие ходатайства, направленные в думу, писались просто в виде просьбы, без всяких ссылок на закон или какое распоряжение. Авось не выгорит ли — чувствовалось от подобного рода обращений. Чаще всего обращались исправники и полицейские приставы о разных нуждах для своих полицейских команд, а то и о своих персонах. Все такие попытки выпросить у города то или другое вспомоществование настолько часты и многочисленны, что о каждом в отдельности не стоит и говорить. Вот и в этом году имевший в городе свою резиденцию и свой штат служителей жандармский ротмистр обратился в городскую думу с ходатайством об отводе ему и подведомственным ему шести нижним чинам жандармского корпуса квартиры в натуре или в крайности принять на себя доплату квартирных денег.

Ввиду того что по закону как сам ротмистр, так и нижние чины получали квартиры от казны в размерах, установленных особыми расписаниями, смотря по разряду местности, к которому отнесен данный уезд или город. И только в тех случаях, когда в силу каких-либо обстоятельств рыночные цены на квартиры повысились и стали превышать квартирные оклады казны на ту площадь, какая полагается по расписанию, доплата производится со счета городов и земств, если только последние им не отводят квартир натурою и за это не получают квартирные деньги сами. В Енисейске у нас как раз наоборот, цены на квартиры под влиянием экономического упадка края постепенно понижались и размер казенных окладов, получаемых этими чинами, вполне соответствовал действительности. Но вот назначается на должность новое лицо и начинает, как говорится, «зондировать почву». Дай попытаюсь тыкнуться к городу за подачкой. Авось выгорит. А управцы и думцы, чувствуя, что они в глазах высшего начальства издавна слывут народом неблагонадежным с политической точки зрения, и потому боятся стать в оппозицию, как бы не навлечь неприятностей, да еще тем более со стороны «царева ока». Это ведь не с бухгалтером Мартыновым о пенсии разговаривать. И вот, обсуждая такое требование, начинают сдаваться. Так и в заседании 8 января 1896 года дума, идя навстречу желаниям ротмистра, предложила взамен отвода квартиры натурою получать от горо-

да ему, ротмистру, по 50 р. в год вдобавок отпускаемых ему казною 150 р., а унтер-офицерам его, вдобавок к получаемым от казны 24 р. в год каждому и столько же от города, еще по 12 р., то есть приплата города выразится теперь по 3 р. на м[еся]ц, или 36 р. каждому в год. «Каковой суммы, — оговаривается дума в своем постановлении, — для них должно быть достаточно, тем более что четверо из них имеют собственные дома, в которых и проживают». Чего еще лучше, казалось бы, на наш скромный взгляд, почтенный читатель! Но оказывается, «аппетит развивается во время еды». Жандармский офицер пожелал, чтобы ему и его жандармам квартиры «были отведены в указанных им местах города, и притом такие, которые высотою были не ниже 12 футов» (?[1]). На этот раз дума уже набралась храбрости и постановлением думы 4 марта ходатайство ротмистра отклонила, хотя и не без некоторой робости перед начальством, сославшись на 265 ст.[атью] Уст.[ава] о земск.[их] пов.[инностях] и подчеркнув, что если чины жандармского корпуса желают иметь более лучшие помещения, чем полагающиеся им по размерам, указанным в расписании к этой ст.[атье], то могут доплачивать разницу из своих личных средств. На этом дело и закончилось.

Аналогичное вышеприведенному было другое требование — фантазия самого губернатора или местного исправника, которую [губернатор] только поддерживал, — это предложение городу построить в некоторых частях города постовые будки для дежурных городовых по типу, утвержденному строительным отделением, хотя нигде в законах такой обязанности на города не возлагалось, равно как не было предусмотрено и самое существование таких будок. В своем постановлении 19 февраля дума, отмечая, что будки эти по своей дороговизне сильно обременят и так уже незначительный городской бюджет, а своим размером стеснят улицы и площади города, которые и так невелики, определила: «За отсутствием у города средств на постройку теплых постовых будок предлагаемого типа, на устройство и содержание которых потребуется расходов более 1500 р., и стеснительности их для проездов по улицам и площадям городская дума в необходимости находится просить начальника губернии освободить город от устройства означенных будок, приняв во внимание, что в других городах не существует таких будок и Енисейск десятки лет обходился без них; что устройство теплых помещений для городовых едва ли может быть полезным, так как это даст возможность городовым постоянно укрываться в них от холода в ущерб прямому их назначению — охране города; что надобности в теплых будках и для военных часовых закон не предусмотрел, и по городовому положению устройство подобных помещений на городские средства не возлагается».

---

[1] Знак вопроса принадлежит Миндаровскому.

* * *

У каждого администратора или начальства, разумеется, всегда найдется достаточно фантазии или склонности к осуществлению на месте службы того или другого проекта, а тем более за чужой счет. Вышеприведенные два случая лишний раз характеризуют то положение городских и земских учреждений империи, в каком они находились, будучи заваливаемые разного рода проектами и предложениями высших администраторов края, зачастую не имеющих прямого отношения к «местным пользам и нуждам», но преследующих определенную цель — показать свою деятельность, свое влияние на местную жизнь, как будто бы без их указки и попечения общественные организации погибли бы.

Вместо того чтобы обратить свое административное око на то, чтобы на основании наблюдений над жизнью Петербург позаботился о согласовании издаваемых законов с движением времени и жизни, эти администраторы попросту толкли воду в ступе и своим вмешательством в общественную работу городов тормозили всякие полезные начинания, если только они хотя в чем-либо малейшем расходились с буквой закона. Вот, например, по закону о городовом положении городские сметы должны составляться бездефицитно, а переживаемое Енисейском время было таково, что доходность его под влиянием экономических причин постоянно сокращалась, а расходы, вызываемые самой жизнью, требовали увеличения. В этом случае следовало бы на такого рода обстоятельство посмотреть, т.[ак] ск.[азать], объективным взором, на деле же губернское присутствие по городским делам и управляющий казенной палатой, которым сметы городов поступают на рассмотрение, начинают только кромсать сметы, т.[о] е.[сть] наводить свою критику, урезывать расходы и прибавлять доходы, как будто бы городские учреждения и дума, составлявшие и обсуждавшие смету, не знали, что делали. Один управляющий палатой, критикуя сметные исчисления, сделанные согласно инструкции по составлению смет на выводах по трехлетней сложности, пишет в своих замечаниях, что это «мертвый канцелярский формализм, тогда как здесь должна быть живая бюджетная работа». Другой управляющий, сменивший первого, увидев в смете назначение кредита, сделанное «в силу действенной потребности», замечает, что «исчисление сделано произвольно, не на основании среднего 3-летнего вывода, как бы требовалось». А как поступает сам губернатор, олицетворяющий своей персоною весь состав губернского олимпа, это видно из журнала губ.[ернского] присутствия, при котором была возвращена приходо-расходная смета Енисейска на 1896 год. Чтобы сбалансировать превышение расходов над доходами, как требует 140 ст.[атья], кажется, Город.[ового] пол.[ожения], присутствие произвольно уменьшает оклады жалованья лич-

ному составу управы, которые по тому же закону назначаются до выборов на все 4-летие; сокращают кредиты на городские ремонты и исправления городских зданий и т. п.

Значит, с одной стороны, урезывается то, что крайне необходимо, по мнению думы, с другой — предлагается постройка каких-то постовых будок, совершенно не нужная. Вот уж по пословице-то «Не довернешься — бьют, и перевернешься — бьют», и городская дума извертывается, она этот свой тришкин кафтан, который представляет собою смета, начинает исправлять и в своем постановлении 19 февраля объясняет, что при таком способе переделки сметы «невозможно будет вести хозяйство города, что неподдержание своевременно ремонтом городских зданий и сооружений, как гостиный двор, береговое укрепление и другие, приведет их в такое печальное положение, что впоследствии и исправлять их будет невозможно». В заключение дума решает представить новую дополнительную смету исключенным расходам, стараясь как-нибудь отстоять свое ущемленное положение. А это была только первая ласточка, впоследствии, как мы увидим, положение финансов города делается все более и более затруднительным, а хозяйство города — день ото дня приходящим к разрушению, и лишь только городовое положение — остающимся во всей своей неприкосновенности.

* * *

Весна этого года, как и в 1890 году, оказалась обильна пожарами, а в довершение к этому злу пожаловало еще наводнение, в разлив которого сгорели два дома со службами, принадлежавшие наследникам Д. А. Мингалева, усадьба коих почти сплошь была окружена водою, однако, несмотря на то, что вода была тут же, спасти дома не удалось (усадьба на углу Кедровой ул. и Никольского пер.). Из других, более крупных пожаров этого времени надо отметить громадный пожар 4 мая в усадьбе Мелкозерова и Хейсина на углу Большой, Кедровой ул. и Бассейного пер., где потом была типография Борзецова, затем в знойный майский день сгорели владения Поповой, Дыдалина, Степанова и Карташева площадью в половину квартала между Большой и Кедровой улицам[и], что ниже Святоградского переулка. Эти выгоревшие усадьбы продолжают быть неогороженными пустырями и по настоящее время, спустя 25 лет, что еще лишний раз свидетельствует о том застое торговой и промышленной жизни, какой пришлось переживать Енисейску.

Этот ряд крупных пожаров заставил экстренно собраться городскую думу, которая в своем заседании 5 мая учредила по-прежнему междудворный подесяточный караул и избрала особых квартальных наблюдателей. Это все, что дума была в силах предпринять по тому времени, кроме той

напряженной работы, которая потребовалась от Добровольного пожарного общества, организованного в 1890 г. и которое за истекшие шесть лет, смотря по степени пожарности, то умирало, то возрождалось и снова энергично работало.

* * *

18 марта с.[его] г.[ода] совет старшин Енисейского общественного собрания вторично обратился к городской думе с ходатайством об уступке собранию на срок, пока таковое существует, берегового участка земли против домов Матонина и К-[ытмано]ва размером 40 саж.[еней] длины и 5 саж.[еней] ширины под устройство холодного помещения под летнее собрание с обязательством сделать арку над взвозом между бульваром и общественным собранием. Сделанные сооружения, как и город.[скую] дамбу, старшины обязывались поддерживать от разрушения, с тем чтобы впоследствии все это стало собственностью города. При ходатайстве был приложен и проект постройки. Это очень красивой дачной архитектуры здание с террасой для музыкантов. В этом здании предполагалось иметь лишь танцевальный зал, бильярдную, игорную и буфет, а в расстоянии пяти сажен — помещение для кухни и клозета с фановой трубой до речников, оба помещения соединялись лишь дощатой панелью и ни в пожарном, ни в санитарном отношении никаких неудобств не представляли.

Постройка на летнее время особого помещения вызывалась тем, что обычно в это время вечерами вся жизнь горожан сосредотачивалась на берегу, где всех и каждого прельщали красивая панорама реки, пароходная пристань и бульвар как место гулянья. Само собой разумеется, что устройство в этом месте собрания с оркестром музыки привлекал[о] бы всех и каждого завернуть в собрание, провести вечерок в ожидании парохода или просто поделиться разговорами с приятелем за рюмкой водки или стаканом чая.

Но не так посмотрели на эту затею отцы города. Хотя скрепя сердца незначительным большинством голосов и решено было отдать собранию береговой участок, ничем не занятый и по сие время, но с оговоркою, что отдается на десятилетний срок. Понятно, что сооружать на такой короткий срок капитальные постройки никакой здравомыслящий человек не согласится, и как в этом старшины собрания ни убеждали думцев, рассматривавших этот вопрос неоднократно, большинство все-таки выходило за ограничительный срок, и проект постройки не осуществился.

Особенно яркими противниками отдачи были гласные Александр Петрович Кытманов, Арсений Федор.[ович] Петров, Иван Васильевич Черноусов, Алексей Алекс.[еевич] Белых, всю свою жизнь не перешагнувшие по-

рога собрания. Их доводы против отдачи склонялись к тому, что лучше поставить тут хлебные и вообще складочные амбары, потому что напротив пароходная пристань, чем стеснять публику поселившимся собранием, которое-де бесплатно к себе никого не пустит.

* * *

В заседании думы 10 мая обсуждалось предложение директора прогимназии Гадзяцкого, ходатайствующего уступить гимназии свободную площадь между Соборной и Преображенской оградой и прилегающую к бульвару под устройство гимнастического[2] городка и сквера.

Опять спорный вопрос, по которому между гласными рождаются два течения: противников отдачи такого священного места под какие-то игрища и сторонников отдачи, находящих в этом и украшение местности садиком, и пользу, оказываемую для детей. Хотя баллотировкою большинством 9 против 6 голосов ходатайство директора и было отклонено, но позднее, а именно в[3] году, участок этот все-таки был уступлен, обнесен был приличною оградою, засажен деревьями и в нем устроены для учащихся карусель, кегли и гимнастический городок.

* * *

15 мая — день «священного» коронования злополучного Николая Второго, своим царствованием начиная с знаменитой Ходынки принесшего России неизмеримую чашу страданий и приведшего страну к гибели. Еще задолго до этого дня шли различные подготовления, в думе выбирались члены депутации для участия в петербургских празднествах в качестве представителей от Енисейской губернии. Здесь в Енисейске готовились к празднованию этого 3-дневного торжества устройством иллюминаций, народных чтений и общественного обеда. По поводу сего последнего между общественными деятелями, или, вернее, среди общества и интеллигенции, возник конфликт, душою которого явился тот самый В. М. Харченко, о котором я упоминал выше в своих записках под 1895 годом. Еще заблаговременно, предвидя, что город обратится в совет старшин общественного собрания и будет просить помещение собрания под устройство общественного обеда, Харченко как дежурный старшина созвал общее собрание членов и на нем предложил устроить между членами собрания свой обед по подписке не менее 5 руб. с персоны. Не подозревавшие никакого, т.[ак] сказ.[ать], подвоха в этом, все присутствовавшие на собрании члены

[2] В тексте — «гимназического».
[3] Здесь в тексте автором оставлен пробел.

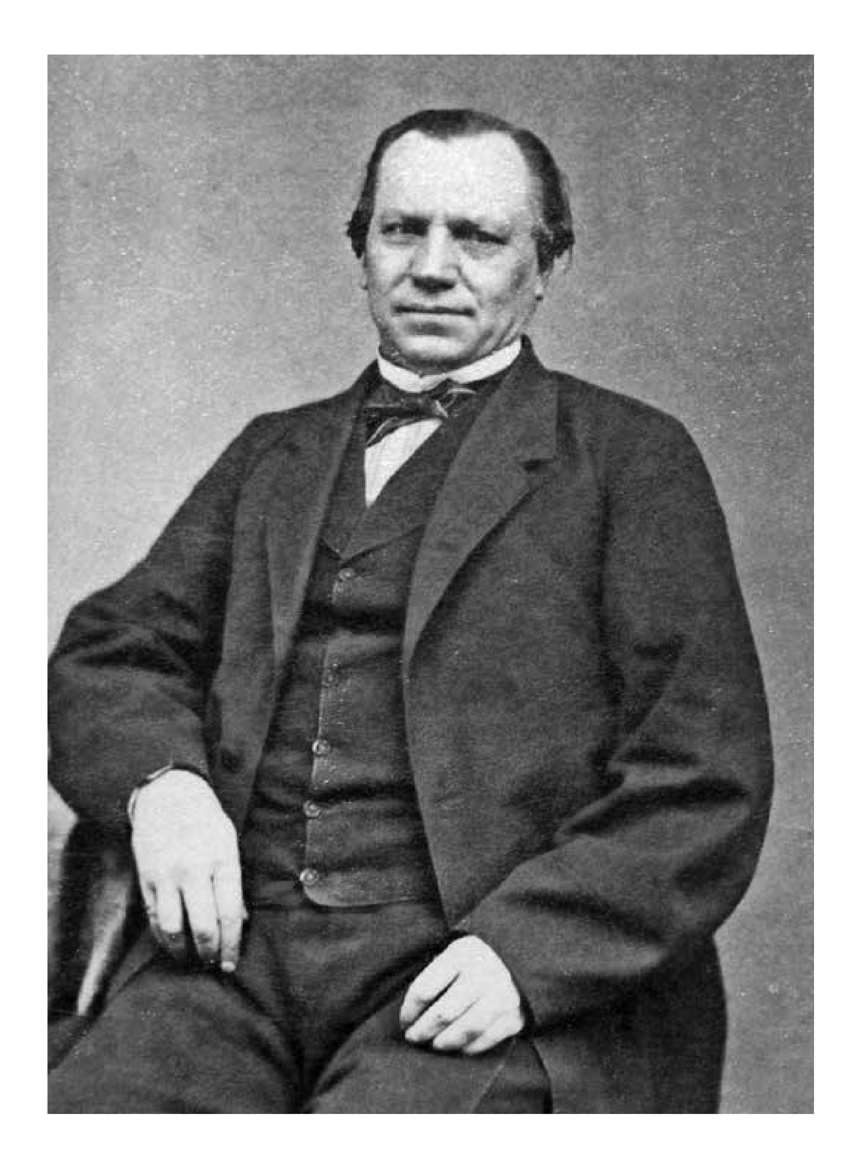
охотно приняли предложение Харченко, иные, быть может, в тайном расчете съесть два обеда, предполагая, что будет еще обед городской. В особенности, мне думается, так полагали те из чиновной братии, которые по своему рангу и должности рассчитывали быть приглашенными на него. Но Харченко так искусно повел кампанию, что, прознав, что общественный обед думою предполагается 15-го числа, он на это же число поставил перед общим собранием на разрешение его и вопрос о членском обеде. Только тогда очухались и поняли все, когда была получена старшинами бумажка городской управы об уступке на 15-е число зала собрания под устройство обеда и когда уже было решено в это число обедать самим. Собрались было вновь перерешать дело, но и тут Харченко оказался непреклонен, стал настойчиво проводить свою линию в расчете, что его поддержат сторонники, и действительно, сколь бурно ни шло это заседание и сколько ни склоняли упорствующих уступить это число городу, баллотировкою шарами большинство решило в этот день обедать самим и помещение, значит, не отдавать. В результате городскому управлению пришлось искать другое помещение, и таковое было найдено в доме бывшего городского головы М. М. Бородкина, где обед и происходил. Так совершенно неожиданно и сравнительно по пустяковому поводу наши общественные сливки разделились на две половины, и того единения и патриотического подъема на обеде, какой бы получился при общем согласии, ни там, ни тут уже не было. Довольны остались только те обедающие члены собрания, которые все равно знали, что им на городской обед приглашенными не быть. Но зато глупее положения начальствующих чинов не было. Пойти на городской обед гостем, значит, тут пропадут деньги, взятые уже по подписке. Так зло подшутил над общественниками Харченко, отплатив им этим и за свое поражение на выборах в гласные, и за прошлогодний отказ уступить набережную под постройку собрания.

* * *

Летом этого года появилось в городе первое телефонное сообщение согласно выданных думою разрешений Щербакову и Коновалову, имеющим за чертою города свои промышленные заведения (пивной и кожевенные заводы). Таким обр.[азом], эти два лица являются пионерами телефонного сообщения, хотя и не общественного пользования.

* * *

В заседании думы 10 сентября доложено было заявление уполномоченного по делам А. А. Баландина Костромитинова о пожертвовании городу 3000 руб. в хлебный капитал, оставленных умершим в Петербурге в марте м[еся]це Алексеем Софроновичем Баландиным. Постановлено завещан-

Алексей Софронович Баландин. Из фондов КККМ.

ные деньги присоединить к хлебному капиталу города и довести об этом до сведения начальника губернии.

Покойный Алексей Софр.[онович] Баландин в молодые годы был выходцем из России и здесь, в северной тайге, занявшись золотопромышленностью, составил себе, как говорили потом в публике, миллионное состояние и приобрел в городе крупное недвижимое имущество, открыл торговлю и вел дела с округом. Усадьба его и по сие время красуется на протяжении Алексеевского пер., захватывая от Кедровой улицы всю длину переулка до линии площади и огибая далеко Большую улицу[4].

[4] Где теперь ГПУ. — *Прим. Миндаровского.*

Покойный много относил общественных служб, два раза был городским головой. Его инициативе приписывается открытие здесь общественного банка, <начального училища>[5], много лет он состоял гласным городской думы, хотя и не очень часто приходилось встречать его в городской думе, потому что большую часть года он проживал в Петербурге и сюда приезжал на непродолжительное время.

Не умаляя заслуг покойного Ал.[ексея] Софроновича пред городом, справедливость требует сказать, что по своей филантропической деятельности и благотворительности он более известен столице, чем нашему городу. Там ему за это давали знаки отличия и чины мануфактур-советника, коммерции совет.[ника] и, наконец, коллежского советника — чин, полученный им, несмотря на то, что он получил только домашнее образование.

* * *

10 сентября в думе утверждены торги на отдачу акционерному обществу по выделке и продаже пороха Б. И. Виннера полдесятины земли, находящейся на Секретарской горе, в арендное содержание на 15 лет под постройку на ней пороховых складов. Это вполне дачная местность и по настоящее время занята доверенным Виннера, взявшим ее уже на 2-е пятнадцатилетие за плату по 35 руб. По обе стороны этой заимки по соседству появились еще два арендатора, одним из коих является жена умершего доверенного Виннера — Полынцева, имеющая образцовую пасеку. Вообще этот район — один из немногих дачных уголков нашего Енисейска.

* * *

Не сходивший почти из программ думских собраний вопрос об открытии у нас лечебницы, тянувшийся целых шесть лет, получил наконец свое разрешение. Как ни протестовали некоторые из гласных за нерациональность и убыточность для города этого учреждения, а этим в особенности отличались А. Ф. Петров (купец) и И. В. Черноусов (мучной торговец), лечебница 26 июня 1896 года была открыта и на первое время носила название временной лечебницы с амбулаторным приемом в определенные часы дежурным врачом. Помещение для нее нанято было по Успенской улице в дом[е] Дуракова, рядом с усадьбами Елтышева и Евдокимова, верхний этаж. Открытие ее сопровождалось молебствием с произношением приветствий, и тут же между собравшимися открыта была частная подписка на оборудование лечебницы необходимыми хирургическими принадлежностями, которая дала более 200 руб. — сумма приличная по тому времени

[5] Вписано карандашом над строкой. Прочтение предположительно.

Енисейская городская лечебница. Из фондов КККМ.

на самое необходимое. После окончания скромного торжества городской голова пригласил участвующих на стакан чая. Сначала заведывать временной амбулаторией взялся городовой врач А. С. Пиотровский (из польских повстанцев 1863 года), а затем с 1 июля избран был М. Л. Хейсин (молодой врач, енисеец).

Не помню, что побудило думу ходатайствовать о присвоении открываемой лечебнице наименования «в память священного коронования их императорских величеств», вероятно опять какие-нибудь расчеты вроде субсидии, но только ходатайство это генерал-губернатором было возвращено без дальнейшего направления. Да и странно было бы присваивать это наименование учреждению, инициатива создания которого, во-первых, не принадлежала думе, во-вторых, возникла она целых десять лет назад.

В заседании гор.[одской] думы 14 октября, когда докладывался отказ генерал-губернатора, между прочим была доложена и приблизительная смета на содержание амбулатории, которая при бесплатном труде врача выразилась в 1200 руб. в год. Обсуждая источники покрытия этого расхода, дума остановилась на следующих: проценты с собственного капитала лечебницы, собранного в течение шести лет, в сумме 2900 р. — 110 р., ассигнуемые думой постоянно на лекарства бедным больным — 76 р., ассигнуемые же ежегодно на врача учебных заведений города, которые пойдут в счет жалованья врача при лечебнице, — 100 руб.; обязательный ежегодный взнос мещанского общества на лечебницу — 100 руб. и ассигнованные по постановлению думы 15 мая этого года 500 руб. Остальную недостающую сумму имелось

в виду покрыть из 15 коп. платы, взимаемой лечебницей за совет с приходящих больных. Затем тут же в заседании было решено для увеличения основного капитала лечебницы отделить 3000 руб. из денег 9192 руб. 50 коп., полученных из государственного банка в возмещение сгоревших процентных бумаг общественного банка, и 1000 руб. отчислил городской голова из своего жалованья. Таким образом, с этого времени собственный капитал лечебницы возрос до 6900 руб. Кроме того, по предложению городского головы приступлено было к основанию специального капитала на постройку собственного здания лечебницы, и с этою целью другую половину своего содержания за прошлый год он жертвует в этот фонд, а в дальнейшем приступить к изысканию для этого средств путем подписки. Таким образом положено было основание и другому доброму делу — постройке собственного помещения лечебницы, которая при энергичном содействии Ст.[епана] В.[асильевича] Востротина в течение двух последующих лет и осуществилась. При въезде на гору первое на правой руке каменное здание, обошедшееся постройкою в 10 700 руб., и есть та самая лечебница, о создании которой так ревностно хлопотал известный енисеец Никита Виссарионович Скорняков. Этой лечебницы я буду еще касаться в своих воспоминаниях.

* * *

27 сентября в городской думе докладывалось заявление почетной попечительницы Енисейской женской гимназии Конкордии Николаевны Харченко (супруги В. М. Харченко), которым она ходатайствовала пред городом об ассигновании субсидии на постройку нового здания для женской гимназии.

Городская дума, обсудив наличные средства, которыми располагает попечительный совет как основным фондом на постройку, признала далеко не своевременным говорить сейчас о постройке, потому что по имеющейся строительной смете на это потребуется от 45 до 50 тысяч рублей, а наличный фонд состоит всего из 15 000 руб., рассчитывать же на субсидию от города не приходится по отсутствии у него средств. Поэтому городская дума, платонически симпатизируя стремлениям г[оспо]жи Харченко, помочь ей в этом не может, а советует открыть подписку среди местных граждан, впоследствии же, когда точно определится сумма, которой будет располагать попечительный совет на означенную постройку, вновь внести этот вопрос в городскую думу.

Не знаю, добрый ли совет думы или упрямая настойчивость самого Харченко, супруга которого в данном деле как попечительница являлась щитом, за которым орудовал муж, но только дело к осуществлению постройки стало быстро приближаться к осуществлению.

Ученицы и педагоги Енисейской женской гимназии. Во втором ряду слева направо: начальница гимназии Прасковья Антоновна Баторевич, председатель педсовета Роман-Христиан Амвросиевич Френкель и преподаватель литературы Алевтина Викторовна Васильева. Из фондов КККМ.

* * *

Еще с мая месяца началась подготовительная работа ко дню намеченной Высочайшим повелением всеобщей переписи населения Российской Империи. Первые работы шли при полицейском управлении, организовавшем и состав членов переписной комиссии, в которую входил и городской голова. Только позднее, уже в сентябре месяце, голова получает телеграфное предложение губернатора о приглашении его генерал-губернатором принять на себя обязанности председателя окружной переписной комиссии, и С. В. Востротин, конечно, изъявил свое согласие. С этого времени все дела и переписка пошли уже при городской управе. Так как работа по подготовке всего аппарата и материалов оказалась весьма сложная, потребовавшая массу человеческих рук, то для занятий были откомандированы по одному человеку от каждого учреждения в качестве делопроизводителей или переписчиков. Так как пишущих машин тогда еще не было, то пришлось завести гектограф, на котором и множились подлежавшие рассылке по всем переписным участкам уезда разного рода циркуляры и распоряжения. В присутственной комнате шли чуть не ежедневные заседания

комиссии по разъяснению разных вопросов, вызывающих сомнения президиума. Словом, работа оказалась весьма колоссальной и задумана была широко. Город с уездом разделены на 28 или 29, точно не помню, переписных участков, а в каждом участке до десятка и более счетчиков.

Сначала все заведующие участками, а они почти все набраны были из города — большею частью откомандировывались должностные лица учреждений, — инструктировались на заседаниях комиссии, а некоторые даже соединялись в группы и выезжали в ближайшие деревни на пробные переписи. И это являлось прямо не лишним для каждого такого работника, потому что он, являясь в свой участок, должен был также инструктировать своих счетчиков, на роль которых намечались сельские учителя, священники и псаломщики и сельские писаря, а также вербовались и остальные достаточно грамотные и развитые лица. Следовательно, заведующий, прежде чем ехать сам, должен быть основательно подготовлен к этому. Переписные листы по своей довольно сложной форме требовали серьезной и вдумчивой работы при заполнении их, а главное, при подсчете. Одним словом, обязанности заведующего были серьезные и ответственные. На них же возлагалось реферативное ознакомление населения с целями и задачами переписи. Лично мне также пришлось принять участие в этой переписи в качестве заведующего 8-м переписным участком, обнимающим собою всю Бельскую волость и часть Пировской, и в этом районе с 7 счетчиками переписать свыше шести тысяч человек населения.

Как известно, все наличное население каждым счетчиком в своем участке заносилось в переписные листы заблаговременно, да иначе и немыслимо было, а в день переписи, каковым было 27 января 1897 года, производился только подворный поверочный обход, которым устанавливались все ночевавшие на этот день лица, с отметкой о родившихся за эти дни или умерших и выбывших из квартиры. Разумеется, как тщательно и серьезно ни подготовлялись к этой работе, но курьезов на практике было немало, в особенности в тех участках, где население было разнообразно по национальности. Но все они потом при подсчете и обнаруживались. Я взял себе в обход на 27-е число село Пировское, заключающее в себе 160 дворов. Начал я с 5 часов утра (население уже знало и ждало в этот день непрошеного гостя), а кончил без перерыва только в 6½ часов вечера, страшно утомленный и голодный, так как, боясь не успеть с работой, я перерыва на пищу не делал, а взял только у одной доброй хозяюшки только что испеченный калачик и его кушал, переходя со двора на двор.

Из практики по своему участку могу сказать, что население, несмотря [на] почти поголовную неграмотность, отнеслось к переписи и к нашему брату вполне доверчиво, ничего не страшилось, и ответы, по-види-

мому, делались вполне откровенно. Я, напр.[имер], спрашиваю одну голову, высунувшуюся с полатей, на которую указала хозяйка как на только что прибывшего работника, чем он занимается. «Хлебопахарь-землероб», — отвечает спрашиваемый. «А не имеешь ли какого побочного занятия или заработка?» — «А вот грешен, бог видит, если где что лежит плохо — стащу», — с улыбкой и не стесняясь, отзывается голова, закутываясь в тулуп и поворачиваясь по направлению к печи. «Есть за ним эта пакость», — подтверждает хозяйка слова своего работничка. Вообще тех опасений правительства, что население, вспоминая прежние ревизские переписи, будет скрываться, замечаемо не было.

Расскажу попутно еще один факт, свидетелем которого мне пришлось быть на волостном сходе в с. Бельском, куда я явился с целью информировать собравшуюся публику с задачами переписи. Волостной старшина, большой любитель иностранных и высокопарных выражений, зачастую неуместных и даже непонятных, достает из кармана записку и по ней обращается к гласникам со следующей речью:

> Вот, господа, начинается перепись всеобщего населения. Она назначена вышним правительством единожды в 27 января, в которую мы обязаны все записаться. Почему прошу вас, господа, поруководствовать каждому цивильозному клубу народов, сосредоточить все свои силы, чтобы этакую обезуру привести в практикуру, аки бы все население, всякие клубы народов со всего фарвата земли попали бы в эту перепись[6].

И вот этот-то чудак, тогда еще добродушный малый, только что кончивший военную службу в чине унтер-офицера, под конец жизни своей в 1918 году увлекся крайним течением революционного времени — записался в партию большевиков и за это по указанию одного однодеревенца был убит казаками у ворот своего дома.

* * *

15-го октября состоялось открытие еще одного детища ушедшего общественного деятеля Н. В. Скорнякова, о котором переписка тянулась с 1891 года. Открыл свои действия городской ломбард. Открытие состоялось после совершения молебствия при распорядителе, избранном думою, Гавриле Ефимовиче Грязнове. Грязнов принял эту обязанность за вознаграждение в 600 р. в год и при этом предоставил в собственном каменном

[6] Смотри «Сибирский архив» № 4–5 1915 года, г. Минусинск. — *Прим. Миндаровского* [речь идет о публикации: Даровский М. М. Волостной старшина — любитель иностранных слов // Сибирский архив. 1915. № 4–5 (апрель — май). С. 250–251].

доме помещение под контору и кладовые ломбарда как бы бесплатно, все за то же — 50 р. в м[еся]ц — вознаграждение. На обороты ломбарда Министерством финансов по соглашению с министр.[ом] внутренних дел разрешена ссуда в размере 5000 р. из средств городского же банка, в счет которой при открытии взято 1000 рублей. С учреждением ломбарда существовавшая до этого касса ссуд Штеблера должна была прекратить свое существование.

* * *

3-го ноября состоялось юбилейное торжество. В этот день исполнилось 50-летие священнической службы протоиерею местного Богоявленского собора Димитрию Ивановичу Евтихиеву[7].

Начавшись торжественным богослужением в соборном храме при пении 2-х хоров певчих, соборного и гимназического, торжество было перенесено в квартиру юбиляра, где виновника торжества приветствовали духовные и гражданские депутации, подносились иконы, хлеб-соль, читались адреса и приветственные телеграммы. В час дня состоялся завтрак в мужской гимназии, где юбиляр состоял законоучителем, а в 4 часа в общественном собрании — обед, устроенный городским обществом по подписке. Весь этот день для енисейцев прошел в торжественном настроении. На обеде депутация от города поднесла юбиляру адрес следующего содержания:

> 3-го сего ноября исполнилось 50 лет достойного служения Вашего в иерейском сане, из коих многие годы Вы состояли законоучителем местных учебных заведений, низших и среднего. В память заслуг Ваших, ревностного и примерного исполнения служебных обязанностей на пользу населения позвольте выразить Вашему Высокопреподобию глубокую признательность за те нравственные устои, какие Вы старались вселить в ваших пасомых и учениках.
>
> Енисейцы, встречая этот знаменательный день, находят единодушный отзвук во всех тех городах, где Вы провели Ваше пастырское служение, и они, как и Енисейск, считали за удовольствие иметь такого доброго и любящего пастыря, вполне заслужившего почтительную любовь и уважение почитающих его.
>
> Приветствуя Вас в этот знаменательный день полустолетия Вашего служения как события, выпадающего на долю немногих, воссылаем молитвы Всевышнему творцу, да дарует он Вашему Высокопреподобию дол-

[7] См. описание этого события, скорее всего принадлежащее М. П. Миндаровскому: Енисеец. Пятидесятилетие служения в священном сане протоиерея Димитрия Иоанновича Евтихиева // Енисейские епархиальные ведомости. 1896. № 24 (16 декабря). С. 362–378.

> гое и мирное служение на благо пасомых, питающих к Вам глубокое почтение за Вашу любовь и Ваше добро к ним. Счастливые тем, что можем приветствовать Ваше Высокопреподобие с дорогим для Вас и всех нас юбилеем, остаемся: (*подписи*).

Действительно, годы служения почтенного юбиляра среди пасомых им горожан не могут не оставить следа в истории Енисейска по одному тому уже, что охватывают собою почти сорокалетний период времени проведенной им жизни. И Енисейск не мог быть чуждым юбиляру уже потому, что здесь протекли его детские годы ученичества в духовном училище Спасского монастыря, а затем по продолжительности службы в нем вплоть до дня своей смерти в 1908 году. Енисейск он сам называл родным городом не только как уроженец Енисейской губ.[ернии], а как проведший в нем большую половину жизни своей, занимаясь, кстати, и описанием его древностей.

Прибыв сюда в 1873 году на пастырский пост настоятеля и благочинного городских церквей в возрасте 40–45 лет, он быстро завоевал себе симпатии местного общества, особенно среди именитого купечества. Здесь он умело настраивает себя на енисейский манер, как известно, обильный в те годы именинными и праздничными пирогами, завтраками и обедами, сопровождавшимися всегда обильным возлиянием. Но где бы он ни был, всегда он держал себя с достоинством, подобающим его сану, так что участники пиршества всегда чувствовали себя свободнее после того, как уедет отец протоиерей. К обязанностям своим как пастырь он относился всегда серьезно, был строг в отношении себя и исполнителен. Любил церковную службу свою обставлять торжественностью и благолепием, духовенство города заметно его недолюбливало, вероятно, за то, что он был требовательным к их служебным обязанностям, хотя к слабостям и недостаткам низкого клира относился всегда снисходительно. С прихожанами всегда жил дружно, а на толстосумов умел как-то влиять в желательном направлении. Никому более, как только ему, удалось склонить супругов Матониных к таким пожертвованиям, какие они сделали на соборный храм. Так, напр.[имер], пожертвовали они 20 тысяч руб., с тем чтобы доходы с них шли на содержание причта и хора; по его советам сделали они напрестольные облачения во всех трех приделах, красующиеся и поныне. Наконец, отливка 700 пудов[ого] колокола «Аверкий», как гласит надпись, — это прямое настояние отца протоиерея, пожелавшего попутно увековечить, видимо, и свое имя, отлитое на колоколе. Всё это жертвы по сравнению с тем мировоззрением, каким обладали Матонины, малополезные в наш материалистический век, скептически относящийся ко всяким подобным жертвоприношениям.

Протоиерей Евтихиев с 1874 по 1881 год состоял законоучителем в уездном училище, так что я являюсь его учеником и как таковой сохранил о нем самое хорошее воспоминание. Впоследствии, уже взрослым человеком, до самого конца его жизни я таил эти добрые семена нравственности, которые вынес из его уроков Закона Божия, и, несмотря на то что взгляды на устройство жизни у меня с ним не сходились, мы все-таки были старыми и близкими друзьями и даже без взаимной откровенности понимали друг друга.

Как-то раз на приходском собрании при выборах церковного старосты от.[ец] протоиерей назвал мою фамилию в качестве кандидата, и присутствующие уже уцепились за это. Тогда я заявил собранию: «Отец протоиерей ведь шутит. Он знает, что я буду служить тогда, когда не будет консистории, и я ответствен буду за свои действия только перед приходом, меня избравшим». «Знаю, знаю», — замахал рукою протоиерей и залился своим гортанным смехом, играя на груди своим наперсным крестом.

Могу сказать одно: с от.[цом] Евтихиевым ушла в могилу крупная духовная фигура, и достойного ему заместителя до сих пор еще я не видел.

* * *

Одна из весьма характерных черт нового городового положения — это мысль законодателя, чтобы при смене общественных самоуправлений после окончания срока службы половина членов его оставалась и до половины нового срока. С этой целью по истечении первых двух лет после введения закона между членами гор.[одской] управы происходит жребеметание, коим разрешается вопрос, кому персонально выйти из состава. Такой способ применен был управою и по отношению к своим двум членам[8], и жребий выйти из состава управы пал на старшего члена управы, заменяющего голову, Ивана Петровича Лалетина.

Этот результат жеребьевки был доложен думе в заседании 26 ноября со списком кандидатов, изъявивших желание баллотироваться в члены управы, в том числе и Лалетина, так как закон не воспрещал выбывшим баллотироваться и быть избранными на новый 4-летний срок.

В заседании думы подвергнуто было баллотировке четыре кандидата: Лалетин, Телегин, Щукин и Павлов, — и большинством голосов избран был Созон[т] Вас.[ильевич] Телегин, который потом избран был и в заместители городского головы на срок с 1897 по 1901 г.

Таким образом, служивший более 40 лет по городскому управлению, ветеран городской службы оказался, видимо неожиданно для него, совер-

---

[8] У Миндаровского — «по отношению своих двух членов».

шенно свободным от дел, и, казалось бы, ему — 65-летнему старику — оставалось только отдохнуть от многолетней суетливой службы, тем более он был человек обеспеченный. Но не так, видимо, скроены были прежние люди. Привычка ли ежедневно выходить из дому на занятия или результат забаллотирования его так на него подействовали, что он через несколько дней заболел, потом с ним сделался удар апоплексии, и он, проболев с неделю, скончался.

Со смертью Лалетина ушел от мира один из типичнейших представителей старого чиновного строя, веривший только в бумаги и в букву закона. Это не мешало, однако, ему оставаться до последних дней честным, порядочным человеком и помогать своими советами обращающимся к нему беднякам.

Покойный обладал удивительнейшей способностью к работе, просиживая дома в комнате среди бумаг целые ночи. Он состоял официально и секретарем управы, и секретарем сиротского суда, и бухгалтером общественного банка, но мало этого, дома он вел дела разных конкурсных управлений опекунских учреждений, писал черновики всяких прошений, отзывов, составлял опекунские отчеты и пр.[очее], словом, не брезговал ничем и на этом, кажется, составил себе небольшое состояние, доставшееся его единственному сыну-студенту. Среди горожан Лалетин считался законником и дельцом в полном смысле этого слова и за это пользовался большою популярностью.

В день похорон Лалетина осыпанный венками гроб его провожала громадная толпа почитателей покойного. При выносе тела город.[ской] голова С. В. Вostротин в искреннем прочувствованном слове охарактеризовал личность покойного, на которого он до службы с ним ошибочно смотрел с предубеждением. После Лалетина остался 2-этажный полукаменный дом-усадьба по Большой улице, проданный потом наследником золотопромышленнику Неробелову, за детьми которого он и числится в настоящее время.

1897 год

19 марта состоялся в стенах женской гимназии торжественный акт 25-летия существования женской гимназии. Начальницей гимназии Померанцевой прочитано было обозрение деятельности гимназии за этот период времени. На акте после молебствия пропет был гимн, преподавателем В. М. Курочкиным прочитан был исторический очерк гимназии и исполнены были номера[1] пения воспитанницами.

Третий год, как сюда при громадном собрании народа вносится икона Св.[ятой] Троицы, путешествующая сначала по Красноярскому уезду из села Арейского, иначе называемого Заледеевой, а затем путешествие ее распространилось и на Енисейский уезд. Цель путешествия, кажется, единственная — причтам заработать деньгу, так как религиозными обывателями на всем пути следования совершаются молебствия, разумеется, за плату, которая по соглашению духовенства между собой делится на две части, одна половина идет причту села Арейского, а другая остается причту той церкви или того прихода, в районе которого во время обхода совершается молебствие. В Енисейске она обносилась также по всем приходам, начиная с соборного. При переносе иконы в другой приход в храме совершалось всенощное и обеденное богослужение, и затем уже начинался обход.

В 1897 году один из горожан города, небезызвестный по тому времени сутяга и крючкотвор Николай Александрович Павлов, вошел в думу с предложением закрепить это паломничество особым думским постановлением раз навсегда. Такое, казалось бы, естественное для религиозного фанатика желание имело в будущем ответственные и материальные последствия. Раз город выражал своим приговором желание видеть у себя ежегодно в определенное время св.[ятую] икону, тем самым он принимал на себя заботы и обязательства отвода квартир сопровождавшему духовенству, принимал расходы по передвижению процессии, и оно действительно так бы и случилось впоследствии, если бы городская дума вовремя не воздержалась вынести такое постановление.

Первые годы этого паломничества были, можно сказать, удачны в смысле денежной жатвы для духовенства, но затем постепенно, год от году, религиозный энтузиазм населения, как сельского, так и городского, стал остывать, сопровождающих икону от села к селу стало все меньше и меньше, и наконец в последние годы пред революцией дошло до того, что

[1] В тексте — «№№».

не находилось людей нести икону. Вот тут-то город и наряжай бы подводы для сопровождения иконы и неси, значит, известный расход. С 1917 года это религиозное иконохождение и совсем прекратилось.

* * *

Отживающий свой век институт приказа общественного призрения, ведающий больничными делами, задумал по губернии постройку новых больничных зданий. Такая постройка по плану и проекту, специально выработанному, предположена была и в Енисейске, где уже давно старый каменный больничный корпус признан был никуда не годным. Так как по новому проекту принята была к постройке барачная система с особым, так наз.[ываемым] административным, корпусом для кабинета и квартиры врача и смотрителя с его конторою, то требовалась для постройки всех больничных сооружений значительная площадь земли, отвести которую должен был город, чем и занялась особо избранная думою комиссия. Признано было расширить усадьбу старой больницы в юго-западную сторону в таком количестве, которое требовалось по плану. Отвод места совершился в скором времени, постройка больничных построек началась под наблюдением специально командированного сюда архитектора Шатилова. Постройку взяли на себя братья Александр и Созонт Вас.[ильевичи] Телегины (официально — один Александр, т.[ак] к.[ак] Созонт состоял членом управы и участвовать в подряде открыто не мог). Постройка в течение двух лет была закончена, и, видимо, очень выгодно для строителей, так как после нее Телегины быстро пошли в гору и стали принимать потом более крупные подряды уже в Красноярске, куда перекочевали на жительство и сами, сначала Александр, а затем и Созонт, продолжавший там свою общественную деятельность в качестве гласного. Оба обзавелись там солидными домовладениями.

* * *

Недалеко от больничной усадьбы к западной стороне находилось деревянное большое здание провиантского запасного магазина[2], предназначенное за ненадобностью казне в продажу с торгов, в помещении уездного полицейского управления. Торги назначены были на 3 мая с суммы 62 р. 50 к., в которую оценено было это имущество. По докладе управою об этой продаже городской думе последняя поручила купить это имущество, и таковое приобретено было за 100 руб. Впоследствии, а именно в 1908 году, из этого здания построено было во дворе местной военной команды казарменное помещение для обещанной к расформированию роты солдат,

[2] На плане города — под № 21. — *Прим. Миндаровского.*

а остатки материала употреблены были на другие постройки городского управления. Так что покупкою магазина городская управа сделала большую экономию финансам города.

* * *

В мае м[еся]це гласный думы и старожил-домовладелец, обладающий вполне достаточными средствами, Прокопий Димитриевич Ларионов вошел в городскую думу с заявлением, в котором просил уступить ему в эксплуатацию на 15 лет горское болото, которое он предполагал осушить и сделать его пригодным для сенокошения, с тем чтобы потом передать его городу для пользования. Нужно сказать, что болота, окружающие Енисейск, — одна из существеннейших язв в деле благоустройства города, с которой тесно сжились и болотная лихорадка, или малярия, и мириады комаров и мошек, досаждающие в летнее время, однако в течение всего времени, как существует в городе общественное самоуправление, до сего дня к уничтожению этого зла ничего предпринято не было. Еще в 1870 г. золотопромышленник Григоров хотел привести эти болота в культурное состояние на условиях пользования травой в течение 25 лет, но городская дума отклонила тогда это предложение, испугавшись, должно быть, длинного срока, которым будет пользоваться Григоров. Теперь хочет повторить эту попытку Ларионов. Правда, вся его работа по осушке пошла бы самым примитивным способом, без нивелировки и дренирования водосточных канав. Недаром он пишет, что думает затратить на это 300 руб., все же и от этой, быть может паллиативной, работы особенного вреда не было бы. Ведь стоит же болото веками, пусть бы человек копался в нем, авось разохотился и достиг бы своей цели. Но городская дума и на этот раз пошла по пути своей предшественницы. Она обращается к Ларионову и просит указать ей «точно границы местности, которую он желал бы взять в аренду близ д. Горской, так как местность Николаевка, про которую он упоминает в заявлении, отдана под военное стрельбище, и если это не послужит ему препятствием, то просит сообщить, куда будет сделан отвод воды из болота и в каком виде предполагается устроить канаву». Надо помнить, что Ларионов сам гласный и старожил города, следовательно, не мог не знать о Николаевке, которую он и не просит, а указывает лишь как пограничную линию, затем к чему эти границы и даже способы устройства канав, когда сама дума осушать болото все равно не собирается. Так уж, видимо, по привычке «самой не есть и другим не давать», что и случилось [в] действительности. На запрос управы Ларионов ответил, что он отказывается от своего первого заявления и заниматься осушкой не желает. На этом дело и остановилось опять на долгие годы.

* * *

Предо мною лежит отчет попечительного совета Енисейской женской гимназии за 1896 год, т.[о] е.[сть] 25-й год ее существования как гимназии, в которую она была преобразована из женского училища в 1872 году. Из этого отчета видно, что гимназия имела капитала собственного 8700 р. 92 к., Общества вспомоществования учащимся 82 р. 50 к., пожертвованных на стипендию 1518 р. 50 к. и строительного капитала гимназии — 9030 р. 7 к. Оборотные средства гимназии составляли: пособие из государственного казначейства 1367 р. 50 к., от городского общества (ассигнуемые думою) 2260 р.; процентов с принадлежащего гимназии капитала 369 р. 71 к., платы за учение 4580 р., пожертвований 11 653 р. 18 к. и из разных источников 1390 р. 59 к. Всего 21 620 р. 98 к. Израсходовано же было в течение года 11 086 р. 31 к. Плата за обучение существовала в следующих размерах: в приготовительном классе по 20 р., в 1, 2 и 3-м с французским языком по 45 р.; в 4, 5, 6 и 7-м по 50 р. и в 8-м классе по 100 р. с ученицы, но некоторые ученицы учились бесплатно, а именно: 22 — по бедности родителей, а 6 — потому что дети учителей. Учащихся всего было 124 человека.

Из этого отчета как бы видно, что гимназия средствами обеспечена, так как оборотные средства превышают расходы гимназии за год. На самом деле это далеко не так. В сумму пожертвований входит основной капитал гимназии 8700 р. 92 к., с которого гимназия пользуется только процентами, а если мы к этому добавим неаккуратность взноса городским управлением ассигнованной субсидии в сумме 2260 руб. ежегодно, то увидим, что средства гимназии критические. Город неоднократно до этого и позже обращался с ходатайством к правительству об увеличении ассигновки на содержание гимназии, даже лично в приезд сюда начальников края (ген.[ерал-]губ[ернаторов]) об этом всегда напоминалось, и начальство всегда сочувственно отзывалось на это, но центральное правительство смотрело на женское образование с каким-то особенным предубеждением, и если не особенно-то поощряло просвещение юношества, то уж о женщинах и говорить нечего.

* * *

Излишне говорить в настоящее время о той пользе для Сибири, какую имело бы беспошлинное торговое сообщение через устье Оби и Енисея с западноевропейскими торговыми рынками. Однако прошли столетия, как существует Сибирь на положении колонии государства Российского, а путь по Северному морю, по которому свободно ходили «торговые люди», и по сие время запечатан был, как говорится, семью печатями. Известная политика под названием «поощрение отечественной промышленности»

требовала того, чтобы жизненные интересы Сибири — этой богатой страны, о которой болели душой наши патриоты — областники Потанин и Ядринцев, — шли в жертву российской промышленности.

Напрасно вся сибирская печать и общество громко говорили и апеллировали к правительству о необходимости открытия так наз.[ываемых] открытых дверей. Все это оставалось без внимания. Было сделано в виде пробы Высочайшее разрешение на три года, с 1896 г. по 1899 г., для беспошлинного ввоза иностранных товаров в устья сибирских рек, вызвавшее оживленный товарообмен Сибири с заграничными рынками, но и не дождавшись срока его окончания, было закрыто. Благодаря этому караван судов К° Поппам, пришедший к нам в Енисейск в 1897 году с английскими товарами, понес большие убытки, так как ввезенные осенью товары обложены были таможенною пошлиною. Обстоятельство это вызвало целый ряд протестов-ходатайств разных организаций и городских дум, в том числе и нашей думы, о том, что если правительство действительно имеет в виду способствовать вывозу малоценных сибирских продуктов за границу, то необходимо еще на некоторое время удержать право льготного провоза в Сибирь иностранных товаров с целью укрепить торговые сношения с заграницей. Такое ходатайство думы направлено было в министерства и в этом году, но, разумеется, напрасно. Много лет прошло с тех пор, пока при помощи военных событий сначала на Дальнем Востоке с Японией, а затем в России на этот путь не было обращено новое внимание, постепенно подвигающее этот вопрос к разрешению. Наконец революция 1917 г. должна бы, кажется, положить конец всему прошлому, но на смену Куракиных и Романовых пришли новые препятствия в форме внутренних междоусобий и смут, которые заслонили осуществление морской торговли на неопределенное время.

* * *

1 июля — день открытия в Сибири института судебных установлений. С этого дня в Енисейске открылись камеры мировых судей: городского — 1-й уч.[асток], таежного уч.[астка] — 2-й уч.[асток] и следственного судьи. Первыми судьями назначены были Жано, Максимовский и Татаринцев.

За несколько времени до этого в городской управе была получена от прокурора бумага с просьбой об отводе помещения городского управления под сессию приезжающего для решения дел окружного суда. Управа, конечно, охотно согласилась уступать на это время занимаемое ею помещение (2-й этаж дома на площади, где музей имени Кытманова), но только оно оказалось совершенно непригодным для этого по своей тесноте. Тогда обращались к старшинам общественного собрания об уступке театра,

игорной и гостиной комнат, и это было бы самым идеальным помещением, но, к сожалению, собрание отказало в этом по причине, с одной стороны, лишения доходов от театра, который за время сессии нельзя уже было эксплуатировать отдачею внаймы, с другой — из-за опасения, что публика, которая будет собираться и наполнять зрительный зал, ложи и партер, причинит вред помещению собрания, попортит портьеры, обивку мебели и т. п. Таким образом, сессии пришлось занять тот же 3-й этаж углового каменного дома присутственных мест, где разместились камеры мировых судей.

Первая сессия окружного суда состоялась в ноябре[3] и, весьма естественно, привлекла много публики, интересующейся ходом процессов. В числе глазеющих занесло и меня, где я не только насладился заседанием и состязательными прениями, но и сам имел удовольствие благодаря своей любознательности попасть в число обвиняемых.

Все это неожиданно и быстро превратилось для меня в действительность следующим образом. В ожидании момента проникнуть в зал заседания я стоял в толпе пред входными дверями в это чистилище. Неожиданно ни для кого из зала выскакивает молодой человек, почти юноша, и, локтями расталкивая публику, бесцеремонно пробивается к выходу. В этот-то момент он, скользнув [в] толпу и пробиваясь мимо меня, наступает каблуком на мою ногу, и как раз на то самое место, где у меня на пальце была сухая мозоль. Моментально, не взвидев света, я почувствовал ужасную боль и, не сознавая ничего, толкнул в спину пробивавшего себе дорогу юношу. Видимо, толчок мой настолько был чувствителен для юноши, что он полетел с ног, как только попал в пространство, свободное от публики. Все это произошло настолько быстро и неожиданно, что на это из публики никто даже не обратил внимания, а тем более я сам. Каково же было мое удивление, когда спустя неделю я получаю повестку от мирового судьи о вызове меня на суд в качестве обвиняемого в нанесении оскорбления действием такому-то. Только тут я почувствовал разницу в старом и современном законодательстве, а по прочтении мне приговора узнал и беспристрастность, и справедливость суда.

Сколь я ни ссылался на суде на свою проклятую мозоль, инстинктивно вынудившую меня толкнуть юношу, судья приговорил меня [к] аресту на семь суток без замены штрафом. Оказалось, что я толкнул рассыльного этого судьи, посланного по какому-то делу, и только благодаря тому, что на этом «должностном лице» была простая блуза, а не курьерский мундир, я получил такой легкий приговор, как объяснил впоследствии сам судья.

---

[3] 30 ноября городом был дан завтрак представителям новых судебных учреждений по предложению в думе С. В. Востротина. — *Прим. Миндаровского.*

Интересна главным образом мотивировка решения этого судьи в части, касающейся моей злополучной мозоли. В своем приговоре он говорит, что «всякий входящий в толпу может рассчитывать, что его толкнут и наступят на ногу, а потому...» и т.[ак] д.[алее], дескать, никуда не должен показывать своего носа, если не хочет быть изувечен этой толпою. Долго я помнил этот приговор и боялся с мозолью идти в театр, в церковь и проч.[ее], чтобы опять не попасть к подобному судье, которому место уготовано в раю.

Интересно нам, сибирякам, пред глазами которых прошло немало таких судей, сопоставить эти мудрые решения с программной речью министра юстиции Муравьева, сказанной им в Иркутске при осуществлении в Сибири института судебных уставов. Как известно, он помянул, что «Сибирь будет наделена лучшими силами юстиции, все, что представляет в России цвет и сок российской юриспруденции, прибудет в Сибирь насаждать закон и порядок», — такова по содержанию была его речь, обращенная к сибирякам в 1897 году. И вот если в лице судьи Максимовского мы должны были видеть и признать цветы российской юстиции, то каковы же были стебельки и корни того растения, оставшегося в России, которое именуется судебным ведомством того доброго времени, про которое я пишу?

* * *

При Енисейской мужской прогимназии с 1892 года открыт приготовительный класс с целью подготовки детей, рассчитывающих продолжать образование в прогимназии. За истекшие пять лет общее число учащихся в среднем приходилось на год по 16⅓ человек, и по преимуществу детей лиц состоятельных или сыновей учащих, которые по уставу гимназий обучаются бесплатно, и сверх этого 10% общего числа учащихся тоже освобождается от оплаты. Городская же дума, открывая приготовительный класс и устанавливая минимальную плату 25 р. в год, которая должна идти в возврат отпускаемых городом на содержание этого класса 1100 руб., имела в виду дать некоторую льготу родителям, желающим обучать детей своих в гимназии, и полагала, что общее число учащихся будет значительно больше. Теперь же, видя, что содержанием ею приготовительного класса расчеты ее не удовлетворяются, решила ходатайствовать об упразднении приготовительного класса и о сложении на его содержание отпускаемых ежегодно 1100 руб. Эти деньги она имела в виду обратить на содержание еще одного приходского училища с числом учащихся до 50 человек или отпускать 850 руб. на содержание начальной школы с меньшим числом учащихся, а остальные 250 руб. отдавать в пособие казне на проектируемые ремесленные классы, о которых в то время шла переписка, начатая в Министерстве народного просвещения.

Но лихая беда начать дело, а там уже не отпишешься. Так и в истории с приготовительным классом, принятым на себя городом. Как ни ходатайствовала дума о его закрытии, но удовлетворения этому ходатайству так и не дождалась, пока не прошло два десятилетия и приготовительный класс явочным порядком не превратился в дополнительный класс гимназии, оправдывающий свое существование платою, собираемой с учеников по раскладке. Ибо город под влиянием наступившего финансового кризиса окончательно оказался не в состоянии оказывать субсидию гимназии на его содержание, и перед гимназией действительно встал вопрос, что делать с этим классом, чтобы не нарушить существующих законоположений, и педагогический совет придумал делать раскладку платы на содержание класса между самими учащимися. Так и шло дело до дней революции 1917 года, когда все пошло по-иному и в другом направлении.

* * *

В апрельском заседании городской думы заслушан был доклад городской управы, предлагающей возбудить пред правительством ходатайство об отмене ежегодного взноса городом 2000 руб. в пособие казне на содержание канцелярии местного полицейского управления.

Налог этот возложен был на город Енисейск законом 25 декабря 1864 года. Хотя за уничтожением в 1869 году пожаром всего городского архива прочесть этого закона мне не удалось, а в «Своде законов [Российской] Империи» его помещено не было, тем не менее отделаться от него, несмотря на неоднократно возбуждаемые городом ходатайства, так и не пришлось вплоть до 1916 года, когда город.[ской] голова А. И. Елтышев поехал в Петербург лично с этим ходатайством.

По всей вероятности, это особое для Енисейска Высочайшее законоположение последовало потому, что в то время Енисейск представлял из себя «золотое дно», как его называли многие старожилы, с другой стороны — всеми делами, относящимися до охраны города, ведала одна полиция, подчиненная городничему. Почему и возможно допустить такое привлечение города к расходам казны по содержанию полицейской канцелярии. Но с течением времени, когда с изменением штатов полиции все городские дела отошли городской полиции в лице пристава, налог этот потерял всякое основание. При мне из наводимых городской управой справок удалось добиться только того, что из всех сибирских городов таким налогом обложена была Кяхта.

Несмотря на устарелость этого закона и нецелесообразность его применения, он все-таки тяжелым ярмом продолжал лежать на бюджете города, и никто из начальников губернии не желал обратить на это внимание, не-

АНОНСЪ.

Совѣтъ Старшинъ Енисейскаго Общественнаго Собранія имѣетъ честь извѣстить, что вольный маскарадъ, назначенный на 16-е число Февраля 1897 года,—отмѣняется.

Дежурный Старшина ВИЦИНЪ.

Печ. разр. 15 Февраля 1897 г. И. д. Окр Испр. Волковъ. Енисейскъ Типографія С. Н. Штеблера.

смотря на представляемые им ходатайства городской думы. На одно из таких ходатайств однажды даже из министерства последовал запрос чрез губернатора сообщить, где, в каком номере собрания законов было распубликовано это Высочайшее повеление, и, однако, несмотря даже на то, что Петербург не знает, где найти затерявшееся или исчезнувшее законоположение, им все-таки продолжают пользоваться, отягощая и без того мизерный бюджет города. Правда, за два с половиной последних десятилетия город совершенно не платил его в казну, несмотря ни на какие приказания свыше, тем не менее ярмо это тяготило над городом, пока городской голова Елтышев личной поездкой в Петроград не добился этого сложения, и то при помощи моего печатного доклада[4], представленного в думу в 1915 году[5], о финансовом банкротстве города. Вот вам и еще одно доказательство того, как смотрела царская власть на нужды общественных самоуправлений.

[4] В Енисейскую городскую Думу: Доклад секретаря Енисейской гор. думы М. П. Миндаровского. Енисейск: Тип. бр. Кытмановых, 1915. Помещен в первой тетради записок Миндаровского между л. 279 и 280.

[5] Приложен в конце моих записок. — *Прим. Миндаровского.*

* * *

Прошло с небольшим полгода, как открыл свои действия городской ломбард, и действительность показала, насколько велика потребность в нем городского трудового населения. Разрешенные Минист.[ерством] финансов на обороты ломбарда 5000 р., взятые из общественного банка, оказывается, уже разошлись по ссудам для нуждающихся. Работа распорядителя увеличилась, и он уже начинает выпрашивать у думы писца и дополнительного складочного помещения для закладов. Но ведь нашу думу сразу не обойдешь, она твердо знает пословицу «Взялся за гуж, так будь дюж». Подписал, милый мой, контракт с обязательством отвода помещения под кладовые при своем доме, так и подавай, а если не хватает — нанимай за свой счет точно так же и писца, если сам не в состоянии управиться. Так на ходатайство распорядителя дума и ответила, что же касается увеличения оборотных средств ломбарда, то дума в заседании 16 мая постановила возбудить ходатайство об увеличении ссуды из банка еще до 5000 руб.

Таким образом, опасения расчетливых гласных за то, что ломбард своим существованием будет давать убытки городу, не оправдались. Из доставляемых распорядителем ежемесячных ведомостей уже обнаружилось, что начисляемыми на ссуду процентами стало уже оправдываться содержание ломбарда. Расчеты инициатора Скорнякова оказались вдвойне дальновиднее заботливых коммерсантов. Ломбард оказал услугу населению, избавив его из цепких рук ростовщика, и обеспечил свое существование. В дальнейшем мне придется говорить о ломбарде неоднократно, поэтому на сей раз я ставлю точку.

* * *

По распоряжению военного ведомства штат местной военной команды должен был пополниться формируемой конвойной командой численностью в 50 человек при особом фельдфебеле. И на город возлагалась обязанность расквартировать эту команду в особом помещении.

Енисейская городская дума через особо избранную ею комиссию по соглашению с начальником команды остановилась на приспособлении для этой цели пустующей усадьбы города, купленной в 1893 г. у наследников Сизова под холерный барак. С этой целью предполагалось произвести только в деревянном корпусе барака необходимые перестройки, соответствующие требованиям военного ведомства, а угловой дом усадьбы устроить под квартиру фельдфебеля. Все это было исполнено, и конвойное отделение при местной команде продолжало существовать до революции 1917 года, а затем в зиму 1920/[2]1 годов во время владычества советской власти казармы и дом были сломаны и употреблены на дрова для отопления казарменных помещений Красной Армии.

* * *

В селе Верхнепашенском ежегодно празднуется день Св.[ятой] Параскевы в девятую пятницу и воскресенье после Пасхи. В эти дни в село Верхнепашенское съезжается много молящихся и просто собравшихся приятно провести время на лоне природы, и горожане всегда охотно и торжественно праздновали этот день. Проще сказать, это был народный праздник, установленный в честь святой мученицы Параскевы. Казалось бы, и довольно этого. Но вдруг, до сих пор неизвестно чего ради, словно ради конкуренции святой Параскеве, при особом содействии протоиерея Евтихиева выписывается на подписные средства при часовне в д. Борках икона Св.[ятой] Параскевы, с которой начинаются в кануны девятой пятницы крестные ходы из соборного храма до д. Борков, в которых главенствует соборный причт. Публика, так.[им] обр.[азом], разделяется на два лагеря, а паломничество в оба конца, т.[о] е.[сть] на восток и на запад от границы города, становится обычаем. Мало этого, протоиерей по должности благочинного обращается в городскую думу с предложением, чтобы дума составила приговор на ежегодный принос этой иконы в г. Енисейск для служения желающими молебнов, то есть повторяется та же история, что и с иконой Св.[ятой] Троицы из села Арейского по хлопотам гражданина Павлова. Дума предложение это отклонила, и крестохождение и молебствие если и совершаются, то по доброй воле и желанию всех и каждого.

* * *

В этих своих записках я однажды коснулся забот городского общества в деле благоустройства и содержания кладбищ. К числу этих забот относится и вопрос о содержании сторожей при кладбищенских храмах. В прежнее время служба кладбищенского сторожа при храме являлась общественной натуральной повинностью по очередям, устанавливаемым сходами мещанского общества. Проще сказать, порядок был такой: намеченный обществом кандидат должен был положенный срок (кажется, три или четыре м[еся]ца) отслужить в роли сторожа, но обычно служили мало, а вносили определенную сумму на жалованье, за которое и служили лица наемные. Потом с 90-х годов расход на сторожей принял город, и потребная на содержание сумма стала ежегодно вноситься в городские сметы. Дошло до того, что дело со сторожами приняло юридическую форму и стало вопросом спорным. Отыскались сенатские толкования на этот счет, говорящие за и против. Наконец губернское по городским делам присутствие при рассмотрении сметы гор. Енисейска на 1895 г. исключило эту сумму на сторожей, говоря, что Красноярск не несет этого расхода, а дума чему и была рада, обрезав,

Крестовоздвиженская церковь на Севастьяновском кладбище, 1880 г. Из фондов ЕКМ.

т.[аким] об.[разом], кладбищенские церкви и поставив церковных старост в критическое положение. А так как кладбищенские старосты избирались городской думой, то с этого времени и найти желающих служить стало затруднительным. И вот в такое-то трудное время согласившиеся служить Патраков и Зеленцов были последними за мое время энергичными людьми, которые немало поработали над благоустройством кладбищ. В городской думе в это время одним из ревностных гласных за интересы кладбищ был купец А. Ф. Петров, который каждый раз, как только вопрос касался церкви, прилагал к протоколу свое мнение, где обязательно, бывало, упрекнет думу за то, что она, игнорируя интересы церкви, тратит городские средства на какие-то лечебницы. Так и при подписи постановления думы 15 октября по вопросу об отклонении сметного кредита на сторожей и ремонт кладбищенских оград Арсений Федорович написал, что «прежде на наем сторожей в обществе находились средства, и деды наши считали священной обязанностью охранять кладбищенские церкви и устраивали ограды в приличном виде. В настоящее время, к стыду нашему, ограда разрушена, по кладбищу бродит скот и свиньи. Где те средства, которые отпускались на наем сторожей, не на лечебницу ли употреблены? Нет, они должны быть возвращены на наем сторожей, как прежде было, а лечебница может содержаться на средства инициаторов и на частные пожертвования».

* * *

В ночь на 24 августа, «яко тать в нощи», пристал к енисейской пристани пароход Немчинова «Иоанн Кронштадтский», и на нем с устья Енисея прибыл адмирал Макаров. В это время в театре шел спектакль, и все начальствующие и градоправители были там и, не будучи осведомленными о приходе парохода, не встретили генерала, который на это отнюдь не обиделся, а назавтра же сделал в городе всем соответствующие визиты. Поездка адмирала связана была с осмотром ледокола и обследованием льдов дальнего Севера. Пробыв сутки, адмирал выехал далее в Красноярск на пароходе, а «Иоанн Кронштадтский» остался здесь зимовать, с тем чтобы весной по вскрытии реки, пока большая вода, пробраться по Ангаре до Иркутска, что ему и удалось, хотя, говорят, и с большими трудностями и препятствиями, превозмочь которые стоило больших работ экспедиции инженера Черноцова, занимавшейся в то время над исследованием Ангары.

* * *

5 ноября исполнилось 25 лет с того дня, как 5 ноября 1872 года Енисейская городская дума, образованная на началах городового положения 11 июня 1870 года, имела первое свое заседание.

Вспоминая этот день, городской голова С. В. Востротин доложил о нем современной думе в заседании 15 октября, и последняя решила совершить в это число в зале городской думы благодарственное молебствие, после которого гласные были приглашены в квартиру головы на легкий завтрак.

Особенною теплотою и сердечностью отличился вечер этого дня, устроенный Степан.[ом] Васильевичем для своих знакомых, друзей и сослуживцев в своей квартире. Собралось человек 30, из которых составился в полном смысле литературно-музыкально-вокальный вечер. Читали стихи, декламировали, играли на рояле и пели. Героиней вечера была супруга хозяина Екатерина Игнатьевна (дочь Игнатия Петровича Кытманова, о котором я уже говорил). Вечер этот до сих пор жив в моей памяти, несмотря что с этого дня скоро минет новых 25 лет.

* * *

Продолжительное время и неоднократные заседания думы посвящены были вопросу о ночных караулах в г. Енисейске, состояние которых признано было уже отжившим и требовало пересмотра и перестройки этого дела заново.

Долгие годы город охраняли ночные сторожа — пикетчики, как их еще называли, содержимые на помесячную плату, собираемую ими с домовладельцев. В сторожа вследствие незначительности платы шли большею

частью люди престарелые, иногда инвалиды, и состояли они в непосредственном распоряжении своего участкового полицейского начальства — квартального, днем поочередно служа у него не то рассыльным, не то дворником. Некоторым из молодых интеллигентных гласных современной городской думы такая система караулов казалась странной, и, чтобы видоизменить и улучшить институт сторожей, они придумывали свои проекты, внося их на обсуждение гласных. Одним из таких реформаторов ночного караула выдвинулся гласный Ал.[ександр] Игн.[атьевич] Кытманов, особенно всегда к сердцу принимавший тот или другой дефект в городском хозяйстве. Но дело-то в том, что сплошь и рядом та или другая безусловно полезная мера или способ улучшения благоустройства города сталкиваются с действующим законодательством и здесь встречают непреодолимые препятствия. Нечто подобное выходило и с караулами. Так, пробовали было в видах упорядочения личного качества караульного наем производить с ведома участковых домохозяев в городской управе, подчинив последней и надзор за ними, тогда появилось много столкновений и придирок со стороны полиции. Пробовали сбор денег с обывателей на наем караульных производить в управе и ими расплачиваться с караульными, и тоже ничего, кроме путаницы, не вышло. Делалось это для того, чтобы выровнять для каждого караульного охраняемый им по величине район, потому что прежде бывало так, что караульный в центре города собирает свои 12–15 руб. в м[еся]ц с трех-пяти богатых домов и караулит их, а на окраинах, изобилующих лачугами, чтобы собрать эту сумму, надо охватить два-три квартала. Еще пытались пеших караульных заменить конными объездными (проект Кытманова), который-де, будучи на лошади, всегда успешнее может действовать при задержании злоумышленника или при подаче помощи, и оказалась на практике та же чепуха. Словом, как ни комбинировали, все на практике разлеталось прахом. И все потому, что не закон должен бы соответствовать жизни, а жизнь должна приспосабливаться к закону. Так и с караулами. По закону содержание ночных караулов являлось натуральной повинностью самих обывателей, которые относить ее сами не желали и отделывались четвертаками в месяц, платимыми пикетчикам, которые пользы никакой своим караулом не приносили. Обратить же эту повинность в денежную, то есть провести свое согласие на наем караульных через городскую думу, которая бы путем того же, наприм.[ер], подоходного обложения, каким исчислялся оценочный сбор, могла в бесспорном порядке собрать необходимые 5000 руб. в жалованье караульным, — этого не желали тоже потому, что тогда богатым людям, владеющим каменными домами и службами, занимающими половину кварталов, как, например, тому же Кытманову, пришлось бы заплатить 150–200 р. в год, тогда как те-

перь он откупается целковым в м[еся]це, уплачиваемым на руки караульному, и больше ни о чем не заботится, потому что закон соблюден.

Так и тянулась эта история с караулами вплоть до революции, отменившей законы, пока совсем не прекратилась под влиянием наступившей дороговизны, при которой содержание караулов стало непосильным для домохозяина.

В заседании думы 15 октября 1897 года как раз и был вопрос о распределении таких караулов по городу и о содержании их.

* * *

Мечты о профессиональном, хотя бы в начальной степени, образовании никогда не являлись чуждыми для енисейцев. Они помнили пословицу, что «ремесло за плечами не висит», и потому всячески поддерживали ремесленное образование детей в Александровском приюте, благодаря которому многие из вышедших питомцев стали ремесленниками и этим существовали. Нечто подобное предполагало основать в городе и Общество попечения о начальном образовании, обратившись со своим проектом в городскую думу и прося последнюю помочь найти помещение для курсов ручного труда и отвести уголок для детского сада. В заседании думы 7 августа 1897 года, когда шло об этом суждение, городской голова С. В. Востротин предложил обществу один из своих домов наследственных, находившийся на углу Большой улицы и Святоградского переулка, с тем чтобы перенести и поставить его на усадьбу Александровского дома бедных детей по Спасской улице, один из этажей которого отвести под мастерские курсов, что и было выполнено, но, к сожалению, курсы ручного труда так и не привились у нас, несмотря на то что к осуществлению их принимали заботы инспектор народных училищ Сергиевский и супруги Баландины, был даже приглашен опытный преподаватель Попов, знакомый с живописью, гончарным и лепным искусствами. Все свелось потом к деланию корзин, но скоро и те забросили. Впоследствии дом этот, где были устраиваемы курсы, поступил городу и стал общим достоянием усадьбы Александровского приюта[6].

[6] Раньше этот дом стоял на углу усадьбы Востротиных по ул. Ленина, где сейчас Дом крестьянина. Есть фотография в музейном архиве. — *Прим. Миндаровского.*

1898 год

Под предлогом замечаемого абсентеизма гласных к посещению думских собраний в заседании губернского по городским делам присутствия выдвинут был вопрос о признании г. Енисейска, как города старинного с солидными в нем постройками, значительным уездным центром, с той целью чтобы произвести в нем перевыборы гласных, применив к Енисейску высший имущественный ценз для избирателей с минимальной оценкой имуществ в 1000 рублей, полагая, что крупные домовладельцы как более сознательная часть горожан будут более серьезно относиться к своим общественным обязанностям.

Получив такое постановление губернского присутствия, городская дума нашла необходимым всячески протестовать против такого взгляда губернского олимпа и поручила городской управе составить по этому поводу соответствующий доклад, который и внести в городскую думу на рассмотрение. Такой доклад был доложен думе в заседании 17 марта, в котором проводилась та мысль, что с повышением предельного ценза с 300 до 1000 руб. избирателей окажется столь незначительное число, что пропорционально будет сокращено и число гласных, что явится на практике неудобным, да и стеснительным для многих лишившихся права своего представительства на выборах. Все это до чрезвычайности сузит и без того неширокие права, предоставленные законодателем по отношению таких небольших городов, как Енисейск, не говоря уже о том, что повышение избирательного закона может повести к переводу города в высший разряд обложения его торговыми сборами, что, в свою очередь, будет незаконным явлением при падении в крае промышленности и торговли. Все это городская дума и постановила довести до сведения губернской администрации, прося отменить свое предположение. На этот раз тем дело и окончилось. Но спустя два десятка лет при том же законе о городском хозяйстве то же губернское городское присутствие, только лишь не те члены, рассматривая городскую смету на 19 <...>[1] год, дают заключение совершенно обратное только что приведенному. Здесь они признают целесообразным перевести город на упрощенное городское положение, чтобы сократить расходы по его содержанию, а потому довести имущественный ценз до 100 руб. и вместо думы выбрать собрание уполномоченных. Так губернская администрация не раз прибегала к таким трюкам, чтобы как-нибудь выйти из затрудни-

[1] Так в тексте.

тельного положения, только бы под напором жизни не нарушить отжившего и омертвелого закона о городах.

* * *

1 декабря 1897 года последовал Высочайший закон о предоставлении городам права на взимание сбора с обывательских собак по 50 к. со штуки, и наша городская дума поспешила законом этим воспользоваться, потому что недаром же существует мудрая пословица «С паршивой собаки хоть шерсти клок». Разумеется, если перед глазами отцов города совершаются всякого рода коммерческие сделки, эксплуатируется при этом интерес города и он ни с какого боку не может подойти, чтобы извлечь из этого себе доход, то рад будет и собачьему налогу, все же «не все пропало». Таких грошовых налогов, как собачий, лошадиный и т. п., найдется порядочно, но что они могли служить существенной поддержкой городу, этого сказать утвердительно нельзя.

Благоустройство западноевропейских городов не собачьими налогами держится, а широким правом самоуправления. Но мы пока будем довольствоваться и тем, что нам милостиво преподносят. По этим соображениям городская дума в заседании 21 апреля постановила установить с собак 50 к. сбор соответственно установленным на этот счет правилам обложения им. Много с этим «собачьим» налогом было забавных случаев, о которых мне здесь долго бы было рассказывать. Их знают только я да те члены управы, которые ведали делом взыскания сбора.

* * *

Бывший гласный думы Алексей Ив.[анович] Тарасов, имя которого я уже упоминал в своих записках, в мае месяце вошел в городскую думу с предложением подарить городскому обществу имеющуюся у него коллекцию горных пород, собранных с Уральских гор, но с тем условием, чтобы эта коллекция «была выставлена в актовом зале или библиотеке Енисейской мужской прогимназии, а не в другом каком-либо учреждении. С надписью на витринах, в которых помещена будет эта коллекция, о том, что она принесена в дар таким-то и тогда-то». При заявлении своем Тарасов приложил и алфавитный указатель к этой коллекции, состоящей более чем из 200 названий.

Привыкший бить всегда на оригинальность и поступать казуистически, Тарасов и тут показал себя. Дело в том, что он, не отрицая, конечно, значения и пользы науки, не особенно симпатично относился к трудам гласного Ал.[ександра] Игн.[атьевича] Кытманова, работавшего над созданием в Енисейске местного музея, а главным образом к тому, что музей откры-

вался для публики по воскресеньям на три часа, чего он находил недостаточным, требовать же от основателя музея, не имевшего у себя помощников, большей и повседневной работы было бы неблагодарным, если не сказать несправедливым, со стороны думы, и так уже многим обязанной этому труженику на пользу края. И вот, чтобы чем-нибудь, т.[ак] ск.[азать], «подкусить» Кытманова, он и выступает перед думой со своим даром коллекции, ставя свои условия обозрения ее публикою в гимназии, «а не в другом каком-либо учреждении», как музее, где бы ей, казалось, ближе всего находиться. Но, как ни мудрил жертвователь, судьба коллекции оказалась печальной по осуществлению цели, которую преследовал жертвователь, и совсем другое получилось бы, если бы эта коллекция попала сразу в музей.

Директор гимназии, к которому управа обращалась с запросом относительно коллекции Тарасова, ответил, что «он согласен на помещение этой коллекции в физическом кабинете прогимназии, с тем что для бесплатного и свободного обозрения ее публикою и учащимися может быть каждый месяц отводиться один из воскресных дней». Разумеется, такие условия господином Тарасовым как «девственные», по его выражению, не были им приняты. Предполагалось потом витрину с коллекциями поставить в зале вновь выстроенного здания школы-читальни Баландиных, да здание еще не было передано тогда в собственность города, а жертвователей здания супругов Баландиных, от которых бы можно было получить согласие на это, не было в городе, вследствие чего дело это затянулось на целые два года, в течение которых последовала смерть А. И. Тарасова, и ящик с жертвуемыми им минералами был передан уже душеприказчиком и опекуном над имуществом покойного, и городская управа, приняв его, поставила его на хранение в одну из своих кладовых, где он лежал долгие годы, пока наконец дикая волна революции и вакханалия советских правителей в 1920 году не растрепали все до последнего камешка[2].

Говоря о тарасовской коллекции, уместным будет упомянуть и о личности покойного, который своею продолжительной деятельностью в качестве ли золотопромышленника или общественного деятеля, без сомнения, оставил след в истории города своими оригинальностями, доходящими иной раз до чудачества, а главное, своею упрямостью, крючкотворством и сутяжничеством со всем и каждым, кто имел с ним дела.

Тарасова я стал знать уже во времена упадка золотопромышленности и видел его всегда скромным, степенным старичком, ведущим уединенную жизнь в собственном деревянном доме в нагорной части по Успенской улице.

[2] Алфавитный указатель этих пород при сем прилагается. — *Прим. Миндаровского* [в материалах к «Запискам» указатель отсутствует].

Это был довольно интеллигентный человек, интересный по своей оригинальности собеседник, владелец весьма солидной библиотеки времен 40-х и 60-х годов. Фотограф-любитель, имевший до пожара 1869 года свою фотографию, работы которой имеются в музее Кытманова. По происхождению он уроженец гор. Вышневолоцка, а по званию — царскосельский купец. Этот краткий формуляр был бы слишком недостаточной характеристикой покойного, если бы я умолчал о его действиях, из которых можно бы, кажется, составить целые мемуары, но я упомяну только два-три из многих.

Однажды Правительствующий сенат приговорил Тарасова на семь дней ареста при тюрьме за оскорбительные выражения, допущенные им по отношению какого-то присутственного места в официальной бумаге. В Енисейске Тарасов садится отбывать наказание и в первый же день ареста на вечерней поверке заявляет смотрителю, что он ночевать его должен отпускать домой, так как он приговорен судом лишь на семь дней, а не суток, и что иначе он будет жаловаться по телеграфу за незаконное лишение его свободы. Дошло дело до того, что объясняться и убеждать Тарасова прибыл в тюрьму стряпчий, чего только Тарасову и надо было, чтобы поглумиться над неточностью выражений высших властей.

Приезжает раз к Тарасову чиновник полиции с исполнительным листом о немедленной уплате какого-то казенного штрафа в сумме нескольких сот рублей. Тарасов отнекивается уплатою, ссылаясь на отсутствие денег. Чиновник наставительно предупреждает, что он должен будет приступить тогда к описи чего-либо из имущества Тарасова, и последний соглашается с этим, оставляя за собой законное право указать, что он прежде всего желает подвергнуть секвестру, и указал на библиотеку. Делать нечего, чиновник с понятыми садятся писать опись содержимому, которая по закону должна быть не огульная, а по томам и названиям авторов. Корпят день, корпят три, а может и неделю. Наконец набрав до суммы иска, предлагают владельцу принять описанное на хранение до дня продажи. Тарасов расписывается в принятии и просит копию описи, получая потом которую он тут же и вручает чиновнику искомую с него сумму штрафа, приговаривая: «Давно я уже собирался составить опись своей библиотеки, да все как-то не удавалось».

Или еще лучше поступил Тарасов с одним из не совсем аккуратных мировых судей, к которому он вызывался в качестве ответчика в определенный день к 10 часам, как было напечатано в повестке. Придя ровно в назначенный час и не найдя судьи за своим столом, он тут же пишет и сдает под расписку письмоводителя записку-заявление, что «он был в точно назначенное ему время, но, к сожалению, не застав судьи и не имея времени дожидаться, свидетельствует ему свое почтение». И надо сказать, все эти

проделки сходили Тарасову как-то безнаказанно. В тайге, например, только один Тарасов из всех золотопромышленников не платил раскладки по 1 руб. с каждого рабочего на содержание причта инженера и исправника, и с него этого не требовали. В городской думе доброго старого времени безграмотные старички-гласные смотрели на Тарасова как на что-то сверхобычное. Некоторые боялись даже подписывать те постановления, от подписи которых воздержался Тарасов. «Нет ли тут чего-нибудь?» — говорили они себе по этому поводу. Таков был на горизонте Енисейска А. И. Тарасов.

* * *

Упоминая в предыдущей своей записи о вновь построенном здании школы-читальни имени Ал.[ексея] Софр.[оновича] Баландина, торжество освящения которого состоялось 6 августа 1898 года, нелишним будет коснуться и поводов, послуживших к ее осуществлению.

Выше я уже касался имени Алексея Софроновича Баландина как старого городского деятеля, занимавшего обязанности городового судьи, директора общественного банка и дважды служившего городским головою, но очень мало жертвовавшего от щедрот своих на нужды города, которому он обязан своим состоянием. Учитывая это, сын и невестка умершего, супруги Александр Алексеевич и Вера Арсеньевна Баландины, желая запечатлеть память своего отца в сердцах будущих поколений, решили отчислить из наследственного капитала 50 000 руб., из которых половину употребить на постройку каменного здания для помещения в нем образовательного учреждения имени покойного, а другую половину обратить в неприкосновенный капитал на содержание этого учреждения, с тем чтобы по утверждении правительством особого положения по управлению этим домом передать его в веде-

Вера Арсеньевна Баландина

ние работавшего в то время Общества попечения о начальном образовании, каковая передача и совершилась в форме особого нотариального акта.

Созданное прекрасное здание помимо украшения города своим видом и до сих пор служит целям общеобразовательным. Помимо школы и читальни с библиотекою в нем приспособлена и сцена со зрительным залом, служащие для постановки концертов, спектаклей и лекций. Особенно много пришлось пережить зданию в годы революции, когда советское управление сняло все эмблемы, напоминающие имя жертвователей, и сделало в нем клуб красноармейцев имени товарища Троцкого. Но несмотря на пережитые невзгоды, здание это по-прежнему служит городу единственным местом для устройства в нем всевозможных вечеров общеобразовательного характера.

* * *

26 мая этого года исполнилось пятидесятилетие со дня смерти великого писателя земли русской В. Г. Белинского. В этот день по желанию городской думы в Богоявленском соборе была отслужена панихида по покойному, а вечером в здании общественного собрания состоялся литературный вечер, посвященный памяти писателя.

Предвидя, что всякое такое публичное чествование великих людей России может встретить препятствия со стороны администрации, местное Общество попечения о начальном образовании, взявшее на себя хлопоты по устройству дня чествования, еще заранее вступило об этом в переговоры даже с губернией, которая, не имея ничего в принципе против самого чествования, пожелала знать, что будет прочитано на этом вечере, и по сообщении туда программы вечера получило наконец и разрешение с подробным перечислением произведений, разрешенных к прочтению. Указаны были:

1) «Биография Белинского» Протасова, с 9-й строки.
2) Стихотворение Некрасова «Памяти приятеля».
3) «Что такое критика» — начало статьи о критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя», т. II, стр. 75–79, изд. 1875 года.
4) «Характеристика Марии в Полтаве», т. VIII, [стр.] 505–509 того же изд.
5) «Характеристика Татьяны», [стр.] 580–584, 586–597, 601–608.
6) «Рецензия на „Выбранные места из переписки с друзьями“».
7) «Гамлет и Мочалов».
8) Из «Медвежьей охоты» Некрасова строфы, относящиеся к Белинскому.
9) «К 45-й годовщине смерти Белинского» Джаншиева.
10) Одно из стихотворений: «Пророк» Пушкина, «Мыслителю» Жемчужникова, «Идеалисты и практики» его же, «О скоро ли минет это время» его же и «Мы долго лежали повергнуты в прах».

Таким образом, начальство оказалось более компетентным в чтении, чем Общество о народном образовании, преследующее эти задачи.

* * *

Я уже касался в своих записках того факта, что города являются как бы беспредельными источниками, из которых можно черпать какие угодно расходы, не считаясь с их кредитоспособностью к выполнению той или другой возлагаемой на них повинности, хотя бы даже чисто государственного характера. Так случалось и у нас в Енисейске, достаточно было правящим сферам Петербурга придумать какой-либо проект, той или иной стороной кас.[ающийся] городовой жизни, чтобы вызываемые его осуществлением расходы отнести на средства того города, которого он касается. Там не думают о том, что вся-то Россия и состоит из городов и поселков, хозяйством которых управляют городские и земские учреждения, источники извлечения доходов в которых точно ограничены законом, изданном этим правительством, и что проведение какого-либо распоряжения, сопряженного с денежным расходом, может вызвать финансовый кризис данного города или селения.

Так и вышло в данном случае, на котором я хочу остановиться. Перепись населения г. Енисейска, произведенная в 1897 году, дала цифру 11 487 человеческих душ. Округляя эту цифру в 10 000 и считая, что по закону в городах полагается иметь на каждую тысячу человеческих жизней два городовых полицейской команды, министр внутренних дел сделал распоряжение об увеличении существующего в Енисейске штата городовых с 14 до 20 человек. Вот это-то распоряжение, данное губернатору, а последним сделанное городскому управлению, и было предметом обсуждения его в городской думе на заседании 3 августа, которая, как и всегда в подобных критических обстоятельствах, постановила ходатайствовать о принятии этого дополнительного расхода на средства казны. Это единственный исход, к которому в подобных случаях всегда и прибегает дума, наивно успокаивая себя надеждою, что оно так и будет. Разумеется, никакого принятия казною этого расхода не было, а наоборот, городу пришлось принять на себя дополнительных 3270 р. ежегодно на счет своей сметы, которая, как мы уже знаем, никакому расширению в смысле доходности не поддается. Вводимым «собачьим» налогом эти 3270 р. тоже не заткнешь.

Напрасно дума извивалась потом, указывая на нецелесообразность увеличения здесь штата городовых, доказывая это прогрессирующим упадком экономической жизни края и значительным количеством ссыльного элемента, забота о котором должна лежать на правительстве. Все это был лишь «глас вопиющего в пустыне», на который иной раз даже не было и от-

вета. Этот злополучный штат городовых в 20 человек так и продолжал лежать тяжелым ярмом на городском бюджете, пока в 1913 году не последовал закон о принятии половины расхода городов на полицию на средства казны. Это, однако, не облегчило затяжного кризиса городов вообще, а нашего Енисейска в частности, и не повело к улучшению дела охраны городов и селений в отношении их спокойствия и безопасности.

* * *

Ввиду последовавшего в этом году открытия при Томском университете юридического факультета городская дума в заседании 3 ноября определила: «Радуясь открытию в Сибири юридического факультета — нового источника просвещения, нового рассадника права правды и законности», — приветствовать университет с таким радостным для сибиряков событием и поручить управе вопрос об ознаменовании дня открытия юридического факультета внести в думу при смете на 1899 год.

* * *

Еще раз вернусь к вопросу о кладбищенских церквах и кладбищах. Предки наши, создавая в таком изобилии храмы, рассчитывали найти в них не только место для удовлетворения своих религиозных потребностей, но знали, что им придется и содержать их своими средствами. И мы видели на протяжении целых столетий, как возобновляемые после пожаров храмы благоукрашались необходимым инвентарем и запрестольною утварью, а священнослужители жили, не жалуясь на свое существование. С течением времени общественная жизнь горожан видоизменялась, а с нею вместе менялись и взгляды на жизнь рождающихся и сменяющих друг друга поколений. То, что казалось естественным еще несколько десятков лет назад, теперь стало казаться тяжелым, непосильным бременем. Пока служили выборные от общества сторожа при кладбищенских церквах Енисейска или пока город отпускал на наем их свои средства, церкви эти, а также и старосты, избираемые думою, не сетовали на недостатки церквей этих, а как только они лишились этой поддержки, существование их стало затруднительным. Немудрено после этого, если церковные старосты и благочинный протоиерей стали досаждать городскую думу своими ходатайствами и докладами об ассигновании средств на наем сторожей, без которых церковь и кладбище обойтись не могут.

Городской думе и губернскому присутствию, раз уже вычеркнувшим из городской сметы кредит на содержание сторожей, было нежелательно возвращаться к прежнему, и вот в думе между гласными начинаются горячие споры и суждения, как выйти из этого затруднительного положения.

И кладбища-то с церковью жалко, что они могут подвергнуться запустению и обезображению, да и лишних-то средств нет, чтобы город мог помочь ими. Приду[ма]ли рекомендовать церковной администрации заняться рассортировкой и расценкой мест на кладбищах, отводимых для погребений, даже организовали особую комиссию с представительством от думы, но дело далее этого не пошло. Комиссия эта (благочинный, староста и делегат думы) не нашла удобным разделять кладбища на разряды для извлечения доходности на содержание сторожей, «так как кладбищенские церкви при ничтожности доходов их вследствие исправления треб приходскими священниками не имеют достаточных средств на содержание сторожей». Затем пробовали обратить внимание епархиального начальства на то, чтобы оно озаботилось поднятием доходности церквей путем установления определенных дней в неделе для совершения богослужения и привлечения этим молящихся с поминаньями. Оказывается, и эта мера, уже испробованная на практике, не достигает цели. Наконец, указывали на избавление кладбищенских церквей от налогов на нужды епархиального ведомства, и это не помогло. В конце концов после неоднократных думских суждений гласные в заседании 30 декабря 1898 года, не придя ни к чему определенному, решили отписаться благочинному Евтихиеву тем, что «за отсутствием ассигнований на содержание кладбищенских сторожей в утвержденных сметах г. Енисейска на 1897 и 1898 годы дума не может удовлетворить его требование и не сможет войти в рассмотрение вопроса о вознаграждении кладбищенских сторожей на будущее время до тех пор, пока со стороны епархиального начальства не будут приняты меры к увеличению доходности кладбищенских церквей согласно заявлению старосты Коновалова и прежних постановлений городской думы».

Разумеется, если сами горожане как члены одной общей религиозной общины недостаточно горячо и внимательно относятся к нуждам кладбища и церкви при нем, то никакие другие меры, кроме, конечно, пособия от города, этому делу не помогут. В этом случае вполне справедливо приложенное к думскому постановлению 30.XII особое мнение гласного А. Ф. Петрова, что «Енисейск наш не тот, что был раньше, когда заботились о постройке кладбищенских церквей и заботились о своей душе, все это не прежнее время, не стало тех добрых, прилежных людей, или, по крайней мере, мало их видим», что теперь пошли «люди с новыми взглядами на это, люди, мало получившие религиозного воспитания, чтобы быть ревнителями храма Божия» и т. д. Нашлись еще два старосты в лице упоминавшихся мною ранее Зеленцова и Патракова, которые и личным трудом, и средствами, и своею настойчивостью к жертвам других сумели за свою службу поддержать кладбища новыми оградами, а на содержание церкви

и сторожей при них привлечь жертвователей, а теперь после них достойных заместителей не видать по сие время, хотя церкви наймом сторожей как-то обходятся.

* * *

Ввиду полученного учебным ведомством распоряжения о преобразовании существующих в Империи уездных училищ в городские по Положению 31 мая 1872 года директор Енисейской прогимназии вошел в городскую думу с предложением относительно преобразования существующего в гор.[оде] Енисейске с 1797[3] года уездного училища в 4-классное городское, а чтобы содержать таковое, требуется к отпускаемым казною на содержание уездного училища 2400 руб. ежегодно добавлять еще 1030 руб., об отпуске которых из средств города он и ходатайствует пред думой, иначе на казенную ассигновку может быть открыто только 2-классное городское училище. При этом намечаемое преобразование потребует расширения существующего здания училища, о чем также должна была позаботиться дума. Как видит читатель, такое нововведение должно было заставить опять глубоко призадуматься городскую думу, перед глазами которой стоял как призрак денежный кризис города. При 45-тысячном бюджете города такие два ассигнования в один год, как на городовых 3270 р., а теперь на училище 1030 р., — цифра чувствительная.

К чести нашей думы надо сказать, она не остановилась перед этим ассигнованием на полезное дело. Казалось бы, по здравому смыслу, коль скоро правительство нашло пользу реформировать старое, то не должно бы, кажется, останавливаться и перед денежными затратами, вызываемыми[4] этой реформой, но наше правительство было не таково. Не по пути реформы шло оно, а по пути регресса, хотя бы в данном случае; т.[о] е.[сть], если старой ассигновки 2400 р. не хватает на новую школу, создадим таковую упрощенного типа, нет нужды, что программа познаний для учащихся в ней будет ниже прежнего уездного училища. А вот самоуправления стремятся к образованию, ну и пусть добавляют недостающее, если хотят видеть у себя желаемое.

Городская дума в заседании 27 ноября 1898 года, заслушав и обсудив поднятый вопрос, решила в принципе принять на себя ассигнование недостающих 1030 руб. и образовала комиссию под председательством головы, которой поручила составить доклад о всех расходах, какие могут пасть на город в связи с реформой училища.

---

[3] Карандашная правка: «1790».
[4] У Миндаровского — «вызывающими».

Комиссия эта разработала и представила думе доклад в том смысле, что для Енисейска необходимо городское трехклассное училище, но без первого класса, программа которого соответствует законченному приходскому училищу, из которых дети и будут поступать во 2-й класс. Но эти два — 2-й и 3-й классы — должны разделиться каждый на два самостоятельных отделения. Таким образом, общеобразовательный курс этого училища получается четырехлетний. В соответствии с этим должно быть расширено и само здание с выстроенным в 1895 году вторым этажом, на каковую перестройку потребуется, по грубому подсчету комиссии, не менее 6000 руб.

Все соображения были потом приняты думой, училище с 1 июля 1899 года преобразовано, а затем казною отпущены были и 6000 руб. на пристройку, но таковых впоследствии оказалось недостаточно, так как пристройка намечена была в более значительном объеме, чем предположила комиссия, и средства были увеличены. Здание получилось смешанной постройки из кирпича и дерева трех цветов и в таком виде существует в настоящее время, ожидая охотника, который бы посредством оштукатурки его с обеих сторон преобразовал его в один величественный вид громадного здания.

Преобразованное городское училище по настоящее время воспитало уже второе поколение граждан, работающих на различных поприщах общественной и государственной деятельности, как и прежнее уездное училище. Но да простит мне читатель моих записок, что я позволю себе здесь высказать свой взгляд или суждение, которое, быть может, и ошибочное, но, во всяком случае, никому не навязываемое.

Мне, воспитаннику дореформенного уездного училища, при службе в управе приходилось иметь дело с окончившими городское училище юношами, поступившими ко мне в канцелярию в качестве учеников-практикантов на будущие конторско-канцелярские служебные места, и меня всегда удивляло прежде всего слабое знание правописания и слабое развитие сообразительности и любознательности к делу, которое он избрал себе как будущий источник существования, словно в канцелярию его толкнули поневоле, а не по своему выбору. Эти юноши, ознакомившись с начатками канцелярского искусства, уходили потом в другие учреждения, и я их потерял из виду, но и те, которых я знал впоследствии, ничем своих познаний не усовершенствовали, а продолжали быть профессиональными обыкновенными работниками. Объяснять ли это влиянием школы, более широкой по тем знаниям, которые она дает воспитаннику, сравнительно с нами, «уездниками», или чем другим — судить я не берусь, но только скажу, что мои современники, вступая в жизнь, смотрели на будущее более серьезным взором. Впрочем, повторяю, я и ошибаюсь, быть может,

в своих наблюдениях. Во всяком случае, я не хочу этим кого-либо обидеть, а сказал к слову.

* * *

В сентябре м[еся]це этого года сюда был привезен на пароходе отлитый на заводе большой соборный колокол «Аверкий», как гласит на нем надпись — сооруженный на средства Ольги Диомидовны Матониной, оставленные ей по завещанию от мужа. Касаясь жизни и деятельности протоиерея о.[тца] Димитрия Евтихиева, я уже упоминал, что мысль соорудить в соборе этот «вечевой» колокол была внушена этой темной, неграмотной женщине, уже старушке, протоиереем, вероятно, по тем соображениям, что ударами колокола грешная душа покойного ее мужа скорее будет взята из адских мук на лоно Авраамово, чем это может сделать какая-либо иная жертва на пользу своего приходского храма, какую бы она желала сделать. А что у ней было искреннее желание унаследованные капиталы оставить церкви, в этом я не сомневаюсь.

19 сентября, в воскресный день, состоялось торжественное поднятие этого гиганта на соборную колокольню, для чего потребовалось разобрать ворота ограды и входную дверь на паперть церкви, в которые колокол не проходил. Далее разобраны были своды паперти и деревянные полы и балки верхнего — Никольского — придела. Оснащенный так.[им] обр.[азом] колокол чрез проделанные отверстия был поднят по блокам за протянутые на три стороны канаты на колокольню и там водружен. При поднятии участвовала тысячная толпа народа, которым он вытянут был и с пристани по главному взвозу прямо к ограде. Мощность звона этого колокола много теряет от того, что он висит внутри колокольни, а не в окне, где бы ему должно быть место, но, к сожалению, размеры слуховых отверстий этого не позволили, а расширить их архитектор не допустил.

* * *

В этом году в президиуме городской управы произошли важные перемены. Заменивший ушедшего по жребию Лалетина член управы Созонт Васильевич Телегин, он же и заступающий место головы, выбыл по прошению в отставку, и вместо его избран был 21 апреля 1898 г. енисейский мещанин Алексей Ефимович Грязнов — владелец типографии, по прежней своей профессии приисковый служащий. Заместителем же городского головы вместо Телегина по произведенной думою баллотировке между двумя членами — Ростовцевым и вновь избранным Грязновым — оказался Николай Давыдович Ростовцев. Оба были утверждены приказом губернатора 16 мая до конца полномочий думы, т.[о] е.[сть] по 1 января 1899 года.

* * *

Говоря о городских делах, следует и упомянуть о том, что 1898 год был годом неблагоприятным для населения в отношении его здравия. Так, с весны в городе гуляла скарлатина, летом — большая смертность детей от дизентерии, а осенью свирепствовал тиф, который едва не унес в могилу и меня.

О себе я остановлюсь несколько подробнее, потому что болезнь моя тесно связана с именем врача А. В. Цветаева.

1898 год для меня памятный в особенности. В этот год у меня 8 июля родился единственный сын Владимир (кроме двух дочерей), а осенью скосила болезнь. Не болея до этого так серьезно почти никогда, на этот раз пришлось кроме тифа перенести воспаление легких и бронхит. Болезнь приняла затяжной характер. Лечивший сначала врач Ю. Н. Васильев передал меня врачу Бархаш[у], при котором состоялся консилиум врачей, признавший во мне развитие наследственного туберкулеза легких, потому что отец мой умер в чахотке. Узнав о таком приговоре, вольнопрактикующий врач А. В. Цветаев, не участвовавший в консилиуме, сам 26 ноября поздно вечером из гостей явился ко мне в квартиру, заинтересовавшись моей болезнью. Нужно сказать, что за два года до этого Цветаев свидетельствовал меня во всех подробностях в качестве доверенного врача страхового общества «Россия», в котором я страховал тогда свою жизнь, и никаких признаков, благоприятствующих развитию во мне туберкулеза, не нашел. Не нашел он во мне чахотки и в день посещения меня, тяжко больного. Несмотря на то что во время визита ко мне он едва держался на ногах от сильного опьянения, тем не менее тщательно выслушал и выстукал меня ухом и пальцем, а затем, махнув рукою, проговорил: «Или я дурак, или дураки мои товарищи, а чахотки у меня[5] нет». Жене же моей, только накануне получившей от врачей совет приготовиться к ожиданию моей скорой смерти, сказал, что он бы желал быть у больного в момент посещения его врачом Бархаш[ем], а потому просит послать за ним завтра утром, как прибудет Бархаш. Наутро моими домашними приказание Цветаева было передано Бархашу, и он с улыбкой сказал: «Ну так что ж, подождем, поговорим с Цветаевым». И действительно, говорили долго и горячо, большею частью не по-русски, и сообща подписали рецепт, по которому отпущенное лекарство словно воскресило меня. Бархаш же после этого визита отказался лечить меня окончательно, а Цветаев сказал: «Ну что ж, будем долечивать». И чудо совершилось, я стал быстро поправляться. Креозот, которым меня поддерживал Бархаш, Цветаев велел выкинуть, а стал прописывать же-

---

[5] Так у Миндаровского.

лезо с мышьяком, от которых стали быстро восстанавливаться мои силы, и 6 декабря, в Николин день, я уже сидел у окна и смотрел на свет Божий. Цветаев потом говорил, что они, т.[о] е.[сть] врачи, уже вылечили больного, да только, увлекшись ложным заключением, не смогли восстановить его силы.

С излечением меня Цветаевым от болезни, к роковому исходу которой стали уже привыкать все мои родственники, друзья и знакомые, приходившие ко мне попрощаться, популярность Цветаева в городе возросла неимоверно. Все только и говорят об этом чуде, которое объяснить можно лишь недостаточной внимательностью наших эскулапов, не исследовавших даже мокроты больного, как это сделал Цветаев. В новый год я притащился в общественное собрание на маскарад и своим появлением из гроба поразил публику, а в особенности доктора Бархаш[а].

Насколько удачное исцеленье меня Цветаевым подняло авторитет его в глазах общества, которое и до этого видело в нем серьезного врача, но слабого человека, настолько озлобленно стали смотреть на него его коллеги по профессии, в особенности третировавшие его за его поведение как алкоголика, порочащего собою врачебную корпорацию. И я лично скажу, что врач Цветаев, несмотря на то, что был еще до этого со мною даже в дружеских отношениях, не попал сразу лечить меня только благодаря этой его слабости. Когда я заболел, то дважды посылали за ним, но найти не могли. Но как врач и как человек Алексей Васильевич Цветаев заслуживает того, чтобы на нем остановиться, конечно, не потому, что он случайно оказался моим избавителем.

Я совершенно беспристрастно скажу, что в лице Цветаева ушла в могилу не только врачебная сила, которая при других условиях не столь тяжело сложившейся жизни могла бы быть крупной величиной, тем более при его поразительной памяти и умении как-то быстро определять болезнь. Можно сказать, что по внутренним болезням это был врач-специалист. Но, помимо своих врачебных даровитостей, он обладал литературным слогом, был недурной поэт и порядочный переводчик с французского языка, которым он обладал в совершенстве, и прекрасный артист на любительской сцене. Как человек А. В. Цветаев был, можно сказать, «жертва эксплуатации». В каком бы тяжелом состоянии вы его ни нашли для того, чтобы позвать к больному, отказа от него не получите, и, что всего удивительнее, опьянение его не мешало правильности определения им диагноза или прописке лекарства, на чем коллеги даже хотели поймать его. Вознаграждение за свой труд он никогда не требовал, и когда нужно, всегда навещал больного, не считаясь с тем, бедный или богатый он человек. Благодаря такому характеру у него нередко бывали такие казусы, как, сделав полдюжи-

ны или десяток визитов, у него не оказывалось даже целкового отдать своему извозчику за работу.

И вот эта богато одаренная природою культурная сила погибла на 50-м году своего возраста в глухой енисейской тайге, одинокий и покинутый всеми. Свалившийся со временем крест, поставленный его приятелем, затеряет и то место, где похоронен его прах.

Да будет же легка земля над этим кристальной души человеком, каким в моих глазах был покойный и благодаря которому я жив по сие время! Вечная тебе память!

* * *

Этим годом заканчивается первое четырехлетие деятельности городской думы по закону 1892 года, и 27 октября состоялось избирательное собрание для выбора гласных на срок нового полномочия с 1899 года.

Из 225 избирателей, значившихся в опубликованном по городу списке, на собрание прибыло 38 человек, при наличности которых и состоялись выборы гласных, представляющих собою представительство всего городского населения. Но выборы оказались неудачными.

Один из местных купцов и общественных деятелей, некто Ст. Як. Коновалов, оказавшись на выборах в числе кандидатов в гласные по числу полученных им голосов, оставшись недовольным, придрался к нарушению формальности, принес на выборы жалобу, и последние по формальным основаниям были отменены.

Нарушение этой формальности на выборах состояло в том, что один из избирателей, Евдокимов, позволил себе дважды выходить из зала заседания, а один раз даже поручил положить за него шар разносившему шары вахмистру Дементьеву, чего председателю не удалось даже заметить. Эта весьма существенная оплошность могла бы и пройти незамеченной, если бы не почувствовал себя заинтересованным ею купец Коновалов, принесший жалобу.

Вторичные выборы состоялись 15 декабря, на которых выбрано было 29 гласных, как и в прошедшее 4-летие.

Избраны были следующие граждане:

— Станкеев Александр Алексеевич — врач.
— Баландин Александр Алексеевич — золотопромышленник, по образованию кандидат С[анкт-]П[етер]б.[ургского] университета.
— Кытманов Александр Петрович — уполномоченный пароходства по р. Енисею.
— Кытманов Александр Игнатьевич — кандидат естественных наук.
— Кытманов Петр Игнатьевич — ветеринарный врач.
— Востротин Степан Васильевич — ветеринарный врач.

— Востротин Василий Васильевич — окончивший юнкерское учил.[ище] прапорщик запаса.
— Харченко Василий Михайлович — владелец винокуренного завода и золотопромышленник, домашнего образования. Степенный гражданин.
— Дементьев Николай Никанорович — владелец магазина, потомственный почетный гражданин, образование — уездное училище.
— Бородкин Михаил Михайлович — купец. Степенный гражданин, уездное училище.
— Бородкин Алексей Михайлович — купец, образов.[ание] — уездное училище.
— Евдокимов Алексей Николаевич — купец, образование домашнее.
— Попов Иван Александрович — степенный гражданин, уполномоченный золотопромышленных компаний. Образов.[ание] — уездное училище.
— Паникаровский Александр Васильевич — владелец магазина, купец, домашнего образования.
— Калашников Гавриил Николаевич — торговец, образование — уездное училище.
— Телегин Созонт Васильевич — купец, подрядчик, строитель, образование домашнее.
— Телегин Александр Васильевич — купец, подрядчик, строитель. Городская школа.
— Одинцев Александр Данилович — торговец, домашнее образование.
— Пестяков Константин Вячеславович — окружной казначей, надворный советник. Уездное училище.
— Петров Арсений Федорович — купец, владелец магазина, образование домашнее.
— Черноусов Иван Васильевич — торговец, образов.[ание] — уездное училище.
— Лапшин Яков Васильевич — купеческий сын. Образов.[ание] — уездное училище.
— Ростовцев Николай Давидович — приисковый бухгалтер. Уездное училище.
— Третьяков Николай Александрович — служащий торгового дома Черных. Образов.[ание] — уездное училище.
— Востротин Тимофей Степанович — золотопромышленник. Малограмотный.
— Абалаков Иннокентий Алексеевич — пушной торговец. Домашнего образования.
— Щукин Степан Лукич — подрядчик, доставщик приисковых грузов. Домашнего образования.

– Захаров Василий Петрович – золотопромышленник. Образов.[ание] – уездное училище.
– Грязнов Иван Гаврилович – торговец. Образов.[ание] – уездное училище.
– Елтышев Иван Ильич – купеческий сын, образов.[ание] за 4 класса прогимназии.

1899 год

Еще в 1898 году по ходатайству владельца типографии А. Е. Грязнова ему было отдано в арендное содержание право содержания по гор. Енисейску витрин для расклейки в них публикуемых по городу распоряжений, постановлений, афиш и т. п.

Так как это дело новое в благоустройстве города, ибо до этого афиши и пр.[очее] мазали по заплотам кто где хотел, то городская управа, приветствуя такое начинание, отдала это право Грязнову за 50-рублевую плату в год без торгов, доведя лишь об этом до сведения думы, а Грязнов даже принял и расходы по заготовке 30 шт.[ук] витрин на свой счет. Это, т.[ак] ск.[азать], домашнее дело управы неожиданно возросло в целую полемику с оказавшимся заинтересованным тут лицом — другим владельцем типографии в Енисейске С. Н. Штеблер[ом], подавшим в управу заявление с требованием о назначении на отдачу витрин торгов. А так как городская дума заявление Штеблера отклонила постановлением 15 октября м.[инувшего] г.[ода], то Штеблер принес жалобу в губернское по городским делам присутствие на незаконность города в отдаче этого подряда без торгов, да еще Грязнову, состоявшему в то время в должности члена управы. Губернское присутствие, встав на сторону жалобщика, постановление думы отменило. Этот журнал губ.[ернского] присутствия был доложен думе в собрании ее 21 января с мотивированным объяснением городской управы, не соглашающейся с жалобщиком и губернским присутствием. Управа вполне, конечно, правильно говорила, что в данном случае весь вопрос — в соревновании двух конкурентов-типографщиков, из которых один — инициатор — является членом управы, следовательно, по букве закона о город.[ском] хозяйстве в торгах участвовать не может, а частному лицу содержать витрины нет смысла. Значит, витрины могли быть отданы лишь Штеблеру, и притом на условиях, какие бы он предложил. Странно то, что Штеблер, владея типографией, десять лет не вошел в думу с таким предложением, а когда Грязнов, купивший вторую типографию, выступил ему конкурентом, он запротестовал. Доводы управы были признаны думою основательными, и в этом смысле решено принести на постановление присутствия жалобу Правительствующему Сенату, хотя с формальной стороны сама же дума в прениях по этому вопросу чувствовала шаткость того положения, на которое она встала. Правительст<…>[1]

[1] Здесь рассказ Миндаровского о споре Штеблера и Грязнова обрывается. Верхняя часть

Заканчивающий срок своего служения городской голова С. В. Востротин 12 февраля с.[его] г.[ода] вошел в городскую думу с предложением об учреждении в г. Енисейске общества помощи бедным по образцу устава, выработанного уже на этот предмет Министерством внутр.[енних] дел. Причем в основной фонд этого общества он предложил одну тысячу руб. и особо на постройку ночлежного дома 2000 руб.[2] Деньги эти составляли остаток заслуженного им жалованья по должности гор.[одского] головы, которые он и возвращает обратно городу под формой этой благотворительности, всего, т.[аким] обр.[азом], с ранее данными 3000 руб. на лечебницу С. В. Востротин возвратил все 6000 руб., полученные им за 4-летнюю службу по городскому управлению.

Городская дума, заслушав его подробный доклад по организации общества, имеющийся в управском деле под № 24 за этот год, почему я распространяться о нем не буду, в заседании думы 18 февраля постановила принять его, а для детального рассмотрения этого вопроса избрала комиссию из самого докладчика, гласных В. М. Харченко, А. А. Станкеева и П. И. Кытманова, которыми потом был представлен доклад, принятый думою в заседании 11 ноября, и возбуждено ходатайство об утверждении устава будущего общества по образцу министерского. Дело это по обыкновению завалилось где-то в министерстве, и только в июле 1902 года получено было разрешение на открытие общества, о котором в свое время мне еще предстояло говорить в своих записках.

С. В. Востротин в период своей 4-летней службы городу, службы, как мы видим теперь, безвозмездной, немало полезного сделал городскому обществу, из среды которого даже в числе гласных находились и явные, и скрытые враги его культурной работе. Это, конечно, и неудивительно по тому времени и той обстановке, в которой приходилось действовать и пробивать дорогу к будущему культурному росту города.

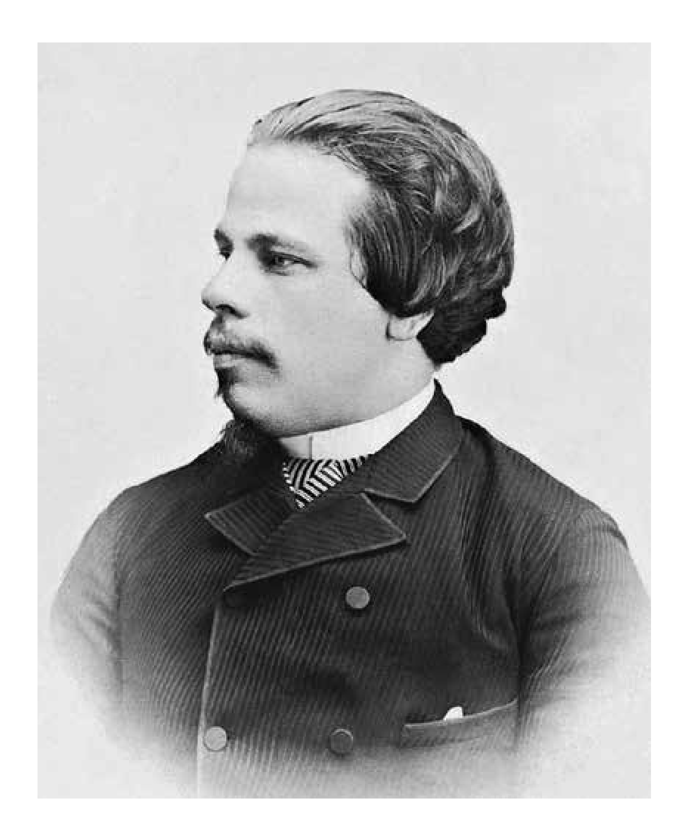
Выше мы видели, что благодаря его личному домогательству в Петербурге город получил свой капитал в процентных[3] бумагах, сгоревших в пожар 1869 года. Благодаря настойчивости Ст.[епана] Вас.[ильевича] открыла свои функции лечебница, о которой писались вороха бумаг, постановлений и отдельных мнений толстосумых обскурантов. За время его службы создалось почти постройкою отличное здание лечебницы, в которой она и помещается. При нем открыт ломбард. Его усилиями протащен в думе

следующей страницы оставлена чистой — по-видимому, автор собирался завершить описание этого сюжета, но не сделал этого.

[2] К этим деньгам еще было пожертвовано Татьяной Васильевной Матониной 1000 руб. — *Прим. Миндаровского.*

[3] В тексте Миндаровского — «%».

Степан Васильевич Востротин, городской голова, почетный гражданин г. Енисейска. 1890-е годы. Из фондов ЕКМ.

вопрос о прекращении торговли по праздникам, о котором также немало было прений и разговоров в думе, большинство которой составляли торговцы, явные враги всяких послаблений для своих служащих. Наконец, теперь им внесена инициатива к созданию такого симпатичного учреждения, каким является Общество пособия бедным.

* * *

Неоднократно бывший на рассмотрении городской думы вопрос о неторговле по воскресным и праздничным дням снова встал на очередь после семилетнего молчания со дня неудач. На этот раз сами купцы г. Енисейска и торгующие в нем по свидетельствам 2-го разряда в числе 46 человек подпискою своею, переданной представителю своих приказчиков, свидетельствуют свое согласие не торговать в воскресные и двунадесятые, а также и некоторые другие дни и торговать лишь 4 часа по иным второстепенным праздникам, точно ими перечисленным. Доверенный от приказчиков Г. Н. Пермяков, воспользовавшись этим согласием почти всех главных торговцев, за исключением двух-трех упорствующих, и сочувственным отношением к вопросу о неторговле всех наличных врачей г. Енисейска и городского благочинного, вошел в городскую думу

с особым ходатайством от лица приказчиков о составлении обязательного постановления думы если не о совершенном прекращении торговли по праздникам, то хотя об ограничении ее получасом, чтобы выполнить требование закона, воспрещающего думам прекращать торговлю совсем. Весь представленный Пермяковым материал поступил на обсуждение думы 18 февраля, где создал бурное выступление двух-трех непримиримых противников этого нововведения и собрал массу интересующейся публики, в том числе и заинтересованных приказчиков. Вот в этом-то вопросе председательствовавшему в думе Ст.[епану] Вас.[ильевичу] Востротину, стоящему на стороне приказчиков, и пришлось лавировать, как хорошему кормчему в бурную погоду на реке. Это был какой-то исторический день для Енисейска, который создали два гласных — А. Ф. Петров и И. В. Черноусов — в вопросе, казалось бы, не требующем особых размышлений[4]. Прикрываясь интересами покупателей, в особенности крестьян, которые-де лишены будут возможности купить необходимое для себя, эти «ретрограды» в действительности отстаивали свой карман, не понимая даже того, что при общем закрытии торговли никто из них не страдает, так как кому что надо купить, придет и купит накануне или в понедельник. Наконец наговорившись вдоволь и приступив к баллотировке, дума, за исключением Петрова, отказавшегося в ней участвовать, единогласно определила: проект обязательного постановления об ограничении торговли получасом для воскресенья и двунадесятых праздников и четырьмя часами для других, менее значительных праздников, точно перечисленных в постановлении, имеющемся в деле управы за № 22 1899 г., куда интересующихся и отсылаю, представить губернатору для издания установленным порядком, который и получил вскоре форму закона для всех.

Таким образом, существующий, кажется, целые века обычай начинать торговлю почти одновременно с пением утренних петухов и кончать в 8 часов вечера, который с 1890 года был несколько облегчен для праздничных дней, теперь получил полное раскрепощение для закабаленных приказчи-

[4] Бессильные своим одиночеством повлиять на решение думы, гласные Петров, Черноусов и Паникаровский (их товарищ-единомышленник Н. Н. Дементьев был в Петербурге и телеграфировал думе свое мнение о неимении у думы прав стеснять свободу покупателей) обрушились на праздники, список которых обсуждался гласными.
Пятница и суббота Масленицы. «Это что за праздник? Кто его устанавливал? Это языческий праздник. Праздник чревоугодия», — разъясняют почтенные три святителя.
Или:
читается, что в день пророка Божия Ильи торговля с 12 до 3 часов. «А Масленица стала выше батюшки Ильи-пророка! Но он, батюшка, не требует от нас себе празднования. Кто желает, может и так помолиться в храме, а приказчики все равно молиться ему не пойдут». Слышатся со всех сторон возражения: «Баллотировать надо, видите, разногласия». И Илья-пророк ставится на баллотировку. — *Прим. Миндаровского.*

ков — этих париев, какими они являлись в глазах своих хозяев. Даже я хорошо помню то время, когда приказчики исполняли у хозяина не только ту работу, какая касалась их профессии, но зачастую в воскресный день, во время литургии, когда лавки бывали закрыты, они по указанию хозяина выполняли роль дроворуба, подметальщика двора и т. п., а подростки-мальчики, принимаемые в обучение, являлись и лакеями в парадные дни именин хозяев, Пасхи и Рождества, стоя в прихожей и принимая одежду с гостей или путешествуя с «самим» или «самой» в качестве форейтора на облучке экипажа.

Приходилось наблюдать, что большинство служащих в приказчиках, прошедших первоначальную школу посыльных или лакеев, были выходцами из России. Там они родителями привозились на ярмарки, откуда приезжее из разных мест купечество их и разбирало. Такие служащие были и у моего соседа Захара Васильевича Козминых, магазин которого был рядом с моей усадьбой. И что всего удивительнее, такой порядок не считался унизительным ни для той, ни для другой стороны. В обычных взаимоотношениях между собой обращение было даже как бы дружественное. Купец звал приказчика ласкательным «Вася»-«Ваня», а тот просто по имени и отчеству, и все шло как по маслу. Все были до поры до времени как бы довольны.

* * *

3 марта состоялось чрезвычайное заседание новой городской думы, в котором состоялось назначение содержания личному составу городского управления и общественного банка на следующее 4-летие по 1902 год, а также и выборы на общественные должности.

Оклады содержания были назначены: городскому голове 1500 р. и за председательствование в сиротском суде 500 руб., двум членам управы по 800 руб. Директору общественного банка, где занятия происходили всего два раза в неделю, 400 руб. и товарищам его по 300 руб.

Когда подошли к выборам городского головы, то за отказом С. В. Востротина продолжать службу стали намечаться другие кандидаты по запискам, где писались больше всего фамилии Ал.[ександра] Игн.[атьевича] Кытманова и В. М. Харченко, согласившихся баллотироваться. В результате избранным оказался Василий Мих.[айлович] Харченко. В члены управы прошли прежний Ник.[олай] Дав.[ыдович] Ростовцев и мещанин г. Енисейска Николай Александрович Третьяков, кандидатом к ним — прежний член управы Алексей Еф.[имович] Грязнов. В банк были выбраны М. Скобычев директором, Р. Ф. Тауснев и И. Г. Грязнов — его товарищами. Все эти лица прежде вступления в должности должны были подвергнуться утверж-

дению губернатора, так что фактически городской голова вступил в должность 6 апреля.

Со вступлением Харченко происходит как бы некоторый перелом в направлении работ по городскому самоуправлению. И это весьма естественно. Востротин и Харченко — величины диаметрально противоположные друг другу и по образованию, и по направлению.

С Харченко переменяется и моя служба в управе с должности столоначальника на секретаря думы и управы, которые я фактически исполнял уже с декабря 1898 года вследствие выбытия секретаря [Константина Алексеевича] Станкеева на должность крестьянского начальника.

На мой вопрос, поставленный Харченко о том, кто у нас будет секретарем, он определенно назвал меня и в первом же думском собрании, состоявшемся 29 апреля, поставил вопрос о моем избрании. Любопытна маленькая подробность. При баллотировке из 17 наличных голосов я только один шар получил против и, идя домой с заседания с гласным И. В. Черноусовым, услышал от него откровенное признание, что этот «черняк» положил он, как сомневающийся в том, чтобы я смог справиться со сложною обязанностью городского секретаря, которая под силу была только одному Лалетину (Станкеева он в грош не ставил), а потому он, желая искренне успеха в избранной должности, советовал держаться заветов Лалетина. Я, конечно, сколь мог, постарался убедить добродушного старичка, что всеми силами буду стараться оправдать надежды, возлагаемые на меня почтенным собранием гласных. Вот, значит, сколь высока была в глазах стародумцев личность Лалетина.

* * *

9 апреля этого года у нас в Енисейске состоялось небывалое еще в его истории событие. В здании театра и общественного собрания, уступленном специально для этого, состоялось заседание сессии Иркутского военно-окружного суда для разбора дела над двумя преступниками — Грачевым и Дрямовым, обвинявшимися в ограблении на приисковой дороге одного из приискателей, причем ограбление это сопровождалось не только убийством ограбленного, но еще сожжением полумертвого на костре.

Во время разбора этого дела, продолжавшегося два дня, помещение собрания было буквально переполнено публикой, пришедшей проследить этот исключительный по совершенному злодеянию процесс. Обвинитель — прокурор в чине полковника, а защитник подсудимых — капитан, прибывший вместе с судьями, все до одного военными в полной обмундир.[ования] парадной форме. Вторым защитником по желанию выступал находившийся в то время в Енисейске присяжный поверенный М. Н. Матвеев.

Пред зрителями прошел ряд свидетелей, говоривших не в пользу подсудимых, которые после блестящих речей прокурора и военного защитника приговорены были к смертной казни через повешение.

Словно удар грома ошеломил этот приговор присутствовавшую публику, впервые услышавшую роковые слова тяжкого наказания. С некоторыми из дам сделалось даже дурно. Данные два дня на конфирмацию и обжалование решения прошли в трепетном ожидании и наконец разрешились утверждением генер.[ал-]губернатором вынесенного приговора.

На задах ограды тюрьмы в ночь на <...>[5] число состоялся во всей торжественной обстановке обряд казни в присутствии товарища прокурора, священника и желающих присутствовать из публики лиц. Похоронены казненные в конце ограды Крестовоздвиженского кладбища.

* * *

С введением в прошлом году Положения о государственном промысловом налоге, кстати сказать, урезавшего доходность города за прошлый год по § II доходной сметы почти на 1800 руб., городам предоставлено право ходатайствовать о предоставлении им права на введение налога с квартиронанимателей.

Это обстоятельство побудило гласного думы А. А. Станкеева выступить с предложением о введении этого налога в Енисейске, о чем просить губернатора повлиять в этом отношении на гласных думы, боящихся всяких самообложений.

Когда доклад Станкеева поступил в думу на очередное заседание ее 17 мая, то последняя отклонила его под тем предлогом, что в Енисейске число квартир, подлежащих обложению налогом, весьма незначительно, большинство помещений если не пустуют, то по необходимости занимаются самими владельцами. Притом налог этот даже при максимальных ставках обложения даст весьма незначительный доход, да и тот ляжет в большинстве на самих же домохозяев-цензовиков, чего гласные больше всего и боятся.

Действительно, насколько внимательно мне пришлось разбираться с этим законом, в Енисейске введение его не покрыло бы и тех 1800 р., которые город потерял в прошлом году от торговых прав, но введение его расширяло круг избирателей по городским выборам и, следовательно, давало возможность принять участие в общественной деятельности более значительному числу лиц, чем при одном домовладельческом цензе. В гласные и в управу могли пройти люди из среды чиновной интеллигенции, что являлось бы только желательным при нашем безлюдье, но, к сожалению, наши

[5] Дата в тексте не приводится.

думцы смотрят и до сих пор на эти дела с точки зрения собственных интересов. И все то, что не по нраву, стараются по возможности отклонить от себя подальше. Так поступили они и в данном случае с квартирным налогом, который, несомненно, не являлся избавлением и для них, домохозяев.

* * *

26 мая 1899 года исполнилось столетие со дня рождения нашего поэта А. С. Пушкина. Еще до этого управа довела до сведения городской думы о предстоящем юбилейном дне, и дума избрала из состава гласных комиссию для выработки совместно с представителями учебных заведений г. Енисейска программы чествования этого дня. На устройство празднеств ассигновано было 200 рублей. Торжество празднования состоялось по следующей программе:

- 25 мая. Литературно-вокальное утро приходских училищ и уездного [училища] – в обществ.[енном] собрании.
- 26 мая. Панихида в соборе и акт в гимназии.
- 27 [мая]. Литературно-музыкальный вечер в собрании и народное чтение из произведений Пушкина с хором певчих.
- 28 [мая]. Гуляние учащихся.
- 30 [мая]. Гимназический вечер.

* * *

Только что созданное городом к услугам публики молодое учреждение городской ломбард потерпел несчастье. 22 мая днем, во время обеда распорядителя, когда контора оставалась пустою, было выкрадено из незапертого ящика золотых и серебряных вещей на сумму 1889 рублей по оценке ломбарда, которою он ответствует перед заемщиками.

По произведенному дознанию выяснилось, что злоумышленник, прежде чем распорядитель ушел обедать, забрался в сенях под лестницу и ждал, когда распорядитель при уходе на обед затворит дверь из конторы, чтобы тотчас же, провернув ее буравом, снять с крючка и войти в контору, что он преспокойно и выполнил и затем ушел. Это неприятное обстоятельство причинило немало хлопот и городскому управлению, заставив разбираться в создавшемся юридическом вопросе и помогать распорядителю в розыске вещей.

Необходимо отметить, что вся обстановка конторы ломбарда, какую создал себе распорядитель Г. Е. Грязнов в своем доме, в другой половине которого помещалась его квартира, служила соблазном для профессионального любителя присвоения чужой собственности, и он, изучив порядок занятий распорядителя и его обеденный уход из конторы с закрючиванием

ЕНИСЕЙСКЪ.

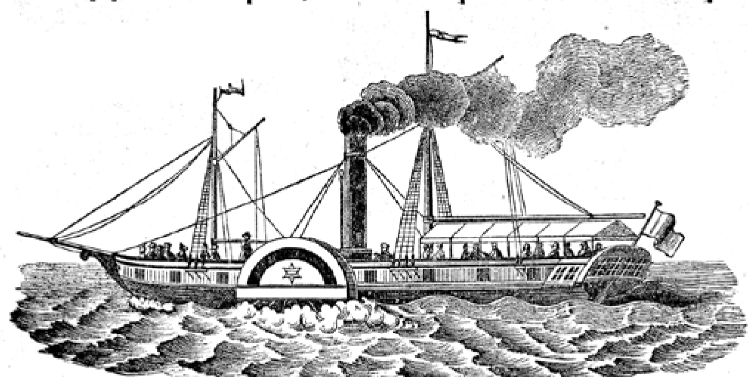
20-го Іюля 1899 года

УСТРОЕНО БУДЕТЪ

ВЪ ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНІЯ О НАЧАЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ

ГУЛЯНІЕ

На ПАРОХОДѢ Товарищества Пароходства по р. Енисею

„ГЛЕНМОРЪ"

Пароходъ отправится въ 1 ч. дня въ первый рейсъ, въ 4 часа вечера во второй рейсъ, въ

КАМЕНСКІЙ ЗАВОДЪ

тамъ будетъ стоять до 7 час. вечера, когда отправится обратно въ Енисейскъ.

Цѣна билета: въ каютахъ 1 руб., на палубѣ 50 коп., для дѣтей и учащихся 30 коп. со включеніемъ благотворительнаго сбора.

Билеты продаются на пристани Товарищества.

Печ. разрѣш. 19 Іюля 1899 г. За Енис. Уѣзд. Исправника Вавиловъ

Тип. А. Е. Грязнова

лишь входной двери из сеней, прекрасно обдумал свой план и блестяще выполнил его, тогда как Грязнов не смыслил догадаться, что его закрючивание изнутри вершковой толщины двери не служит достаточной гарантией от воров в его отсутствие. И вот эта-то халатность Грязнова в отношении ломбардовского имущества, которою он буквально закабалил себя, и всего только за 50 руб. в месяц вознаграждения, и привела к такой катастрофе. Грязнов подписал условие иметь в своем доме контору и кладовые и еще охранять их, т.[о] е.[сть] быть и распорядителем, и конторщиком, и кладовщиком или караульным, а городская дума, вернее гг. гласные, всегда падкие до экономии, польстились на такие выгодные условия, какие взял на себя Грязнов, и все предоставили выполнять одному человеку, отказав ему в писце и в стороже, которых он просил, будучи переобременен развивающимися делами ломбарда, при наличности которого-либо из них этой кражи бы не было.

Когда обстоятельства кражи стали ясны для городской думы, она же и поручила управе предъявить к Грязнову на основании договора гражданский иск, а вместо его избрать новое лицо.

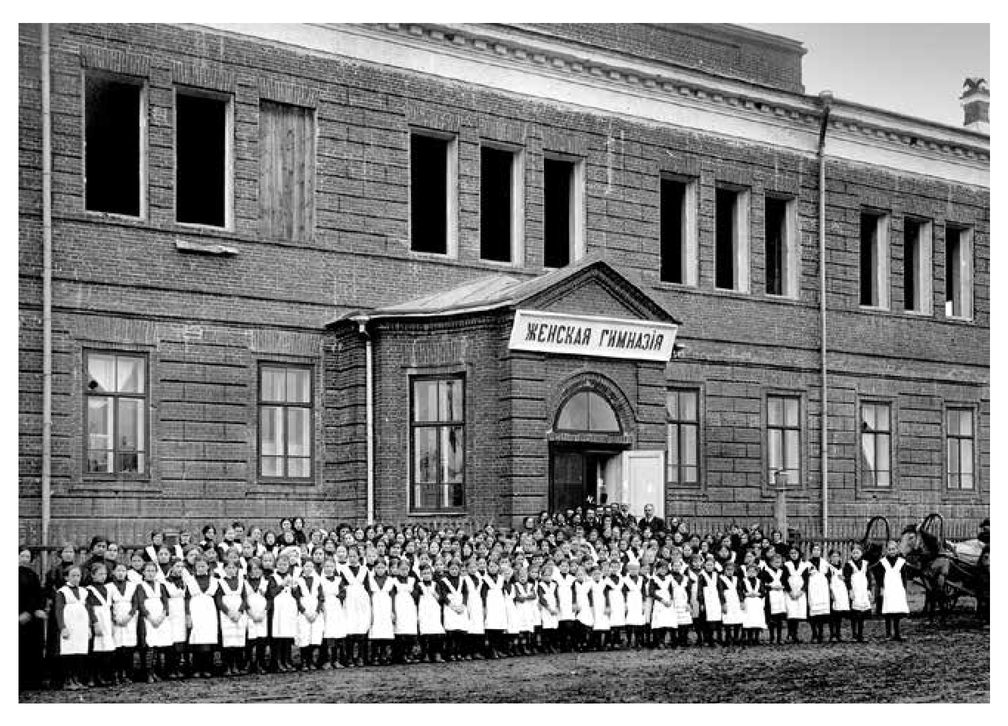
Помогая Грязнову в работе по выяснению суммы и числа[6] покраденных вещей, он совершенно искренне жаловался мне на переобремененность занятиями в ломбарде, что в последнее время он даже «жену в ход пустил», по его выражению, заставляя ему помогать после дневных операций в приборке и распределении по кладовым принятых вещей. Да, надо сказать справедливо, любят наши думцы, когда находятся простачки из-за куска хлеба работать за двоих. Только не нравится им, когда эта дешевка наводит на дорогое, как в данном случае. Пожалели сотню или две, а потеряли тысячи, потому что из предъявленного иска ничего не вышло.

Другая неудача, постигшая городское управление и требующая денежных расходов, — это негодность набатных колоколов на каланче, какие только город приобретал покупкою и заказами на московских заводах. До трех раз случалось, что как только повесят полученный новый колокол, так спустя немного времени он и расколется. С 1883 года на каланче висел долгое время прекрасный старинного литья колокол, взятый от Входоиерусалимской кладбищенской церкви, но потом по настойчивому требованию старосты и благочинного (все из-за сторожей) его пришлось вернуть обратно, а вместо его повесить купленный в Красноярске, который в мае м[еся]це этого года при отбое часов дал трещину, и управа обменяла его на новый с московского завода бр.[атьев] Самгиных, доплатив разность и расходы по пересылке. Прошло немного времени, и этот раскололся. Опять

[6] В тексте Миндаровского — «№№».

Строительство здания Енисейской женской гимназии. Из фондов КККМ.

Здание Енисейской женской гимназии.
В 1913 г. второй этаж здания все еще не был завершен. Из фондов ЕКМ.

пошла переписка об обмене. Завод пишет, что город не умеет пользоваться вещью, и посылает правила для установки и подвешивания колокола. Сделали, кажется, всё, и вновь обменянный колокол в 1901 году снова треснул по линии, параллельной кромке колокола. Тогда по совету местных слесарей трещину выпилили, и колокол снова получил чистый звук, продолжая с вырванной губой служить долгое время.

За время этих перемен колокола присылались разные, один под названием «Галка» специально для отбоя часов и тревог, другой с изображением святых, значит церковный, а один был даже с надписью: «Благовествуй земле радость велию» (это при пожарах-то?!). И все бы ничего, лишь бы прочные были, а то в том-то и беда, что против старинного-то колокола в 12 пудов все ничего не стоят, хотя и весили от 14 до 18 пудов каждый.

Кстати, коснусь каланчи. По восстановлении с архивными документами моей записи о постройке пожарной каланчи оказывается, что все записанное мною под 1894 годом надо отнести к концу 1898-го, а вернее, к январю 1899 года, когда последовала окончательная отделка и приемка ее от подрядчиков. Значит, дело по осуществлению постройки с 1892-го тянулось целых семь лет.

* * *

В заседании думы 30 июня доложено было заявление городского головы В. М. Харченко, где он предлагал городской думе выразить проживающему в С[анкт].-Петербурге гражданину г. Енисейска Александру Александровичу Кобычеву благодарность за пожертвование под женскую гимназию места земли и вместе с тем просить жертвователя, не найдет ли он возможным уступить пожертвованному участку еще часть от остающегося у него участка по линии р[е]ч.[ки] Мельничной в количестве не более 7½ саж.[ени] на всем протяжении внутрь двора, если не безвозмездно, то на условиях, какие бы он предложил городской думе. Тогда явилась бы возможность намеченное к постройке здание гимназии поставить фасадовой стороной на р[е]ч.[ку] Мельничную, от чего выгадала бы, во-первых, световая сторона классов, получающих освещение на восток, а часть — на запад к югу, а не на юг и север, как предположено за теснотою места, во-вторых, здание это укрыло бы город по линии набережной.

Хотя дума и приняла предложение Харченко, решив обратиться с этой просьбой к Кобычеву, но последний вместо 7½ саж.[ени] согласился прибавить только две сажени. Это дело не устраивало, так как исполненный академиком Бенуа проект здания по своей длине не входил в эту площадь, и здание гимназии пришлось поставить фасадом на малопроезжую Кедровую улицу.

Вид улицы Береговой. На переднем плане — городская набережная, на втором — гостиный двор и Преображенская церковь. Конец XIX века. Из фондов ЕКМ.

Необходимо отметить, что у попечительного совета женской гимназии немало было разговоров и суждений о там, где и как расположить здание гимназии, место под которую хотя и пожертвовал Кобычев, но оно ни по величине своей, ни по району, где находится, совершенно не соответствовало своему назначению.

Харченко первое время предлагал купить под гимназию угловой участок наследников В. Г. Полякова на углу Большой улицы и Бассейного пер. (против читальни) или место Стодырнова по той же Мельничной р[е]ч.[ке] со стороны Большой улицы, но другие члены совета находили неудобным отклонять желание жертвователя. Значит, если бы он пожертвовал место где-нибудь за городом, то, выходит, там и надо строить. Эта одна сторона дела. Теперь другая, еще более забавная. План на постройку уже был изготовлен и по виду предназначен отнюдь не для угловой усадьбы, и притом не с тупым углом, как место Кобычева, а вопрос о месте находился еще в неопределенном положении. В результате получилось одно безобразие, и с этим моим мнением согласятся, вероятно, многие эстетики, посмотрев на здание, как оно поставлено в натуре. А затем посмотрите на фасад здания, и вы придете к заключению, что это казарма, пересыльный этап, все, что угодно, но только не дом просвещения юношества. Отчего же такая небрежность, да еще со стороны такого лица, как академик Бенуа?

Ответ очень простой. Нам надо все изготовить «шильем да мыльем», как бы подешевле. Вместо того чтобы объявить конкурс на изготовление проекта, как принято делать, или хотя бы просто подрядить порядочного инженера за приличное вознаграждение, супруга Харченко, бывшая в то время председательницей попечит.[ельного] совета, пошла в Петер-

бурге упрашивать Бенуа прийти их горю на помощь — нарисовать им проект гимназии. И, вероятно, тот, чтобы отвязаться, набросал его как попало, а то и просто поручил это своему технику, а потом поставил на проекте свою подпись. Вот и вышло «тяп-ляп, да и клетка». Зато сэкономили несколько сот рубл.[ей] и довольны. Так город и красуется теперь этим ящиком с ватерклозетами на Большую улицу. Когда построили здание, то увидели, что у гимназии не только нет места для сквера или садика, а даже некуда поставить дровяной сарай, пришлось думать о покупке места у соседей, без чего и не обошлось.

* * *

Не чем иным, как той же злополучной экономией средств, объясняются и другие пробелы и непорядки в области хозяйственной деятельности городского управления, и именно в тех случаях, где эта экономия совершенно неуместна, как, напр.[имер], в составлении проекта гимназии, предназначенной существовать, быть может, целые столетия, или, напр.[имер], в приглашении дельного счетовода-бухгалтера, чтобы избежать ошибок и путаниц, какие может натворить неопытное, но служащее по дешевке лицо.

Вот в том же заседании думы 30 июня докладывалось объяснение общественного банка на замечания комиссии думы, сделанные при ревизии отчета банка за 1898 г. Замечания очень серьезные, констатирующие тот факт, что продолжение усвоенных бухгалтерией банка порядков в дальнейшем поведет к дальнейшей путанице, граничащей даже с уголовщиной, хотя и неумышленной. Однако из экономии средств на наем бухгалтера продолжают вести дело по-домашнему. Дума предлагает банку

«озаботиться упорядочением банковской бухгалтерии посредством принятия одной какой-либо более удобопонятной и толковой формы счетоводства и книговедения». Но что же может упорядочить человек, не понимающий ничего в бухгалтерии? Не лучше ли было бы разрешить банку кредит на приглашение опытного бухгалтера, могущего поставить счетоводство банка на правильный путь, но этак, однако, не делается. В результате и на будущий год та же история, что и в прошлом году, и т.[ак] далее, пока совсем не запутаются. Так вот и тянемся «из кулька в рогожку», как говорит пословица.

На необходимость приглашения в банк опытного счетовода указывалось членам банка и в частном разговоре, но на это они отвечали, что «дела банка и его обороты небольшие, занятия всего две раза в неделю, за что же платить ему большое жалованье, тем более сами члены получают по 300–400 [рублей] в год». Доводы, с одной стороны, основательные, но не убедительны тем, что ведь члены-то банка не на одни эти средства существуют, а каждый из них имеет свой род занятий и в банк приходят в известные часы. Проще сказать, тратят на занятия по 3 часа в день, а в м[еся]ц 45 часов. Так же мог устроиться и бухгалтер, имея банковское дело побочным занятием, а сам имея службу на стороне. Получить еще 300–400 [рублей] за лишние часы занятий никто не откажется. Ведь вел же Лалетин банковскую бухгалтерию, будучи секретарем управы и думы, и успевал работать.

Но «собака-то зарыта не в этом», а в том, что рутина нас одолела. Посмотрим, что представляет наш банк описываемого времени. Это мертвое, едва топчащееся на одном месте учреждение. Члены банка — купцы-торговцы, простые служаки, но только не банковские деятели. Это люди без всякой собственной инициативы, привыкшие не работать, а, так сказ.[ать], тянуть лямку, унаследованную от дедовских времен. Нового ничего они внести не в состоянии. Такими глазами смотрят они и на банковское счетоводство: «записал, как умел, и ладно, мы ведь никакого злоупотребления или умышленной цели не преследуем». Вот при таком взгляде на дело и ведет запись какой-то 70-летний старичок — помощник Лалетина. Так же относятся к этому и гласные думского большинства, нелюбители ломки доброго старого времени, хотя бы и отжившего. И вот случайно ревизорами банковского отчета попадают новодумцы: казначей Пестяков, ветеринарный врач Кытманов и делец-конторщик Калашников, они, указывая на дефекты банковского счетоводства и стремясь к развитию банковской деятельности, рекомендуют думе ввести в банке операцию текущих счетов, что значительно повысит и доходность банка, но городская дума и тут, зная ли, что члены банка с ними совсем запутаются, или считая всякие нововведения излишними, отписалась в по-

становлении своем тем, что «ввиду имеемого быть в скором времени в Государственном совете пересмотра уставов банков, в том числе и городских, вопрос этот оставить открытым». Разумеется, чего нам соваться вперед да ломать голову, пусть лучше начальство укажет, ему и книга в руки.

* * *

Осенью этого года случилась небольшая катастрофа, к счастью не причинившая никому вреда. Обрушилась старая деревянная дамба-обруб против домов Матонина и Востротина, и это обстоятельство побудило управу вопрос о постройке новой набережной внести на обсуждение городской думы в заседании 9 октября.

Вот насколько хороши городские сооружения, что, не поддерживаемые своевременным ремонтом, валятся по своей ветхости. Но ведь набережная эта не составляет исключения. Рядом с ней дерновое укрепление бульвара в не лучшем положении. А каменный гостиный двор, Толчейный мост, скотобойня — все это нисколько не в лучшем состоянии, и недалек тот день, когда и их постигнет та же участь.

Признавая постройку обруба первоочередною вынужденною необходимостью, городская дума постановила приступить к постройке в будущем году, для чего на первое время внести в смету города кредит в сумме до 2500 руб.

* * *

В заседании думы 28 октября заслушано предложение губернатора с копией ответа министра внутренних дел об оставлении без последствий ходатайства думы об освобождении г. Енисейска от ежегодного взноса в казну 2000 руб. на содержание канцелярии окруж.[ного] полицейского управления, каковое, разумеется, дума постановила обжаловать в Сенат. Да что в этом толку-то?!

* * *

11 ноября в заседании думы принято было заявление гласного А. А. Станкеева[7] о возбуждении ходатайства думы об изменении времени прихода и отхода почт из г. Енисейска.

В те времена почта в Енисейск приходила два раза в неделю: в воскресенье и в среду — и столько же уходила отсюда. В изменение этого думою постановлено было ходатайствовать через начальника губернии, во-первых, об увеличении прихода и отхода почт до трех раз в неделю, во-вторых,

[7] У Миндаровского — «А. С. Станкеева».

если этого почему-либо уважить невозможно, то изменить время выхода почт отсюда: не по утрам в понедельник и четверг, а вечерами в эти дни с тем расчетом, чтобы на полученную в канун этих дней корреспонденцию иметь возможность написать и отправить ответ. Помимо этого на основании тех же данных продлить время приема депеш хотя [бы] на два часа вечером, а утрами открывать часом ранее.

Хотя ходатайство это и не было удовлетворено в полной мере, но позднее, а именно с 19 <…>[8], приход почты установлен был три раза в неделю и столько же раз — отход ее.

* * *

3-го октября состоялось торжество открытия вновь построенного здания городской лечебницы в присутствии представителей города и местной администрации, а также и собравшейся публики. Торжество открытия началось с молебствия и освящения здания. Затем прочитаны были приветствия и краткий отчет по истории возникновения лечебницы и постройке собственного помещения. Была принята редакция приветственной телеграммы, отправленной в Красноярск инициатору лечебницы — Никите Виссарионовичу Скорнякову. Первым постоянным врачом лечебницы Ю. Н. Васильевым сказано было слово о пользе, какую приносит человеку первоначальная амбулаторная помощь при начале болезни больного. По окончании акта открытия присутствующим был предложен чай и открыта добровольная подписка на приобретение инструментов медицинско-хирургических, где первый на это откликнулся Алексей Иванович Тарасов, пожертвовавший при особом списке некоторые из таких инструментов и часть аптечного инвентаря.

* * *

Закончу запись настоящего года сообщением о себе. С принятием на себя обязанности городского секретаря я по закону 1845 года должен был взять на себя бесплатный труд по исполнению обязанности делопроизводителя больничного совета, потому что по уставу о больницах приказа общественного призрения обязанность эта возлагалась на секретарей городских ратуш, иначе сказать — городских управ. Председателем в этом больничном совете являлся исправник, заменивший (по уставу) городничего, члены этого совета — «градский голова», «начальник инвалидной команды» (ныне местной) и лекарь больницы. На обязанности этого больничного совета лежала чисто хозяйственная часть по содержанию больни-

[8] Точная дата в тексте не указана.

цы приказа, все еще продолжавшей свое существование под этой кличкой. Порядок существовал такой: больничный совет являлся распорядителем тех 7–8 тыс.[яч] руб., которые в течение года расходовались на 35–40 больных по штату и на всю больничную администрацию. Получаемые кредиты помесячно передавались смотрителю на расходы, который потом документально отчитывался перед советом, а последний просмотренные и проверенные документы со своим заключением направлял на ревизию в контрольную палату. Заняв с мая м[есяц]а вакантную должность делопроизводителя этого совета, мне пришлось уделять время и сюда, вести дела с исправником и секретарствовать в заседаниях совета. Кроме этого, будучи секретарем управы, по установившемуся издавна обычаю, как выяснилось, еще со времени секретарства Лалетина, с 1866–1868 годов, я должен быть вместе с этим за те же 800 р. жалованья в год и секретарем сиротского суда. Издавна откуда-то установлена была поговорка: «Господи, пошли ты мне место секретаря сиротского суда!», по смыслу которой можно заключить, что должность эта была когда-то «хлебная», но что касается времени, в которое поступил я, ничего такого я тут не нашел. Существовал, говорят, кое-где в городах Сибири порядок, что канцелярия сиротских судов содержалась на доходы с опекунских установлений, что действительно и допускал закон, и на этой почве, на почве обирания малолетних, возможно было ткать канву как угодно, но только в Енисейске такого порядка применяемо не было, содержание этих судов всецело относилось на средства города. Прикасаясь к опекунским делам, буду записывать временами и то, что той или иной стороною будет касаться жизни гор.[ода] Енисейска, а пока на этом 1899 год кончаю.

1900 год

По Высочайше утвержденному 8 июля 1826 г. генеральному межеванию во владение гор. Енисейска отведено казенной земли 7307 десятин, в числе коих $\frac{1}{5}$ часть находится под лугами и выгоном, под лесными угодьями — $\frac{1}{7}$ часть, а вся остальная часть составляет под болотами, окружающими город, и водным пространством р. Енисея, так как владения города переходят и за речную сторону.

За истекшие 80 лет, конечно, мно[го]е в жизни изменилось, но не изменилась лишь площадь отведенной земли да та первобытная культура ее, какой город воспользовался при наделе. Возможно даже допустить, что в последние годы та же большая площадь лесных дач, которыми обладал город, путем вырубки еще более обесценена в своей стоимости. Недаром мещане г. Енисейска в январе этого года обратились в думу с ходатайством о предоставлении им свободных лесных угодий для рубки дров, они жаловались, что город стесняет их в пользовании лесом, который, по правде сказать, самими же горожанами и был вырублен, а к культуре лесов и лугов предпринято ничего не было.

Городская управа ввиду возбужденного коллективом мещан, подписавших заявление, вопроса о земле своим докладом, внесенным в думу 10 августа, предлагала последней возбудить ходатайство о прирезке городу еще до 5000 десятин земли. Министерство внутренних дел, на благоусмотрение которого поступают все возбуждаемые городами вопросы, по сношению с Министерством земледелия и госуд.[арственного] имущества, сославшись на существовавший с давних времен закон, воспрещающий дополнительные отводы, ходатайство думы отклонило, но генерал-губернатор Восточной Сибири дал совет ходатайствовать о нарезке земли самим мещанам путем соответствующего приговора, и это ходатайство может скорее получить благоприятное разрешение.

Когда городская управа перенесла вопрос о земле в зал мещанского общества, то встретила опасение — боязнь за то, что им придется платить налог за отведенный надел. Это отличительная черта не одних енисейцев, она, как показало время революционной советской власти, въелась в плоть и кровь всех русских людей в подавляющей своей массе. Нам бы только брать, а платить налоги мы не любим. То же нежелание платить какой-нибудь рубль-два с десятины устрашило и мещан, и хотя на мещанском собрании избрана была комиссия по разработке ходатайства об отводе им для пользования земельных угодий, но дело этим и ограничилось,

мещане устрашились налога и от ходатайства воздержались. На этом история с земельным наделом и закончилась на долгое время. Вскоре после этого введен был институт лесничих, началось правительственное размежевание, и получить землю где-либо поблизости к городу нечего было и думать. Революционное время перевернуло все по-новому, но только не к лучшему.

* * *

После того как история с пароходовладельцем Гадаловым из-за пользования пристанью для стоянки пароходов и постоянной плавучей пристани стала предметом спора и судебного разбирательства за право города получать плату, городское управление разбило всю береговую полосу от Каштака до востротинского взвоза на участки по 30 саж.[еней] каждый и стало их отдавать ежегодно с торгов желающим. Постановление думы о таком получило согласие судоходного инспектора и было утверждено губернатором и, так.[им] образом, получило как бы законную силу, следовательно, не могло быть оспариваемо кем бы то ни было из-за своих выгод, подобно Гадалову. Каждый мог приходить на торги и покупать себе участок, какой понравится, и пользоваться им все лето до рекостава. Но так как самые главные участки были против домов Кытманова и Матонина и против бульвара ниже соборного храма, то все соревнователи на торгах более всего и стремились захватить эти участки как самые удобные и центральные близ главного взвоза. Главным конкурентом на пристани пароходчикам был начальник по обследованию и разработке р. Ангары инженер Черноцов, в распоряжении которого было три парохода, он всегда и набивал цены на эти участки, назначая на каждый по 400–600 руб. В этот год контора и дело по разработке Ангары ликвидировались, пароходы были уведены, и пароходчикам на торгах стало вольготнее. Каждый намечал заранее себе участок и назначал свою цену. Конкурентов на него не оказывалось. Торги, значит, сводились к простой формальности. Так это и случилось в 1900 году. За пристани выдано было всего лишь 300 р. 50 к. Тогда городской голова, опираясь на одно из сенатских разъяснений, говорящее, что города вправе расценивать намеченные участки и с этой цифры назначать торги, предложил такой способ и городской думе при докладе управы о результате торгов. Городская дума в заседании 12 мая согласилась на это и два главных участка оценила по 250 руб., а остальные пять — по 200 руб. Только таким путем удалось тогда поддержать городской доход от пристани от монопольного господства пароходовладельцев.

Но курьезнее всего здесь следующее обстоятельство. В компании пароходства по р. Енисею, имеющей дела главным образом с Туруханским краем, состояли большею частию енисейские капиталисты, они же и гласные

думы[1]. Как пароходчики, они чрез служащего, являвшегося на торги, стремились взять участок как можно подешевле, придя же в думу, им ничего не оставалось, как красноречиво молчать, как решался вопрос о пристани, или вставать на защиту интересов города и вотировать за способы повышения платы. Зная, что оно так и будет, голова В. М. Харченко потому и предложил такую комбинацию, как расценка участков. Авось некоторым гласным будет стыдно, и они или уклонятся от обсуждения, или, если совесть позволит, станут[2] врагом думы. И Харченко перехитрил и участки не продешевил, беднягам пришлось взять участки по назначенной цене. Да, плохо бывает в тех делах, где шкурные и общественные вопросы скрещиваются и приходится бродить «между Сциллой и Харибдой».

* * *

В заседании думы 3 июля докладывалось заявление старосты Крестовоздвиженской кладбищенской церкви П. М. Зеленцова о необходимости перестройки каменных ворот кладбища, грозящих падением, и дума вынесла такое постановление: «Так как свободных средств на это в распоряжении управы не имеется, а по смете этого расхода не предусмотрено, то просить Зеленцова, не найдет ли он возможным исправить эти ворота или построить новые доходами от кладбища, как, например, сборами от могил». Каковым ремонтом он мог располагать по своему усмотрению. И к чести Зеленцова надо сказать, постановление думы он выполнил в точности. Частию по подписке, частию на личные средства он построил новые каменные ворота с аркою над ними, которые вместе с деревянною оградою и напоминают хозяйственную заботу Зеленцова как в настоящее время, так, вероятно, на многие будущие годы будут служить о нем воспоминанием. Зеленцов в это время уже оканчивал трехлетие своей службы старостою, но по усиленной просьбе благочинного и городской думы согласился продолжить службу на следующее 3-летие.

* * *

Каждогодно почти, как только на рыночной площади начинаются базары привозимыми для продажи огородными овощами из окрестных деревень, а капусты, картофеля или огурцов по преимуществу из Городища, Каменского или Малышевой, так успевают первыми скупить местные маклаки-переторговцы, и городской управе всегда приходилось бороться

---

[1] Из числа гласных пайщиками в пароходстве были А. А. Баландин, Н. Н. Дементьев, А. И. Кытманов, П. И. Кытманов и бр.[атья] Востротины — Ст. и Вас. Васильевич. — *Прим. Миндаровского.*

[2] У Миндаровского: «встать».

с этим злом всяческими мерами, составлением протоколов за нарушение обязательного постановления мало достигалось цели. Штраф их не пронимал. Тогда городской голова Харченко придумал такой способ: первого же попавшегося спекулянта привлекать к выборке торгового свидетельства, стоимость которого определена была 17 р. 50 к. И это немного огорошило переторговцев. В этом году новая попытка легкого заработка, заставившая войти гласного А. Н. Евдокимова в думу с особым заявлением, которое и доложено было 2 августа. Но и дума, бессильная к принятию каких-либо репрессивных мер, ограничилась возложением их на городскую управу. Вообще надо сказать, что вести борьбу со спекулянтами управе приходилось постоянно, были не одни овощные спекулянты, практиковалась перекупка и перепродажа рыбы под берегом, а что скуп муки происходил ежегодно, это считалось даже обычным явлением.

* * *

Выдающееся событие, или, вернее, инцидент, произошел между представителем сибирской прессы и отцами города, главным виновником которого явился я — ваш покорный слуга. Инцидент этот тем и знаменит, что он стал достоянием гласности, облетев не только сибирские газеты, но даже проникнул и в столичную печать, а поэтому нельзя не остановиться на нем несколько подробнее.

Предупреждаю читателя заранее, что я отнюдь не буду преувеличивать и тем более защищать себя, а запишу, как было дело.

Однажды появившийся в городе корреспондент «Сибирской жизни», админ.[истративно-]ссыльный студент-технолог Марк Павлович Замощин обратился ко мне в город.[ской] управе с просьбой дать ему материал по истории осуществления у нас лечебницы на предмет составления по этому вопросу печатной статьи. Должен сказать, что до этого Замощин в качестве корреспондента не раз посещал думские собрания, приходил назавтра в управу и брал у меня для нужных ему заметок по интересующим его вопросам докладываемый накануне материал. Так взял у меня раз дело по ревизии отчета общественного банка, в котором находился акт ревизионной комиссии, написанный рукою гласного купца М. М. Бородкина. Написан он был недостаточно грамотно и не вполне литературно изложен, на что главным образом Замощин почему-то и обратил свое особенное внимание. Отчет Замощина, появившийся в «Сибирской жизни» в одном из номеров за этот год под псевдонимом Марк Павлович, испещрен был инсинуациями по адресу Бородкина в том смысле, чтобы обратить внимание читателей, насколько грамотны гласные Енисейской думы; для этого в статье Марка Павловича процитированы были целые фразы, взятые из доклада Бород-

Дом купца М. М. Бородкина, 1880 г. Из фондов ЕКМ.

кина. Это привело к тому, что Бородкин, как бешеный, прибежал в управу и накрыл на меня за то, что я своевольно распоряжаюсь вверенным мне служебным материалом, позволяя себе компрометировать гласных печатно в газетах, и, признаться, гнев г.[осподина] Бородкина был вполне правилен, по крайней мере с моей точки зрения. Это обстоятельство заставило меня отказать Замощину в выдаче дела о лечебнице, заявив ему, что он не умеет обращаться с печатным словом или тем материалом, который ему доверяют. С этого весь сыр-бор и загорелся. Замощин обратился на меня с жалобой к городскому голове В. М. Харченко, и тот ему ответил почти то же, что и я. Тогда Марк Павлович пишет в городскую думу жалобу на управу, в которой, подчеркивая публичность думских собраний, а следовательно, и то, что оглашаемые в ней бумаги и доклады никакой тайны не составляют, просит думу разрешить ему знакомиться со всем тем, что чрез нее проходит, «памятуя, что примеры, подобные этому, сплошь и рядом наблюдаются в городах России, т.[ак] как печать не есть холодный сквозняк, от которого жди не добра, а жестокой простуды».

Предъявляя думе это заявление Замощина, управа указала частным образом и на причины, побудившие ее к отказу Замощину в ознакомлении с докладами и документами, а официально сослалась на статью 107 Уст.[ановления] о цензуре и печати и на существующий у нее циркуляр М-[инистерст]ва вн.[утренних] дел от 26 декабря 1899 года и 419 ст.[атью] Улож.[ения] о наказ.[аниях].

При обсуждении в думе этого заявления Замощина в заседании 2 августа, на котором был, разумеется, и сам Замощин, гласные в большинстве своем молчали, боясь попасть на зубок г.[осподина] Замощина, и лишь только гласный Г. Н. Калашников, по профессии мясоторговец, имел смелость открыто встать на сторону управы и заявить не совсем, конечно, удачно: «Что законом прямо не разрешено, то значит воспрещено». Этою обмолвившеюся фразою он с легкой руки корреспондента попал на страницы не только «Сиб.[ирской] газеты»[3], но и крайне либерального по тому времени столичного органа — «Северного курьера». Имя «мясника Калашникова», как его разделывал Замощин, стало историческим и облетело почти все хроники повременных изданий.

Чтобы лишне не распространяться по этому поводу, я случайно отыскал в разбитом архиве управы подлинный доклад гласного Калашникова, поданный в думу под впечатлением статей Замощина, и в подлиннике его приложил к своим воспоминаниям[4]. В этом докладе Калашникова нагляднее всего изображена вся история, наделавшая столько шума, «не стоящего даже выеденного яйца», повлекшая за собою еще дальнейшие последствия, потому что присутствовавший на заседании думы 3-го ноября, когда читался доклад Калашникова, М. П. Замощин почел себя оскорбленным некоторыми выражениями доклада и подал на Калашникова жалобу мировому судье, а Калашников по справке, взятой у думы, привлек Замощина за клевету в печати. Не знаю, до чего бы дошла вся эта история, если бы эти два дела не столкнулись в окружном суде, куда они перешли по апелляциям обеих сторон, и там не получили компетентного истолкования, что ни в том, ни в другом случае заведомых ни оскорблений, ни клеветы нет.

Так ничтожная история с моим отказом Замощину раздулась в громадную полемику, захватившую собою все заинтересованные стороны, и стала широким достоянием гласности. Там имя городского головы Харченко и мое фигурировали среди «замкнутой группы плутократии», которая завладела всеми делами города, боящимися гласности. Словом, все управские, по мнению Замощина, являлись не чем иным, как явными гасителями живого слова, врагами всякой гласности, печати и прогресса. В таком духе писались все замощинские статьи и корреспонденции. Словно им открыто было какое-то стоячее болото, заполненное тьмою, невежеством, рутиною, и в этом-то открытии он и забил тревогу, удовлетворяя свое больное воображение. Считаться с его статьями, входить в полемику, писать опровержения, которые я было предлагал своему принципалу — городско-

---

[3] Так у автора. Видимо, речь идет о «Сибирской жизни».

[4] Доклад Калашникова, сброшюрованный с тетрадью записок Миндаровского, в данном издании не публикуется.

му голове, последний находил ниже своего достоинства. И действительно, все печатанное Замощиным и следа не носило о том «экономическом или историческом положении города», про которое он писал в своем заявлении городской думе, а наполнено было сплошь одними глумлениями по отношению к избранным должностным лицам.

«На всякое чихание не наздравствуешься, а серьезный человек, прочитавши эту грязь, сам поймет ее цену и достоинство», — сказал мне В. М. Харченко на мое предложение написать на статью Марка Павловича опровержение.

Беспокойная натура Замощина не удовлетворилась еще и печатным словоизвержением, когда подошли Святки и начался сезон маскарадов в собрании, Замощин явился в костюме с ослиной головой с надписью «Наша голова», а на другом костюме, изображающем какого-то подьячего, была надпись уже по моему адресу — «секретарь-писаришка». Это было последнее выступление неуемного «корреспондента сибирских газет», как он себя аттестовал на визитной карточке. Вскоре он был куда-то переведен и канул в вечность.

Впоследствии Замощин уже в звании инженера проживал в г. Красноярске, состоя владельцем завода, выделывающего огнеупорный кирпич. В 1918 году, когда началось и вошло в жизнь засилье большевистской власти, он принял в этом движении активную роль, занимая пост губернского комиссара по финансовым делам. После подавления власти большевиков чехословацким выступлением Замощин где-то затерялся, а возможно, что был убит в побеге из Красноярска с казенными деньгами госуд.[арственного] банка.

Если бы не простое совпадение, то можно бы подумать, что статьи под пером Замощина создали мне карьеру. В то время как печатались мы с городским головой на страницах выходящих в то время газет, я неожиданно получаю лестное для меня приглашение секретаря редакции «Восточного обозрения» принять сотрудничество в этом издании периодическими сообщениями бытовой и экономической жизни Енисейского края. Скажу откровенно, предложение это так обрадовало меня, что я не задумываясь послал свое согласие, не заикаясь даже о гонораре. С этого времени и началось мое участие в качестве корреспондента в сибирских периодических изданиях. В «Восточном обозрении», переименованном потом в «Сибирское обозрение», я участвовал до его закрытия (газета эта выходила в Иркутске). Потом стал изредка писать в начавшие выходить в Петербурге «Сибирские вопросы» (издание, выходящее книжками). Писал в «Енисей», «Красноярец», «Голос Сибири» — местные красноярские газеты, — а последние годы сотрудничал под псевдонимом Абориген в «Сибирской жизни», издававшейся

в Томске. Более толстые статьи мои помещены в органе Крутовского «Сибирские записки». Сотрудничество мое, за исключением иркутской газеты и красноярских изданий Жалудского, было бесплатным. Желая искренне служить делу развития родного края, я не гнался за материальным вознаграждением, которое все равно меня бы не обогатило.

* * *

Наше молодое учреждение — городской ломбард — посетило новое несчастие. 9-го сентября утром распорядителем ломбарда М. Н. Ерлыковым, выбранным вместо Грязнова, обнаружена была другая кража, и на этот раз более серьезная. Обокрадены были кладовые ломбарда, устроенные под сводами нижнего этажа каменного здания при гостином дворе, фасадом своим выходящем на набережную Енисея. 8-го был праздник Рождества Б-[огороди]цы, а 7-го — воскресный день. В эти два праздника по ночам воры и орудовали чрез пролом стены дома под тротуарами со стороны пустынной набережной. Похищены были по преимуществу золотые и серебряные вещи, которые вынимались из футляров, а последние тут же на пол и бросались. Из этого ясно, что как первая кража в прошлом году у Грязнова, так и настоящая совершены одним и тем же лицом — специалистом в определении ценностей. Всего в эту кражу похищено было на сумму 7500 руб.

И как по первой краже, так и сейчас преступников найти не пришлось, как не пришлось вернуть и покраденного, хотя не только для всех нас, городских служащих, но и всему городу частно известно было лицо, совершившее кражу. Это был некто Кевролетин[5], ювелир по профессии, имеющий свою мастерскую в городе, но почти никогда в ней не работавший. Неоднократные обыски у него ничего положительного не обнаружили, за исключением одного детского серебряного рожка и крестика, опознанных владельцами за собственные, заложенные в ломбарде, и только благодаря этим двум уликам Кевролетин был предан суду за укрывательство краденого. Когда на сессии окружного суда разбиралось это дело, мне по уполномочию от города пришлось выступить в качестве гражданского истца к Кевролетину и на суде лицезреть, как нанятый, вероятно, за хорошую цену защитник, красноярский присяжный поверенный Шнейдер, распинался, обеляя своего подзащитного. Хотя для всей многочисленной публики, присутствовавшей на суде, было ясно, что перед нею сидит настоящий вор, только не пойманный на месте, но почтенный адвокат не стеснялся этим, без зазрения

[5] См.: ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 3878. Наряды по донесению Енисейского уездного исправника относительно обнаружения у крестьянина Николая Кевролетина склада вещей, преимущественно золотых и серебряных, похищенных из Енисейского ломбарда и других мест.

совести с пафосом он произнес громовою речь, ядовито направленную против общественного мнения, ошибочно остановившегося на имени подсудимого. «Ему, сидящему на скамье подсудимых только за то, что случайно в его мастерской оказались вещи, очень похожие на покраденные, очень горько видеть и чувствовать напрасно обвинение. Но правосудие восторжествует, ибо не нами сказано: «Не всякому слуху верь», — так убеждал судей почтенный языкоблуд за «радужные катеринушки». Но судьи все-таки не поверили словам убеждения и дали Кевролетину год тюремного заключения с присуждением гражданского иска городу, по которому из имущества Кевролетина пришлось получить разве десятую часть покраденного.

Впоследствии частными слухами от крестьян выяснилось, что покраденные ценности увезены были в село Усть-Кемское, где у Кевролетина была вторая квартира и гражданская жена, там вещи перелиты были в слитки и затем вывезены в Красноярск. Только неизвестно, для чего сохранены были им старинный рожок и крест, изобличившие Кевролетина в прикосновенности к покраденному.

* * *

В городской думе опять шла старая песня на новый лад. В заседании 3 ноября докладывалось предложение губернатора нанять в распоряжение местного исправника одного конного стражника (по прежнему — скакуна за экипажем исправника или городничего), отнеся расход на содержание его в сумме 265 руб. ежегодно на средства города. Чем вызвана эта потребность в скакуне, того из бумаги губернатора не видно.

Наряду с этим в том же заседании докладывался указ Правительствующего Сената об отказе в удовлетворении жалобы городского головы на отказ м-[инист]ра внутр.[енних] дел испросить Высочайшее соизволение на освобождение Енисейска от 2000 [рублей] расхода города на полицию.

Сопоставим между собой эти два документа, достаточно ясно характеризующие взгляд правительственных сфер на нужды города. Ведь перед носом губернатора ежедневно проходит картина городских потребностей. Ему приходится постоянно сталкиваться с этими вопиющими нуждами, и никого более, как нашего Енисейска. Он только что перед этим рассматривал смету города, обстригал итоги ее, чтобы устранить дефицит, взамен которого и сам не мог ничего придумать, и тем не менее сам же предлагает городу новый расход, не вызываемый никакими нуждами или потребностями жизни последнего. Конечно, дума отклонила это предложение, указав, что расходы города на содержание полиции и без того год от году все увеличиваются и последнее время дошли до 5814 руб. при 40 000 бюджете города.

А высшая власть в лице министра? Не соображаясь ни с чем, увеличивает в Енисейске штат городовых и не желает даже читать крик наболевшей души последнего, когда он раболепно просит монаршей милости пощадить его. Таков взгляд администрации на потребности городов и земства, этих крамольных учреждений в государстве[6].

* * *

Чтобы читатель рельефнее мог представить себе всю безрадостную картину городского хозяйства, я прилагаю здесь к своей записке подлинное постановление городской думы 3 ноября по поводу составленной управою приходо-расходной сметы города на 1901 год[7]. В постановлении этом, правда, без статистических цифровых дат, но вполне объективно изложено, что представлял собою Енисейск в это время. Пройдут еще года печального состояния города, которому самой судьбой заповедано стать парием среди своих собратов, но наступит пора возрождения, когда «поднимется зеленая стена и зашумит над прежнею могилой»[8].

* * *

В заседании думы 3-го ноября состоялись выборы одного из членов управы на четырехлетие с 1901 по 1905 год вместо А. Е. Грязнова, избранного после не дослужившего срок С. В. Телегина. Баллотировке подвергнуты были как Грязнов, так и гласный Я. В. Лапшин, лично заявивший на заседании свое желание баллотироваться. Хотя кандидатуру Лапшина многие из гласных находили не совсем удачною, тем не менее оказалось, что Лапшин был выбран, а Грязнов забаллотирован (первый получил 10 избир. и 8 неизб., а второй 8 избир. и 10 неизбир.). Здесь при выборах Лапшина устроена была некоторыми гласными интрига, выбирали Лапшина для того, чтобы досадить Харченко, подсунув ему такого помощника, как Лапшин, считавшийся в городе совершенно бездеятельным человеком. Чтобы как-нибудь свести выборы на кассацию, другая часть гласных, серьезно смотрящая на дела города, написала под постановлением свои мнения, в том смысле что срок службы избранного захватит два года нового полномочия, на которое жалованья не назначено, а выбираемый-де должен

[6] Карандашное примечание Миндаровского: «См. далее постановление 3/IX.1900 года» (видимо, речь идет о постановлении от 3 ноября 1901 года, упоминающемся в следующем абзаце).

[7] Помещенный в первой тетради записок на л. 143–149 текст постановления городской думы от 3 ноября по поводу составленной управою приходо-расходной сметы города на 1901 год в настоящее издание не включен.

[8] Здесь Миндаровский неточно цитирует стихотворение поэтессы Глафиры Адольфовны Галиной: «Лес рубят… Но земля укроет семена; / Пройдут года, и мощной жизни силой / Поднимется берез зеленая стена — / И снова зашумит над братскою могилой!..»

определенно знать, за какое вознаграждение он служит. Возражения эти не привели ни к чему, Лапшин был утвержден в должности и продолжал служить весь выборный срок.

К характеристике Якова Васильевича Лапшина, умершего в 1907 году и похороненного в ограде мужского монастыря, скажу, что это был прекрасной души человек, хороший товарищ и хлебосол по выпивке, но совершенно апатичный к делу парень, несмотря на свой молодой возраст (ему было всего 35 лет). Удивительно то, что, будучи старшим братом в семье отца, он в молодости помог отцу в торговле скопить порядочное состояние, считался дельным малым по торговле на ярмарках, но под 30 лет стал выпивать, и это подействовало на его психику, сделав из него совершенно апатичного ко всему человека, каковым он и кончил свою жизнь.

Я. В. Лапшин вместе учился со мною и был товарищем по службе городу, которого я, сколько мог, всегда старался поддержать морально.

* * *

В этом году, как известно, состоялось открытие в г. Томске Технологического института. Событие знаменательное для сибиряков, приближающее к осуществлению желанной мечты Н. М. Ядринцева видеть Сибирь приобщенною к благам европейской культуры и цивилизации.

В заседании думы 27 ноября городской голова В. М. Харченко вносит предложение осуществить это событие учреждением стипендии отпуском ежегодно по 300 руб. на образование одного сибиряка, а так как провести эту ассигновку нельзя по смете ввиду ее дефицитности, то он на время своей службы деньги эти уплачивает из своего жалованья по должности головы, а в дальнейшем дума, быть может, найдет возможным провести это путем частной подписки или иным каким способом. И дума постановляет на пополнение остальной суммы взноса, приблизительно до 1000 руб., открыть среди состоятельных гласных подписки и в случае недостаточности таковой произвести доплату из будущих смет города. Так как наиболее состоятельные лица в городе находились в среде гласных думы, то по приказанию Харченко изготовлен был подписной лист, который и приложили для подписи вместе с постановлением. И что же — ни один из отцов города не решился осквернить этот лист своею лептою. Только гласный И. А. Попов карандашиком написал на листе: «Как люди богатые подпишут свои пожертвования, тогда и я не откажусь дать посильную свою лепту». Так этот лист в неприкосновенности и подшит был управою к делу с постановлениями, и стипендиат, если таковой содержался на 600 руб., данные Харченко, вероятно, по переходе на 3-й курс остался недоучкой.

* * *

С 1899 года, как я уже упоминал, введен был в действие новый закон о промысловом налоге, по которому на обязанность общественных управлений возлагался выбор членов раскладочного по промысловому налогу присутствия в числе 6 лиц, срок службы которых устанавливался 4-летний, и по окончании первых двух лет половина членов выбывает по жребию и заменяется вновь избранными. В соблюдение этого порядка местный податной инспектор и обращался в думу с предложением доизбрать трех выбывших по жребию как в члены раскладочного присутствия, так и в члены торговой депутации. Разумеется, избрание происходило по преимуществу из лиц торгового класса как непосредственно заинтересованных в этом деле, и на этот раз избраны были: владелец крупного магазина гласный Н. Н. Дементьев, тоже владелец магазина Егор Ст. Кузнецов и торговец средней руки И. Г. Грязнов. Здесь интересен не самый выбор, а та роль, та обязанность, какая, по остроумно придуманному законодателем плану, должна быть выполняема избранными лицами. Они в общем своем собрании под председательством податного инспектора должны были рассматривать списки плательщиков государственного промыслового налога, определять цифры годового оборота данного лица или торгового предприятия и тем самым содействовать к установлению более справедливой суммы обложения налогом. Всякая другая тесно связанная своими классовыми интересами группа на этой почве всячески стремилась бы защитить себя — свой класс, свою братию, — но наши купцы оказались лицами из другого лагеря. На этих раскладочных заседаниях один купец старался утопить другого, объявляя цифру его оборотов далеко выше показанной инспектором, а другой его друг и товарищ изобличал опять этого, чего только и нужно было председательствовавшему инспектору как представителю казенного фиска.

Замечательно, что эта характерная черта среди енисейского купечества проявлялась не в одном промысловом обложении, а заметна была везде и всюду, наблюдалась она, напр.[имер], и при определении оценки недвижимости какого-нибудь толстосума его товарищами-гласными. Только каждый в отдельности всеми силами старался, чтобы с него сошло поменьше. Надо быть благодарным нашему купечеству за то, что благодаря отсутствию в нем взаимной солидарности и беспощадной друг с другом конкуренции мы, горожане, имели всегда дешевый товар, приобретаемый иногда с самым ничтожным накладным процентом.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

отъ Енисейской Городской Управы.

Съ 15-го октября 1903 г. открыта ветеринарно-санитарная станцiя для изслѣдованiя и свидѣтельствованiя привозимыхъ въ городъ для продажи въ пищу мясныхъ тушъ подъ непосредственнымъ завѣдыванiемъ ветеринарнаго персонала, которая будетъ находится при домѣ городской Управы.

За клейменiе и свидѣтельствованiе мяса, на основанiи постановленiя Городской Думы 14 декабря 1900 г. утвержденнаго Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, взимается въ доходъ города плата: съ туши мяса крупнаго скота 40 коп., съ барановъ 10 коп., съ телятъ 15 коп., свиней (освидѣтельствованiе коихъ производится микроскопически) 40 коп. и за досмотръ и провѣрку клейменаго уже мяса на другихъ станцiяхъ,—съ крупныхъ тушъ и свиней—15 коп., и съ барановъ—3 коп., телятъ—5 коп., которыя уплачиваются лицу производящему изслѣдованiе, подъ установленную квитанцiю. Всѣ привозимые для продажи мясные продукты и покупаемые на мѣстѣ, должны быть отправляемы для осмотра на означенную станцiю. Въ случаѣ обнаруженiя не клейменаго мяса, оно будетъ конфисковано, а виновные будутъ привлекаемы къ отвѣтственности.

Городской Голова ***Н. Третьяковъ.***

Секретарь ***М. Миндаровскiй.***

1-го ноября 1906 года.

г. Енисейскъ.

Типографiя А. Е. Грязнова въ Енисейскѣ

* * *

По инициативе правительственного ветеринарного врача с 1901 года начала работать при управе санитарно-ветеринарная станция для осмотра и клеймения скотского мяса.

Такие станции уже существовали в других городах, в том числе и в Красноярске, а теперь последовали и мы этому примеру. Разумеется, гг. гласные, стоя за учреждение такой станции, имели в виду доход от нея, тогда как врач Левитский находил желательность открытия ее в целях более правильного надзора за доброкачественностью привозимых для продажи в пищу продуктов. Тот сбор по 15 к., который проектировалось взимать в доход города за досмотр и клеймение привозного мяса, уходил почти целиком на содержание самой станции, т.[ак] к.[ак] потребовалась приплата вознаграждения врачу и фельдшеру и на другие расходы по станции. Так что существование станции не было какой-либо доходной статьей города, как вначале полагали гласные, а она была как разумная мера надзора в медико-санитарном отношении.

* * *

Летом этого года построен новый деревянный обруб против домов Матонина и Востротина взамен развалившегося от ветхости. Постройка обошлась в 5000 руб., позаимствованных в общ.[ественном] банке.

1901 год

Приступая к продолжению своих записок в новом десятилетии, я предварительно должен оговориться, что записи мои не будут уже настолько полны, со ссылками и цитированием мест, покоящихся на документальных данных, так как новое перемещение городского архива с одной квартиры на другую и продолжающееся истребление его на канцелярские потребности в бумаге лишили меня окончательно возможности пользования им для своей цели. Буду теперь писать только о том, что осталось у меня в памяти и что сохранилось под руками.

В начале этого года мне пришлось получить очень лестное для меня предложение секретаря редакции издающейся в Иркутске газеты «Восточное обозрение», основанной еще Н. М. Ядринцевым. К сожалению, кажется, в 1903 году газета эта волею начальства «за вредное направление» была закрыта и стала выходить под другим заглавием, припоминается, что под названием «Сибирское обозрение», где я все время выхода ее и сотрудничал. Писал также небольшие корреспонденции из местной жизни и в красноярские газеты, редактируемые небезызвестным тогда в городе адвокатом Жалудским.

* * *

Из думской жизни этого года упомяну о выработанной Алекс.[андром] Игнат.[ьевичем] Кытмановым инструкции об основаниях, на которых должна производиться оценка обывательских строений на предмет обложения их оценочным сбором, каковой инструкцией управа и руководствовалась затем все последующее время. До этого же времени оценки производились большею частью по соображению комиссий, избираемых для этой цели.

* * *

В этом году по предложению врача лечебницы Ю. Н. Васильева впервые возникал в думе вопрос об открытии при лечебнице собственной аптеки с приготовлением и отпуском лекарств на волю. В заседании думы 15-го марта избрана была особая комиссия из гласных врачей Станкеева А. А., Кытманова П. И. и инициатора Васильева, которые хотя представили свои сочувствующие этому соображения, но существовавший в то время закон воспрещал существование вольных аптек без провизора как ответственного по аптеке лица, и на этом дело заглохло, ограничившись лишь изго-

товлением самых необходимых лекарств для амбулаторных больных, посещающих лечебницу.

* * * [1]

В течение долгого времени был в думских собраниях злободневным вопрос о ночной охране города. Ссылка в Сибирь порочного элемента, периодическая безработица, в особенности зимой, когда в город стекались приисковые рабочие, — шпана, как их называли, — обрекали город во власть этих героев темной ночи.

Подлом замков и хождение по кладовым и амбарам было только обычным явлением в некоторых местах города, где ютились кабаки и разные притоны, небезопасен для обывателей [бывал] и проход по этим улицам в ночное время. Хорошо если прохожего останавливали, и вся неприятность для него ограничивалась снятием часов или одежды, но бывали случаи и убийств с целью ограбления и скрытия своих следов. Вот эти-то обстоятельства и заставили отцов города обсуждать на разные лады положения о ночных караульных, содержимых самими домовладельцами за помесячную плату от гривенника до рубля и выше с каждого двора, собираемую самими караульными. В большинстве кадры этих караульных составляли престарелые инвалиды, непригодные к более тяжелому физическому труду, которые по очереди или несли дежурство по наряду участкового полицейского чиновника, заключающееся в разноске пакетов по городу, или помогали по хозяйству, а ночь преспокойно спали на своем посту, а за стеной их где-нибудь герои ночи обделывали свои дела. Ясно, что такое положение дела не удовлетворяло жителей, результатом чего в управу сыпались постоянные жалобы на караульного, а управа была бессильна что-либо предпринять для их удовлетворения, так как по закону караульные находились в распоряжении полиции. Пробовала дума заменять пеших караульных конными объездными из людей более молодых и здоров.[ых], результат получался один и тот же. В последние годы институт ночных караульных совершенно потерял свое значение, и обыватели стали индифферентно смотреть на свою обязанность платить им деньги за караул. В результате получился полный развал караульных, и от этого опасность за спокойствие жителей нисколько не увеличилась. Наоборот, с прекращением ссылки в Сибирь и с усовершенствованием самого состава полиции случаи ночных похождений стали более редки и не так уже поражали своей бесцеремонностью.

---

[1] Перед нижеследующим текстом, описывающим события 1901 года, выставлена дата «1924».

Вот и на заседании думы 28 мая 1901 года обсуждалось одно из заявлений горожан Успенской улицы, жалующихся на то, что их участковый караульный более проводит время на углу казначейства (3-эт.[ажный] каменный дом присутств.[енных] мест), чем сторожит их безопасность, и дума в удовлетворение этого постановила заменить 30 караульных по городу 15-ю объездными, которые, как потом оказалось на практике, нисколько пользы не принесли. Только всеисцеляющее время внесло струю облегчения.

* * *

Одна из важных отраслей городского хозяйства — забота о народном просвещении — всегда была на первом плане в сознании гласных гор.[одской] думы, хотя бы даже и людей с унаследованными от стариков домостроевскими традициями. К сожалению, обычный недостаток городских доходов заставлял и тут быть экономным в своих заданиях. Значительным помощником думы в этом деле являлось Общество попечения о начальном образовании, которое хотя и пользовалось от города небольшим денежным пособием, но значительно добывало средства со стороны и путем устройства спектаклей, пожертвованиями и членскими взносами содержало учебно-воспитательную часть школы на должной высоте. Город же отпускал предметы отопления и освещения школы. Наблюдательная же роль за постановкой школьного преподавания, не исключая и хозяйственной части школы, возложена была правительством на инспектора народных училищ, являющегося и непосредственным ближайшим начальством над преподающими.

Сколь широки были полномочия поставленного на эту обязанность лица, я еще буду говорить далее в своих записках, а в данном случае я хочу только упомянуть об обращении этого инспектора к городской думе с просьбою об открытии для жителей Каштакской слободы особого училища, а также высказывающегося за полезность изменения системы преподавания в школах предоставлением каждому учителю или учительнице по отделению, а вернее сказать, подразделить каждую из школ на соответствующие группы. Так как при таком распределении школьных занятий многим из детей, проживающим в заречной или нагорной части города, при переходе их из младшего или среднего отделения в старшее пришлось бы ходить в противоположную сторону, т.[о] е.[сть] в другой конец города, где будет помещение старшего отделения, или наоборот, что в зимнее время будет в особенности неудобно, то дума в этой части желание инспектора отклонила, что же касается открытия школы на Каштаке, то по неимению готового помещения и неимению средств на постройку исполнить просьбу инспектора тоже не в силах.

Здесь характерны фантазии инспектора: в одном случае он как бы заботился о том, чтобы не пришлось ходить далеко, хотя пройти с Каштака до школы близ церкви Воскресения Х-[ристо]ва не составляет большого расстояния, с другой стороны, сам же и противоречит себе, высказываясь за групповое подразделение городских школ, расположенных в разных концах города.

* * *

27 мая после литургии в доме протоиерея о.[тца] Иоанна Васильевича Хнюнина состоялось скромное чествование его с днем 50-летнего служения в сане священника. Поздравителями были представители городского самоуправления, прихожане — делегаты от всех приходов города и духовенство последнего. Юбиляру поднесены были иконы и адреса: от городского управления, как бывшему законоучителю 2-го приходского училища, от прихожан Рождественской церкви, где он священствовал с 1853 по 1870 г., и от Успенской церкви, куда перешел он на служение и продолжал его до юбилейного дня и далее до смерти, последовавшей в 1903 году[2]. Покойный ныне о.[тец] Хнюнин был очень скромный, тихий человек, за что уважаем был всеми гражданами Енисейска, в котором он прослужил почти всю свою жизнь.

* * *

В заседании думы 6 июля заслушано было предложение уфимского городского головы, выступившего едва ли не первым инициатором, сознающим пользу периодических съездов городских голов или городских представителей для совместного обсуждения разных вопросов, относящихся к области муниципальной деятельности городов, и предлагающего городам поддержать возбуждаемое им пред правительством ходатайство в этом направлении. Енисейская дума почти единогласно высказалась за поддержку инициативы своего собрата, но только выступление это не достигло своей цели и осуществления. Правительство этого времени вообще-то косо поглядывало на городские и земские самоуправления, и надо было быть наивным, чтобы во времена Плеве и К° рассчитывать на допустимость каких-либо съездов и совещаний выборных от народа лиц, достаточно крамольных в глазах начальства и Николая II, уже назвавшего высказываемые пожелания земских людей «бессмысленными мечтаниями».

[2] Умер 16 ноября 1903 г. — *Прим. Миндаровского.*

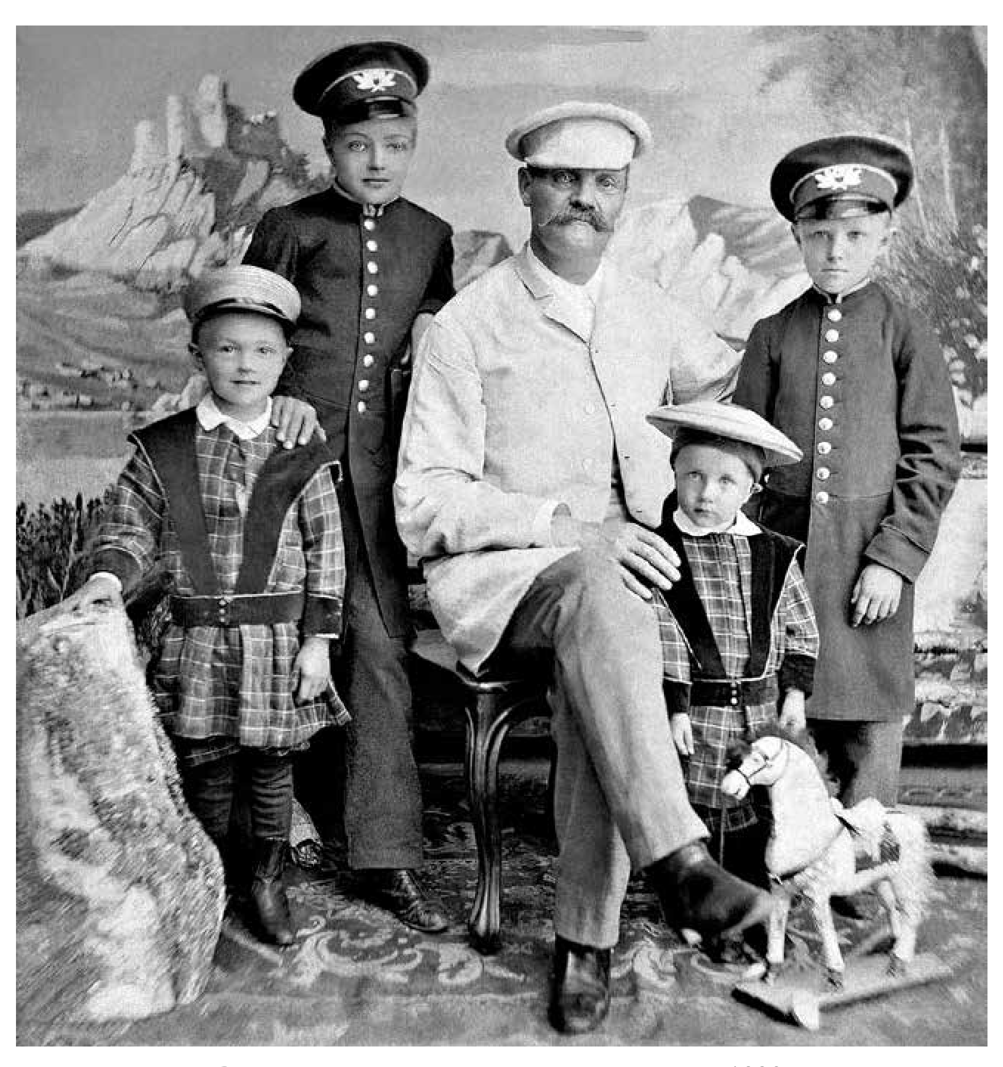
1902 год

В этом году городская дума понесла две весьма заметные потери в своих рядах. 26 апреля скончался старейший гласный Александр Петрович Кытманов, брат известного благотворителя г. Енисейска, о котором я говорил выше под 1895 годом. А. П. Кытманов хотя и не был такой крупной фигурой, так как не обладал, во-первых, такими крупными средствами, как Игн.[атий] Петр.[ович], во-вторых, не был и таким филантропом по натуре. Тем не менее деятельность его в звании гласного всегда выделялась как горячего поборника за интересы города. Несмотря на свои уже старческие годы, в которых я его застал по службе в управе, он был всегда членом какой-нибудь комиссии или участником в депутациях по какому-либо торжеству (напр.[имер], ездил на встречу наследника царя в г. Красноярск в 1891 году и даже читал ему адрес от думы). В период своей жизни он служил по выборам заместителем городского головы и город.[ским] головою, директором общественного банка, городовым судьей и пр. А. П. Кытманов имел свой каменный дом по Большой улице, перешедший после его смерти купцам Тонконоговым.

В ночь на 14 ноября этого же года скоропостижно скончался городской голова и почетный мировой судья Василий Михайлович Харченко. Выше в своих записках я уже упоминал об этой незаурядной личности на поприще его общественной деятельности. Это была цельная и самостоятельная фигура, знающая и умеющая ценить труд людей, которым так или иначе с ним приходилось работать.

Человек этот не любил размениваться по мелочам, и то, что он предпринял или задумывал, он доводил до конца. Только судьбе угодно было прервать его жизнь в тот момент, когда начатое по его настойчивости и под его руководством постройкою каменное здание женской гимназии оканчивалось отделкою одного нижнего этажа, и смерть Харченко остановила дальнейшие работы по отделке 2-го этажа на 10 лет, которые здание стояло с заколоченными окнами.

Василий Михайлович не обладал солидными капиталами, но умел давать тон и умел поставить себя в обществе людей, себе подобных, на такой уровень, что с ним считались и его побаивались такие тузы, которые располагали сотнями тысяч и чуть не миллионами. Когда сиротский суд после его смерти привел в известность оставшееся его наследникам состояние, то всего капитала налицо оказалось только 22 тысячи руб. Остальное богатство составляли винокуренный завод и работающие золотые прииски.

Городской голова Василий Михайлович Харченко с сыновьями, 1890-е гг. Из фондов ЕКМ.

Покойный пользовался симпатиями в самых широких слоях городского населения, его уважали и любили и рабочие, к нуждам которых он был особенно отзывчив. Я знаю много случаев за четыре года моей при нем службы в управе, когда при расчете с подрядчиками каких-нибудь городских работ он говорил казначею: «Прибавь ему столько-то — у него семья, да и мужик он хороший — добросовестный», — и эту прибавку приказывал отнести на счет причитающегося ему жалованья по своей должности, которое всегда почти расходилось полностью на такие надбавки. Говорили, что так же поступал он и дома с работавшими у него на заводе. И немудрено, потому, что за гробом его с Каштака и до Крестовоздвиженского клад-

бища шла тысячная толпа людей, несмотря даже на морозный и будничный день, и это лучший признак уважения к человеку.

Енисейск в лице целого поколения его граждан обязан покойному В.[асилию] Мих.[айловичу] существованием в нем прекрасного здания театра и общественного собрания, созданного тою же настойчивостью и материальными средствами умершего.

Интересен был во время постройки театра такой случай. Одному из богатеньких старожилов-купцов В.[асилий] М.[ихайлович] предложил подписку на постройку, это было в 1880 году. Дело происходило на именинах у кого-то, и все были в веселом настроении. Купец этот, непримиримый враг собраний и театров, грубо отказался от предлагаемой жертвы, Харченко принялся было убеждать его и в ответ получил оскорбления по своему адресу.

Назавтра Харченко подает в суд жалобу на оскорбителя, а этот последний, сознав свою горячность и нетактичность, ищет через посредников примирения. В конце концов дело кончается мировой сделкой, на которой Харченко свою готовность помириться и прекратить дело обусловил пожертвованием ему нескольких десятков или сотню пудов железа, хранящегося в гостином ряду и составлявшего собственность обидчика. Тот, конечно, согласился на это, и вот этим-то железом Харченко и покрыл крышу на собрании. Впоследствии приятели немало донимали своими шутками непримиримого врага театров и обществ.[енных] собраний, показывая ему на крышу выстроенного здания.

Читающий мои записки и воспоминания, быть может, заподозрит меня в утрировке и излишней увлекательности при описании людей, представляющих собою не что иное, он скажет, как сумасбродство и самодурство купеческой натуры, исполняющей свои фантазии.

Пусть будет так, но я, не будучи никогда поклонником капитала и учитывая то время, когда все полезные мероприятия осуществлялись под углом зрения того или иного фантазера, все-таки скажу, что благодаря таким с пользою для общества и будущих поколений фантазиям Енисейск сделался в свое время одним из первых городов Восточной Сиб.[ири], проложившим путь к развитию в нем народного образования; благодаря таким толстосумам-благотворителям и их настойчивости в нем есть народный театр (был в течение 30 лет), народная читальня и два громадных здания гимназии, что для маленького городка уже большая роскошь.

Наряду с именами Кытманова и Харченко Енисейск имел не менее их крупных капиталистов, создавших свои богатства на местной промышленности, но они ничем не оставили своего следа в истории города; самое лучшее, что они шли на поводу у Харченков и Кытмановых, прожигая

свои капиталы на картах и вине. Кто из членов попечительного совета отважился бы приступить к постройке здания женской гимназии, не имея на то разрешения генер.[ал]-губ.[ернатора], являющегося тогда попечителем всех учебных заведений в пределах его вотчины? А Харченко не посмотрел на эту бюрократическую формальность, и когда при посещении ген.[ерал]-губ.[ернатором] Горемыкиным Енисейска здание доходило постройкою до половины его выкладки, генерал, освидетельствовав чрез своего архитектора постройку, спросил председателя комитета Харченко: «Что вы думаете предпринять, когда ваши средства иссякнут?» (было 32 000 р., а надо было по смете 57 000 р.), Х-[арчен]ко ответил: «Поедем снова собирать, а пока приостановим постройку». Это мог сделать по тем временам только Харченко, а никто другой из тогдашних отцов города.

При открытой могиле его Ст.[епан] Вас.[ильевич] Востротин (впоследствии член Госуд.[арственной] думы) в своей речи сказал о покойном, что «с тобой можно было не соглашаться и спорить, но не любить и не уважать тебя было нельзя». Вот лучшая характеристика покойного.

В. М. Харченко, простой малограмотный кр[естьяни]н из мастеровых пермских заводов, относил общественные службы по выборам в общественном банке, был заседателем, а потом судьей дореформенного городового суда, гласным, а последние 4 года — городским головой, председателем попечительного совета женской гимназии и почетным мировым судьей. Еще накануне смерти он присутствовал в качестве такового на заседании прибывшего на сессию окружного суда, а ночью его не стало.

* * *

Летом 1902 года с предварительного разрешения городской думы городской голова В. М. Харченко сделал на свои средства пристройку к существующему зданию Александровского дома призрения бедных детей, усадьба которого находится по Спасской улице г. Енисейска. Под одну общую крышу прирублено на каменном фундаменте три стены для помещения в этой пристройке квартиры для учителя, а внизу — кухня для общежития воспитанников. С этою целью им еще до этого куплен был соседний участок земли и купчая крепость сделана на имя города. Свободная часть купленного участка отведена под разбивку садика для воспитанников. Этим пожертвованием и постройкою В. М. Харченко поддержал родное детище своего предшественника — филантропа Игн.[атия] Петр.[ровича] Кытманова.

* * *

Введенный новый закон о промысловом налоге оказался не по вкусу местным коммерсантам-оптовикам А. М. и М. М. Бородкиным и С. Я. Коно-

валову. Составив петицию и притянув к подписи ее остальную, более мелкую братию, чтобы легче было затушеваться за их спиной, они вошли в гор.[одскую] думу с просьбой поддержать их челобитную, суть которой заключалась в несоответствии якобы этого закона с обычаями и особенностями местной розничной торговли, подрывающего развитие этой торговли непосильным обложением. Дума, состоящая большею частью из тех же торговцев, хотя и поддержала своим постановлением это ходатайство, но толку из этого никакого не вышло. Д-[епартамен]т торговли, кажется, даже не ответил на эту петицию.

* * *

После трехлетнего странствования по петербургским и губернским канцеляриям вернулся наконец утвержденным устав Общества пособия бедным г. Енисейска, инициатива учреждения которого принадлежит бывшему городскому голове Ст.[епану] Вас.[ильевичу] Востротину.

В мае месяце состоялось общее собрание членов-учредителей этого общества, на котором было избрано правление и ревизионная комиссия, а так как к этому времени по ходатайству супругов Баландиных, живших тогда в Енисейске, уже функционировала дешевая столовая, то первым же долгом эта столовая перешла в ведение образовавшегося общества.

Здесь я не буду распространяться в подробностях о деятельности этого общества, принесшего своим существованием несомненную пользу пролетариату, в особенности когда построено было здание ночлежного дома. В этом случае я рекомендую обратиться к печатным отчетам этого общества, хранящимся в библиотеке музея, а также книге протоколов и всей текущей переписке, переданной впоследствии туда же.

Общество это жило до 1918 года, когда распоряжением советской власти последовало его закрытие как «пережитка буржуазного строя». Первые семь лет со дня его открытия мне пришлось работать в нем в качестве члена-секретаря правления, и это время я и сейчас вспоминаю с чувством глубокого душевного удовлетворения.

* * *

В этом году Енисейское магометанское общество приступило к постройке каменного здания мечети по составленному мною и утвержденному губ[ернским] строительным отделением проекту. На постройку этого здания хранился в сиротском суде капитал 4000 руб., оставленный по духовному завещанию Биксантия Бакеева, который и поступил в основной строительный фонд. Остальные средства собраны были подпискою среди магометанского населения. Окончено здание в 1905 году.

* * *

В пределах Томской губернии появилась эпидемия холеры, побудившая и енисейскую администрацию к принятию предупредительных мер на случай ее появления. В Енисейске снова заработала санитарная комиссия, произведен был осмотр города в санитарном отношении, подготовлено помещение под холерный барак, приобретенное для этой цели еще в 1893 году (вновь переименованная улица, впоследствии все постройки были уничтожены «товарищами» на дрова). Казною были тоже выстроены летние холодные бараки вблизи городских, которые от неизвестной причины сгорели 29 июня 19 <...>[1] года (были кем-то подожжены).

[1] Точная дата в тексте не указана.

1903 год

С этого года начинается новый срок служения гласных думы и наличного состава городской управы. В этот выборный срок попал и я в числе гласных по доверенности от своей матери-домовладелицы (ст[атья] 24 Гор.[одового] пол.[ожения]). Тяжелый, затяжной характер представляла из себя выборная процедура на пост городского головы. Гласные не один раз собирались на заседание для этих выборов, и никто из видных гласных-толстосумов не пожелал баллотироваться, чтобы поддержать город в его дефицитном состоянии. Тогда остановились на кандидатуре служившего до этого членом управы Ник.[олая] Александр.[овича] Третьякова, человеке, безусловно, порядочном, честном и по силам преданном своему городу, но, безусловно, непригодном для этой роли руководителя и представителя общества, и, получив его согласие служить (вроде гор[.одской] голова по найму), провели его на выборах. Здесь еще раз сказалась вся скаредность и боязнь богатых людей за те сравнительно ничтожные денежные жертвы, которые пришлось бы понести избранному лицу за время служения на посту представителя города. И жертвы-то эти состояли из расходов на представительство в виде приема официальных гостей да в подписке на благотворительные цели, т.[ак] к.[ак] на это от города ассигнований не делалось. Все это потребовало бы каких-нибудь 300–400 руб. ежегодно, но сквалыжничество и тут взяло верх над рассудком. Выручивший город своим согласием на службу Третьяков вскоре же был осмеян в печати как бездарный и негодный для этого человек, как будто бы он вел агитацию и домогался разными неблаговидными путями пролезть на этот пост, которым он все время тяготился. Таковые были тогда разные досужие корреспонденты, жонглировавшие печатным словом по адресу муниципалитетов, представлявших тогда для охочих людей единственную мишень, в которую только и можно еще было направлять свои стрелы, высмеивая представителей обществ.[енного] самоуправления, ибо критика действий правительственных лиц была для провинциальной печати недоступна.

* * *

В этом году от имени Общества попечения о начальном образовании издана была серия видов г. Енисейска, для чего мною давались собственно мои любительские негативы, увозимые в Москву Верой Арсеньевной Баландиной.

* * *

Летом 1903 года состоялся переход городских общественных учреждений из каменного корпуса, что на Базарной площади при гостином дворе, в освободившееся здание бывшей женской гимназии по Большой улице, сломанное советской властью в 1926 году под базарную площадь.

* * *

В этом году шла усиленная переписка, или, вернее, спор, города с инспектором судоходства по р. Енисею Бенцелевичем по вопросу о разделении берега р. Енисея в городской черте на платные и бесплатные пристани, а также и о праве города извлекать доходы с причаливаемых для торговли судов и барок с хлебными и другими произведениями. Дело в том, что туманный закон о город.[ском] хозяйстве, загроможденный массою всевозможных сенатских разъяснений и толкований, и административный надзор за самоуправлениями в лице высших органов власти, как я уже и ранее говорил, всегда были не на стороне интересов города и считались более с писаными правилами и законами, чем с самой жизнью или особенными условиями городов, доставляемыми природою. Например, в данном случае по уставу путей сообщения, существующему без изменения с 1857 года, полагалась береговая полоса земли до 10 саж.[еней] вглубь берега для тяги судов бечевою и для кратковременных остановок для нужд судоходства.

Хотя судохождение по Енисею с низового края уже полсотни лет совершается пароходами, а тяга бечевником отошла в область преданий, однако существующий закон, отживший свой век, должен быть соблюдаем в точности, и в силу этого города не должны извлекать из бечевников в свою пользу доходов, а наоборот, еще должны содержать их всегда в исправности для беспрепятственного прохода судов во все время навигации. На этой почве немало происходило у города споров и недоразумений с судоходцами из-за получения платы за пользование пристанью свыше времени, установленного для бесплатного пользования (5 дней). Спор с пароходовладельцем Гадаловым о 800 руб. доходил даже до Сената, и городу пришлось вернуть полученные с него деньги. С учреждением же инспекции судоходства, стоящей на защите интересов судовладельцев, эти споры и недоразумения еще более обострились.

В целях урегулирования этого дела берег Енисея по соглашению с этой инспекцией пришлось разделить на платные и бесплатные пристанские участки по 30 саж.[еней] длиной каждый. Так, от Каштака до Преображенской церкви были отведены бесплатные стоянки судов, а ниже — пароходские пристани за плату по соглашению с городом.

Пока были соревнователи на пользование пристанью в лице представителей рейсирующего пароходства, участки эти удачно арендовались посредством торгов, происходивших ежегодно в городской управе, но с учреждением Акционерного общества пароходства из объединившихся частных пароходств пристани отдавались уже по соглашению по 200–250 руб. за участок.

* * *

Под влиянием, с одной стороны, упадка дохода с береговых участков, отдаваемых под торговлю и пароходство, с другой, по причине введения с 1904 года казенной винной монополии, отнимающей от города доходы с патентов с трактирных заведений и с городских зданий, отдаваемых в аренду под питейные лавки, что в общей сложности выражалось цифрою до 6600 руб., городская управа внесла в думу доклад о возмещении казною теряемого дохода благодаря винной монополии в сумме 5468 руб., каковой доклад был принят в заседании думы 18 марта 1903 года и возбуждено об этом соответствующее ходатайство. (По данным местного акцизного надзора, в 1902 г. по Енис.[ейскому] уезду выпито было 51 100 325 вед[е]р 40° вина.) Ответа на это ходатайство город так и не дождался, но затем в порядке закона городам назначена была субсидия в возмещение упраздняемого сбора с питейных патентов, и Енисейская управа получала ежегодно по 1904 руб.

* * *

В заседании думы 16 апреля внесен был доклад гласного А.[лександра] Игн.[атьевича] Кытманова, предлагающего ходатайствовать пред правительством о преобразовании местной шестиклассной прогимназии в полную гимназию. В отличном и задушевно написанном докладе Александра Игнатьевича детально указаны были все затраты местного общества на дело народного образования, его стремление видеть у себя законченное среднеучебное заведение и приведены заслуги города пред страной в виде золотопромышленности. Снабженное цифровым материалом, ходатайство это направлено было по принадлежности обычным путем чрез губернатора, как указывала 102 ст.[атья] действовавшего тогда Город.[ового] положения. Возможно ожидать, что ходатайство это, как и многие подобные ему, просто-напросто сделалось бы архивным достоянием министерств, если бы судьба не повернула это дело по-своему.

Нужно сказать, что летом 1904 года Енисейск посетил иркутский генерал-губернатор граф Кутайсов, обративший особенное внимание на постановку в Енисейске дела народного образования вообще, а на мужскую

прогимназию в особенности. Он выразил удивление, что такое прекрасное здание до сих пор не обращено в полную гимназию, что обширный и богатый природою край не имеет по сие время законченной средней школы. Почтенный генерал обещал енисейцам, что он употребит в столице все свое влияние и силы на то, чтобы город получил ходатайствуемую им гимназию. И действительно, не нужны были горы бумаг и раболепные ходатайства думы, а достаточно одного слова всесильного наместника, чтобы заветная мечта енисейцев приняла реальную форму. 19 января 1905 года городской голова получает телеграмму графа Кутайсова такого содержания:

> 22 декабря Государь Император Высочайше соизволил утвердить мнение Государственного совета о преобразовании Енисейской прогимназии в полную гимназию с отпуском [в] 1905 году 5025 рублей и затем начиная с 1906 года по 5975 р. ежегодно, кроме того, на выдачу квартирных денег двум помощникам классных наставников по 600 р. и на устройство физического кабинета 4000 руб. Счастлив сообщить вам это, радуясь, что насущная потребность города удовлетворена и что мои настойчивые просьбы увенчались таким успехом.

Городская дума в заседании 10 февраля 1905 г., заслушав это сообщение, постановила поднести Кутайсову в знак признательности особый адрес и предполагала присвоить ему звание почетного гражданина города, а гимназию в честь родившегося у государя наследника назвать Алексеевскою[1].

[1] Последнее не осуществилось. — *Прим. Миндаровского.*

1904 год

Начало этого года, как известно, ознаменовалось началом войны с Японией, вызвавшей для городов, кроме мобилизации людей и лошадей, немалые расходы по содержанию и квартирному довольствию семей призванных по мобилизации. Понадобились и другие жертвы — внос субсидий Красному Кресту, поставки подвод натурою и т. п., как будто бы города обладают какими-то неисчерпаемыми источниками. Наряду с такими жертвами росло в народных массах и недовольство этой войной, до крайности непопулярной и бессмысленной. Это положило начало тому общественному движению, которое повело сначала к изданию Высочайшего указа 18 февраля 1905 г., предоставляющего своим верноподданным кой-какие права и свободы быть выслушанными, а затем и к созыву Государственной думы по знаменитому Манифесту 17 октября 1905 г. Мы, сибиряки, были облагодетельствованы появлением Высочайшего указа апреля 1905 года, данного графу Кутайсову, о созыве земства в Сибири, который так и остался бумажным проектом, помазавшим губы сибирякам. Таковы результаты злополучной войны с Японией.

У нас в Енисейске под влиянием этого оживленного момента среди либерального кружка интеллигенции сорганизовался нелегальный комитет по оказанию помощи политическим ссыльным и заключенным, в который между прочими вошел и я.

Цель этого комитета точно определяется его названием. В него входили в равном числе выборные от ссылки и местные граждане, на обязанности коих лежала забота об изыскании средств и другого рода помощи, тогда как представители от ссыльных исполняли посредническую роль между обществом как источником, откуда черпались средства, и нуждающимися. При содействии этого комитета устроены были побеги: с пути следования в Туруханский край члену первой Государственной думы Онипко; непосредственно из города при содействии комитета из магазина одного купца чрез двор скрылись от сопровождающего городового литераторы Дейч и Парвус. В трюме парохода отправлен был литератор-анархист Турчанинов (псевдоним Лев Черный). Чрез посредство комитета получали материальную помощь такие видные впоследствии советские правители, как Троцкий и Свердлов. К слову сказать, енисейцы всегда относились к политической ссылке сочувственно, а в годы «весны» 1905–1906 годов и тем более. На ссыльных привыкли смотреть как на передовой мыслящий авангард интеллигентной России, и только впоследствии, когда наступила револю-

ция 1917 года и уезд был наполнен полит.[ическими] ссыльными совершенно другого сорта и нравственных качеств, пришлось во многом разочароваться.

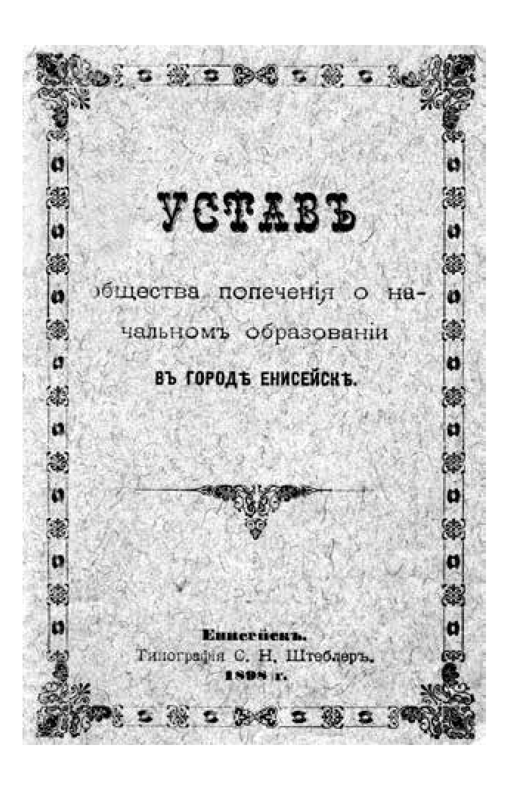
* * *

Прослужа на поприще общественного самоуправления 13½ лет и ни разу не пользовавшись отпуском, я в этом году испросил себе у думы месячный отпуск с сохранением содержания, чтобы съездить куда-нибудь отдохнуть.

Случайно получается от С[анкт]-Петербургского городского самоуправления приглашение послать от местного енисейского ломбарда делегата на открываемый в Петербурге с 1 по 7 июля третий съезд представителей городских ломбардов Империи.

У меня явилась мысль использовать свой отпуск с пользою для города и для себя лично, и с этою целью я делаю в городской думе предложение поехать делегатом на этот съезд при условии отпуска мне на дорогу и на проживание в столице 100 руб. Участие города в моем лице было принято единодушно, но так как поездка мною ставилась в непосредственную связь с денежным ассигнованием, это вызвало немалый разговор среди гласных, ибо деньги в их глазах всегда были камнем преткновения при разрешении городских вопросов, в результате предложение мое об отпуске поездных ставится на баллотировку и, кажется, большинством 11 против 7 или 8 шаров решается в мою пользу. Таким образом, этот случай дал мне возможность побывать в столице, где явившимся делегатам оказан был самый радушный прием со стороны городской управы в лице гл.[авным] обр.[азом] симпатичнейшего распорядителя городского ломбарда Я. А. Серебрякова. Съехавшиеся делегаты угощались завтраком, а затем была совершена прогулка на пароходе по Финскому заливу в Кронштадт, где устроен в честь гостей банкет в одном из ресторанов. Вечером через Петергоф на лошадях вернулись на Варшавский вокзал, а затем уже на конках по домам.

Всю неделю по окончании деловых работ с 2 часов дня и легкой закуски с чаепитием делегаты осматривали достопримечательности столицы, были в Зимнем дворце, музее Александра III, в морском Эрмитаже, в Петропавловском соборе, в Исаакиевском, Казанском соборах, были на гулянье в Народном доме Николая II и пр.[очее], и только после прощального банкета, устроенного по окончании съезда, делегаты разъехались по домам. Эта поездка сохранила во мне воспоминание на всю жизнь как один из приятных случаев, и притом единственный, — лицезреть творения Петра Великого.

УСТАВЪ

общества попеченія о начальномъ образованіи

ВЪ ГОРОДѢ ЕНИСЕЙСКѢ.

Енисейскъ.
Типографія С. Н. Штеблеръ.
1898 г.

Обратным путем останавливался на сутки в Москве, где успел побывать у всенощной в Успенском соборе и слышать протодьякона Розова, осмотреть достопримечательности Кремля и посетить Третьяковскую галерею. Так использован был мною свой отпуск. Домой привезены были протоколы заседания съезда (печатный экземпляр имеется у меня и должен быть передан в библиотеку музея вместе с фотографией этого съезда).

* * *

В жизни местного Общества [попечения] о народном образовании этот год ознаменовался передачей в собственность общества вновь выстроенного в 1897 году каменного здания народного театра-читальни и школы имени А. С. Баландина (историю осуществления этого памятника я уже описал под 1897 годом).

После почти семилетнего мытарства по разным учреждениям устава и положения читальни и школы состоялось наконец утверждение таковых в Петербурге, и здание со всей обстановкой (мебель, музей школы) фактически перешло в ведение совета общества, перешел также и неприкосновенный капитал 28 000 руб., на проценты с которого должны содержаться читальня и школа. В принятом здании с октября м[еся]ца стала функционировать мужская воскресная школа, открытая на средства Общества попечения о начальном образовании.

* * *

Из числа старинных людей Енисейска немало народилось таких, которые не прочь были, в сознании своего ума, пооригинальничать и этою своею оригинальностью затемнить головы не только своих наследников, но и последующих за ними поколений. К числу таких оригиналов следует отнести умершего в 1884 году некоего старичка Василия Ефимовича Попова, слывшего в свое время незаурядным общественным деятелем и опытным судебным дельцом дореформенных порядков, писания которого можно было найти в енисейских архивах.

После смерти этого Попова осталось написанное им в 1868 году домашнее духовное завещание, одно вступление которого, начинавшееся словами: «Чем более живу, тем более размышляю о днях своей жизни», — уже свидетельствовало, что это завещание со временем кому-то наделает много хлопот и забот. И действительно, так оно и вышло благодаря простой случайности, а именно. В бумагах покойного Попова, каким-то образом попавших к гласному думы Гавриилу Николаевичу Калашникову[1], оказалось духовное завещание, в свое время засвидетельствованное к исполнению. Калашников, зная, что в производстве сиротского суда имеется опекунское дело над имуществом умершей дочери Попова Марией, упоминаемой в завещании, передал последнее в сиротский суд, недоумевая, что эта его случайная находка послужит поводом к возникновению судебного спора и в конце концов неблагоприятно отразится на интересах города, которые он как гласный должен был защищать.

Так как в этом завещании, крайне путаном и бестолковом[2], упоминалось о капитале 9000 р., вложенном Поповым за два года до своей смерти в Енисейский общественный банк на условиях, какие им будут указаны «особо в завещании», как гласило заявление, то этого было достаточно, чтобы местное духовенство, из частных разговоров узнавшее, что капитал по завещанию отказан по церквам и Святейшему синоду, начало предъявлять к этому капиталу свои права наследователя. Городская управа и дума, на разрешение которых первоначально поступил этот вопрос, ввиду явного противоречия смысла завещания, писанного в 1868 году, с заявлением Попова, поданным в банк в 1882 году, т.[о] е.[сть] спустя 14 лет, затруднились дать по ним какое-либо определенное заключение, и так[им] обр.[азом] началось гражданское дело чрез посредство особого поверенного от причта градо-Енисейской Христорождественской церкви, предъявленное в Красноярском окружном суде, который в иске поверенному отказал, и дело по апелляции перешло в высшую инстанцию, т.[о] е.[сть] в судебную палату и, наконец, в Сенат. Сей последний, несомненно, с согласия Святейшего синода, главным образом и заинтересованного завещанием Попова, посмотрел на это дело иначе и ходатайство духовенства признал подлежащим удовлетворению, в результате чего Енисейскому общественному банку, оказавшемуся в роли хранителя капитала Попова, пришлось его перечислить в ведомство Святейшего синода как вознаграждение за поминовение душ завещателя «Василья, сына его Михаила, жены Дарьи и дочери Марьи», как сказано в завещании.

---

[1] Знаменитому по инциденту с Замощиным мясоторговцу. — *Прим. Миндаровского.*

[2] Смотри дело гор[одской] управы по предметам общ.[ественного] банка за 1904 год. — *Прим. Миндаровского.*

Интересна еще одна маленькая деталь завещания. У умершего сына Попова Михаила была скоплена какая-то домашняя библиотека, которую завещатель оценивает в завещании в 400 руб., и вот эту-то заваль, унаследованную[3] [от сына], отец завещает пожертвовать «...в какой-либо университет или учебное заведение, куда будет полезнее, испросив об этом предварительно разрешение (никого более, как самого) господина министра внутренних [дел]». Хорошо, что в момент обнаружения Калашниковым сего знаменательного документа не оказалось наследственных книг, а то бы еще с министром пришлось судиться.

* * *

Коснувшись этого обстоятельства, в котором случайным участником оказался и гласный Калашников, я попутно скажу и о нем несколько слов как об одном из заметных среди старожилов г. Енисейска людей.

Гавриил Ник.[олаевич], теперь уже умерший, был также старейшим общественным работником, служа в разное время гласным, товар.[ищем] директора общ.[ественного] банка, заседателем дореформенного городового суда, словесным судьей и, наконец, членом городской управы в 4-летии с 1911 года. Это был человек старого закала, довольно закаленный в житейских делах, словом — человек-практик, и притом весьма неглупый собеседник, с которым можно было безбоязненно говорить на любую тему, несмотря на то, что на вид он казался человеком суровым и необщительным. До службы я мало был знакомым с ним, а расставшись с ним после 4-х лет совместной работы в управе, он оставил во мне самые прекрасные о нем воспоминания. Этому человеку можно было открыть свою тайну, посоветоваться с ним, как практическим в жизни человеком, зная, что все это тайной и останется.

* * *

В этом 1904 г. умер один из старых граждан и гласных думы — Иван Александрович Попов. Умерший Попов свои долгие годы посвятил службе по золотопромышленности в енисейской тайге в качестве уполномоченного К° Григорова и Полежаева, контора которой находилась под его управлением (каменный дом по большой улице, перешедший впоследствии Швецову).

По общественной работе Попов заметен был как постоянный член Общества попечения о начальном образовании, как бывший одно время городовой судья и как ходатай по делам судебным старого устройства.

Покойный был отзывчивый человек по отношению к бедноте и нередко помогал материально учащемуся поколению. После покойного остал-

[3] У Миндаровского — «унаследованный».

ся полукаменный дом-усадьба на углу Никольского переулка и Лазаревской улицы (за речкой). В 1917 году вся усадьба сгорела, и обгоревший корпус сломан на кирпич.

* * *

20 мая этого года умер и похоронен в глухой тайге приисковый вольнопрактикующий врач Алексей Васильевич Цветаев, о котором я уже говорил в своих записках под 1898 годом.

Нерадостно сложилась жизнь этого талантливого человека, загубленного жестоким пороком алкоголизма. Я всегда с чувством глубокого уважения вспоминаю эту светлую личность, прекрасного врача и приятного собеседника, заброшенного судьбою в сибирские дебри и здесь сложившего свои кости. А. В. Цветаев прибыл в Енисейск из Туруханского края, где он был года три окружным врачом, и с 1893 года проживал в городе и в тайге, занимаясь частной практикой.

1905 год

Знаменательный в истории революционного движения в России 1905 год не мог так или иначе не проявить себя даже в таком, казалось бы, медвежьем углу, как наш Енисейск. Ряд последовавших один за другим правительственных актов, обнародованных под давлением роста рабочего движения, крестьянских волнений, студенческих беспорядков и обострения оппозиционных настроений либеральной буржуазии и интеллигенции, дал повод к открытому выступлению буржуазной оппозиции в форме различного рода постановлений, резолюций и т. п. Так, напр.[имер], на общем собрании членов местного Общества попечения о начальном образовании в г. Енисейске 5 апреля заслушаны были докладные записки учащих в начальных городских школах и членов общества, рисующие бесправное положение учителей и др.[угих] работающих на ниве народного образования. Здесь в этот момент, т.[ак] ск.[азать], происходящей окраски политической физиономии обывателя впервые проявил свои монархические, крайне реакционные наклонности некто Никанор Конст.[антинович] Сергиевский, служивший тогда на должности инспектора народных училищ Енисейского края[1].

Благодаря выступлению на этом заседании Сергиевского, категорически протестующего против оппозиционных выступлений собрания и даже чтения этих записок, а не только печатания их в отчете общества (см. отчет за 1904 год), происходившее заседание оказалось довольно оживленным и даже возбужденно настроенным против Сергиевского, несмотря на то что в собрании при наличности 50 лиц были люди, без сомнения, разных политических убеждений. Здесь открыто высказывалось недовольство существующей тогда всей школьной системой преподавания, как и самой программой начальной и средней школы. Под настроением недовольства старым режимом были даже выступления представителей еврейской национальности, указавших на свое подневольное угнетенное социальное положение среди других народностей России.

Все это носило следы крайнего недовольства старыми порядками самодержавного режима, до того это недовольство накипело уже у всех на душе. Это было одно из трудных для меня заседаний, на которых мне пришлось

[1] См. мою статью, помещенную в № 14 журнала «Сибирские вопросы» за 1908 год. — *Прим. Миндаровского.*
«Образцовый» инспектор народных училищ // Сибирские вопросы. 1908. № 14 (8 мая). С. 31–34.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Директоръ Енисейской Мужской Гимназіи во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что

ЗАНЯТІЯ

въ Мужской и Женской гимназіяхъ

ВРЕМЕННО ПРІОСТАНОВЛЕНЫ

по постановленію экстреннаго Педагогическаго Совѣта Мужской Гимназіи 24-го октября 1905 года.

ЗАБАСТОВКИ УЧАЩИХСЯ НЕ БЫЛО

Директоръ Гимназіи Х. Александровичъ.

Типографія А. Е. Грязнова. Енис.

секретарствовать когда-либо, настолько трудно было мне, не знающему стенографии, уловить и пометить все высказываемые присутствующими мысли и пожелания. Это заседание, кажется, и положило начало тому жандармскому сыску, который предпринял потом господин Сергиевский в отношении «крамольного» общества, добившись во времена наступившей потом реакции как нашего ареста в 1908 г., так и закрытия самого общества[2]. На этом собрании вынесена была определенная резолюция, вошедшая в основу той петиции, которая принята собранием на Высочайшее имя и отпечатана в отчете общества за 1904 год.

В то же самое время и в заседании городской думы по инициативе гласных А. И. Кытманова, А. А. Станкеева и др.[угих] вынесена была резолюция о необходимости осуществления прав широкого самоуправления и о введении земства в Сибири, и это было как раз в канун тех дней, когда в Пе-

[2] См. № 37 жур.[нала] «Сибир.[ские] вопросы» за 1908 год, ст.[атья] «Разгром просвет.[ительных] учрежден.[ий]»). — *Прим. Миндаровского.*
N [Миндаровский М. П.]. Новый разгром прросветительных учреждений // Сибирские вопросы. 1908. № 37–38 (8 ноября). С. 65–68.

тербурге издавался Высочайший указ графу Кутайсову, тогдашнему ген.[ерал-]губ.[ернатору] Вост.[очной] Сиб.[ири], о введении в Сибири земства. Словом, это был момент, в который все ожило и зашевелилось, и у нас стали образо[вы]ваться кружки, союзы, организации. Так образовался явочным порядком союз учителей и деятелей по народному образованию, а по уезду возник крестьянский союз. Чины почтово-тел.[еграфного] ведомства вошли в свой всероссийский союз, знаменитый своей октябрьской забастовкой этого года. Это все обобщенное вместе было теми предродовыми муками, результатом которых было появление Высочайшего указа 17 октября 1905 года, а вслед за ним и знаменитых карательных экспедиций Меллер-Закомельского и Ренненкампфа, совершавших свое кровавое турне по Сибирской ж[елезно]д.[орожной] магистрали.

* * *

В заседании городской думы <...>[3] марта состоялось постановление о выборе членов по разработке вопроса о введении земства в Сибири. В состав такой комиссии избраны были гласные Кытманов А. И., Станкеев А. А., Баландин А. А., Майлов П. Е. и я. Комиссии этой не суждено было во всех подробностях по собранию материалов осуществить возложенную на нее миссию. Работа предстояла продолжительная и колоссальная, но вскоре же после карательного разгрома, наведшего на Сибирь панику, последовали разного рода циркуляры и правительственные распоряжения о приостановлении начатых работ, а вскоре и от всего проекта, покоящегося на Высочайшем манифесте, осталось одно воспоминание, сибирское земство «отцвело, не успевши расцвесть»[4].

* * *

В этом году благодаря перегруженности железной дороги военными и др.[угими] грузами на Дальний Восток в устья Оби и Енисея направлен был караван судов чрез Северный Ледовитый океан, который и прибыл осенью 4 октября в Енисейск под командой <зачеркнуто — «Добротворского»>[5] в числе 6 пароходов и 9 железных баржей грузоподъемностью до 500 000 пудов, оставшихся зимовать в Енисейске по случаю начавшейся шуги на р. Енисей, так что часть привезенных грузов пришлось доставлять в Красноярск зимним путем.

---

[3] Дата в тексте отсутствует.

[4] Миндаровский цитирует стихотворение Н. А. Некрасова «Тройка».

[5] Правка Миндаровского над строкой не прочитывается. В 1905 году Северной морской экспедицией Министерства путей сообщения по доставке рельсов из Европы в Енисейск для строительства Транссибирской железнодорожной магистрали руководил Иван Семенович Сергеев.

Экспедиция эта еще лишний раз доказывает необходимость свободного открытия Северно-морск.[ого] пути для торговли с иностранными рынками, о чем неоднократно писалось и в сибирской прессе, и выносилось в форме постановлений Енисейской городской думою. На этот раз завезенные рельсы и др.[угой] материал предназначались для строящейся второй колеи ж.[елезной] дороги, а потому к ним применены были правила о беспошлинном ввозе, временно, в виде пробы, применявшиеся и ранее и быстро отменяемые, чтобы не обидеть наших отечественных капиталистов, наживавших миллионы на шкуре сибирского потребителя.

Прибывшая флотилия судов в полном составе осталась на Енисее, и в дальнейшем образовалось срочное пароходное движение на средства казны, существовавшее до революции 1918–1920 годов.

Прибывший командный состав на этих судах чествуем был общественным обедом в стенах общественного собрания. На судах этих прибыл наш енисеец Ст.[епан] Вас.[ильевич] Вostротин.

* * *

Осенью этого года на средства Мин.[истерства] путей сообщения производилась расчистка устья р[е]ч[ки] Мельничной для свободного провода и отстоя судов казенной флотилии. Затем чрез посредство С. В. Востротина городу предложен был подряд перевозки доставленных пароходами грузов в г. Красноярск, который, однако, не состоялся, и подрядчиком по доставке выступил сам Востротин. По поводу этого среди гласных-толстосумов и самим Востротиным возникла переписка, перешедшая потом в зал думских заседаний, и в конце концов, чтобы отвязаться от упреков в присвоении себе барышей от подряда, Востротин представил в думу остаток, или, вернее, часть его, как заработок на взятой доставке.

* * *

Последовавший Высочайший указ о созыве Государственной думы внес оживленную работу городской управе по подготовке выборов в Государственную думу. Возникла обширная переписка, пошла заготовка бланок, воззваний к населению и т. п. Появились вороха газет разных направлений, плакатов, листовок, началась группировка на партии людей различных взглядов и убеждений, среди которых преобладающим течением было, если можно так выразиться, либерально-социалистическое. Пошли групповые разговоры о кандидатах в выборщики и т. п. Все это вызывало у обывателя повышенное настроение, все как бы невольно поддались охватившему их политическому настроению, в чем и закончился этот год, передав своему заместителю борьбу за господствующее первенство в выборах.

В то время как обывательское настроение увлечено было предвыборною горячкою, среди пролетариата, или, вернее, безработной черни, ютившейся по кабакам и притонам, началась своя работа, заключавшаяся главным образом в том, как бы учинить погром или иную какую каверзу, и одно время осенью этого года на почве якобы вздорожания муки на гривенник в пуде толпа хулиганов пошла громить ворота богача Дементьева Ник.[олая] Никандровича, напугав его так, что в ту же ночь на дровнях, закрывшись сеном, он покинул город. Эти эксцессы вынудили городское самоуправление сорганизовать комитет общественной охраны из гласных и граждан города, который, благодаря тому что исправник и вся наружная полиция вошли в него, сумел остановить вовремя замыслы хулиганствующей черни, так что никаких кровавых столкновений на почве классовых озлоблений или группировок здесь учинено не было.

Бывшие в то время исправником Петр Петр.[ович] Волков и полиц.[ейским] приставом Шемякин В. К. выступили на поддержку порядка совместно с жителями, и, т.[аким] обр.[азом], начинавшая было организовываться т.[ак] наз.[ываемая] черная сотня рассыпалась, т.[ак] к.[ак] некоторые из главарей были арестованы и обезоружены.

* * *

Расходы города на народное образование никогда не были чуждыми городским деятелям, но обременение городской кассы разными обязательными обложениями вроде полицейской команды невольно заставляло городскую думу всячески извертываться, чтобы хотя как-нибудь выйти из этого заколдованного круга, и вот, чтобы обеспечить дефицит по смете, дума возбудила в этом году ходатайство о закрытии приготовительного класса при мужской гимназии, содержимого на городские средства.

Открывая этот подготовительный класс, дума имела в виду малосостоятельный класс городского населения, дети которого, предназначенные для обучения в гимназии, могли бы подготовиться в этом классе. На деле получилось иное. Значительный процент учащихся оказался детьми преподавателей этой же гимназии, получающих тысячные оклады, а затем дети зажиточного класса горожан, бедноты же оказалась ничтожество.

Видя такую ненормальность, дума и ранее этого просила или закрыть класс, или сделать его платным, но удовлетворения не получила. Такая же судьба постигла и настоящее ходатайство.

* * *

Интересное предложение поступило в думу со стороны губернатора, который, видя, что экономическая жизнь города затихает, доходы города

Енисейская мужская гимназия. Из фондов КККМ.

не удовлетворяют сметных потребностей, и поэтому дефицит по смете год от года все увеличивается, он предлагает ввести упрощенное городовое положение, которое могло бы повести к сокращению главным образом административного аппарата, то есть на тысячу или две руб. в год. Это, конечно, обычный маневр администрации — попросту бюрократическая отписка, вместо того чтобы о ненормальностях отжившего закона о городском хозяйстве указывать центру, рекомендуется починка тришкина кафтана, потому что меру урегулирования городского бюджета, какую предлагал губернатор, иначе как тришкиным кафтаном назвать нельзя.

* * *

Весною этого года произошли два опустошительных пожара, уничтоживших дотла два почти квартала наиболее лучших построек по Нагорно-Береговой улице, где находились усадьбы Башурова, Тарасова и друг[их].

Другой пожар произошел по Большой улице в усадьбах Дрямина, Матонина, Востротина, Недорезова. Этим пожаром уничтожены деревянные и каменные строения, и пустыри эти продолжают находиться в обгорелом положении даже по сей день, когда я пишу эту заметку, то есть минуя 20 лет. Даже места не огорожены как следует забором, т.[ак] что существует для пешеходов дорога посредине квартала[6] с Большой на Береговую улицу.

[6] У Миндаровского — «квартира».

1906 год

Начало этого года есть продолжение радостных надежд на осуществление в стране тех реформ, какие были возвещены манифестом 17 октября 1905 года, хотя победоносное движение по Сибири карательных экспедиций Ренненкампфа и Меллер-Закомельского являлось уже предзнаменованием дня наступления реакции. Первые месяцы этого года у нас прошли в подготовительной работе к выборам выборщика от Енисейска в первую Государственную думу, которые, собравшись в Красноярске, должны были избрать из своей среды двух депутатов в члены думы от всей губернии. В Енисейске намечены были на предвыборных собраниях две кандидатуры в выборщики: это Степан Вас.[ильевич] Востротин, которого радикальная часть населения называла почему-то октябристом, тогда как он примыкал к кадетам (конст.[итуционно-]демокр.[атическая] партия), и доктор Александр Алексеевич Станкеев, объявивший себя народным социалистом. Как тот, так и другой были между собой очень солидными конкурентами, ибо пользовались оба популярностью среди населения.

Предвыборные собрания и самые выборы происходили в стенах общественного собрания и театра (впоследствии сгоревшего). Получившим наибольшее число голосов оказался по поданным закрытым бюллетеням А. А. Станкеев, который и поехал потом на избрание делегатов в думу.

31 мая в Красноярске состоялся съезд этих делегатов, избравший в члены думы врача Николаевского и крестьянина Ермолаева, оба из Минусинского уезда. Объяснить такое совпадение можно тем, что большинство избирателей на съезде было от Минусинского уезда, и это-то большинство постаралось провести своих кандидатов. Избранные члены по своему воззрению примыкали к социалистическому течению.

В этом году по избрании членов Общества попечения о начальном образовании я вступил в заведывание книжным складом этого общества и сразу же, списавшись со столичными фирмами, стал получать почтовыми посылками все выходящие новинки книжного рынка, преимущественно революционного содержания. Книгоиздательства направили тогда все свои силы на пропаганду в народе политических и социальных идей путем выпуска дешевых брошюр и листовок, наименьшая цена которых была 2–5 коп., а наивысшая — от полтинника до рубля.

Нужно сказать, что в этот момент была полоса к свету и знанию, охватившая все слои населения; потребность, спрос на эти книжки был необычный. Бывало, едва только выставишь в витрину полученные новинки,

как в день, в два их уже расхватят. Заказы и получение чередовались еженедельно, и так шло до появления в Енисейске известного иркут.[ского] ген.[ерал-]губ.[ернатора] Селиванова, закрывшего в 1907 году книжный склад.

Да, могу с чувством особенного удовлетворения сказать по отношению к своему Енисейску: это время было каким-то особенным подъемом общественных сил и настроений, широкие массы, преимущественно служилого и рабочего класса, искренне верили в зарю грядущего обновления. Все жили этим настроением, интересовались сыпавшимися как из рога изобилия митинговыми газетами, журналами и друг.[ими] печатными произведениями, читали покупаемое в своих семьях, делились прочитанными со своими друзьями и приятелями. Достаточно сказать, что за 1½ года моего заведывания складом у меня разошлось этой пятачковой литературы на 2000 рублей. Часть этой литературы чрез посредство сельских учителей отправлялась по уезду и так расходилась.

* * *

Весной этого года было большое наводнение благодаря необыкновенно раннему движению льда. 5 апреля по старому стилю тронулся лед на реке, и этой подвижкой часть зимовавших судов прошлогодней казенной флотилии была прибита льдом к самому откосу бульвара, так что один лихтер кормой врезался в нижнюю аллею бульвара, остальные суда, стоявшие в р[е]ч[ке] Мельничной, благополучно спаслись, только командиру флотилии лейтенанту Сергееву пришлось немало испытать треволнений, до хрипоты командуя креплением судов во избежание столкновения их друг о друга во время прилива и отлива воды как последствий неоднократных остановок льда и затем подвижек как результата образовавшихся ледяных заторов у д. Баженовой ниже города. На этот раз «портомойня», как назвал Сергеев речку Мельничную, показала свой характер вовсю. Один из офицеров, некто Тундерман, командовавший пароходом «Лейтенант Малыгин», в момент ледостава, под вечерок, отправился провожать одну дамочку и затем с нею в общественное собрание, в это время затор льда прорвало, лед и вода быстро дрогнули и пошли из речки, в результате приткнувшийся у крутого берега речки около церкви Воскресения пароход, не будучи своевременно командой отодвинут от берега, оказался под утро обсохшим и в полулежачем положении настолько, что по палубе невозможно было ходить, в таком положении нашел свое судно вернувшийся под утро командир. Эти часы блаженства с дамочкой обошлись недешево для пылавшего сердцем командира, он вскоре переведен был на канонерскую лодку Балтийского флота.

Наводнение это немало причинило бедствий и для горожан. Все затопляемые улицы и переулки города были в воде. Образован был коми-

Улицы Енисейска во время наводнения 1906 г. Из фондов КККМ.

тет по оказанию помощи пострадавшей от наводнения бедноте, в который, помимо средств, собираемых подпискою, отпущено было из средств казны 2000 рублей.

Приехал обозревать начальную картину наводнения вице-губернатор Соколовский, как раз в тот момент, когда высота воды достигла своего зенита, а с прибытием власти Енисей, словно струсив, тотчас же прорвав затор, унес с собой и водяную массу[1].

Авария судов, зимовавших в Стреловском затоне, выразившаяся в том, что пароход «Красноярск» перевернуло и потопило от напора льда, а пароход «Минусинск» сорвало с места и унесло по течению в Туруханский край, где он и погиб[2], вызвало прибытие в Енисейск командированного Минист.[ерством] путей сообщения особого следователя из Петербурга инженера Калинина, который с особою тщательностью обследовал происшедшее несчастье с судами казенной флотилии. Выяснилось, что инспектор судоходства по р. Енисею Бенцелевич, у которого из-за пристаней были обостренные отношения с городским самоуправлением, все время писал в Петербург о том, что отстой судов в Енисейске невозможен и что единственно безопасным местом для отстоя является Стреловская протока в 75 верстах выше города, и когда случилось, что в Енисейске два лихтера, которые не успели весной завести в р[е]ч[ку] Мельничную, были отброшены льдом к берегу, он писал туда своему начальству, будто суда эти были уже заведены в речку и оттуда их выдернуло. Разумеется, ложь эта была опровергнута очевидцами и самим обследованием местности, а восторженное описание преимуществ Стреловского затона как нельзя лучше изобличила потом происшедшая там катастрофа и такое же обследование местности затона и бывающие там подъемы воды при ледоходных заторах. Калинин нашел, что скромная по вместимости р[е]ч[ка] Мельничная, если ее разработать, будет во всех отношениях безопаснее, чем отстой в Стрелке.

Вообще наводнение 1906 года по своей стихийной силе, когда лед несло по улицам города и разрушало им постройки, — одно из немногих таких бедствий, которые переносил на себе Енисейск, кроме разве пожара 1869 года.

* * *

В связи с рассматривавшимся в правительственных сферах вопросом о порто-франко по Оби и Енисею гласным думы Алексеем Михайловичем

---

[1] Подробно о Соколовском и устроенном им совещании по поводу наводнения см. № 31 «Голос Сибири» за 1906 год (есть в библиотеке музея в вырезках <неразб.>). — *Прим. Миндаровского.*

[2] Это событие имело место, кажется, позже, в 1908 или 1909 году. — *Прим. Миндаровского.*

Бородкиным поднят был довольно старый и вечно новый вопрос о соединении гг. Енисейска и Ачинска если не паровой, то хотя бы конной железной дорогой в целях массовой перевозки грузов, привозимых Северноморским путем.

Вопрос о путях сообщения в Сибири рассматривался независимо от сего в особом совещании в г. Иркутске 23 декабря 1906 года под председательством генерал-губ.[ернатора] Селиванова, на котором устройство узкоколейной железной дороги от с. Мелецкого на Чулыме до г. Енисейска признано было проектом не первостепенной важности, а взамен этого совещание остановилось на проекте трассировки грунтовой дороги между Мелецким чрез села Малокетское и Бельское до Енисея с выходом к нему против устья Ангары, т.[о] е.[сть] у селения Усть-Тунгусского. На этом правительственные мероприятия в области экономических вопросов в этот год и закончились.

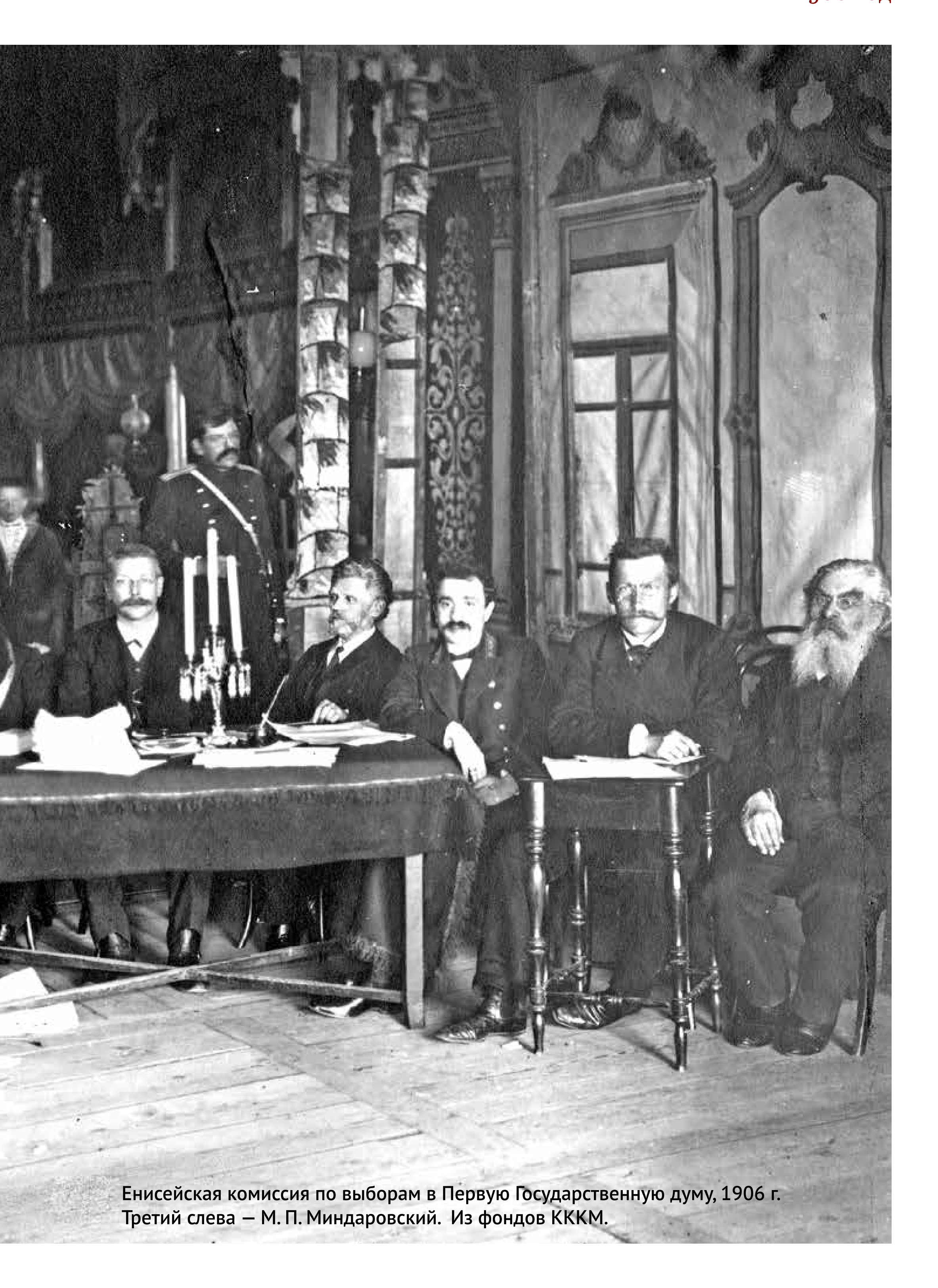
* * *

Увеличение штатного числа нижних чинов местной военной команды прибавлением конвойного отделения в 50 человек и недостаточность поэтому каменного корпуса казарм для их расквартирования послужили военному ведомству причиною к тому, чтобы заставить городское самоуправление озаботиться расширением здания или постройкою другого корпуса казарм. Требование было настойчивое при содействии гражданской власти в лице местного губернатора. Чтобы удовлетворить правительственных чиновников в их замыслах, нужны опять-таки деньги, коих у закредитовавшегося города не было ни гроша даже на более существенное и необходимое. Казна предложила оказать городу ссуду с вычетом позаимствованной суммы из получаемых городом окладов за расквартирование войск по городу, волей-неволей пришлось подчиниться.

Городу принадлежал старый соляной амбар, стоявший на конце города неподалеку от тюрьмы[3], вот его-то городская управа и предложила думе перенести и поставить в форме казармы во дворе команды на свободной площади. Постановка здания на каменный фундамент под железную крышу с устройством печей, окон и крыльца потребовала по сметному исчислению до 6000 руб., об отпуске которых думою и возбуждено было соответствующее ходатайство. Разумеется, деньги были отпущены, и постройка началась через год и была окончена к зиме 1908/[190]9 годов. Фантазия начальства была удовлетворена, хотя бы и в ущерб таким важным отраслям город.[ского] хозяйства, как благоустройство и санитария.

3 Купленный с торгов покойным Харченко. — *Прим. Миндаровского.*

1906.

Енисейская комиссия по выборам в Первую Государственную думу, 1906 г.
Третий слева — М. П. Миндаровский. Из фондов КККМ.

На базарной площади против каменного корпуса т.[ак] наз.[ываемого] мещанского ряда находился крытый навес, или, проще говоря, городские весы, которые стесняли площадь, развивающуюся в последнее время торговлею крестьянскими произведениями, и заслоняли лицевой фасад лавок.

В гор.[одской] думе возник вопрос о целесообразности переноса этих весов далее к ограде Преображенского храма, вызвавший много прений как со стороны приходской общины храма, так и некоторых гласных, торговцев, полагающих, что с переносом весов подорвется торговля в их лавках. Но, как бы ни протестовали против такого проекта, весы все-таки были перенесены далее на место против Преображенской церкви и задней межи усадебных мест Баландина и городской управы, где они находятся и по сие время (1925 г.).

* * *

Летом этого года пришлось мне быть в Красноярске по делам агентства О-[бщест]ва «Россия» и вести беседу с губернатором Гирсом по поводу неутверждения им меня в должности заведывающего городской библиотекой, на которую я был избран городскою думою. Генерал принял очень вежливо, как и подобает камергеру двора Его Величества, и в разговоре на мой вопрос о неутверждении с усмешкою сказал:

— Вы на вид уже в зрелом возрасте, перешедшем пору молодого увлечения, должны сами знать, что убеждения ваши не совпадают со взглядами правительства на политический строй, и чтобы положение страны не было расшатываемо чуждыми ей идеями, мы, представители власти, обязаны оберегать ее от элементов, вредящих ее основам, и в особенности в таком деле, как библиотечная пропаганда.

— Неужели, Ваше П-[ревосходительст]во, видите во мне опасного пропагандиста, способного принести вред населению, если библиотекою будут выдаваться читателям книги, какие в ней имеются? — спросил я.

— У меня есть сомнение, что вы злоупотребите данной вам обязанностью.

Пришлось дать обещание, что я не выйду из пределов предоставленных законом правил и литературу, растлевающую умы читателей-подписчиков, выдавать не буду; только при данном на честное слово обещании получил себе реабилитацию.

1907 год

Если мыслящее общество встречало с благими ожиданиями ушедший в вечность 1906 год, то с тревожным настроением оно взирало на его заместителя. И действительно, в жизни Енисейска этот год, как и 1906-й, ничем не проявил себя, чтобы можно было его помянуть. В 1906 году мы хотя бы жили надеждами, читали научные книжки, газеты и ожидали благих результатов от Государственной думы, оказавшейся недолговечной, а в этом году выбирали уже в третью по счету, не надеясь на нее как провозвестницу лучшего будущего.

Повсеместные репрессии над газетами, стеснения в проявлении общественной самодеятельности — вот что пришло в этом году на смену либеральствующих дней 1905–1906 годов. Было ясно, что над всеми обещаниями правительство поставило крест и принялось за старую, облюбованную еще Александром III систему задушения всякого проявления общественной мысли. Разгон двух государственных дум и новый закон о третьей — лучшие тому доказательства. Высочайший акт 3 апреля 1905 года, данный ген.[ерал-]губ[ернатору] Кутайсову, о созыве сибирского земства положен был навсегда «под сукно», а сам Кутайсов заменен солдафоном Селивановым, поставившим Сибирь за время своего владычества в Иркутске (3½ года) в состояние полного омертвения. Ведущиеся у нас в Енисейске воскресные народные чтения в читальне имени А. С. Баландина были отданы под контроль исправника, и мне больших хлопот стоило, чтобы добиться разрешения на прочтение статьи о Гарибальди как освободителе Италии; как заведующему книжным складом мне стали посылаться из полиции циркуляры с перечнем печатных изданий, воспрещенных к продаже, в том числе оказался запрещенным отрывной календарь издательства «Солнце» на 1908 год.

Наконец в июне месяце посетил Енисейск и сам «воевода» наших дней — Селиванов. Появление и пребывание его в течение двух дней настолько замечательны, что остановлюсь на этом подробнее. Выйдя с парохода на пристань, он как ужаленный отскочил от заместителя город.[ского] головы, встретившего его с хлебом-солью в руках, и выражаемый ему по русскому обычаю знак приветствия он приказал принять сопровождающему его офицеру, видимо подумав, что это не хлеб, а бомба или граната, а сам, окруженный двумя охранниками со штуцерами наперевес, подъехал в поданной коляске к собору, где и был встречен на всякий случай ожидавшим там настоятелем протоиереем Евтихиевым, который от нервного вол-

нения не мог даже сказать ему и слова приветствия; из собора отправился в мужскую гимназию, осмотрев которую (время было каникулярное) он высказал директору свое мнение, что иметь гимназию в таком ничтожном городе с учащимися в 150–200 человек — роскошь, и что здание можно будет приспособить под военный манеж, о чем он и будет хлопотать. Сатрап не знал того условия, что если гимназии не будет, то здание перестает быть собственностью казны и переходит городу. А затем знаменательно то, что один администратор хлопочет об открытии гимназии, а другой, заместитель его, заботится, как бы уничтожить ее.

Из гимназии временщик является рядом в гор.[одскую] управу, придя в которую он делает распоряжение одному из сопровождающих его чиновников обревизовать кассу, совершенно не представляя себе, как это сделать. Чиновник, конечно, садится за книги, которые ему выкладывает бухгалтер, а генерал обращается в пространство с вопросом: «Где книжный склад?» — и затем спускается вниз по указанному направлению. С лестницы слышу окрик: «А кто заведующий?» Спускаюсь и говорю: «Я, В.[аше] П-[ревосходительст]во». — «Отворите». Я объясняю, что сегодня по случаю воскресного дня склад закрыт и ключ от замка у приказчицы на квартире. «Я ничего не знаю, отворяйте», — провозгласил генерал, и тотчас же сопровождающие его охранники и жандармские чины свернули замок шашками и отворили склад.

Войдя в помещение, Селиванов сразу же кинулся к стопе книг, лежащей на прилавке, и, взяв одну из них и потрясая ею в воздухе, провозгласил: «Вот она, анархия по Прудону. Вот куда, на освободительную литературу, идут городские деньги, а трактуют о дефиците, посмотрим теперь, кто будет теперь платить 3000 штрафу или сидеть три м[еся]ца в тюрьме!» «Читали мое постановление?» — поворачивается ко мне генерал. Я отвечаю: «Постановление вывешено здесь... — показываю на стену. — Только я понял, что оно не относится до Енисейского края как местности, отстоящей свыше двух верст от полосы жел.[езно]дор.[ожного] отчуждения, что же касается этой литературы и средств, то в данном случае все это относится до Общества попечения о начальном образовании, по выбору которого я заведую складом. Оно дает деньги и оно поручило мне торговлю произведениями, выпускающимися открыто в столицах, город же дал лишь вот эту комнату как помещение».

В ответ на мое объяснение последовал категорический возглас генерала: «Закрыть и запечатать двери», — что тут же было исполнено полицейским приставом.

Весь этот день и следующий за ним я сидел дома и ждал ареста, каких-либо распоряжений, но ничего не было. Запечатанный склад просто-

ял около 2-х месяцев, и уже с началом школьных занятий в августе м[еся]це по телеграфному ходатайству Об-[щест]ва попечения последовало распоряжение об открытии с изъятием нелегальных изданий, которых набралось пять названий на сумму 6 р. с копейками.

Из этого исторического момента пребывания у нас Селиванова не мешает отметить приказ его переменить поданную ему для разъездов по городу лошадь с коляскою, т.[ак] как генерал узнал, что экипаж принадлежит еврею. Затем, проезжая по улице, он останавливается и приказывает подозвать к себе сидящего на скамейке у аптеки господина, довольно прилично одетого.

«Почему вы мне не кланяетесь?» — спросил генерал.

«Виноват, В.[аше] П-[ревосходительст]во. Я, как лично не знакомый с В.[ашим] П-[ревосходительст]вом, не счел возможным беспокоить вас своим поклоном».

«Как ваша фамилия?» — спросил генерал.

«Востротин», — отвечал вопрошаемый.

После этого генерал покатил далее.

Оставленный генералом в управе чиновник, перебрав данную ему кучу ордерных книг, похлопав для видимости на счетах и сняв наличность денежного остатка у казначея, ушел и более не являлся.

Должен сказать, что этот приезд Селиванова в городе оставил какое-то гнетущее впечатление, даже местная администрация в лице, напр.[имер], исправника и жандармского ротмистра осталась недовольна его обращением, а для енисейцев это был первый генерал, которого не почествовали общественным угощением, и последний, который удостоился поднесения хлеба с солью. Больше уже таких приемов не делали.

* * *

В этом году фактически вступил в Енисейске в силу закон 15 ноября 1906 года о праздничном дне для служащих в торговых и ремесленных заведениях. Торговые помещения уже более не открывались по праздникам.

Пользуясь Положением об обществах и союзах, изданным в 1906 году, енисейские приказчики с этого года сорганизовались в союз торговых служащих г. Енисейска или, просто говоря, в общество приказчиков, которое и существовало до революционных дней 1920 года, имея нанятую квартиру и собственную довольно приличную библиотеку. Юридическое значение союза как моральной силы в борьбе с эксплуатацией труда со стороны предпринимателя было огромно. Чрез посредство этого союза многие из числа его вышли из того подавленного состояния, в котором они ранее находи-

лись, да и для предпринимателя участие в союзе нанимаемого лица было гарантией его порядочности.

Уставъ

союза служащихъ въ торговыхъ и торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ г. Енисейска.

Енисейскъ,
типографія О. Е. Новочадовской.
1909 г.

* * *

В этом году приезжал в Енисейск коммивояжер — представитель фирмы керосино-калильных фонарей «Свет» — и сумел раскачать наше самоуправление на приобретение нескольких шт[ук] фонарей для уличного освещения. Куплено было 10 шт[ук] фонарей ценою по 120–150 р. за штуку в рассрочку платежа, и эти фонари с успехом заменили те 30–40 мигалок, которые мерцали по угловым столбам в разных местах города. Кроме того, экономия небольшая получилась и на керосине. Фонари эти расставлены были на высоких столбах и висели на прикрепленных к ним кронштейнах, будучи поднимаемы и спускаемы по блоку. Местами стоянки таких фонарей были:

1) Базарная площадь;
2) у большого моста;
3) за речкой, против амбаров Полежаева по Большой улице;
4) у дома Елтышева близ речки Мельничной;
5) у каменного моста;
6) по переулку Алексеевскому у домов Туртова и Соколова;
7) по Сенной площади;
8) в Успенском парке на горе;
9) по Нагорному переулку;
10) у казарм.

Освещение этими фонарями продолжалось до появления электричества, то есть до 1914 года.

* * *

В этом году в кассу городского управления поступил капитал 10 000 руб., оставленный по завещанию умершего местного купца Прокопия Дмитриевича Ларионова. Назначение капитала неприкосновенное, и проценты с него должны употребляться на улучшение содержания призреваемых в городской богадельне 40 челов[ек].

Надо сказать, что это была существенная помощь старикам и старухам, обитающим[1] в богадельне. На получаемые ежегодно 380 руб. стали отпускаться помесячно по ⅛ кирп.[ича] чаю на каждого, по 1 фунту сахара, по 20 ф.[унтов] пшеничной муки (в дополнение к 1 пуду ржаной, отпускаемой ранее). К Рождеству, к Пасхе стали отпускать понемногу мяса и масла, а последнего также и к Масляной.

* * *

В этом году умер старожил Енисейска некто Казицин, старичок 92 лет, обладающий замечательною памятью и благодаря этому сохранивший в рассказах всю хронологию Енисейска. После него осталось завещание, в котором он отказал городу пятьсот руб. в хлебный капитал, а остальные небольшие средства — своей приходской Воскресенской церкви. Этой же церкви оставил и обгорелый в 1869 году каменный 2-этажный дом по Береговой улице рядом с электрической станцией.

* * *

В этом же году умерла вдова купчиха Елизавета Никандровна Козминых — соседка моей усадьбы на углу Кедровой улицы и Бассейного переулка, после которой осталось торговое дело и недвижимость (угловой 2-этажный дом с дворовыми постройками). Замечательно было домашнее духовное завещание, оставленное покойной, не утвержденное, к сожалению, окружным судом к исполнению благодаря формальным упущениям покойной при подписи завещания, благодаря чему наследством воспользовались брат умершей — монастырский послушник Останин — и две родные племянницы — учительницы Останины. Желание покойной Е. Н. Козминых, выраженное в завещании, было таково, что она, избирая душеприказчиком по выполнению ее воли своего доверенного И. Е. Коковкина, поручает ему под контролем сиротского суда вести в продолжение пяти лет ее торговое дело, постепенно его сокращая, а собираемые долги и деньги от торговли сдавать в кредитные учреждения для приращения процентами. Образующийся по ликвидации дела капитал, какой окажется, она распределяет в про-

[1] У Миндаровского — «обитаемым».

центных долях своим ближайшим родственникам, то есть тем же Останиным, потом своим крестникам и крестницам, по 5% местным учебным заведениям как неприкосновенный капитал, доходы с которого должны составлять стипендии для бедных учеников, по 5% местным богоугодным заведениям, а остальную сумму, какая останется за распределением, она назначает на благотворительные дела городу по усмотрению думы. Полагая, что состояние Козминых должно бы определиться тысяч в восемьдесят, невольно приходилось жалеть, что такую оплошность допустила покойная, тая в секрете свое завещание, форма которого оказалась несоблюденной, то есть неправильно подписанное и засвидетельствованное одним из свидетелей, оказавшимся родственником одаряемого.

* * *

Отдушина, данная под напором общественного движения 1905 года в виде обещанных свобод, породила возникновение по стране разного рода организаций, обществ и пр.[очее], преследующих просветительные или гуманитарные цели.

Образовавшееся в г. Красноярске по примеру столиц «Общество», или «Лига образования», вошло в Енисейскую думу с предложением вступить в число членов этой организации.

Возникшая «Лига образования» ставила задачею перестройку старого обветшалого типа школ в соответствии с пробуждающимся народным самосознанием, школа должна быть по проекту лиги трудовою, единою, последовательною и общеобразовательною, а главным образом доступною для всех и каждого. Принцип школьного обучения — всеобщий и обязательный. Система школьного преподавания перестраивалась заново. Ведение школами передавалось обществу в лице городских и земских самоуправлений, оборудывающих помещения и обстановку, а обучение — на счет государства.

Само собой разумеется, что все такие лиги «отцвели, не успевши расцвесть». Вступившая в свои права реакция наложила и на них свою самодовлеющую руку со взятием под надзор ее инициаторов в лице московского областного отдела и комиссии, а на местах уж расправлялись с этим администрации.

* * *

Стяжавший себе знаменитость в дни освободительного подъема общества инспектор народных училищ Н. К. Сергиевский учел, т.[ак] сказ.[ать], благоприятный для него момент черносотенного засилья и, придумывая разного рода комбинации, дошел до такого проекта, который до некоторой

степени давал бы ему душевное удовлетворение, если удастся на практике. А проект его состоял только в том, чтобы помещения читальни и сцены в здании имени Баландина отгородить от имеющейся там школы капитальной стеной, заделав двери, чтобы не мог попасть туда тлетворный дух крамолы. Так как с проектом его учреждения ведающие хозяйственными делами школы могли не согласиться, то он прибегнул к излюбленному методу, написал об этом губернатору, а последний рекомендовал думе его осуществление. Но, оказывается, и дума «отписалась» перед начальством, разъяснив, что хотя школа и читальня находятся под одной кровлей, но и без перегородки друг другу не мешают. Школьные занятия с детьми начинаются в утренние часы и продолжаются не далее 1–2 часов дня, читальный же зал открывается с 4 часов дня до 7 часов вечера, вечерами же бывают и спектакли, а если бы случился школьный вечер, то тогда уже о спектакле и вообще о сцене не может быть и речи. Этим отчасти весь проект заботливого Сергиевского был исчерпан.

1908 год

Год мрака, год внедрения в обывателя правил благонамеренности и повиновения властям предержащим. Эта полоса селивановского «успокоения» горожан докатилась в этот год и до нашего Енисейска. Ряд обысков по квартирам учительниц и у обывателей, состоящих на подозрении у начальства, в том числе и у меня, знаменовал вступление этого года в свои права. Несмотря на то что обыски эти не оправдали желаемых результатов, они не исключали дальнейших набегов полиции. За ненахождением у меня ничего компрометирующего производивший обыск исправник Солонина отбирает револьвер, на который не было выбрано разрешения. 30 июля арестовывают и отправляют в тюрьму врача городской лечебницы Ю. Н. Васильева, и это была интродукция к дальнейшей музыке. Не далее как через неделю является с двумя жандармами в Енисейск ротмистр Щербачев, и в эту же ночь на 6 августа после производства обысков арестовывают и уводят в тюрьму меня и городового врача А. А. Станкеева, состоящего в то же время почетным мировым судьей, личность которого считалась тогда неприкосновенной. Спустя еще несколько дней приводят в тюрьму податного инспектора И. И. Покровского, все это работники местного Общества попечения о начальном образовании.

При допросе меня в конторе тюрьмы ротмистр Щербачев ставил вопросы, касающиеся главным образом моей работы по внешкольному образованию в пределах города и уезда. Спрашивал, напр.[имер], состоял ли я в союзе учителей и деятелей по народному образованию, устав которого не был утвержден и легализован, затем в чем заключалась моя роль в подпольном комитете оказания материальной помощи политическим ссыльным и заключенным, а также и бастующим в 1905 г. чинам почтово-телегр.[афного] ведомства и, наконец, по чьей инициативе или лично по своему усмотрению я занимался распространением по городу и уезду нелегальной литературы, выходившей явочным порядком в 1905–1906 годах. Зная, что производившиеся у нас обыски не дали положительных результатов, я на первые два вопроса ответил отрицательно, отвергнув какую-либо даже малейшую прикосновенность к этому, что же касается продажи в книжном складе революционных изданий, то в этом случае я сказал, что по тому времени я ничего преступного в этом не видел, так как литература выходила открыто, открыто же и продавалась, даже чины полиции были в числе ее покупателей, запретные же издания мною в продажу не выпускались. По окончании допроса я, в свою очередь, спросил ротмистра: «Любопытно, откуда же вы

Президиум Енисейского комитета по оказанию помощи политссыльным и Общества попечения о начальном образовании в Енисейске.
Слева направо: Михаил Прокопьевич Миндаровский, Юлий Николаевич Васильев, Александр Алексеевич Станкеев, Иннокентий Иванович Покровский.
Снято 22 октября 1908 г. в день освобождения из тюрьмы. Из фондов ЕКМ.

достали обо мне такие сведения, как участие мое в подпольной работе?» Тогда Щербачев, улыбаясь, открыл мне одну из страниц дела и любезно произнес: «Вот источник, заставивший нас принять в отношении Енисейска надлежащие меры». Я взглянул на бумагу и сразу же узнал знакомый почерк инспектора Сергиевского. Почти аналогичные же обвинения предъявлены были ротмистром к остальным моим товарищам по заключению. Ввиду того что уличающего нас материала при обысках добыто не было, мы просидели в тюрьме время, пока дознание ходило в Петербург, откуда по телеграфному распоряжению Департамента полиции 22 октября четверо нас были освобождены, т.[о] е.[сть] я, Станкеев, Покровский и Васильев.

Этим, однако, не ограничились доносы почтенного педагога, им был состряпан особый донос на все учреждение, так что по журналу общего губернского управления от 8 сентября Общество попечения о начальном образовании в г. Енисейске было закрыто, и вся культурная деятельность его на целый ряд лет заглохла. Разумеется, закрывая общество, губернское присутствие руководилось указкою из Иркутска от генерала Селиванова (см. об этом статьи, помещенные в журн.[але] «Сибир.[ские] вопросы»

за 1908 год № 37–38 «Разгром просвет.[ительных] учреждений» и № 43–44 «Незакономерность сверху»).

Подобная недостойная интеллигентного администратора деятельность вызвала среди либеральной части городского населения чувство возмущения, тем более что доносы и сыски стали принимать уже совершенно открытый характер шпионажа. Так, напр.[имер], был такой случай. В зале народной читальни 24 января 1908 года шло заседание членов родительского комитета — организации, действующей по особо утвержденному уставу, — обсуждали нужды учащихся и школы. Вдруг отворяется дверь, и в полумраке, словно тень Мефистофеля, вырастает фигура Сергиевского, который, не обращаясь ни к кому в отдельности, провозглашает: «Здесь происходит незаконное собрание, и я прошу таковое прекратить, или я вынужден буду прибегнуть к помощи полиции». На это председатель комитета мировой судья Алексеев отвечает ему, что «здесь заседает на законном основании родительский комитет, вам не подчиненный и поэтому исполнять ваши приказания не намеренный». Прошло каких-нибудь полчаса, и в дверях снова Сергиевский в сопровождении помощн.[ика] полиц[ейского] пристава Соколова, который по настоянию Сергиевского садится и пишет протокол, в результате разбор дела у мирового судьи с привлечением Алексеева как председателя к ответственности и, разумеется, оправдательный приговор.

Благодаря такой ретивости пред начальством Сергиевский сделался настолько знаменитым в городе, что местное общество вынесло постановление о бойкоте, т.[о] е.[сть] не подавать ему руки при встречах, и, надо сказать, мера эта оказалась самой радикальной. Вскоре Енисейск посетил главный инспектор училищ, и вот тут-то выяснилось всё. Прибывшим гостем устроено было заседание школьного совета, на которое приглашены были председатели родительских комитетов обеих гимназий и почетные смотрители начальных школ. Здесь инспектору бросилось в глаза то, что никто из входивших в зал при рукопожатии с присутствующими на собрании не подает Сергиевскому руки. Это его заинтересовало, и он по выходе из помещения, беря под руку попечителя мужск.[ой] гимназии, основателя музея и гласного думы Ал.[ександра] Игн.[атьевича] Кытманова, спрашивает его: «Что означает, что все обходят Серг-[иев]ского и никто не здоровается с ним?» К-[ытмано]в отвечает: «А у нас как-то так выходит, словно по сговору, что никто из порядочных людей не подает ему руки». Вскоре же после этого обстоятельства Сергиевский был переведен в Читу (см. мою ст.[атью] в № 14 «Сиб.[ирских] вопр.[осов]» за 1908 г.).

* * *

А вот и еще одна каверза г-на Сергиевского. Комитет Александровского дома призрения бедных детей в г. Енисейске, о котором я упоминал ранее, получил от канцелярии Иркутского генерал-губернатора новый утвержденный ген.[ерал]-губ[ернато]ром устав этого приютского дома, в котором добавлен был пункт, что в число членов комитета от города, от купеческого и мещанского обществ на равных правах вводится инспектор народных училищ, т.[о] е.[сть] он же, Сергиевский, для которого, видимо, и было отводимо в этом уставе лишнее кресло. Полученную бумагу комитет передал на обсуждение думы, недоумевая, как ему быть в этом случае, так как отменяемый генералом Селивановым прежний устав был удостоен в 1868 г. личного утверждения Императора Александра II (дом призрения учрежден в память избавления Государя от руки Каракозова и назван Александровским с испрошением на то Высочайшего разрешения). Городская дума, снабдив свое постановление вышеприведенною справкою, в свою очередь постановила запросить канцелярию ген.[ерал-]губ.[ернатора] о том, которого устава комитет должен придерживаться.

В ответ на это местному исправнику секретно было поручено произвести дознание о том, действительно ли приютский устав утвержден был в Петербурге по докладу о том Государю, и когда это подтвердилось, канцелярия и сам генерал прикусили язык и более уже своего устава не предлагали.

* * *

Наводнение, причинившее массу бедствий для населения в 1906 году, повторилось и в этом году, хотя и не в столь большом размере. Размытые гати, мосты, бойничные дворы, остающиеся невосстановленными от предыдущего половодья, теперь разрушены окончательно, и чтобы восстановить заново, нужны почти десятки тысяч руб., о которых городское самоуправление не смеет даже и мечтать, однако сознание у отцов города что-то делать не погасает, и они чрез городскую думу сочиняют слезницу об отпуске городу из казенных дач строевого леса на постройку береговой дамбы у бульвара, бойничных помещений и т. п. На этот раз думцам пофартило, и с легкой руки инженера Белынецкого, свидетельствовавшего городское хозяйство, городу отпущено было до 4000 шт.[ук] лесу с оплатою лишь ¼ части причитающейся пошлины. Этим воспользовался город, чтобы сделать кой-какие починки, но такие капитальные сооружения, как бойни или набережные, так и остаются размытыми по сие время.

* * *

В этом году казною объявлено было в продажу с торгов каменное здание порохового склада, расположенного в юго-западной части города за Севастьяновским кладбищем. И городское управление, воспользовавшись этим случаем, приобрело это имущество за 270 руб. Находящийся вблизи склада деревянный флигель в 1912 году перенесен был на набережную улицу вблизи пожарной команды и приспособлен под квартиру брандмейстера.

В этом году исправником у нас служил некто Солонина, переведенный вскоре в Минусинск, которому не давала спокойно спать забота об устройстве в городе тротуар[ов] против домов обывателей, которые, по правде сказать, находились только кой-где у наиболее зажиточной части домовладельцев. И вот заботливый администратор настойчиво добивается осуществления своей идеи чрез городское самоуправление. Начинается выработка на этот счет особого обязательного постановления думы, в котором указываются способы постройки тротуар[ов] из плах или из плотно утрамбованной земляной насыпи. Против усадьб малосостоятельных лиц проектируется постройка за счет их, но с постепенной выплатой стоимости сооружения в кассу города. Надо отдать некую долю благодарности ретивому администратору, инициативою которого воспользовались многие домохозяева, и если не повсеместно, то во многих местах города появились тротуары или земляные насыпи, утрамбованные галькою, и передвижение пешеходов в ненастную погоду значительно улучшилось. Жаль только то, что созданные переходы в дальнейшие годы не подправлялись, и многие из них, т.[аким] обр.[азом], пришли в негодное состояние, что только еще раз свидетельствует о нашей отсталости, способной проявить свое рвение только по приказу начальства.

* * *

Реакция, наступившая после обещанных «Всемилостивейших» свобод 1905 г., стала наполнять Сибирь разного рода политическими ссыльными, не только людьми крайних политических течений вроде анархистов, но просто общественными отбросами. Во время тюремного заключения мне пришлось наблюдать прибывшую на пересыльное отделение тюрьмы партию т.[ак] наз.[ываемых] политических, предназначенную на жительство в Туруханский край. На первый взгляд эти типы людей разных национальностей произвели на нас самое отталкивающее впечатление, а когда при встречах и разговорах на тюремном дворе они поразили нас своею политическою и общеобразовательною безграмотностью, у нас не оставалось и тени сомнения в том, что это не более как простые рабочие фабричных

районов, и притом с наклонностями уголовных преступников, потому-то и наклеивших на себя ярлыки анархистов, напр.[имер], у одного из них на поясе тужурки была надпись «Анарх.[ист-]индив.[идуалист] Моск.[овской] партии анархистов». И вот эта-то группа людей числом до 30 человек была отправлена осенью до границы Турух.[анского] края и там сдана для расселения по деревням.

Пользуясь миролюбием тамошнего населения и малочисленностью его, эта свора по общему уговору между собой напала на мирных промышленников, отобрала у них винтовки, порох и свинец, отправилась вглубь этого края, продолжая по пути совершать свои грабительские подвиги.

В Туруханске зверски убит был бандитами тамошний купец-промышленник Вяткин и другие попадающиеся под ихнюю лапу. Забираемых ими с собой лошадей, экипажи, одежду и пр.[очие] ценности они везли дальше на север с безумною мечтою выйти полярными тундрами за пределы недосягаемости.

Само собою, что первое же телеграфное извещение об этих событиях всполошило администрацию, и из губернии в срочном порядке послан был военный отряд для поимки преступников, которые, за исключением немногих погибших в пути, были захвачены и привезены в енисейскую тюрьму, а затем переотправлены в Красноярск для предания военному суду. Это обстоятельство сделало немалый переполох как в населении, так и у администрации, увидевшей в туруханских разбоях[1] какую-то форму политического переворота. В конце нового, 1909 года город с уездом и Туруханским краем были объявлены на военном положении. В Енисейск прибыли войска — рота солдат с офицерами и с ними временный генерал-губернатор генер.[ал]-майор Трофимов, лично отправившийся на место происшествия руководить следствием и там убедившийся, что вся эта история, обошедшаяся казне в золотую копеечку[2], в сущности «не стоит выеденного яйца» и что высшая администрация была не более как введена в заблуждение местными властями, усмотревшими в шайке грабителей попытки на революционный переворот.

Остановлюсь на маленьких подробностях, как результате этих «событий», в свое время заполнивших страницы сибирской прессы. Прежде всего и в первую очередь вся эта военщина отразилась на самом населении, обязанном поставкою подвод для экстренного продвижения 50 человек с оружием и амуницией. Енисейское городское управление должно было найти квартиры для постоя войск и офицеров, а также и хлебофураж для

[1] Над строкой карандашом — «событиях».
[2] Над строкой карандашом — «а городу новых забот о подводах».

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

4-го сего Января воспослѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе, коимъ Туруханскій край объявленъ на военномъ положеніи, съ предоставленіемъ Иркутскому Генералъ-Губернатору права указанныя въ 19 ст. правилъ о военномъ положеніи полномочія передавать особо назначенному для сего лицу.

Тѣмъ же ВЫСОЧАЙШИМЪ повелѣніемъ Енисейскій уѣздъ объявленъ въ положеніи усиленной охраны, срокомъ на 1 годъ.

Въ силу этого Иркутскій Генералъ-Губернаторъ Генералъ-отъ-Инфантеріи Селивановъ предоставилъ Генералъ-Маіору Трофимову права временнаго Генералъ-Губернатора Туруханскаго края и Енисейскаго уѣзда.

Енисейскій Губернаторъ А. Гирсъ.

8-го Января 1909 г.
Г. Красноярскъ.

них, который в зимнее время пришлось доставать у крестьян внутри уезда за цену, сплошь и рядом высшую против той, какая потом выдана казною в возмещение этих затрат. Немало понервировало это и само население Енисейска, в особенности объявленное военное положение, которое, как известно, дает широкий простор полиции и проч.[ей] начальствующей братии. Мне пришлось быть в помещении общ.[ественного] собрания на вольном маскараде, когда была оглашена и наклеена при входе телеграмма о военном положении, и, как сейчас помню, многие, прочтя известие, покинули этот вечер. К счастью енисейцев, временный генер.[ал] Трофимов оказался, видимо, порядочным офицером, быстро ликвидировавшим это «положение». Однако, пользуясь случаем, сменивший Солонину исправник Константинов — «чертовое число», как его называли по числу букв в фамилии, — представил Трофимову проскрипционный список

граждан города, которых он полагал бы необходимым выслать на время военного положения, но получил смазь с предложением полечить свое болезненное воображение. Все пережилось и миновалось, а весною гостившие части и офицерство, оказавшееся тоже добрыми ребятами, выступили из города, напутствуемые собравшимся проводить населением города и его представителями.

* * *

8 апреля состоялось постановление городской думы о возбуждении через депутата Государст.[венной] думы В. А. Караулова ходатайства об ассигновании правительством средств на достройку здания Енисейской женской гимназии, которое губернским по городским делам присутствием было отменено по 102 ст.[атье] Гор.[одового] пол.[ожения], что, конечно, и надо было ожидать, так как для всякого рода ходатайств городом указан был один путь, это вышеприведенная статья Полож[ения].

Городская дума 18 ноября решает обжаловать постановление присутствия в Сенат, мотивируя это тем, что, дескать, Высочайшим актом о Государственной думе населению страны предоставляются незыблемые права обращения со своими нуждами через посредство избранных населением представителей в Госуд.[арственной] думе, и, разумеется, на это постановление ответа не последовало.

* * *

18 ноября дума снова ходатайствует о скорейшем разрешении порто-франко по р. Енисею, кроме того:

а) о расчистке Осиновских порогов близ Вороговой;

б) о проведении железной дороги от Енисейска до с. Мелецкого;

в) об исследовании р. Ангары для беспрепятственного судохождения по ней до Енисейска;

г) об отклонении проектов о достройке Обь-Енисейского канала и постройке грунтовой дороги от Мелецка до селения Усть-Тунгусского как не имеющих экономических выгод.

Потребность в развитии транспорта, вызванная экономическим положением Сибири, становится настолько существенною, что вопрос этот становится центром обсуждения его в разных правительственных сферах и специальных комиссиях по краевым вопросам. О сибирских путях сообщения ведут речи в Государственной думе, о них энергично пишут в журнале «Сибирские вопросы», и разрабатывает их с научно-экономической точки зрения возникшее в С[анкт]-Петербурге в 1908 г. Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, наконец, наши местные пути сообщения, ко-

торые бы оказались наиболее практичными в смысле их осуществления, горячо отстаивает енисеец — гласный думы С. В. Востротин.

В 1908/[190]9 годах возник проект о проведении железной дороги от Ачинска на Минусинск, и Енисейская дума снова хватается за этот вопрос. Постановлением своим 15 октября 1909 года он[а] опять выдвигает необходимость соединения Ачинска с Енисейском, доказывая, что осуществлением этого пути и такого же направления на Минусинск от Ачинска открывается сплошной удобный путь от границ Монголии до Енисейска, а здесь с перевалкою грузов на суда они пойдут водою до берегов Европы, если будет существовать льготная беспошлинная перевозка и торговля с заграничными рынками, которая крайне необходима для интересов не одного Енисейска, но и всей Сибири. Таким образом, судьба Енисейска снова может стать для него милостивою.

* * *

1 октября 1908 года исполнилось 25 лет существования в Енисейске местного музея и библиотеки при нем, открытой несколькими месяцами позднее. Основателем и продолжателем работ по расширению музея до дня смерти был местный уроженец естествовед Александр Игнатьевич Кытманов, сын известного енисейского благотворителя Игн.[атия] П.[етровича] Кытманова (см. мою статью за 1895 год)[3].

[3] См. запись Миндаровского на стр. 44.

1909 год

С этого года Енисейск потерял видного гражданина, а городская дума — общественного деятеля и отзывчивого человека Александра Алексеевича Станкеева, покинувшего свой родной город под давлением царившей вовсю реакции. Александр Алексеевич, получив степень врача, все время работал в родном Енисейске сначала сельским врачом, затем врачом больницы и городовым врачом. С 1895 года он состоял гласным думы, исполняя все время обязанности члена разных комиссий. За свою общественную работу в роли председателя Общества попечения о начальном образовании он и получил от начальства титул неблагонадежного, и арест его в 1908 году привел к тому, что оставаться на государственной службе ему уже было нельзя.

Местное общество, любовно относившееся к своему собрату, устроило отъезжающему общественный обед и торжественные проводы. А. А. переехал в гор. Новониколаевск на должность городского санитарного врача, и, проживая там, он не терял связи с родным городом, все время интересуясь его делами и болея невзгодами, которые на долю последнего выпадали.

* * *

Как ни было враждебно правительство Николая II к проявлениям общественной мысли, оно, однако, не могло заглушить голосов, раздававшихся со всех концов России, о необходимости расширения грамотности среди населения. Под давлением земских людей оно издает закон об осуществлении плана всеобщего начального образования, постепенно вводимого городами и земствами.

Следуя этому закону, по которому на каждый ко[м]плект

Доктор Александр Алексеевич Станкеев. Из фондов ЕКМ.

учащихся числом до 50 человек на каждого учителя казна отпускала по 390 руб., здесь по постановлению думы организована была особая комиссия, на обязанности которой лежало выяснить число детей в городе школьного возраста, остающихся за стенами школы, и составить план осуществления полного обучения. Была сделана в городе однодневная перепись четырех возрастных групп детского населения, в которой приняли участие воспитанники старших классов мужской гимназии, показавшая необходимость открытия еще шести новых комплектов, не считая существующих, на постройку которых предположено испросить беспроцентную ссуду. Само обучение признано ввести на началах принудительности, так как опыт показал уже, что добровольное помещение детей в школу не достигает цели. Напр.[имер], до этого в 2-этажном доме по Спасской улице, где был приют, городом открыт был школьный комплект на 45 учащихся и объявлено об этом по городу, и что же, школа первый год пустовала, потому что детей не нашлось, между тем как перепись обнаружила безграмотных школяров до 300 человек. Значит, есть родители, которые не желают видеть детей своих грамотными, и на них-то необходимо распространить меры принудительности.

* * *

Злополучный вопрос о караульных ежегодно служит предметом разбора его со всех сторон думцами. На этот раз он рассматривался гласными 30 апреля в связи с изданным ген.[ерал]-губ.[ернатором] обязательным постановлением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. В думе решено трех объездных заменить шестью пешими караульными, как установлено было ранее в марте м[еся]це этого года. Проба на караульных, то на конных, то на пеших, менялась уже несколько раз, а результат от этого один и тот же. Ясно, что институт наружного караула в городе посредством найма не достигает цели своего назначения, но не лучше было бы, если бы эта обязательная повинность поочередно выполнялась самими обывателями, которые, тяготясь этой мерой охраны, относились бы к ней спустя рукава. Одно только можно сказать, что внутренняя охрана города, в ночное время установленная с незапамятных времен, отжила свой век и требует чего-то другого, более целесообразного.

* * *

15 июня состоялось постановление думы об уступке ведомству путей сообщения отмежеванного участка земли при устье р[е]ч[ки] Мельничной для надобностей отстоя и зимовки судов казенной флотилии с правом разработки речки в удобную гавань и с устройством необходимых мастерских

и других приспособлений при желательности предоставления свободного пространства и для нужд частного пароходства.

После аварии 1909 года, постигшей казенные суда в Стреловском затоне, и вслед за переводом инспектора судоходства Бенцелевича взгляды М-[инистерст]ва путей сообщения по отношению к Енисейску изменились в благожелательном для него отношении, причиною чему, вероятно, послужил доклад инженера Калинина, в приезд которого городское управление оказало ему всяческое содействие к собиранию материалов об условиях судоходства по р. Енисею с прежних времен.

* * *

Одною из существенных отраслей промышленности в Приенисейском крае издавна является рыбопромышленность в низовьях Енисея, развитию которой способствовало возникшее пароходство. Но надо сказать, что при всем разнообразии рыбных богатств засол и вообще приготовление рыбы впрок никогда не отмечались высотою своего качества, скорее это было примитивное, чисто кустарническое приспособление, стоящее в зависимости от искусства засольщика, и дальше этого по пути развития в соответствии с научными опытами промысел этот не подвигался. В таком состоянии дело шло до сего времени. И вот теперь Управление государственными имуществами Енис.[ейской] губ.[ернии], в заботы которого входит развитие и культура рыбного промысла на низу, проектирует создать в г. Енисейске школу рыбного дела для подготовки, т.[ак] ск.[азать], ученых засольщиков и консерваторов рыбного продукта. С этою целью Управление госимуществами обратилось в Енисейское городское управление о безвозмездном отводе в черте города, по преимуществу в нижней его части, участка земли площадью от 1500 до 2400 кв.[адратных] саж.[еней] для постройки на нем школьного здания с мастерскими для обучения, постройки рыболовных парусных судов и консервной рыбной фабрики. Само собой, что учреждение такой специальной школы, и притом единственной на всю Восточную Сибирь, в глазах енисейцев являлось весьма заманчивым предложением, и городская дума, идя этому навстречу, в заседании своем 23 июля постановила просить управляющего имуществами командировать своего представителя, с которым бы город мог договориться насчет выбора местности под школьные здания. Позднее выбор участка пал на пригорок близ Успенской церкви в расстоянии, достаточном для ширины улицы, начиная от усадьбы Калашникова и захватывая часть площади под Успенским пригорком до продолжения Кедровой улицы, и этот участок был землемером нанесен на план в присутствии понятых и меня как уполномоченного от городского управления.

Нужно сказать, что осуществление этого симпатичного учреждения почему-то затянулось на продолжительное время, были ассигнованы средства на сооружение и даже был командирован за границу для практической подготовки назначенный директор этой школы — эстонец, молодой человек, некто Бомэ, как началась злополучная война 1914 года с Германией, и кредиты на постройку были закрыты. Школа хотя и была открыта в 1915 году в наемном кам.[енном] здании н-[аследни]ков Кытманова на углу Береговой улицы и Бассейного переулка, но последовавшая мобилизация директора Бомэ и специалиста-учителя обездолила начинавшее[ся] было школьное дело, дошло до того, что Бомэ сидит в военном учреждении и клеит конверты, а школа пустует. В конце концов подошедшая революция и смена власти совершили гибель школы окончательно. Школа упразднилась. Инициатор и ревнитель школы управляющий государственными имуществами Окулич уже был переведен в пределы России, и все его хлопоты пошли прахом[1].

* * *

Пошатнувшееся экономическое состояние гор.[ода] Енисейска довело до того, что почтовый тракт из города на Красноярск, не будучи поддерживаемым, за целый ряд лет пришел в невозможное состояние, так что губернатор обратился в думу с предложением исправить его мерами натуральной повинности, то есть тем же способом, каким поддерживают дороги внутри уезда, — это выгнать горожан с кайлами и лопатами на починку тракта. Это предложение, обсуждаемое в заседании 12 августа, вызвало большие рассуждения, так как затрагивало всех и каждого из граждан, кроме чиновников и вообще разночинцев. Решено как-нибудь сделать поправку за счет общих средств города, а тем временем вновь подтвердить свое прошлогоднее ходатайство думы о предоставлении городу сбора с приходящих и уходящих чрез г. Енисейск грузов, привозимых на пароходах, цель назначения которого — идти на улучшение путей сообщения в пределах городских земель, как это практикуется в других городах, стоящих при линии железных дорог. В то время взимание такого сбора, могущего подкрепить городскую кассу поступлением лишних 4–6 тысяч рублей, на Енисейск не могло быть распространяемо потому, что на грузы, приходящие сплавом на судах и пароходах, действие существующих правил не распространялось почему-то, как будто бы не одно и то же, что перевозка грузов с вокзала или с пристани не одинаково бьет взвозы и дороги, как и всякая тяжесть при

---

[1] См. об этом мою статью «Печальная судьба культурного начинания». Журн.[ал] «Новое земское дело» 1919 года № 14. — *Прим. Миндаровского.*

передвижениях массами. Разумеется, от этого ходатайства, как и многих других, ничего не вышло, пока в 1917 году не последовал общий закон, раскрепощающий города от излишней административной опеки.

* * *

Под мужским монастырем издавна существует небольшая площадь, по плану города не подлежащая под застройку усадьбами. Местность эта крайне низкая и не просыхающая даже в летнее время за отсутствием из нее водостоков. Городское самоуправление совершенно не обращало внимания на этот участок с гниющей зазеленелой водой, издающей в жару даже зловоние.

Против этого участка через дорогу в большом 2-этажном доме Монтремовича квартировал мировой судья Терентий Николаевич Сливак, которому засела в голову мысль засорить и осушить этот участок с устройством отводной дренированной канавы, а затем местность обнести изгородью и засадить березками и растительностью. Кроме того, ввиду недостатка города в водоприемниках Сливак задумал на углу этой местности по направлению к монастырю прорыть колодец для пользования из него водой на случай пожара.

Как врач и юрист по образованию, он был совершеннейший профан по устройству колодцев, однако, несмотря на то, что люди компетентные ему говорили, что в низких местах, и притом с болотистым грунтом, колодцев не делают, он стоял на своем и свою настойчивость и энергию направил на это сооружение с благородною мыслею оставить в Енисейске память о своем проживании. Не обладая своими личными средствами, он приступил к осуществлению проекта посредством пожертвований, устраиваемого им спектакля, а затем придумал такую комбинацию, за которую могло ему как судье и влететь от начальства. Он при разборах дел, которые могли оканчиваться мировым соглашением сторон, сводил такие дела на денежное вознаграждение с обидчика и деньги эти предлагал обратить на постройку колодца и сквера при нем. Действительно, настойчивость и энергия — великое дело. В короткий сравнительно промежуток времени он завалил фашинником всю местность, а сверху навалил до ¾ арш.[ина] земли и песку, которые городская дума разрешила ему снять задиркою с релки у монастыря со стороны Сенной площади, провел нивелиром через дорогу канаву, и местность осушилась. В один из праздничных дней устроена была любительская посадка деревцев на этом участке, обнесенном столбиками с прожилинами, а посредине даже устроен был городок для гимнастических упражнений учащихся народных школ города, и местность из болота стала неузнаваемым садиком. Доброе дело поощрено было письмен-

ною благодарностью, выраженною г.[осподину] Сливак[у] городскою думою, рассматривавшею в своем заседании 15 октября отчет устроителя в расходе собранных им на это 1660 руб.

Что же касается колодца, то, сколько с ним ни бились, толку никакого не вышло, и в конце концов вырытую до 2-саженной глубины яму, заливаемую грязной водой, пришлось снова засыпать. Деньги были употреблены непроизводительно.

В момент, когда я пишу эти с[т]роки, оградки скверика уже не существует, и только часть взявших растительную силу и потому уцелевших березок напоминает о какой-то и кем-то сделанной заботе по благоустройству города. Малокультурность и даже полная невежественность городских обывателей и недостаточная заботливость самого городского управления к сохранению таких памятников добрых людей уничтожили и самую память о Терентии Николаевиче, случайном жителе города и так участливо отнесшемся к уничтожению зловонного болота, которое без него и по сие время, быть может, стояло бы и заражало воздух. Т. Н. Сливак переведен был потом в г. Томск, и о судьбе его мне неизвестно.

* * *

В сентябре этого года скончался находившийся в отставке подполковник Петр Филиппович Михайлов, состоявший в последнее 4-летие гласным городской думы. Покойный прибыл в Енисейск в 1892 году на должность начальника местной военной команды и до 1904 года состоял в этой обязанности, пользуясь симпатиями подчиненных ему по службе нижних чинов как человек мягкого характера и не корыстолюбец. Таким он остался и до конца своей жизни.

П. Ф. М-[ихайло]в здесь овдовел и вторично вступил в брак с вдовою известного енисейского золотопромышленника Черемных, имевшей в Енисейске дом по Большой улице и получавшей (по завещанию 1-го мужа) арендную плату с разрабатывавшихся приисков покойного Черемных (об Иване Дим.[итриевиче] Черемных как деятеле я уже писал в своих записках за 1894 год, т.[о] е.[сть] в годовщину смерти его)[2].

* * *

Установившееся с 1906 года казенное срочное пароходство по р. Енисею на судах казенной флотилии, прибывших в 1905 году, дало толчок развитию мелкой рыбопромышленности в Туруханском крае, благодаря тому

[2] Эта часть текста записок Миндаровского оказалась утрачена в 1921 году при обыске и аресте автора.

Иосиф Константинович Окулич.
Из фондов КККМ.

что пароходство пошло навстречу этому своим согласием отвозить рыбаков на пески и затем осенью собирать их с добычей обратно, чего прежние пароходчики и акционерное пароходство не делали. Для них интересно было иметь дело с крупными предпринимателями, у которых одиночки-промышленники, имеющие собственные неводы, являлись просто рабочими на хозяина. Когда же эти промышленники увидели, что теперь есть возможность выступить в роли самостоятельного рыболова, стоит только подобрать несколько человек в пособники, если не хватает сил семьи промышленника, они стали создавать свои маленькие, т.[ак] ск.[азать], ячейки в 5–6 человек на невод и обставлять их необходимым инвентарем и продуктами на время промысла, а чтобы такой многочисленной артели рыбаков в 100–200 неводов солидарнее было вести дело, они сорганизовали свой рыбопромышленный союз, созданию и утверждению которого правительством помог рыбакам гласный из думы Ст.[епан] Вас.[сильевич] Востротин, и с этого времени образовавшаяся мелкая, но самостоятельная промышленность быстро пошла было к развитию, год от году увеличиваясь численно, как неожиданно нанесен был этому весьма значительный удар.

Енисейское управление государственными имуществами в лице управляющего Окулич[а] выступило с проектом отдачи рыболовных участков в Туруханском крае с торгов, которые должны были происходить в Красноярске. Цель этих мероприятий в основе своей была благородная — оградить аборигенов края — инородцев от эксплуатации промышленников, но на практике проект этот, как и все исходящее из недр бюрократических канцелярий и лишенное местного общественного участия, принесло только вред, после того как проект этот стал законом. 8 сентября 1908 года проект этот под названием «Временные правила о частной рыбопромышленности в Туруханском крае» был утвержден иркутским генер.[ал]-губернато-

Постановление Енисейской городской думы 15 октября 1909 года

1909 г. октября 15 дня Енис[ейская] городск[ая] дума, рассмотрев предложение мещан[ского] о[бщест]ва и принимая во внимание, что развитие рыбопромышленности в низовьях р. Енисея тесно связано с торгово-промышленным развитием города как первого ближайшего рынка для рыбных проектов и имеет важное значение для всего края, опред.[елила] возбудить ходатайство на основании 21 п. 63 ст. Гор[одового] полож[ения] об удовлетворении просьбы промышленников — отмене времен.[ных] правил в отношении сдачи рыболовн[ых] песков в Турухан[ском] крае с торгов, заменив попудным сбором с добытой рыбы каждым промышленником или восстановлением неводного сбора в пользу инородцев, как было ранее.

ром Селивановым, и с тех пор каждый промышленник, хотя бы и одиночка-неводчик, прежде чем осесть на избранный им участок берега, должен был поехать в Красноярск и взять его в аренду с торгов, и зачастую желательные участки мелкоте не доставались, их заранее намечал себе пароходчик и брал по цене, недоступной неводчику-промышленнику.

Напрасно союз рыбопромышленников возбуждал свои ходатайства о замене торгов процентном сбором, подкрепленные и енисейским мещанским обществом, и городскою думою, даже и участие депутата в Государственной думе, к которому рыбаки обращались, не помогло в этом. «Временные правила» продолжали царствовать и все последующее время, несмотря даже на жестокую критику, которой их подвергла сибирская пресса и особенно выходивший тогда в С[анкт-]П[етер]б[урге] журнал «Сибирские вопросы» и посвященная этому вопросу статья С. В. Востротина «Турух.[анская] рыбопром.[ышленность] и инородцы» (СПб., 1910 г., брошюрой). В силу этих правил начавшая было развиваться мелкая рыбопромышленность, открывшая своим исследованием и расчисткою много новых песков для лова, скоро застыла в своем развитии, а следовательно, и остановила начавшееся было увеличиваться количество доставляемой в Енисейск соленой рыбы (см. постановление Енис.[ейской] гор.[одской] думы 15 октября 1909 года).

* * *

В заседании думы 18 декабря утвержден был юбилейный отчет Ал.[ександра] Игн.[атьевича] Кытманова за 25-летнее заведывание им местным обществ.[енным] музеем, составляющим и по сие время гордость местно-

го края. Печатные экземпляры этого отчета были разосланы по гласным думы и хранятся в делах музея.

* * *

Осенью 1908 года при поимке двух преступников по серьезному делу убит был ими городовой, преследовавший их в ночное время. Эти два лица, Светлицкий и Вожков, по распоряжению генерал-губ.[ернатора] Селиванова выделены были из порядка общей подсудности и переданы в ведение военно-окружного суда, происходившего зимою 1908 года в конце декабря м[есяц]а, на котором они приговорены были к смертной казни через повешение, и 12 января ночью (Татьянин день) в ограде местного тюремного замка состоялась казнь над осужденными.

Характерна маленькая подробность. Вечером этого дня городской голова получает от местного исправника бумагу, в которой предлагается ему ответить, кто имеет прибыть из граждан для присутствования на месте казни, что требовалось тогда военным уставом, а может быть, и тем военным положением, которое введено было в Енисейском уезде и Турух.[анском] крае. Наскоро посовались к тому или другому с предложением на бесплатное лицезрение смертного акта и ни от кого согласия не получили, сам городской голова Н. А. Третьяков тоже уклонился от этого зрелища, а я и тем более. Ответили исправнику в том духе, что «желающих» не нашлось, подписали бумагу Третьяков и я как секретарь управы. Наутро является зачем-то в управу помощник испр.[авника] Хнюнин и властным тоном дает городск.[ому] гол.[ове] замечание, чтобы свои официальные ответы, как, например, вчерашний, он более в таких выражениях не допускал во избежание для него неприятностей как лица, занимающего определенное общественное положение.

1910 год

Продолжающийся год от году упадок экономической жизни в крае до крайности обострил и финансовое положение города, поставил его в состояние полного неплательщика лежащих на нем налогов и других денежных обязательств. Действительно, денежные дела городской кассы настолько стали плохи, что сама губернская администрация стала в тупик, не находя выхода. Вот что значит система, давно уже впавшая в старческий маразм, но все еще не уступающая дороги молодым побегам жизни, вступающей в свои права! До какого иной раз противоречия сами себе доходили правительственные органы в своих требованиях исполнения городом того или иного обязательства, могла бы показать только канцелярская справка.

Вот, например, случай: казенная палата как учреждение, призванное наблюдать, чтобы налоги и повинности всюду выполнялись исправно, настаивает, чтобы городская управа «немедленно» уплатила недоимку в пособие государственному казначейству на содержание местных управлений 16 548 руб. и на городское училище 7210 руб., числящиеся за нею уже не первый год. Попечительный совет женской гимназии, состоящий в большинстве из тех же гласных думы и других граждан, прекрасно знающих безвыходное положение города, становится на бюрократическую почву и с тою же настойчивостью домогается присылки ему недоимки 13 020 р., без чего гимназия сделается несостоятельной к выплате учителям заслуженного жалованья. Губернатор, заботясь о порядке и спокойствии губернии «от крамолы и супостатов», настаивает опять об увеличении жалованья городовым полицейской команды «в целях поднятия качественного состава и улучшения их материального благосостояния». Наконец, не отставая от прочих, хочет лягнуть город и исправник, ибо он тоже шишка, существующая на общественный счет. На сей раз он додумался до того, что стал просить у города собаку для полицейской службы с обучением ее в каком-то собачьем учебном заведении, открытом в Красноярске. В своем отношении от 23 октября за № 4416 он, к сожалению, только не говорит, в каком классе должности будет состоять этот ученый пес и какую долю своих многотрудных обязанностей возложит исправник на этого пса; возможно, что, будь этот пес при нем в то время, он, быть может, ему и поручил бы взыскание с города подводной повинности на нужды уезда в сумме 7715 руб., а то пришлось посылать с категорической повесткой полицейского пристава. Вот тут при такой массе

разных «требований» и извернись, городская хозяюшка. Что мог сделать скромный и слабохарактерный городской голова, да еще под висящим над его головой «военным положением» и приказом Селиванова «молчать и не рассуждать». Тут одна спина, за которую он и норовит спрятаться[1], — это городская дума, куда он и направил все эти требования. И вот начинаются «отписки». Казенной палате дума неплатеж денег объясняет результатом промышленного застоя, доведшим город до задолженности в сумме 58 тыс. руб., а как на выход из этого указывает «на предоставление городам более широких прав по самоуправлению», попечительному совету советует не обольщаться ожиданием получения задолженной недоимки, кроме отпускаемых помесячно 50 руб. В вопросе о полиции дума подчеркивает ненормальность расхода города на полицию, достигающего до 19% годового бюджета по смете, и на перегруженность последнего другими насущными потребностями. На привлечение города к участию в подводной повинности как на вопрос спорный дума сослалась на свою жалобу Сенату и просила до выяснения этого обстоятельства [с] взысканием денег с населения погодить. Исправнику же вежливо указала на необязательность для города содержания кроме полицейско-городовой еще собачьей своры. В таких отписках и проходило дорогое время, вместо того чтобы хоть одному из помпадуров губернии поднять пред столицей вопрос о ненормальности таких явлений. Так было у нас в 1910 году, так шло и в последующие, вплоть до революции.

* * *

Теснота двора мужской гимназии, не имеющей у себя даже небольшого садика, побудила директора гимназии обратиться в городскую думу с ходатайством уступить для нужд гимназии свободную площадь между оградами Соборной и Преображенской церквей под устройство сквера для воспитанников и установки гимнастического городка и кегельбана.

Хотя вопрос об уступке этого уголка и вызвал много споров и рассуждений как среди гласных, так и у горожан, опасающихся нарушения этим благопристойности в храмах во время богослужений могущими быть в это время играми детей или музыкой, однако дума склонилась за уступку места при условии сохранения достаточного проезда близ Преображенского храма и для останавливающихся у подъезда экипажей. Впоследствии устроенный садик слился с примыкающим к нему бульваром, однако ни одного случая нарушения тишины и спокойствия во время церковных служений замечаемо не было.

---

[1] У Миндаровского — «справиться».

* * *

В 1826 году городу отведены были сенокосные и выгонные земли, которые и нанесены были на план, хранившийся в шкатулке управы. За этот долгий период времени обмежеванные границы затерялись, и сделанные когда-то просеки и межевые ямы заросли лесом, благодаря чему установить границы владений города и окружающих его селений не было никакой возможности. От этого зачастую возникали споры и разговоры с крестьянами, и ни та, ни другая сторона доказать своих прав не могла. Надо было приступить к разысканию и восстановлению пограничных линий, и чтобы осуществить это, требовалось нанять землемера, оплатить ему суточные прогонные помимо жалованья, а денег в кассе ни алтына.

Случайно судьба послала в ссылку по политике одного молодого человека, поселенного исправником в дер.[евню] Мариловцеву. Этот молодой человек с образовательным стажем землемера готов был пойти на любой заработок, который давал бы только ему возможность жить в городе, а не в медвежьем углу. Случайно узнав об этом молодом человеке и вступив с ним в переговоры, ради которых исправник разрешил ему приехать в Енисейск, мы условились в управе по предварительному согласию городской думы пригласить его на производство необходимых землемерных работ, охлопотав ему разрешение проживать в городе, пока ведутся работы и составляется план обмежеванных земель.

Условия, договоренные управою, с которыми согласилась и дума, были таковы: приглашенный Васильев вступает как бы на службу в управу за 70 руб. в м[еся]ц и берет на себя обязанность произвести отыскание и обмежевание пограничных знаков и составить разбивочный план с нивелировкою всей площади обмежеванного пространства, причем для производства межевых работ управа дает ему в помощь трех человек рабочих, нанимаемых за счет управы.

Осень этого года и почти весь 1911 год проходят в этой работе, и наконец изготовленный план с составленным к нему путевым и межевым журналом докладываются думе, которая в заседании 3 августа их и утверждает[2].

Стоимость произведенных Васильевым работ выразилась в <...>[3] руб., которые причислены были к сумме аренды за сенокосные паи, что заблаговременно и оговорено было в кондициях, но зато выяснила многое, доселе неизвестное городу. Например, за рекой много лет крестьянами производились порубки дров, и оказывается, в городских дачах затем дрова эти городские же жители покупали. Крестьянами д. Горской на городской

[2] См. доклад Васильева в отчете управы за 1911 год, стр. 72. — *Прим. Миндаровского.*
[3] Пропуск в тексте.

земле разбиты были пашни и сенокосные луга, а местами производилась и порубка дров с наших дач. Но всего интереснее дала материал нивелировка площади. Оказалось, что городское болото между городом и д. Горской почти на целую сажень выше города, и, чтобы осушить его, следовало только путем мелиораций провести дренированные канавы: одни со стоком в р[е]ч[ку] Мельничную, а другие в р[е]ч[ку] Бойничную, — и у города оказалась бы площадь в сотни десятин, годная под выгон для скота или под сенокошение, но мы до этого не додумывались, а продолжали по-прежнему топить лошадей в болоте или прыгать с кочки на кочку при пешем передвижении. Недаром в 1870 году золотопромышленник Григоров просил это болото в аренду на 25 лет, чтобы осушить и пользоваться им в течение означенного срока, и дума тогда отказала в этом, точно так же просил это болото позднее купец и гласный думы Пр.[окопий] Д.[митриевич] Ларионов и тоже получил отказ. Не давая на сторону, и сама дума ничего не сделала в этом направлении. Так это болото, не затопляемое ни одним наводнением, стоит и поныне, распложая комаров да мошек и заражая воздух своими испарениями.

* * *

Летом этого года городским головою Н. А. Третьяковым было получено приглашение губернатора Бологовского прибыть в Красноярск на заседание губернского по городским делам присутствия для рассмотрения сметы г. Енисейска на 1910 год.

Н. А. Третьяков как человек скромный, не речистый в заседаниях, а тем более в присутствии всего губернского олимпа стал звать и меня с собою как гласного и как секретаря. Я охотно согласился прогуляться на пароходе, и мы отправились. Но, прежде чем поехать, я подготовил от своего имени как гласного подробный доклад губернскому присутствию, снабдив его соответствующими цифровыми таблицами, и в этом докладе указал, какие меры могли бы способствовать поднятию экономической мощи города.

По приезде в Красноярск мы сочли долгом нанести визит замещавшему тогда красн.[оярского] город.[ского] голову старшему члену управы Смирнову, который должен был в качестве члена присутствовать на заседании при рассмотрении нашей злополучной сметы, и он посоветовал нам нанести визит и губернатору, охарактеризовав его нам как человека очень симпатичного в глазах общества и вполне доступного для каждого имеющего дело. Мы, разумеется, послушались и пошли. Губернатор принял нас в своем кабинете очень любезно, стал угощать нас папиросами и сигарами, лежащими на столе, а мы как раз, ни тот ни другой, не курили.

Поблагодарив за любезность, мы после обычных разговоров быстро перешли к делу. Его П-[ревосходительст]во объяснил, что он счел необходимым «побеспокоить» нас приездом (звал-то ведь одного голову) из тех соображений, чтобы в личном присутствии с нами разобраться и выяснить пути, которые бы могли вести к бездефицитному сбалансированию сметы. Здесь я предварительно и заметил г-[убернато]ру, что «все те наши чаяния и надежды, которые единственно могли бы установить сметное равновесие, я как гласный, много лет работающий на городском поприще, изложил в своем докладе, который и полагал бы внести на предстоящее собрание, и если Ваше П-[ревосходительст]во сочтете удобным, я мог бы вручить его хоть сейчас».

— Вот и прекрасно, — сказал он, — я с ним познакомлюсь предварительно, т.[ак] к.[ак] сам буду председательствовать на совещании.

Затем, когда я был потом в канцелярии губ.[ернского] присутствия, делопроизводитель показал мне мой доклад, и на нем сбоку синим карандашом рукою г-[убернато]ра было написано: «Молодчина».

Само собой разумеется, что на заседании могли только наподобие тришкина кафтана обкорнать смету разными сбавками и надбавками, а мои указания на порто-франко, жел.[езную] дорогу, широкие права самоуправления и пр.[очее] так и остались в области благих пожеланий.

* * *

1910-й год был для города годом крупных потерь. Сошли в могилу один за одним три старейших гласных и общественных деятеля, а именно: Александр Васильевич Паникаровский, Михаил Михайлович Бородкин и Александр Игнатьевич Кытманов, о которых я как современник обязан сказать хотя кратко несколько слов.

1) Ал.[ександр] Вас.[ильевич] Паникаровский не был импозантной фигурой ни по родовитости, ни по капиталу, ни даже по образованию. Это просто старожил города, хотя и являвшийся уроженцем гор. Тары, прибывший в Енисейск мальчиком и поступивший в услужение по коммерческому делу, а затем, постепенно пройдя роль доверенного у одного купца, стал впоследствии и сам владельцем небольшого магазина мануфактурных товаров. Состоя много лет гласным думы, членом попечительного совета женской гимназии, а в конце жизни и членом от купеческого общества в комитете Александровского детского приюта, он никогда не отказывался служить общественному делу, помогая кой-где и посильною денежною лептою. К обязанностям своим относился всегда ревностно и высказывал в прениях себя всегда таким, как ему диктует совесть. Известна его горячая защита старой торговли по празд-

ничным дням, когда в думе шел вопрос о сокращении и даже о полном закрытии ее, а затем позднее, когда торговля по праздникам и воскресным дням была уже прекращена, тот же Алекс.[андр] Вас.[ильевич] говорил: «А ведь хорошо, теперь и я так же отдыхаю, как приказчики, и убытка нет, потому что все не торгуют. Отчего же это я, дурак, тогда лез на стену, отстаивая торговые дни?»

Искренность была похвальной чертой покойного, а подделываться к течению он органически не мог. В этом была его особенность.

2) Мих.[аил] Мих.[айлович] Бородкин был несколько другим человеком. Унаследовав от отца состояние, он сумел его значительно преумножить, но преумножал не размахом и энергией в производимом им коммерческом деле, а аккуратностью, граничащей со скупостью и мелочничеством. Рассказывали, что даже нанимая дворника, он самолично сдавал ему инвентарь до последней метлы под личную ответственность за утрату. Расчетливость его проявлялась и в общественных делах своего города. Только будучи тяжко больным и чувствуя за плечами смерть, он оставляет по духовному завещанию десять тысяч руб. специально на достройку женской гимназии, стоящей за отсутствием средств неотделанной с 1903 г., вернее, со смерти В. М. Харченко в 1902 г. Сделать это благодеяние при жизни, как, напр.[имер], поступал томский благотворитель Макушин, было не в натуре Мих.[аила] Михайловича.

М. М. Бородкин был в думе старейшим гласным и, кроме того, служил по выборам городовым судьей дореформенных времен, за что и присвоено было ему звание степенного гражданина. С 1889 по 1893 год служил городским головою, в бытность которого я и поступил служить в городскую управу 6 января 1891 года.

Помимо этого Мих.[аил] Мих.[айлович] в разное время относил по выборам должности члена общественного банка, попечительного совета женской гимназии и члена разных комиссий от городской думы.

Надо сказать, что строгая расчетливость в общественных делах, хозяйственная распорядительность во всем делали его примерным хозяином и общественным деятелем. За службу свою городским головою он сумел сэкономить городских средств до 10 тысяч рублей, рассчитывая в конце службы что-нибудь на них сделать для города, но бдительный глаз губернатора, узнав об этих остатках, под угрозою ответственности настоял уплатить этими деньгами казенную недоимку на содержание полиции. Это обстоятельство в связи с неуместным замечанием в думе гласного Н. Н. Дементьева (предшественника Мих.[аила] Мих.[айловича], накопившего недоимку), что списываемые по отчету 10 руб. на покупку масла к иконе Александра Невского, находящейся в соборном храме, видимо, употреб-

ляются не по назначению, т.[ак] как лампада никогда не горит, вывели Бородкина из себя, и он тут же на заседании демонстративно отказался от обязанности городского головы. Оставляя этот пост, он все-таки не отказывался от роли городского деятеля, продолжая и в дальнейшем быть полезным гражданином своего города.

3) Александр Игнатьевич Кытманов[4] — сын известного благотворителя города, о котором я писал в своих записках под 1895 годом.

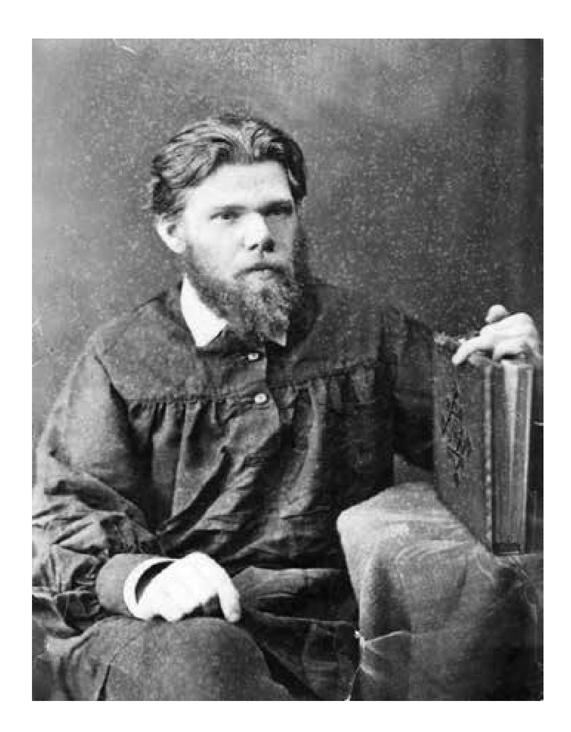
Ал.[ександр] Игн.[атьевич], окончив С[анкт-]П[етер]бургский университет со степенью кандидата естественных наук, в 1882 году приезжает в родной край и здесь отдается научной и общественной деятельности, на которую старики смотрели тогда с особым предубеждением как на пустую затею, а этой затеей являлась тогда работа Алекс.[андра] Игн.[атьевича] по собиранию предметов, имеющих историческое значение для края, которые и послужили основанием здесь местного музея, открытого 1 октября 1883 года, кропотливой работе над которым А.[лександр] Игн.[атьевич] отдал всю свою жизнь.

Но, работая в этой области, он не оставался равнодушным и к другой сфере деятельности, помогая сначала в делах своему отцу, а затем, отдавшись развитию рыбопромышленности в Туруханском крае, будучи сначала компаньоном в пароходстве, а затем директором-распорядителем образовавшейся акционерной компании пароходства по р. Енисею, с 1895 года он становится до дня смерти гласным думы, исполняя всевозможные выборные должности, начиная от члена управы и кончая председателем городской думы.

За 28-летний период своей общественной деятельности в г. Енисейске он был избираем на разные ответственные должности, тесно соприкасающиеся с научно-просветительной работой родному краю. Так, напр.[имер], он был почетным блюстителем сначала городского училища, а затем мужской гимназии. Несменяемо работал в Обществе попечения о начальном образовании от секретаря до председателя правления. Был почетным мировым судьей в пореформенное время.

Примером деятельности Ал.[ександра] Игнатьевича лучше всего опровергаются доводы ученых мизантропов, что в глухих углах можно только погрязнуть в вине и паутине сплетен, не сделав ничего хорошего. Алекс.[андр] Игн.[атьевич] как интеллигентная сила на всё находил достаточно времени, чтобы быть полезным для края. Помимо своих научных и торгово-промышленных дел он был постоянным участником любительских спектаклей, талантливо исполняя заглавные роли, был незаурядным рассказ-

[4] Умер 5 декабря 1910 года. — *Прим. Миндаровского.*

Александр Игнатьевич Кытманов. Из фондов ЕКМ.

чиком смешных сцен, куплетов, увеселяя ими невзыскательную публику, и, наконец, умел использовать даже деловые свои поездки в столичные города, собирая там исторические материалы, относящиеся к жизни г. Енисейска, результатом которых явился его солидный труд под названием «Летопись гор.[ода] Енисейска» с основания по 1893-й год, к сожалению не изданная и по сие время[5].

В 1920 году я был свидетелем, как экземпляр этой летописи, писанной рукою автора, уничтожался невежественными советскими управителями на конверты, как и все другое весьма ценное архивное достояние. Только уверенность, что экземпляр летописи, переписанный на машинке, увезен был в этом 1920 году консерватором Красноярского музея А. Я. Тугариновым, успокаивала меня в том, что труд Алекс.[андра] Игн.[атьевича] не погибнет и когда-нибудь наши поколения будут по нему знакомиться с жизнью их прадедов.

* * *

К числу только что упомянутых общественных потерь следует отнести и последовавшую в этом году смерть настоятеля Енисейского Богоявленского собора протоиерея Димитрия Евтихиева, бывшего благочинного городских церквей[6].

Умерший пастырь прибыл в Енисейск на пост настоятеля в 1873 году и с этого времени по 1881 год был законоучителем существовавшего тогда уездного училища, в котором я при нем и обучался. С 1882 года о.[тец] про-

---

[5] В 2016 году Енисейский краеведческий музей и Сибирский федеральный университет осуществили издание этой работы, хранившейся в фондах музея: Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год / А. И. Кытманов; отв. ред. Л. П. Бердников; авт. предисл. В. Г. Дацышен; Сиб. федер. ун-т, Енисей. краевед. музей им. А. И. Кытманова. Красноярск: СФУ, 2016.

[6] Событие это здесь записано ошибочно. Евтихиев умер 5 декабря 1908 года, туда и следует отнести эту запись. — *Прим. Миндаровского.*

тоиерей перешел законоучительствовать в открывшуюся мужскую прогимназию, а я еще учился до 1883 года.

Покойный протоиерей был видной фигурой на фоне енисейской жизни, тогда еще не угасшей, как представитель так наз.[ываемого] официального православия и как глава местного духовенства. Довольно крепкий и представительной наружности, высокий ростом старик, украшенный знаками отличия и награжденный даже палицею, этою высшею для белого духовенства наградою, он вполне соответствовал для той торжественности, какою он любил обставлять свое богослужение в торжественные годовые праздники в сослужении с дьяконом и певчими. Как проповедник он был не из важных и устные проповеди говорить почти не мог, зато умел поставить себя в обществе и среди младшего духовенства в полном величии и достоинстве.

В общем, это был яркий представитель победоносцевского периода, когда церковь была послушным орудием в руках государства, но в частной жизни человек не вредный и терпимый в глазах подчиненных. Зная меня как ученика своего, а затем видя взрослым и уже зрелым человеком с установившимися либеральными взглядами, он, однако, всегда был ласков и приветлив со мною, нередко даже завертывая ко мне на стакан чая, чтобы поговорить и провести время, несмотря на то что я своих убеждений пред ним не скрывал.

* * *

Страницы некрологов своих закончу очень приятным сообщением. Летом этого года покинул восточносибирскую вотчину иркутский генерал-губернатор Селиванов, в продолжение четырех лет глумившийся над вверенным ему краем.

Надо ли говорить, с каким облегчением вздохнули мы, услышав эту отрадную весть. Передам это настроение, охватившее всех енисейцев, напутственными словами «Сибирских вопросов»: «Скатертью тебе дорога! Хуже-то этого не будет, а умнее-то тебя будет всякий!».

1911 год

Этот год обновляется вступлением в управление городским хозяйством нового состава гласных думы и переизбранной городской управы. Но важны не лица, призванные к управлению, а важен сам закон или вся система, по которой направлена хозяйственная жизнь самоуправлений. Что при всем желании и стремлении может сделать самый энергичный человек и даже весь коллектив гласных, если кругом торчат рогатки и проч.[ие] преграды, сводящие на нет самые благие намерения? Ясно, что обновленные органы городского самоуправления могли продолжать лишь работу своего предшественника, что и было в действительности.

Лично я в этом году, отказавшись от обязанности агента страхового общества «Россия», которую я выполнял с мая м[есяц]а 1893 года, принял с этого года должность агента организуемого здесь отделения Красноярского городского общества взаимного от огня страхования, будучи избран на таковую в декабрьском собрании думы 1910 г.

Само собой разумеется, что здесь руководило мною сознание полезности для домовладельческого населения города осуществления такой общественной организации, какой, по идее, являлись общества взаимного страхования, призванные к жизни Александром II в 1861 году. Материально я терял солидный портфель страхований, приобретенный мною за 18 лет деятельности, и плюс тантьему[1], полагающуюся за благоприятные годы, и мог лишь рассчитывать на переход ко мне прежних страхований, в чем я, как показало будущее, и не ошибся.

Мои старые страхователи убедились в моих доводах о пользе своего общественного страхования и помаленьку стали переходить ко мне, так что за девять лет работы енисейские страхователи имели собственного запасного капитала свыше 6000 рублей, которые, как и сами общества взаимного страхования, были национализированы советским правительством в 1920 году. Эта национализация всех страховых организаций и превращение последних в форму государственного страхования громадную массу страхователей, в том числе и меня, лишила последней надежды сохранить сбережение под старость в форме страхового обеспечения. Лично я был застрахован по смешанному тарифу и в 1921 году доживал срок на получение

[1] Тантье́ма (фр. tantième, «определенная часть») – вознаграждение, выплачиваемое в виде процента от прибыли служащим акционерных обществ, банков, страховых организаций.

Отъ Енисейской Городской Управы

Настоящимъ доводится во всеобщее свѣдѣніе Г.г. обывателей—домовладѣльцевъ, что съ 1 января 1911 года, гор. Енисейскъ вступилъ въ число членовъ Всероссійскаго союза Обществъ городскаго взаимнаго отъ огня страхованія и открылъ отдѣленіе Красноярскаго Общества, агентомъ котораго для г. Енисейска избранъ Городскою Думою гласный и бывшій агентъ Страховаго Общества «Россія»

МИХАИЛЪ ПРОКОПЬЕВИЧЪ МИНДАРОВСКІЙ.

Общество взаимнаго страхованія даетъ возможность домовладѣльцамъ значительно дешевлѣ страховать свои имущества, устанавливаетъ правильный путь скидокъ, уменьшаетъ страховую премію до безплатнаго страхованія въ будущемъ.

Капиталъ, образующійся отъ остатковъ страховыхъ премій, остается въ самомъ городѣ, въ распоряженіи самихъ страхователей, и можетъ быть обращаемъ на противопожарныя мѣры въ городѣ, тогда какъ преміи, уплачиваемыя акціонернымъ Обществамъ становятся дивидентомъ владѣльцевъ акцій.

Удовлетвореніе пожарныхъ убытковъ самое скорое и безспорное, такъ какъ ликвидація производится агентомъ совмѣстно съ самими же страхователями въ лицѣ избраннаго ими комитета.

Каждое лицо, застраховавшее имущество во взаимномъ Обществѣ, становится дѣйствительнымъ членомъ Общества и съ правами голоса участвуетъ въ общихъ собраніяхъ страхователей.

Принципъ взаимныхъ Обществъ зиждется на солидарной взаимо-помощи и за 45 лѣтъ существованія взаимныхъ Обществъ, **не было примѣра неудовлетворенія чьего-либо убытка или ликвидаціи дѣлъ** какого-либо изъ Обществъ взаимнаго страхованія.

Таковы преимущества страхованія во взаимномъ страховомъ Обществѣ.

Городской Голова ***Н. Третьяковъ.***

Секретарь ***М. Миндаровскій.***

Типографія А. Е. Грязнова въ Енисейскѣ

1000 руб. золотом, переменяя полис на золото[е] свидетельство в 2000 руб., выплачиваемые по моему указанию моим наследникам.

В действительности я не только потерял это обеспечение, но у меня пропали все страховые взносы, которые я платил обществу «Россия» с 1896 года по 67 руб. ежегодно. Так позаботилась рабочая власть о судьбе своего же брата-пролетария, к разряду которых подходит наш брат служака, существующий на получаемое жалованье.

* * *

2-го февраля енисейское общество опять понесло невозвратимую утрату. Умер всеми уважаемый и любимый врач Енисейской городской лечебницы Юлий Николаевич Васильев, страдавший какой-то хронической болезнью. Покойный доктор, воспитанник Томского университета, прибыл сюда по вызову в газетах на должность только что открытой в 1896 году лечебницы и все это время состоял в должности заведующего таковой, будучи лишь мобилизован в 1900 г. по китайскому восстанию. Своею отзывчивостью, внимательностью и бескорыстием покойный снискал к себе самые широкие симпатии среди городского населения, приохотил к лечебнице и жителей пригородных деревень, так что рабочий день доктора не имел определенного времени.

Весть о смерти дорогого доктора с быстротою молнии облетела весь город, проникнув и к пациентам его в деревню, и квартира умершего стала наполняться посетителями, желающими выразить последнее прости любимому доктору.

У кого-то из друзей покойного явилась мысль открыть среди посетителей подписку на постановку на могиле доктора приличного памятника, и пока тело покойного лежало

Доктор Юлий Николаевич Васильев. Из фондов ЕКМ.

на столе, подписка дала уже более 300 руб. наличными, а подписывали, кто мог, давали даже гривенник.

Погребальное шествие было необычное. На гроб покойному в квартире возложено было 14 венков, и за телом до Христорождественской церкви, а оттуда до кладбища Абалаковского шло не менее 2000 человек горожан и деревенских жителей. Произнесены были друзьями покойного речи. На литии у квартиры покойного я сказал краткую характеристику деятельности покойного как врача и общественного работника, каковым он был все время, пока жил в Енисейске.

Он был постоянным членом и работником по Обществу попечения о начальном образовании и за свою культурную работу подвергнут был аресту в 1908 году, грозящему даже высылкой из города.

Похоронен Юлий Никол.[аевич] на Входоиерусалимском кладбище среди кедровников, и на могиле его поставлен мраморный памятник, сооруженный на подписные деньги. Краткая надпись: «Врачу-человеку — благодарные граждане» — лучше и красноречивее всего говорит о личности покойного. Умер он 42 лет от роду. Мир праху твоему, дорогой сотрудник и друг!

* * *

19-го февраля состоялось празднование дня 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости. После торжественного богослужения в соборном храме в помещении школы-читальни Баландина состоялось торжественное соединенное заседание городской думы и мещанского общества в присутствии приглашенных начальников отдельных частей и учреждений, на котором выработан был текст приветственной телеграммы на Высочайшее имя и оглашен краткий доклад управы, посвященный этому историческому дню.

Предусмотрительное начальство губернии, озабочиваясь, чтобы на местах не вздумали в этот день вольнодумствовать, заблаговременно озаботилось оградить это и уполномочило быть ответственными распорядителями исторического празднества крестьянских начальников, снабдив их для этой цели соответствующими инструкциями и программою празднества, которой должны руководствоваться и городские самоуправления. Таким обр.[азом], празднование этого дня носило чисто казенный, официальный характер, и у нас дальше щелканья орехов и прогулки по улицам одиночками народное празднество не доходило.

* * *

Бывший старший механик судов казенной флотилии Георгий Вас.[ильевич] Плешков еще осенью прошлого года вошел в городскую управу с заявлением о предоставлении ему в аренду на один год помещения читальни под устройство кинематографа, освещаемого электричеством. По докладу ходатайства Плешкова городской думе последняя отнеслась к такому небывалому еще в Енисейске начинанию с недоверием. Гласный Алексей Мих.[айлович] Бородкин определенно настоял в думе, что если уступать помещение под кинематографические сеансы, то только при условии получения с Плешкова арендной платы вперед за полгода, потому что из всей этой затеи Плешкова ничего не выйдет. Дума согласилась с этим, и здание для вечерних сеансов было отдано просителю на годичный срок с платою 600 руб. за год и платежом вперед за каждое полугодие. Плешков эти условия принял, и с зимы кинематограф уже демонстрировал, привлекая массы зрителей. Словом, дело пошло хорошо, и Плешков оказался не в убытке, как предрекали ему заботливые думцы из толстосумов.

Удачно начатое дело толкнуло предприимчивого механика на мысль оборудовать в городе на первое время хотя небольшую электрическую станцию с водоприемником для эксплуатации его отпуском населению питьевой воды. С этою целию Плешков входит в городское управление с предложением помочь ему в этом деле, гарантировав ссуду в 6000 руб. Это было 2 сентября. Городская дума принципиально хотя и высказалась за желательность иметь такой колодец-водоприемник, но не располагая средствами, да и не доверяя проекту Плешкова, отписалась тем, что попытаться попросить эту ссуду из губ.[ернского] страхового капитала и у Общества взаимного страхования. Затем Плешков, заарендовав у Тонконоговых небольшой паровичок и установив его в деревянном сарае на месте теперешней электрической станции, снова обращается в думу с ходатайством о даче ему концессионных прав в течение десяти лет на устройство электрического освещения. Тем временем годовой срок на пользование читальней окончился, и возобновить контракт дума не пожелала, чем, конечно, приперла инициатора Плешкова к стене, так как другого подходящего для этого помещения нигде не оказывалось, а гласные толстосумы, видя, что дело с кинематографом весьма выгодное, быстро соорудили по Большой улице на усадьбе Бородкиных специальное каменное здание, оборудовали кинематограф под фирмою Дементьева и К°, куда в компанию должен был войти и Плешков, начавший уже вести затраты своих маленьких средств на оборудование электрического освещения на 700 лампочек, пользуясь тем, что дума постановлением 4 ноября ему дала права концессионера. Само собою разумеется, что с потерей собственного кинематографа, дающего хороший

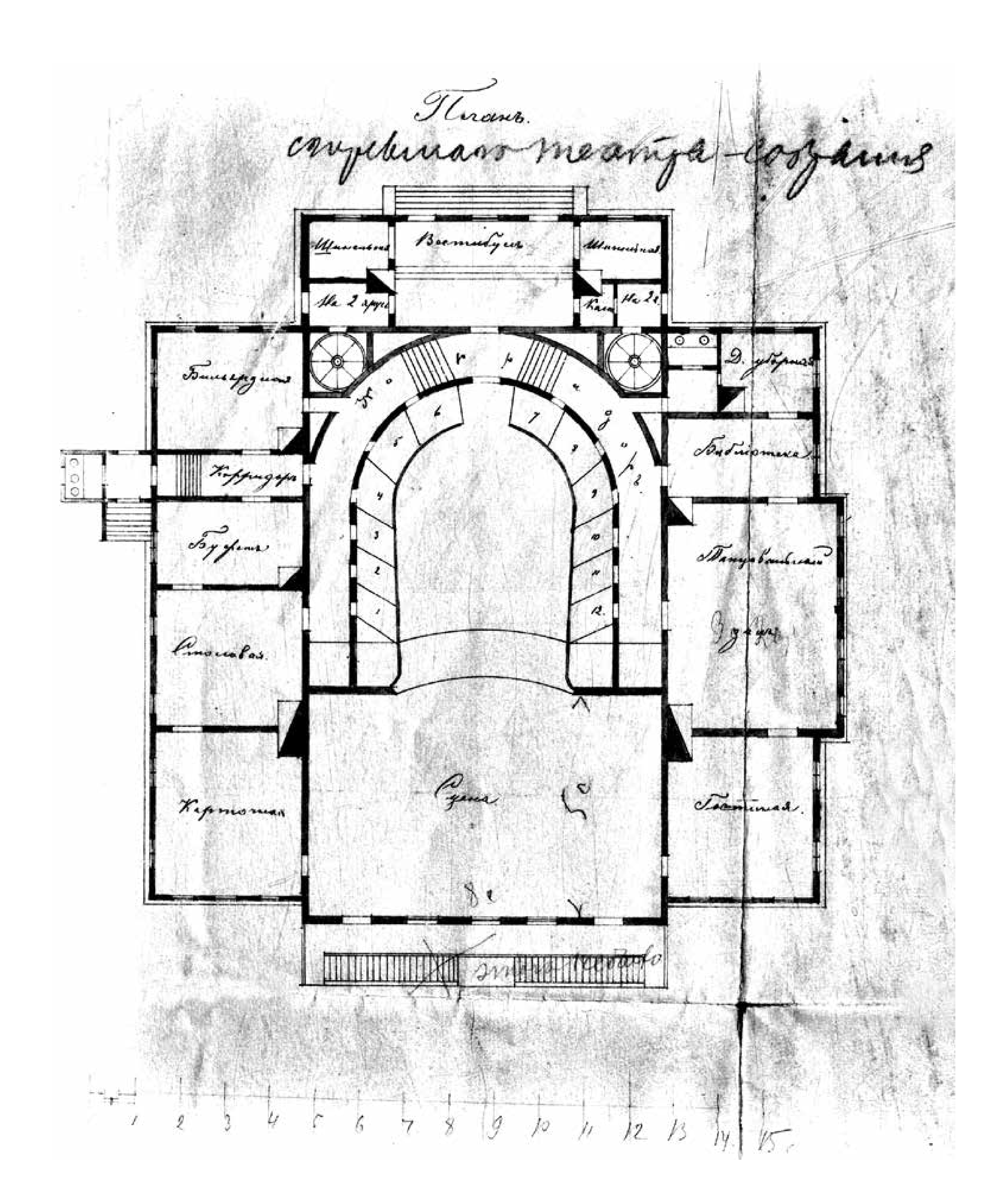
доход, дело по оборудованию электричества, требующее затрат, подсеклось, и Плешков, что наз.[ывается], запурхался. Город, вместо того чтобы помочь благому начинанию и поддержать Плешкова, готового даже начатое оборудование уступить городу, а самому быть в роли инженера-строителя, стал его еще более прижимать. Плешков, что называется, вертится, берет в компанию некоего Рутковского, с которым у него ничего не выкраивается, он начинает нервничать, терять почву под ногами, наконец, заболевает и после продолжительной болезни умирает, оставляя семью в числе пяти малолетних детей и жены без всяких средств к существованию.

Плешков умер весной 1913 года. Так трагически закончилась первая попытка осуществления в городе электрического освещения.

* * *

В первый день праздника Рождества Христова город постигло крупное несчастие. Сгорело громадное деревянное здание театра и общественного собрания, краса и гордость нашего города. Причина пожара — неосторожность прислуги: лакеев и официантов, бросивших, вероятно, непогашенную спичку или папиросу в комнату, где лежали старые афиши и разный хлам на полу, пропитанном керосиновой атмосферой, т.[ак] к.[ак] тут же хранились и посуды с керосином. Пожар начался в 3 часа дня, после разъезда гостей, бывших на взаимном поздравлении, спасти ничего не удалось, так что декорации, обстановка, мебель и библиотека — все сделалось жертвой огня. Ввиду того что с потерей этого дома — убежища и развлечения для многих — утрачены самые дорогие воспоминания о своей молодости и приятном времяпрепровождении, неудивительно станет, что этот пожар произвел тяжелое, угнетающее впечатление. Ведь это был единственный уголок, где приятным светом горела культурная жизнь енисейцев.

Здание это, созданное энергией и, можно сказать, личными средствами местного золотопромышленника В. М. Харченко (см. 1902 год), построено было в 1881 году, и в нем играли довольно видные труппы артистов; доселе, напр.[имер], памятны многим современникам имена антрепренеров Шипилина, Орлова, Ярославцева, Курчаева и многих других. Здесь давали концерты капеллы Гордовского и Славянского, а сколько прошло очень серьезных вещей из любительского репертуара, я уже не говорю. Обстановочная часть театра-сцены также была не из последних для такого маленького городка, как Енисейск. Как сейчас, припоминается мне декорация работы Бобылева — колонный зал или лесная роща, а библиотека собрания, составленная за 50 лет существования собрания, одна она чего стоила. По своему внутреннему расположению комнат здание это не раз было предметом любопытства заезжих провинциалов, проектирующих у себя постройку таких

План сгоревшего театра и общественного собрания. Из фондов ЕКМ.

народных домов-театров. Здание клуба Минусинского пожарного общества построено по плану нашего собрания. Принято рассуждать, что общественное собрание — это есть сборище кутил и картежников, проводивших там долгие зимние ночи, но я не могу согласиться с таким определением. Я тоже имел удовольствие в течение 12 лет быть в числе членов этого собрания, и несмотря на то, что по своему достатку не мог быть буфетным завсегдатаем и никогда в жизни не играл в карты, однако годы, проведенные мною в качестве члена клуба, оставляют во мне и по сие время самое приятное воспоминание лучшей поры прожитого времени.

Были, конечно, и исключения, но никогда не доходило до того, чтобы собрание как вообще учреждение, подчиненное административному надзору, когда-либо подвергалось репрессиям.

Была пора, когда злобу дня в Енисейске имели публичные маскарады (см. Елпатьевского «Очерки Сибири», ст.[атья] «Маскарад в Тайгинске»[2]), устраиваемые в Рождественские святки. Это был своего рода конкурс, на котором изощрялась человеческая мысль и общественная сатира и критика. В эти дни маскарады были столь многолюдны, что толпы гуляющих гостей и масок представляли сплошную массу голов. Для танцев открывалась, помимо зала и гостиной, еще сцена и партер. В новый год продавалось до 1000 входов, не считая членов и их семей, входивших бесконтрольно, число членов, кроме семей их, колебалось от 59 до 70 человек с годовым членским взносом в 15 руб.

Для меня составляло удовольствие: игра на бильярде, беседа с приятелями и чтение газет и журналов, которых собранием ежегодно выписывалось на 200 руб. За чтение, конечно, никакой платы не полагалось. И так скажу в заключение, что приятные годы своей молодой жизни для меня и моей покойной жены тесно связаны с теми отрадными вечерами, в которые мы бывали в стенах сгоревшего театра-собрания.

* * *

В этом году умер в г. Красноярске гласный Красноярской думы и домовладелец Созонт Васильевич Телегин, оставивший по духовному завещанию в пользу Александровского дома призрения бедных детей в г. Енисейске в неприкосновенный капитал этого дома 1000 руб.

Покойный С. В. Телегин — уроженец российский, прибыл в Енисейск как специалист-строитель вскоре после пожара города в 1869 году. Вернее, прибыли отец Телегина с тремя взрослыми сыновьями: Никифором,

---

[2] Елпатьевский С. Я. Маскарад в Тайгинске // Елпатьевский С. Я. Очерки Сибири / 2-е изд. М.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1897.

Созонтом и Александром и четвертым подростком Иваном — и здесь занялись все подрядами по постройке зданий и реставрации старых каменных построек, соорудив для этого строительную артель из плотников и каменщиков. С ними вместе прибыл с семьей их родственник, некто Федоров, как резчик и позолотчик, нашедший здесь себе обильную работу по реставрации церковных иконостасов. Это была пора, как я помню, будучи еще мальчиком, самой лихорадной постройки в городе, всюду пришлось видеть леса, загороди и груды строительных материалов. Удовольствием, небесполезным для дому, я находил собирание леканьев[3] и щеп для топки печей. Вот в эти-то годы прибывшие строители Телегины и сколотили себе приличные средства, обзавелись здесь домиками и стали жить, как местные обыватели, а упоминаемый Созонт Васильевич, бросив подряды, занялся в качестве доверенного купца Фунтосова торговлей железом и проч.[ими] строительными материалами, записавшись впоследствии в сословие купцов г. Енисейска и сделавшись общественным деятелем как энергичный гласный и очень неглупый по своим практическим знаниям человек, о котором я не один раз упоминал в своих записках.

Одно четырехлетие по 1900 год он служил членом управы и заместителем городского головы. Окончив срок службы, он вскоре взял в Красноярске какой-то крупный подряд и перебрался с семьей в Красноярск, где и жил до своей смерти, перенеся туда свою общественную деятельность.

[3] Лека́нья — обрубки бревен (см.: Словарь русских народных говоров. Вып. 16. Л.: Наука, 1980. С. 342).

1912 год

Под своим впечатлением от пожара здания театра-собрания члены его, приютившись на квартиру в нижний этаж дома н[аследни]ков Кытманова по Кедровой улице, стали обсуждать, что предпринять на те 15 тысяч руб., которые получат они от страхового общества в вознаграждение, и остановились на постройке нового здания. Сгоряча была составлена подписка добровольных пожертвований, и уже подписано было несколько тысяч кирпича, плах, тесу и денег. Стали просить городскую думу, чтобы она обратилась к домовладельцу Полякову в Красноярск о пожертвовании им своего места земли на углу Большой улицы и Бассейного переулка против здания читальни, так как старое место сгоревшего здания признавали отдаленным на летнее время, когда общественная жизнь тяготеет к бульвару, и малопоместительным. Дума взяла на себя роль посредника в этом деле (постановление 10 февраля), но только неудачно. Поляков уклонился не только от пожертвования, но даже и от продажи. Пока шла переписка, у членов собрания, предавшихся картам, лото и бильярду (театра и библиотеки теперь не было), постепенно энергия стала остывать, и полученный капитал помаленьку стал убывать в погашение убытков по содержанию квартиры и собранской администрации.

Наконец после долгих сборов и размышлений, чтобы не размотать весь капитал, решили строить здание на старом месте. Составили очень красивый фасад здания, а внутреннее расположение оставили прежнее и приступили к постройке, но это уже был 1915 год, когда шла война и росла дороговизна, денег хватило лишь до основания фундамента и окон подвального помещения, и постройка остановилась, продолжая оставаться и по сие время все в том же положении.

* * *

С уходом с поста иркутского генерал-губернатора Селиванова и назначения на его место егермейстера и тайного советника Князева — человека совершенно противоположного убравшемуся солдафону — у енисейцев снова возникла мысль о создании здесь Общества попечения о народном образовании взамен закрытого по приказу Селиванова в 1908 году. Был выработан устав, а председатель съезда крестьянских начальников Алекс.[андр] Алекс.[андрович] Платонов, энергичный общественный деятель, сжившийся с местным обществом, был уполномочен хлопотать о его зарегистрировании. Все это подготовлено было еще в 1911 году, а ныне 2-го февраля состо-

ялось торжественное открытие общества и выбор президиума, в который были избраны: председательницей — Афанасия Савельевна Михайлова, членом правления — преподаватель Влас Мих.[айлович] Курочкин и секретарем — бухгалтер конторы Тонконоговых Александров Михаил Леонтьевич.

Новооткрытое общество получило в свое ведение от городского самоуправления капиталы предшественника и начало снова свою культурную деятельность, продолжавшуюся до января 1920 года, т.[о] е.[сть] до вступления советской власти, отобравшей средства и упразднившей само учреждение.

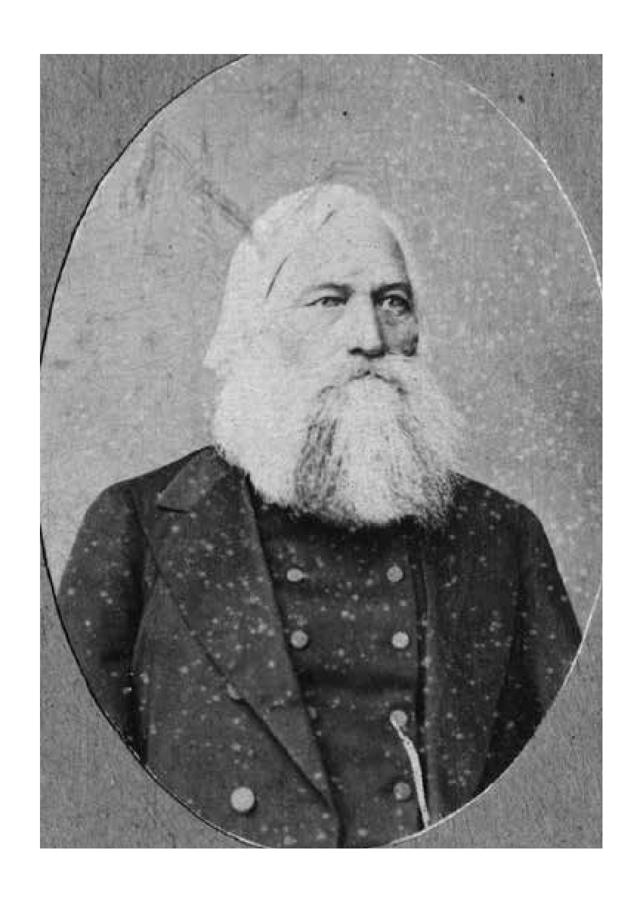
* * *

В то время как общественный ум сибиряков работал над разрешением вопросов, касающихся поднятия экономической мощи страны, чины Томского переселенческого управления занялись измышлением колонизационного устройства своих переселенцев. И вот совершенно неожиданно выплывает из недр этого ведомства серьезный проект соединения железной дорогой магистрали от ст. Ижморская с р. Чулымом в судоходной его части приблизительно у с. Зырянского, т.[о] е.[сть] неподалеку от Мелецка, на которое и далее на Ачинск мечтал и хлопотал провести жел.[езную] дорогу Енисейск, последнее ходатайство которого возбуждено было в 1910 году.

Зная по опыту, что в высших сферах не столько прислушиваются к голосу местных людей, сколько верят своим чиновникам, один из случайных жителей г. Томска, некто этнограф и литератор Василий Иван.[ович] Анучин, поднимает в местной сибирской прессе кампанию против проекта переселенческого ведомства и выдвигает свой контрпроект — это железную дорогу Томск — Чулым — Енисейск, по пространству хотя и длиннее переселенческого, но зато не только обслуживающий местные колонизационные нужды переселения, а захватывающий торгово-промышленные интересы целого края, так [как] с осуществлением этого проекта открывается связь с Северно-морским путем по Енисею, грузы которого пошли бы этой дорогой на магистраль.

Вскоре я получаю от инициатора этого проекта В. И. Анучина, личного моего знакомого во время высылки его в Енисейск, письмо с предложением мне как гласному лично поддерживать этот проект и разъяснять значение этого проекта для будущности Енисейска. В то же время Анучин пишет аналогичное предложение и городскому голове Енисейска, и, кроме того, с этим же обращается к нему и томский городской голова И. М. Некрасов.

По соображениям дипломатического характера оспаривание проекта переселенческого ведомства требовалось начать дружно, со всех концов,

Павел Егорович Фунтосов. Из фондов ЕКМ.

чтобы успеть опередить и затормозить ход дела, начатого Томским переселенч.[еским] управлением.

И действительно, печать и голос местных людей на этот раз возымели свое действие. Проект переселенческого управления как имеющий узко колонизационное значение в сферах Петербурга был отклонен, и на сцену выступил проект Анучина.

Узнав об этом обстоятельстве, а главное, о том, что проект томичей поддерживает и Енисейск, заволновался и Ачинск, который до этого, когда Енисейская дума подавала свои петиции о проведении дороги Ачинск — Енисейск, что называется, и усом не пошевелил. Теперь ачинский городск.[ой] голова вкупе с управлением Ачинск-Минусинской дорогой, уже начинавшей тогда строиться, начинает убеждать Енисейск о предпочтительности для него направления дороги на Ачинск как пути, соединяющего в будущем Северно-морской путь с границами Монголии. Словом, «не было ни гроша, да вдруг алтын».

Когда именитые в свое время граждане Енисейска П. Е. Фунтосов и В. М. Харченко своим рекогносцировочным исследованием пути на Ачинск доказывали предпочтительность его пред возникшим тогда знаменитым в истории нашего края Обь-Енисейским каналом, то голос Енисейска в их лице, а также и в лице думы был одинок, ему не вняли петербургские боги, и миллионы народных денег были брошены на ветер, а грузы, направлявшиеся тогда через Енисейск в западную сторону, по-прежнему тащились «гужом» по Староачинскому тракту, пока не появилась Сибирская магистраль, изменившая положение дела. Ачинск был инертен тогда к нуждам своего собрата, а когда теперь появился ему такой солидный конкурент, как Томск, он зашевелился, и притом серьезно и основательно, так

как, действительно, если рассматривать дорогу чрез Ачинск, соединяющую юг Сибири с Ледовитым морем, то, выходит, этот вариант будет солиднее, чем Томск — Енисейск, к тому же он не нарушает и интересов Томского переселенческого управления, сталкивающихся у Чулыма.

К довершению всего в Енисейск обращается, это было уже в апреле 1914 года, Мариинский городской жел.[езно]дор.[ожный] комитет и с картою в руках и цифрами в кармане просит поддержки Енисейска (какой авторитет) в его ходатайстве о проведении соединительной ветки Мариинск — Золотой [К]итат и Тутальское как расширяющей интересы городов Томска и Енисейска и не умаляющей значения дороги на Ачинск. Словом, Томское переселенческое управление и Анучин разожгли страсти, дремавшие в головах сибирских обывателей, и всевозможные варианты дорог сделались модной темой этого дня, пока появление злополучной войны 1914 года не нанесло удар всем благим начинаниям, а наступившее новое десятилетие в своем начале не побило окончательно весь экономический расцвет сибирской жизни, подававшей уже некоторые ростки.

Здесь я коснулся лишь истории того момента, который послужил темой к разрешению такого серьезного вопроса, как пути сообщения в Сибири. Желающих ознакомиться подробно с этим отсылаю к материалам, сохранившимся у меня от архивного разгрома и заключающимся в деле № 46 Енисейской город.[ской] управы за 1912 год о железной дороге[1], а также и к сибирской прессе этого времени (см. «Сиб.[ирские] вопросы» № <…>[2]). Кроме всего этого есть карты, хранящиеся в библиотеке местного музея.

Говоря о жел.[езно]дор.[ожных] проектах, я не могу не коснуться маленькой детали, характеризующей щедрость наших толстосумов и отцов города, среди которых были люди с миллионными средствами.

Когда пред лицом думы в заседании 23/27 марта 1912 года встал вопрос об изыскании сначала 9, а затем только 6 тысяч р. как доли участия города в ж.[елезно]д.[орожных] изысканиях и составлении экономической записки (книга «Район ж.[елезной] д.[ороги] Томск — Енис.[ейск] в экономич.[еском] отношении»[3]), то почтенные коммерсанты, несмотря на то что все они кровно заинтересованы были в этом деле, стали отваливать по сотне руб., не более, а гласный думы Иван Иванович Хнюнин, торговец средней руки, будучи на собрании мещанского общества и поддавшись общему настроению и обещанию, приняв на себя инициативу собрать 5000 руб., ухи-

[1] Дело о ж.[елезной] д.[ороге] передано в музей в 1925 году. — *Прим. Миндаровского.*
[2] Пропуск в тексте.
[3] Район железной дороги Томск — Енисейск в экономическом отношении: с картой и 24 рис. / [сост.: И. И. Майнов, В. И. Щедритский, И. Г. Фрейдин]; сост. под общ. ред. П. П. Червинского; [предисл. И. И. Майнова]; печатается на средства Томск. и Енисейск. гор. управлений. — СПб.: тип. т-ва «Наш век», [1914].

трился подписать эту сумму в подписной лист и внести пока недобранные из своих денег в твердом расчете собрать с лиц, обещавших свои доли. Собранные 6000 р., конечно, были переведены в Томск немедленно, а бедняге Хнюнину так и пришлось поплатиться своими кровными, недобранными по подписке с лиц, обещавшихся уплатить. Сожалею, что не знаю, кто эти хвастуны, а то бы не мешало приложить здесь списочек таковых.

* * *

Постановлением городской думы 11 ноября 1896 г. свободные от застройки усадебные земли, входящие в селитебную площадь города, расценены были по 10 коп. за квадр.[атную] саж.[ень], чем управа и руководствовалась при назначении торгов на заявляемое к покупке под застройку место. Теперь начальник губернии, наткнувшись случайно на одно торговое производство и усмотрев, что место земли продано значительно дороже полтинника за сажень, вывел из этого заключение, что экономическое положение города улучшается, и предписал пересмотреть прежнюю расценку и ее изменить в сторону повышения.

Был такой случай, который и натолкнул губернатора написать в управу свое предложение. В управе продавался клин, оказавшийся свободным городским местом, соприкасающимся с местом двух соседей — Брязговой и Банникова, — в количестве 108 кв.[адратных] саж[еней]. Само собой разумеется, что соревнование между двумя лицами на участок, который был уже засеян под огород Банникова, должно было вызвать вполне естественное в данном случае повышение цены на участок, и проданный участок обошелся в 46½ к. за кв.[адратную] сажень, и этот случай городская управа, сопровождающая предписание г-[убернато]ра своим докладом, называет исключением.

По мнению управы, «один-два случая такой покупки в течение последних пяти лет не дают никаких оснований к увеличению оценки селитебных мест, предназначенных под постройки. Если все обывательские обгоревшие места пустуют, образуя целые кварталы и не находя покупателя, кому же нужны городские земли, и притом на окраинах, заливаемых в половодье водой», и действительно, при солидном экономическом состоянии городов земельная рента усадебных земель измеряется не гривенниками и полтинниками, а рублями и десятками, как, например, в Красноярске после проведения ж.[елезной] д.[ороги], и предложение губернатора в данном случае не более как лишний штрих своеобразной бюрократической заботливости к нуждам городов, коих их заставили опекать, разумеется, дума согласилась с доводами управы и предложение вежливо отклонила.

Извѣщеніе.

Въ память 200-лѣтней годовщины Полтавской побѣды, въ залѣ Енисейской мужской гимназіи, 3-го мая сего года, въ 1 часъ дня, назначается торжественное собраніе для историческаго воспоминанія о семъ славномъ событіи.

Г.г. родители учащихся приглашаются почтить собраніе своимъ присутствіемъ.

Директоръ Гимназіи К. Александровичъ

* * *

«Аппетит разыгрывается во время еды», — говорит пословица, и это бывает в иных случаях. Всего два года назад город уступил для нужд мужской гимназии участок земли между церквами и бульваром под устройство садика и гимнастического городка. Теперь директор гимназии Френкель снова обращается к городскому управлению с ходатайством об уступке ему под постройку гимнастического зала части двора полицейской части или городской управы, которая уже ранее сего была уступлена гимназии. На это гор.[одская] дума уведомила просителя, что все, что мог город дать из имеющегося в его распоряжении земельного участка, он уступил гимназии и при всем своем желании идти и далее навстречу нуждам гимназии, к сожалению, не в силах.

Действительно, земельный участок, на котором построена гимназия, недостаточен для того, чтобы развернуть на нем все нужные приспособления соответственно потребностям времени, но податься для этого совершенно некуда, ибо с боков — существующие и необходимые постройки пожарной и полицейской частей и здание городского управления, двор которого уже отдан под огород гимназии, а сзади — проезд, который уничтожать никаким образом нельзя, и, казалось бы, почтенному директору это должно быть известно, но причина к попрошайничеству свойственна многим учреждениям, смотрящим на городские самоуправления, как на дойных коров.

* * * [4]

12 января этого года вступил в действие Высочайше утвержденный устав о городских общественных банках, на который пришлось перейти и нашему общественному банку. Этот переход совпал со смертью директора банка Александра Степановича Борзецова, служившего в то же время и в составе гласных. За время своей сравнительно недолгой службы на должности директора А.[лександр] С.[тепанович] первый положил начало введению текущих счетов и кредитному слиянию с другими иногородними банками. Вообще этот гласный, человек еще сравнительно молодой, был полезный для города гражданин. Как конторщик по специальности он постоянно где-нибудь участвовал в качестве члена ревизионной комиссии, в думе ли, в Обществе ли попечения о народном образовании или Об-[щест]ве пособия бедным. В особенности деятельным и полезным он был в качестве охотника Добровольного пожарного общества и участника при тушении пожаров. Но подкравшаяся болезнь подкосила и этого крепкого богатыря. Вместо него на должность директора банка избран был в заседании думы 17 мая местный старожил, бывший енисейский уездный казначей Константин Вячеславович Пестяков, служивший потом вплоть до национализации банка советской властью в 1920 году. За этот период времени общественный банк значительно расширил свои обороты, в особенности по текущим счетам со своими клиентами и по взаимоотношениям с другими иногородними банками.

Вообще введение нового устава банка дало значительный толчок развитию операций банка, чем и воспользовались последние директора Борзецов и Пестяков, при которых занятия в банке стали ежедневными, а не два раза в неделю, как существовало в прежние годы.

---

[4] В начале этой страницы у Миндаровского проставлен заголовок «1912 год».

Енисейская пожарная команда старого образца. Сидят члены городского управления и пожарного общества. 15 июля 1912 г. Из фондов ЕКМ.

* * *

В этом году произведены значительные улучшения в составе енисейской городской пожарной команды и в самом обозе ее. Толчком этому послужили 200 руб., ассигнованные ежегодно правлением Красноярского общества взаимного от огня страхования на улучшение пожарного дела в городе. Прежде всего приглашен был на службу брандмейстер — инструктор пожарного дела Р.[оман] Е.[вгеньевич] Высоцкий[5], работавший до этого в г. Красноярске, под руководством которого произведены были переделки в самом обозе, бывшем до этого крайне громоздким и устарелым. Облегчены бочешные хода, введена усовершенствованная упряжка лошадей, сокращающая выезд обоза до одной минуты после тревоги, переменены лошади. В состав команды введены были соответств.[ующие] дисциплины (фронтовое обучение и практические приемы к огнетушению). Установлена соответствующая дисциплина и заведена была форма обмундирования. Средства на все эти нововведения изысканы были путем вербовки местных граждан в члены Добровольного пожарного общества, подпискою по подписным мотивам и устройством лотереи-аллегри. Подробно все это можно видеть в печатном отчете правления Добровольного пожар-

[5] У Миндаровского — «Р. И. Высоцкий».

ного общества за 1913 год, при сем приложенном[6], и моей статье, напечатанной в № <...>[7] издаваемой в 1917 году газеты «Голос момента» или в «Вестнике Красноярского городского общ.[ественного] самоуправления» № 12 за 1916 год, стран.[ицы] 44–49[8].

Должен сказать, что в этом случае обремененному в расходах городу помогли энергия, настойчивость членов заново и по новому уставу сорганизовавшегося Добровольного пожарного общества, в особенности отдавшиеся этому делу председатель правления Иван Иванович Хнюнин и брандмейстер Высоцкий, при денежной поддержке этому как Общества взаимного страхования, так и самих граждан города. Налаженное дело шло в образцовом порядке до революционных дней 1917 года, когда дисциплина и самое отношение к делу со стороны пожарников сошли на нет, как и всё прочее.

* * *

Произведенные в 1910/[19]11 годах инструментальные исследования и нивелировка местностей, нанесенных на план, составленный вольнонаемным гласно-поднадзорным землемером М. С. Васильевым, показали, что болото, находящееся в южной части города, через которое проходит зимняя и летняя дороги в дер. Горскую, по уровню выше города почти на 4 аршина, и при желании и небольших затратах на дренирование вся вода могла бы быть спущена в истоки р[е]ч.[ек] Мельничной и Бойничной, а по образовавшейся релке великолепно можно провести новую дорогу в д. Горскую, как показывает на плане просека, пройденная Васильевым. Это обстоятельство побудило одного из жителей города, а именно Афанасия Констант.[иновича] Полынцева, войти с докладом в городскую думу об устройстве новой дороги силами арестантов, так как местный тюремный комитет арендует у Горской землю и, следовательно, близко заинтересован в устройстве такой дороги, и возможно, что тюремный комитет при содействии городского общества что-нибудь и предпринял бы в этом отношении, если бы не вставший на сцену проект железной дороги, на который возложили все мечты и упования енисейцы, и в особенности в том, что прокладка дороги, идущей вариантом своим на дер. Горскую, сама по себе осушит всю эту местность, не только одно горское болото. Так с этими мечтами мы и по сие время шлепаемся в этом болоте, не переставая думать, что «вот приедет барин, барин нас рассудит».

---

[6] Отчет правления Енисейского добровольного пожарного общества за 1913 год. Енисейск, Типография А. Е. Грязнова, 1914. Помеще в первую тетрадь записок Миндаровского между л. 214-215.

[7] Пропуск в тексте.

[8] Миндаровский М. Гор. Енисейск в пожарном отношении // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1916. № 12–13 (21 июля). С. 44–49.

* * *

3-го мая умер старожил Енисейска Прокопий Димитриевич Ларионов (по уличному прозванию Кошутин). Покойный старичок был совершенно почти неграмотный человек, с трудом подписывающий свою фамилию, был, однако, заметной величиной в городе как благотворитель на церковные нужды своего приходского храма Св.[ятой] Троицы, где и похоронен.

Пр.[окопий] Дим.[итриевич] не чужд был и общественности: как состоятельный человек он был много лет попечителем начальной школы и школы Иверского монастыря, здание для которой выстроено на его средства в ограде монастыря. Служил он также гласным думы, т[оварищем] директор.[а] обществ.[енного] банка, заместителем городского головы и заседателем дореформенного городов.[ого] суда.

* * *

В заседании думы 2 августа доложен и утвержден был план отводимого городом пространства земли в районе устья р[е]ч[ки] Мельничной, начиная от большого моста по Большой улице параллельно склонам речки по обе стороны, включая сюда и казенные механические мастерские, и гриву, окаймляющую речку со стороны реки по направлению к Каштаку. Все это пространство уступалось городом управлению округа путей сообщения под устройство затона для отстоя судов, если эта местность и речка окажутся удобными и безопасными для этой надобности. В условие было включено, чтобы управление округа не препятствовало и отстою частных судов, какие будут иметься на зимовке.

* * *

Ограниченный оклад жалованья врачу лечебницы всего 600 руб. в год, которыми довольствовался покойный Ю. Н. Васильев, несмотря на вызовы и публикации, печатаемые в газетах, не соблазнил, видимо, никого. Поступавший было врач Кыштымов своим поведением и отношением к своим пациентам не оправдал себя и уехал, так что вакансия врача стала снова свободной, и заведовал ею временно подневольный врач Шпиндлер, который тоже не думал оставаться работать в Енисейске. Чтобы довести оклад врачу хотя бы до 1200 руб., не обременяя кассу города, и без того перегруженную, городская управа придумала такую комбинацию: так как отчетные данные о посещаемости лечебницы показывали, что половина пациентов являются жителями пригородных деревень: Верхнепашенной, Нифантьевой, Владыкиной, Ожеговой, Телкиной, Борков, Озерной, Кочневой, Горской и т. п., медицинская помощь которым по закону о земских повинностях в Сибири должна относиться на счет денежного земского сбора, — то управа предло-

жила думе возбудить свое ходатайство в порядке 102 ст.[атьи] Гор.[одового] пол.[ожения] о возмещении из земских сумм губернии половинной части расходов по содержанию лечебницы, что без хозяйственных затрат на лечебницу выражается примерно в сумме 720 руб. ежегодно.

Разумеется, дума согласилась с этим вполне законным соображением и возбудила об этом ходатайство чрез губернатора, и вот в заседании думы 2 августа заслушан был довольно лаконический ответ врачебного отделения о том, что ходатайство города отклоняется. Просто и ясно. «Когда нечего сказать, то и да хорошо», — говорит пословица, вот ею, видимо, и воспользовались почтенные губернские администраторы, чтобы что-нибудь ответить надоедливому городу.

* * *

11 сентября в той же думе обсуждался доклад врача, временно заведовавшего лечебницей, г. Шпиндлера, о полезности открытия при лечебнице аптеки с вольной продажей лекарств, о чем до этого писал в своих отчетах и покойный врач Ю. Н. Васильев, и дума даже делала попытку к устройству такой аптеки, однако существовавшее тогда законоположение определенно говорило, что коль скоро аптека с вольной продажей, тогда заведующее ею лицо должно иметь ученую степень провизора, а помощником ему — лаборант со свидетельством аптекарского помощника. При таком положении дела появлялось опасение, что в Енисейске существование двух аптек с большими затратами на администрацию пользы не дадут. Чтобы определенно выяснить это, городская дума на этот раз постановила организовать особую комиссию из гласных Ал. Мих. Бородкина, А. Е. Грязнова, Д. А. Орлова и меня, с тем чтобы комиссия эта, собрав компетентных в этом деле лиц, всесторонне разработала этот вопрос и результат доложила думе. Потом комиссия эта при участии врачей и приглашенного провизора местной аптеки и случайно находившегося в городе лаборанта обсуждала это, делая всевозможные выводы, и наконец списалась с одним провизором из России, неким Колпакчи, который в посланном докладе утверждал, что городская аптека при добросовестной постановке и ведении дела быстро привлечет к себе покупателей и убьет частного предпринимателя и что убыточной она никогда не будет, но только на первое оборудование ее потребуется капитала до 5000 рублей согласно составленной Колпакчи смете. Ввиду того что в тот момент город никакими средствами не располагал, вопрос об аптеке так и повис в воздухе.

* * *

16 октября в заседании думы заслушано и принято к сведению извещение начальника губернии о том, что ходатайства города о сложении с него

налогов и недоимок казне по содержанию учебных заведений и городской и уездной полиции отклонены в Петербурге. Это, конечно, обычная отписка на все бумажные петиции, посылаемые почтой, вместо того чтобы представителю думы или управы ехать туда лично и там добиваться разрешения этих ходатайств в удовлетворительном смысле. Но на это надо иметь про запас деньги, потому что «сухая ложка рот дерет», а вот для этого-то никто из отцов города раскошелиться не хотел, на шермака же ничего не выходит.

* * *

Тогда же в думе в присутствии прибывшего в Енисейск инспектора судоходства по р. Енисею г. Великанова обсуждался вопрос относительно отдачи М-[инистерст]ву пут.[ей] сообщ.[ения] в вечное владение одного из двух участков земли под устройство затона для зимовки судов, рейсирующих по Енисею. Такими участками, по предположению министерства, являются устье р[е]ч[ек] Мельничной и Лазаревки или протоки у городского острова; об условиях, на которых город мог бы отдать эти земли, господин Великанов и просил сообщить ему. Ввиду того что указываемые участки, наприм.[ер] остров и луга по протоке, эксплуатируются и приносят городу доход, хотя и невеликий, которого тогда придется лишиться навсегда, то городская дума, прежде чем вынести сейчас какое-либо постановление, приостановила выносить свое решение до собрания в управе справки, а затем по возобновлению своего заседания, приняв в соображение, что доход с лугов, прилегающих к протоке, и самый остров за последнее десятилетие дали в среднем по 450 р. 60 к. за год, доход с р.[ечки] Мельничной, получавшийся за зимний отстой судов, за то же время выразился в 115 р. 30 к. Исходя из этих соображений, городская дума постановила: за отчуждение участка в р[е]ч[ке] Мельничной назначить 25 коп. за кв.[адратную] саж.[ень], а за остров с протокой — по 2 руб. за саж.[ень], о чем и было сообщено инспектору.

Затем 19 ноября опять обсуждала дума старый и всем надоевший вопрос о делении берега реки на платные и бесплатные пристани, ввиду того что губернское по городским делам присутствие на основании 388 ст.[атьи] Уст.[ава] пут.[ей] сообщ.[ения] изд.[ания] 1857 г. говорит, что город, хотя бы и к материальному ущербу своей кассы, обязан выделить из пристанской линии удобную и достаточного протяжения часть ее для бесплатного пользования судоходами.

Чтобы отвязаться от этого и не идти вразрез с новым инспектором судоходства, человеком, в противовес Бенцелевичу благосклонно относящимся к нуждам города и идущим даже навстречу желаниям города, дума на этот раз постановила: «Отвести под бесплатные пристани прибрежный

Взвоз с берега у Богоявленского собора, конец XIX века. Из фондов ЕКМ.

участок по р. Енисею вниз от церкви Преображения Господня на пространстве 40 сажен по длине берега». На этом спор о береге был покончен навсегда.

* * *

При обычном, раз в год, рассмотрении думою смет подведомственных учреждений и на этот раз городск.[ие] гласные, рассматривая смету содержания городского банка, встретились с ходатайством бывшего до Борзецова директором банка Я. Е. Башурова, ходатайствующего о назначении ему пожизненной пенсии как человеку престарелому. Должен сказать, что Яков Ефремович был уже человек весьма преклонного возраста и на своем веку немало поработал по мере своих сил и умений на пользу общества.

Когда-то Башуровы были в городе людьми состоятельными, вели сырьевую и рыбную торговлю с Туруханским краем, но затем с течением времени дела их сократились, и последнее время Я.[ков] Е.[вгеньевич] служил в общественном банке сначала товар.[ищем] директора, а затем

директором. Покойный теперь Я.[ков] Е.[вгеньевич] имел золотую медаль за долголетнюю службу старостою в Успенском храме и много похвальных отзывов о своей общественной деятельности и всегда очень этим гордился. Бывало, сидишь и беседуешь с ним где-нибудь за стаканом чая, с удовольствием слушая его рассказы, как и с кем он работал прежде в городовом суде, словесном суде, в думе, где он был несколько лет гласным, как спасали они ценности общест.[венного] банка в пожар 1869 года, а сам видишь, что в этих задушевных рассказах чувствуется душевное наслаждение рассказчика об исполненной им пред родным городом работе, и притом работе бесплатной по тем временам. За последние годы Як.[ов] Ефр.[емович] уже устарел для общественной работы и непригоден был для реформаторской деятельности, какой требовали условия современной жизни, и чем служить по старым дедовским традициям, городу вы[го]днее поощрить старика назначением пенсии, что дума и сделала в заседании 19 ноября, назначив старому служаке 120 руб. в год. Я. Е. Башуров умер в 1917 году.

1913 год

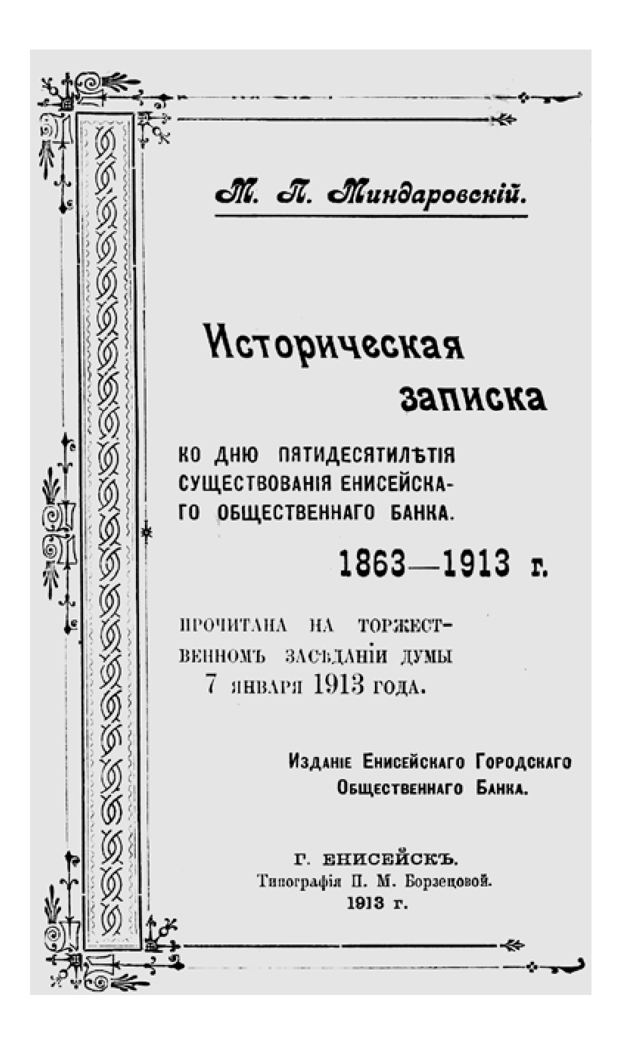
Начало этого года ознаменовывается в общественной деятельности городского самоуправления торжественным празднованием дня 50-летия существования Енисейского общественного банка. После торжественного молебствия в 7-й день января м[еся]ца в помещении банка состоялось торжественное заседание городской думы, на котором я прочел составленную мною историческую записку, посвященную дню этого пятидесятилетия, изданную потом банком в виде печатной брошюры, а директор банка К. В. Пестяков внес предложение в ознаменование как этого дня, так и приближающегося 300-летнего юбилея царствования дома Романовых образовать при банке особый фонд из доходов его для вспомоществования учащимся в средних учебных заведениях г. Енисейска и высших курсов г. Томска. В ознаменование этих исторических дней доклад этот принят был думою в уважение отчислением из доходов ежегодно 5% на вспомощ.[ествование] учащимся из местных уроженцев.

После окончания заседания присутствующие были приглашены на обед, устроенный банком в честь этого события. Обед прошел очень оживленно, на котором вспоминалась деятельность умерших уже банковских деятелей и вставанием чтилась память их. Были также и заздравные тосты за высших властей и правителей. Участвовали на обеде кроме думы представители правительственных учреждений, благочинный и некоторые из лиц торгового класса.

* * *

Пользуясь тем, что теперь городские земли приведены в известность, нивелированы и что за последние годы со стороны ведомства земледелия и государственных имуществ стало заметно стремление к развитию земледельческой культуры в стране и даже есть закон о так наз.[ываемом] мелиоративном кредите, отпускаемом на обработку и приведение земель в культурное состояние, я вошел в городскую думу с предложением поднять вопрос о приведении заболоченных площадей в пределах городских земель в культурное состояние и для предварительной подготовки материала к такому ходатайству города воспользоваться трудом находящегося в Енисейске гласно-поднадзорного агронома Михайлова, соглашающегося исполнить эти работы за 70 руб. вознаграждения.

По докладу моего проекта городской думе последняя в заседании 15 января этого года предложение мое хотя и одобрила, но практически ника-

М. П. Миндаровскій.

Историческая записка

КО ДНЮ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ ЕНИСЕЙСКАГО ОБЩЕСТВЕННАГО БАНКА.

1863—1913 г.

ПРОЧИТАНА НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЗАСѢДАНІИ ДУМЫ 7 ЯНВАРЯ 1913 ГОДА.

Изданіе Енисейскаго Городскаго Общественнаго Банка.

Г. ЕНИСЕЙСКЪ.
Типографія П. М. Борзецовой.
1913 г.

Миндаровский М. П. Историческая записка ко дню пятидесятилетия существования Енисейского общественного банка, 1863–1913 гг.: прочитана на торжественном заседании Думы 7 января 1913 года. Енисейск: Типография П. М. Борзецовой, 1913.

ких решительных шагов к этому не сделала, проще говоря, управа, всегда стесненная в средствах, не отпустила просимых 70 руб., и вопрос о мелиорации остался открытым.

* * *

20-й и 21-й дни февраля были торжественными днями празднования 300-летия существования царствующего дома Романовых. Еще ранее сего от губернии последовали программные предложения городским управлениям отметить этот день общеполезными начинаниями и устройством особых народных празднеств.

Программа празднования этого дня в Енисейске была выработана в Обществе попечения о народном образовании и утверждена и выполнена в следующем порядке: 20-го февраля в местном соборном храме состоялась панихида о всех почивших царях из дома Романовых, а 21-го — тор-

Группа участников юбилейного спектакля «Жизнь за царя» енисейских мужской и женской гимназий. Юбилейный альбом в память празднования гимназиями трехсотлетия царствования дома Романовых. 21 февраля 1913 г. Из фондов КККМ.

жественная литургия и молебствие о благоденствии династии и государства, а вечером — иллюминация города и состоявшееся при благоприятной погоде народное гулянье, заключавшееся в показывании туманных картин на Соборной площади и пускании ракет и фигур с набережной бульвара.

На расходы пришлось управе отпустить 100 руб., которые и употреблены были на устройство дня празднования и на бесплатный обед, устроенный в этот день в столовой Общества пособия бедным для нищих и неимущих.

* * *

13-го февраля состоялось думское постановление об установлении при городской пожарной команде штатной должности брандмейстера с ассигнованием на жалованье ему 600 руб. при условии получения пособия из сумм Добровольного пожарного общества. Брандмейстером принят служивший в роли инструктора пожарного дела г. Высоцкий.

* * *

В том же собрании думы обсуждалось мое предложение думе ассигновать в жалованье врачу лечебницы цифру 1800 руб. в год, иначе лечеб-

ницу впору закрыть, так как желающих пойти служить на меньший оклад не найдется, потому что должность врача лечебницы как вольнонаемная никаких преимуществ под конец службы, в виде пенсии напр.[имер], не дает, а потому второго альтруиста Васильева нам не найти.

Как нельзя кстати в это же время поступает в думу заявление только что приехавшей в Енисейск женщины-врача Елены Христофоровны Климиной-Поповой, супруг которой, молодой адвокат, находился здесь в административной ссылке и в непродолжительном времени кончал срок ссылки. Она соглашалась занять пустующую вакансию за 1200 руб. в год. Но ввиду того что у некоторых из гласных имелся в виду свой кандидат, это оканчивающий Томский университет некто Григорьев — сын священника Христорождественской церкви, много лет служащего в городе, — которым уже официально было заявлено о своем желании занять это место, как только выдержит свой повторный государственный экзамен. Заявленная кандидатура Григорьева вызвала среди гласных в думе много разговоров и являлась конкурентом Климиной, а меня этот день заседания обрек в подозрение у гласных как неблагонадежного в политическом отношении, и вот по какому случаю.

Ввиду распространившейся в то время по городу скарлатины и недостатка врачей в городе я высказался за немедленное принятие Климиной на должность врача лечебницы, ибо этим мы приобретаем себе впервые женщину — врача-акушера, так как из документов ее видно, что она слушала родовспомогательные курсы гинекологического института, а при существовании в лечебнице приемного покоя для родильниц и значительного процента женщин-магометанок в городе, да и русских, стесняющихся услуг врача-мужчины, наличие в городе женщины-врача является только желательным.

Совсем другой вывод из моих слов сделали некоторые гласные. Зная, что я лично знаком с ее супругом, имеющим звание помощника присяжного поверенного, я, значит, хлопочу пристрастно, желая провести явно неблагонадежную в ущерб кандидатуре ультрапатриота своего города, каким слыл среди значительной части населения Григорьев, второй уже год добивающийся получить диплом врача, но еще не получивший его. Я бы здесь не привел этого сравнительно ничтожного инцидента, если бы это ограничилось только одними думскими разговорами и выводами, но суть-то в том, что одним из гласных, имени которого из уважения к его памяти я не назову, было послано губернатору в этом духе заявление, которое и отразилось на мне, усугубив и без того негласно ведущееся за мной наблюдение администрации как последствие моего ареста в 1908 году.

Хотя Климина-Попова и была принята думою на должность врача лечебницы, но служба ее не была продолжительной. Вскоре же, спустя каких-нибудь месяца два или три, Климину арестовывают и сразу же увозят в Красноярск неизвестно по какому делу, а там, продержав немного в тюрьме, освобождают, но без права быть на общественной службе. Более Климина, начавшая было привлекать к себе симпатии публики, сюда уже не возвращалась.

* * *

На съезде золотопромышленников северной тайги, происходившем в феврале м[еся]це этого года в Енисейске, я сделал доклад о железнодорожном строительстве и просил съезд поддержать ходатайство города о необходимости приобщения его к железнодорожной линии, куда бы эта линия ни направлялась, безразлично. Важно то, чтобы убедить правительственные сферы в том, что грядущее осуществление Северно-морского пути неминуемо должно вызвать крайнюю потребность существования такой дороги от Енисейска, потому что мелководье плеса реки между Енисейском и Красноярском не дает возможности передвижения всего количества грузов, какие будут совершаться при развитии торговых сношений Европы с нашей страной.

Съезд согласился с моими доводами и вынес постановление о поддержке ходатайства города о железной дороге.

* * *

Еще в минувшем году я внес в думу свое предложение приобрести покупкою в собственность дом братьев Гавриила и Алексея Ефимовичей Грязновых под помещение в нем конторы и кладовых ломбарда, ибо здание это как нельзя более отвечает этому назначению по своей прочности, удобству и безопасности в пожарном отношении и владельцы не прочь продать его недорого и на льготных условиях. Каменный же дом, где размещен был ломбард, начинает разваливаться и небезопасен для такого публичного учреждения, каким является ломбард (набережная Гостиного ряда). Городская дума, в принципе соглашаясь с моим предложением, избрала особую комиссию из гласных, в которую вошел и я, и комиссии этой поручила всесторонне обследовать и выяснить вопрос как о возможности дальнейшего пребывания ломбарда в этом здании, так и в отношении цены и условия покупки грязновского дома и какие вызовутся расходы в этом отношении.

В этом году договорные соглашения с Грязновыми состоялись. Дом с местом земли и надворными постройками приобретен за 10 000 руб. на условиях выплаты их по 2000 руб. каждогодно.

* * *

Недостатки отживавшего свой век Городового положения 1892 года год от году своим влиянием на пробуждающиеся потребности жизни все более и более разлагающе стали выявлять себя на фоне общественной деятельности. Финансовое банкротство городов и индифферентизм к общественной работе у населения — вот основные черты последнего времени. Отозвались они и на нашем Енисейске. Назначавшиеся на 15 мая и 6 июня очередные собрания гласных не состоялись за неявкою законного числа гласных, т.[о] е.[сть] половины, и поставленные на очередь вопросы должны были получить разрешение в порядке 89 ст.[атьи] Город.[ового] полож.[ения], т.[о] е.[сть] разрешиться журналом управы, утвержденным губернатором. В числе таких вопросов заслуживает быть отмеченным заявление одного гражданина, Константина Павловича Серебренникова, представившего 500 руб. на вечный вклад его имени, проценты с которого должны идти, согласно желанию жертвователя, на улучшение быта призреваемых в городской богадельне.

К. П. Серебренников — старожил Енисейска, его уроженец и уже преклонного возраста человек. С молодых лет он служил в торговом деле местной компании пароходства и лет около сорока был капитаном парохода, совершавшего рейсы в Туруханский край на рыбные промыслы. Последние годы он уже не служил и умер в 1924 году в 80-летнем возрасте.

* * *

Наивное и долготерпеливое сибирское общество, несмотря на то что с издания Высочайшего приказа Селиванову о введении земства в Сибири прошло уже 8 лет, все еще живет мыслью осуществить эту давно и всеми лелеемую реформу. Это видно, по крайней мере, из присланной в управу записки Иркутского биржевого комитета, обращающегося ко всем городским управлениям Сибири с просьбой поддержать возбуждаемое биржевым комитетом ходатайство об этом.

Неужели Иркутский биржевой комитет не знает, что Петербург определенно заявил, что если Сибирь не имеет у себя таких надежных устоев государственности, как дворянство, владеющее землей, на которое бы можно было положиться, то на что же ей земство? Ясно и определенно!

* * *

Со смертью инициатора электрического освещения в г. Енисейске Г. В. Плешкова и его компаньона Рутковского, действовавшего от имени его жены, дело по осуществлению электричества, как я уже упоминал, приостановилось. У наследников Плешкова не только не было средств

продолжать дело, но не на что было даже существовать. Опека над детьми Плешкова располагала одним наследственным правом, это правом концессии, а Рутковский, располагая 2–3 тысячами и всадив их в компанию, тоже остался ни при чем. Тогда родственник Рутковского и сын основателя Енисейского музея Владимир Александрович Кытманов выступает как продолжатель начатого предприятия, купив у Рутковского его пай и право. Заявлением, поданным в думу 30 июня, он просит передать ему концессии на электрическое освещение в г. Енисейске, если наследники Плешкова и Рутковского к 1 августа сего года не осуществят этого дела, причем ставит и условия, на которых он мог бы продолжать оборудование этого дела.

Принимая во внимание, что В. А. Кытманов как местный гражданин и наследник оставившей в истории Енисейска неизгладимый след фамилии Кытмановых, городская дума охотно пошла навстречу этому предложению, и концессия была передана последнему.

Предприятие это, хотя и с большими затруднениями в материальных средствах, В. А. Кытмановым было все-таки осуществлено.

* * *

В заседании думы 2 июля заслушано и отклонено было за отсутствием средств заявление гр.[ажданина] гор.[ода] Енисейска Н. В. Скорнякова о покупке городом его библиотеки, которую он уступал за 1000 руб. с рассрочкою платежа.

О Никите Виссарионовиче Скорнякове как о местном старожиле и общественном деятеле я много говорил в начале своих записок за 1890–1894 года, к сожалению отобранных у меня при обыске в 1921 году и мне не возвращенных. Кратко роль его в Енисейске как культурного работника и основателя библиотеки изложена мною в некрологе[1] о нем, помещенном в № 27 красноярской газеты «Енисейский край» за 1917 год, имеющейся в приложенном к сему сборнике газетных вырезок моих статей и корреспонденций[2].

* * *

В том же думском заседании докладывалось новое заявление окончившего уже теперь Томский университет врача Дим.[итрия] Ефим.[овича] Григорьева, соглашающегося занять вакантное после ареста Климиной место врача Енисейской городской лечебницы.

---

[1] Миндаровский М. П. Памяти Н. В. Скорнякова: [некролог] // Енисейский край. 1917. № 27 (2 февраля). С. 2–3.

[2] Часть собранных М. П. Миндаровским газетных статей и корреспонденций сохранилась в фондах Енисейского краеведческого музея.

Несмотря на то что место врача было вакантно и что у Григорьева по его отцу была своего рода протекция в лице некоторых гласных, однако при голосовании его в думе он получил большинство неизбирательных голосов против избирательных и избран не был. Так осторожна была тогда дума в выборе врача.

В конце этого года подала заявление женщина-врач Геня Марковна Абрамович, тоже слушательница томских курсов, и была думою принята.

* * *

Управление Томского округа путей сообщения, получив постановление думы об условиях отдачи под устройство затона городских участков у протоки или в р[ечке] Мельничной, вздумало поторговаться, находя, что 2 руб. за квадратную сажень — цена слишком высокая.

Городская дума, идя навстречу такому благому предприятию, как постоянный затон, могущий благотворно отразиться на благосостоянии местного населения, в заседании думы 7 августа постановила:

> Отдать в вечное владение часть городских земель в количестве, какое потребуется по усмотрению министерства для нужд затона как в р[е]ч[ке] Мельничной, так и часть лугов у протоки, по 25 коп. за кв.[адратную] саж.[ень], причем в сем последнем случае площадь острова, расположенного против этих лугов, как приносящая ничтожный доход думою уступается безвозмездно.

Эти последние условия были приняты путейским ведомством. В 1914 году Енисейск посетил начальник Томск.[ого] округа инж.[енер] Попов и выбор местности остановил на протоке. Существование же затона в Мельничной нашел для каравана судов, да и вообще для мастерских и построек небезопасным в пожарном отношении как тесно соприкасающихся с окружающими обывательскими строениями. Тогда же спешно были ассигнованы на первое время для земляных работ 200 000 руб., но подоспевшая несчастная война спутала и остановила все начинания, революция же это докончила, сделав страну нищею и бессильною.

* * *

10–20 сентября этого года в Киеве состоялся Всероссийский съезд представителей городских самоуправлений по разрешению многих больных вопросов городского хозяйства, а главное — финансов. Енисейское городское управление получило приглашение послать делегата на этот съезд, но городская дума «по малочисленности жителей гор. Енисейска пред своими

собратами-городами и по финансовому состоянию» посылку делегата сочла излишнею. Труды этого съезда изданы в особой книге, имеющейся в моей домашней библиотеке[3].

В том же думском собрании обсуждалось заявление гласного А.[лексея] Ник.[олаевича] Евдокимова, возмутившегося хищническим истреблением лесных насаждений в пределах городских земель и апеллирующего в думу для принятия ею соответствующих мер к прекращению таких порубок. Следовало бы только сказать почтенному гласному: «Поздно хватился, почтеннейший!»

Целые десятилетия прошли в полном неведении вами, отцами города, где начало и где конец опекаемых вами городских богатств, к каковым, без всякого сомнения, следует отнести те уничтоженные соседними крестьянами вековые деревья, которые вы же приобретали на рынке за деньги как топливо! Где были вы, когда 15 лет назад учреждался в Сибири институт казенного лесничества и надзора с определенными таксами за порубку? И только теперь, когда под боком, в версте расстояния, как, напр.[имер], Секретарская гора, почти под корень срублены самые лучшие массивы дерев, хватились принимать меры против порубок. Еще в 1900 году Енисейское мещанское общество по случаю воспрещения порубки леса в казенных дачах поднимало вопрос о свободном пользовании ими дровяными порослями, и городская дума пыталась ходатайствовать о прирезке городу еще 5000 десятин земли, но безуспешно. И тогда уже управою поднимался вопрос о мерах к охране городских лесов от сплошного истребления путем найма особых объездчиков, но так и остался за неимением в ее распоряжении средств на это. Управа пыталась было войти в соглашение с казенными объездчиками и поручить им же попутно охрану и городских лесов за дополнительное от города вознаграждение, и они согласны были, только требовали указать им границы, от которых простираются городские владения, и этого-то никто указать не мог.

Ввиду возможного уничтожения архивных данных о городских земельных владениях я приведу здесь случайно сохранившиеся данные об этом.

Земли отведены были населению города, состоящему из купцов, мещан и казаков, по Высочайшему акту 8 июля 1826 года о генеральном межевании и заключали в себе пространства 7307 десятин, в числе коих находилось: усадебной 309 десятин 2330 саж.[еней]; под скотским выгоном 218 дес.[ятин] 1400 с.[аженей]; покосов 1225 дес.[ятин] 365 кв.[адратных] саж.[еней]; лесных угодий 1070 дес.[ятин] 2093 кв.[адратных] саж.[ени]; под дорогами и бичевником 78 дес.[ятин] 800 с.[аженей]; под речками, озерами и боло-

[3] Передал в музейную библиотеку в 1935 году. — *Прим. Миндаровского.*

тами 2842 д.[есятин] 2200 с.[аженей] и под р. Енисеем с берегами и песками 1483 д.[есятины] 570 саж[еней].

Таким образ.[ом], под лугами и выгоном находится только $^1/_5$ часть всего количества земли, под лесными угодьями – $^1/_7$ часть; вся же остальная территория, исключая городские кварталы, находится под болотами и водным пространством.

Значит, с 1826 года в продолжение 85 лет владения эти никем не возобновлялись в своих границах и, конечно, заросли, а знаки уничтожились или тоже заросли чапыжником. Все жили и удовлетворялись тем, что перешло «от дедов к отцам, от отцов к сыновьям», и только теперь с осложнением жизненных взаимоотношений обстоятельства и способы изменились.

Заявление гласного Евдокимова дума разрешила так: принимая во внимание, что для серьезного наблюдения за охраною лесов потребуется организовать целый штат наблюдателей в разных сторонах и по дорогам, что вызвало бы значительный расход, обременительный для задолженной кассы города, поэтому заявление Евдокимова оставить открытым, или, проще говоря, предоставить все воле Божией и его святых угодников.

* * *

Саратовский городской голова по уполномочию думы возбудил ходатайство о созыве съезда представителей городов по вопросу об учреждении Центрального городского банка, чрез посредство которого могла бы шире развернуться объединяющая деятельность общественных банков в городах Империи.

В этих видах означенный городской голова обратился к городским управлениям, имеющим у себя общественные банки, с предложением прислать по этому поводу свои соображения и высказать свой взгляд о целесообразности такого съезда. Енисейская городская дума по соглашению с местным общественным банком постановила: присоединиться к ходатайству Саратовской гор.[одской] думы о скорейшем созыве съезда представителей городских общественных банков.

* * *

Братья Тонконоговы, местные купцы, вошли в думу с предложением построить на свои средства на Базарной площади торговый корпус красивой наружности по прилагаемому при заявлении плану и фасаду. Здание деревянное под железной крышей на фундаменте длиною 12 саж.[еней], шириною 5 саж[еней]. Внутреннее устройство таково, что при желании могло быть разделено на 6 торговых лавок, заменивших теперешние дощатые палатки для малочисленных торговцев, видом своим безобразящие площадь.

Выстроенное здание по прошествии 12 лет пользования Тонконоговыми для своих потребностей поступало в собственность города. Ввиду того что дума, ничего не имея против такой постройки, ограничила пользование Тонконоговыми этим зданием до 10 лет вместо назначаемых ими 12, проект постройки не осуществился.

* * *

26 ноября на общем собрании мещан г. Енисейска обсуждался интересный доклад мещанского старосты М. В. Стыжных, характеризующий влияние закона 5 октября 1906 года о беспрепятственной выдаче видов на жительство.

В своем докладе М. В. Стыжных говорит, что с изданием этого закона постепенно прекратилась почти уплата членами общества причитающихся с них податей и повинностей на потребности общества, а также и на содержание мещанской управы. Теперь каждый знает, что задерживать выдачу паспорта потому только, что за ним состоит недоимка мещанских сборов, нельзя; он категорически уклоняется от платежа под разными предлогами, а сам требует паспорт. Отсутствующие же, проживающие в других местностях, те просто переменяют паспорта по месту жительства. В результате накопление недоимок и невыполнение принятых ранее обязательств пред благотворительными учреждениями, которые мещанское общество взялось субсидировать. По этим соображениям мещанский староста предлагает обсудить вопрос, нужно ли им существование здесь мещанской управы как особого учреждения, состоящего из старосты и письмоводителя, и не целесообразнее ли все капиталы общества и субсидируемые организации передать на попечение городской думы, а мещанскую управу ликвидировать, потому что в ближайшее время старосте неоткуда будет получать жалованье себе, письмоводителю и вахтеру хлебозаготовительного склада?!

Долго гуторили общественники и все-таки расстаться со своим учреждением не пожелали, высказавшись лишь за более настойчивое собирание денег с неисправных плательщиков.

* * *

25 сентября на моторном судне «Омуль» прибыл в Енисейск знаменитый путешественник профессор Норвежского университета Фритьоф Нансен, встреченный на пристани городским головою, директором гимназии и представителями местных общественных и научных организаций. При встрече был произведен фотографический снимок. Нансен прибыл сюда Северно-морским путем в сопровождении ученых гостей и депутата Государственной думы енисейца С. В. Востротина.

Наутро по прибытии профессор посетил мужскую и женскую гимназии во время уроков, где через переводчика знакомил учащихся о Северном пути и вообще о жизни европейских стран, с которыми Сибирь вступит в торговые отношения. Нансену был дан общественный обед в собрании, на котором участвовали представители городских учреждений и почетные гости, среди которых оказались случайно прибывшие к этому времени чины поисковой партии по обследованию на Енисейск железной дороги.

На обеде говорилось много речей и тостов, переводчиком которых на английский язык был С. В. Вostротин, он же переводил и ответные речи Нансена на русский язык, так как профессор русского языка не знает. Директор гимназии Р. А. Френкель приветствовал профессора речью, сказанной на языке эсперанто, которой никто не понял. К прибывшему гостю более всех обращался с разговорами мировой судья [Роберт Робертович] Герке, немец по происхождению и плохо владевший русским языком. Кажется, он и аттестовал енисейцев каторжниками, желая сообщить профессору, вероятно, о том, что Сибирь доселе была страной ссылки и колонизации из России преступного элемента. Про этого Герке много можно бы рассказывать забавных курьезов из области его судебных процессов, где он, плохо усваивая русский язык, давал ему часто извращенное понятие и этим впадал в неловкое положение. Наприм.[ер], на слова одной дамы, встретившей его в дорожном костюме и готового к служебной поездке по участку: «Вот счастливый человек, разгуливает себе при такой чудной ясной погоде», — он ей любезно ответил: «Не угодно ли, едемте со мной, я вас откатаю». Таких курьезов множество. Таковы были у нас судьи, которым вверялась судьба человека.

Назавтра Нансен со спутниками и Востротиным на лошадях отбыли в Красноярск. Об этой поездке по Сибири Нансен написал большую книгу своих впечатлений под названием «В страну будущего»[4], с которой не мешает познакомиться каждому интересующемуся Сибирью.

Посещение Енисейска такими путешественниками, как Нансен, следует рассматривать как признаки блестящего будущего для многострадального города.

[4] Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Авториз. пер. с норв. А. и П. Ганзен. Петроград: Изд. К. И. Ксидо, 1915.

Выступление Фритьофа Нансена перед учащимися и преподавателями Енисейской мужской гимназии, 1913 г. Из фондов ЕКМ.

1914 год

За последнее время стало заметно проявляться стремление правительства к развитию технического образования, но только при материальном участии самого общества и без права совать свой нос в эти дела.

Ничем иным нельзя объяснить циркуляр Мин.[истерства] нар.[одного] просвещ.[ения], появившийся в этом году и обращающий внимание общественных учреждений и отдельных лиц на необходимость открытия технических и ремесленных школ, сопровождающийся предложением инспектора народных училищ о возможности открытия при Александровском доме призрения бедных детей специального ремесленного отделения по усмотрению самого общества.

При обсуждении этого обстоятельства в городской думе последняя в заседании 18 февраля для детальной разработки этого вопроса избрала особую комиссию, в которую попал и я. Комиссия эта, не имея под руками соответствующих материалов, затруднялась в представлении своего доклада, и когда мне летом этого года пришлось быть в Красноярске и говорить по поводу этого в инспекции нар.[одных] учил.[ищ], то губернский фабричный инспектор советовал остановиться на создании механической мастерской, на которую дает средства М-[инистерст]во торговли и промышленности, всегда идущее навстречу таким проектам, причем он от себя обещал даже помочь этому осуществлению, если енисейское общество пойдет навстречу. Возможно, что из всего этого что-нибудь и вышло, если бы не война, разбившая вконец все иллюзии и предположения.

* * *

Начатая в 1912 году реорганизация пожарного дела в городе помаленьку совершенствовалась. Находящийся во дворе пожарной команды громадный деревянный амбар-сарай как угрожающий вблизи стоящей к нему мужской гимназии уже давно предназначено было убрать, по крайней мере верхний этаж его, и теперь, воспользовавшись этим предположением, Добровольное пожарное общество обратилось к городу с ходатайством уступить ему этот сарай, из которого оно наметило построить второе пожарное депо в заречной части города на месте земли, принадлежащем пож.[арному] обществу и находящемся на углу Кедровой улицы и Лазаревского пер.[еулка]. Иметь запасное депо в той части города, сообщение с которой на лошадях производится единственным мостом, действительно не-

Енисейская полицейская часть и пожарная команда. Из фондов КККМ.

лишне, так как, случись повреждение моста, сообщение с Заречкой будет прервано на случай пожара.

Ходатайство это было удовлетворено думою, из полученного этажа сарая построено было запасное депо с наливным баком и каланчою над ним. Имевшиеся два железных бака, принадлежащие казенному пароходству и уступленные в пользование пожарного общества, устроены были в качестве запасных водохранилищ, одно при электрической станции, а другое при Нагорном запасном депо против Успенской церкви у т.[ак] наз.[ываемого] Щегловского сквера[1].

* * *

Увеличивающиеся год от году обороты по ломбардовским операциям настолько разрослись, что с переходом ломбарда в собственное помещение (купленный дом бр[атьев] Грязновых против женского монастыря) потребовали лишнего человека в роли кладовщика, потому что одному распорядителю выдавать выкупаемые вещи и спускаться для этого в нижний этаж, отведенный под кладовые, а вверху оставлять помещение конторы

---

[1] Сквер этот назван Щегловским, потому что его в 1890 году насадил и устроил исправник Щеглов. — *Прим. Миндаровского.*

Набережная в Енисейске (видны Богоявленский собор и дом купца Востротина). Из фондов КККМ.

на сторожа было неудобным, да и обременительным для одного человека. Это обстоятельство побудило меня просить думу об учреждении должности кладовщика при ломбарде, и дума согласилась с моим заявлением, определив жалованье ему в 600 руб. при материальной или имущественной ответственности на сумму 1500 рублей.

* * *

С 25 по 30 мая в г. Томске предназначен был 1-й пожарно-страховой съезд деятелей пожарно-страхового дела в Сибири[2], где по избранию общего собрания страхователей нашего общества в г. Енисейске я был делегирован от Енисейского отделения на означенный съезд с отпуском на расходы по поездке 100 руб. Попутно и городская дума уполномочила меня представительствовать ее на съезде. Цель этого съезда та, чтобы пожарные деятели городов и местечек Сибири, а также и страховые работники О[бщест]ва взаимного страхования как организации, близко соприкасающейся с огневым делом, могли близко ознакомиться о своих нуждах, разрешить целый

[2] См. подробное описание работы съезда: Первый сибирский пожарный съезд // Вестник Иркутского городского общественного управления. 1914. № 5 (май). С. 45–77; Якушев Ив. Первый сибирский пожарный съезд и городское самоуправление // Там же. № 6–7 (июнь-июль). С. 1–7.

ряд вопросов в области пожарно-страхового дела и наглядно увидеть, как поставлена борьба с огнем в разных городах Сибири.

Должен сказать, что я и сейчас, десять лет спустя, с живым представлением рисую себе те приятные дни, которые пришлось провести мне на означенном съезде и насладиться той художественной постановкой дела добровольных пожарных дружин городов Томска и Красноярска, какую показали происходившие там маневры и практические занятия, удостоенные почетного отзыва Российского пожарного общества приезжавшим на съезд князем Львовым.

Для деловой работы на съезде я, разумеется, записался в страховую секцию, которою и выбран был в секретари. Секция эта посвятила своей работе по обсуждению и разъяснению страховых вопросов вечерние часы 27, 28 и 29 мая, участвуя днем на общих собраниях.

В качестве материала для подробного ознакомления с работами съезда служит в виде приложения к моим запискам наряд бумагам Енисейского Добровольного пожарного общества за 1914 год, к которому и отсылаю интересующегося этим делом[3].

* * *

Существующая много лет в Енисейске метеорологическая станция, основанная в 70-х годах ссыльным географом М. О. Маркс[ом], долгое время находилась при дворе городской управы. В этом году правление Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории обратилось к городскому управлению с ходатайством об отводе в его распоряжение городского участка земли в 1200 кв.[адратных] сажен под устройство на нем метеорологической станции.

Городская дума охотно пошла на удовлетворение этой просьбы и отвела под станцию участок выше города по линии речки Лазаревки неподалеку от Абалаковского кладбища, где с того времени и находится усадьба станции с квартирою наблюдателя ее.

* * *

Осенью прошлого года случился пожар в доме, принадлежащем Александровскому дому призрения бедных детей, где расположены были мастерские, сгорело крыльцо и крыша здания. Ввиду того что здание это намечалось под школьный комплект, предположенный разместиться в обоих этажах, что было не совсем удобным, теперь городск.[им] управлением решено было к обгоревшей стороне дома сделать в оба этажа пристройку,

---

[3] Передан в 1925 году в библиотеку музея. — *Прим. Миндаровского.*

выбрав аркою обгоревшую стену и этим самым увеличив площадь школы до размера, могущего обслуживать даже два комплекта, что и было исполнено из средств, отпущенных казною как пособие на школьное строительство.

* * *

Набережная городского бульвара, разрушаемая наводнениями и не будучи ремонтируемой, пришла наконец в невозможное состояние. Между тем городской бульвар есть единственное убежище, где бы можно отдохнуть в летнее время всем и каждому, богатому и бедному, рабочему и работодателю. Это обстоятельство заставило меня обратиться в городскую думу с докладом, апеллируя к чувству и совести первым долгом тех гласных, которые, стоя на краю могилы, обладают чуть ли не миллионным состоянием, а если они окажутся глухи к этому, то взять часть из доходов ломбарда, образующихся из тех трудовых грошей, которые несли закладчики под свои сбережения. Пусть тогда исправленный на эти гроши обруб будет живым укором совести толстосумов.

И что же придумали гласные: позаимствовать из доходов ломбарда на подкрепление набережной 1500 руб. Спрашивается, что же можно было сделать на эту ничтожную сумму, кроме как натыкать палей по откосу и этим предохранить дальнейшие оползни? На практике же и этого не сделано, в результате чего нижняя аллея за последующие годы смыта совершенно.

* * *

Концессионер электрического освещения в г. Енисейске В. А. Кытманов, получив приобретенный им локомобиль, должен был по техническим правилам соорудить каменное здание станции с необходимыми к ней приспособлениями, на что требовались деньги, за которыми он и обратился в правление местного общественного банка, прося оказать ему долгосрочную ссуду.

Ввиду того что по концессионному договору с Кытмановым город является заинтересованной стороной, городская дума, прежде разрешения вопроса о ссуде, для ознакомления с постановкой дела на станции и с имуществом ее избрала особую комиссию, в которую попал и я. Эта комиссия, считая, что производимые концессионером затраты почти целиком падают на средства, взятые им в городском банке, посоветовала думе вступить с Кытмановым в компанию, и дума согласилась с нами, занявшись выработкой компанейского договора, однако состоявшаяся компания оказалась непродолжительной. Я и мои коллеги, гласные Александров и Евдокимов,

Объявленіе.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КЫТМАНОВ

Доводит до свѣдѣнія г. г. абонентов, что устроенная им, на основаніи права концессіи, Енисейская электрическая станція для общественнаго пользованія с 10 Октября 1918 г. перешла в собственность Енисейскому Городскому Самоуправленію.

В силу особаго соглашенія с Электрической Городской Комиссіей, принявшей всѣ расходы по управленію станціей с 1-го Октября 1918 г., плата за энергію с этого же числа (1-го Октября 1918 г.) поступает в кассу города Енисейска, если абонент пользуется без счетчика, а с абонентов, пользующихся по счетчикам, с 10-го Октября 1918 г.
До этого же времени прошу г. г. абонентов уплатить деньги за энергію и контрольный налог в мою контору по Успенской улицѣ.

Тѣ абоненты, которые внесли деньги за энергію за Октябрь и по 1-е Января 1919 г., продолжают освѣщаться и другой платы городу не будут платить, а всѣ расчеты по таковым полученіям моя контора учинит с Городской Управой самостоятельно.

Дѣла, пояснительныя записки г. г. абонентов и расчетныя книги с ними мною переданы городу. Я 25-го Октября из Енисейска уѣзжаю, поэтому РЕКОМЕНДУЮ г. г. абонентам навести всѣ справки о своих пояснительных записках, разсчетах и т. д. до 25-го Октября 1918 г.

С почтеніем
Владимир Александрович Кытманов.

г. Енисейскъ.
18—31 октября 1918

вынуждены были признать, что наши взгляды и стремления совершенно расходятся с поступками и направлением дела концессионера Кытманова, что работать нам совместно с Кыт[мано]вым невозможно и что никакого толку из этой компании не выйдет, поэтому, чем тратить время на бесплодные переписки и дебаты, лучше или выкупить от него предприятие, или выйти из компании как бесполезной. Дума сначала в виде посредственника привлекла к нам еще городского голову Н. А. Третьякова, а затем, убедившись в бесполезности продолжения компанейского дела с К-[ытмано]вым, решила компанию расторгнуть, пересмотрев и видоизменив условия выкупа по соглашению с Кытмановым, что и было сделано постановлением 17 декабря 1914 года.

Так продолжалось дело до 1917 года, когда новая дума, т.[ак] наз.[ываемая] демократическая, убежденная настоянием городского головы К. Г. Петунина, выкупила наконец это предприятие в собственность города. Проще сказать, переписала в банке векселя Кытманова на свое имя.

* * *

Начавшаяся война с Германией, принесшая нам столько бедствий и мучений, окончательно убила Енисейск накануне всеми ожидаемого его расцвета. Все мечты о постройке затона, железной дороге и о порто-франко пришлось отбросить и начать вести жизнь нудную, плачевную и безотрадную. Пошли разные предложения администрации выпрашивания разных субсидий, подачек от городов, находящихся и без того в безвыходном положении.

Первой ласточкой в Енисейске явился вопрос об организации особого попечительства по обследованию и призрению семейств запасных нижних чинов и ратников на время войны. Вслед за этим пришло предложение губернатора с телеграммами м-[инист]ра вн.[утренних] дел о содействии городов государству в деле оказания помощи семействам воинов, призванных на службу, сверх казенной продовольственной помощи, а равно и об обеспечении населения предметами продовольствия первой необходимости.

Что могла предпринять дума в этом отношении при задолженности города до 60 000 руб., кроме как обратиться к населению с подпиской на это дело и приступить к наблюдению за тем, чтобы не проявлялось спекулятивного повышения цен на предметы первой необходимости.

Этим мероприятия города на военные нужды, конечно, не ограничились. Последовало новое предложение г-[убернато]ра о выяснении вопроса, в какой мере Енисейск может оказать помощь больным и раненым воинам, а именно на какое число кроватей может быть открыт лазарет или госпиталь и какое число больных и раненых инвалидов войны может быть

принято на свое попечение жителями города бесплатно или за плату, установленную военным ведомством по 40 к. в день за нижнего чина и 80 к. за офицера. Но что всего поразительнее, это предложение того же губернатора присоединиться по примеру Красноярска к Всероссийскому союзу городов в деле помощи больным и раненым воинам, тогда как всего только несколько месяцев назад слово «союз» не допускалось даже произносить во всеуслышание, не только употреблять его в официальных бумагах, да еще самим начальством.

Хотя Енисейск и воспользовался этим последним советом о вступлении в Союз городов, но какую активную помощь мог он оказать тылу в общем для всего населения деле помощи жертвам войны? Самое большее, что могла обещать дума, — это отвести верхний этаж дома при Александровском детском приюте под госпиталь.

В общем, можно сказать только одно, что только благодаря войне городские и земские самоуправления сделались активными деятелями и помощниками правительству по выполнению самых разнообразных нужд тыла, без которых ни сама власть, ни ее правая рука Красный Крест не справились бы с такой сложной задачей, и только это обстоятельство вынудило правительство скрепя сердце терпеть сорганизовавшийся Всероссийский союз земств и городов, Земгор, проявивший свою деятельность не только в области удовлетворения потребностей войны, но давший громадный толчок моральному значению всей общественной самодеятельности.

* * *

5 сентября состоялось чрезвычайное заседание городской думы, на котором обсуждалась телеграмма губернатора, предлагающая выяснить при участии исправника вопрос о том, не представляется ли желательным иметь определенное количество военнопленных для выполнения силами их необходимых общественных работ по городскому благоустройству и проч[ему].

Наши думцы, соблазнившись, с одной стороны, даровым трудом военнопленных, с другой, опасаясь, как бы содержание их не пало на средства города, сочинили и отправили такую телеграмму: «На исправление деревянных сооружений предстоящей зимой потребно до 30 человек, с весны на исправление дорог, улиц города, набережных до 100 человек при условии, если со стороны города не потребуется затрат на их содержание и продовольствие». Вероятно, последняя оговорка и была причиною того, что ни одного из пленных нам не послали.

* * *

Правила, изданные 22 июня 1909 года о выдаче пособий из казны на школьно-строительные надобности и на оборудование школ необходимыми учебными пособиями, а также и выполнение данного городскою думою обязательства о проведении в течение шести лет плана всеобщего обучения в городе побудили городское управление возбудить ходатайство об отпуске городу долгосрочной ссуды до 40 лет на постройку каменного здания для 4-комплектной школы, предположенной к постройке на углу Успенской улицы и Алексеевского переулка на участке земли, принадлежащем городу.

В заседании думы 16 сентября заслушан был доклад, проект и смета на постройку, исчисленная в сумме 28½ тысячи руб., и решено было ходатайствовать об отпуске средств.

* * *

В ноябре месяце скончался один из немногих уже остававшихся старых гласных думы — купец Алексей Михайлович Бородкин, имеющий каменный дом по Большой улице (брат Михаила Мих.[айловича] Бородкина, умершего в 1910 году, см. <…>[4]). Покойный оставил значительный капитал, который за выделом определенной части на благотворительные дела города и др.[угие] указанные им в нотариальн.[ом] духовном завещании нужды поступил пережившей его жене и детям. Интересны некоторые детали завещания Б-[ородки]на, характеризующие, насколько покойный был расчетлив в своих жертвах даже пред лицом смерти. Он точно высчитал, что будет стоить накормить обедом в столовой для бедных, нищих и нуждающихся в указанные им поминальные дни о его душе, и эту сумму в рублях и копейках завещал местному Обществу пособия бедным. Городу он оставил 4000 руб. на постройку школы, 2000 руб. на устройство общественного колодца, 2000 руб. на оборудование городской аптеки, в которых была острая нужда, когда комиссия, членом которой был покойный, обсуждала этот вопрос со всех сторон, но А. М. Бородкин тогда не обмолвился даже ни одним словом. Вообще старожилы наши, обладающие крупными капиталами, не очень щедры бывали при жизни, и только видя, что жизнь оставляет их, рисковали одарить чем-нибудь родной город.

Покойный был одним из видных общественных деятелей как гласный и как член многих общественных и научных учреждений города. Бережливость и экономия — вот похвальные черты покойного Алексея Михайловича.

[4] Пропуск в тексте. Запись Миндаровского о кончине М. М. Бородкина см. на стр. 207.

1915 год

С этого года должен был работать в городских делах обновленный состав гласных нового четырехлетия, избранный в январе, но благодаря опротестованию выборов гласными Орловым и Евдокимовым утверждение несколько затянулось, хотя жалоба их и осталась без последствий. На это четырехлетие фортуна мне несколько изменила. Благодаря агитации, устроенной против меня поименованными гласными и концессионером электрического освещения В. А. Кытмановым, я попал по количеству избирательных голосов только в кандидаты. Причина оппозиции против меня — злополучное электрическое освещение, которое, по моему соображению, должно быть в руках города, а не частного лица. Затем эта ли оппозиция или история с анонимным доносом на меня одного гласного в 1913 году, о которой я уже упоминал, а только управляющий губернией отклонил утверждение меня в должностях секретаря думы, члена комиссии по заведованию библиотекою и члена комиссии по оценке недвижимых имуществ г. Енисейска. Возможно допустить еще причину — это употребление мною в апелляционной жалобе, адресованной в Сенат, выражения «г-[осподи]н начальник губернии, видимо, недостаточно внимательно отнесся к этой самой на[и]существеннейшей нужде города», за которую упр.[авляющий] губ.[ернией] вице-губернатор Писаренков сделал чрез городского голову строгое замечание, сочтя такое выражение для себя оскорбительным. Так как в кандидатах я по счету числился одним из первых, то вскоре же заменил собою выбывшего, в думе же был лишь докладчиком, подписывая протоколы за секретаря, ибо состоять думским секретарем, на которого особого жалованья не полагалось, у нас желающих не нашлось.

На это четырехлетие взамен служившего с 1903 года в должности городского головы Н. А. Третьякова избран был местный купец Александр Ильич Елтышев, который и вступил в эту должность с 1 июля 1915 года.

* * *

«На бедного Макара все шишки летят» — говорит русская пословица. Так случилось и с нашим Макаром — Енисейском. Наводнение, образовавшееся от спорной воды в Баженовских косах, быстро залило все низменности города, нанесло на улицы тороса льду, повредило заборы и даже жилые дома по Береговой улице (д. Севастьянова и Невякина), т.[ак] к.[ак] напор льда при походе достигал улицы. Этим наводнением окончательно смыло нижнюю аллею бульвара.

Пользуясь тем, что Министерство путей сообщения, в заботы которого входит ограждение берегов в местах, где существуют пароходные пристани, несмываемыми набережными или дамбами, городская дума еще раз попыталась было путем особого ходатайства обратить внимание министерства на нашу набережную, смывы и оползни которой засоряют пароходную пристань, и просила по примеру г. Томска и друг.[их] пристаней помочь городу в устройстве несмываемой набережной. Ходатайство это было даже у генерал-губ.[ернатора] Князева, и он высказался за необходимость его удовлетворения, однако стесненность государственных средств, вызванная войной, помешала и на этот раз благоприятному исходу нашего ходатайства.

* * *

Пользуясь тем, что в состав новой думы вошли несколько лиц из интеллигенции, например директор гимназии Лежинский, преподаватели Соболев, Кондрашин, податной инспектор Обмоин, вошел еще депутат от духовенства протоиерей Климовский, я представил в думу как управский секретарь информационный доклад, знакомящий гласных с положением городского хозяйства, который был потом отпечатан, так как послужил основанием к личному ходатайству городского головы Елтышева в Петербурге.

В докладе этом я намеренно умолчал о том, какие пути могут вести к возрождению города в тех видах, чтобы сама дума и просвещенные гласные сами указали правительству эти пути, без осуществления которых Енисейск обречен на погибель. Экземпляр этого доклада при сем прилагается[1].

* * *

Одновременно с объявлением войны с Германией, как известно, последовало Высочайшее повеление и о прекращении торговли вином впредь до окончания войны. Это было 18 июля 1914 года.

Прошел год, а война, кажется, только еще разгоралась, однако управляющий акцизными сборами Енисейской губернии по каким-то соображениям намечает к открытию в Енисейске двух казенных винных лавок, пивной и ресторана. Но прежде чем привести это в исполнение, он предлагает обсудить это предположение в городской думе и вынести определенное постановление, желает ли дума иметь в Енисейске означенные торговые заведения.

[1] В Енисейскую городскую Думу: Доклад секретаря Енисейской гор. думы М. П. Миндаровского. Енисейск: Тип. бр. Кытмановых, 1915. Помещен в первой тетради записок Миндаровского между л. 279 и 280.

ВЪ ЕНИСЕЙСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ.

Секретаря Енисейской Городской Думы М. П. Миндаровскаго

Докладъ.

„Теперь день городского дѣятеля начинается и кончается одной заботой—какъ выйти изъ финансоваго положенія, которое становится все труднѣе и труднѣе". Такъ начинаетъ авторъ свою передовую статью въ № 24 журнала „Городское дѣло".

Если эту болѣзнь, именуемую имъ „Финансовыя затрудненія" потребовавшую даже созыва съѣзда городскихъ представителей въ г. Кіевѣ, испытываетъ на себѣ подавляющее большинство городовъ Имперіи, то что же остается сказать о такомъ забытомъ Богомъ и людьми городкѣ, какимъ представляется Енисейскъ въ данное время.

Какъ въ душный лѣтній день передъ бурею замираетъ все и настаетъ зловѣщая тишина, такъ зловѣще тиха, уныла и однообразна сейчасъ обыденная жизнь Енисейска.

Было когда то время, Енисейскъ игралъ роль крупнаго торговопромышленнаго центра не только своей губерніи но и вообще всей Восточной Сибири.

Полтора вѣка тому назадъ, въ немъ ежегодно собиралась ярмарка. На эту ярмарку пріѣзжали Россійскіе и Сибирскіе купцы; они привозили сюда всевозможные товары, взамѣнъ которыхъ пріобрѣтали пушнину, направлявшуюся сюда съ Ангары и Туруханскаго края. При возникновеніи позднѣе Ирбитской ярмарки, значеніе Енисейской нѣсколько пало а затѣмъ она прекратилась.

Надо сказать, что в тот момент война приняла самые ожесточенные формы, какие только возможны между враждующими, и настроение в народе было самое патриотическое; внимание же общества и его деятелей поглощено было заботами, вызываемыми этой войной. Так что о вине все как будто забыли, а окончившийся годичный период со дня прекращения виноторговли как бы показал то благотворное влияние, какое имело закрытие продажи вина на производительность труда среди населения.

Учитывая все это, городская дума в подтверждение прошлогоднего своего постановления определила: возбудить в установленном порядке ходатайство о закрытии на городской территории навсегда заведений, торгующих всякого рода напитками, содержащими алкоголь, т.[о] е.[сть] вином, портером, водочными изделиями и виноградными винами. Так сгоряча покипятилась дума, вынося такое определение.

Недалекое будущее, как мы теперь видим, показало, что такое решение выносить было преждевременно. Народные привычки, смолкнувшие и притаившиеся было на время, с течением времени снова проявили себя, и, пожалуй, еще хуже, чем простое прекращение вина в законном виде.

Когда воинский энтузиазм сменился упадком и разочарованием, старые привычки, свойственные натуре русского человека, стали воскресать. На смену монополки появился суррогат в виде самогонки, разрушительно действующей на человеческий организм, которая год от году, несмотря ни на какие кары и правит.[ельственные] преследования, сделалась чуть ли не кустарным производством, истребляющим хлеба в пять раз более того, сколько шесть заводов Енисейской губернии истребляли все вместе взятые. Как ни была беспощадна и сурова советская власть в своих преследованиях над самогонщиками, но и та в конце концов на все махнула рукой. Ясно, что в борьбе с народным пьянством помочь могут не репрессии, а школы и развитие культурного уровня населения.

* * *

Сибирская строительная горячка постройки жел.[зных] дорог охватила всех и вся. Какой-то граф Дмитриев-Мамонов и инженер Циглер фон Шафгаузен создают проект постройки Верхне-Сибирской железнодорожной магистрали направлением Верхнеуральск, Челябинск, Шадринск, Ялуторовск, Тобольск, Тара и Томск, протяжение которой в 1622 версты. Производитель работ по изысканиям этого варианта некто Копчинский обращается к Енисейскому городскому самоуправлению и просит сообщить ему:

1) может ли город реагировать по существу предпринятого им изыскания;
2) может ли енисейская управа дать подробные сведения о том, что переживаемые нами тяжелые события, влекущие за собой упадок торго-

вопромышленности, не изменяют положения в корне и не подрывают необходимости в проведении Верхне-Сибирской ж.[елезной] д.[ороги], в основу нарождения которой положен интенсивный производительный подъем Томской и Енисейской губерний;

3) может ли город идти навстречу столь великому делу путем ассигнования соответствующей суммы и отчуждения необходимого участка земли под ж.[елезно]д.[орожные] службы на площади, примыкающей к городу.

Нужно сказать, что проект инженера ф.[он] Циглера и концессионера по изысканию Дмитриева-Мамонова, имеющий соединить в первую очередь пространство в северном направлении от Красноуфимска до Томска, является как бы головным участком линии Томск — Енисейск — Киренск и далее до соединения с Амурской ж.[елезной] д.[орогой], о которой томский городской голова И. М. Некрасов подавал министру путей сообщения докладную записку еще в начале 1913 года, и такой грандиозный проект, хотя и дорогостоящий, но рассматриваемый как вторая самостоятельная магистраль, оставалось бы только приветствовать.

По этим-то соображениям город.[ская] дума, которой доложено было письмо Копчинского, вынесла такое определение, которое для точности приведу здесь целиком:

> Уведомить господина заведующего изысканиями Верхне-Сибирской ж.[елезной] д.[ороги] В. Ю. Копчинского, что:
>
> 1) Поскольку от г. Енисейска будет зависеть, он, безусловно, присоединит свой голос в защиту этого проекта, если только выход этой линии на Енисей будет осуществлен в г. Енисейске как будущем перевалочном пункте грузов, подходящих с Северно-морского пути, где предрешена уже постройка затона для зимовки судов и где намечен выход линии Ачинск — Енисейск.
>
> 2) Переживаемый страной тяжелый момент войны не только не ослабил вышеупомянутый проект ж.[елезно]д.[орожной] линии на Енисейск, но еще, наоборот, практически показал необходимость осуществления таковых, ибо, существуй свободный открытый Северно-морской путь и подъездная железная дорога, не только Енисейская губерния, изобилующая природными богатствами, но вся Восточная Сибирь еще прошлым летом могли отправить на европейские рынки до 10 миллионов пудов хлеба и др.[угих] продуктов животноводства, так как путь этот находится вне сферы военных событий.
>
> 3) Принимая проектируемую линию от Томска в 1913 году, когда велись рекогносцировочные изыскания, город Енисейск уже выразил свою

готовность идти на всякие жертвы и наметил к отчуждению часть своих владений, а также принял на себя с г. Томском половину расходов по изысканию этого варианта и составлению ему экономического обследования, так что материальное участие г. Енисейска в деле осуществления подъездного пути уже имеется.

* * *

Учрежденная в 1895 году школа при Александровском доме призрения бедных детей для обучения 20 челов.[ек] воспитанников последнее время стала принимать и приходящих учеников, так что учителю школы, состоящему в то же время и смотрителем приюта, исполнять эти две обязанности, т.[о] е.[сть] хозяйственную и педагогическую, стало затруднительно. Комитет дома призрения, находя, что такое совместительство служит в ущерб делу внутреннего надзора за воспитанниками, потому что то время, которое ранее смотритель-учитель уделял воспитанникам, он должен употреблять на просмотр работ всех учащихся, пришел к необходимости смотрителем по приюту иметь особое лицо, а учитель может быть приходящий, как и в других школах. Это свое предложение комитет внес на рассмотрение думы. Последняя согласилась с докладом комитета и разъединила совместительство, определив на должность смотрителя особое лицо с окладом не свыше 30 руб. в м[еся]ц при готовой квартире.

* * *

16-го августа состоялось молебствие и открытие действий на электрической станции с участием особо приглашенных гостей и представителей городского управления, после чего все участвующие приглашены были концессионером на закуску, на которой по предложению хозяина принята и послана была государю верноподданическая телеграмма.

* * *

Растущая день ото дня дороговизна предметов жизненного употребления, вызванная, с одной стороны, сокращением рынка, с другой — замечаемой спекуляцией со стороны торговцев, толкнула группу граждан города возбудить ходатайство об учреждении здесь общества потребителей, как раз и момент к тому был благоприятный, потому что администрация, чувствуя свое бессилие в борьбе со спекуляцией, охотно шла навстречу учреждению на местах потребительских организаций. Так, выработан был устав, и общее собрание группы лиц, преимущественно из служащих в учреждениях и членов Общ-[ест]ва приказчиков, объявив себя учредителями, внес-

ли выработанный устав на утверждение губернатора, и утверждение в непродолжительном времени состоялось.

На первом организационном собрании членов-учредителей общества потребителей «Самопомощь», как названа была эта организация, явилась масса желающих вступить в число членов этого общества, которые по записи на собрании тут же и были приняты, т.[ак] ск[азать], явочным порядком, внеся свою вступную плату, а многие тут же вносили и свои членские взносы в размере 1 руб. с человека. На этом же собрании избрано было и правление, куда попал и я, исполняя обязанности секретаря правления в течение года. Председателем правления избран был бухгалтер фирмы Тонконоговых Петунин. Членами правления — Соболев, Шереметьев, Чаадаев и я. Все, конечно, без вознаграждения.

Первою заботою организованного правления было, конечно, изыскание оборотных средств и открытие собственной лавки, заарендованной в доме наследников Ив.[ана] Гавр.[иловича] Грязнова на углу Кедровой улицы и Алексеевского переулка.

В этих видах правление обратилось прежде всего к поддержке городской думы, прося ее санкции на получение из местного общественного банка ссуды 5000 рублей на условиях беспроцентного погашения в течение пяти лет. Ссуда была оказана из 7% годовых, и к осени уже состоялось открытие собственной лавки. В это время совершенно неожиданно для молодого, не окрепшего еще учреждения некто гражданин гор.[ода] Красноярска, имеющий в Енисейске собственный дом, Николай Федорович Колганов вносит предложение: субсидировать народившееся общество свободным капиталом в сумме 10 000 руб. из 5% годовых.

Само собой разумеется, такая неожиданная радость всех одушевила, во-первых, такой капитал давал возможность сразу же развернуть дело, во-вторых, облегчал задачу аккуратного погашения городской ссуды, данной под контролем губернатора со всевозможными ограничениями в смысле аккуратности возврата.

Быстро закуплены были товары, главным образом продовольственного характера, и торговля стала крепнуть и развиваться, тогда как обороты частной торговли тогда уже шли на убыль благодаря неустойчивости цен рынка. Вскоре пришлось заводить контору и расширять свое торговое дело.

Не помню сейчас с точностью, но скажу, что первый торговый год, в который мне пришлось поработать в правлении, закончился с прибылью, давшей возможность в скором же времени и вернуть думе взятые 5000 рублей.

* * *

15–17 июля в г. Красноярске назначен был съезд представителей городов Енисейской губернии, на который получил приглашение прибыть и наш гор.[одской] голова А. И. Елтышев. Так как гор.[одской] голова вступил в отправление должности 1-го июля и еще не вошел в курс дела, то предложил мне составить ему компанию по поездке, что я и сделал.

Предметом заседания являлись вопросы войны и главным образом оказание помощи больным и раненым воинам и о средствах на это.

Я не буду в подробности касаться этих деловых заседаний, так как желающие ознакомиться с этим могут обратиться к книжке протоколов этих заседаний[2], приложенной к моим запискам.

По окончании деловой работы участники съезда осматривали гор.[одскую] водопроводно-электрическую станцию и затем были любезно приглашены красноярским город.[ским] головою С. И. Потылициным на загородную прогулку в моторной лодке городск.[ой] управы.

В городской управе получено было приглашение управления Томского округа путей сообщения послать делегата от г. Енисейска для участия в совещании по обсуждению и выработке плана дноуглубительных работ на будущий 1916 год в судоходных водных пространствах округа.

Так как смысл пригласительной повестки давал понять, что предположения округа в одинаковой мере охватывают нужды судоходства не одной реки Оби, при которой работают чины управления, а распространяются и на соседний с ней Енисей, словом — на всю территорию округа, поэтому городская дума сочла крайне важным участие на этом съезде енисейского представителя, тем более город ходатайствовал о принятии мер против обмельчания пристани путем укрепления яра от обвалов и оползней. Так же взглянул на это и Минусинск, пославший своего представителя указать округу на необходимость расчистки протоки у города. И вот по уполномочию думы мне пришлось побывать на этом совещании и поразиться той простотой и задушевностью, с какою вели свои беседы председательствующий на совещании начальник округа инж.[енер] Калинин и представители тамошнего пароходства, видимо, как свои близко знакомые люди, а на нас двух прибывших с Енисея смотрели с удивлением, зачем-де они сюда попали в наше семейное дело. Нам с минусинским представителем удалось, конечно, объяснить каждому свои нужды, побудившие поехать на этот съезд, полагая, что для округа они должны быть одинаковы, так, по крайней мере, мы вывели из приглашения, иначе зачем же было и посылать его нам, оби-

[2] Протоколы Первого съезда представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям в гор. Красноярске 15–17 июня 1915 года. Красноярск: Электро-типография Епархиального Братства, 1915. — 117 с.

тателям другого бассейна реки, коль скоро, как мы видим теперь, здесь обсуждаются и разрешаются лишь свои чисто семейные нужды. Такая характеристика совещания, данная нами съезду, видимо, была не по душе участникам, и они, чтобы как-нибудь отвязаться от нас, предложили ходатайства наши о необходимости расчистки бассейна р. Енисея и его пристаней записать в протокол совещания и иметь в виду их при следующем съезде, а теперь, видите ли, все машины, имеющиеся налицо в распоряжении округа, разобраны для работ в пределах Обского бассейна. С таким обещанием мы и отправились по домам, не подписав даже протоколов совещания.

* * *

Умерший в прошлом году енисейский купец Алексей Мих.[айлович] Бородкин оставил по духовному завещанию 2000 руб. на постройку артезианского колодца для общественного пользования. Чтобы выполнить волю завещателя, управа, прежде чем приступить к постройке, сочла необходимым исследовать почву речников в месте, намеченном для постройки, посредством пробивки буровых скважин, чтобы не впасть в непроизводительный труд и затрату денег, подобно той ошибке в выборе места, какая случилась с рытьем колодца под монастырем, задуманного г. Сливак[ом]. Списавшись с производителем работ, имевшим резиденцию в с. Казачинском, о посылке техников для производства бурения скважины в полугоре около ограды мужского монастыря по Сенной площади, а затем на перекрестке Арбатской улицы и Бассейного переулка, приступлено было к работам осенью этого года. Результат которых, т.[о] е.[сть] вода, добытая из скважин, была послана в Красноярск для производства анализа в лаборатории переселенческого ведомства, результат которого получился неудовлетворительный. В присланном в управу акте исследования определялась как та, так и другая вода из буровых скважин для пищи и питья непригодною. В монастырской скважине негодность воды объяснялась влиянием монастырского кладбища, а на Лубянках в воде содержатся примеси какого-то щелочного вещества.

На этом пока обследование и остановилось, в расчете устроить водоприемник для общественного пользования при электрической станции. Но наступил революционный 1917 год и спутал все карты у играющих.

* * *

Быстрый рост страхового портфеля по г. Енисейску и надежда на прогрессивное его увеличение натолкнули меня на мысль о создании в Енисейске самостоятельного Общества взаимного от огня страхования, чтобы членам нашим не быть зависимыми от красноярского общества, в этом

смысле я внес доклад общему собранию страхователей, который при сем прилагаю[3].

Общее собрание принципиально согласилось с моим предложением, и было даже приступлено к выработке проекта устава для утверждения, но растущая день ото дня дороговизна на всё без исключения, угрожающая большими расходами будущему обществу, заставила пока воздержаться от дальнейших шагов в этом направлении. Этим проект мой и закончился, и хорошо, что так вышло, а то вместо прибыли мог получиться убыток.

Настойчивые предложения губернской администрации к немедленному погашению недоимок казне, накопившихся за старые годы, вызванные стеснительностью государства в денежных средствах благодаря войне, начались еще с начала этого года, а под конец стали носить уже явно угрожающий характер с указанием на ответственность за невыполнение. Это обстоятельство побудило и думу предпринять более решительные шаги, сменив бумажное писание на личную поездку по этому делу в Петроград специального делегата. Жребий пал на городского гол.[ову] Алекс.[андра] Ил.[ьича] Елтышева, который в ноябре и отправился на это паломничество и, надо сказать, выполнил свою миссию успешно.

Все накопившиеся за долгие годы недоимки на содержание канцелярии полиции по 2000 р. ежегодно, возложенные с 1865 года, на городское училище, в казенный налог и пр.[очее], всего в сумме 55 000 руб., по докладу государю были сложены навсегда с отменою на будущее время. Характерно то, что в Мин.[истерстве] внутр.[енних] дел не могли найти даже закона 1865 г., на основании которого Енисейск привлечен был к платежу на содержание канцелярии полиции 2000 р. ежегодно, и уже хотели было составить доклад о возврате Енисейску ранее вносимых денег как требуемых незаконно, но в канцелярии департамента оказался в числе служащих бывший енисейский вице-губернатор Булатов, знакомый с этим обстоятельством, который этот закон где-то откопал, и, т.[аким] обр.[азом], возврат денег отошел.

Таким образом, прежние отцы города вместо того, чтобы писать жалобные бумаги и наполнять ими министерские архивы, отправились бы лично в Петербург, исход получился бы обратный, скостили бы не только недоимки, а, пожалуй, еще вернули бы и прежние взносы. Надо было только раскошелиться на поездку да на представительство, а вот это и главное, и самое тяжкое бремя для наших тостосумов. А вот немного послуживший Александр Ильич Елтышев, оказывается, для города сделал более того, что

[3] Доклад автора общему собранию Общества взаимного от огня страхования (1915) помещен между л. 259–260 первой тетради записок Миндаровского.

прежние миллионеры, вместе взятые. Жаль только, что это облегчение явилось не ко времени. Наступившая вслед за этим революция и без царского приказа «быть по сему» избавила бы город от этих недоимок.

* * *

8 декабря 1915 года умер старейший приисковый уполномоченный когда-то гремевшего в тайге золотопромышленника Виктора Ивановича Базилевского — 90-летний старец Филипп Савельевич Шелухин, проживавший в последние годы одиноко в усадьбе бывшего своего патрона, которую он после ликвидации дел Базилевского, впавшего в несостоятельность, приобрел в свою собственность. Несмотря на то что за годы своей службы Ф. С. Шелухин составил себе капитал до 80 тысяч руб., он жил полным отшельником, и даже умирая, не оставил завещания, почему и все оставшееся наследство перешло к его родному брату, проживавшему где-то в России, такому же скряге, как и умерший, от которого никто никогда не пользовался даже копейкой.

Интересно то, что за гробом Ф. С. Шелухина до кладбища кроме священника шли только три лица — его прежние сослуживцы.

1916 год

Начало этого года совпало с днем двадцатипятилетнего служения моего в городской управе. 6 января 1891 года я в кабинете городского головы Мих.[аила] Мих.[айловича] Бородкина договорился о своем поступлении на освободившееся место столоначальника и с 7-го числа оставил прежние свои занятия в казначействе, где я до этого прослужил 7 лет и три месяца. Неожиданно для меня день 6-го января оказался торжественным для меня празднованием. Некоторые из моих друзей-гласных, знавших о моем 25-летии, взяли на себя инициативу устроить нечто в виде официального поздравления меня в думском зале. Ровно в 12 часов этого праздничного дня гласные собрались в думе, куда приглашен был и я приехавшим за мной гласным П. П. Димитриевым. Здесь заместитель гор.[одского] головы Георгий Данилович Одинцев, мой приятель с молодых лет, прочел поднесенный мне адрес, а гласный Степан Яковлевич [Коновалов] в теплых и сердечных словах высказал мне свои чувства и благопожелания, на что я, тронутый до глубины души, излил свою благодарность собравшимся соратникам на ниве общественного служения и коснулся тех шипов и терний, которые на всем протяжении прошедших 25 лет тяжелым гнетом лежали на плечах бывших моих современников и сковывают волю и мысль нам — оставшимся в живых продолжателям общественного дела[1].

* * *

Наступивший год принял на себя продолжение трудной работы, унаследованной от своего предшественника, работы, направленной к оказанию помощи [для] больных и раненых, по изготовлению предметов военного снаряжения и на дела продовольственные. Все это требовало денег, и только благодаря тому что общественная помощь все еще не оскудевала, город кое-как справлялся с этим. Вместе с тем росла спекуляция, и чтобы бороться с этим злом, нужны были опять-таки деньги, чтобы общественные организации, как, напр.[имер], продовольственные комитеты и кооператив, могли успешно побеждать это зло.

Вот это-то обстоятельство и побудило городскую думу возбудить ходатайство об отпуске городу из общеимперского продовольственного капитала ссуды 68 000 рублей на заготовку предметов первой необходимости,

[1] Этот день записан на страницах «Вестника Красноярского городского управления» № 3 за 1916 год. Есть в библиотеке музея. — *Прим. Миндаровского.*

по этому вопросу мне пришлось быть в Красноярске у губернатора Гололобова и участвовать на продовольственном совещании представителей городских и общественных организаций, где ясно было видно, что продовольственное дело день ото дня обостряется и даже кой-где начинает нервировать население.

Спекулятивная вакханалия охватила всех и вся, и борьба с ней становилась бессильной, потому что она втянула в себя не только частных лиц, но в ней замешаны были поставщики правительственных аппаратов, т.[о] е.[сть] начальствующие разных учреждений и должностные лица.

* * *

25 января умирает владелец колониально-аптекарского магазина Леонтий Федорович Флеер, завещая своим детям вносить в Енисейский общественный банк ежегодно по 100 руб. для накопления капитала, достаточного на открытие в Енисейске школы и библиотеки имени умершего, и затем по смерти его наследников должна перейти в собственность города и его недвижимая собственность — существующий 2-эт[ажный] каменный дом со службами на углу Базарной площади и Алексеевского переулка.

Наследники Флеера, его два сына и дочь, все получившие уже законченное образование, предложили городу видоизменить форму дара, завещаемого их отцом, сохраняя в основе его назначение. В заявлении своем, поданном в думу, они предлагают единовременное пожертвование 5000 руб. из сложных банковских процентов, которые, будучи неприкосновенными, через 75 лет должны составить капитал в 193 000 руб., который тогда город распределяет так: 10 000 руб. на устройство городских школы и библиотеки имени Флеер[а] Л.[аврентия] Фед.[оровича], 2500 руб. в неприкосновенный капитал, проценты с которого поступают на стипендии учащимся в средних учебных заведениях г. Енисейска имени Л. Ф. Флеера, 25 000 руб. на учреждение мелкого кредита и остальные на нужды города, касающиеся его благоустройства.

Такое предложение было принято думою без возражений, после чего 5000 руб. были внесены в капиталы банка, а городом выдано обязательство на выполнение воли завещателя, а дом за отказом от него города вскоре же был продан наследниками губернскому союзу кооперативов, в ведении которого он теперь и находится.

* * *

По соглашению с наследниками Флеера при ликвидации ими торгового дела их отца город купил у них остатки товаров аптекарского мага-

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія публики, что въ скоромъ времени имѣетъ быть открытъ въ г. Енисейскѣ въ д. бывшемъ И. М. Хейсина

АПТЕКАРСКІЙ МАГАЗИНЪ

съ продажею оптомъ и въ розницу химическихъ, москательныхъ и парфюмерныхъ товаровъ, перевязочныхъ матеріаловъ и хирургическихъ инструментовъ; натуральныхъ и минеральныхъ водъ, оптическихъ и др. товаровъ.

Аптекарскій магазинъ принимаетъ устройство таежныхъ и сельскихъ аптекъ

ПО САМЫМЪ УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ,

за требованіями прошу обращаться къ провизору магазина.

Енисейскій 1-й г. купецъ Л. Ѳ. Флееръ.

Печ. разр. 12 Сентября 1894 г. Пом. Испр. Гомолицкій.
Енис. Тип. О. Н. Штеблера.

зина, употребив на покупку завещанные А. М. Бородкиным 2000 руб. на оборудование аптеки, с тем чтобы впоследствии магазин этот обратить в аптеку и тем выполнить волю завещателя.

Таким образом с 1917 года открыт был в Енисейске первый аптекарский городской магазин, неубыточно работавший до 1920 года, т.[о] е.[сть] до перемены власти.

* * *

Еще в прошлом году Иркутский комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам послал в нашу управу предложение принять участие в имеемом быть в г. Иркутске съезде представителей городов Восточной Сибири и Дальнего Востока по вопросам, связанным с военным временем и касающимся успешной деятельности городов в этом отношении, и если найдет дума нужным, то и внести в форме доклада свои соображения по вопросам программы. Городская дума, находя, что в данный момент хозяйственного и финансового затруднения города представительство на этом съезде является крайне желательным и полезным, избрала меня делегатом на этот съезд, который по каким-то причинам вскоре не состоялся и был отнесен на апрель м[еся]ц этого года.

Отправляясь на этот съезд, я повез приготовленный мною доклад (при сем приложенный в черновике[2]) о финансовом состоянии гор. Енисейска в связи с дороговизной жизни, который, без преувеличения скажу, собранием был заслушан внимательно, и я счастлив был получить даже знаки одобрения участвовавших делегатов. Благодаря сделанному докладу я по-

[2] Машинописная копия доклада М. П. Миндаровского на съезде представителей городов Восточной Сибири помещена на л. 248–251 первой тетради его записок. В настоящее издание этот доклад не включен.

пал в финансовую комиссию городов, где вместе с другими коллегами съезда пришлось поработать весь день 18 апреля.

Я не буду распространяться в подробностях о работах съезда и вынесенных им резолюциях, т.[ак] к.[ак] все это желающие найдут в сибирской прессе этого времени, а коснусь лишь общей характеристики съезда.

Из Красноярска мы поехали на съезд с нашим депутатом думы С. В. Востротиным, с ним же я и вернулся вплоть до Енисейска. Должен сказать, что на этом съезде особенно сосредоточено было все внимание генерал-губернатора Пильца[3], командировавшего даже присутствовать на съезде своего чиновника особых поручений. Отсюда ясно, как аккуратно надо было управлять съездом председательствующему, и недаром председатель съезда член Госуд.[арственного] совета Зубашев (б.[ывший] директ.[ор] Томск.[ого] техн.[ологического] института) в своей вступительной речи предостерегал делегатов всячески быть осторожными в своих выступлениях и щадить съезд от возможного закрытия.

Несмотря на это, «бдительное око» ген.[ерал-]губ.[ернатора] сейчас же соскакивал с места, опережая даже председательский колокольчик, как только до его уха доносились неосторожно вырвавшиеся у кого-нибудь из ораторов крамольные слова вроде конституции, ответственности правительства или, храни боже, Учредительного собрания.

Предвидя это, собравшиеся накануне открытия съезда делегаты немало потратили времени уговорить профессора Зубашева согласиться на баллотировку в председатели собрания, назначив в помощь ему даже двух товарищей пр-[едседате]ля (один из коих был С. В. Востротин). Затем немало волнений членам съезда причинило сделанное генерал-губ.[ернатором] распоряжение не допускать в число членов съезда с правом голоса лиц, носящих звание ссыльного. По этому поводу почтенному председателю пришлось вести личные переговоры с Пильцем и кое-как уговорить его пойти на компромиссы и разрешить исключение для тех прибывших на съезд делегатов, которые, работая личным трудом в общем деле помощи стране в ее ратном деле в качестве активного члена той или другой организации, пославшей их на съезд, имеют несчастие нести временное клеймо административно-ссыльного. Такие трюки генерала не могли, конечно, не нервировать съехавшихся для преодоления общего для всех дела, отсюда вполне понятна и неосторожность, допущенная горячими натурами в своих выражениях. Как бы там ни было, но все-таки съезд благодаря умелому председательствованию проведенных в президиум лиц был сохранен до конца, хотя по закрытии съезда некоторые из наиболее го-

---

3 Пильц сменил генерал-губернатора Князева в 1915 году. — *Прим. Миндаровского.*

рячих голов, как ссыльные, были арестованы, но без особенных для них последствий.

Из всех вопросов, поставленных в программу, стоял вопрос продовольственный, где наиболее и выступали молодые люди из разных кооперативных организаций, освещавшие положение дела с тех отрицательных сторон, какие и били всею своею тяжестью по населению. Не могли быть приятны для администрации, разумеется, и те подчеркиваемые съездом преграды и заставы, на которые члены съезда указывали в своих докладах, вроде, напр.[имер], порто-франко, административная опека над городскими самоуправлениями, отказ в предоставлении земства и многое другое.

В общем, съезд прошел оживленно и дал собою наглядный урок для администрации. Остается только пожалеть, что труды этого съезда не успели быть отпечатаны и изданы в свет. Революция помешала этому. Участвующих на съезде было около ста человек.

* * *

В июне месяце в Енисейск прибыла экспедиция во главе с инженером пут.[ей] сооб.[щения] А. М. Вихманом, отправляющаяся в низовья р. Енисея для постройки перегрузочного порта, необходимого при развитии торговых сношений Сибири с иностранными рынками ввиду последовавшего закона о льготном плавании в устья рек Оби и Енисея (см. приложения)[4].

В дни пребывания этой экспедиции в Енисейске в городской думе было устроено по желанию Вихмана совещание из гласных с приглашением лиц, хорошо знающих низовый край и условия стоянки судов во время ветров, на случай выбора наиболее подходящей для этого местности, в которую спокойно могли бы быть введены морские и речные суда для перегрузки.

Присутствовавшие участвующие в совещании старые лоцмана и капитаны пароходов, местные жители, напр.[имер] Субботин, Кыштымов, Серебренников, Богатков, Игумнов и др.[угие], почти единогласно высказались за преимущество такого отстоя у острова Пашкова в 130 верстах ниже Дудинки. Эта местность и принята была к руководству при постройке затона и построек при нем, а также и радиотелеграфа.

На совещании говорилось о размерах будущей сибирской торговли с заграничными рынками и о средствах перевозки товаров до ближайшего пункта отправки их к дальнейшему Северу, в связи с чем начальник экспедиции А. М. Вихман высказал пожелание, чтобы городское управление к обратному приезду его осенью подготовило статистический описательный материал экономического положения уезда и Туруханского края, ко-

[4] Упомянутый Миндаровским материал здесь не приводится.

ЕНИСЕЙСКОЕ ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНIЕ.

ЕНИСЕЙСКIЙ УѢЗДЪ И ТУРУХАНСКIЙ КРАЙ

ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНIИ.

ОЧЕРКЪ.

ЕНИСЕЙСКЪ

1917

Очерк М. П. Миндаровского и Мгеладзе «Енисейский уезд и Туруханский край в экономическом отношении» (Енисейск, 1917)

торый бы, с одной стороны, осветил жизнь края, с другой — способствовал выполнению работы по представлению доклада министерству в отношении устройства затона в Енисейске, а для Енисейска небесполезен будет как материал, знакомящий с положением дальнего Севера.

Результатом этого явился прилагаемый к сему очерк Енисейского уезда и Туруханского края[5], составленный мною в сотрудничестве по собиранию материала с административно-ссыльным статистиком Мгеладзе[6].

По возвращении Вихмана этот материал был ему вручен, а зимою пошло ходатайство думы о необходимости постройки зимовочного затона в Енисейске для отстоя рейсирующих судов по Енисею, место для которого уже отведено было в 1914 году в городской протоке (см. дело о портофр.[анко] № 49 за 19 <…>[7] год).

В этот же период времени, т.[о] е.[сть] отъезда Вихмана из Енисейска, управление Ачинско-Минусинской железной дороги получило разрешение приступить к подготовительным работам для будущей постройки линии Енисейск — Ачинск и состоялось постановление думы в присутствии прибывшего инженера Кошурникова об отводе управлению дороги полосы земли на Николаевке под вокзальные сооружения, что главным образом и послужило основанием к постройке речного затона.

В последнее время прибыл в Енисейск на житье со своею супругою член торгового дома «Швецов и с[ыновь]я» Иван Алексеевич Швецов, облада-

[5] Енисейский уезд и Туруханский край в экономическом отношении: [очерк] / Енисейское городское общественное управление. Енисейск: Тип. бр. Кытмановых, 1917. 26 с.

[6] Печатная брошюра есть в музейной библиотеке, а мою данную на честное слово зажилил известный Бабкин — революционный деятель Енисейска. — *Прим. Миндаровского.*

[7] Текст поврежден.

тель значительного состояния, и задумал сделаться здесь пионером будущей крупной промышленности в крае. С этою целью он вошел в городскую думу с ходатайством об отводе ему на основании нового закона о застройке (закон 23 июня 1912 г.) десятины места земли между городом и так наз.[ываемой] Вологдинской заимкой под постройку парового кожевенного завода и других при нем сооружений. Срок пользования землею определялся в 99 лет.

Казалось бы, в целях развития промышленности такое крупное предприятие следовало бы только приветствовать, но, к сожалению, личные интересы людей, стоящих у кормила правления, берут верх и без всякого прикрытия дают себя знать, хотя бы то было и в нарушение интересов целого края. И здесь это сказалось в особенности. В думе при рассмотрении ходатайства Швецова об отводе земли стали в оппозицию гласные Ст.[епан] Як.[овлевич] Коновалов и А. П. Прейс — владельцы кожевенных заводов, которым претендент Швецов являлся сильным конкурентом. Однако сколь ни агитировали они в думе против отвода участка и какие бы невыполнимые условия пользования землей ни предлагали, участок площадью в 2078 саж.[еней] был отдан просителю, и с того же момента началась постройка заводских сооружений с соблюдением всех современных технических правил безопасности и заводской гигиены. Остается только пожалеть, что затеянное Швецовым предприятие, потребовавшее на постройку более сотни тысяч руб., принесло потом владельцу столько неприятностей.

Наступившие мартовские дни 1917 года, а с ними вместе всеобщий развал во всех отраслях деятельности при полной невежественности рабочего класса, превратно усвоившего добытую себе свободу, не могли, конечно, не отразиться и на ходе постройки завода, который хотя и был закончен постройкой и приступил к работе, но просуществовал немного. Осенью 1919 года Швецов, предвидя для себя опасность, покинул Енисейск, оставив завод и купленный им каменный дом, бывш.[ий] Григорова, на произвол судьбы. Нужно сказать, что Иван Алекс.[еевич] Швецов по натуре был человек очень отзывчивый, гуманный и достаточно просвещенный, чуждый какого-либо сквалыжничества; при благоприятно сложившихся обстоятельствах он много бы сделал полезного для будущности нашего Енисейска, но судьба сложилась иначе.

* * *

Появившийся на сцене Северно-Сибирский вариант жел.[езной] дор.[оги] инж.[енера] фон Циглера не на шутку всполошил наших соседей-красноярцев. Еще в прошлом году гласный Красноярской городской думы домовладелец Оносовский выступил в № 9 журнала «Вестник Краснояр-

ского город.[ского] управления» с предостерегающей статьей, в которой высказывался за принятие каких-нибудь мер в защиту интересов Красноярска, иначе Енисейск в случае проведения к нему дороги подорвет значение Красноярска как питательный центр для всей губернии. В ответ на эту статью я поместил в № 14 того же журнала за тот же год контрстатью, где говорю, что неприлично своему собрату, оперившемуся благодаря проведению через него ж[елезно]д[орожной] магистрали и живущему за счет Енисейского и Туруханского краев, стараться подкапываться под выдвигаемое самой жизнью улучшение экономических благ своего соседа; не лучше ли, говорю я, Красноярску, чем вести недостойную игру, обратить внимание на поднятие у себя местной промышленности, спрос на которую с осуществлением торговли по Северно-морскому пути только возрастет.

Невзирая ни на что, Красноярск сочиняет свой проект ж.[елезной] дороги от Красноярска на Кузнецк и ухватывается, как за якорь спасения, за образовавшееся вновь Общество Южно-Сибирской жел.[езной] дор.[оги] в противовес северному направлению и, пользуясь обращением правления О[бщест]ва Кольчугинской жел.[езной] дороги, сделанным почему-то на имя енисейского губернатора, начинает осуществлять свой проект направления Кольчугинского варианта от Кузнецка на Красноярск, силясь доказать предпочтительность южного пути, чем северного. По этому поводу в декабре этого года в Красноярске происходит ряд совещаний под председательством г-[убернато]ра Гололобова, на которых уже не на шутку выдвигается линия Кузнецк — Красноярск, о которой изготовлена была уже экономическая записка, как якобы имеющая в будущем несравненно большее значение в смысле экономики, чем линии Томск — Енисейск или Ачинск — Енисейск, заведомо обреченные на бездействие. Особенно старается в этом некто А. П. Музыкин, случайный житель Сибири, которому за несколько лет тому назад, во время нахождения его в административной ссылке, мы помогли выехать из Енисейска.

Теперь красноярцы поручают ему составление экономической записки в защиту варианта, рожденного на красноярских совещаниях, а позднее это простое желание г. Музыкина несколько «подработать» выдвигает его, как будто бы искреннего защитника местных нужд, на пост красноярского городского головы, куда он проходит уже в революционное время, когда господствовал не разум, а успех той или другой политической партии.

Надо ли говорить, что самая слабая сторона экономической записки Музыкина[8] о линии Кузнецк — Красноярск заключалась в оспаривании пре-

[8] Предварительная записка к проекту Барнаульско-Красноярской железной дороги / Сост. А. П. Музыкин; Краснояр. гор. обществ. упр. Красноярск: Типография «Н. Г. Титовский и К°», 1916.

имуществ водного сообщения по Енисею с северными окраинами только в направлении к Красноярску, чем у Енисейска.

Вся эта «музыка» красноярских цензовиков потом рассеялась в воздухе, как пустой звук, и когда в красноярской газете торговца Кохановского «Енисейский край» в декабре этого года (№ газеты не помню) я поместил свою статью «Северно-морской путь в связи с железною дорогой», где ссылками на авторитетных исследователей реки и других компетентных лиц доказал невозможность продвижения массовых грузов Северно-морского пути в Красноярск глубокой осенью при обычном спаде воды, то возражения на эту статью ни от кого уже не последовало, не было оспаривания со стороны красноярцев и доклада инженера Шапова, сделанного в Красноярске в январе 1917 года, а в период этого спора последовало Высочайшее разрешение на постройку линии Енисейск — Ачинск, и на этом страсти красноярцев остыли.

* * *

В конце декабря этого года мне пришлось поехать в Красноярск по поручению правления общества п-[отребите]лей «Самопомощь» для исхлопотания наряда на получение продовольственных запасов, а также и денежной ссуды на торговые операции, которые отпускались тогда из общеимперского продовольственного капитала. Поручение это по возможности выполнено мною, и на этом закончился год моей работы в кооперативе в качестве секретаря и члена правления.

КОНЕЦ

* * *

Этим годом я свои записки кончаю. Наступил новый, революционный 1917 год. Год строительства новой общественно-социальной жизни, год начала переоценки всех ценностей, год преддверия народных бедствий и ужасов гражданской войны.

Чем писать о новой эпохе, я лучше оглянусь назад на все пройденное и пережитое за годы своей служебной деятельности, с которой было связано у меня много приятных воспоминаний. В своих записках я касаюсь лишь общих очертаний тех отдельных событий и дел, которые до сих пор живы в моей памяти и на которые указывали случайно сохранившиеся у меня материалы, которые частию прилагаются к этим запискам.

В своей статье, помещенной в четвертой книжке «Сибирских записок» за 1916 год под заголовком «Город-банкрот»[9], я вкратце уже коснулся прошлой жизни города Енисейска, но многое и упустил. Между тем, если взять старое время, хотя бы с появления керосиновых фонарей по улицам города, и сравнить с современным состоянием городского хозяйства, мы найдем громадный толчок вперед. Здесь мы видим, что керосиновое освещение сменили газовые фонари «Самосвет», а их потом заменило электричество.

Начальное образование ограничивалось содержанием двух начальных школ, а затем, постепенно расширяясь, число их достигло до пяти, кроме школы Иверского монастыря, а в последнее время приступлено было уже к проведению плана всеобщего образования, так как само государство пошло этому навстречу денежным ассигнованием. Мужская прогимназия обращена в полную гимназию. Для удовлетворения потребности населения в медицинской помощи создана лечебница и родильный покой, в целях доступного кредита учрежден ломбард и расширены операции общественного банка открытием переводов и текущих счетов.

К культурным завоеваниям следует отнести осуществление электрического освещения, народного дома и театра, бесплатной библиотеки. Многие из богатых граждан стали сознавать пользу культурного развития и образования и жертвовать на эти потребности свои средства, наконец, и состав гласных думы от одного четырехлетия к другому обновлялся вхождением просвещенных людей в число городских деятелей, благодаря чему улучшилась хозяйственная часть города, обновлен[а] и технически удовлетворительно оборудована городская пожарная команда и многое другое.

Если бы не стеснительные рамки действовавшего Городового положения и не административный надзор за деятельностью городского самоуправления, без сомнения, улучшение городского хозяйства этим не ограничилось бы. А сколько курьезов было в канцелярской работе на этой почве, всего не перечтешь! Взять, наприм[ер], городские сметы за периоды их дефицитности и советы губернской администрации, как и чем руководствоваться, чтобы балансы смет выровнялись и в таком виде утверждены были начальством. Один губернатор рекомендует делать исчисления по смете по среднему выводу на основании данных трехлетней сложности, другой применение такого метода называет «шаблонным способом и мертвым канцелярским формализмом». В одном случае указывается, что при дефицитной смете никакие дополнительные ассигнования допускаемы быть не могут, в другом наряду с этим предписывается включить в дополнительную смету кредит на добавочное жалованье городовым полицейской

[9] Миндаровский М. Г. Енисейск (город-банкрот) // Сибирские записки. 1916. № 4. С. 96–104.

команды. И все это происходит оттого, что жизнь переросла устаревшие порядки в хозяйстве городов, но ни один администратор, ни один генер.[ал-]губ.[ернатор], хорошо все понимая это, не осмелился громко сказать столице: пора пересмотреть и переделать закон! В результате всего этого — атрофия общественной деятельности и индифферентизм к работе, ставший в последнее время почти обычным явлением.

До боли жаль архивные материалы об Енисейске, теперь уже уничтоженные, они могли бы дать много интересного из прошлой жизни города, пожалуй, за целое столетие, так как в этих архивах хранились, наприм.[ер], дела сиротского суда, уцелевшие от пожара 1869 года, а в них находилось много опекунских дел по имуществам золотопромышленников с начала появления здесь этого вида промысла. Хранились дела дореформенного словесного суда и др.[угие] переписки. Все это был бы теперь неисчерпаемый материал, характеризующий быт, нравы и духовную жизнь енисейцев «доброго старого времени», далекого по своему развитию от всякой культуры.

Только с половины семидесятых годов начинают появляться единичные самородки из местных уроженцев, которые, как, напр.[имер], Никита Виссарионович Скорняков, своим новым словом и действием вносят светлый луч в застоявшееся болото общественности.

Немало способствовала оживлению общественной среды и тогдашняя политическая ссылка, влившая в число жителей много интеллигентных людей из так наз.[ываемых] польских повстанцев 1863 года, впоследствии оставшихся здесь на жительство до своей смерти. Имена врачей Антоневича, Самуйло, Пиотровского или занявшихся здесь золотопромышленностью Клемантович, Муравского, Поплавского, Сахацкого, Березовского и др.[угих] еще сейчас сохраняются в памяти оставшихся в живых их потомков. В числе подневольных жителей города находились небезызвестные имена писателей Л. Ф. Пантелеева, С. Я. Елпатьевского и журналистов Чудновского и Журавского. Много полезного оставил после себя умерший в глубокой старости географ Макс.[имилиан] Маркс (основатель метеорологической станции и исследователь железнодорожного пути от Енисейска на реку Чулым у села Мелецкого).

Даже известный в свое время процесс клуба «червонных валетов», бывший в Москве в 1877 году, наградил Енисейск несколькими экземплярами, замершими здесь и оставившими по себе память. К таким уголовным лицам я должен отнести имена Августовского[10], способствовавшего А. И. Кытманову в его работах по собиранию музея, и Неофитова, дававшего здесь уроки

[10] Здесь в тексте примечание неизвестного лица: «Августовский, живший на Ангаре, пришел в ссылку по другому делу».

по подготовке в средние и высшие учебные заведения. Наконец, много имен из среды ссылки можно найти в трудах по исследованию края и в частности Енисейска в этнографическом, геологическом и экономическом отношениях. Все это вместе взятое дало огромный толчок культурному развитию города и его населения.

Говоря о культурном росте города последних лет минувшего века, было бы непростительным для меня, если бы я умолчал о деятельности местных культурно-просветительных и друг.[их] общественных организаций, из коих на первое место следует поставить деятельность Общества попечения о начальном образовании.

Основанное в 1884 году по почину служившего тогда городским головой Николая Никандровича Дементьева, пожертвовавшего в основной капитал о[бщест]ва 1000 руб., оно за свое 25-летнее существование, считая до его подневольного закрытия в 1908 году, немало принесло пользы делу просвещения. Общество, извлекая средства путем членских взносов, пожертвований, сборов со спектаклей и т.[ому] п.[одобного], содержало школы и вело внешкольную просветительную работу устройством народных чтений и воскресных занятий со взрослыми, обучая последних не только грамоте, но и рукоделию (кройка и шитье). Существующий книжный склад снабжал по доступной цене всеми учебными пособиями и книгами для внеклассного чтения. Оно же устраивало иногда каток для учащихся. С 1910 года существовало еще О[бщест]во вспомоществования учащимся обеих гимназий.

Само собою разумеется, что всей разнообразной деятельностью учреждений ведала определенная группа лиц из местного общества и интеллигенции, с ревностью и усердием отдающая на это свой досуг и свои силы. Обыкновенно вся серая масса, т.[ак] ск.[азать], население являлось только объектом извлечения средств, и хорошо то, что оно сочувствовало такому делу, несло на нужды его свою посильную лепту и этим поддерживало энергию в руководителях.

Выше я уже говорил, какой богатый вклад обществу сделали супруги Баландины, построив здание школы-читальни и обеспечив его существование, а стремление отдельных лиц отдать свои знания тому, кто в силу каких-либо обстоятельств или крайней нужды в свое время не смог получить их хотя бы в зачаточном виде, уже довершали это. И как на одну из таких самоотверженных личностей, сделавших крупные услуги обществу своим бескорыстным трудом, я обязан указать на Веру Алексеевну Доронину, местную уроженку, дочь старожила врача Алексея Иван.[овича] Вицина.

Эта во всех отношениях прекрасная и всеми уважаемая женщина все время в продолжение почти двух десятков лет до своей смерти (ум. в 1918 г.)

Вера Алексеевна Доронина, 1900 г. Из коллекции Яна Логинова (г. Красноярск).

состояла руководителем дел этого общества как активная руководительница воскресными школами, как хорошая преподавательница и как талантливая артистка-любительница. Большую помощь в школьных занятиях оказывали и такие наши енисейки, как Александра Эразмовна Заболоцкая — любительница детей и в свою очередь любимая ими, Елизавета Васильевна Останина как опытная учительница и деятельный член о-[бщест]ва. Обе эти женщины были также и постоянными и тоже талантливыми исполнительницами своих ролей в любительских спектаклях о-[бщест]ва. О других крупных именах наших граждан я уже упоминал выше.

Наряду с филантропической деятельностью местной интеллигенции по части просвещения и внешкольного развития шла в большей части при поддержке и участии тех же лиц и другая общеполезная деятельность местного общества.

В своих записках я уже упоминал, как и при каких обстоятельствах организовалось здесь Общество пособия бедным, оказавшее в течение 15–16-летнего своего существования немалую помощь обездоленному пролетариату, впавшему по каким-либо обстоятельствам в крайнюю нищету.

Определенно скажу, что это филантропическое общество как помощник городу, содержащему богадельню, значительно больше принесло пользы, чем государственное так называемое социальное обеспечение советской власти, распустившей своих богаделенных собирать по городу куски и хоронившей умирающих нагишом и даже без гробов, не говоря уже о выполнении каких-либо духовных обрядов по вере умирающего, а все те лохмотья и тряпки, какие оставлял по смерти богаделенный, «товарищи» отбирали как государственный фонд на свои, вероятно, потребности.

Заботы Общества пособия бедным, согласно уставу, состояли в том, что оно содержало дешевую, а в иных случаях и бесплатную помощь отпуском

ежедневно обедов лицам, не имеющим определенного постоянного заработка, и притом одиноким, безработным или нетрудоспособным. К потребностям этих пролетариев обществом содержалось особое помещение для ночлега — «ночлежный дом», где в зимнее время этот бездомовый люд всегда имел теплый угол для сна, уплатив 3 коп. и за обед 7 коп. Кипяток при желании всегда давался бесплатно. Таким обр.[азом], за гривенник в день или 3 руб. в месяц нуждающийся мог иметь сытный обед и теплый приют.

Однажды во время моего дежурства в столовой при отпуске обедов ко мне подошел один из армии люмпен-пролетариата[11] — крючник, работавший на пароходской пристани, — и, вручая двадцатипятирублевый кр.[едитный] билет, говорит: «Вот возьмите и запишите от меня, чтобы я на эти деньги мог ходить обедать и ночевать, а то иначе эти деньги я пропью или проиграю в карты, они у меня не удержатся». И этот человек сразу же обеспечил себя пищей и теплом на всю зиму.

Следует сказать, что названное общество по мере своих средств необходимую помощь бедноте оказывало, и нуждающиеся оставались довольны.

В области городского благоустройства вела свою полезную работу другая организация — Добровольное пожарное общество, история которого такова.

В 1890 году были в городе сильные пожары от поджогов, учиняемых неуловимыми злоумышленниками. В это время группа лиц, по преимуществу из молодежи, руководимая Ст.[епаном] Вас.[ильевичем] Востротиным и столоначальником окружного суда (дореформенного) Модестом Васильевичем Глебовым, сорганизовывается в добровольную пожарную дружину, вырабатывает устав и начинает действовать. Под впечатлением пожаров работа дружинников протекала блестяще, на собранные по подписке средства заведен был кой-какой пожарный инструмент и даже приобретена ручная пожарная труба, но постепенно, по мере того как эпидемия пожаров сменилась на благоприятные годы и когда наиболее энергичные люди выбыли из города, дружина затихла и наконец совсем рассыпалась. Только возникновение новых пожаров, принимавших в Енисейске спорадический характер поджогов, пробуждало от спячки эту организацию, и она оживлялась на время, чтобы снова уснуть. Так шло до 1912 года, когда по почину Красноярского общества взаимного от огня страхования, имевшего здесь отделение, вопрос о коренном преобразовании в Енисейске пожарной охраны был наконец поставлен на очередь, и вполне серьезно. Выше под этим годом я уже упоминал об этом и повторяться не буду. Как-никак, но в за-

[11] Своеобразна орфография этого слова в рукописном тексте Миндаровского: «люмбле-пролетариата».

просах местной жизни противопожарные меры борьбы с огнем были поставлены за последнее время удовлетворительно, и реорганизовавшееся по новому уставу Добровольное пожарное общество при помощи постоянного инструктора пожарного дела сделалось уже постоянной организацией, всегда готовой [прибыть] на место пожарища.

Вышеописанные мною три чисто филантропические организации надо рассматривать как участие самого общества, вернее, населения города в деле «местных польз и нужд», забота о которых по закону лежала на городском общественном самоуправлении и развитию которых оно не могло дать толчка за недостатком на это городских средств.

Другое дело, если бы городам и в частности нашему Енисейску предоставлены были широкие права по самоуправлению, а правительство не тормозило бы осуществление естественных потребностей в жизни той или другой окраины. Общественная жизнь городов и их хозяйство приняли бы совершенно иной вид и характер. Тогда всю ту работу, которую выполняли упомянутые организации, с успехом приняло бы само городское управление; к осуществлению этой задачи в последние годы мы уже стали подходить и уже подошли, мало того, даже «своею собственной рукой» добыли ее, но, к сожалению, не сумели с нею совладать, чтобы повести свою родину по пути культурного развития к ее величию и славе. Пустыри и развалины домов — лучшее тому доказательство.

М. Миндаровский
Декабрь 1924 года
г. Енисейск

Материал, прилагаемый к настоящим запискам

1) Алфавитный указатель минералов, пожертвованных городу А. И. Тарасовым.
2) Отчеты Общества попечения о начальном образовании за 1903 и 1904 года.
3) Устав Общества вспомоществования учащимся мужской и женской гимназий.
4) Отчеты Общества пособия бедным за 1902/3, 1904, 1909 и 1915 года.
5) Отчет по оказанию помощи пострадавшим от наводнения в 1906 году.
6) Отчет Добровольного пожарного общества за 1914 год.
7) Список постановлений о сборах в пользу города.
8) Протоколы съезда представителей городов Енис[ейской] губернии по организации помощи семьям запасных и воинов [за] 1915 год.

Дела городской управы:

9) Дело № 15 за 1900 г. О прирезке городу 5000 десятин земли.
10) Т.[о] же за № 49 за 1906 г. О порто-франко по р. Енисею.
11) № 56 за 1906 г. О железной дороге Ачинск — Енисейск.
12) [№] 46 за 1912 [г.] О железной дороге Томск — Енисейск и Ачинск — Енис[ейск].
13) № 34 за 1903 г. О преобразовании мужской прогимназии в полную гимназию.
14) № 37 за 1903 г. О возмещении городу расходов при введении казенной винной монополии.
15) № 41 за 1903 г. О пароходных и друг[их] пристанях.
16) Наряд Добровольного пожарного общества за 1914 г.
17) Протоколы железнодорожного комитета [за] 1913–1914 годы.
18) Очерк Енисейского уезда и Туруханского края.
19) Доклад по проекту Нижегородско-Обской железной дороги (страница 16-я).
20) Записка Акционерного общества пароходства по р. Енисею.
21) Материалы управления водных путей М[инистерства] п[утей] с[ообщения] о развитии судоходства.
22) Представление генерал-губерн[атора] Князева за № 5582 об использовании Северно-морского пути.

23) Доклад д-[епартамен]та М.[инистерства] торговли и промышленности об организации срочного пароходства по Оби и Енисею.
24) Доклад томского городского головы о Северно-Сибирской магистрали.
25) Мои газетные статьи и корреспонденции.

Независимо сего, я оставляю после своей смерти в дар библиотеке при местном музее всю имеющуюся у меня домашнюю библиотеку, относящуюся к сибиреведению, как то: журналы «Вестник Красн.[оярской] гор.[одской] упр.[авы]», «Сибирские вопросы», «Сибирские записки» и т.[ому] под[обное][1].

М. Миндаровский
1925 год
г. Енисейск

[1] Приписка Миндаровского: «Многое уже передано лично мною за службу в музее».

М. П. Миндаровский

Записки и воспоминания 1919–1935 годов

Моя убедительная просьба к тем моим друзьям и знакомым, в руках которых после моей смерти окажется тетрадь моих записок и воспоминаний, всячески постараться сохранить их как исторический материал для будущего, когда наступит время для изучения той нашей эпохи, современником которой я был при жизни, и чем дальше это время наступит, тем ценнее эти записки окажутся для их обнародования.

Автор

1927 год, август

Говорят, современники не могут с надлежащею беспристрастностью судить о делах и людях, которые прошли пред их глазами, о лицах, с которыми, быть может, имели личные отношения. У меня лично, положим, нет на личной почве никаких столкновений с людьми и их творениями, летописцем которых я хочу быть, но пусть будет так, и спорить с этим я не буду. Однако есть факты, записывая которые к сведению для будущих историков и краеведов, трудно бывает воздержаться, чтобы тот или иной факт не осветить пояснениями и выводами самого современника-летописца, пред глазами которого происходили описываемые им события.

В шестой книжке издававшихся в Красноярске в 1919 году «Сибирских записок» напечатана была моя статья «Революционные дни в Енисейске»[1], законченная февральским восстанием, подавленным потом казаками. Настоящие мои записки будут служить лишь продолжением дальнейших событий, прошедших пред моими глазами и непосредственным свидетелем которых я был в силу своего служебного положения.

Я уже говорил в своей статье, что восстание это учинено было т.[ак] наз.[ываемым] люмпен-пролетариатом[2], т.[о] е.[сть] тем элементом, находившимся в городе в изобилии, который, еще смолоду непригодный к какому-либо труду, привык жить на чужой счет. А так как по всей стране в большой уже моде были среди подобного люда теории Ленина, то эта кучка любителей легкой наживы и решила воспользоваться благоприятным моментом, стакнувшись с своими единомышленниками из числа солдат местного гарнизона и содержавшихся в тюрьме уголовников. Восстание это, совершенное якобы на политической почве недовольства колчаковским режимом, в темной, малосознательной и колеблющейся массе носило к тому же ореол мученичества за идею, лучезарным проводником которой был в то время Ленин. Так, по крайней мере, и приходилось наблюдать потом на лицах, участвовавших в восстании и шедших к следователю с гордо поднятой головой. Как будто бы это не «любители легкой наживы на час да вскачь», а истые революционеры, смело смотрящие в глаза смерти.

В одной из книжек Госиздата, попавшейся мне в руки, была помещена переписка между Лениным и меньшевиком — его старым другом Сухановым в трагические октябрьские дни, где Суханов писал, что русская

---

[1] Миндаровский М. Революционные дни в Енисейске // Сибирские записки. 1919. № 6 (ноябрь–декабрь). С. 53–80.

[2] У Миндаровского — «люмблепролетариатом».

Страница из рукописи М. П. Миндаровского

рабочая масса настолько еще малосознательна для того, чтобы могла понять и усвоить себе истинный смысл экспроприаций, чтобы, отбирая ценности и богатства у частных лиц до крохотной булавки, все это нести потом и сдавать в народную казну, не оставляя себе «за труды» ни полушки. На такой вполне правильно поставленный вопрос Ленин ему ответил, что «в борьбе все средства хороши», что иными словами значит «грабь в мою голову»[3]. И это вполне понятно. Разъясни тогда очумелой массе, что экспроприации и национализации есть дело общегосударственное, чуждое каких-либо посягательств на его расхищение, тогда, пожалуй, из всех тех «рабочих и кр[естья]н», именем которых жонглировал Ленин, никто бы

[3] Ср.: «...он стал среди площади и крикнул зычным голосом: — Братцы матросики... Грабь их в мою голову. Чтобы помнили закон...» (В. Короленко. «История моего современника»).

не двинулся и с места. Только исстари усвоенная русскими склонность к посягательству на чужую собственность и могла толкнуть на такую «революцию», где одни таскали, а другие стояли с винтовкой на часах и охраняли творимое разграбление национальных богатств несчастной страны. Нечто похожее на это представляло в себе и наше февральское восстание т.[ак] наз.[ываемых] инсургентов. С рассветом первого дня, пользуясь тем, что винтовки в их руках, а начальник гарнизона убит ими по дороге, приступили восставшие к обходу квартир богачей и зажиточных граждан, где знали, что можно кой-чем поживиться, в то время как наскоро сорганизовавшийся «революционный штаб» занялся в д.[оме] Баландина своими распорядительно-управленческими делами по городу, обратив прежде всего внимание на винные склады, находившиеся в заведовании городского управления, а последнему предоставив по-прежнему заниматься своею текущей работой у пустого ящика. В тот момент, когда я, арестованный разгуливавшими по улицам города патрулями, был задержан на дороге и приведен в штаб, то заседавший за письменным столом Баландина солдат Чудинов (енисеец) и сидевшие с ним еще два типа едва ворочали языком, так как на столе пред ними вместо чернил и бумаги находилась недопитая четверть водки, соленый моксун и краюха хлеба. А отправленные за сбором дани творили свои дела. Врывались по три, по пять человек в квартиры жильцов, приступали к отобранию всего, что попадет под руку, ношебное платье, а главное — золото и серебро. Вещи же неудобопринимаемые, как зеркала, разбивались прикладами. В тех случаях, когда со стороны хозяев проявлялся хотя какой-нибудь протест, с ними расправлялись прикладами, а то и прикалывали. При таких обстоятельствах был убит служащий золотопромышленника Власова Г. А. Мамулошвили — политический, ссыльный меньшевик, вздумавший защищаться револьвером.

Нельзя, конечно, помянуть добрым словом и ликвидаторов восстания — казаков отряда подполковника Розанова, к тому еще людей в большинстве интеллигентных — преимущественно учащуюся молодежь из волонтеров. В первые два дня расправы над повстанцами по улицам города убито было 186 человек, захваченных с оружием или скрывавшихся на чердаках и в подпольях, а то и просто по указанию потерпевших имущественно в течение трех недель повстанческого управления. Когда на третий день Розановым был отдан приказ немедленно приступить к уборке трупов, валявшихся по улицам города, в денежном ящике городской управы не было ни копейки денег, так как за эти дни вся жизнь горожан замерла окончательно и никаких доходов в кассу не поступало. Только Иван Алекс.[еевич] Швецов — новоосевший в городе владелец кожевенного завода — пришел гор[одской] управе на помощь и выдал на расходы ей 2000 руб., которые

и пошли на рытье могилы для инсургентов и на фураж для карательного отряда Розанова. По отъезде последнего из Енисейска прибыл особый следователь, некто Цявловский — старая опытная крыса, который повел опросы и следствие над действиями восставших и управлявших городом в течение 3-х недель инсургентов с таким искусством, что в несколько дней тюрьма была заполнена снова. Вскоре прибыл в Енисейск и новый каратель — военный комиссар Пономарев с особыми полномочиями, ему предоставленными и направленными более ко вреду для мирного населения, чем на пользу. Так как на Пономарева возложена была и борьба с партизанскими отрядами «красных», действововавших в разных местах уезда, то началась новая мобилизационная вакханалия. Пономаревым вербовались волонтеры в казачество, запись в которое стала принимать какой-то новый характер нового партизанства справа, а с мобилизацией учащейся молодежи и лиц призывного возраста вылилась в междоусобную гражданскую войну, коей особенно отличалось лето 1919 года в г. Енисейске, сделавшемся кладбищем для похорон привозимых с фронтов мертвецов. Так продолжалось до дней падения колчаковского правления в Сибири, когда и енисейская война стала бесцельной, унеся только в могилу немало полных жизни и сил молодых и прекрасных людей.

* * *

Наступают декабрьские дни 1919 года. Дни, полные тревог за будущее среди мирного и ничем не причастного к кровавой борьбе населения города, и дни ликования и радостного ожидания у тех лиц, или, вернее, той части населения, для которых возможность снова погреть руки у пылающего костра стала вожделенной мечтой. Городское и земское самоуправления, являвшиеся тогда верховными органами управления в уезде, озабочены были исключительно тем, чтобы предстоящий момент перехода власти в руки партизанских отрядов был, насколько возможно, тих и спокоен для мирного населения, начинавшего свыкаться или, вернее, мириться с создавшимся положением вещей. Соединенные заседания думы и земства, поручившие своим исполнительным органам ведение предварительных переговоров с партизанскими отрядами, возглавляемыми маклаковским крестьянином, год тому назад служившим в солдатах местной команды, Филиппом Бабкиным, который постепенно и осторожно п[р]одвигался уже по тракту и находился близ села Каргино, вступив в которое обосновал там свой штаб, были наивно убеждены, что раз по предварительному между сторонами соглашению будет установлено, чтобы при выходе в город не открывать огня и вообще не причинять опустошения городу в лице его населения, то помаленьку порядок в городе наладится сам собою. Все пренаивно

Отъ Енисейской Городской Управы.

На основаніи обязательнаго постановленія уполномоченнаго по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Енисейской губерніи отъ 10 февраля 1919 года организуется въ г. Енисейскѣ общественная охрана изъ гражданъ города, вслѣдствіе чего Енисейская Городская Управа предлагаетъ всѣмъ лицамъ мужского пола въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ, немедленно явиться для учета: ЖИТЕЛЯМЪ 1-го УЧАСТКА—ВЪ ЗАРѢЧНОЕ ПОЖАРНОЕ ДЕПО, 2-го УЧАСТКА—ВЪ ГОРОДСКУЮ УПРАВУ И ЖИТЕЛЯМЪ 3-ГО УЧАСТКА—ВЪ 1-е УЧИЛИЩЕ (НА ГОРѢ).

Лица неявившіеся для учета подвергаются аресту до 3-хъ мѣсяцевъ или штрафу до 3000 рублей.

Учетъ будетъ производиться въ четвергъ 21-го февраля ст. ст. съ 9 часовъ утра до 9 часовъ вечера.

Исп. об. Городского Головы *М. Миндаровскій.*

Секретарь *И. Филиппов*ъ.

5 Марта 1919 года.

Типографія Енисейскаго Товарищества Печатнаго Дѣла

Филипп Яковлевич Бабкин

рассуждали, что теперь восстанавливается не бунтовщическая междоусобная озлобленная рать, взявшая силу, а идут люди, представляющие в своем лице новую власть, два года уже существующую за Уральским хребтом. В таком представлении себе о новой власти начали свои переговоры и представители всенародных органов в Енисейске, думы и земства, с названным Бабкиным. В ночь на 19 декабря представители думы и земства Ю. С. Щеглов (председ.[атель] земской управы), Ф. Т. Малич и А. Я. Петухов (члены управы), П. А. Александров и М. П. Миндаровский (гласные) после долгого и всестороннего обсуждения программы переговоров и условий занятия города и сдачи власти выделили из своей среды П. А. Александрова как представителя рабочих северных приисков и в компанию ему дали делегата от местного гарнизона солдата Савицкого Сергея (был кто-то еще назначен третий, но сейчас не могу вспомнить)[4]. Все трое выехали под утро в село Каргино для личных переговоров, о чем одновременно сообщено было по телефону нач.[альнику] штаба Бабкину. На вторые сутки вернувшиеся делегаты привезли заключенный ими со штабом договор, обуславливающий, чтобы во избежание возможности единоличных с оружием в руках выступлений со стороны города управою были подвергнуты временному домашнему аресту начальник гарнизона (Платонов), офицер Муравьев, вр[еменно] и[сполняющий] д[олжность] комиссара уезда (Лыткин), начальник милиции (Чащихин), начальник тюрьмы (Фукс[5]) и несколько лиц из граждан города, как, напр.[имер], А. К. Тауснев, активно выступавшие до этого против советской власти. Вступавшие в город партизаны как новая «законная» власть, со своей стороны, принимали на себя обязательство — никаких кровавых эксцессов при входе и занятии города не учи-

[4] Рабочий Щетников, впоследствии одумавшийся. — *Прим. Миндаровского.*

[5] Фамилии беру на память после 11 лет истекаю[щего] времени, когда я пишу эти строки.

Мирный договор

заключенный Мирной Делегаціи г. Енисейска с военно-армейским Совѣтом Сѣверо-Канскаго фронта.

ТЕКСТ ДОГОВОРА.

Мы, Мирная Делегація г. Енисейска, переговорив об условіях мира с представителями Военно-Армейского Совѣта Сѣв.-Канского фронта пришли к нижеслѣдующему соглашенію:

1) Мы признаем основныя положенія предложенныя телеграммой Армейского Совѣта посланной ко всѣм общественным организаціям и Гарнизону г. Енисейска 29 дек. 1919 года за №113—т. е. объявленіе в Уѣздѣ Совѣтской власти и организація Совѣта Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов и его Исполнительных Органов, которым передаются всѣ административныя и хозяйственныя функціи.

2) Всѣ боевые припасы и автоматическія ружья должны быть сданы Военно-Армейскому Совѣту Сѣверо-Канского фронта в указанное мѣсто.

3) Представить опись оружія имѣющагося у Гарнизона, Милиціи и частных лиц г. Енисейска для учета.

4) Всѣ воинскія части переходят в распоряженіе Военно-Армейского Совѣта Сѣверо-Канского фронта, а всѣ добровольно поступившіе в ряды Колчаковской арміи и милиція должны быть распущены, а имѣющееся у них оружіе должно быть сдано Военно-Армейскому Совѣту с представленіем именных списков.

5) Всѣ прямые виновники в казнях и произволѣ должны быть арестованы и преданы через Судебно-Слѣдственную Комиссію Военно-Революціонному Суду. Аресты произвести немедленно.

Члены мирной делегаціи г. Енисейска: От гарнизона Сергѣй Савицкій, Ав. Дрейманъ; Уполном. отъ Земства П. Александровъ; отъ рабочихъ Евг. Парфенов; от дружины Павел Щербинин.

Члены Армейского Совѣта: Ф. Бабкин, С. Накладов, Егоров, Вит. Кренц,

С. КАРГИНО, 1 Января 1920 г., 3 ч. 20 м. ночи.

Текст телеграммы от 29 Декабря 1919 года.

Енисейск—Енисейскому Городскому Земству. Для всеобщаго объявленія. Всѣм профессіональным союзам, организаціям и гарнизону.

Власть кровожаднаго Колчака пала. Предлагается всѣм профессіональным Союзам организаціям и гарнизону, по полученіи сего организовать Совѣт Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, из котораго должен выдѣлится Исполнительный Комитет Совѣта Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и в который должны войти люди стоящіе на платформѣ Совѣтской власти.

Вся гражданская и военная власть переходит в распоряженіе Исполкома. Всѣ военныя распоряженія будут исходить от Военно-Армейского Совѣт Сѣверо-Канского фронта. За неисполненіе сего всякое сношеніе с городом будет прервано и кто противостоит выше изложеннаго будет объявлен врагом народа.

Копію телеграммы разослать по всѣм волостям для созданія волостных и сельских Совѣтов. Копію телеграммы отпечатать и расклеить по городу.

По исполненіи сего поставить в извѣстность Военно-Армейскій Совѣт Сѣверо-Канского фронта, село Казачинское

Члены Военнаго Совѣта. Ф. БАБКИН, В. КРЕНЦ, КАШЛЕВ, К. ЕГОРОВ.

29 Декабря 1919 года. с. Казачинское.

ТИПОГРАФІЯ ЕНИСЕЙСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА ПЕЧАТНАГО ДѢЛА.

нять. Вот основные и главные условия подписанного сторонами договора, к сожалению затерянного с делами земства, забранными образовавшимся потом ревкомом.

Со стороны уходивших со сцены органов власти в Енисейске договор был выполнен в точности: гарнизон был убежден никаких военных выступлений в момент входа в город отрядов не делать. Всем перечисленным в договоре лицам предложено арестоваться в одном помещении и разоружиться, где и находиться до сконструирования штаба новой власти и вступления ею в управление городом.

Так ли поступили новые представители «законной» власти, подписывавшие договор на мирное и бескровное занятие города? Прежде всего, помощник Бабкина, его однодеревенец партизанин[6] Степан Накладов еще до вступления в пределы городских земель просил дать ему город на сколько-то часов времени, чтобы расправиться кой с кем из находившихся там контрреволюционеров — явных врагов советской власти. Однако нач.[альник] штаба Ф. Бабкин оказался не столь кровожадным зверем и совершиться «варфоломеевой ночи» не допустил. Но зато все подвергнутые домашнему аресту лица вместо освобождения «по миновании надобности», как обусловлено было договором, были заключены в тюрьму, продержаны там с неделю, а затем под командою того же Накладова посажены в сани и отвезены по тракту якобы в Красноярск, но под Маклаковой на известной Бурмакинской горе расстреляны самым варварским образом (снимали предварительно всю одежду и обувь, заставляли бежать по снегу и вслед пускали пулю). Всего погибло, как было слышно из уст крестьян, которым приказано было закапывать трупы, более 15 человек, считая в том числе и других лиц, арестованных за неделю штабом Бабкина.

Этим кровавым актом новые правители раз и навсегда дали понять мирному населению, что значат в их глазах подписываемые договоры и сколь высоко понятие их в делах законности и порядка. В оправдание свое они всегда выставляют контрреволюцию, готовую якобы во всякое время поглотить их, и в этих ежеминутно мерещащихся им тенях смотрящих на них людей, видя опасность в прочности своего положения, творят свой суд и расправу. Такова природа всякой власти, опирающейся не на волю народа, а на силу штыка и винтовки. В этом направлении пошли и дела хозяйственного и административного свойства во всей стране.

Едва успела сконструироваться в Енисейске многочисленная административная и гражданская часть управления чрез посредство всевозможных учреждений, как необходимою потребностью в глазах власти явилось

[6] Так в тексте.

учреждение чрезвычайного управления — «чека», как тогда называли начавшее действовать в мартовские дни 1920 года в г. Енисейске.

С этого дня наступает в городе кошмарная полоса кровавых расправ и мщений по отношению сначала всех лиц, с какой-либо стороны причастных к февральским дням 1919 года, как способствовавших карательному отряду Розанова, так и в отношении людей инакомыслящих, посмевших «свое суждение иметь». При посредстве доносов, оговоров, принявших за годы революции все права гражданства, схватывались люди иногда просто по подозрению, не знавшие за собой никакой вины, запирались в подвалы и застенки «чека», занявшей усадьбу купца С. Я. Коновалова, эмигрировавшего за границу, и там подвергались избиениям и расстрелам. В этом застенке или в р. Енисее, принявшей роль водного транспорта, за лето 1920 года погибло более сотни человеческих жизней.

Вот, между прочим, краткий синодик погибших, который сама «чека» сочла для чего-то нужным опубликовать печатно по городу:

1) Чепалов Василий Васильевич, мещанин и торговец г. Енисейска — участник подавления восстания в городе в феврале 1919 года, участвовавший в поимке и истязаниях и расстрелах красных партизан.
2) Кытманов Николай Петрович как бывший офицер, бывший при Колчаке начальником контрразведки.
3) Востротин Петр Степанович как содержатель конспиративной квартиры и судебный пристав во время реакции Колчака.
4) Дураков Дмитрий Игоревич — агент контрразведки при Колчаке и жандарм при монархии.
5) Максимовская Дарья Андреевна — участница подавления восстания в Енисейске тем, что разъезжала по улицам города с казаками и указывала квартиры повстанцев.
6) Суздалев Иван Корнилович, служивший в контрразведке и при падении Колчака уничтоживший все документы и дела разведывательного пункта.
7) Алхимин Михаил Васильевич, участвовавший в обезоруживании красноармейцев и способствовавший белым при свержении совет[-ской] власти в 1918 году. В февральские дни способствовал казакам к выявлению спрятавшихся повстанцев.
8) Смирнов Павел Алексеевич. Служил миллионером при колчаковской власти и участвовал в карательном отряде Розанова в роли добровольца.
9) Раменский Ефим Егорович, поступивший добровольно в разведку, дабы принести пользу и укрепить реакцию колчаковщины.
10) Власьев Пимон Прокопьевич — казак, активный участник подавления повстанцев.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

От Енисейской Уездной Чрезвычайной Комисси по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлением по должности.

Настоящим об'являетея, что ею приговорены к высшей мере наказания—разстрелу нижеследующие лица:

1. **Чепалов** Василий Васильевич мещанин и торговец г. Енисейска участника подавления востания в г. Енисейске в 1919 г. в феврале месяце участвовавшего в поимке, истязаниях и растрелах красных повстанцев.

2. **Кытманов** Николай Петрович пот. гражданин бывший офицер жетель г. Енисейска который при колчаковской власти был начальником контр-разведывательного пункта (охранки) и усердно поддерживавшего реакцию бывшей власти колчака.

3. **Востротин** Петр Степанович гражд. г. Енисейска содержатель конспиративной квартиры и судебный пристав во время реакции колчака.

4. **Дураков** Дмитрий Игорьевич гражд. г. Енисейска который служил агентом в контр разведке (охранке) при колчаковщине и все возложенные на него обязанности исполнял аккуратно и бывший жандарм при монархии.

5. **Максимовская** Дарья Андреева гражд. г. Енисейска—участница подавления востания в г. Енисейске в 1919 г. в феврале месяце, которая раз'езжала по улицам г. Енисейска в дни кровавой расправы над красными повстанцами с бывшими палачами колчаковской реакции с офицерами и казаками, указывая квартиры повстанцев, требуя, чтобы тут же на месте при ея глазах растреливали таковых, а иначе она будет и вобще ночь не спать и беспокоится, что такой то повстанец останется живой, что для нея было не желательно.

6. **Суздалев** Иван Корнилович гражд. г. Енисейска служивший в контр-разведке и при падении власти колчака уничтожил все документы и дела контр-разведывательного пункта желая хоть этим прикрыть всю грязь работы контр-разведки.

7. **Алхимин** Михаил Васильевич гражданин г. Енисейска, участвовавшего в обезоруживании красноармейцев и способствовавшего белым при свержении Советской власти в 1918 г., участника подавления востания в феврале мес. 1919 г. и выдававшего повстанцев и советских работников казакам.

8. **Смирнов** Павел Алексеевич гражданин села Бельского, который служил милиционером при колчаковской власти, участвовал в карательном отряде в поимках, истязаниях и растрелах красноармейцев.

9. **Раменский** Ефим Егорович гражданин села Пировского, который добровольно поступил в контр-разведку, дабы принести пользу и укрепить реакцию колчаковщины.

10. **Власьев** Пимон Прокопьевич гражданин г. Енисейска, казак, участник подавления востания в 1919 г. в феврале мес., активно проявивший свою деятельность в столь несчастные дни для красных повстанцев.

11. **Надымов** Иван Иванович мещанин г. Енисейска, бывший стражник при монархии, служивший в контр-разведке, принимавший активное участие в поисках и предательстве советских работников и красноармейцев.

12. **Седаков** Николай Венедиктович бывший милиционер, участник карательного отряда, принимал активное участие в растрелах и истязаниях красноармейцев и советских работников.

13. **Филиппов** Николай Аверкиевич гражданин г. Енисейска служил в конрразведывательном пункте, всячески содействовавший в подавлении революции, считавшийся не заменимым работником (охранки).

Приговор приведен в исполнение.

ЕНИСЕЙСКАЯ УЕЗДНАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ.

Енисейская Государственная Типография.

11) Надымов Иван Иванович как бывший стражник при монархии, работавший в контрразведке и способствовавший предательству красных.
12) Седаков Николай Венедиктович — бывший милиционер, участник карательного отряда.
13) Филиппов Николай Аверкиевич. Служил в контрразведывательном пункте и всячески содействовал подавлению революции, считавшийся незаменимым работником охранки.

Из числа перечисленных лиц некоторые передавали как очевидцы и потерпевшие, что над ними проделывали февральские повстанцы, врывавшиеся к ним в квартиры с целью грабежа ценных вещей. Так, например, Максимовская с горючими слезами, истерически рыдая, передавала мне лично, как трое явившихся каких-то вооруженных людей в ее квартиру (собст.[венный] дом против мечети), полупьяных, требовали водки и угощения, заставили ее раздеться и на голом теле ее тушили папиросы.

Не менее энергично, чем «чека», стал работать ревком, рука об руку с военкоматом заменявшим в то же время и все функции милиции. Чтобы окончательно обезопасить себя от каких-либо эксцессов со стороны населения и чувствовать себя, как солдат в завоеванной стране, эти учреждения назначили определенный день и, приказав всем жителям в продолжение суток не выходить из домов на улицы, обставленные патрулями, произвели поголовные обыски, во время которых отобрали револьверы и проч.[ее] вооружение до обыкновенных охотничьих ружей включительно. Путем хождения по домам отбирались излишние стулья, венские столы письменные и вообще мебель, нужная для организовавшихся учреждений. В одну из апрельских ночей произведен был обыск у всех более или менее зажиточных жителей, где отбирались золотые и серебряные вещи, кольца, серьги, столовые предметы, портсигары, в одном доме взят был серебряный подстаканник, наполненный золотыми монетами, так что на завтрашний день в военкомате можно было видеть груду вещей, сваленную на полу, из коей ни одного червонца, ни одного кольца в уфинотдел не попало. Только отъезжавший по открытии навигации комиссар Чаромский увез с собой целый лихтер с запечатанным трюмом, наполненный ценными вещами и золотом, а в Красноярске, как слышно было, происходил уже дележ всего привезенного.

При национализации у богатых людей недвижимых имуществ, оцененных свыше 10 т.[ысяч] рублей, забиралась также и вся домашняя обстановка в помещении, экипажи, лошади и амбарные запасы с остатками товаров и пр[очее]. По этому нетрудно представить себе, какой ассортимент можно было составить для себя каждому комиссару большого и малого ранга.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

В связи с аннулированiем деНежных знаков низложенного объявленного вне закона Сибирского Временного правительства, гражданами города Енисейска распространяются толки-перетолки и оханья, топчась около вывещенных Объявлений в особенноти.

ПРОТИВНИКИ ЖЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ВЛАСТИ, УЛАВЛИВАЯ ЯКОБЫ МОМЕНТ, УСПЕШНО ВЫПУСКАЮТ СВОЙ ЯД РАБОЧИМ И ПРИЕЗЖАЮЩИМ ИЗ ДЕРЕВЕНЬ КРЕСТЬЯНАМ, ЖЕЛАЯ ВВЕСТИ СМУТУ, ПРИНИМАя всевозможныя шипенья из за углов и закаулков на ухо тем же рабочим и крестьянам с целью не признанiя объявленного для безповоротного проведенiя в жизнь постановленiя губернского военно-революционерного комитета об упроздненiи раз на всегда оставленное в наследство зло и горе на долю рабочих и крестьян кровожадным узурпатором Колчаком.

Ввиду вышеизложенного, Начальнику городской рабоче-крестьянской милицiи, приказывается принять самые решительные меры к вылавливанью шипящих провокаторов, на предмед преданiя суду по строгостям Военного времени.

Соблазн легко поживиться у чужого добра, участником в создании которого был не сам его владелец, а какой-то невидимый и мифический пролетариат, не владеющий собственностью, был настолько велик, что трудно было удержаться, чтобы не погреть около этого добра своих рук. Для этого стоило только заявить себя стоящим на страже революции и советской власти, а еще лучше попасть в компартию, чтобы заручиться какой-либо должностью, и дело в шляпе.

Неудивительно поэтому, если все отбросы прежнего общества, все старые самогонщики, прежние таежные спиртоносы, похитители и укрыватели краденого оказались потом людьми с портфелями в руках и разными ответработниками. Это лучше всего доказывает то кладбищенское спокойствие и тишина, которые воцарились в городе с приходом советской власти. Прекратились пожары и зажигательства, не стало краж из домашности у обывателей. Не лишен остроумия рассказ, как одна домовладелица, уйдя из дому во двор, не заложила двери, оставив пустую квартиру, и как явившийся в это время квартирант обратил на это ее внимание, а старушка-хозяйка ему ответила: «Теперь, батюшка, не опасно — воровать некому. Кто этим занимался, они все служат комиссарами».

Сейчас, спустя более 10 лет, трудно и упомнить всех тех лиц, кто первые дни военного коммунизма управлял нами, командуя на всех высотах административных постов. Из старых, живших в Енисейске людей у нас сохранилась в памяти фамилия плотника Пельтман, управлявшего городом, и первого лица, принявшегося ломать историческую старину его — старый гостиный двор, сдирая железо с крыш, а затем как заведывавшего детдомом, в роли которого он оборудовал из подростков-воспитанниц себе гарем и наслаждался как хан персидский, пока не потребовалось вмешаться в это дело врачу-акушеру. Был еще пильщик Карнаухов, заведовавший одно время реквизированным имуществом и в этой роли приславший однажды отделу народного образования как подвижную азбуку ящик с металлическими буквами, вставляемыми в подошвы резиновых галош. Припоминается еще хромой трубочист Андрюшка, заведывавший жилищным отделом горкоммунхоза. Но наиболее видной и импозантной фигурой по разброске городского хозяйства в момент ликвидации его оказался старый енисеец Александр Иванович Сапожников, который из всей марксистской науки усвоил себе самое главное — «Уничтожай все старое», — и, памятуя этот лозунг, разбросал остатки имущества городского ломбарда, которым он до этого заведывал, и превратил в клочья архив городского управления, сохранявшийся за сотню лет назад, и, как новый Герострат, на этом сохранил свое имя в памяти будущих поколений. Памятна нам и не менее знаменитая Постничиха, срубавшая кресты в соборной ограде над могилами убитых в партизанских боях солдат и офицеров и как заведывавшая одно время домом инвалидов, прибиравшая себе от покойных стариков и старух остававшиеся лохмотья. Одним словом, имена их «ты, Господи, веси»![7]

[7] Здесь идет карандашная вставка: «Первая советская власть очень метко охарактеризована в специальной статье «Дело рабочего» № <нрзб.> имеется в музее».

С давних времен сначала на Кузнечной улице, а затем по продолжении ее у устья ручья, впадающего в р[е]ч[ку] Мельничную, была невзрачная усадьба некоего Фефелова из уголовных ссыльных, когда-то содержавшего дом терпимости, а потом занимавшегося в тайге спиртоношеством и потому в глазах царской полиции не пользовавшегося одобрением настолько, что при каждой краже в городе к нему первому являлись с обыском. В годы революции судьбе угодно было надеть на имя Фефелова венец «мученика за идею» и увековечить его в летописях Енисейска. Вышло это так: в февральские дни 1919 года Фефелов как энергичный боец за социализм под лозунгом «Все ваше будет наше» принял непосредственное участие в обходе с винтовкою в руках квартир енисейского купечества и за это пал «жертвою своего долга» от руки казаков отряда Розанова неподалеку от своей квартиры. Этого было достаточно, чтобы злополучную Ручейную улицу по удачному совпадению с прошлыми временами, когда по этой улице проводились экзекуции «сквозь строй», наименовать в память потомства улицей Фефелова. Приходится пожалеть, что остальные 185 похороненных «повстанцев» не были домовладельцами.

Были революционные борцы за социализм и из другого лагеря, из лагеря интеллигенции, как, наприм.[ер], некто Вениамин Иванович Орлов, сын священника Енисейской Христорождественской церкви, родившийся в 1886 году.

По окончании Енисейской шестиклассной прогимназии и по подготовке к духовной деятельности в Красноярске при архиерейской церкви он был рукоположен в 1909 году в священники к Усть-Кемской церкви в 12 верстах от Енисейска. С первых же шагов своего служения на избранном поприще он, несмотря на свою молодость, оказался весьма практичным человеком. Обложил крестьян определенною платою за требоисправление, разъезжал по своим личным надобностям на даровых обывательских подводах и держал при своей особе церковного сторожа в качества батрака. Все это засвидетельствовано консисторским указом от 22 декабря 1911 года за № 14675, присудившим его к определенному штрафу, «принимая во внимание его молодость и неопытность»[8].

Октябрьская революция застала его в селе Тасеевском Канского окр.[уга], где он настоятельствовал и сочинял воззвания об оживлении церковно-приходской жизни (см. № 22 «Енис.[ейских] епархиальных ведомостей» за 1916 год[9]).

[8] См. архив местного музея. — *Прим. Миндаровского.*

[9] Орлов В. К вопросу об оживлении приходской жизни // Енисейские епархиальные ведомости. 1916. № 22 (15 ноября). С. 25–27.

СЛАВА, СЛАВА, СЛАВА!

Революционный Военный Совет Енисейского уезда и Енисейская Организация Р. К. П. с глубоким прискорбием извещает честных тружеников о безвременной гибели от руки палачей дорогого товарища—старого коммуниста Председателя Бельского Волостного Исполкома и Военного Комиссара тов. ГАЙГАЛА, Константина Павловича.

Подробности зверского замучения следующия: 2-го Ноября тов. **Гайгала** приехал в деревню Алтатское дла проведения Недели Помощи фронту. Только что усевшись после дороги, ничего не зная о белобандитах, за чашкой чая, к нему ворвалось 7 бандитов, потребовав документы. Тов. **Гайгала** достав из портфеля документы, подал бандитам, последние бросились на документы и наткнувшись на партийную карточку, закричали: «Коммунист!» После этого захватили его и препроводили в Штаб, где во время хулиганского допроса тов. **Гайгала** крикнул бандитам: «Оскорблениями и издевательствами не наложите цепей на мои убеждения. Как коммунистом был, так коммунистом и помру!» Вновь схваченный влетевшей в комнату бандой он был уведен под арест. Глубокой ночью его вывели и совершенно раздетого поставили под убой. «Уходит работник коммуны...» начал было тов. **Гайгала**, но не успел закончить начатую фразу; его сразили с ног прямым ударом шашки в грудь, разсекли рубящим ударом шею, задев левое ухо и левую щеку; кроме того на трупе найдено семь колотых шашечных ран. На лице стойкого борца за светлые идеи коммунизма застыло выражение физической боли и страданий... Труп подобран и похоронен своими.

Спи спокойно дорогой товарищ—мы начатое Тобой завершим, мы смерть Твою отомстим.

МЕСТЬ, МЕСТЬ, МЕСТЬ!

18 Ноября 1920 г.
г. Енисейск.

Реввоенсовет и Енисейская Организация Российской Коммунистической Партии.

Енисейская Государственная Типография.

С быстротою молнии он начал леветь, а затем, разоблачившись, за обедней с церковного амвона заявил своим пасомым, что до сего момента он их обманывал, а теперь довольно. Перейдя затем в лагерь партизан, он стал работать с большевиками, заведуя оружием, направляя отряды и проч[ее].

Во время чехословакского движения и смены первой сов.[етской] власти он был уже в Енисейске. Здесь, в своей квартире, у родной тетки Ек.[атерины] Роман.[овны] Грязновой, в моем присутствии[10] раскаивался в совершенном им необдуманном поступке, рыдал, плакал, сокрушаясь, какой непростительный грех совершил он пред богом и своей собственной совестью, просил совета, как ему выйти из состава членов большевистской организации. В таком состоянии он был арестован Временным сибирским правительством и отправлен в Красноярск, где родственник его отца, член окруж.[ного] суда, служивший в то время губернским комиссаром, принял в нем участие и устроил дело на передачу чрез гражданский суд епархиальному архиерею. Явившись к последнему, Орлов пал в ноги преосвященного, обливая их слезами раскаяния. Получив милостивое разрешение стать на испытание, он начал снова с роли певчего при церковном хоре. Это было зимою 1918–1919 гг. Наступил декабрь [19]19 года, а за ним и смена колчаковского режима на советский строй. Орлов снова ожил и встрепенулся. Снова видим его настолько смелым и наглым, что, являясь к скудному столу своей тетки, он, уже не церемонясь ничем, не снимая армейского шлема с головы, садился и кушал, не платя за обед и квартиру. Было бы весьма любопытно посмотреть на такого революционера в случае смены советского строя на какой-либо другой.

Подобно Орлову, был в Енисейске другой тип, прошедший все стадии революционного времени и также из духовной породы, некто Евгений Фердинандович Савицкий.

В 1916 году, будучи не у дел, пристраивается он в местном соборе вольнонаемным псаломщиком и в 1918 году, во время происходивших по церквам обысков спрятанного оружия, прячет ценное Евангелие и крест. «Чтобы не попало в руки большевиков», — объяснил он.

После временного свержения сов[етской] власти чехословаками при временном Сибирском правительстве и при Колчаке служит он в с. Яланском старшим милиционером.

В 1920 году при учреждении «чека» в Енисейске он попадает следователем в это учреждение и записывается в партию. По улице мы видим его с наганом у пояса.

---

[10] Я знал Орлова еще мальчиком, встречаясь у его крестного, врача А. А. Станкеева. — *Прим. Миндаровского.*

В 1923 году он «не у дел» вследствие расформирования «чека». Занимается больше критикой и политикой, вычитанной из газет, а в следующем году появляется снова на церковном клиросе.

В 1926 году попадает в Красноярск, идет к живоцерковному архиерею, посвящается в попы и назначается в Канский уезд. В том же году крестьяне застают его за самогонным аппаратом и представляют с поличным в милицию.

1929 год, июнь

Первые дни господства обосновавшейся советской власти, как известно, ознаменовались аннулированием денежных знаков старого правительства, процентных бумаг и вкладов в банки и сберегательные кассы государства. Это было первое и самое лучшее доказательство для обманутого народа, какими приемами намерено советское правительство управлять страной. Национализировать банки, забрать в свои руки все ценности народного накопления в виде, напр.[имер], общественных зданий, церквей с их золотом и серебром и пр.[очим], отказаться от принятия на себя каких-либо обязательств как выгодоприобретателя — разве это не авантюра, свойственная людям с подмоченной репутацией?

В старом дореволюционном законодательстве, в X томе законов гражданских было сказано, что наследники, принявшие после умершего наследство, отвечают за долги покойного наследодателя. Казалось бы, и революционная власть, захватившая народное хозяйство страны, должна следовать как наследоприобретательница только в этом направлении. Но мы не из таких. Пролетариат в лице его представителей, став у власти, может только присваивать и грабить все созданное трудом предшествовавших поколений, а отвечать пред собственником не желает потому, видите ли, что, по Прудону, собственность есть кража, и вор может воровать у вора последнюю его рубашку.

Я отнюдь не намерен оспаривать теории праздных и сытых людей, как, например, Карла Маркса, нам не по плечу это, таким пигмеям, но не могу не привести в виде примера факт, который вряд ли одобрил бы и Маркс, вставши из гроба и посмотревши на проводителей его теорий. Сознавая по своей натуре, что по слабости ли собственной воли или просто по склонности жить сообразно с получаемым заработком я не способен к накоплению средств, чтобы обеспечить себя под старость, поэтому при первом же рождении своего ребенка я заключил в страховом о-[бщест]ве «Россия» страхование своей жизни и стал вносить ежегодно по 67 рублей страховой премии в надежде через 25 лет получить так наз.[ываемый] золотой полис на право получения мною лично или моими наследниками застрахованной суммы. Каждый грамотный человек, не посвященный даже в тайны социалистических выкладок, поймет, что вносимые мною каждогодно 67 рубл[ей] есть мои личные средства, скопленные службою, а по Марксу — «продажею своей силы». Следовательно, страховое ли общество или какая-либо другая заменившая его организация, присвоившая себе все ценности и дорогосто-

ящие дома страховой организации, в создании которых помогал и я своими взносами, казалось, должна бы принять на себя и все обязательства страхового о-[бщест]ва пред страхователями. На деле получилось другое. Я не только не получил застрахованного капитала, но потерял и те 24 взноса по 67 р., которые по праву составляли мои накопления. Притом по профессии своей я не капиталист и вообще не эксплуататор, собственность которых по законам советской власти подлежала секвестру. Почему же она распространена была на меня, честного труженика? Ответ на это даст история российского коммунизма, которую когда-нибудь будут писать летописцы.

Из учебников экономической науки мы знаем, что начало бедности и богатства среди людей возникло на почве субъективного неравенства между людьми, которых упрямая природа наделила одних более развитым умом и способностями, другим дала в удел ограниченность и посредственность. Отсюда пошли и все те жизненные взаимоотношения, которые впоследствии разделили людей на разные классы по их социальным группировкам.

Конечно, каждому из нас досадно и обидно видеть и наблюдать, что сосед против меня живет далеко лучше и сытнее, чем я, и это неравенство мы находим ненормальным, поэтому всячески ищем способов к их устранению. Но как таланты и гении всегда выше посредственности, так и способы борьбы за уравнение в понятиях тех и других людей всегда будут различны. Если первые к разрешению мировых экономических вопросов подходят с великою осторожностью, щадя прогрессивно шедшую вперед культуру и цивилизацию, то вторая категория реформаторов над этим мало задумывается. Эта масса темных, в большинстве малограмотных и невежественных людей стадно воспринимает себе идеи какого-нибудь подвернувшегося кумира-вождя и слепо следует за его указаниями и лозунгами, так приятно щекочущими нервы. Так случилось и с нашей несчастной страной в исторические дни революционного шквала в период шатания мыслей и политических страстей.

Еще осенью 1919 года, когда мне поручено было земской управой объявить по уезду крестьянам постановление губернского земства о засыпке в хлебозапасные общественные магазины по одному пуду с каждой засеянной и убранной десятины, то на волостных собраниях, устраиваемых мною, мне пришлось слышать из среды собравшихся такие речи: «Вот опять старый режим и показывает себя снова. Вот советская-то власть, которая была в прошлом году, не требовала этого и никаких сборов и налогов не собирала». Как ни старался я разъяснять собраниям, что это не есть какой-либо налог или сборы, а как мера самообеспечения на случай возможных неурожаев и что запасные магазины находятся в полном вашем распоряже-

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Енисейский Уездный Отдел Народного Образования, на основании распоряжения Губнаробраза от 9-го Іюля с. г. за № 3444 вменяет в обязанность всем гражданам г. Енисейска, зарегистрировать в недельный срок со дня опубликования сего распоряжения все имеющиеся у них кинематографы, фотографические аппараты, волшебные фонари, кино-ленты, фотографические пластинки, об'ективы и прочее, что имеет прямое назначение к кинематографической и фотографической работе. Запись производится в Отделе Народного Образования (Успенская ул., дом А. М. Бородкина) в часы занятий.

Заротднаробраз *Савицкий*.

Врид. Заввнешкпод'отд. *Суслов*.

Врид. Секретарь Наробраза *Быстров*.

Августа 26 дня 1920 года.

Енисейская Государственная Типография.

нии, меня словно не понимали. Я предварял и разъяснял собратьям кр[естья]н.[ам], что ни одна страна в мире, какую бы форму управления она ни приняла, не может обходиться без денег или без средств, доставляемых ей населением, и что даже советская власть, которой они симпатизируют, на первом очередном съезде Советов 11/IV 1918 года постановила принять меры ко взысканию недоимок с населения за 1917 год, простирающихся до 2 миллионов рублей, что обошлось бы по 35 рублей с каждой живой души волостного населения, и что осуществить это взыскание помешало только чехословакское движение, прокатившееся по всей Сибири и сликвидировавшее эту власть. Все мои доводы оказались малоубедительны, чтобы поколебать разраставшуюся мысль бесподатного существования, развившую у крестьян доверие к советской власти.

Фальшивые обещания, клонившиеся к уничтожению податей, прекращению военных выступлений и осуществлению какого-то социалистического рая на земле, казались наиболее по душе большинству и енисейского населения, и вот по пословице «Что посеешь, то и пожнешь» эти-то фантастические манипуляции над страной, эту вивисекцию на народном теле и взялись осуществлять в Енисейске такие «гениальные» люди, как Бабкин и Накладов, а с ними вместе и другие подобные им деятели, из коих отдельные фамилии я уже привел выше. Первые дни пребывания у власти Енревкома все заборы и стены зданий как снаружи, так и изнутри испещрены были красными полосами растянутого ситца, на коих красовались всевозможные надписи, все более клонившиеся к уничтожению богачей и капи-

талистов, общий же смысл надписей был таков, что нужно только работать, а об еде не спрашивать. В этом направлении и пошла вся работа в учреждениях на основах и директивах, получаемых из центра. Иногда приходилось наблюдать, что эти директивы писали люди, очевидно, грамотные, но большие шутники. Приведу один пример из моей практики первых дней 1920 года. Однажды пришлось мне секретарствовать в какой-то комиссии по выработке на местах платы за труд служащих и рабочих, где в качестве «Положения о нормировке заработной платы Совнаркома от 23 марта 1920 года» преподана была в качестве руководства следующая абракадабра: «Построение голой схемы заработной платы на основе коэффициентов, характеризующих признаки труда, опирается на научное исследование самих признаков совершенно независимо от целей регулирования социальных процессов, указанных в п. 4, 5 и 6, и даст систему твердых тарифных ставок заработной платы».

Если принять во внимание состав комиссии, состоящей кроме меня из одного штукатура, двух кожевников и старого приискового забойщика, то нетрудно понять и результат ее трудов по такому толковому указанию.

Чем богата была работа советских учреждений, сотканных из объединенных в союзы служащих и рабочих, то это массою всевозможных заседаний, совещаний, разумеется, с продолжительными речами, докладами и т[ому] п[одобной] вермишелью, в общем, нисколько не влияющих на усовершенствование хозяйственной жизни города и уезда.

Как известно, в 1920 и 1921 годах вся хозяйственная часть города и уезда регулировалась путем разверсток, о которых мы коснемся в дальнейшем, а условия существования служащих и рабочих в эти годы зависели всецело от размера пайка, который получали в крайне ничтожном размере эти советские труженики, если не располагали запасом «реальной» ценности в виде шуб, пальто, женских юбок, экипажей и т.[ому] п.[одобного], которые пускались в деревни для обмена на мешок хлеба или на куль картошек, составлявших тогда главный предмет питания для населения, потому что крестьянство выпускаемые советские знаки, которыми расплачивались со служащими и рабочими кроме пайка, за продаваемые продукты не принимало, а частной торговли продуктами уже не существовало. Рынок также был упразднен. Этот период времени весьма остроумно охарактеризован одним юношей в следующем четырехстрочном переложении:

Вставай, полпудом окормленный,
Иди в деревню за мукой,
Снимай последние кальсоны
Своею собственной рукой.

Члены Общества Потребителей „Самопомощь“

в г. Енисейске

ПРИГЛАШАЮТСЯ ПОЖАЛОВАТЬ

НА ОБЩЕЕ

СОБРАНИЕ

ИМЕЮЩЕЕ БЫТЬ В СУББОТУ, 29 СЕГО МАЯ В 6 Ч. ВЕЧЕРА,

В ПОМЕЩЕНИИ КИНО-ТЕАТРА „САТУРН“

ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ СЛЕДУЮЩИХ ВОПРОСОВ:

1. Доклад Правления о его деятельности.
2. Ознакомление с Уставом единого рабоче-крестьянского потребительного Общества.
3. Выборы делегатов: а) на районное совещание уполномоченных Енис. Отд. Союза К-в; в) на Губернскую Конференцию Потребительских Обществ; с) на Губернский С'езд уполномоченных Губсоюза Кооперативов.
4. Текущие дела.

Если созываемое в субботу Собрание не состоится за неприбытием требуемого уставом кворума,

ТО ВТОРИЧНОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Правомочное при всяком числе собравшихся НАЗНАЧАЕТСЯ В ТОМ-ЖЕ ПОМЕЩЕНИИ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30-го МАЯ С. Г., В 11 ЧАС. УТРА.

Для удобства регистрации, при входе на собрание необходимо пред'являть членские книжки.

ПРАВЛЕНИЕ.

Было бы непростительной с моей стороны оплошностью, говоря о народном питании в первые два года до появления НЭП, не коснуться советских столовок, в которые пришлось ходить и получать обеды, приготовление которых, как и самое качество отпускаемых яств, особенно замечательны. Горячее — суп, или так наз.[ываемые] мясные щи, — подавалось в таком виде, где «крупина за крупиной бегала с дубиной», а для навара, как однажды пришлось видеть мне, в тарелке обнаружен был какой-то сверток, перевитый ниткой, оказалось, что это перевязка с больного пальца человеческой руки. На второе кушанье вручался посетителю с профсоюзным билетом или кусок говядины в полфунта весом, а то и просто пара селедок. Столовки эти, как и самый восьмичасовой деловой день рабочего человека, рекламиро-

Съ четверга, (17) 30 Января 1919 г.,
ВЪ ЛАВКАХЪ
ЕНИСЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
„САМОПОМОЩЬ"
БУДЕТЪ ПРОДАВАТЬСЯ
КРУПА
Норма не болѣе 5 фунтовъ на покупателя, заразъ.
Продажа только Членамъ Общества, по предъявленіи ими членскихъ книжекъ.
Цѣна за фунтъ—гречневая и просовая по 1 руб., а перловая по 1 р. 10 к.
Правленіе.
Типографія Енисейскаго Товарищества Печатнаго Дѣла.

вались советскими газетами с особенною ревностью и, надо сказать, нередко достигали успеха, особенно в зарубежной стороне, какою тогда являлась вся восточная часть нашей Сибири, начиная от Верхнеудинска, где была в то время особая Дальневост.[очная] республика (буфер, как тогда называли).

Там не на шутку верили, что действительно советскому работнику здесь «не житье, а Масленица». Приходит он на свою работу в предприятие, сменяет свой костюм на спецодежду, которою называли какой-нибудь тулуп из овечьей шерсти или просто холщовый халат, надеваемый поверх своей одежды, а затем по окончании работ все шли в столовую, где в виде десерта к упомянутому кушанью получали свежие газетные новости, а по-нашему — столбцы сплетен и вранья, которыми вообще богата монопольная советская печать[1].

Продолжим свои суждения о первом периоде новых форм в деле народного продовольствия, где за устранением частника стала играть заглавную роль кооперация. Я не буду распространяться о том, насколько, сделавшись монополистом, организация эта уклонилась от той основной ее роли, поклонниками которой являлись мы, люди с либеральными взглядами последних предреволюционных годов.

Прожитое десятилетие существования сов[етской] власти нам ясно показало, что под формой теперешней кооперации снова выступил на сцену новый вид капиталиста-эксплуататора со всеми свойственными его нату-

[1] Далее в тексте Миндаровского идет зачеркнутая фраза: «Постараемся вообще отметить, как проходил тогда деловой день в советских учреждениях».

ре вожделениями, пред которыми безупречная в своей чистоте идея старой кооперации, стыдливо опустив глаза, ушла в туманную даль.

Если припомнить теперь, как «Самопомощь» распределяла и снабжала население, вернее, своих членов в первые дни 1920–[19]21 годов, то жутко становится на сердце, когда толпы полуголодных людей с раннего утра в скудном одеянии при 40° мороза стояли у закрытых дверей магазина и ждали, когда они распахнутся, чтобы успеть получить нумерной билетик на очередь.

Картина эта точь-в-точь была похожа на ту, когда мы, бросив горсть крупы или др.[угих] семян пред собравшейся стаей голубей, наблюдали их жадную толкотню и маханье крыльями, чтобы успеть склюнуть доставшиеся зернышки.

Это полуголодное городское население ежеминутно наблюдало, как на склады кооперации шли обозы крестьянского хлеба, картофеля, овощей и пр.[очего], и не имело права не только прикоснуться к этой благодати, но даже и заговорить о каком-либо распределении среди населения, пока корпорация коммунистов из кооперации и из заготовительного аппарата упродкома, коими они стали заправлять с первых же дней 1920 года, не выработает «норм» для «трудящегося населения». У меня доселе сохранилась такая норма, по которой я довольствовался в 1921 году, занимаясь около полугодия в упродкоме. Вот она за месяц:

- муки 20 фунт.[ов];
- мяса 8 фунт.[ов];
- жиров ½ фунта;
- соли 2 ф.[унта];
- картофеля 20 ф.[унтов];
- кофе или чаю ¼ ф.[унта];
- сахару 1½ ф.[унта];
- спичек 2 коробки.

А так как на моем иждивении была престарелая мать, «нетрудящаяся», то на нее давали еще полпайка.

Размеры этих пайков очень часто изменялись в зависимости от запасов заготовленного, а зачастую некоторые предметы и совсем исчезали. Как сейчас, помню я такой случай: по поручению продкомиссара я написал доклад по вопросу о степени целесообразности налогового законодательства. Работа была довольно серьезная, требовавшая времени и материалов для ее выполнения, и по прежним временам я бы получил за ее изготовление не менее 25–30 руб. Так как достать в то время мануфактуры было невозможно при крайне ограниченном количестве, а я достаточно обносился, то я вошел с рапортом к своему принципалу об отпуске мне ма-

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

Уисполком и Упродком настоящим доводит до сведения населения города и уезда следующее:

1) С 1-го Августа с. г, в г. Енисейске и уезде разрешается свободная продажа всех без исключения продуктов сельско-хозяйственного производства как за деньги, так и в порядке товарообмена.

Примечание: Из продуктов, подлежащих обложению налогом допускаются к вольной продаже лишь те продукты, налог по которым владельцами их уплачен, полностью, в чем у продавцов должны иметься соответствующие зачетные квитанции или удостоверения сельских советов.

2) продажа продуктов может производится на рынке ежедневно, а по суботам по примеру прежних лет, в городе назначаются базары.

3) Привоз продуктов из селений уезда на рынке совершенно свободен и привозимое для продажи никаким реквизациям или конфискациям не подвергаются независемо от того в каком количестве таковые не привозились, кроме тех лиц, которые не будут имет тех документов указанныя в премечании пораграфа 1-го.

4) Приобретения продуктов об'является свободным лишь в пределах личной потребности покупателя и его семьи. Скупка продуктов с явно спекулятивными целями будет преследоваться и виновные будут привлекаться к законной ответственности.

5) Единым городским потребительским обвществом самопомощь, открывается особая лавка, куда желающие могут сдавать свои продукты оптом по установленным твердым ценам и получать взамен их товарами также по установленным твердым ценам на полную стоимость сданных продуктов.

Цены на продукты и отпускаемыя за них товары выработаны Упродкомом совместно с Отделением губернского Союза Кооперативов и без утверждения Упродкома никаким изменениям не подлежат.

6) Для товарообмена в лавке ЕПО, имеются мануфактурные и другие товары, необходимые сельскому и городскому населению.

При той же лавке ЕПО открывается комиссионное бюро, которое за определенную комиссию принимает от обществ и отдельных лиц для обмена продукты сельско-хозяйственного производства и товары фабрично-заводской промышленности.

7) О месте нахождения лавки, времени открытия товарообменных операций, о имеемых для обмена товарах с указанием на разценки, о ценах на продукты сельского хозяйства и о порядке комиссионного обмена контора Е. П. О. имеет выпустить особые об'явления.

8) Товарообменные операции продуктов сельского хозяйства в уезде производятся Енисейским Отделением Губернского Союза Кооперативов через сельские многолавки.

Подробное раз'яснение к этим операциям отделение Губсоюза об'являет путем выпуска соответствующих извещений как в городе так и в уезде.

Зам. Пред. Уисполкома **Бабкин.**

Упродкомиссар **Маслобоев.**

Тираж 160 экз. Р. В. Ц. Енисейск, Енисейской губ, Уезд. Государствен. Типография.

териала на белье, в удовлетворение получил 12 аршин ситцу и столько же тику на кальсоны. Можете ли вообразить, сколь велика была моя радость за это благодеяние?!

Безалаберщина в управлении продовольственным аппаратом приводила к тому, что заготовляемые продукты на складах портились, и тогда не зная, что делать с ними, спешно распределяли их между советскими служащими и рабочими учреждений и предприятий. Так, напр.[имер], я полу-

чил однажды по удешевленной цене мешок затхлой с комьями муки и мешка два гнилого картофеля, отсортировав который половину пришлось выбросить. Вообще трата продовольственного добра при существующей тогда системе продразверстки была колоссальная. Испорченные продукты нередко выбрасывались, если только не годились в пищу или на корм скоту. Испорченная вконец рыба сжигалась на отвалах.

При одновременном существовании заготконторы при упродкоме и кооперации заметен был некоторый антагонизм между ними, но с упразднением продовольственных комитетов, когда вся заготовленная и распределительная часть сосредоточилась при кооперации (Енсоюз), по какому-то недоразумению оставившей за собой это название, совершенно ей не свойственное как монополисту, захватившему в свои руки всю торговлю и продовольствие, все продовольственное дело оказалось в еще худшем положении. Население обречено было в кабалу этого эксплуататора, и с рядом лет, когда после смерти Ленина восстановленная частная торговля под давлением налогового пресса, неслыханного даже при царизме, постепенно стала уменьшаться, кооператив стал положительно обиралой населения, измучившим его вконец хвостами, очередями, насильственными надбавками паевых взносов и параллельно с этим сокращавшим свои товарные запасы, необходимые в жизненном обиходе населения.

Без преувеличения кооперацию можно бы сравнить с теми фараоновыми коровами, которых сколько ни кормили, они тучнее не стали. В то время, когда я пишу эти строки, паевые взносы с какими-то строевыми и закупочными фондами, собираемыми с населения, достигли до сотни рублей, а полки кооператива постепенно делались пустыми. Сегодня исчезла крупа, назавтра не стало масла, сахару, нет гвоздей, спичек, не стало бумаги, обуви, кожи, веревки и пр.[очего], и это в то время, когда советская монопольная печать, надсаживаясь, кричала об индустриализации страны, развитии фабрик и заводов и о расширении посевной площади, а следовательно, и хлебопашества.

В 1920 году, когда продовольственные затруднения «товарищи» объясняли последствиями великой империалистической войны с Германией, а енисейский продкомиссар Маслобоев[2] в своем знаменитом циркуляре, экземпляр которого при сем приложен[3], рекомендовал населению «досыта не наедаться», тогда, по крайней мере, все это находило хоть некоторое оправдание, если к этому прибавить еще гражданскую войну, грабежи и уничтожение национального достояния, но как объяснить истощение

---

[2] Маслобоев весил 7 п[удов] 10 ф[унтов] и был достаточно упитан. — *Прим. Миндаровского.*
[3] Упомянутый Миндаровским циркуляр в тексте рукописи отсутствует.

кооперации спустя «десятилетие Октября» в период «бурного роста страны» — этого, кажется, и Аллах не объяснит. Только трезвый ум народа в состоянии разрешить это.

Всем и каждому, разумеется, известно, что все средства сорганизовавшегося в 1915 году общества потребителей «Самопомощь», в сущности составляющие капитал своих членов, в 1920 году были национализированы государством. Старые члены-пайщики потеряли свои вложения. Единственно, что им было предложено, — это снова вступить в число членов реорганизованного общества. Параллельно с этим распотрошена была и существовавшая с 1906 года рыбопромышленная артель неводчиков Туруханского края, имевшая торговые дела со старым кооперативом. Теперь невода и все принадлежности для лова рыбы поступили в упродком, а затем переданы были переставленному на советские рельсы о[бществ]у «Самопомощь». С появлением НЭП рыбакам предоставлено было право снова объединяться в артели и заниматься промыслом. Но так как теперь получить необходимую продовольственную обстановку для существования во время промысла, кроме кооперации, было не у кого, частник уже был общипан и выброшен, то поневоле артели промышленников пришлось вступить в договорные соглашения с обществом «Самопомощь». Как же поступила на этот раз советская кооперация? Она предложила рыбакам такие драконовские условия, которые по царскому законодательству карались арестантскими ротами, как за ростовщичество. Однако под гнетом нужды и безработицы рыбаки приняли на себя предложенные условия, которые чрез три года разорили их окончательно, так что эта трудовая артель распалась, а «круговая порука» по договору долго еще высасывала соки с каждого из них по отдельности.

Вот каково было соотношение эквивалентных цен, принятое сторонами по подписанному договору на 1922 год:

Наименование продуктов	Твердые цены, назначенные кооперацией	Рыночные цены 1913 г.	% надбавки
Мука ржаная	3.60	0.80	350
Соль, пуд	3.10	0.60	412
Чаю кирпич	3	1.20	150
Мыла, пуд	24	5.20	350
Ситец, аршин	0.60	0.15	300
Веревка, пуд	13	6.50	100
Бочки двойные	10	2.50	300

В среднем 280% за сделанное одолжение. Казалось бы, в той же пропорции должна быть определена и стоимость рыбы, в обмен на которую кооператив отпустил товары, однако здесь картина получается обратная. Вот по каким ценам артель получает расчет по договору:

	Кооператив берет от артели:	Рынок 1913 г.	% надбавки
Омуль	5 р. 70 к.	4 р. 50 к.	26,7
Моксун	5 р. 70 к.	4 р. 50 к.	26,7
Сельдь	5 р. 70 к.	4 р. 50 к.	42,5
Половье	4 р. 70 к.	3 р.	55,7
Мелочь	3 р.	2 р. 50 к.	20

В среднем 34% против цен довоенного времени. Из общего количества добытой в тот год рыбы артель должна была уплатить кооперативу с каждого невода:

— кооперативу 170 пуд[ов];
— пароходству за фрахт 75 пуд[ов];
— аренды за пески 15 [пудов];
— [итого] 260 пуд[ов],

а весь улов 1922 г. отошел в среднем на каждый невод около 255 пуд[ов]. Помимо недобора 5 пуд[ов] на невод неводчики по требованию налогового отдела должны были заплатить промыслового налога на советские знаки 10 464 000 000 рублей.

Вот как отличалась советская кооперация со всеми, кто имел удовольствие пользоваться ея благами, вступая в договорные с ней отношения. У частника царских времен и нос не дорос до этого.

Советская власть как власть коммунистических принципов, конечно, поощряла возникновение и существование всевозможных артелей и ассоциаций, но только тех, которые ей были по душе, и отнюдь не те объединения, которые имели под собою почву действительного содружества в интересах общего дела, как, напр.[имер], работала много лет трудовая артель рыбаков, в понятиях сов[етской] власти преследовавшая эксплуататорские тенденции тем, что пользовалась наемными силами. Ненавистна им была и существовавшая с 1624 года коммуна сестер-монахинь Иверского монастыря, которая могла служить образцом для устройства и ведения домашнего и сельского хозяйства. Эта коммуна из 45 челов[ек] монахинь имела свою запашку хлеба, собственными руками ставила сено, вела огородничество, цветоводство, выделывала восковые свечи, имея свою пасеку, даже имела свою школу и больничку для членов-монахинь. И все это было беспощадно уничтожено и разграблено в 1923 году.

Объявление.

Укомтруд объявляет трудовую мобилизацию всем жителям гор. Енисейска мужского пола от 18 до 50 лет несостоящих членами профессиональных союзов.

Всем мобилизованным явиться 1-го сего Августа в 12 часов дня в Отдел Труда (Большая ул., дом бывшей Городской Управы).

Неявившиеся будут считаться дезиртирами и привлекаться к ответственности по всем строгостям революционного времени.

Ответственность за выполнение мобилизации возлагается на квартальных старост, домовладельцев и Рабоче-Крестьянскую Милицию.

УКОМТРУД.

г. Енисейск 29-го Июля 1920 г.

Енисейская Государственная Типография.

ПРИКАЗ № 33.

Енисейского Уездного Комитета по Всеобщей трудовой Повинности, Подотдел Учрабсилы.

15-го Апреля 1921 года гор. Енисейск.

§ 1. Все граждане, подлежащие трудповиности и не зарегестрированные в Подотделе Учрабсиле, обязаны явится в Учрабсилу (Большая улица дом быв. городской Управы) в недельный, со дня об'явления сего, срок, для регистрации.

Примечание: От регистрации освобождаются:
мужщины моложе 16 и старше 55 лет:
женшины моложе 16 и старше 45 лет:
инвалиды первой, второй и третей группы и тяжко больные.

§ 2. Уклонившиеся от регестрации граждане подлежат отвественности, как труддезертиры.

§ 3. Председателям кварткомов, подличную ответственость их за скрывательство труддезертиров, вменяется представить в Учрабсилу, списки лиц, не имеющих трудового и безработного билета.

Предукомтруд Конышев.

Завучрабсилу Дудкевич.

Секретарь. Помарин.[1]

Тираж 60 экз. Р. В. Ц. г. Енисейск, Енис. губ., Уездная Государствен. Типография

* * *

В первые же дни по обосновании сов[етской] власти объявлена была трудовая повинность для всех жителей обоего пола в возрасте от 18 до 50 лет. По городу красовались аншлаги на красном ситце: «Не трудящийся да не ест»[4]. Хотя мне в то время было уже 52 года, но Красноярск назначил меня помощником заведующего налоговым отделом уфинотдела, первоначальный штат которого предположен был в 263 человека, и на наш подотдел падало 42 работника. Мы с заведующим едва упросили дать нам возможность вербовать штат по мере надобности. Стены быстро формировавшихся учреждений не в состоянии были вмещать в себя штатного числа служащих. Все цеховые мастера-одиночки, маляры, бондари и проч.[ие], должны были объединяться вокруг кустарно-промышленного отдела Совнархоза, в котором сосредоточены были все отрасли хозяйственно-промышленной деятельности. Казалось бы, при таком несказанно быстром объединении должен бы пойти быстрым темпом и рост народно-хозяйственной жизни края, однако картина получилась обратная. Существовавшие до этого кожевенные заводы бывших частных лиц стали постепенно сокращаться в своем числе за недостатком сырья и отсутствием фабрикатов. Всюду пошли всевозможные затруднения благодаря установлению заготовительно-распределительного метода. Жизнь быстро стала затихать. Рынки по субботам исчезли, продуктов и разного сырья не стало. Чтобы сделать гроб покойнику, надо было сначала заказчику найти где-либо по знакомым тес, а потом брать разрешение на исполнение самой работы. Если вам необходим кусок кожи, то вы должны собрать для этого письменные доказательства и обойти все инстанции, прежде чем получить его.

Появление ленинского НЭП немного изменило эту картину. Не стали писать ордера и требования, переходя от одного к другому рядом сидящему «заву», потом и сами учреждения стали постепенно перестраиваться, а некоторые — и свертываться. Пошли сокращения штатов. Образовалась безработица. Пошла кутерьма в деле распределения работы между трудящимися, чем ведал с первых дней 1920 г. особый отдел труда, также с многочисленным штатом служащих. При переводе меня из уфинотдела на должность заведующего пожарно-страховым п[од]отделом при Совнархозе мне нужен был делопроизводитель по штату, взять которого без ведома биржи труда я не имел права. Обращаюсь с требованием. На третий день ко мне приходит знакомое мне лицо и предъявляет ордер на занятие должности дело-

[4] В те дни, как пишу я эти строки, частицу «не» надо уничтожить и писать «Трудящийся да не ест», так как у многих служащих и рабочих, имевших дома и домашний скот, хлебно-продовольственные книжки отобраны. — *Прим. Миндаровского.*

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Отдела Управления Уисполкома

ТоварищиК рестьяне!

Отделом Народного Образования открыт в городе „дом Кретьянина“ заменяющий собою бывшие постоялые дворы. Означенный дом помещается на углу Большой улицы и Святоградского переулка в кв. Михайловой, двери которого широко для Вас открыты. Здесь Вы встретите заботу о Вас далеко лучшую чем на отмирающих постоялых, так как дом специально для этого оборудован. Здесь Вы имеете возможность удовлетворить и свои духовные потребности, ибо в доме, к Вашим услугам, имеется библиотека-читальня.

Останавливаясь на прежних постоялых дворах Вам приходичся сталкиваться с содержателями последних, зачастую требующих с Вас непосильной уплаты за постой не деньгами, а натурою,-хлебом, сеном, дровами и др. предметами потребления; в доме же крестьянина этого нет, так как каждый из Вас заезжая в этот дом должен знать „**что сюда он заезжает в свой дом.**“ Не принуждая Вас силою или какими иными мерами останавливаться в указанном „доме крестьнина“ и потому пока не упраздняя старых постоялых дворов, Отдел Управления, защищая Ваши интересы, просит Вас, товарищи крестьяне, не поддаваться требованиям, со стороны содержателей постоялых, уплаты им за постой натурой, а производить расчет с ними **исключительно денежными знаками,** имеющим обращение в пределах Республики.

Содержателям постоялых дворов вменяется в непременную обязанность под страхом предания их Революционному суду не предявлять к заезжающим к ним на постой крестьянам чрезмерно высоких, денежных платежей и тем более требований об уплате натурой.

Товарищи крестьяне приглашются в таких случаях делать заявление на содержателей Отделу Управления, которым с виновного будет строго взыскано.

Заведывающий Отделом Управления **Ф. Бабкин.**

Секретарь **Пономарев.**

28- Января 1921 года.

Тираж 100 экз. Р. В. Ц. г. Енисейск, Енисейск. губ., Уезд. Государств. Типография.

производителя. «Насколько мне известно, вы, кажется, декоратор?» — спрашиваю я. «Да, я пишу вывески, разделываю трафаретом комнаты, оклеиваю стены». — «А с канцелярской работой знакомы?» — «В первый раз случается». — «Как же Вас послали ко мне?» — «Подошла моя очередь», — улыбаясь, отвечает посланный. Таков был порядок строительства административного аппарата не только в Енисейске, но и повсюду.

Система выполнения работ всем и каждым не по специальностям, а по представившейся надобности привела к тому, что весною 1920 года отдел труда в принудительном порядке выгнал все трудовое население города на улицу чистить и сгребать назьмы. Над этим делом наблюдали особые комиссары с наганами, словно это была каторжная повинность, а не труд вольных людей. Надо было видеть эту картину, как мужчины, женщины и девушки, многие в легких ботинках, с метлами и лопатами нагребали в кучи назем по всем улицам города. У иных были на глазах слезы. Это была так наз.[ываемая] неделя чистоты. И действительно, всю эту зиму шатавшийся по улицам скот унавозил и загадил все площади и улицы города. Все это продолжало лежать до приближения этой «недели чистоты», чтобы потом снова накапливаться. Мне пришлось однажды взглянуть на панораму города с пожарной каланчи — то взору моему представилось, как будто бы весь город с окраинами его представляет из себя тело живого человека, покрытое сплошь злокачественными ранами, — это были кучи назема и скотский помет.

Каждое поступление служащего и рабочего на работу в учреждение или предприятие сопровождалось заполнением т.[ак] наз.[ываемой] анкеты с целым рядом поставленных в ней вопросов о своей автобиографии и прошлой своей служебной деятельности. Тут было все: и какому ты богу веруешь, и какую власть любишь. Заполняя однажды такую анкету, мне пришлось после ответа о своей беспартийности на вопрос, почему не состою в какой-либо партии, ответить: потому что не желаю подчинять свою волю и разум партийной дисциплине, — а на вопрос, какая из партий, по вашему мнению, ближе к защите трудящихся, пришлось дать такой ответ: которая выведет страну на путь могущества и славы. С течением времени анкеты эти отошли в область прошлого, и вместо них появились проскрипционные списки литеров А и Б (1924 год), по коим работающие снимались со службы за контрреволюционную деятельность, установленную документально, хотя бы таковая имела место и ранее 1920 года. С 1924 года вошла в обиход т.[ак] наз.[ываемая] чистка соваппарата на публичном заседании, где персонально каждого работника испытывали на словах в прошлой его служебной деятельности и происхождении от родителей. Это была публичная исповедь, на которой опрашиваемый должен был давать ответы или защищаться. Тут пускалось в дело все. Личные счеты, интриги, оговоры и тому подобное. Не избегали этой чистки и партийные люди и исключались из рядов, если находились против его какие-либо улики, компрометирующие его партийную или служебную работы. В общем, службу советского работника, в особенности беспартийного и не ответственного, нельзя назвать завидною. Работать заставляла только необходимость иметь про-

СПИСОК

кандидатов на должности учащих школ I-й и II-й ст. и Детского Сада г. Енисейска.

1. **Автономов** Дмитрий Васильевич
2. **Архангельский** Иннокентий Семенович
3. **Архангельская** Юлия Александровна
4. **Быстрова** Зоя Семеновна
5. **Бабкина** Клавдия Федоровна
6. **Валуева** Лидия Феодосиевна
7. **Востротина** Софья Николаевна
8. **Востротина** Вера Федоровна
9. **Востротина** Мария Константиновна
10. **Грязнова** Агния Гавриловна
11. **Грязнова** Мария Александровна
12. **Галепова** Анастасия Захаровна
13 **Жунева** Луиза Александровна
14. **Зверева** Александра Семеновна
15. **Заболоцкая** Александра Эразмовна
16. **Иванова** Нина Николаевна
17. **Израилева** Ольга Константиновна
18. **Климовская** Надежда Александровна
19. **Кожевин** Назарий Андреевич
20. **Кожевина** Мария Павловна
21. **Кондрашин** Михаил Иванович
22. **Казанцева** Любовь Александровна
23. **Кобычева** Анастасия Матвеевна
24. **Кытманов** Николай Александрович
25. **Курочкин** Константин Власович
26. **Кладовникова** Клавдия Игнатьевна
27. **Лежинская** Зинаида Михайловна
28. **Лежинский** Михаил Гаврилович
29. **Лапшина** Агрипина Игнатьевна
30. **Макаров** Григорий Федорович
31. **Михайлов** Константин Петрович
32. **Мартынова** Александра Георгиевна
33. **Мельников** Василий Петрович
34. **Мильштейн** Софья Моисеевна
35. **Ольшевская** Любовь Александровна
36. **Панов** Борис Лукьянович
37. **Робаглия** Амалия Густавовна
38. **Новокшанов** Иван Михайлович
39. **Соболев** Николай Семенович
40. **Соболева** Анна Васильевна
41. **Соколова** Надежда Федоровна
42. **Стратонитский** Леонид Андреевич
43. **Стелькер** Мария Францевна
44. **Северовостокова** Александра Павловна
45. **Северовостокова** Зоя Павловна
46. **Солдатова** Елизавета Густавовна
47. **Соколова** Мария Николаевна
48. **Тихвинская** Надежда Ивановна
49. **Хнюнина** Татиана Александровна
50. **Филиппов** Степан Аверкиевич
51. **Филиппова** Елизавета Титовна
52. **Неволина** Мария Александровна

Граждан, желающих заявить отвод того или другого кандидата, просят подавать о том в Отдел Народного Образования (Успенская ул., д. Бородкина) письменные заявления с указанием причин отвода. Заявления должны быть поданы не позднее 17 июля сего года и должны быть подписаны лицом, их подавшим. Анонимные (без подписи) заявления приниматься во внимание не будут.

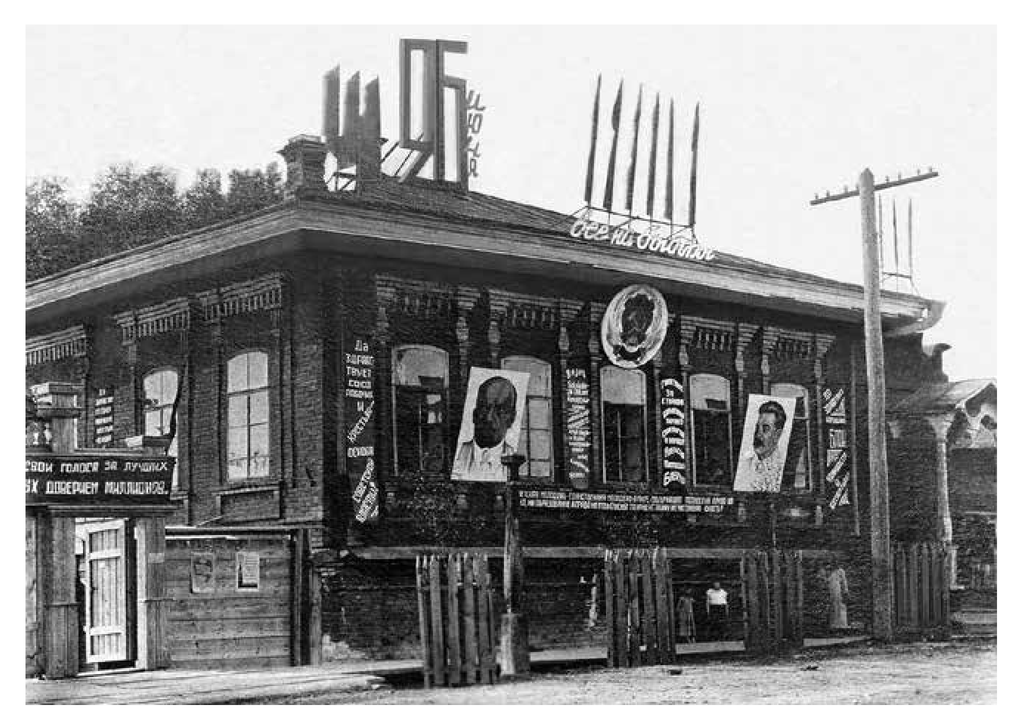
Енисейская Уездная Комиссия по реорганизации школ города и уезда.

Енисейская Государственная Типография.

довольственный паек, а жалованье обычно выплачивалось ничтожное — в переводе на золотую валюту рублей 6–8 в месяц. Более в лучших условиях находились только рабочие.

Каждый служащий и рабочий должен иметь обязательно профсоюзный билет, облегчающий ему или переход на другую службу, или получить таковую при первой вакансии, если он был на положении безработного.

Находиться в числе членов своего профессионального союза было во всех отношениях необходимо. Это давало право не только на паек, но и предоставляло известный ценз, так как члены профсоюза являлись главною движущей массою на выборах, при посредстве которой «товарищи» могли легко проводить своих намеченных кандидатов. Это была своего рода декорация, устраиваемая каждогодно в дни производства выборов в советы рабочих и крестьянских депутатов. Расскажу вам, как происходит самая махинация этих выборов. Незадолго до начала выборов вывешивается список лишенцев, т.[о] е.[сть] тех групп населения, которые по 65-й статье советской конституции не могут быть участниками выборов как явно контрреволюционный элемент, хотя с общечеловеческой точки зрения — людей заслуженных и порядочных. Затем назначаются участковые собрания уже отсеянных членов профсоюза и незначительной группы пенсионеров и богаделенных. На этих собраниях председательствующим коммунистом зачитывается заранее составленный в своей тесной компании список кандидатов в члены уезд.[ных] или районных советов и предлагается голосование их, из любезности предварительно спросив, целым ли списком желает собрание голосовать или поименно, хотя каждый из коммунистов давно уже знает, что все выскажутся за целый список, так как внутренне понимает, что каждый из т.[ак] наз.[ываемых] избирателей в душе думает, скорее бы только кончилась эта комедия. Решив, разумеется, единогласно голосовать всем списком, председатель собрания вопрошает, кто за, кто против и кто воздержался. В этот торжественный момент расставленные по разным углам помещения партийцы зорко наблюдают, не поднимет ли кто-нибудь руку (выбора по конституции должны производиться только открытым поднятием руки, иначе при закрытом избрании записками или шарами вся эта советия не продержалась бы и трех лет) против предложенного списка, чтобы тут же взять этого храбреца на заметку, и если он служащий или рабочий, при первом же удобном случае выставить его со службы. А так как служба или постоянная работа служат единственным занятием, дающим человеку кусок хлеба для существования с семьей, то, чтобы не умереть с голоду, весьма естественно, все поднимают руки за избрание, в душе посылая к черту как самое собрание, так и устроителей этого маскарада. В более позднейшее время в целях привлечения на собрания воз-

Улица Бабкина, бывший купеческий дом, в 1930-е гг. — клуб имени Вахитова. Выборы в Верховный Совет СССР, 1936 год. Из фондов ЕКМ.

можно большего числа избирателей стали вручаться последним именные приглашения, которые при явке на собрания должны быть передаваемы регистратору для записи фамилии явившегося. При такой системе нетрудно потом выявить непришедших избирателей и взять их под подозрение как протестантов, бойкотирующих выборы. Тогда все те, коим по совести кажется противной устраиваемая комедия, явившись на собрание, передавали свои повестки регистратору, а сами незаметно в толпе исчезали из помещения. Фактически выборы происходили при наличности половины из зарегистрировавшихся, а в протоколе — отмечалось при таком-то числе зарегистрировавшихся, т.[о] е.[сть] явившихся на собрание избирателей, а в общем по всем городским участкам *при подавляющем процентном числе всех лиц, имеющих право голоса на выборах*[5].

Это первая часть избирательной комедии, посредством которой в число членов советов проводились почти сплошь коммунисты и лица, сочувствующие им, из кадра беспартийных в минимальном процентном отношении к общему числу избираемых, и то с единственною целью — втереть очки доверчивой и темной массе населения. Вторым этапом выборов явля-

[5] Выделенная курсивом часть предложения у Миндаровского подчеркнута.

лось собрание избранных членов совета, на котором тем же способом избиралось нужное число делегатов на губернский (позднее на окружной) съезд советов. Здесь избранными были уже те, которые просеяны были на чистое сито партийного застенка, а в Красноярске уже перемалывали и просеивали начисто. Этот последний законопослушный состав совета и был показательной ширмой в Москве, под прикрытием которой действовала дирижерская палочка Джугашвили-Сталина и его компании.

Если правительству Сталина и К° требовалось провести какую-нибудь затею, как, наприм.[ер], построить самолет, выпустить внутренний заем, провести хлебозаготовки и пр.[очее], он устраивал это непременно через головы рабски повинующихся всему союзов. Делалось это так. Выступает на союзном собрании застрельщик с предложением взять на себя инициативу пожертвования на то-то или заявит о необходимости займа на расширение индустриализации в стране, и, выждав пятиминутную паузу, председательствующий задаст вопрос: «Кто против? Прошу поднять руку». Все молчат. Тогда другой вопрос: «Кто за?» И мгновенно сотни рук тянутся кверху. Принято единогласно. Назавтра местная газетка жирным шрифтом оповещает: рабочие такого-то завода или фабрики единогласно решили и т.[ак] далее.

Роль советской прессы в подобных делах играет немаловажную роль. Чрез посредство ее разносятся по всей республике самые сногсшибательные сообщения, одно другого фантастичнее и бесстыднее в степени извращения истины. Все это читают рабочие и служащие, и находится много лиц, которые воспринимают все эти сообщения за истинную правду. Так продолжает жить страна уже второе десятилетие. В последнее время к таким аферам стали приучать учащуюся молодежь — пионеров, комсомольцев и остальных учащихся в школах. Школа стала главным рупором, чрез посредство которого осуществляются всевозможные комбинации. Учение отошло на второй план, и теперь неудивительно встретить взрослого школяра, с усилием читающего печатную книгу, зато вздумалось правительству, напр.[имер], объявить войну религии, сейчас состряпают какую-нибудь реляцию, выпускают пред каким-нибудь собранием 10-летнего пузыря, и он возглашает, что ему мешает звон церковных колоколов, что они, пионеры, просят своих родителей снять эти колокола и тем самым дать им, таким серьезным людям, спокойно насаждать свои мозги ленинизмом и наслаждаться игрою в советский парламент.

Война с религией началась с первых дней 1920 года, и здесь, в Енисейске, первое насилие нанесено ей изъятием церковных ценностей в 1922 г. как действием, проведенным во всероссийском масштабе. В следующем году в первомайские празднества наглая насмешка над народною совестью

устроена была над могилою чтимого простым народом старца Даниила. Могила была разрыта, кости разбросаны на земле и сфотографированы, а череп передан в музей. При ликвидации женского монастыря снесена была и каменная часовня над прахом этого старца. Глумления над религиозными чувствами верующих в виде хулиганских уличных карнавалов, вторжений молодежи в церковь во время пасхальных и рождественских богослужений стали особенно проявляться с 1923 года, а затем на время притихли для того, чтобы перед началом описываемого мною периода развернуться уже в более смелом и нахальном виде, принявшем повсеместный характер.

Интересным в данном случае документом является известный приказ из времен татарского ига на Руси, в котором казанский хан Менгу-Тимур написал: «Да никто не обидит на Руси соборную церковь митрополита Петра и его людей»[6]. Выходит, что татарские ханы были куда ближе и внимательнее к совести русского народа, чем мы теперь сами к себе.

Произволом, ложью и фальшью на каждом шагу наполнена вся подтасованная проповедь о материализме со своею крайностью и противоречиями, если посмотреть, как практически эти теории осуществляются в повседневной жизни. Материализм в лице его апологетов-коммунистов отвергает, напр.[имер], все религиозные обряды верующих, считая их комедией, отвергает крестные ходы, а сами своими групповыми так наз.[ываемыми] демонстрациями с красными флагами и портретами революционных вождей, заменяющими иконы, картинно только подражают им. Умер Ленин, торжественно похоронили, как обыкновенно хоронят всех выдающихся или гениальных людей, и делу конец. Однако хоронили не просто, а с древнеязыческою обрядностью бальзамирования, устроили склеп наподобие царских усыпальниц, а затем открыли паломничество на поклонение его праху, подобно мощам. Кто знает, быть может, мы явимся свидетелями признания его новым Христом. Ведь последовало же распоряжение не искажать его образа печатанием на почтовых марках во избежание кощунства со стороны почтальонов. Помнится, была где-то в газетах заметка о новом летоисчислении с октября 1917 г. — этого нового мессии. Когда в Енисейске поставили памятник Ленину, то подвесили пред ним электрическую лампочку, напоминающую неугасимую лампаду пред чтимым угодником. Ну чем все это не похоже на нарождающуюся новую мифологию божества, идущую на смену гонимой человеческой совести? Выходит, что и коммунизм не чужд верований, только не в отвлеченные обожествляемые имена, а в реальные предметы, так что вместо воображаемого бога

[6] Ярлык, данный от кыпчакского царя Узбека Петру, митрополиту России... (около 1313 г.) [http://www.oldru.com/epo/78.htm].

наше поколение будет молиться, по-чеховски выражаясь, «на бутыль с карболовым раствором».

Как бы то ни было, а прошлое нам говорит, что чем более бывали давления на человеческую совесть, тем шире шло распространение христианства среди верующих.

Если мы вспомним историю, то увидим, что религиозные гонения происходили и в прежние времена между враждующими народами различных верований, но нигде в мире не было, чтобы народ, именовавший 2000 лет себя христианами, вступил в ожесточенную распрю между собой на почве классовой междоусобной борьбы, борьбы, какую объявила захватившая в свои руки силу советская власть. Здесь любопытнее всего то обстоятельство, что разрешать мировые религиозные проблемы на почве материализма взялись люди невежественные, нередко люди с темным уголовным прошлым, с животными инстинктами и низкой нравственностью.

Пользуясь силою штыка и винтовки, эти люди взялись поучать такую же, как сами, малоразвитую и темную народную среду, внося в нее немудреные лозунги в виде «поповского обмана» и «религиозного дурмана», и, надо сказать, при содействии своей монопольной печати, не допускавшей никаких возражений, во многом достигли успеха. Понятия легкомысленных людей переродились. Все те неразрешимые вопросы народной совести, над разрешением которых тщетно работали наши отечественные гении Достоевский, Лев Толстой и Владимир Соловьев, одним ударом палки разрешили Ульянов, Нахамкес и К°.

Теория Дарвина, выдвинутая ими на смену высоконравственных идеалов человечества как основанная на почве животного мира, мира химических и механических сочетаний в организме живущего, меня лично не убеждает в ее положительности. Сияние солнца, красота природы, ее естественные богатства, непостижимые для разрешения вопроса о мироздании, для меня превыше всего человеческого, даже его понятий о разуме, совести и свободе, которые из назьма и морской слизи не вытолчешь.

Не помню, какой-то мыслитель сказал, что «вера и религия есть такая же потребность человеческого сердца, как наука является потребностью человеческого ума», и, по-моему, это глубокая истина.

Учение Христа, как и всякое учение высоконравственных идеалов человечества, вечно и неизменно. Оно всегда будет озарять своим светом сердца стремящихся к нему людей. Оно по временам может быть заволакиваемо тучами, но яркие лучи его прорежут и рассеют их и снова осветят и согреют людские души; никакие таланты и гении не отнимут божественной истины, блеска и величия духовного, не заменят его никакими измышлени-

ями, но эта устойчивость и незыблемость церкви не говорит еще о прочности положения духовенства, если оно своею стойкостью и служением высшим проявлениям христианского духа не отождествит себя с церковью (Светлов. «Христианское вероучение в апологетическом изложении». Изд. 1912 г. в 2-х томах).

Не входя в дальнейшие рассуждения по вопросу о веротерпимости, которой в условиях советской конституции совершенно не существует, я слова свои закончу следующим четверостишьем Вл.[адимира] Соловьева, сказанным им по поводу учреждения цензурных комитетов в России:

Наказана ты, Русь, всесильным роком,
Как некогда священный Валаам:
Заграждены уста твои пророкам
И слово вольное дано твоим ослам.

Золотые слова на современную тему.

1930 год, январь

Один ученый муж из иностранцев, с которым случайно мне пришлось беседовать в стенах Енисейского музея, спросил меня, как я смотрю на заглавные буквы РСФСР, поставленные в заголовке бланка государственного учреждения? Я, конечно, объяснил ему их значение: Российская социалистическая и т.[ак] д[алее]. «Неправда, — возразил мой собеседник, — это расшифровать следует так: редкий случай феноменального сумасшествия России». Сначала я только улыбнулся на такое ироническое определение, а потом, пораздумавши, не мог не признать, что в этом остроумном сарказме есть глубокая истина. В продолжение прошедших десяти лет, начиная с 1920 года, бесчисленный ряд всевозможных манипуляций над живым человеческим организмом, если глубоко вдуматься в них, носили в себе явные следы действий ненормальных людей, коими руководила не здравая человеческая мысль, а сухая теория партийной программы. За эти годы наблюдения показали, что все партийные люди на местах представляют из себя не что иное, как напетую граммофонную пластинку, передающую то, что звуками запечатлелось на ее гладкой поверхности. «Слепое исполнение, а не пытливая мысль присуще его прозелитам», — сказал когда-то известный В. К. Саблер про партийных людей, и с этим трудно не согласиться.

Все десять лет держать трудовое население на полуголодном пайке и в то же время требовать от него исключительного напряжения сил для создания государственных ценностей могут только или завзятые мошенники и демагоги, или пустоголовые, ни о чем не размышляющие люди, умственный кругозор которых дальше бухаринской азбуки коммунизма и «диктатуры пролетариата» не двинулся.

Само собой разумеется, считать все мероприятия советской власти как действия ненормальных людей было бы крайне несправедливо. Наоборот, 12-летнее управление Россией в достаточной степени показало, что наряду с мерами, идущими вопреки естественным потребностям человеческой природы, есть меры, направленные и в положительную сторону, которые при целесообразном их проведении в жизнь, пожалуй, оказались бы и приемлемыми (социализация земли, прогрессивно подоходное обложение, развитие индустрии и путей сообщения и пр.), но они тонули в той массе зла и недовольства, какие всюду в населении за это время достаточно накипели.

Теперь мы все уже убедились, что советская власть, руководимая дирижерской палочкой Москвы, представляет собою не что иное, как двухмил-

лионную армию объединившихся в ВКП людей, заменивших собою бывших когда-то на Руси «тридцать тысяч помещиков», ликвидированных Александром II в 1861 году. Теперь мы воочию увидели, что это не что иное, как новый вид крепостного права, с тою разницей, что вместо помещиков, владевших жизнью 20 мил.[лионов] крестьянства как своею собственностью, русским народом стало владеть государство, которое при посредстве этой господствующей в стране партии сделалось главным и исключительным деспотом всех трудящихся, где 98 человек подчиняются двум коммунистам. Оно не только присвоило себе их труд, взяв в свои руки все отрасли производительной деятельности страны вплоть до живой человеческой мысли, подчинив и ее себе посредством монополизации книг, газет и журналов, но и лишило своих подданных самого ценного сокровища, даруемого человеку природой, — это его инициативы, которою обыкновенно и создается могущество всякой имеющей претензию на культурность человеческой нации. Плоды этого мы уже ныне ощущаем в отсутствии талантов, творчества, мысли, искусств, поэзии, музыки и т. п., если не считать преждевременных выкидышей Маяковских, Есениных[1] или дегенерата от литературы Демьяна Бедного.

Своими эксплуататорскими приемами управления (трудовою повинностью, лимитными ставками и пр.[очим]) правительство довело страну до самой последней степени экономического упадка. Наиболее интенсивная живая часть населения, всегда являвшаяся проводником и производителем ценностей, была устранена от государственной и общественной деятельности и лишена всякого участия в работе нации, взамен этой части населения во главе государственного управления и народной производительности встали люди партийные, ничего в этих делах не смыслящие и никогда подобными делами не занимавшиеся. Могло ли при таких порядках идти какое-либо развитие страны и крепнуть ее финансовое благосостояние?

Правительница всех государственных дел — коммунистическая партия, задавшись целью на практике проводить утопическую идеологию своего новоявленного мессии — Ленина, исписавшего груды книг и в своих писаниях нередко противоречившего самому себе, в продолжение 12-ти лет не переставая училась только наподобие цирюльника брить на чужой бороде, а обильно политая потом и кровью русского народа земля была лишь той почвой, на которой росли плоды от трудов советских властителей. Достаточно припомнить ежегодно менявшиеся методы обложения крестьянства сельскохозяйственным налогом, чтобы согласиться со мной.

---

[1] У Миндаровского — «Ясениных».

Параллельно с манипуляциями, проводимыми на крестьянском хребте, шло околпачивание и других слоев населения, как известно, не отличавшегося по сравнению с соседями своим культурным развитием и потому легко идущего на поводу других случайно подвернувшихся людей. Отсталость России и была главн.[ым] обр.[азом] той благоприятною почвою для «товарищей», на которой они с успехом осуществляли свои коммунистические опыты и комбинации, творцом которых после смерти Ленина явилось собирательное имя Бронштейнов, Нахамкесов, Джугашвили и друг.[их] «варягов» русской земли.

Самым благоприятным материалом, из которого можно было лепить формы для отливки по ним социалистических затей, были наши дети, то подрастающее поколение, которое еще не дошло до понимания практических форм в сфере общечеловеческих взаимоотношений. При посредстве особого аппарата, именуемого школой, они оболванивались под марксистский «уклон» (модное слово в советском лексиконе) и становились в ряды строителей нового быта и новой жизни, сначала в виде пионеров с ремнем на плече, а потом в должностях комсомольских бригад в остроголовых шлемах.

Хотя в течение десяти прошедших лет существования в Енисейске советской власти новая молодежь ни в чем еще не могла развернуть и показать на деле свои государственные способности, но трафаретная обточка их заметна уже определенно. Правда, окончивший девятилетку юноша в своих познаниях по общеобразовательным предметам и даже в познаниях своего родного языка и грамматики хотя и производит впечатление недоучки, пасующего даже пред прежним гимназистом-пятиклассником, но зато он в совершенстве усвоил политграмоту по учебникам Бухарина и др.[угих] корифеев советской педагогики, в достаточной степени начинен агитационными фразами и лозунгами, выработанными партией на все случаи обыденной жизни, хорошо пропитан общечеловеческой ненавистью к состоятельным классам международного общества и вполне обезбожен. Лично мне эти молодые люди, которых 1920 год захватил в возрасте 8–10 лет, почему-то кажутся жалкими калеками с опустошенной детской душей, чуждыми радостей и любви к равным себе. Это взрослые младенцы, не знающие ни прежней семейной обстановки довольства родительского дома, ни альтруистических чувств к красотам природы, ни высшего, наконец, духовного удовлетворения, которые испытывает человек в сознании сделанных им добрых дел. Не думаю, чтобы высшая форма материалистического учения и социалистического рая на земле состояла исключительно в том, что человек будет иметь возможность сытно поесть, вдоволь попить и умеренно поработать. «Не хлебом единым бывает жив человек» — говорит нам на-

родная мудрость благочестивых людей. «Все воображаемые богатства социального мира, все духовные и плотские удовольствия, которые оно обещает, никогда не возвысят человеческого духа и не удовлетворят запросов совести», — сказал московский митрополит Владимир, и мне слова эти звучат глубокою истиной.

Итак, наше то поколение, родившееся в первые годы XX века, и является тем надежным авангардом советского строя, на который главн.[ым] образом и рассчитывает в будущем Всероссийская коммунистическая партия. Другим оплотом и поддержкою своей силы в глазах цивилизованного мира партия выставляет всех тех сочувствующих коммунистической программе людей, которые или прошли чрез избирательное сито в члены Всероссийского съезда советов как якобы представители всех трудящихся советской России, или которые благодаря эластичности и гибкости своей натуры, всегда способной пристраиваться по обстоятельствам и условиям времени, вполне достаточно и прочно доказали свою преданность новому пролетарскому строю.

В русском переводе имеется теперь уже редкая книга немецкого публициста Иоганна Шерра под названием «Комедия всемирной истории»[2], в которой автор описывает революционные события Европы, происходившие в половине прошлого столетия, и отводит довольно интересную страницу характеристике таких покладистых людей, называемых им «каучуковыми». Описание это показалось мне настолько любопытным, что я решил привести его целиком:

> Что за достойные люди, эти каучуковые господа, — начинает Шерр, — это именно такие люди и политики, какие требуются в наше, да и во всякое время, и между этими людьми попадаются архикаучуковые, выползшие или сразу выскочившие из революционного лагеря. Это уже настоящий каучук или каучуковая эссенция. Возвышаясь над глупыми предрассудками — верности убеждений или твердости характера, — эти ловкие и практичные господа твердо сидят на каком угодно седле, уживаются всюду, где им выгодно, и всегда готовы служить, конечно, если им хорошо заплатят. Сегодня откалывая пляску около свободы, если нужно, верноподданнейше кадят в королевских передних предержащим властям, всегда изощряясь приносить «тяжелую жертву» своих взглядов общественному благу, которое какими-то судьбами оказывается и их личным благом. Это клад, а не люди! Это совсем не то, что справедливо презираемые ипохондрики, «несоглас-

[2] Шерр И. Комедия всемирной истории: Ист. очерк событий 1848 г. В 2 т. / Пер. с нем. Санкт-Петербург: О.Н. Попова, 1898–1899.

> ные» и гордецы, которые одним своим присутствием мозолят глаза всемирной фирмы «Подлость и К°», имеющей основание ненавидеть всякого не подлящего вместе с нею и, следовательно, обвинять ее. Надо быть упругим, если хотят служить государству, церкви и обществу. Черт бы побрал идеализм и гримасы добродетели, и да здравствует каучук! Вот это настоящий материал! Из него можно наделать, когда нужно, парламентских паяцев, либеральных министров, шарлатанов кафедры или исповедален, исправителей мира или толкователей Библии, уличных демагогов и придворных шпионов, словом, все, что угодно. Эти каучуковые господа — не оцененные и в то же время оценимые люди. Они необходимы, неустранимы, незаменимы, одним словом, на все руки! Сегодня красные, завтра голубые, зеленые, белые, черные. Сейчас пятнистые, как гремучая змея, а через минуту уже бесцветные. С постели встают народными льстецами, ложатся верноподданнейшими лицемерами. В продолжение всей недели они — страшные атеисты, а к воскресенью они — благочестивые христиане. В понедельник проповедуют, что человек произошел от обезьяны, а во вторник идут к обедне. В среду присоединяются к комитету женской эмансипации, а в четверг ратуют с консерваторами. В пятницу хлопочут с коммунистами, а в субботу ухаживают за пиетистами. Утром воспевают похвалы конституционной монархии, а вечером приветствуют терроризм и республику. Да здравствует каучук!..

Выше в своих записках я уже упомянул двух особенно колоритных фигур из среды духовенства и привел их краткие биографии. Эти два господина (Орлов и Савицкий) доказали свою способность приспособляться, судя по обстоятельствам, к какому угодно правительству. Еще типичнее была одна фигура из тех «шарлатанов кафедры и исповедален», про которых говорит Шерр, — это канский обновленческий архиерей Николай Мешалкин, стряпавший попов, как блины на Масленице, а затем неожиданно снявший свои регалии и печатно в № 112 газеты «Красн.[оярский] рабочий» за 1924 год опубликовавший свое отречение от сана и от своих убеждений, заявив, что он сознательно обманывал свою паству, и все это, как оказалось потом, проделано было для того, чтобы от советской власти получить мандат на антирелигиозную пропаганду[3].

Надо иметь большое мужество открыто объявить себя шарлатаном и, не моргнув глазом, самому растереть плевок, который вправе бросить такому типу в лицо каждый прохожий. Таких ренегатов за истекшие десять

---

[3] Мешалкин Н. Долой поповскую ложь! (Письмо бывшего канского архиерея) // Красноярский рабочий. 1924. № 112 (21 мая). С. 3.

лет на разных поприщах деятельности прошло бесчисленное множество, и надо только удивляться беспринципности советского правительства, принимавшего в свою среду подобных лицемеров, способных во всякое время при изменившихся условиях с таким же успехом отвернуться от пригревшей его власти и даже вылить на поверженного ушат грязи, чтобы расшаркаться в преданности другому хозяину, вздумавшему приютить его. Бесцеремонность советской власти, принимавшей таких господ на свою службу, доказывалась тем, насколько скудны были ряды партии образованными людьми, необходимыми наробразу, что даже не приходилось брезговать и ренегатами, дешево продающими свою совесть.

Не менее интересная характеристика приведена в книге И. Шерра в отношении революционных деятелей типа наших отечественных коммунистов, считавших себя последователями школы Маркса, Энгельса и Ленина. Вот эта выдержка из характеристики И. Шерра:

> С 1848 года появилась целая шайка архимошенников, занимающихся, как ремеслом, лестью пролетариату и живущих более или менее хорошо этим ремеслом. Эти мошенники-демагоги прибегают к главному агитационному средству, бессовестным образом злоупотребляя словами «работа» и «рабочий», уверяя ремесленника, что работой может считаться только его ручной труд. Последствия этого преступного обмана когда-нибудь проявятся, как всякое зло, когда-либо допущенное. Все предостережения против этого зла бесполезны, как бесполезно и то, что пишет человеческое сердце, всю жизнь бившееся для народа с тех пор, как человек начал мыслить, думать о благе его и по мере сил работал для него и вел дело бедных и угнетенных. Печальна доля людей, имеющих способность заглядывать в будущее. Наступит день, когда доведенный до последней ярости антагонизм между работой и капиталом вступит в смертный бой — быть или не быть. Кто будет победителем в этой страшной борьбе? Имущество, одерживающее всюду и всегда победу, одержит ее и на этот раз. Беда будет побежденным. Ничего нет невозможного, даже очень возможно, что неимущие опять попадут под иго крепостничества и в неслыханном рабстве преклонят выи земле. Не смейтесь! Вашим детям или внукам придется жестоко искуплять его.

Ну разве не то же ли самое мы видели и испытали за прожитое десятилетие? Почему вместо декларации прав человека и гражданина, за которые мы вели борьбу с капиталом и вопреки заключению Шерра остались победителями, пролетариат все же оказался у разбитого корыта и ничего не добыл? Почему вместо обещанных в 1917–1919 годах вождями рабочего

класса всевозможных свобод личности, слова, печати и т.[ому] п.[одобного] трудящиеся получили неограниченный деспотизм, несмотря на то что каждый в отдельности сознавал, что всякая деспотия, из какого бы класса общества она ни исходила, противна общечеловеческому идеалу свободы? Почему взамен свободной народной производительности, безразлично индивидуальной или коллективной, нам достался на долю новый вид экономического рабства, где под видом трудовой повинности всего взрослого населения государством осуществлена была самая неприкрытая эксплуатация человеческого труда, оплачиваемая настолько мизерным вознаграждением по сравнению с возросшей дороговизной, что его не хватает на самое необходимое для существования трудящегося и его семьи? Почему вместо ушедшей со сцены частной торговой конкуренции, всегда являвшейся положительным фактором во внутренних и во внешних государственных отношениях как регулятор рыночных цен, мы обрели самый наглый грабеж населения, чинимый государственными кооперативными организациями, захватившими наши средства и делающими ростовщические надбавки на стоимость товара, побившие рекорд над любым из спекулятивных предприятий, развившихся в годы империалистической войны 1914 года? Как получилось, что вместо начавших было распространяться в предреволюционные годы народных ассоциаций и объединений в сельскохозяйственной промышленности оказалась государственная сельскохозяйственная кооперация, которая не только опролетаризировала крестьянство, но и разорила окончательно зажиточную часть его? Отчего взамен ожидаемой свободы слова и печати мы встретились с самым бесстыдным закрепощением его в такой мере, что даже царская цензура времен Магницкого теперь показалась бы наслаждением для лица, интересующегося газетными сведениями? Настолько ложь, бесшабашное хвастовство, пустозвонство, интрига, подтасованная статистика, идущая вразрез с наблюдаемою жизнью, стали омерзительными для каждого сколько-нибудь обладавшего логикой и здравым смыслом читателя. Вот ряд всплывших пред нами вопросов, требующих разрешения. Об оскорбленной в лучших своих чувствах человеческой совести я уже говорил выше и повторяться не буду.

Мне кажется, что наш русский народ, народ-богоискатель, обманутый и измученный разными социалистическими опытами, терпит все невзгоды, свалившиеся ему на голову за то, что благодаря своему невежеству и темноте, в которых держал его царский режим, увлекшись красивыми фразами и обещаниями социалистического рая на земле, пошел и своею грудью защитил ораторов и комиссаров, именовавших себя рабоче-крестьянским правительством, которым при содействии иностранной интервенции угрожала опасность в классовой борьбе с капиталом. Защищая эту захватниче-

скую свору, выступавшую от имени рабочего класса, народ упустил из виду, что никто из этих самозванцев никогда ни в поле, ни на фабрике не работал, нужд рабочей жизни не знал, как не знал и всех тяжестей крестьянского труда. Единственная цель этой разночинной толпы, в большинстве тюремных обитателей, была та, чтобы за спиною рабочих и крестьян занять тепленькие места и командовать плохо разбиравшимся в полит.[ических] вопросах русским народом, чего с успехом они и достигли, завершив этим весь трагизм русской революции.

* * *

Что же, однако, представляла из себя вся та масса разночинного люда, которой при помощи Ленина и К° удалось захватить в России власть в свои руки и установить железный деспотизм? Над разрешением себе этого психологического вопроса я думал и сейчас, не переставая думаю, боясь впасть в одностороннюю крайность при его разрешении. Живя постоянно в г. Енисейске и наблюдая по роду своей деятельности повседневную деловую жизнь города, я вынес убеждение, что первое время по достаточно установившемуся порядку в учреждениях, хотя и не отличавшихся своей чистотой и опрятностью в помещении, заметно было какое-то стремление всех подвести общий порядок служебного дня в ту же сферу служебных отношений между служащими, какой существовал в учреждениях времен царизма, чтобы публика, подходя «к заветным дверям» кабинета начальствующего лица, чувствовала по-прежнему страх и умиление. Поскольку это удавалось, об этом распространяться не буду, а в отношении самих «начальствующих» как главных устоев всего советского здания я если и позволю себе сказать кое-что, то с большою осторожностью, не касаясь личностей.

Присматриваясь, сколько возможно, ближе к этой партийной публике, занимающей всюду ответственные посты сначала в роли комиссаров, а потом заведующих, и имея с ними неизбежные деловые отношения, у меня сложилось убеждение, что в начале установления этой громадной машины подавляющее число таких лиц составлял народ пришлый или малоизвестный местному рабочему пролетариату. По натуре это был элемент пронырливый, до некоторой степени даже нахальный, поскольку он чувствовал себя уже достаточно могущественным лицом при своей служебной тоге. Ограниченность умственного кругозора затушевывалась у него определенною долею напыщенности, в особенности при деловом разговоре с публикою из числа просителей. Не снимаемые никогда тулуп и мохнатая шапка или шлем красноармейца, в которых олимпиец сидел за письменным столом с привешенным у пояса наганом, являлись как бы эмблемою диктатуры и революционной законности власти. Каждый из таких главен-

ствующих в учреждении лиц, получая назначение, тотчас же старался обзавестись портфелем, с которым многие не расставались даже и во внеслужебное время. Однажды мне удалось из любопытства посмотреть тайком в один из таких портфелей, лежавший незамкнутым на письменном столе кабинета; что, думаю, за дела носит с собой его владелец, с трудом подписавший свою фамилию, и что же? Там оказался грязный носовой платок, заношенная фуфайка и мятая газетная бумага.

По мере того как военный коммунизм постепенно отходил в область прошлого, и насыщенная пороховым дымом атмосфера стала проясняться, и по мере того как деловая жизнь день ото дня входила в нормальную колею, постепенно стал меняться и состав самих начальствующих, тулупы и наганы стали заменяться обыкновенной тужуркой, появились кожанки, блузы, головные уборы стали заменять наголо стриженные головы — признак появления понятия о гигиене. Посредством частовременной смены начальствующих в учреждении лиц на более тактичных и корректных людей стали облагораживаться и самые стены помещения, не стала отваливаться штукатурка потолков, стены уже не заливались чернилами, даже клозеты стали менее вонючими и не столь заваленными. По стенам кой-где можно было встречать надписи «Не курить», «Не плевать» и т.[ому] п[одобное]. Неизменною осталась лишь сама система советского строя. Как в 1920 году, так и все остальное время все директивы по административному и хозяйственному управлению уезда, а потом района исходили от местного коммунистического комитета, в подавляющем большинстве состоящего также из людей, на месте никому не известных, пришлых и частовременно меняющихся в своем составе, среди коих рабочая часть Енисейска как-то тушевалась. То же самое приходилось наблюдать и в отношении лиц, занимавших и ныне занимающих ответственные должности, назначаемых по постановлению той же коммунистической партии, несмотря на то что существует хотя и призрачное, но все же выборное начало, декоративной формой которого, как я уже говорил, являются профсоюзы и трудящиеся из числа неорганизованного населения. Благодаря такой назначенческой системе случалось видеть в роли управителя городом какого-то бывшего сербского офицера, ссыльного изувера, скопца, растлителя, имя которого я уже упоминал в своих записках, и вообще лиц, никакого отношения к интересам города не имеющих. Такие картины пребывания у власти лиц, совершенно чуждых местному населению, а в частности рабочему классу, наблюдались и в других советских учреждениях. Ни социальное происхождение их, ни уровень образования не были, кажется, хорошо известны и тем, кто их назначал, так как партийный билет налицо, а читать и писать умеет, вот вам на ваше любопытство и достаточно. Одно можно утвердитель-

Первый гидросамолет енисейского авиаотряда на реке Енисей, 1920-е годы. Из фондов ЕКМ.

но сказать, что все истекшее десятилетие на ответственных постах во главе учреждения не бывало ни одного лица с высшим образованием, даже научные учреждения возглавляли лица, ничего общего с наукой не имеющие. Наробразом заведовал одно время бывший офицер, здравоохранением — воспитанник реального училища, а если случалось кого-либо из лиц с высшим специальным образованием, то это были временные работники и как беспартийные скоро же заменялись, партийных врачей, напр.[имер], здесь совсем не было.

Все это говорит за то, что в числе членов коммунистической партии был абсолютный кризис в людях с высшим образованием, которые могли бы руководить делом по своей специальности и следить за работой рядовых работников. Громадное большинство состояло из бывших мастеровых, безземельных крестьян, не занимавшихся крестьянским хозяйством, да людей без определенных занятий.

Вся эта «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний» в абсолютном своем числе была совершенно не подготовлена к выполнению возлагаемых на нее ответственных должностей, в большинстве требующих специальных знаний, не говоря уже о степени культурной и образовательной ее подготовки. Мало быть партийным, нужна еще опытность, а главное, достаточная степень грамотности, как известно, развивающая умственный кругозор человека и облегчающая ему силы разобраться с делом, чтобы правильно понять и усвоить то или другое распоряжение или закон. Необходимы также от ответственного работника кроме знаний порученного ему дела

известная корректность и тактичность в обращении с разнообразной публикой. Немудрено поэтому, если назначение «в порядке партийной дисциплины» на стороннего человека, имеющего дела с учреждением, иной раз производит огорошивающее впечатление. Со мною, наприм.[ер], был такой случай: прихожу в народный суд, с тем чтобы подать исковое прошение, встречаю за судейским столом знакомое лицо, которое я видел несколько времени тому назад в одной из сельских аптек за прилавком. Приняв прошение и прочитав его, аптекарь-судья говорит, что «сумму исковых и судебных пошлин исчислит и скажет вам судебный консультант, а я еще не в курсе дела, т.[ак] как по профессии я фельдшер и на обязанность судьи попал в порядке партийной дисциплины».

«Это пустяки: ознакомиться с судебным делом и для вас не составит большого труда, вот если бы меня, знакомого с юриспруденцией, партия назначила врачевать людей, это было бы труднее», — сказал я ему на это.

В данное время, когда я пишу эти записки, отделом образования и политического просвещения заведует столяр. Во главе музея поставлен бывший красноармеец — предшественник столяра, который при разговоре вместо слова «может» произносит «могит»[4].

В Красноярске партия сняла одного молодого человека с обязанности судового механика и назначила его окружным нотариусом. Как ни отклонял паренек от себя это назначение, прося оставить его на деле, которое он любит и хочет на нем совершенствоваться, партия была непреклонна и пригрозила ему увольнением из среды ее членов в случае дальнейшего уклонения.

Что же заставляло партию делать такие, я бы сказал, противоестественные назначения? Мне кажется, здесь имел место не столько недостаток людей на вакантную должность, сколько слова Ленина, что «кухарка должна уметь править государством», и это партия обратила в закон, которым все время и руководствуется.

У прежнего Максима Горького, когда он еще не был облюбован коммунистической партией и не кадил ей свой фимиам, поражаясь ея успехами, есть в его романе «Фома Гордеев» очень прекрасные места, резко расходящиеся с идеологией Ленина насчет «кухарок». Горький устами одного из героев своего романа старика Маякина говорит:

> Если ты трубочист — лезь на крышу!.. А если пожарный — стой на каланче! Всякий род человеческий должен иметь свой порядок в жизни. Телятам же

[4] Этот молодой человек во время заведывания политпросветом, разрешая мне печатание брошюры о жел[езной] дороге, предпослал ей свою рецензию, которая в подлиннике при сем прилагается. — *Прим. Миндаровского.*

по-медвежьи не реветь! Живешь ты своей жизнью — и живи! Не лопочи, не лезь куда тебе не надо[5].

Истинная правда!

Отсюда нетрудно вывести заключение о том, насколько успешно могло идти дело развития и усовершенствования нового порядка управления страной, где «пироги печет сапожник, а сапоги кроит пирожник». Это мудрое управление при посредстве таких «квалифицированных», как принято теперь выражаться, работников у нас у всех перед глазами, за все истекшие годы, из коих первую половину следует отнести к реконструированию всего управленческого аппарата, когда советские учреждения то и дело переезжали с одной квартиры на другую, словно пробуя, где лучше пойдет работа, подобно крыловскому квартету, и когда сами они видоизменяли свои составные части, а то и совсем ликвидировались, пока не произведено было последнее районирование и сжатие всей структуры управления страной. Вторая половина переживаемого нами времени — это период т.[ак] наз.[ываемого] хозяйственного строительства и индустриализации страны, период, в котором партия приняла на себя исключительно командную роль, а вся техническая сторона восстановительной работы легла на плечи специалистов, иначе сказать, людей со специальным техническим образованием, которые, сколь это ни странно, в подавляющем своем числе люди, как я подметил, беспартийные, и обязанность которых ограничивалась лишь выполнением директив, указанных свыше, т.[о] е.[сть] той же коммунистической партии как верховного хозяина страны, недаром присвоившей себе русский престол в древних святынях Московского Кремля.

Посмотрим теперь, с каким успехом проводилось у нас здесь это строительство, взяв за территорию площадь Енисейско-Туруханского края — бывшей Енисейской губернии. В самом Енисейске нам пришлось наблюдать все эти десять лет только ломку коммунальных домов и амбаров ради извлечения из них дров и кирпича. Эта ломка, сколь это ни странно, при наличности в горсовете сведений о постройке с весны этого года жел.[езной] дор.[оги] Томск — Енисейск продолжается и теперь, в период восстановительный. Я — человек довольно знакомый с постановкой городского хозяйства в деле его улучшения, и хотя отношу себя к старому, быть может, уже отжившему миру, но не думаю, чтобы такая политика людей нового быта

[5] Точная цитата: «Если ты трубочист — лезь, сукин сын, на крышу!.. Пожарный — стой на каланче! И всякий род человека должен иметь свой порядок жизни... Телятам же — по-медвежьи не реветь! Живешь ты своей жизнью и — живи! И не лопочи, не лезь куда не надо!» (Горький М. Фома Гордеев // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 4. М., 1950. С. 187).

соответствовала здравому рассудку, которым партийные дельцы, заправлявшие городом и краем, поставили себе за правило руководствоваться. Я не буду входить в подробное перечисление таких работ в городском хозяйстве, полагая, что все они перед глазами моих современников, но остановлюсь на общем плане той восстановительной горячки, которую приходится наблюдать в момент, когда я пишу эти с[т]роки. В 1928 году последовало распоряжение строить шоссейную дорогу на северные прииска, а так как все такие решения принято, как правило, осуществлять в спешном порядке, то, не теряя времени, государственный золотой трест и другие привлеченные к золотому делу организации скоро же и приступили к работам, начав заготовки материалов на месте постройки, делая времянки мостов и т[ому] п[одобное]. Вдруг новое распоряжение — прекратить работы после того, как 300 тыс. рублей народных средств уже было истрачено. Начатые постройки остановили, и тем дело кончилось, а заброшенный материал в виде кусков железа, кругов веревки, брусья, плахи, тес и даже часть завезенных продуктов так и остались по линии лежать и гнить под открытым небом. Это первая очередная бесхозяйственность государственных деятелей советского строя. В прошлом, 1929 году горсовет вздумал начать хозяйственную заготовку дров для учреждений. Мысль, безусловно, прекрасная, хотя и появилась уже с некоторым опозданием, то есть вместо зимы 1928 года уже в марте 1929 года. Как полагается, на президиуме заслушана была смета, исчислен был даже барыш от предприятия, и уполномоченное на это лицо быстро приступило к делу, т.[ак] что с половины лета стали теснотиться плоты у берега по линии расположения электрической станции. По здравому смыслу по мере подхода плотов следовало бы организовать, не теряя времени, и резку бревен на чурки и расколодку последних в клади на значительное от воды расстояние. Этого вовремя сделано не было. Тем временем обычное летнее половодье, случившееся в этом году несколько позднее, залило плоты, часть которых была уже обсохшею на берегу раскрепленными, а незначительная часть ручною пилкою обращена в дровяные клади. Поднявшаяся вода залила всю местность, на которой находились дрова и бревна, и все это было унесено водою. Вместо барыша получился убыток, а значительное количество дров за поздним временем совсем было не выполнено подрядчиками. В результате такой умелой дровозаготовки учреждения остались без дров, и служащие всю зиму «дули в когти» или покупали дрова с базара.

Теперь третья и уже нешуточная комбинация советских работников, занимающих ответственные посты в центре, — комбинация лесозаготовок, чреватая своими последствиями для будущего хозяйства страны и стоившая немалых человеческих жертв, принесенных на местах

заготовок ради продления жизни коммунистической партии и ея кумира — социализма.

Как только газеты открыли кампанию по лесозаготовкам, а на местах получились распоряжения о начале работ, дело по обыкновению закипело. Не задумываясь ни перед чем, стали вербовать отряды заготовителей-рабочих, среди коих в роли подрядчика-эксплуататора чужого труда, притом труда бесплатного, выступил только что сконструировавшийся пред этим кон[цен]трационный лагерь — учреждение нечто вроде прежних центральных тюрем, в которых применялись каторжные работы для преступников, приговоренных к этому наказанию по судебным приговорам. Кажется, и прямая цель организации в разных местах подобных учреждений, заимствованных у царизма, и состояла в том, чтобы при посредстве дарового труда отбывавших наказание по приговорам суда лиц выполнять подряды по осуществлению намечаемого государственного строительства; сюда относилась постройка ж.[елезной] д.[ороги] Томск — Енисейск, лесопильных заводов и других работ.

Организованным так[им] обр.[азом] лесорубочным работам, казалось бы, опять-таки на основании здравого смысла, должны бы предшествовать какие-нибудь правила или инструкция, которою бы лесоводы и таксаторы руководствовались при определении пригодности того или другого дерева как валютной ценности. Так, по крайней мере, поставлено было это дело прежде, в сравнительно недавнее время, при лесоторговле с заграницей, да иначе и быть не может, если государство имеет целью беречь леса как национальное богатство страны. Что же получилось ныне при советских распорядках? А получилось то, как рассказывают очевидцы, что на Ярцевском участке оказалось до 8 тысяч дерев, совершенно непригодных как товара, подлежащего за границу согласно заключенного договора. Рубили лес сплошь без всякого выбора. Вот еще один пример хозяйственной талантливости партийных людей, поставленных во главе этого серьезного дела.

Приведенных мною здесь трех примеров совершенно достаточно для того, чтобы судить, куда идет народное хозяйство страны, возглавляемое такими деятелями, из коих есть немало людей, с трудом читающих по-печатному и едва подписывающих свою фамилию. Видимо, сама центральная власть в лице Совнаркома начинает уразумевать, что вести так промышленное, торговое и вообще какое-либо государственное дело нельзя, чтобы не истощить в конце концов естественные богатства страны и не довести ее до полного банкротства. Не много ума требуется для того, чтобы понимать, что хищническое истребление лесных насаждений ведет к обмелению судоходных рек и к уменьшению, если не полному истощению

пушного царства в лесах, чем еще остается богата наша Сибирь. К ответу вас, к ответу, злые хищники с руками Каина и совестью Понтия Пилата!..

Озабоченная таким положением дел центральная власть, не перестававшая думать, что ее любимчики-коммунисты и все русские кухарки за 12 прошедших лет уже достаточно научились управлять государством, стала искать вредителей всех дел в лагере беспартийных работников и главным образом среди инженеров, агрономов и других лиц, стоявших в предприятиях в роли технических руководителей, не принимая во внимание того обстоятельства, что техник выполняет только порученное ему дело, а распорядительная и вообще всякая основная работа является директивами партии. На Ярцевские лесосеки послан был специалист уже тогда, когда леса сплошь были порублены, вместо того чтобы командировать его на разметку дерев прежде, чем приступать к порубке. И так виноваты беспартийные вредители («англичанка гадит»). На этой почве мы уже знаем несколько случаев из судебной хроники, оканчивавшихся расстрелами. Одним словом, увлеченная своими успехами на производственном фронте власть стала сваливать все вины и провалы в своих делах «с больной головы на здоровую». В целях устранения всех тех непорядков, ведущих к развалу страны, придуманы были разные чистки сначала своих партийных рядов, а затем и всего состава служащих в учреждениях лиц до секретарей сельсоветов включительно, совершенно упуская из виду, что всякая неувязка в делах, разнобой, расхлябанность есть результат системы советского строя, а не вина отдельных работников. Чем, наприм[ер], виноват приказчик кооператива, если у него в магазине полки пусты? Или отчего в учреждениях царит бюрократизм или бестолковщина? Да потому что таковы директивы центра, сегодня предписывающие одно, а завтра свое распоряжение отменяющие. Государственные ценности не гнили бы на приисковой дороге, если бы, прежде чем начать вести подготовительные работы, сперва выяснили бы все стороны целесообразности самой постройки дороги. Ведь не строители же енисейской радиостанции виноваты в том, что через два года она оказалась без надобности. Бестолковщина, спешность, авансовые угрозы ответственностью за упущения вместо вдумчивости, внимательности и серьезного изучения задуманного никогда ни к чему доброму не приведут. Государственное хозяйство тогда может пойти с успехом, когда в его организации, как и в организации всего строя, принимают участие все живые силы страны, где царит инициатива и народный творческий ум, не скованные никакими ограничениями народной воли.

Посредством придуманной чистки правящие власти рассчитывают обезвредить свой аппарат от людей, мыслящих о государственном строе иначе, чем коммунисты и их «чего изволите». Власть забывает, что каж-

дый честный человек служит делу, а не лицу, — своей стране, а не власти, являющейся только исполнительницей ее воли. Коммунисты скоро забыли свои ораторские приемы первых дней революции, когда они говорили, намекая на царскую власть, что «никакая власть, опирающаяся на силу штыков, а не на волю народа, не может быть прочной», а ведь при царизме никакой диктатуры не бывало. Принимая чиновника на службу, никто не спрашивал его внутренних убеждений, и нередко случалось видеть среди чиновного управления явных социалистов по убеждениям, которые тем не менее на своем служебном посту строго исполняли законы своей страны. Особой какой-то власти «на местах» тогда не было.

Надо удивляться тому, как не понимают люди, что все эти чистки и проверки соваппарата только подрубают тот сук, на котором еще держится советская власть, так как вычищаются и снимаются с работы сплошь и рядом полезные работники, любящие свое порученное им дело, снимаются потому только, что они когда-то по не зависящим от них обстоятельствам служили во время войны и революции в офицерских чинах, или по происхождению своему являлись детьми дворян, купцов, или носили духовное звание, проще сказать, убирается со службы самый интеллигентный слой работников с целью заполнить его какими-то выдвиженцами от сохи, от бороны или от фабричного станка, лишь бы они любили и уважали советскую власть. И наивные люди думают, что с такими работниками дела пойдут лучше. Поразительное умопостроение и ограниченность мысли! А разве самый процесс чистки и даже ожидание ее не нервируют работающего и не отражаются на успехе его работы упадком энергии и пассивным отношением ко всему окружающему? Имеющиеся случаи самоубийств среди лишенцев — лучшее тому доказательство. Ведь может ли быть что-либо ужаснее лишения человека права на труд и на получение куска хлеба для существования. Только варварская власть может додуматься до такой классовой и политической нетерпимости.

Коммунистическая партия называет себя рабоче-крестьянским правительством. Только люди бесчестные с низким нравственным багажом, захватив власть и боевые орудия, могли додуматься до присвоения себе такого названия. Разве власть, опирающаяся на силу штыков, а не на плечи законно избравшего ее народа, хотя бы одних рабочих и крестьян, может рассчитывать на их симпатии, тем более при тех насилиях над ними, какие она себе позволяет? Когда прошел первый угар от шума и треска речей и обещаний, раздававшихся со всех сторон, и народные массы стали разбираться с действительностью, наиболее трезвые из них люди скоро поняли свою оплошность, но было уже поздно. Сила власти — не перчатки, которые при негодности можно переменить на другие. Целых восемь

лет наша Сибирь, в частности наш Енисейский район, терпеливо переносила на себе советское иго, но 1928 год нанес первый удар по крестьянскому карману, целиком обрушившийся на зажиточную часть деревень, прибегающих в своем хозяйстве к наемному труду. Второй нажим, сделанный в прошлом, 1929 году, еще сильнее дал себя почувствовать, отозвавшись уже на спине рядового крестьянина-землероба, а только что наступивший 1930 год, в который я пишу эти строки, делает определенную ставку на все крестьянство — «быть или не быть». Отбирая у мужика последнего коня, советская власть уверяет, что это она делает для его же блага, которое скоро наступит, а пока следует потерпеть.

Припомните, ведь уверение т.[оварищей] коммунистов о скором пришествии социалистического рая продолжается все десять лет, и это напоминает, говоря языком Ленина:

> ...того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие («Красная новь», № 4–5 за 1924 г., стр. 171).

Коммунистическая партия в оправдание своего обещания прекрасной жизни при социализме «тех, кто живет чужим трудом» решила совсем выбросить из числа лиц, имеющих право на «земную жизнь», отказав им даже в куске хлеба, а трудящиеся при недостатке 7 килогр[аммов] отпускаемой муки остальную норму, необходимую для сытного существования, при условии «смирения и терпения в земной жизни» получат на том свете как «небесную награду». Не является ли это тем же «дешевым оправданием своего эксплуататорского существования и продажей билетов на небесное благополучие», но только дорогой ценой — ценой самой жизни человека? Да, прав был Гоголь, сказав: «Горьким смехом моим посмеюся». Наблюдаемая жизнь показывает, что социалистический рай — это тоже «царство небесное».

Сейчас проводится в жизнь коллективизация сельского хозяйства страны. Это, кажется, поскольку можно верить тов. Сталину, последний этап социалистических опытов над измученным населением. Для вовлечения крестьянских хозяйств в коллективную обработку земли двинуты по деревням все наличные силы местного партийного актива. В деревнях происходит какой-то сумбур, мужики в полном обалдении и не знают, на что пойти. Один активист, отправленный для агитации, говорит одно, в другом конце деревни проповедывается другое. Для достижения своей цели по-

сланные по деревням агитаторы, стремясь убедить мужика, плохо разбиравшегося в этом несвойственном его жизни начинании, не брезгуют никакими способами. Особенно излюбленным способом у многих из них принят тот, что, прибыв в одну деревню, они убеждают крестьян прежде всего в очевидной пользе коллективизации и добавляют, что «такая-то деревня уже перешла на коллективную форму обработки земли по своему желанию и вызвала из района инструктировать ее. Возвращаясь оттуда, попутно я решил заехать к вам с тою целью, чтобы узнать, не решили ли вы последовать за ней», а когда этот агитатор является в следующее селение, то повторяет то же самое, указывая, как на образец, деревню, только что покинутую им, в которой не добился никакого успеха. Всевозможные приемы с негодными средствами, как мы уже наблюдали, дорогой читатель моих записок, вообще в характере партийных деятелей. К этому толкают их и те директивы центра, посылая которые он заранее авансирует места угрозами в ответственности за их невыполнение. И вот при посредстве лжи, обмана и даже угроз достигается наконец согласие большинства, поддавшегося обещаниям благотворных последствий от такой коллективизации. В конце концов успешное выполнение директив центра в протоколе собрания заносится приблизительно в такой редакции: «Бедняцко-середняцкие хозяйства таких-то деревень или целого района бурным потоком все как один человек решили образовать колхоз, для практического осуществления которого» — и так далее в этом роде; чрез неделю это «бурное желание» крестьян уже опубликовано в местном печатном органе, а там уже пошло гулять на всю Сибирь или Россию.

Предо мною все время стоял трудноразрешимый вопрос, откуда у государственной партии коммунистов в лице ВКП такая масса альтруизма, непреодолимого желания добра и счастья всем трудящимся России и крестьянству, которое она посредством излюбленного ею метода — грабежа — ведет к «вечному блаженству» на земле? Мне кажется, сам великий преобразователь России Петр I, выглянув из гроба, признал бы себя побежденным товарищами. Теперь на основании последних наблюдений над проводимой коллективизацией деревень у меня получается вывод, что как экспроприации, проводимые в первые годы по занятии Сибири, так и эта, полагаю, последняя проба, проводимая над деревней, делается с определенною целью закабаления всей страны в руках государства, олицетворяемого партией под видом так называемого социализма. Десять лет назад после подавления буржуазии рабочий класс без особенного труда сам пошел по стопам военного коммунизма. Молчаливо дал себя согнуть в бараний рог и разный служилый класс населения, так наз.[ываемые] разночинцы. Весь этот конгломерат, профильтрованный профсоюзами, оказался послушным оруди-

ем в руках партии, при посредстве которого и его именем нетрудно было проводить всевозможные фокусы над человеческим организмом. Оставалось в стороне неорганизованное крестьянство, составлявшее 80% всего российского населения. Вот оно-то все десять лет, как правильно подметил Троцкий, и стояло той плотной стеной, которая затрудняла дальнейшее поступательное шествие железного государственного капитализма, который партия любит называть социализмом, хорошо зная, что сермяжная Русь все равно не поймет, что значит государственный капитализм и что такое социализм. Вот этот-то ловко придуманный способ коллективизации деревенской России и послужил тем стимулом к объединению распыленного крестьянства, при посредстве которого можно без труда прибрать к рукам и эту многомиллионную рать. Коллективы явятся теми же профсоюзными организациями на местах, посредством которых легко будет дирижировать хором и петь на весь мир: «Эх, живи — не тужи, только есть не проси». Но палка о двух концах, и если в 1861 году она «ударила одним концом по барину, другим — по мужику», то и теперь может случиться нечто подобное, хотя барина как будто бы и нет. Мудреного во всем этом ничего нет.

Я не пророк в своем отечестве и не берусь предрекать, что это непременно должно так и быть, но факт тот, что русский народ, стряхнувший с себя иго царизма, не может вечно жить под пятою новой власти, обезопасившей свое существование железным режимом, что-нибудь да должно сломить диктатуру, которая давит Россию уже 12 лет. Как прав был нередко вспоминаемый мною депутат 3-й Государственной думы В. А. Караулов, ответивший в 1908 году на предвыборном собрании одному из своих оппонентов, что «лучше пасть к ногам Николая Второго, чем переживать диктатуру пролетариата». Золотые слова истинного революционера!

1932 год, март

В последнее время после благополучно проведенного периода хлебозаготовок внутри района (благополучным я называю, потому что несколько случаев самоубийств и разорений крестьянских семейств я всерьез не кладу) стал заметно ожесточаться железный режим партии. Как известно, члены ВЦК партии Бухарин и К°, отошедшие было в оппозицию, убедившись, что хлебозаготовки, несмотря на дикие репрессии с крестьянами, прошли благополучно, они вернулись снова в ряды партии и после этого стесняться с народом уже не стали, убедившись, что этот раб пойдет на все жертвы и уничтожения. Прежде всего железный режим стал заметно проявлять себя в лице излюбленного органа правительства — ГПУ и другого законопослушного аппарата — суда. Особенно покладисты на этот счет оказались последние. У нас в это время работала на месте судьи женщина, супруг которой был начальником милиции, значит, эта супружеская чета и карала, и сама же производила свой суд в исполнение, совсем по-семейному. Главным действующим лицом при постановках судебных комедий оказался деревенский кулак и подкулачники. Прошлая осень особенно богата была такими комедиями.

С незапамятных времен октябрь считается здесь месяцем бездорожицы и ненастной погоды, в этом году особенно отличившейся обилием дождей и слякотью, и то, что сезонно казалось Сталину и К° проводить на Кавказе, во всяком случае непригодно было в Енисейске, считающемся крайним пределом хлебной промышленности. Вот почему в крестьянстве за обыкновение принято управляться с уборкой хлебов тотчас же по их снятии, чтобы к Покрову (13 окт[ября]) спрятать зерно в склады до установления зимнего пути. Местная администрация вместо того, чтобы обратить внимание центра на непригодность здесь осенней распутицы для хлебозаготовок, старалась лишь выполнять директивы свыше, не думая о последствиях. И вот при таком-то положении дела весь свезенный на ссыпные пункты Енисейска хлеб нельзя назвать доброкачественным, так как молотили его наспех, невзирая ни на какую погоду, и тотчас же везли сдавать, чтобы не пропустить срока и не подвергнуть себя за пропуск пятикратному обложению. Накрытые рогожами воза с хлебом по дороге попадали под снег или дождь и, конечно, промокали. Всю зиму существующая в Енисейске сушилка овощей, устроенная ГПУ на средства ссыльных, занималась просушкой сданного хлеба, относя расходы по просушке на счет тех же сдатчиков хлеба — крестьян. Тяжелее всего, разумеется, приходилось

объявленному «кулаку», которого при помощи суда раздевали до последней рубашки. Газетные подзаголовки с круто напечатанными обращениями не давать никому пощады (кроме, конечно, бедняков и батраков) только поощряли и разжигали аппетиты исполнителей этих приказаний. Если прежде, во времена царизма, кулаком в деревне принято было считать и называть такого кр[естьяни]на-богатея, который кроме своего хозяйства, обрабатываемого большею частью при помощи наемной силы, имел на селе торговую лавочку или вел подряды на крупные поставки дров, сена и пр. [очего], чем держал в своих руках всю деревню и даже волость, то теперь достаточно было хозяйке дома на время беременности нанять батрачку, как муж ее тотчас же объявлялся кулаком и как эксплуататор чужого труда мог быть подвергнут всяческим репрессиям и конфискациям. Носить кличку «кулак» — это значит быть объявленным вне закона. Такой человек и вся его семья облагаются неимоверными налогами, их бойкотируют, применяя к ним чудовищные меры до лишения права брать воду из общей проруби на реке[1], посылают на принудительные работы наподобие ссыльнокаторжного, домашность его конфискуется. Я близко знаю хозяйство одного крестьянина-землероба, жившего не так давно с двумя взрослыми сыновьями довольно зажиточно, потому что не зная устали все работали круглый год, не соблюдая никаких часовых норм, поэтому и дом их был полной чашей крестьянского довольства. В октябре 1929 года ему прикрепляют ярлык кулака, устраивают над ним комедию показательного суда, старика 65 лет садят в тюрьму, хозяйство все конфискуют, сыновей посылают одного в тайгу, другого на лесозаготовки, невестку снимают с места учительницы и исключают из союза. И это проделывает грубая сила, именующая себя рабоче-крестьянским правительством. Видано ли было что-либо подобное в истории человечества, чтобы сила власти шла по пути разорения национальных богатств страны, чтобы уничтожалось самое живое и работоспособное население, создающее ценности?

Теперь посмотрим, какова наша законность вообще, основой которой считается хотя и произвольная, но все же конституция РСФСР, состряпанная в 1928 году, и существующие кодексы гражданского и уголовного законодательства, и каково их исполнение на деле. В этой конституции сказано, что «равные права признаются за всеми гражданами Советского гос-[уда] рства, независимо от их расовой и национальной принадлежности, в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

[1] Был такой случай в одной из деревень по тракту. — *Прим. Миндаровского.*

В чем же заключается равноправство советских граждан при вышеприведенных репрессиях, какие проделываются над людьми, привыкшими к труду и желающими получше устроить свое собственное благосостояние? Где та «свобода совести и пропаганды», когда мы все время видим лишь гонение на христианство, какого не бывало ни в первые времена римской истории, ни во времена татарщины на Руси? Церкви под бременем непосильных налогов закрываются, колокола снимаются, совесть верующих подвергается всяческим уничтожениям и оскорблениям, служители культа идут в ссылку и переносят всяческие лишения и издевательства. Пропаганда допускается только атеистам-безбожникам и людям, лишенным всякой нравственности. А что делается в гражданском и уголовном быту населения, это отчасти мы видели на примере с крестьянскими хозяйствами. То же самое и с другими общественными группировками. Гражданин, сколь бы он ни был безупречным в служебной и вообще деловой своей жизни, не может быть спокоен за завтрашний день, что его не арестуют и не бросят в дом заключения или не вышлют туда, где Макар телят не пасет. Это в порядке административного усмотрения, но не лучше и судебный порядок. Форма каждого судебного решения народного судьи начинается так: «Я, нар.[одный] судья, руководствуясь революционной совестью…», а на самом деле при решении судьбы человека у него нет никакой совести, ни нравственной, ни революционной, а есть только классовая ненависть к тому субъекту, который стоит пред судейским столом в положении обвиняемого. Представим себе такое положение: два человека совершили уголовное преступление, одинаковое в условиях обстановки и аналогичное по характеру его совершения, но один по социальному происхождению дворянин, другой — простой рабочий — член партии. Ручаюсь головой, что первого ждут 10 лет заключения со строгой изоляцией, поражением в правах и пр.[очее], а второго много 1½—2 года тюрьмы. А вот конкретный пример: внук известного в Енисейске богача и благотворителя, юрист по образованию и потомственный почетный гражданин по происхождению, работая в 1928 году на транспорте, посадил на мель барку с вином и этим причинил казне убытку несколько сот рублей. За это ему дали 3 года заключения без применения к нему каких-либо амнистий или облегчений. В то же время находился с ним в камере кр[естьяни]н д. Каргиной, присужденный в 1927 г. за убийство родного отца к пятилетнему сидению, но с применением льгот и манифестов, благодаря которым он уже давно на свободе и может убивать мать, если она есть в живых, а потомственный гражданин и сейчас в тюрьме. В последнее время даже и эти слабые примеры законности идут насмарку, а взамен их вступает в силу расчет и усмотрение. Недавно был такой случай: кому-то понадобился дом, приобретенный у одинокой ста-

рухи покупкою два года назад; придумали легенду, что 70-летняя старуха не могла уже быть нормальною, и передали дело в суд. Судьиха, конечно, постановила дом отобрать в коммунхоз, несмотря на наличность крепостного акта, составленного, вероятно, людьми нормальными.

Если вы, потерпевший от произвола окружной администрации, посылаете в Сибкрай свою апелляцию, вам вместо рассмотрения вашей жалобы по существу отвечают, что «заявление ваше направлено тогда-то в Красноярский окрисполком на распоряжение, куда вам и надлежит обращаться за дальнейшими справками». Получается какой-то заколдованный круг, из которого нет выхода. К вам милиция врывается в дом и описывает вещи за неплатеж церковной общиной налогов. Вы жалуетесь в окружный финотдел, говоря, что круговая порука упразднена еще Александром III, что Наркомфил и Наркомюст своими разъяснениями в 1927 году определенно говорят, что при неисправности общины в платеже налогов церковь от нее отбирается, отдельные же граждане за долги общины не отвечают. На вашу жалобу даже не отвечают, а милиция говорит одно: «Мы ничего не знаем, нам поручено взыскать и баста». В отношении же лиц, имеющих несчастье отбывать наказание по судебным приговорам, или лишенцев дело обстоит еще хуже. В случае невыполнения ими заданных работ их подвергают пыткам и мучениям в виде обливания зимой холодной водой, раздеванием на морозе, а то и просто пристреливают.

Мне иногда попадается читать популярные издания, выпускаемые обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев, где описываются разные политические процессы из истории каторги царского времени. В одной из таких книжек под заглавием «Драма на этапе», написанной защитником С. Анисимовым[2], автор выводит жуткую картину убийства и расстрела конвоем партии арестантов во время ночлега с инсценировкой якобы бунта и побега арестантов во время ночлега. Заключительным аккордом этой драмы является то, что начальник конвоя, фигурировавший на суде свидетелем, в дальнейшем мучается совестью за все им содеянное и в конце концов в умоисступлении кончает самоубийством. В других книжках описываются массовые голодовки арестантов как протест против тюремного режима, с которым тюремная администрация всегда считалась и всячески старалась не допускать до этого. Меня удивляет цель издания таких книжек. Ведь иной читатель, как, напр[имер], я, задаст вопрос на основании происходящих кругом фактов, чувствуют ли какое-либо угрызение совести агенты ОГПУ и милиция, когда на их глазах люди, не в силах выполнить

[2] Анисимов С. С. Драма на этапе: Из записок политич. защитника. Москва: Изд-во Всесоюзн. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929. (Дешевая историко-революционная библиотека; 1929 г. № 44-45).

Дом колхозника в Енисейске. Из фондов КККМ.

заданного урока, под страхом наказания бросаются под валящееся дерево (на лесозаготовках) или бегут в сторону, чтобы их пристрелили. Ну а протест голодовкой? Да теперь совет.[ская] власть даже была бы довольна, если бы все тюремные сидельцы отказались от принятия пищи, 100-граммовый паек хлеба был бы уже в барышах.

Рассказывают, что за зиму 1929/[19]30 годов на лесозаготовках района побито свыше тысячи человек. Иные, не в состоянии переносить истязаний, сами кончали с собой, падая под дерево. Одним словом, нерадостна судьба советских граждан, в особенности чем-либо провинившихся пред законом или несимпатичных в глазах администрации, не ответственной ни перед кем за свои действия. Так, напр.[имер], во время сопровождения агентом ГПУ арестованного священника с. Чалбушевского агент пристрелил его дорогой и не понес за это никакого наказания.

Еще с половины 1928 года вошла в моду так наз.[ываемая] самокритика, т.[о] е.[сть] критическое отношение к самому себе, к своим действиям и к действиям других лиц, себе подобных. Газетные столбцы полны были этим придуманным материалом для травли одного другим. Надо ли говорить, что на деле эта самокритика превратилась в простой поток грязи, выливаемой на союзном собрании одним из ораторов против своего врага, имеющего с ним личные счеты, или же грязь эта выливалась на голову своего противника печатно, в форме полемической статьи, а проще всего — в форме простой газетной заметки, никакими фактами не установлен-

ной, опровергнуть которую заинтересованному лицу было затруднительно, потому что редакция газеты своих заметок не исправляет. Расскажу здесь такой факт из недавнего времени, совершенно теперь заглохший, который в прежние времена под напором общественного мнения, несомненно, был бы раскрыт. В мае м[еся]це 1927 г. на далеком полярном Севере последовала смерть известного промышленника Н. А. Бегичева, оставшегося от экспедиции бар.[она] Толля проживать в Туруханском крае и за свое более чем 20-летнее проживание сделавшего немало полезного в деле изучения полярного края. Ему же принадлежит и успех находки останков погибших норвежских путешественников, разыскивавших Амундсена[3]. В 1928 году в «Красн.[оярском] раб.[очем]» появляется заметка под заглавием «Тайна полярного Севера», в которой разоблачается, что смерть Бегичева последовала не от цинги, как будто бы говорят бывшие с ним промышленники, а что он пристрелен одним из них, женившимся потом на вдове Бегичева. Казалось бы, подобное сенсационное сообщение печати требовало всестороннего и беспристрастного исследования в целях установления истины. Когда сам второй муж Бегичевой, в которого направлена была эта заметка, обратился к прокурору, прося произвести формальное следствие вплоть до вскрытия могилы Бегичева, похороненного на месте промысла, прокурор прекратил дело «по бездоказанности преступления». Оклеветанный посылает копию прокурорского постановления как в редакцию «Красн.[оярского] раб.[очего]», так и в московские газеты и журналы, куда это сообщение проникло, и никто на основании, казалось бы, такого авторитетного заключения, как прокурорское, опровержения не поместил до сего времени. Оклеветанный так и остался с клеймом убийцы, но судом не наказанный за свое преступление как неопровергнутое[4].

Само собой разумеется, если бы самокритика, придуманная советским правительством как междоусобная травля лиц и учреждений между собою, была поставлена так же, как разоблачаются непорядки и преступления при существовании свободы печати и слова, тогда действительно это было бы большим достижением, дающим возможность предостеречь многое, клонящееся во вред интересам государства. При монопольном же печатном станке этого быть не может. Казенным перьям интересно смотреть, как грызутся между собой стравленные собаки, чтобы потом одну из них удоб-

---

[3] У Миндаровского — «Амудзена».

[4] Туруханские жители, более знакомые с этой тайной Полишинеля, рассказывают, что еще с первых лет введения у нас сов[етской] власти кому-то нужно было аннулировать Бегичева как ярого противника советского строя, пользовавшегося популярностью в ученых кругах Англии и Норвегии, которым он мог сообщить многое, поэтому смерть Бегичева, от чего бы она ни последовала, — факт желательный для сов[етского] правительства. — *Прим. Миндаровского.*

нее было слопать. В этих видах и устроена была самокритика, пустившая в последнее время столь широко свои корни, что при ее содействии и широком применении ее на судебном разбирательстве или при чистке можно довести людей до белого каления. Лица, оскорбляемые в своих лучших чувствах, лишенные возможности защищаться, нередко кончают самоубийством. Пример тому — недавняя смерть на веревке главного бухгалтера северной тайги, человека, по общим отзывам, во всех отношениях прекрасного, но не пожелавшего отдавать себя на судилище какой-то бабы в составе заседателей: одного — спиртоноса, а другой — проститутки. Еще не засохли мои чернила, как получилась новость: повесился мастеровой, обремененный четырьмя малолетними детьми, у которого отобрали профсоюзную и продуктовую на хлеб книжку за неуплату членских взносов в союз в течение 8 месяцев. Какие еще нужны доказательства к тому, насколько удешевела человеческая жизнь в социалистическом советском раю.

* * *

Незавидно также душевное состояние людей науки, хотя бы даже и имеющих свое имя в области научных исследований на пользу человечества и своей страны. И эти люди науки не гарантированы за свое спокойствие и благополучие, если только убеждения их не позволяют, подобно «каучуку», повернуть свои ученые труды по пути социалистической реконструкции хозяйства страны. Вопрос в последнее время поставлен так, что все наши интеллигентные силы должны определенно изменить свое идеологическое направление в сторону марксизма, или эта интеллигенция должна открыто заявить, что она «против нас, против рабочего класса», как будто бы рабочему так дорог марксизм, о котором он не имеет никакого понятия.

Общеизвестна уже из газет происшедшая в прошлом году перетасовка членов Академии наук и чистка научных сотрудников. После этого пошел поход на коллективизацию человеческих мозгов и талантов среди писателей советской прессы, так что попался на зубок и Горький. На всем этом помешательстве на почве коллективизации я останавливаться не стану, ибо все это известно уже из газет, но заслуживает внимания известное движение, направленное в сторону открытого выявления самых затаенных мыслей всех технических научных работников на территории Совет.[ского] Союза РСФСР. По этому вопросу была 15 декабря 1929 года в Новосибирске специальная конференция ВАРНИТСО[5], которая решала (разумеет-

[5] Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР.

ся, единогласно) вопрос о мобилизации всех активных научных технических сил на работу по решающим проблемам намеченной к осуществлению «социалистической реконструкции плана промышленного строительства». ВАРНИТСО должна была определенно отсортировать «ошую и одесную» всех технических и интеллигентных сил, так что или вставай в ряды сторонников советской марксистской политики, или отмежевывайся направо и отходи из сонма живых людей со всем своим умственным багажом, со всеми знаниями и талантами. Твое место заменим новыми кадрами, идущими на смену из наших вузов, а то и просто поставим рабочего от станка. Такое направление особенно симптоматично как показатель будущего технического и культурного роста нашей чумазой России.

Мне лично вся эта комедия представляется как какое-то патологическое состояние организма, в котором болезнь принимает крайние формы предстоящего кризиса. В таком болезненном состоянии мы «из-за сосны начинаем не видеть леса». Совершенно непонятно, какую роль «марксизм» играет сейчас в повсеместном лесоистреблении. Марксистски ли настроенные «научные технические силы» ведут страну по пути хищнического опустошения ее природных богатств, или здесь действует контрреволюционный замысел антисоветских работников, — не все ли одно и то же? Я уже говорил в своих записках, что обыкновенно во главе каждого предприятия ставится «свой глаз», т.[о] е.[сть] партийное лицо, а дело научного техника — только пустить в ход машину, наблюдая, чтобы она работала по всем правилам технического искусства. Так и в данном случае дело лесовода — определить пригодность той или иной лесины как товара, запроданного и обусловленного договором, и не думаю, чтобы для такого определения требовалась сплошная повалка лесных пород и по срубленным лесинам определялась их пригодность техником. Приготовление лесных материалов как экспорта нашего сырья производилось еще в прежние, еще дореволюционные годы, но ни убийств рабочих на месте работ, ни принудительных мобилизаций людей и лошадей не требовалось. В широкой публике даже мало интересовались этим, так как каждый занят был своим делом. Не думаю также, чтобы в убийстве людей виноват был конвойный, окарауливающий их, а не тот приказ свыше, которым он руководствовался. Приходится только развести руками и сказать: «Страшно на этом свете, господа!»

На днях через Енисейск проехали рабочие для погрузки и приготовления приготовленного леса в плоты для сплава их по открытии навигации. Казалось бы, та умная «марксистская» голова, которая давала такое распоряжение, должна знать, что на месте заготовок нет ни заливов, ни приспособленных гаваней или затонов для этого и что природные условия реки не допускают погрузки леса на лед, пока вода не спадет до нормального

уровня, а главное, что думал Енисейский РИК, молчаливо санкционировавший отправку рабочих, которые будут получать суточные и сидеть сложа руки целых три месяца?

При таком никуда не годном ведении государственного хозяйства страна находится по всем признакам накануне банкротства. Это наблюдается в данное время во всем, что мы видим кругом себя: в отсутствии товаров, в полуголодном пайке, в искусственном налогообложении населения, в грабеже зажиточного крестьянства и горожан, а больше всего в той лихорадочной кампании лесозаготовок до небывалых размеров, которыми правительство думает отдалить время приближающегося краха страны.

Интересный момент в истории России переживаем теперь мы, современники совершающихся событий. Куда приведут страну коммунисты? Возродится ли она, как предрекал В. Г. Короленко в своих предсмертных письмах к литератору Белоконскому, или ей суждено дойти до последней степени экономического разложения, чтобы стать достоянием других, более культурных наций, пред которыми, по заключению Шерра, «неимущие опять попадут под иго крепостничества и в неслыханном рабстве преклонят выи земле»?

Россия, Россия, жаль мне тебя,
Бедная, горькая участь твоя[6].

[6] Миндаровский цитирует строки из песни неизвестного автора «Нагаечка» («Задумал наш царь мир удивить…»).

1932 год, декабрь

Приступаю к продолжению своих записок по прошествии двух лет, по возвращении своем из Красноярска, где я временно служил 15 месяцев. За этот период времени прошли на авансцене советской комедии кой-какие события, заслуживающие того, чтобы об их поговорить с будущим исследователем нашего края, читающим мои записки. Начиная с знаменитого по своей инсценировке суда над промпартией и меньшевиками произошли новые сдвиги в лесозаготовках, в раскулачивании, в строительстве страны и многое другое, подмеченное мною на фоне нашей жизни. Два года назад я писал в своих записках о том, как выявлялась и обобщалась общественная мысль русской интеллигенции. Остатки этих распыленных по разным госучреждениям интеллигентных сил надеялись еще на что-то и вели свою «разрушительную» работу с целью подорвать совстроительство, но трудно верится, чтобы эта горсть оторванных от народных масс людей серьезно могла повлиять на благосостояние страны. По крайней мере, прошло уже более года, как эти люди удалены со своих ответственных постов, однако заменившие их места, без сомнения, преданные сов[етской] власти лица все же не улучшили положения. И сейчас тот же острый недостаток сырья, так же, как и раньше, кризис в текстильной промышленности, в канцеляриях нет бумаги, в питании нет ни жиров, ни мяса, а в техническом строительстве наступил еще более острый момент, нет ничего абсолютно, включительно до гвоздей, что касается самого процесса, то, я думаю, каждый не лишенный здравого смысла человек с первых же объяснений подсудимых понял разыгрываемый фарс.

Все мы по прежним политическим процессам знаем, что старые революционеры на суде не только не распоясывались в своих рассказах о себе и о других, но наоборот, старались скамью подсудимых обратить в трибуну для обличения темных сторон своего врага — правительства. Здесь все наоборот, включительно до лобзания преступника с прокурором.

Но самое существенное из мероприятий правительства, проделываемое на местах, — это картины раскулачивания крестьянства.

Уже в то время, как я ехал по тракту в Кр-[аснояр]ск в марте м[еся]це 1930 года, дорогой попадались навстречу громадные партии ссыльных и раскулаченных крестьян. Жутко и больно было видеть, как тащились пешком или на санях полунагие и полубосые русские люди со своими семьями и детьми, закутанные в лохмотья, потом и кровью кормившие когда-то великую Русь. Обращение с ними в пути следования сопровождавшего их

конвоя было самое варварское. Очевидцы рассказывали, что были случаи, когда при раскате саней в ухабе из кибитки выпал ребенок, то обоз не останавливался поднять его, а следовал далее. Стон и вопли слышали мы в пути при встрече с этими несчастными людьми.

Живя в Кр-[аснояр]ске и работая в учреждении («Рудметаллторг»[1]), неожиданно получаю приглашение пожаловать в ОГПУ, где мне делается формальный допрос о прошлом моем поведении за годы революции и сов[етской] власти. В Енисейске, где я живу всю жизнь, подобные допросы мне были предъявляемы неоднократно, но они большею частью вращались вокруг предвыборного периода и близко касались редактируемого мною «Голоса момента» (газета народно-республиканской беспартийной группы). Здесь же допрос был в другой плоскости, и поэтому я остановлюсь на нем несколько подробнее.

Мне предъявили обвинение за написание в 1919 году статьи «Революционные дни в Енисейске» явно контрреволюционного содержания и напечатанной в областническом органе д-[окто]ра Крутовского («Сибирские записки», кн. № 6 за 1919 год). Разумеется, оспаривать то, что скреплено своей фамилией, уже не приходится, и в своем ответе на этот вопрос я объяснил, что статья моя написана и помещена в печати в то время, когда в Сибири советской власти не было. Затем я заявил, что прошло уже 11 лет, как я работаю в советских учреждениях на глазах у всех, и за это время никаких с моей стороны контрреволюционных выступлений обнаружено не было, и что в постановлении Совнаркома от 7 ноября 1927 года о десятилетней годовщине Октябрьской революции определенно сказано, что если со стороны лиц, активно выступавших против сов[етской] власти, в последнее пятилетие никаких подобных выступлений не повторялось, то прошлое их предается забвению. Видимо, указания мои были небезосновательны, и на это мне пришлось услышать только одно, что если бы в моих служебных действиях было замечено что-либо предосудительное, то я давно бы был выслан из пределов б.[ывшей] Енис.[ейской] губернии. После этого допрос был переведен на другую тему, а именно: какую позицию я занимал по отношению к старому областничеству и каковы мои отношения к Крутовскому и Косованову как областникам, близко стоявшим к делам здешнего комитета, и затем как идет работа возглавляемого Косовановым здешнего географического общества, членом которого состою и я? Что мог сказать я на это, как только то, что здесь случайный житель, живя все время за 350 верст почти безвыездно, я ничего общего с комитетом Крутовского не имел, к делам редакции журнала никакого касательства не имел, в журнале участво-

[1] У Миндаровского ошибочно — «Рудметаллом».

Улица Ленина (Большая) во время весеннего паводка, 1920-е гг. Из фондов ЕКМ.

вал как сотрудник-сибиряк и близких знакомств с Кр-[уто]вским также не имел, как не имею и сейчас, хотя и знаю его много лет по общественной работе в обязанности гласного, так как при царизме приходилось встречаться с ним на губернских заседаниях по городским делам. С Косовановым В. П. знаком лишь с лета 1927 года по приезде моем сюда по делам Енис.[ейского] музея.

«Как вы как старый областник смотрите на сов[етскую] власть и на ее программу деятельности?» — задают мне ехидный вопрос, на который я придумал ответить по-макиавеллиевски, что существование краевых органов власти, действующей в интересах определенной области, является, мне думается, отражением той федеральной системы управления, о которой мечтали сибирские областники. Затем еще один очень важный вопрос дан был мне при моей пытке, на котором меня опрашивавшие и поймали, — как я смотрю на процесс промпартии и на главных действовавших виновников в деле вредительства их росту страны (опрос происходил во время инсценирования этого процесса)? И здесь мне пришлось извернуться таким ответом: могу ли я как старый патриот-областник, любящий свой край и свою страну, сыном которой я себя считаю, без негодования смотреть на людей, продающих свою родину иностранцам? Этого ли добивались опрашивающие меня или вообще они удовлетворены были моими ответами, но только секретарствовавший (один из двух) вытаскивает из папки заранее уже заготовленный текст подписки прибли-

зительно такой редакции: что я «целиком и полностью», как теперь принято выражаться, признаю сов[етскую] власть, обязуюсь и впредь служить ей, и если где замечу в действиях лиц что-либо ко вреду существующей власти, то… конечно, невзирая на лиц, обязан доносить об этом органам ГПУ незамедлительно. Готово! Это был момент моего нравственного падения, которым я по своему малодушию на 64-м году своей жизни запятнал всю свою прошлую личную и общественную деятельность, приложив свою руку к этой подлой подписке… Усталый, с тяжелой головой, с разбитым сердцем, поздним вечером вошел я в свою одинокую квартиру и всю ночь не мог сомкнуть глаз, проклиная себя и час своего рождения на этот свет. Спазмы душили меня, и я думал и говорил себе: люди шли на костры верными своей совести, а я, тряпка, убоялся каких-то Соловков, которые, самое большое, грозили за чистоту своих убеждений. Туда бы мне, старому псу, и дорога! Но я и тут нашел себе утешение в том, что, несмотря на данное в подписке обещание, я никого никогда не предам, и на этом успокоился. Вот насколько мы как люди ничтожны и мелки; мудрено ли, что вся страна отдала себя в такое неслыханное порабощение, когда каждый из нас готов на всякую низость, лишь бы сохранить свой покой и свое благополучие.

В довершение всего этого, смотря на творящиеся кругом разорения крестьянских хозяйств под видом раскулачивания и на насильственную коллективизацию целых деревень, происходившие без всякого сопротивления этому насилию, предо мною встал вопрос: что же далее?

Полагая, что в таких важных государственных делах решающее слово должно быть за крестьянством, составляющим своею численностью до ¾ всего населения СССР, признаться, во мне таилась еще уверенность, что политика эта не пройдет даром, что крестьянство как сила не даст себя одурачить, но тысячи обозов с живыми людьми, молчаливо идущие в сибирские дебри, ежедневные конвоируемые толпы людей привели меня к той мысли, что, видно, такова и должна быть судьба реформирующейся России. И если, по выражению Пирогова, медицинская наука прошла через горы трупов, чтобы действительно стать наукою, то, видимо, и здесь через потоки слез и людских страданий мы должны будем приобщиться к социалистическому рабству.

В силу сознания и привычки работать на пользу своего родного края мне уже порядочно надоела эта выжидательная политика, как и с кем продолжать свой жизненный путь до гроба, и я решил помогать товарищам своими посильными знаниями, поскольку работа их будет направлена на благо и развитие страны в смысле культурном и экономическом. С таким намерением вернулся я летом в свой Ен[исей]ск.

Должен еще добавить, что незадолго до своего отъезда из Кр-[аснояр]ска весною в марте м[еся]це учреждение, где я работал на обязанности статистика, подвергнуто было чистке, которой, разумеется, не избегнул и я и, надо сказать, прошел таковую без всяких замечаний. Случись это со мной в Енисейске год назад, мне бы не поздоровилось. Здесь снова выплыли бы покрытые архивной плесенью и «народно-республиканская партия», и «Голос момента», и прочая вермишель, пригодная для того, чтобы подвести меня под первый разряд. Все-таки в Красноярске это дело проводят иначе, и мне даже понравилось вступительное слово председателя комиссии, приглашавшего, подобно духовнику на исповеди, говорить в своей автобиографии, не скрывая ничего, памятуя, что мы здесь собрались не как судьи за старые грехи, а разобрать вашу работу сейчас, чтобы установить, нет ли в ней признаков какого-либо вредного направления делу, которое вам поручено, — таких признаков в той работе не нашлось.

Теперь возвращаюсь снова к продолжению начатых мною записей, прерванных описанием своей жизни в Красноярске.

Коллективизация деревень, начатая «на основе уничтожения кулачества как класса», а проще говоря, на основе грабежа зажиточных хозяйств и ссылки самих работников, судя по тем «успехам», какие приходилось наблюдать в Кр[асноярс]ке и здесь, отрадного ничего не предвещает. Нужны, видимо, долгие годы ожидания, чтобы мелкособственническая натура деревенского хлебороба могла переработать себя и, претерпев все невзгоды, начать с энтузиазмом работать на благо новой общины. В ожидании этого, скорее всего, СССР превратится в живой труп. В момент, когда я пишу эти строки, идет отобрание у крестьян скота крупного и мелкого. Собраны табуны по несколько тысяч голов, и благодаря такому своеобразному хозяйству несчастные животные ежедневно умирают десятками, а мелкие барашки — и сотнями голов в день. Чрезмерные засевы полей в колхозах остаются на зиму неубранными по недостатку в них рабочих рук, а самая постановка труда в колхозах во многом напоминает существовавшие когда-то аракчеевские военные поселения или прежнюю крепостническую барщину, возглавляемую взамен помещика целою бригадою партийцев и комсомольцев. Да и в самих управителях начинает замечаться какая-то упадочность и как бы разочарование в своей работе по перестройке России на социалистический лад. Многие начинают понимать, что из всей этой петрушки ничего не выйдет. Страна беднеет физически и морально, те 518 заводов, которые, судя по газетам, откроются в течение этого года, пока привели к тому, что не только частное лицо, но сами госучреждения не могут нигде достать самого нужного в хозяйстве. Нет железа на крыши, нет гвоздей, ни цемента, ни олифы, а тут пред наступлением зимы рабочие просят

Набережная Енисейска, 1926 г. Из фондов КККМ.

спецодежду, которой только по одному комплекту на 10 человек. Благодаря всему этому работа идет кое-как, рабочих перебрасывают с одной работы на другую, а толку никакого. Со ссылкой администрация обалдела. Каждый пароход привозит чуть не тысячами раскулаченных, а жить им негде. Их размещают общежитиями, занимая заброшенные дома прежних буржуев, или стараются переотправить их далее, чтобы только разрядить на зиму Енисейск. Главный пункт, куда их гонят такими же партиями, — это знаменитая Игарка — северный порт.

Такая своеобразная колонизация северного края в результате ни к чему путному не приведет, кроме разве медленного вымирания от цинги или других прелестей сибирского Севера, тем более что туда отправляют жителей южных пограничных окраин России, людей, совершенно не приспособленных к суровому климату, к тому же идут они без запаса теплой одежды и обуви. Жуть берет, когда смотришь на отходящий пароход, переполненный этим людом, стоны, слезы и плач несчастных детей далеко раздаются по воздуху вслед за пароходным свистком. Начальство успокоительно говорит, что хохлы будут развивать там культуру хлебов. Это в тундре-то, в полосе вечной мерзлоты и снеговых осадков, выпадающих иногда к Ильину дню.

Знаменитые лесозаготовки за эти годы превратились в синонимум, это какое-то бешеное стремление как можно скорее обезлесить Сибирь. Берега реки на всем ее протяжении испещрены плотами с лесом, засевшими по воле стихии, и весенний ледоход понесет их в Ледовитый океан.

Молевой[2] сплав вошел уже в обиход нашей жизни, и стало обычным явлением видеть, как одинокие бревешки преспокойно плывут «по воле волн». Недаром уже начинают в печати раздаваться голоса трезвых людей против этого варварского лесоистребления одичалыми людьми советского строя (№ 3, журн.[ал] «Совет.[ский] Север» за 1931 г.).

Одичалость и утрата здравого смысла у советской администрации продолжают находиться все в том же застывшем состоянии, как было при начале власти 14 лет назад. Видно, «горбатого могила исправит». Казалось бы, человек, освободясь «от революционного дурмана», должен стать умнее и просвещеннее, следовательно, в сочетании с этим и все поступки и распоряжения его должны быть во много раз толковее, чем у лица, еще зараженного религиозным предрассудком, однако на деле приходится замечать наоборот. Я в доказательство мог бы привести целую серию тому примеров, но ограничусь двумя-тремя случайностями, если можно так выразиться.

Первый и важный случай, отразившийся на хребте самих трудящихся, — это прошлогодняя отправка пароходов из Красноярска в низовья пред самыми заморозками уже глубокой осенью, чуть ли не во время шуги. В результате все дорогостоящие суда оказались рассаженными на всем плесе между Енисейском и Красноярском, где и пришлось им зимовать. По поводу этого обстоятельства «Вост[очно-]Сиб[ирская] правда» в № 56 от 2/XI прошлого 30-го года хотя и покипятилась немного, требуя срочного расследования виновных, но потом все кончилось благополучно, по-семейному, а для отвода глаз общественности взяли да арестовали заведующего пароходством беспартийного морского офицера, при обыске отобрали у него все бумаги, оправдывающие его действия (он протестовал против отправки судов), и затем состряпали дело по обвинению его в аварии судов, застигнутых в пути холодом и мелководьем. Другой случай: в Енисейске у береговой пристани стояла баржа, загруженная спецодеждою и продовольствием, в которой еще находилось свободное пространство. Несмотря на то что судно уже сидело в воде до ватерлинии, какой-то «товарищ» с партбилетом в кармане в роли хозяина велел погрузить еще 90 кулей соли, благо есть свободное пространство. Сказано — сделано. Приходят на утро завтрашнего дня и смотрят, а баржа-то возьми да и погрузись на дно реки. Спустились в баржу, а там мокренько. Стали было искать виновных, но, кроме уличного сторожа, никого не нашли. А вот и третий пример помрачения здравого смысла у распорядителей. Под берегом, у самого уреза воды, принялись строить деревянную баржу, рассчитывая к осени закончить и отвести на зимовку в Мельничную. По обыкновению «план» не выполнили, момент

[2] У Миндаровского — «мольевой».

Вид с колокольни Воскресенской церкви на гостиный двор и храм Преображения Господня, 1900 г. Из фондов ЕКМ.

увода строящейся баржи на отстой пропустили и теперь размышляют, как тащить баржу на обруб набережной, чтобы спасти судно от ледохода. А вот начать постройку сразу на возвышении до этого не догадались. Да, великие государственные умы, как посмотришь, управляют нами!

Во время проживания моего в Красноярске «товарищи» по части строительства в Енисейске сделали такие два дела для строительства страны, за которые обыкновенно бывало место в тюрьме. Здесь же все обошлось благополучно. Первое из этих дел: взорвали динамитом закрытую в 1923 г. Рождественскую церковь, построенную в 1755 году, и превратили в кучи мусора и камня гостиный двор с 60-ю лавками и стольким же числом кладовых, постройка коего относится к первой половине того же XVIII столетия. Надо сказать, что здание это, занимавшее собою значительную площадь, зарегистрировано было местным музеем как исторический памятник ярмарочных времен Енисейска. Увлекшись этой работой оригинального «строительства», намечаемого директивами центра, по пути сломали и монастырскую каменную ограду по линии речки Мельничной и Большой (теперь Ленина) улицы. Вместо же сломанной ограды участок огородили дощатым тыном. С таким уважением к памяти своего вождя Ленина, именем которого названа эта улица, отнеслись енисейские заправилы из горсовета. Надо отметить, что по части сломки построек старого Енисейска мы стоим, кажется, на первом месте во всей РССС. За десятилетие сломано 14 камен-

Пролетарский праздник на Базарной площади, 1920-е гг. Из фондов ЕКМ.

ных зданий и не менее трех десятков деревянных домов и дворовых служб, построено же одно здание водного транспорта да общественный сортир.

Любопытна история с постройкой лесозавода в Енисейске, стоящего, как говорят, до 2-х миллионов рублей. Какая-то и откуда-то прибывшая года три-четыре назад комиссия наметила постройку завода производить в протоке у городского острова. Не говоря уже о заливе намеченного места земли наводнениями, но участок этот непригоден еще потому, что приставать к нему плоты с лесом не могут. Однако «темпы» не ждут. Приступили к постройке здания завода «Гигант», как его назвали, а при нем и целого городка заводских служб, привезли водным путем механическое оборудование, довели работу уже до крыши и послали другую комиссию, которая судила, рядила и нашла, что постройки произведены не на месте, и решили все бросить. В результате машины увезены в Красноярск, недокрытое здание стоит и гниет вот уже год. В построенных домах живут ссыльные. Вполне по-хозяйственному. Не правда ли?

Советская власть непоседлива. Если уж нечего реформировать и переделывать, то она хоть переводит свои учреждения из одного места в другое или перелицовывает их названия. Вчера был УИК, сегодня РИК и пр[очее]. Вот и в конце прошлого года придумана была реформа упразднения округов и насаждения районов. По официальной мотивировке из Москвы такое преобразование, разумеется, делалось в интересах трудящихся, чтобы быть «ближе к массам». Однако каждый не лишенный рассудка гражда-

нин, ознакомившись со структурой этого дела, не мог не усмотреть в этом нового способа закабаления трудящегося населения, так как районы эти, занимая территорию упраздняемых уездов, подчинявшихся округам или губерниям, теперь становятся самостоятельными единицами, управляясь своим особым бюджетом и своею известной полнотою власти в пределах своих границ. Над ними имеется только край, куда можете аппелировать, но в большинстве случаев, разумеется, тщетно. Если мы примем во внимание, что «в каждом монастыре свой устав», так и тут. Новые хозяева района, почувствовав, что узда теперь снята, стали творить свои суд и расправу вовсю. Если Красноярский район отбирает у лишенцев коров, то Енисейский с коровой берет еще 100 пудов сена. Словом, до этого были перегибы и недогибы, а теперь «каждый молодец стал действовать на свой образец», а население молчаливо все терпит и переносит на своем хребте, что служит лучшим доказательством того, насколько мы, русские люди, до сих пор еще не выродились из прежнего рабского состояния. Мало этого, мы не только укрепляемся на позициях царского абсолютизма, а идем все далее и далее в глубину варварства и поножовщины. Молодое поколение, воспитанное по-советски, как-то инстинктивно тянется ко временам Батыя, Атиллы и Тамерлана. Оно понашило себе из церковной парчи тюбетеек на голову и носит их в летние дни вместо шляп и фуражек, как бы напоминая этим эпоху былой татарщины на Руси до Московского периода.

В удивительный век живем мы, современники его.

1932 год, 31 декабря

Прошел еще год после того, как я оставил вести свои записи. В момент, когда я снова приступаю к ним, наша жизнь дарит нас все новыми картинками.

Вот уже более полугода мы живем здесь на голодном пайке, получая в месячную норму от 8 до 14 кило муки в месяц на работника, несколько грамм сахару, иногда кусочек мыла, и это все. Удивительно, что как только сократится продовольственная норма, так сейчас же появляются на сцене текучесть в рабочей силе на предприятиях и учреждениях, начинаются непорядки и вредительство во всех текущих делах и на производстве. То лопнет машинная часть в локомотиве, то затонет или сядет на мель пароход и все в этом роде. Значит, вполне справедливы слова древнего мудреца Аристотеля в передаче Бакуна: «Человек, чтобы мыслить и быть способным вести дело, должен быть свободен от забот о куске хлеба».

На скучном фоне енисейской жизни особенно заметны результаты полуголодного существования среди горожан, а особенно среди высланных сюда людей со всех концов СССР. Ежедневное в массовой форме попрошайничество у окон куска хлеба людьми с истощенными лицами, еле волочащими ноги, теперь не редкость. Были уже несколько смертных случаев от истощения, конечно нигде публично не регистрируемых. Так, вероятно, обстоит дело и по всей стране. О том, чтобы грустная действительность жизни матушки России широко не проникла в зарубежные места, зоркое око ОГПУ ведет неусыпное наблюдение. Вот для примера случай: один из ссыльных, проживавших в Енисейске, человек всесторонне образованный и знающий новые языки, по неосторожности где-то проболтался в семейной компании, что он проектирует по окончании срока высылки поехать в один из пограничных городов, чтобы легче попасть за границу. Этого было довольно, чтобы на следующий день быть арестованным и отправленным на пароходе неизвестно куда, а теперь объяснили жене, чтобы она зря его не разыскивала, так как он ликвидирован. Вот при таком-то подавленном кладбищенском состоянии страны казенная монопольная печать, надсаживаясь, кричит на всю Европу о необычайном развитии в СССР техники, индустрии, экономическом росте населения, в то время как за границей кризис и безработица, граничащие до голодовок в рабочей среде. Вот политика товарищей пред лицом всего цивилизованного мира, не стесняющаяся никакими средствами для околпачивания доверчивых рабочих Европы.

Сов[етская] власть устами Чичерина, Раковского, Карахана, а теперь Литвинова, надсаживаясь, кричит на весь мир, что она — сторонница мира на всей земле и враг всяких войн, а сама все 15 лет ежедневно только то и делает, что натравливает рабочий класс всего мира на свои правительства, чтобы человечество вновь ввергло себя на многие годы в кровавую бойню, подобно той, какая идет теперь в Китае как наиболее отсталой и, следовательно, более восприимчивой на все соблазны нации. Мы, первые поджигатели классовой борьбы, ратуем за мир и настаиваем на разоружении других стран в расчете на их наивность. Ну разве это не политика лицемерия и иезуитизма пред народами мира?

Иностранная политика на Дальнем Востоке теперь заставила нас держать на громадной полосе границ с Маньчжурией и Монголией военный заслон, который мало того что отвлек самые молодые силы страны, необходимые нам на внутреннее строительство, но и содержать который стоит за каждый месяц колоссальных затрат хлебом, фуражом, одеждою и обувью, в то время как сами сидим голодными и раздетыми. Такая политика наших соседей, разумеется, самая правильная, чем война, о которой мы все время говорим на собраниях. Чем Японии бить нас дубьем, она доконает рублем. Уже и теперь продовольственная часть и финансовая сторона, какие мы переживаем, не из легких, а что будет в будущем?

Нет сомнения, что иностранцы учитывают всю беспочвенность наших реформ и в проведении социализма видят гибель и разорение издавна сложившегося общинного строя в России. Зная полное отсутствие золотых запасов, смело жмут нас на почве спроса и предложения. Так как деньги наши как не обеспеченные реальными ценностями страны в глазах иностранцев никакой стоимости не имеют, то в обмен на необходимые нам заграничные товары идет наш хлеб, сахар, мясо, жиры, беспощадно истребляемый лес и проч[ие] предметы нашей производительности и промышленности. Отсюда и тот голод, в какой ввергнута наша страна в данный момент. Иначе чем же объяснить наше положение?

Я помню голодный год в России в 1890 г., когда наш рубль на международном рынке спустился до 80 копеек. Стоило только министру финансов противопоставить национальные богатства страны в виде драгоценностей церквей, монастырей, музеев и проч[его], и наш рубль выровнялся моментально, а теперь где эти ценности?

Для изобретения способов извлечения этих ценностей от населения на 1932 г. привлечены были органы ГПУ, которые зимою 1931/[193]2 годов смастерили ударный месячник и приступили к жатве. Насколько оправдала она себя, нам, разумеется, неизвестно. Форма извлечения этих средств у нас в Енисейске состояла в следующем.

В конце ноября по городу начались обыски, обычно в ночное время. Обыску подвергались в первые дни наиболее крепкие семьи горожан, по преимуществу т.[ак] наз.[ываемые] лишенцы, и притом по роду своей деятельности в старые годы близкие к делам золотопромышленности. В какую-нибудь неделю-две местная тюрьма заполнена была до отказу арестованными. Затем перешли на квартиры служащих, хотя бы и членов профсоюзов, и даже рабочих. Причина обысков и арестов — хранение у себя золотых ценностей, гл.[авным] обр[азом] шлихового золота, самородков или золотых монет, скопленных «на черный день». Во время заключения в тюрьме ОГПУ как главный распорядитель этого дела применяло к арестованным неслыханные ранее самые утонченные пытки, о которых не слыхивала даже опричнина с Малютой Скуратовым во главе. Чтобы легче было добиться от арестованного сознания в наличии у него ценных запасов, людей раздевали до белья и садили на несколько часов в холодные и сырые подвалы, после чего вызывали на допросы, и если сознания не появлялось, этот способ повторяли на более продолжительное время, давая в пищу ломоть черного хлеба на сутки. Другой способ состоял в том, что в небольшое помещение, лишенное вентиляции, вталкивали по нескольку десятков лиц, чтобы они с трудом дышали и не могли бы ни сесть, ни лечь. В пищу давали соленую болтушку с таким же хлебом и совершенно не давали ни воды, ни чаю. При таком режиме люди, разумеется, выкладывали все, что имели в запасе, но горе было тем, кто этими запасами не обладал, а доказать этого не мог. Им приходилось томиться не только неделями, но и месяцами, если только организм их выдерживал. При сдаче золота освобождаемые подписывали акт, в котором значилось, что, идя навстречу строительству СССР и в устранение встречаемых денежн.[ых] затруднений, они жертвуют столько-то золотой валютой.

У проф.[ессора] М. Н. Покровского (коммуниста) в его книге «Русская история в самом сжатом очерке», изд.[анной] в 1931 г., на стр. 136 части 1-й и 2-й есть рассказ о том, какие способы применял один из интеллигентных помещиков XVIII века к своим крестьянам, чтобы добиться от них истинного указания виновников в воровстве. Он кормил пытуемого соленой рыбой, не давал воды и т.[ому] п[одобное]. Не из этого ли курса наук вычитало и ГПУ применяемые им такие же меры к арестованным, подозреваемым в имении золота?

За какие-нибудь 1½—2 месяца «ударника» из числа арестованных умерло в тюрьме более десятка, двое сошли с ума, многие от приобретенной в тюрьме болезни умерли дома по освобождении. Среди последних мой давний приятель и сослуживец, бывший член город[ской] управы Г. Д. Одинцев, большой любитель рыбалки и охоты, но никогда не стремившийся к стяжанию каких-либо ценностей.

При проведении этой кампании не дремал и местный отдел финансов во время конфискации у лишенцев, не сдавших золота, всего их домашнего имущества. Так, у завед[ывающего] отделом и ближайших его сотрудников в квартирах обнаружены были целые сундуки с набитыми в них ношеными вещами и домашними предметами (часы, столовое серебро, шелковые ткани, ковры и т.[ому] п.[одобное]). Оказывается, под коммунистической идейной подоплекой скрывалась самая шкурническая, собственническая, довольно загребистая лапа обыкновенного хищника, или, проще говоря, вора.

Живя в такой атмосфере непрерывного грабежа, являясь невольным свидетелем всего совершающегося на моих глазах произвола, насилия и лжи, лжи самой беспардонной в печати, и на деле, и на словах, у меня давно уже созрела мысль задать кому-нибудь из «товарищей» вопрос: долго ли еще будет продолжаться эта свистопляска, эта вивисекция на живом человеческом организме, этот «пир во время чумы», появление которой, я думаю, не за горами? Ведь так вечно жить невозможно, и конец этого искусственного «социализма»[1] в России неизбежен, как все в природе искусственно привитое. Мы знаем, что если в жизни отдельного человека прожитое десятилетие составляет частицу его земного существования, то в жизни целой страны это всего один миг или момент. Эпохою история называет 50–100 лет, сменяющиеся целыми поколениями живших в ней людей. Но я все-таки не думаю, чтобы данная эпоха пятнадцатилетнего грабежа населения была в будущем продолжительна. «Нельзя опасаться сколько-нибудь продолжительного господства социализма, — говорит немецкий пастор Виктор Катрейн в своей книге о социализме[2], — так как он стоит в резком противоречии с неискоренимыми потребностями и стремлениями человеческой природы». По его заключению, «социализм — дитя либерализма, впавшего в одностороннюю крайность тем, что, видя в человеке индивидуальную самостоятельность, совершенно упускал из виду общество, в котором человек живет». «Социализм, — говорит он далее, — совершенно лишил человека свободы, чтобы сделать его рабом общества, в этом его крайность и ошибка».

Если мы пойдем далее по пути научных исследований, оставленных нам в книгах гениальных мыслителей и публицистов, то найдем целый трактат суждений и выводов великих людей научной мысли, утверждающих, что жизнь народа — это одно непрерывное эволюционное движение,

---

[1] Вернее сказать, деспотизма. — *Прим. Миндаровского.*

[2] Катрейн В. Социализм: исследование его принципов и практической осуществимости / Соч. Виктора Катрейна; Авториз. пер. с 9-го нем. изд. (Herdersche Verlagschandlung, Freiburg im Breisgau, 1906 г.) [и предисл.] свящ. Н. Липского. Харьков: тип. Губ. правл., 1908.

основанное на естественном законе бытия человеческого, и всякие искусственные построения не могут быть прочными.

Когда-то, 70 лет тому назад, наш знаменитый критик Д. И. Писарев в журн.[але] «Русское слово» за 1862 г. поместил статью под назв.[анием] «Бедная русская мысль», в которой он развенчивает реформы Петра I и между прочим говорит, что «историческому деятелю совершенно невозможно сделать так, чтобы несколько тысяч или миллионов людей завели бы между собой именно такие отношения, какие он считает разумными и нормальными. Жизнь не терпит произвольных ампутаций и механических склеиваний; кто хочет коверкать на свой лад живую действительность, тот обнаруживает полное непонимание жизни и полную неспособность действовать на нее благотворно». Одним словом, Писарев весьма логично доказывает, что все опеки над народом «гениев, мудрецов и великих людей» шли впоследствии не по той дороге, на которую указывали народу эти гении, и были для него «все равно что не в пору гость — хуже татарина».

Эмигрант-революционер Л. Дейч в своей книге «За полвека» (Москва, 1926 г.), говоря о взглядах известного ученого проф.[ессора] Зибера как теор[ет]ика и последователя Маркса, приводит взгляд последнего на исторические судьбы капитализма. По убеждению Зибера, будто бы вполне вытекающему из учения Маркса и Энгельса, «капиталистический процесс сам собою, без посторонней помощи, неизбежно придет к гибели. Всякое же стремление как отдельных лиц и групп, так и партий и правительства ускорить этот процесс может, наоборот, лишь замедлить его. Поэтому Зибер как устно, так отчасти и в печати не придавал никакого положительного значения ни классовой борьбе пролетариата, ни деятельности рабочих партий, союзов и т[ому] п[одобного]. Все, мол, само собой сделается, когда условия для возникновения нового строя достигнут необходимого для их торжества развития, подобно тому как на свет появляется новое существо после того, как во чреве матери плод вполне созревает».

Эту выписку как авторитет я привел из № 8–9 журнала «Сибирь и каторга»[3] за 1931 год со стр.[аницы] 247 и думаю, что лучшего опровержения существующему порядку вещей и не придумать. Кто знает, как бы не получился в конце концов такой результат, что на примере России, на тех материальных лишениях и страданиях, какие сейчас переживает русский народ, жертвуя во имя идеи даже свою жизнь, научные доктрины Карла Маркса не оказались отодвинутыми на столетие, а то и более от нормального их осуществления, как предрекает проф.[ессор] Зибер.

[3] Скорее всего, Миндаровский имеет в виду журнал «Каторга и ссылка».

Если вдуматься хорошенько в наше прошлое, во всю ту темноту и невежество, в каких жила Россия целыми веками под гнетом татарщины и царизма, то разве можно назвать нормальным тот прыжок, который заставили нас сделать от февраля к октябрю фантазия Ленина и дикое упорство Сталина — нас, которым, как ребенку, только что начинающему ходить и требующему еще помощи своей матери[4].

Как проницательно смотрели на будущее России те из наших соотечественных людей из того же социалистического лагеря, но более осторожных в своих проектах и преобразовательных планах, это доказывает следующая, наприм.[ер], выписка из сочинений известного террориста-писателя Степняка-Кравчинского из его статьи «Что нам нужно?»[5].

> Мы не верим в возможность облагодетельствовать народ путем декретов и распоряжений, социализм свыше либо якобинский — оба сводятся к одному: к аракчеевщине. Только при условии общей свободы, допускающей участие всего народа в обсуждении и решении общественных вопросов, разумея под народом нацию, а не одних представителей физического труда, только под таким условием возможно успешное проведение в жизнь каких-нибудь новых идей и начал, в том числе перестройки экономических отношений на началах социализма.

«Только гарантируя свободу нашим противникам (по убеждению?), мы обеспечиваем свою собственную», — справедливо говорит автор этих воззрений, я бы добавил: вполне честных и справедливых.

Этими ли мотивами руководствовался Ленин в своих домогательствах произвести развал России, пользуясь моментом общего недовольства царизмом со стороны народных масс, усталых и обессиленных от продолжительной войны?

У правопреемника Ленина, его не менее достойного последователя грузина Джугашвили-Сталина, теперешнего диктатора России, в написанной им книге «Вопросы ленинизма» есть специальная глава «О некоторых особенностях тактики большевиков в период подготовки к Октябрю», где с откровенностью, граничащею до цинизма, черным по белому написано, что вся подготовительная работа большевиков к захвату власти велась под лозунгом Учредительного собрания с тою целью, чтобы его потом разогнать. Вот слова Сталина в ответ Троцкому:

---

[4] В конце предложения сохранено авторское нарушение синтаксиса.

[5] Степняк-Кравчинский С. М. Чего нам нужно и начало конца. Лондон: Фонд рус. вол. прессы, 1892.

Он, Троцкий, не понимает, что без своеобразной политики большевиков, взятой в связи с Учредительным собранием, им, большевикам, не удалось бы завоевать на свою сторону миллионные массы народа, не завоевав же этих масс, они не смогли бы превратить Октябрьское восстание в глубокую народную революцию.

Итак, конечная цель Ленина была в том, чтобы сыграть на популярном в народной массе Учредит.[ельном] собрании, единственном правильном пути к устройству общенародной жизни, а потом, когда физическая сила будет на нашей стороне, плюнуть всем в глаза и при помощи своих молодцов из Охотного ряда, т.[о] е[сть] большевиков, смастерить Советы и начать грабить национальные богатства страны.

Как видят будущие читатели моих записок, это был первый шарлатанский прием Ленина, хорошо изучившего невежественную народную среду, готовую в своем озлоблении на все, а в особенности на воровство и грабеж, к тому же еще безответственный. Все это проделано было только для того, чтобы на развалинах старой России создать новый строй, при котором, сменив «чумазого» на «хама», могли бы хорошо жить разные «завы», «преды», «госторги», «гепеу» и т.[ому] п.[одобное], имена же их «ты, Господи, веси».

Вот, уважаемые читатели, что уготовили мы себе благодаря своей политической темноте и невежеству. Не прав ли был Шерр в своей книге «Комедия всемирной истории», говоря об «архимо[ше]нниках-демагогах и шарлатанах кафедр», хорошо жонглировавших на словах «пролетариат» и «рабочий» и устраивающихся недурно у народного пирога в кровавые дни народных потрясений?

В жизни своей благодаря любознательности и пристрастию своему к чтению под влиянием одного ссыльного народовольца я еще в молодые годы сделался ненавистником царизма и все чувства и симпатии свои перенес на сторону необеспеченного класса, из которого вырос и сам, воспитавшись трудами рук своей матери-швеи. Слова «рабочий», «пролетарий» и «землероб-крестьянин» в моем понятии всегда были синонимом для меня как живой источник сил и могущества России. Эти ли рабочие и крестьяне стоят теперь у власти и управляют нами?

В издававшейся в г. Красноярске газете «Дело рабочего» — органе объединенной РСДРП — от 22–29 апреля 1918 года № 14 (39)[6] помещена не лишенная сарказма, но вполне правдивая статья об образовавшейся советской власти в Енисейске. Характеристика лиц, составивших собою мест-

[6] Архив местного музея. — *Прим. Миндаровского.*

ный «совдеп», дает определенное понятие, кем будет управляться страна, а в частности наш богоспасаемый край. И я в начале своих записок приводил имена первых заправил города в 1920 году. За истекшие 12 лет кое-что все-таки ошлифовалось, и все-таки кого же мы видим сейчас у власти в своем Енисейске?

1) Видим невежественного, грубого и кровожадного Степана Накладова, одного из сыновей кр[естьяни]на д. Маклаковой, с молодых лет ездившего на облучке в роли ямщика и всего менее работавшего с отцом на пашне.
2) Якова Козмина, тоже бывшего кр[естьяни]на из дер. Сотниковой, еще до революции выгнанного отцом как лентяя в хозяйстве.
3) Братья Томиловы из д. Каргиной, в молодости также сидевшие на отцовской шее, а когда он отказался содержать их, в 1926 г. они убили его.
4) Известный изувер Пронюшкин, старый эксплуататор Анциферовских мужиков, и проч.[ие] в этом духе.

Люди поприличнее устроились кто в краевые заправилы, а то и в самой Москве.

Если мы остановим наше внимание на тех «трудностях» роста, о которых, не скрывая, говорится в советской печати, и сопоставим их с умственным кругозором и работоспособностью хотя бы последних четырех лиц, то невольно приходится об этом призадуматься. Ведь обязанность администратора, на какой бы служебной лестнице он ни находился, каким бы поводырем над ним партия ни была, требует от него все же некоторого мышления и известной доли инициативы, иначе партия не стала бы предъявлять к каждому хозяйственнику своих особых требований. А какой же размах, какую опытность в деловых вопросах, да еще в настоящее время, когда жизнь ставит таких хозяйственников на положение «кулика в болоте», могут показать эти люди, ранее не только никогда не работавшие серьезно, но и не мечтавшие себе, что они сделаются своего рода Гарун-аль-Рашидами.

Структура советского строя, обнимающая все стороны хозяйственной деятельности в стране, подавляющее большинство коих являлось ранее профессией частных лиц, требует теперь людей, и людей, более или менее соответствующих своему назначению, а где взять их, когда большинство партийцев по образованию никак не выше начальной школы, а то и просто малограмотные люди. А если и находятся более развитые по образованию, то они нужны на более ответственные посты в центральных учреждениях, где также ощущается их недостаток, так как и сам-то многоголовый помещик ВКП насчитывает в своих рядах 3–4 миллиона душ, что равняется немногим более 2% на все население России.

Само собой разумеется, в таких медвежьих углах, как Енисейско-Туруханский край, делать выбор не приходится; надо ставить кого попало, лишь бы был свой человек — партиец, все же член своей семьи, товарищ по убеждениям, если таковые у него имеются.

Само собой разумеется, что с таким составом работников на местах, возглавляющих весь аппарат сов.[етской] власти, далеко не уедешь, хотя бы весь Совнарком, все те 70 человек, на которых ныне указал Сталин своему собеседнику, немецкому ученому Людвигу, сплошь были людьми большого государственного ума и талантов. А мы знаем, что представляют из себя и сами царедворцы, и их теперешний глава Сталин, командующий не столько умом, сколько своим упрямством.

Притом нам кажется, что в данный момент экономическое состояние нашей России находится столь в запутанном состоянии, что выйти ей из этого тупика вряд ли удастся без поворота вправо. Как бы ни подбадривала народ сов[етская] власть своим газетным враньем и своими сказками на разных собраниях, а истина рано или поздно появится. Ни для кого не тайна, что исчезновение на рынке самых необходимых предметов в жизненном быту, и прежде всего продовольствия и одежды, без чего человек не может обойтись, есть тот самый глухой переулок, в который завела страну советская политика разнообразными пробами и вивисекциями, творимыми на организме трудящихся, и последняя проба — раскулачивания — является решающим данным, иначе и быть не может. Ведь разметать самый работоспособный трудовой слой крестьянства, составляющего три четверти населения страны, чтобы начать строить какие-то эфемерные колхозные объединения, совершенно несвойственные и ненужные природе русского крестьянина, — это значит совершить непростительное преступление пред своей страной и всей мировой историей. Это значит разрушить семью, общину и вообще всю веками сложившуюся культуру в жизни нашей нации.

Преступная перестройка всей экономической системы, доселе существовавшей, нанесла непоправимый удар по только что начинавшемуся развитию и совершенствованию, по которому быстро пошла наша страна с наступлением XX столетия.

Переживаемые в данное время острые недостатки самого необходимого для человеческого организма породили особый вид преступлений, в прежние времена никогда не слыхиваемые. Стали обнаруживаться хищения хлеба из кладей и полей, масса случаев сбора из огородов картофеля, покража ношеных вещей и т.[ому] п.[одобные] случаи. Казалось бы, уже это одно доказывает создавшееся положение настолько серьезным, что должно бы побудить правящую власть искать выход из этого увеличением хлебного пайка, открытием хлебной торговли и проч.[ее]. Однако вместо этого

обнародывается варварский закон 7 августа с[его] г[ода] о способах борьбы с хищениями в кооперативных, колхозных и государственных организациях принадлежащего им имущества и продовольствия[7], т.[ак] к.[ак] «собственность их священна и неприкосновенна», — поясняет закон, хотя как будто бы по теперешним временам слово «священное» употребляемо быть не должно. Как бы там ни было, а закон этот допускает судить виновников до расстрела. Этого вполне достаточно, чтобы местная партийная власть с вытравленными человеческими чувствами приступила к формальному его исполнению. Это ничего не значит, что голодный желудок человека побуждает его протянуть руку за куском хлеба или ведром картошки. Судить виновника необходимо, и вот житель деревни Подгорной за несколько снопов, взятых с колхозного поля, получил расстрел[8], и этих случаев по всему [С]ССР наберутся сотни и тысячи.

С расхитителями народного достояния расправляться беспощадно[9]

Приговор

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 29 сентября 1932 года в дер.[евне] Подгорной народный суд Енисейского р-[айо]на от имени крайсуда в составе председателя Танеева, народных заседателей Солдатова Егора Спиридоновича и Зырянова Ивана Алексеевича.

Дело слушалось со сторонами: государственный обвинитель Марков, общественный защитник Назаров. В открытом заседании суд, рассмотрев дело по обвинению Галкина Федота Петровича 49 лет, происходит из гр-[ажда]н Тат[арской] республики, село Булдырь, проживает в дер.[евне] Подгорной Енисейского р-[айо]на, по соцположению — со слов крестьян, имущественное положение имеет: 1 корову, 1 лошадь, посев 0,9 га, семейное положение — женат, жена 48 лет и дочь 12 лет, грамотный, окончил приходскую школу, б/[ес]п[артийный], русский. Сослан в 1928 году по ст.[атье] 58 пункт 10 У.[головного] к.[одекса] сроком на 3 года, срок отбыл, остался жить в Сибири, обвиняется по постановлению правительства от 7 августа 32 года, [суд] нашел: установленный Галкин, сосланный по ст.[атье] 58 пун.[кт] 10 У[головного] к[одекса], проживая в деревне Подгорной

[7] Центральный исполнительный комитет СССР, Совет народных комиссаров СССР. Постановление от 7 августа 1932 года. Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности.

[8] Прилагается приговор суда. — *Прим. Миндаровского.*

[9] Вклеенная в рукописный текст газетная вырезка (За большевистские темпы. 1932. 5 октября).

в момент резкой классовой борьбы и организации большого колхоза, проводил агитацию среди колхозников и особенно среди лучших, как то: членов правления колхоза, активистов и даже членов партии. Получив от последних должный отпор, Галкин не прекращал свою работу. Под видом сильного опьянения заходил к Патюкову и продолжал агитировать, что «братья между собой не уживаются, а колхозы распадаются, вот попомните меня». В момент выдвижения руководителя и активного работника колхоза Назарова на работу в председатели городского совета гор.[ода] Енисейска в конце 31 года в декабре месяце Галкин, встретив члена правления колхоза Патюкова Сергея, заявил, что «паразита» убирают, «добрых людей раскулачивают». Галкин получил должный отпор и приглашал правленцев в гости и т. д., и однако работа по развалу колхоза со стороны Галкина имела успех: 2 колхозника, исключительно сагитированные Галкиным, Патюков Никифор и Мунин, вышли из колхоза, а Патюков Василий вышел из комсомола. Галкин влиял на малоустойчивых колхозников. В Подгоренском колхозе за последнее время замечена масса мелких краж: кража картофеля, соломы, снопов, а также турнепса, последний растаскан до 40 проц[ентов]. 10 сентября Галкин на своей лошади повез в гор.[од] Енисейск своего зятя Мусалова, ссыльного, и в пути с колхозного поля Галкин и Мусалов похитили 5–6 снопов, но были захвачены на месте кражи. На вопрос единоличников, заметивших хищение, воры ответили, что якобы им разрешил Зырянов Никифор — конюх. Однако судоговорением установлено, что никакого разрешения ни колхоз, ни колхозник Зырянов не давал и даже не стал разговаривать с Галкиным.

Опрошенный на судебном заседании Галкин виновным себя не признал и объяснил, что он против колхоза не агитировал, а все сам собирался вступить. Овес не воровал, а сидел на возу, но овсом кормил своего коня. Но однако свидетельскими показаниями установлено, что Галкин завязывал снопы, а Мусалов складывал снопы на воз. На основании чего, руководствуясь ст.[атьями] 45, 47 У[головного] к[одекса], ст.[атьями] 319, 320 У.[головно-]п.[роцессуального] к.[одекса], [суд] приговорил: Галкину Федоту Петровичу на основании постановления нового закона об охране колхозного имущества от 7 августа, определить высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией имущества. Мерой пресечения взять содержанием в Ендомзаке под усиленным конвоем. В отношении Мусалова Ивана Ивановича объявить розыск. Провести расследование.

Приговор окончательный, но может быть обжалован в Верх[овный] суд в 72 часа со дня вручения копии приговора.

Председатель Танеев

Народные заседатели Солдатов, Зырянов

Когда по введении в Сибири судебной реформы военно-полевой суд приговорил в 1899 г. двух преступников за зверский грабеж на приисковой дороге к смертной казни через повешение, этот первый после основания Енисейска приговор вызвал в переполненном зале суда публикой крики, вопли и истерику среди нервных людей, то теперь о каждом расстреле довольно спокойно читаем мы, развалившись на стуле со стаканом чая в руках. Вот насколько мы ушли вперед с культурой пара и электричества.

Еще не засохли мои чернила на этом письме, как узнаю, что есть распоряжение возвращать раскулаченных кр[естья]н обратно по домам на свои пашни, снова собирать Русь, как бывало когда-то. Умнейшее распоряжение! Сначала разбить жизнь целой семьи, разграбить и растащить собранное долгими годами труда хозяйство у мужика, угнать его с женою и малыми детьми в стужу и непогоду за тысячи верст от родных полей и родного угла, раздеть его донага, а потом объявить: произошла ошибка, возвращайся назад и работай. Так могут поступать ненормальные люди, а не законная власть, с пеной у рта кричащая на весь свет о какой-то культуре. Неужели «товарищи» серьезно думают, что они имеют дело с шахматной доской и деревянными на ней фигурами, а не с живыми людьми, творцами своей жизни и подлинными хозяевами земли?

Будь сейчас жив Ленин, вполне возможно, он вовремя осознал бы свою ошибку, и не допустил бы страну до такого маразма, и повернул бы пробу на социализм в другую сторону, подобно тому, как было в 1921 году с разверсткою, доведшей людей до голода, как и теперь. Писал же Ленин в своих сочинениях (т. XVII, ч. 1), что в стране с преобладанием кр[е]ст[ьянст]ва переход к объединенному товарищескому труду в земледелии достигается лишь очень медленно и постепенно, путем ряда сложных мероприятий. Но, к сожалению, за социализм взялись люди самые обыкновенные и притом упрямые до фанатизма. Самый сумасшедший из римских цезарей, какой-нибудь Калигула, не допустил бы кромсать человеческие отношения, доводить народ до отчаяния, а затем прикрывать свои действия варварской диктатурой, вооруженной до зубов против тех же рабочих и крестьян, от имени которых власть якобы существует.

Могут ли при таком хаосе что-либо сделать власти, сидящие на местах где-то у черта на куличках, в трудные минуты апеллирующие в своих докладах к профсоюзным собраниям, как на днях сделал это районный прокурор, говоря о революционной законности и переводя все дефективные промахи с больной головы на здоровую.

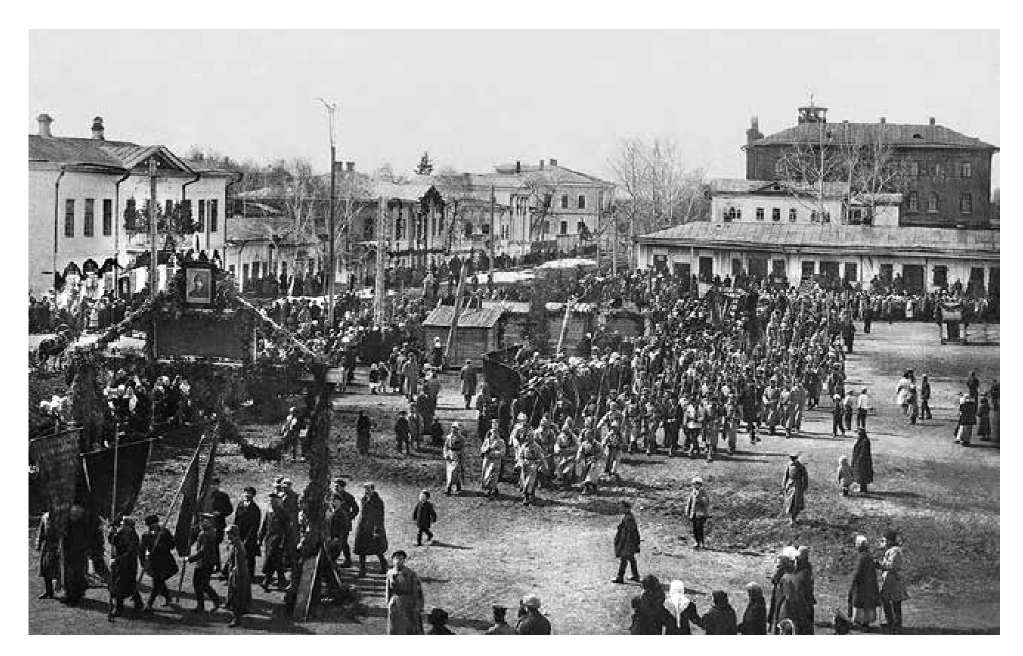
Недавно последовавшее постановление ВЦК, возлагающее на прокурорский надзор наблюдение за неправильными действиями местных органов власти, он перенес на профсоюзы, которые, видите ли, недостаточно четко

уясняют себе директивы правительства, и привел пример переборщения на местах вопроса о раскулачивании, как будто бы это не дело самих партийных организаций, не дело РИКов и народных судов, где сидят во главе коммунисты, постановляющие произвести грабеж такой-то крестьянской семьи, а учиняют это профсоюзы, которых в деревнях зачастую и не бывает.

Жонглерство на словах где-нибудь перед широкой публикой стало замечаться теперь довольно частенько. Как увидит центральная власть, что в такой-то манипуляции с русским народом-рабом она переборщила, сейчас же при посредстве своих райкомов начинает извертываться на все лады, стараясь обелить свой хвост. Так, наприм[ер], однажды агент ГПУ, сопровождая на пароходе партию раскулаченных в Туруханский край, объяснял публике, собравшейся на берегу пристани «Подкаменная Тунгуска», что это едут не какие-нибудь преступники и раскулаченные, как здесь принято называть, а самый трудовой народ, потерпевший от бедноты, не пожелавший иметь их в своей среде. В роли этой же дичи трепал своим поганым языком и прокурор Воганов на последнем всесоюзном собрании, проливая крокодиловы слезы над пострадавшими по вине общественных организаций, неправильно применивших к ним свой «подход». Забавно слышать было первые дни кличку раскулаченных в «спецпереселенцев», как будто бы для перекочевки с одного места на другое нужна какая-то особая специальность. Вот разве под этим словом подразумевать специальностью то мученичество и долготерпение, какие эти люди переносят во время пути под штыками конвоя при холоде и голоде, и те душевные переживания, какие они испытывают, теряя на глазах родных детей, братьев и отцов, оказавшихся более слабыми, чтобы пережить эти муки, — тогда другое дело.

Острота создавшегося положения и бессилие наладить дело все же, видимо, нервируют товарищей (под словом «товарищ» я имею, разумеется, коммунистов). Собрания и заседания идут почти каждый день, а толку никакого. Кругом слышишь только одни фразы: «подписка на заем», «мобилизация», «ударничество», «прикрепление на пятилетку» и проч.[ая] вермишель, проводимые под молчанку собранных рабочих и служащих. В результате все сводится к одному: хозяева-коммунисты требуют напряженной работы, а рабочие просят хлеба, одежды и обуви, на чем каждое собрание и заканчивается.

Газеты последних дней с надсадой трубят о разных равнениях города и деревни на почве продовольствия, и колхозные базары выступают в роли прежних продавцов-посредников, в чем поддерживают их кооперативы. В результате на колхозных базарах, кроме муки и редьки, нет ничего, а в кооперативах одна косметика и проч.[ий] хлам. В конце концов рабочий и служащий под гнетом голода тащит в деревню последнее пальто и там в нару-

Первомайская демонстрация на Базарной площади, 1924 год. Из фондов ЕКМ.

шение все той же революционной законности достает себе мешок хлеба. И это последнее средство может исчезнуть, если урожай 1932 года не выполнит хлебозаготовок.

В заключение пессимизм мой может породить подозрительность ко мне как автору этих записок, и чита[те]ль подумает: «Вот черносотенец-то!» Неужели советская власть так-таки и не имеет за собой ничего положительного, кроме раскулачиваний, реквизиций, арестов и пр.[очих] мероприятий, направленных на борьбу за уничтожение той культуры, которая создана была веками и при взаимном содействии уживалась между буржуем и пролетарием?

Трудно дать беспристрастный ответ на это мне, человеку далеко не разделяющему по своему воззрению творимых способов осуществления такого оригинального «социализма» в кавычках, при котором люди должны умирать голодной смертью, что мы и наблюдаем в последние дни.

Хотя я и далеко не поклонник капитализма с его засилием и эксплуатацией трудящихся, неизбежных при старом строе, но я, право, не понимаю для себя разницы, почему при эксплуатации меня капиталистом я чувствую гнет и кабалу эксплуататора, а при эксплуатации работающего партией коммунистов или государством, которое эта партия собой олицетворяет, работающий испытывать должен только бодрость, радость и какое-то особое удовлетворение, а не ту же усталость и утомление своих физических сил, которые при известном теперь соревновании и ударничестве одухо-

творенно даже возрастают, какова бы ни была продолжительность рабочего дня. Эту абракадабру, други мои, я постичь не могу, хотя и работаю 40 лет при царизме и 10 лет теперь. Может быть, это потому, что я не проникся и не перевоспитал себя к восприятию в полном объеме того бесклассового социализма, ожидаемого в 3-м пятилетии, при котором не будет ни бедных, ни богатых, а все будут нищими.

Выше в своих записках я уже упоминал, что после закабаления крестьянства в ежовые рукавицы коммунистической партии я определенно решил посвятить остаток сил своих на пользу родного края в духе марксистской программы. В этом же направлении работает теперь в советских учреждениях и на производстве немало честных беспартийных работников, однако никакого заметного результата как у самих работающих, так ровно и у коммунистов в деле не замечается.

Благотворные последствия коллективистической системы труда в хозяйстве можно бы ожидать тогда, когда вся страна как один человек пожелала бы перейти на таковую, подобно духоборам в Америке, но при нашей разноголосице, при наших собственнических инстинктах и при наших стремлениях к воровству, не чуждых и нашим товарищам, мечтать о коммунистическом строе нелепо и бесполезно.

Наиболее бесполезно это у нас, в натуре русских людей как нации, больше всех отсталой в своем развитии, что и доказывается таким легким порабощением себя советскому режиму, где 3% населения только командует, а 97[%] дураков нашего брата исполняют роль батраков в правительственном капиталистическом управлении. Довольно сказать, что землероб-колхозник должен только чертомелить на колхозном поле, а снятый урожай возьмут другие руки, оставив ему с семьей голодный паек. А мы, работники на производствах и в канцеляриях и школах? Наше дело тоже только работать по приказу, создавать материальные ценности — разные лесопильные гиганты, которые потом забросят, и вносить в кооперацию денежные паи, которые наши заведующие будут проматывать и кушать за наш счет, оставляя нам максимум пуд хлеба на месяц, плитку мыла, чтобы не обовшиветь, да разве еще осьмушку чая на семью.

Ну, можно ли одобрить такой порядок, обратившийся в систему?

Обратим внимание на другие отрасли общественного устройства СССР. Возьмем для примера положение печати, то есть гласности, этой, по выражению не помню кого, «шестой державы в мире». Справедливость требует сказать, что свобода слова и печати в России никогда не пользовалась благосклонностью со стороны правительства, и были времена, как при Николае I, [когда] всякая общественная мысль, не согласная со взглядами правящих сфер, подвергалась гонению, и тем не менее страна имела

Пушкина, Белинского, Герцена и других менее известных писателей из оппозиционного лагеря. Что же можно сказать про советскую печать в обзоре хотя бы истекшего 15-летия? Ранее сего я уже касался в своих записках, как научные работники СССР должны были открыто выявить свое кредо по отношению к власти, чтобы иметь возможность безбоязненно трудиться и за это получать продовольственный паек для своего существования или в лучшем случае быть в загоне, если не высланным с правами «лишенца» в том случае, когда взгляды их не совпадают с программой правительства. «Товарищи» любят указывать на то, что при царизме литература и искусства служили интересам капитала, господствовавшего в стране. Пусть будет так. Ну а чьим интересам служит и работает под деспотизмом диктатуры современная армия научного труда? Не утопической ли фантазии Ленина и К°, осуществляемой теперь упрямой башкой Сталина? Но прежние служители научной доктрины, несмотря на разногласия общественной мысли, вели эволюционным путем Россию по пути научного и экономического развития. Страна рождала новых и новых выразителей народных стремлений, и рабочий не сидел на голодной пайке голый и босой. Что же мы видим сейчас? Возьмите любой номер газеты или журнала, и вы не встретите ни одной оригинальной статьи, ни одной глубокой, я не говорю уже — гениальной, мысли, над которой можно бы остановиться и призадуматься. Теперь самый более или менее порядочный писатель не сможет выражать свою мысль иначе, как в духе марксизма да ленинизма. Недаром среди массового читателя общ.[ественных] библиотек пошел большой спрос на старых классиков, удаленных из публичных библиотек на задворки, или, в крайности, на периодические издания дореволюционного времени, так как иначе нечем удовлетворить естественную потребность в самообразовании. У нас есть много «правд», есть просто «Правда», есть «Правда комсомольская», есть «правды» территориальные, как, например, «Восточносибирская», но нет только «Правды истины» и «Правды справедливости». А где таланты и гении, которых рождала Россия во времена Романовых? Их нет и быть не может. Появлялся какой-то юноша Есенин, мечтавший было сделаться самобытным поэтом, и советский абсолютизм прихлопнул его в зародыше. Такая же судьба постигла и футуриста Маяковского, как только запас похвал и словоизлияний по адресу СССР стал у него исчезать. Ни один порядочный талант не скажет теперь правдивого слова, коль скоро он, сидя за обедом в семье, не знает, где ему придется сегодня спать. Даже литераторы из партийного лагеря не имеют права в своих писаниях выходить из рамок своей программы. Никаких спорных дискуссионных статей и заметок, затрагивающих внутреннюю жизнь партии, не допускается. Вот лучшее тому доказательство: в № 6 журнала «Про-

летарская революция» за 1930 год помещена была статья некоего Слуцкого под заголовком «Большевики о германской соц.[иал-]демократии в период ее предвоенного кризиса». Видимо, в этой статье было что-то рассуждающее об исторических проблемах партии, не понравившееся Сталину, и последний разразился письмом в редакцию (напечат[ано] в № 19–20 ж.[урнала] «Большевик» за 1931 г.) с протестом против допущения печатания статьи Слуцкого. По тону, каким написано Сталиным это письмо, можно судить, что таковое заключает в себе выговор начальства своему подчиненному, позволившему себе «сметь свое суждение иметь», и можно полагать, если не редактору, то автору Слуцкому это даром не прошло.

Сто раз прав, пророчески прав был небезызвестный у нас Козьма Прутков со своим бессмертным проектом «О введении единомыслия в России». А это было еще в 40-х годах прошлого столетия.

Если такое состояние нашей страны продлится еще продолжительное время, можно с уверенностью сказать, что от всех лучших качеств русского народа не останется и следа. Признаки вырождения заметны уже по результатам воспитания в советской трудовой школе.

За прошедшие 15 лет советское образование может служить образцом воспитания нашего и будущих поколений. Помню, как в первые дни сов[етской] власти в Енисейске большевистская печать и ораторы на разных собраниях в пух и прах разносили прежнюю школу, что она изнуряла молодежь продолжительностью гимназического курса, что она выпускала политически ограниченных людей, прислужников капитала и т[ому] п[одобное]. Действительно, трудовая школа произвела громадный переворот в учебном деле. Во-первых, в ней не учителя стали руководителями школы, а наоборот, учащиеся сами могли ставить и смещать своих наставников. Ученик, если [не] хотел учился, мог и не только не слушать учителей, но даже и не брать в руки учебника. Продолжительность и степень обучения для детей торговцев, духовенства и др.[угих] «лишенцев» ограничивались обучением читать по-печатному и подписывать свою фамилию. Выше этого несчастные дети учиться не допускались. Для остальных смертных установлен был курс семилетки, из которой выпускались юноши и девушки с познаниями приблизительно 3–4-х классов прежних гимназий. Для профессионально-технической подготовки существуют техникумы, из коих после 2–3-х лет обучения выходили доктора, учителя, инженеры и пр[очие]. В настоящее время на результатах работы таких «ученых», видимо, само правительство разочаровалось и круто повернуло школьную политику в другую сторону. Взамен самоуправления в школе в последние дни введен новый школьный устав на тех же основах диктатуры, которой подвергнуто все взрослое население страны. В школах организовано даже свое маленькое ГПУ, приуча-

ющее детей следить друг за другом, сообщать о времяпрепровождении ребенка в кругу семьи и о направлениях их родителей. Самый срок обучения с ежегодными поверочными испытаниями (прежние экзамены) определен уже в десять лет. Такая школа будет воспитывать исключительно советски мыслящих людей и преданных уже советской власти.

Если прежняя школа на первый план ставила Закон Божий, то в настоящее время его заменяет политграмота. В старой школе из курса истории исключались, напр.[имер], такие движения общественной жизни в России, как эпоха декабристов, теперь не допускается знать историческую роль монастырей в деле просвещения, а взамен этого на первый план проводится классовое человеконенавистничество. 10-летний ребенок уже посвящается в знание колхозной жизни и в борьбу с кулачеством, а в четвертой группе знакомится с понятиями «оппозиция», «оппортунизм», «соглашатель» и т[ому] п[одобными] признаками не изжитого пока общественного разногласия, считавшегося прежде нормальным явлением в человеческом общежитии.

В свое время будущие историки уже оценят благодетельные последствия такого образования юношества, нам же, людям, стоящим на грани потустороннего мира, будущие ученые из этих школ представляются не чем иным, как напетыми граммофонными пластинками, пригодными лишь в атмосфере будущего социалистического строя в России.

О советском законодательстве и о революционной совести пролетарского суда я уже не раз говорил в своих записках, а сейчас для уразумения чи[та]теля прилагаю при сем последний судебный приговор над шайкой вышеупомянутых мною уфинотдельских воров из пяти молодых людей не выше 24-летнего возраста, всех почти комсомольцев и воспитанников советской трудовой школы. Здесь, по аналогии, интерес состоит в том, что несколько дней назад тот же судья, татарин Танеев, приговорил крестьянина к расстрелу за четыре снопа овса, взятых с колхозного поля, а здесь сорганизовавшаяся шайка молодых преступников систематически присваивала себе, пользуясь официальным положением, государственное имущество, отнятое у лишенцев, и за это получила всего только до двух лет тюремного сидения, и то для некоторых условно. Вот что значит «свой своему поневоле друг».

За что сели на скамью подсудимых бывшие работники райфо? [10]

Хищение государственного имущества, растраты, подлоги, пьянство — вот их преступления.

12 октября с.[его] г.[ода] в г. Енисейске в помещении Татклуба в 12 часов дня под председательством народного судьи тов. Танеева, заседателей т. т. Першина и Шевченко при государственном обвинителе тов. Попове, защитнике т. Ганс открылся судебный процесс над 5-ю сотрудниками Енисейского районного финансового отдела.

К суду привлечены Миллер, Кривошеев, Яблонский, Балахнин и Погоржельский.

В обвинительном заключении ярко подчеркивается особенность подсудимого Миллера (Скамейкина), который, будучи налоговым инспектором в 1931 г., был главным вдохновителем среди сотрудников райфо в хищении госфондовского имущества. Под его влиянием, как выяснилось на суде, был зав.[едующий] райфо Кривошеев, зав.[едующий] складом Яблонский, инспекторы Погоржельский и Балахнин.

Миллер (Скамейкин) сговаривал последних разделить описанный за неуплату недоимки мед у кулака Сидорова. Цель Миллера была достигнута, мед между сотрудниками райфо был разделен поровну. Точно так же была разделена пшеничная мука и пр.[очие] продукты, которые шли со склада госфондовского имущества для пьянок подсудимых. Но Миллер не ограничивался этим хищением, он присвоил себе варшавскую кровать, швейную машину, часы, полушубок, самовар, отрез бархата, 3 персидских ковра и наконец сделал растрату в сумме 165 руб.

Кривошеев присвоил доху, 2 персидских ковра, 10-проц.[ентное] отчисление от вырученных на торгах денег, которое шло для пьянки подсудимых.

Со стороны Балахнина была присвоена песцовая шуба по расценке торгов 500 руб., персидский ковер и пр.[очие] вещи.

Погоржельский присвоил себе полушубок, теплые брюки, шапку, часы и ковер.

Хищением государственного имущества эти люди не ограничились. Они начали устраивать коллективные пьянки у гр. Балахнина. Пшеничная мука, мед, рыба, масло, папиросы, вино были в центре внимания на их вечеринках.

В обвинительном заключении суда сотрудники райфо привлечены по статьям 109, 116, 120, 129 У.[головного] к[одекса].

---

[10] Вклеенная в рукописный текст газетная вырезка (За большевистские темпы. 1932. № 65. С. 4).

Интересно остановиться на одном из показаний подсудимого Кривошеева, который, как выяснилось, хотел ускользнуть от пролетарского суда в Иркутск, где он устроился работником в краевом финансовом отделе, но при разоблачении дела в Енисейском райфо он вынужден был явиться обратно в г. Енисейск. Попытка Кривошеева избежать суда не удалась.

Балахнин в своем показании на суде ссылался на свою неопытность и особенно подчеркнул свои командировки, рисуя таким образом незначительное участие в деле хищения госфондовского имущества.

Погоржельский в своем показании неоднократно подчеркивал, что присвоенные им шуба, брюки, шапка и ковер были получены под расписку для целей командировки, он ссылался в свое оправдание на своевременное им извещение РКИ о необходимости сделать ревизию в райфо.

Миллер (Скамейкин) в своем показании опирался на недостаточный штат, в условии которого работу райфо проводить было трудно. Он подчеркнул, что большинство штата было с недостаточной квалификацией, в силу чего получилась некоторая неразбериха в делах райфо.

Яблонский ссылался на свою неопытность и кратковременность в исполнении своих обязанностей зав.[едующего] складом, указывая при этом на полную подчиненность старшим.

Выступления экспертной[11] комиссии в лице Сальникова, Лукашевича и др.[угих] утверждало, что документы райфо были запутаны, вследствие чего экспертной ревизионной комиссии райфо не поддавалось учету в своих документах. После выступления общественного, государственного обвинителей выступила защита, которая особенно заострила внимание на совместной пьянке ревизора краевого финансового отдела тов. Иссерса.

СУД ПРИГОВОРИЛ:

Миллера (Скамейкина) к лишению свободы на 2 года с поражением прав, с запрещением занимать ответственные должности в течение 3 лет в системе финорганов.

Кривошеева — к лишению свободы на 2 года с поражением прав, с запрещением занимать ответственные должности в теч.[ение] 5 лет в системе финорганов.

Балахнина — к 1 году принуд[ительных] работ с 50-проц.[ентным] вычислением из зарплаты и лишением прав занимать ответственные должности на 2 года.

Погоржельского — к 6 мес.[яцам] принуд[ительных] работ с лишением прав занимать ответственные должности на 2 года с 25% вычислением из зарплаты.

---

[11] В тексте здесь и далее — «экспортной».

Яблонского — к 1 году принуд[ительных] работ с 25-проц.[ентным] вычислением из зарплаты и лишением прав занимать ответственные должности на 2 года.

За участие ревизора краевого финансового отдела Иссера в совместных пьянках с сотрудниками Енисейского районного финансового отдела возбудить следствие.

Устинов

По приговору над бывшими работниками райфо[12]

13 октября народный суд 8-го участка вынес приговор по делу бывших работников райфо. Не описывая подробностей творимых безобразий вставшей на путь разложения пятерки, мне перед лицом советской общественности хотелось бы сказать, что приговор суда чересчур мягок. Я напомню общественности, что такие факты, как устройство вечеров, на которые расходовались продукты, принадлежащие райфо, такие вечера, на которые покупалось вино из 10-процентных отчислений от торгов. Наконец, такие факты, когда работники райфо Миллер, Кривошеев, Балахнин и др.[угие] занялись устройством личной жизни, поставив на задний план интересы общественного и государственного порядка. За короткий период времени у работников райфо появились варшавские кровати (Миллер), роскошные персидские ковры (Кривошеев, Погоржельский), шубы на песцовом меху (Балахнин). Все это доказывает, что состав преступления налицо. Такие примеры, как обмен золотых вещей, принадлежащих государству, на собственные нужды, в целях удовлетворения своих потребностей — роскоши, раздача муки со склада райфо, еще и еще раз доказывают сделанное преступление. Кроме этого, отдельные работники райфо (Миллер) имели связь с чуждым элементом. Вспомним пьяную компанию на Секретарке, в которой принимал участие Миллер. Кого не было в этой компании? Были муллы, были лишенцы и вместе с ними работник из райфо. Обратите внимание на посещение квартиры Миллера лишенцами, у которых было описано имущество. Я еще раз напоминаю о том, что эта пятерка встала на путь разложения.

Защита на судебном процессе слишком неудачно, необоснованно пыталась доказать, что все безобразия-преступления делались несознательно, что на скамье подсудимых сидят «безвинные юноши». Так ли это? Нет, не так. Несколько слов подсудимого Миллера в его следственном материале противоречат этому. Вот что показал Миллер: «Разбазаривание и хи-

12 Вклеенная в рукописный текст газетная вырезка (За большевистские темпы. 1932. № 65. С. 4).

щение имущества я считал незаконным». О чем это говорит? О том ли, что здесь была несознательность, о том ли, что люди не умели работать? Наконец, о том ли, что этому юность — порок? Нет. Это подтверждение тому, что преступление делалось вполне сознательно. Добавим еще к этому подделку документов на покупку шубы Балахниным.

Общественность должна учесть значение финансов в социалистическом строительстве, а отсюда сделать вывод, к чему вели дела работников из райфо.

Приговор суда чересчур мягкий. Советская общественность, на глазах которой творились такие дела, должна потребовать от вышестоящих инстанций пролетарского суда пересмотра дела. Такой приговор должен быть отменен.

Общественный обвинитель Попов

В заключение скажу, что я бы ничего не имел против всей советской системы, если бы выборное начало при выборах в советы переведено было с декоративного открытого голосования поднятием рук на тайное голосование шарами или записками, как было ранее и при выборах в городские думы, и [в] Учредительное собрание. Таково мое скромное пожелание, на которое, разумеется, «товарищи» не пойдут.

* * * [13]

Недавно удалось мне прочитать в № 8 журнала «Большевик» за 1932 год беседу Сталина с немецким писателем Людвигом, происходившую 13 декабря 1931 года. Возможно, что из беседы этой помещены только те ответы Сталина, которые по соображению цензуры могли быть доведены до сведения читающей публики, но и они по своим выводам являются довольно характерными как материал для будущего историка.

Для меня, например, большою новостью являлось объяснение Сталина, что он обучался в духовной семинарии, где процветали слежка, шпионаж, залезания в душу, издевательства и пр[очее]. Теперь для меня стало понятным, откуда взялись у нас прекрасно сорганизованные «чека», ОГПУ с их утонченными приемами преследования человека, с громадным штатом добровольных осведомителей со всеми атрибутами вымогательств и т.[ому] п[одобное]. Оказывается, все это дело рук т[оварища] Сталина, а не Дзержинского, бывшего лишь проводником его предначертаний.

---

[13] Здесь в рукописи проставлена дата: «1932 год, декабрь». Но для удобства поглавной организации записок следующий далее текст не выделяется в отдельную главу, а размещается внутри главы «1932 год, 31 декабря».

Характерно также объяснение Сталина на вопрос собеседника о сходствах в исторической параллели между Петром Великим и им, Сталиным. Сталин говорит, что Петр работал для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев, тогда как его работа направлена к осуществлению идеи международного социализма. Прекрасно. Но Сталин не добавляет о сходствах в методах самой работы, не говорит, не теми же ли путями он идет по стопам Петра к осуществлению своей заветной цели? Из отечественной истории мы знаем, что Петербург построен на груде человеческих костей, и у Достоевского в разговоре братьев Карамазовых между собой есть очень интересное место, где Алеша спрашивает брата, захотел ли бы он жить в том здании, построенном знаменитым архитектором, фундамент под которым сделан из тел замученных деточек-младенцев? Знаем также, что непрерывная деятельность Петра и его постоянные войны вконец истощили народные силы тогдашней России, что цивилизация страны создана была усилиями подъяремных рабов крепостничества. Петр I как бы «железною уздою Россию вздернул на дыбы», говорит Пушкин. Не то же ли видим и переживаем мы теперь? Не сопровождается ли дело осуществления призрачного социализма голодом, холодом и громадной смертностью в населении? Не напоминают ли теперешние колхозы бывшие аракчеевские военные поселения, история которых по своей структуре вполне тождественна с ними? Мне кажется, что для определения роли Сталина в исторических судьбах России достаточно будет одного четверостишия из известной поэмы Пушкина, с перестановкой лишь в ней имен исторических личностей:

Тень Аракчеева меня усыновила,
Петром из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Россию обрекла[14].

А каково жонглерство Сталина в его ответе на вопрос Людвига о точке опоры сов[етской] власти в деле ее политики и тактики устрашения. С невозмутимым хладнокровием смотря на конвульсивные судороги голодной России, он отвечает, что не менее 90% трудящегося населения СССР стоят за советскую власть и что подавляющее большинство их поддерживает советский режим. Так мог отвечать лишь неограниченный самовластный деспот: «Россия — это я».

[14] Здесь Миндаровский обыгрывает строки из поэмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «Тень Грозного меня усыновила, / Димитрием из гроба нарекла, / Вокруг меня народы возмутила / И в жертву мне Бориса обрекла».

На самом деле, если вдуматься внимательно во все действия Сталина и К°, то они точь-в-точь напоминают известную по литературе шигалевщину из романа Достоевского «Бесы», где одна десятая часть населения получает свободу личности и безграничную власть, остальные же $^{9}/_{10}$ теряют личность и живут, как стада, в рабском состоянии, в счастье безграничного повиновения. «Рабы должны быть равны, без деспотизма же не может быть ни равенства, ни свободы», — заключает автор словами своего героя Шигалева.

Довольно забавный ответ дал Сталин на вопрос Людвига об «уравниловке» как конечном идеале социализма и всеобщего братства трудящихся. Сталин оспаривает положение, чтобы все получали одну и ту же плату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, носили бы одни и те же костюмы, получали бы одни и те же продукты в одном и том же количестве. Он признает, однако, возможным по Марксу формулу: «От каждого по его способностям и каждому по его труду», а затем говорит, что «социализм никогда не отрицал разницу во вкусах, в количестве и качестве потребностей и что только люди, не знакомые с марксизмом, полагают, будто бы большевики хотят собрать все блага земли и поделить их поровну».

Когда в революционные дни 1917 года шло оболванивание простодушной и темной массы под социалистический колпак, то ни один из ораторов не коснулся тогда этого лозунга «Каждому по способностям», а сами слушатели сел и городов, в особенности у нас в Сибири, и не помышляли о возможности каких-либо ограничений в жизненных потребностях, а в особенности в хлебе, излишки которого в каждой губернии исчислялись миллионами пудов каждогодно. И только теперь, когда советские денежные знаки на заграничном рынке потеряли всякую ценность, а твердой валюты в кладовых государства не стало, национальные же ценности в виде, напр[имер], церковной утвари и пр.[очего] были промотаны, хлеб и пушнина явились единственной почти реальной ценностью в расчетах с иностранцами за покупаемые нами иностр.[анные] товары. Вот почему Сталину и пришлось теперь жонглировать теориями научного социализма, ссылаясь на Маркса, Ленина и друг.[их] большевистских авторитетов, потому что для нормального потребления в стране хлеба стало не хватать. А как на практике осуществляется эта социальная доктрина, мы теперь уже знаем. Если ты человек с портфелем в руке и имеешь в кармане партийный билет, да к тому же недалеко стоишь от какого-нибудь склада или магазина или партия облекла тебя в тогу «ответработника», то «по своим способностям и потребностям, невзирая на качество и количество» легко можешь брать «по вкусу», что тебе приглянется. Как бы скудны запасы там ни были, на тебя-то с семьей да ближних тебе по родству и убеждениям твоим хва-

тит, а остальная трудящаяся дребедень ограничится и тем, что ей останется по подсчету, как и полагается по Шигалеву «свободным рабам деспотизма».

В момент, когда я пишу эти с[т]роки, средний размер хлебного пайка рабочему выражается 14–17 килогр[аммами], служащим — от 8 до 14 ½ к[ило]г[рамма], смотря по тому, кто где служит и какую обязанность занимает. Жены работающих, так наз.[ываемые] домашние хозяйки, если при них нет детей до 2-летнего возраста, с пайка снимаются совершенно. Учащиеся получают половинную норму работающих отцов. Прикупить недостающееся количество хлеба на стороне невозможно за отсутствием здесь хлебного рынка около трех лет со времен начавшегося раскулачивания крестьянских хозяйств, с другой стороны, по случаю периода хлебозаготовок с 15 сентября по 15 января продавать и покупать хлеб воспрещается. Вот и выходите из этого заколдованного круга, как знаете. Положение отчаянное, в особенности для тех хозяйств, где в семье один работник. Лишенцы и инвалиды труда выбрасываются с пайка совершенно, первые потому, что мыслят не по-коммунистически, а вторые как лишнее бремя на плечах государства по теории «не трудящийся да не ест». Для коммунистов же и комсомольцев существует свой «внутренний» паек, получаемый ими из распределителя. Размер этого пайка обыкновенному смертному неизвестен. Рассказывали такой случай, что будто бы соседка квартиры председателя района, увидя через забор, что кухарка приготовляет для коровы болтушку из крупчатной муки, заметила ей, что неужели нельзя такую сделать из ржаной муки и даже отрубей, на что та ответила, что ржаной муки они не держат.

Если еще какой-нибудь год назад к хлебному пайку давали некоторый приварок в виде мяса, рыбы, крупы, соли, то за последнее время в кооперативе не стало и этого. Исчез из продажи и сахар, как это было в 1920 году до НЭПа.

Интересно наблюдать такое, я думаю, случайное совпадение: когда в прошлом году закончили постройкою один из «гигантов», кажется «Подшипник» или что-то вроде этого, то в это же время из продажи исчезли гвозди, крючья, навесы и проч.[ий] скобяной товар. Ныне с открытием ДнепроГЭСа страна лишилась сахару. Что же еще «день грядущий нам готовит»?

За последнее время газеты особенно усердно трубят о колхозной торговле, о развертывании какой-то торговой сети, о кооперации и т[ому] п[одобном], а в действительности, кроме выжимания последнею денежных пайков, население ничего не видит. Чем больше кооперация повышает размеры паевых взносов с порабощенных членов, тем меньше становится у ней товаров на полках. Чья-то досужая мысль передавала, что в Енисейске будет построен во всю длину квартала «универмаг», и в нем обслуживать пуб-

Базарная площадь, 1925 г. Из фондов КККМ.

лику будет всего один приказчик, отвечая на вопросы покупателей: «У нас этого товара нет».

Что бы мы ни говорили на разные лады, а вопрос о народном продовольствии с каждым днем становится напряженнее. К осложнению последнего помогают еще правительственные репрессии.

Неизвестно, чем объясняется появление здесь новой категории ссыльных, преимущественно молодняка в возрасте 16–20 лет, привозимых на пароходах целыми сотнями, полуголодных, босых и нагих совершенно. Эти несчастные толпами ходят по дворам за куском хлеба или чтобы при удобном случае что-нибудь стащить. Теперь с наступлением морозных дней на территории города находят окоченевшие трупы этих новых париев своего отечества. Что же это за люди, от которых совершенно отвернулась страна, и почему подобных им не появлялось в таком массовом количестве в прежние времена царизма, хуже и ужаснее которого, по словам «товарищей», ничего на свете быть не может? Ответа на это никто нам не дает, тем не менее это глубоко социальное явление. Приходится слышать, что это будущие неисправимые преступники, трутни со всеми отрицательными их качествами, вредными для отечественного организма страны трудящихся. Если правдив такой приговор над этими несчастными, только что вступающими в жизнь молодыми людьми, этими, я бы сказал, кадрами советского строя, то откуда же получился такой продукт социального разложения? Ведь по возрастному составу все эти юноши и молодые

люди есть воспитанники той самой трудовой школы, о которой я недавно упоминал в своих записках, а ведь школа эта доселе, судя по газетам, слывет совершенством, которому изумляются все капиталистические страны. Откуда же появились у ней такие результаты ее воспитания? На вопросы, обращаемые мною к некоторым из этих жертв революционного времени об их происхождении до момента высылки, большинство сказали, что они или беспризорники, выброшенные на улицу из детских домов, или сироты, отданные в детдома на воспитание и исключенные оттуда. Опять вопрос: почему администрация домов оказалась бессильною направить молодые силы на правильный путь? Существовавший до советской власти в Енисейске Александровский детский приют для сирот-мальчиков за полувековой период своего существования выпустил свыше 200 молодых юношей, и я за 30 лет своей службы в городском управлении не знаю ни одного случая, чтобы вышедший из стен приюта молодой человек пошел по преступному пути. Наоборот, я только видел скромных полезных тружеников на разных поприщах общественной деятельности. Выходили будущие мастера сапожного и столярного цехов, были служащие в государственных учреждениях или просто служили где-нибудь. Почему же эти несчастные дети в такой массе оказались уродами, не приспособленными к жизни? На ком лежит тяжкая ответственность за искалечение этих молодых сил, обреченных теперь на голодную смерть и вынужденных переносить муки холода, голода и морального страдания? Было ли что-либо подобное в истории человечества, когда бы правительство страны для какой-то социалистической пробы обрекало целое поколение молодых людей в жертву своего опыта, подобно ученым, производящим свои опыты над кроликами или иными зверьками? [В] страшное варварское время живем мы — рабы советского режима! Да, тысячу раз прав был наш известный историк Сергей Соловьев, сказавший, что «нет ужаснее тирана, как раб, сделавшийся господином». Пророческие слова!..

* * *

25 сентября Москва чествовала 40-летие литературно-художественной деятельности Максима Горького как писателя, на закате своих дней отдавшегося делу прославления деспотизма и лицемерия совет[ской] власти. Личность Горького будущими историками и краеведами современной эпохи, несомненно, будет изучаться во всем совокупно с переживаемыми нами событиями, а поэтому я позволю себе на этом историческом дне остановиться несколько внимательнее.

Горький только на 1½ года моложе меня по возрасту, следовательно, я являюсь здесь одним из немногих свидетелей первых дней появления

этого таланта на литературном поприще, и мой долг передать потомству свои воспоминания об этом времени.

Как сейчас, встает в моей памяти весь тот шум, споры и рассуждения, которые на каждом шагу происходили тогда среди читающей публики при появлении на книжном рынке той или иной статьи или рассказа этого быстро сделавшего себе карьеру писателя — творца будущей босяцкой России.

В каждом мало-мальски грамотном кружке за стаканом чая, за рюмкой водки единственной темой разговора был Горький, и в этом отношении наш город не отставал от своих собратий как город политической ссылки и приисковой интеллигенции, в зимние четверги собиравшейся в стенах театра-собрания. В библиотеке общ.[ественного] собрания, членом которого я тогда состоял, у меня главной заботой было успеть захватить вышедшую книжку журнала со статьей Горького. Должен сказать, что преданным поклонником этого таланта я никогда не был, но с захватывающим интересом прочитывал каждую новинку молодого и модного писателя. Однажды, просматривая номер сатирического журнала «Стрекоза», попадается мне на глаза карикатурное изображение жел.[езно]дор[ожного] перрона, наполненного публикой, среди которой и фигура Горького; на первом плане две расфранченные дамочки, и подстрочная надпись передает их разговор в следующем варианте:

> — Ах, душечка, я встретила сейчас на вокзале Горького и впервые услышала его новое слово, сказанное кому-то. «Это рвань коричневая», представь, душечка, и запомни: рвань, да еще коричневая. Вот мысль, вот это новое слово. Замечательно, бесподобно!..

По правде сказать, в это модное время немало было людей, которые воспринимали новые слова Горького как символ веры и в литературном босячестве Горького видели начало нового направления, готовящегося дать толчок застоявшемуся болоту общественности, придавленной тяжелою пятою Александра III. Оглядываясь назад, за прошедшие четыре десятка лет мы теперь видим, что люди эти были правы. Прототипы героев Горького, все эти Макары, Емельяны, Артемы, Челкаши, есть фундамент, основа того порядка, какой мы переживаем теперь.

У символиста Мережковского, писателя предреволюционной эпохи, есть на этот счет такое рассуждение:

> Одного бойтесь — рабства, и худшего из всех рабств — мещанства, и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый,

реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, — Грядущий Хам[15].

И вот судьбе угодно было, чтобы русский народ прошел эту страшную школу хамства, воспитался в ней и наконец претворил ее в жизнь, чтобы потом ценою своих страданий в муках холода, голода и смерти осознать самого себя, чтобы самому своими собственными глазами, своим новым крепостным трудом понять наконец, в какую трясину, в какое зловонное месиво попал он благодаря своей темноте и невежеству, да, пожалуй, и увлечению тем общественным классом, выведенным на сцену произведениями Горького, который теперь, оказавшись у власти, скальпирует своего же брата, мужика-крестьянина и рабочего.

Что же делает творец своей школы, которому суждено собственными глазами видеть плоды своего труда? Несмотря на то что этот знаменитый теперь советский писатель, почетный академик, сам в молодости испытавший на себе все невзгоды жизни, который, по его же собственному признанию, «выбивал зубами трели в честь голода и холода», теперь, сделавшись кумиром своего детища, с холодным равнодушием закрывает глаза на все ужасы современной инквизиции и проходит мимо.

Ведь для каждого разумного человека ясно, что в данный момент наша несчастная матушка Русь представляет ту громадную исправительную тюрьму, в которой должны перевариться и перекипеть все прежние взгляды и убеждения людей от буржуя до рабочего и крестьянина, именем которых якобы и действует советская власть. И эта ирония жизни и судьбы России замалчивается Горьким, да иначе и быть не может, потому что если мы внимательно проследим за его героями, то увидим, что в противоположность писателям-народникам 60-х годов, искавшим человека в звере, Горький ищет в своих героях зверя в человеке и, найдя его, сладко торжествует. Все произведения Горького первого десятилетия его творческой деятельности — это сплошной призыв к кровавой борьбе, пропаганда классового человеконенавистничества. «Мудрость жизни» Горький видит не в нравственных научных доктринах, а в «безумстве храбрых», которым он поет свои песни, играя ими на грубых инстинктах толпы, всегда готовой на грабеж, насилие, воровство и проч.[ие] анархические действия. Вникните в его «Песню о Соколе»: «В ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью». Уж, представитель, видите ли, мирного прозябания того типа людей, которых Горький вы-

[15] Мережковский Д. С. I. Грядущий хам; II. Чехов и Горький. Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1906. С. 36.

водит в лице Мити в своем рассказе «На плотах», Сокол — олицетворение борьбы, и борьбы кровавой; первый подлежит прозрению, второй — уважению как герой-боец. В свое время мои друзья и знакомые из молодежи от «Песни о Соколе» были в восторге. Мой же недостаток смотреть на все критически воздерживал меня от этих увлечений. Мне эта кричащая вещь казалась фальшивой по смыслу и замыслу ее автора. Прежние поэты писали: «По небу полуночи Ангел летел, и тихую песню он пел». Здесь Ангела заменяет Сокол, как известно самая хищная птица из царства пернатых, его пищей являются кулики, воробьи, скромные ласточки, и что же, в этом, что ли, храбрость Сокола, что он в своем безумстве их поедает? По аллегории Горького выходит, что утки, гуси на поднебесье тиранят соколов, и они ведут с ними борьбу. По-моему, фабула забавна, но не убедительна для меня. Здесь интересен инстинкт Горького, предсказывающий время, когда наступит борьба в небе, но не соколов с воробьями, а капитала с пролетариями; кто выйдет победителем, покажет будущее.

У Горького есть довольно меткие места в его сочинениях, характеризующие натуру русского человека в целом как хищника, так и скромницу. «Рожденный ползать летать не может». Таковы, действительно, все мы были во времена царизма, таковыми остались и есть теперь при диктатуре пролетариата.

Много остроумных сравнений разбросано в романе Горького «Фома Гордеев», в особенности у одного из его героев, старика Маякина: «Телятам по-медвежьи не реветь», «Если ты трубочист, лезь на крышу, а если ты пожарный, стой на каланче». И действительно, если бы каждый делал свое дело, к которому он приставлен и выше которого он не смыслит, тогда все-таки на командных местах соваппарата дичи было бы меньше.

Не знаменательна ли у Горького следующая тирада по адресу мужика-землероба, вложенная в уста одного из босяков, не привыкшего к роли скромного труженика:

> А мужика бы этого, черноземного барина — ух ты! — грабь — дери шкуру!.. выворачивай наизнанку!..[16]

> Что есть мужик? Мужик есть для всех людей материал питательный, сиречь — съедобное животное[17].

---

[16] Горький М. Емельян Пиляй // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 1. М., 1949. С. 88.

[17] Горький М. Проходимец // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. М., 1950. С. 337.

Можно ли было, читая эти строки 40 лет назад, предполагать, что мы начнем действительно раздевать деревенского мужика, опустошая его амбары с хлебом, уводя скот, и разорять домашнее хозяйство до последнего зипуна? Какая еще нужна школа, чтобы уметь претворить это в жизнь?

Одно время критика произведений Горького сопоставляла с романом Достоевского «Преступление и наказание» героев-убийц из подвалов приволжских городов, выведенных Горьким в романе «Трое». Но мне думается, в психике здесь глубокая разница. Раскольников, убив старуху, все последующее время мучается за свой поступок, у Горького же на награбленные деньги убийца открывает торговую лавочку и нисколько не терзается угрызениями совести. Точь-в-точь, как делается теперь: оберут, разорят человека, а затем спокойно жуируют на награбленные ценности. Сравнивая Горького — страдальца за судьбу угнетенных царизмом людей с писателем Горьким теперешнего времени, я не вижу в нем ни тени какого-либо сходства между собой.

Из статьи Горького, напечатанной в газете «Известия» от 19 декабря 1931 года, можно заключить, что читатели из глубинных мест России беспокоят его своими письмами, запросами и советами. Так, один советует ему «взять палку, надеть котомку и походить пешочком, поглядеть». Совет, безусловно, правдивый и полезный для бытописателя и исследователя действительного положения дел в разных уголках современной России. Так и поступали у нас Глеб Успенский, Златовратский, Левитов, Якушкин и другие писатели-народники, но Горький в своем ответе вертится, как бересто на огне. Он пишет, что ему нет времени для прогулок, что в свое время он достаточно погулял и видел, в каких отчаянных каторжных условиях, в какой нищете жило крестьянство, он знает, что 50 лет назад мужик ходил с сошкой, а по пятам за ним — семеро с ложкой и т[ому] п[одобное]. А пойди бы Горький (не теперешний, а прежний) по всем весям и градам, не брезгая и Сибирью, и он бы увидел на месте, в каких теперь условиях живет русский народ и крестьянство, как он довольствуется советским пайком, а по-прежнему — милостыней, как на его шее сидят и грызутся не семеро, а целая армия тунеядцев, именуемая ВКП. Он увидел бы, как эти три буквы истощают страну своими никому не нужными перестройками на социалистический лад. Здесь, на местах, он услышал бы подлинный голос хозяина русской земли и на основании его, и только тогда, мог выступать в печати его именем, но он знает и чувствует, что тогда придется сказать всю правду, честно и открыто заклеймить своим авторитетом все творимые по стране безобразия, издевательства над народом, все новые крепостнические приемы, применяемые в государственных производственных организациях, и конечно, тогда уже ему не придется так хорошо и спокойно

жить под крылышком коммунистической партии, приютившей его в награду за его ренегатство пред родиной, тогда, пожалуй, чем черт не шутит, попадешь туда, куда царский Макар и телят не гонял. Вот Горький и решил: долой все сентиментальности и свободы первых дней революционной России и да здравствует деспотизм и диктатура Сталина и К°!..

Небезынтересна будет параллель, если я позволю себе провести ее между Горьким «на заре славы» и Горьким настоящего времени, когда он стал юбиляром. Когда-то давно, кажется в 1898 году, Горький в одном из писем к своему другу художнику Репину разоткровенничался о себе в таких выражениях:

> Что же сам я после всего этого? Не знаю. Всякий раз, когда я ставлю перед собою этот вопрос, мне делается хорошо. Ибо я вижу, что никуда не принадлежу пока, ни к одной из наших «партий». Рад этому, ибо — это свобода. А человеку очень нужна свобода, и в свободе думать по-своему он нуждается более, чем в свободе передвижения. Никому не подчиняться — это счастье, не правда ли? Быть хозяином своей души и не принимать в нее чужого, нахально сорящего там свое, — это хорошо?

Затем после дружеских словоизлияний Горький пишет далее:

> Бог создет соловья и паука, слона и блоху, и — всюду он великий творец, и [во всем он] художник, везде его любовь к жизни, везде — напряженное стремление создать вещь как можно лучше, умнее и ярче. Человек во всей деятельности своей, — а в искусстве всего больше, — должен быть художествен, т. е. красив и силен, как бог[18].

А вот что отвечает он своим читателям, позволяющим себе критически мыслить на основании своего свободного беспартийного разума в некоторых своих сомнениях о совершенстве советского строя. Называя таких людей негодяями, он говорит далее:

> Сторонникам и защитникам «культурной» власти капиталистов приходится убеждать самих себя в том, что если вошь кусает задницу, так в этом виноваты не вошь и не задница, а «закон природы». Нет, виновата именно мещанская задница, привыкшая сидеть спокойно, удобно и на мягком, ведь это ею созданы и охраняются условия, допускающие существование вшей,

[18] Горький М. — Репину И. Е. (23 ноября [5 декабря] 1899, Н. Новгород) // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 28. М., 1954. С. 101–102.

> блох, микробов, нищеты, грязи, безграмотности, суеверий, предрассудков и всего, чем болеет мир трудовой бедноты, непрерывно работающей для удобства мещанской задницы («Известия», 13/XII 1929)[19].

Как видите, здесь все: и нетерпимость к инакомыслящим, и озлобленность в слоге письма — свидетельствует уже, что это говорит не прежний идеалист-мечтатель, а настоящий большевистский прихвостень, утверждающий, что «всё, что не от нас, то от лукавого».

В 1918 году в газ.[ете] «Наша жизнь» М. Горький весьма правдиво высказывает свои сомнения в прочности власти народных комиссаров по тем выводам, что смешно ждать и требовать, чтобы возвращавшийся с войны солдат, облачившись в свой крестьянский тулуп, стал внедрять в своем крестьянском быту пролетарский социализм.

> Революция погибнет от внутреннего истощения, — говорит Горький, — если пролетариат, подчиняясь фанатической непримиримости народных комиссаров, станет все более и более углублять свой разрыв с демократией. Идеология пролетариата не есть идеология классового эгоизма, лучшие учителя его, Маркс, Каутский и др., возлагают на его честную силу обязанность освободить всех людей от социального и экономического рабства. Жизнью мира движет социальный идеализм — великая мечта о братстве всех со всеми — думает ли пролетариат, что он осуществляет именно эту мечту, насилуя своих идейных врагов? Социальная борьба не есть кровавый мордобой, как учат русского рабочего его испуганные вожди[20].

Хотя идеология Маркса, Энгельса и Каутского на самом деле и есть именно идеология классового эгоизма и борьбы, но борьбы бескровной, эволюционной, приближающей время социальных преобразований, тем не менее взгляды Горького на гражданскую братоубийственную бойню под благословением Ленина были весьма справедливы, а вот сопоставляя эти слова с теми длинными статьями Горького, помещаемыми в московских «Известиях» или «Правде», каждый мыслящий человек убедится, что здесь говорит уже советский писатель, не натуралист-бытописатель, изображающий картины действительности, а редакционный жонглер, в своих эквилибристических упражнениях опирающийся на излюбленный метод классовой ненависти к капиталистической цивилизации, злобствующей на все то, что еще существует за границей и еще не переделано на коммунистиче-

[19] Горький М. Ответ // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 25. М., 1953. С. 73.
[20] Горький М. Несвоевременные мысли // Горький М. Книга о русских людях. М.: Вагриус, 2007. С. 543–544.

ский лад, как в России. Возьмем хотя бы одну из последних статей Горького под заглавием «С кем вы, «мастера культуры»?» («Известия» или «Правда» от 22 марта 1932 года). Статья эта является ответом американским корреспондентам или, вернее, всем кусающим его интеллигентам, лишенным в России возможности выразить свои мысли в печати.

Читая эту статью, становишься в тупик, о чем человек пишет, о том ли, о чем пишут иностранные газеты, или о том, что в действительности проходит у нас дома. Возражая одному иностранцу, Горький пишет:

> Буржуазия ради спокойной жизни считает себя вправе уничтожать деятельность миллионов людей. Она, разумеется, легко может уничтожить несколько десятков тысяч книг — как все на свете, библиотеки тоже в ее руках. История мешает спокойной жизни? Долой историю! Изъять из обращения все труды по истории. Не преподавать ее в школах. Объявить изучение прошлого делом социально опасным и даже преступным. Людей, склонных к занятиям историей, признать ненормальными и сослать на необитаемые острова[21].

Мне кажется, что здесь аллегория. Что Горький, иронизируя на слова иностранца, в действительности хочет рассказать, что делается у нас в СССР. Ведь, читая эти строки, поражаешься истиною, что это плоть от плоти и кость от костей окружающей нас действительности. Вспомним историю последних дней хотя бы в масштабе нашего града, где не один уже раз просеивали на советское решето здешнюю общественную публичную библиотеку, из которой не только изъяли массу классиков, непригодных для оболванивания наших детишек, а масса ценных изданий послана в утиль. Невежественные руки малограмотных в литературе людей, как я убедился на деле, просматривая отобранное в неприкосновенный фонд б-[иблиоте]ки, отбрасывали для уничтожения такие вещи по отечественной истории, как, напр.[имер], книга Корфа о Сперанском, все труды историка Сергея Соловьева и многое другое. В массе отложенных для «утиля» книг я нашел немало изданий исключительно краеведческого значения по местному краю со штемпелем музейной библиотеки. Выбрасывалась книга серьезно научная, видимо, потому, что рядом с титульным листом напечатан портрет какого-нибудь царя или генерала. «Людей, склонных к изучению истории, сослать на необитаемые острова», — заключает Горький. Как раз в данный момент пребывает в ссылке академик Платонов. У нас в Енисейске живет

---

[21] Горький М. С кем вы, «мастера культуры»? // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 26. М., 1953. С. 252.

профессор-историк Андреев[22], и кроме всего этого прошло пред нами немало интеллигентных людей, работавших до этого на поприще научного труда. А сколько людей, известных в России, вынуждены были эмигрировать за границу и только потому, что мыслят не по-советски. О таких же эмигрантах из заграницы я что-то не слышал.

Затем далее Горький говорит, что

> <…> цинизм буржуазии безграничен, допускаю одну возможность, посредством которой буржуазия может попробовать очистить себе место для спокойной жизни. На эту возможность намекнул <…> депутат Бергер в Кельне, он сказал в своей речи: «Если, после прихода Гитлера к власти, французы попытаются оккупировать германскую территорию, мы перережем всех евреев».

Передавая это, Горький отмечает:

> Эти заявления не следует рассматривать как шутку, как немецкий «виц»: европейская буржуазия в ее современном настроении вполне способна «провести закон» не только о поголовном истреблении евреев, а об истреблении всех мыслящих несогласно с нею, и прежде всего об уничтожении всех, несогласно с ее бесчеловечными интересами действовавших[23].

Снова напрашивается вопрос, на что намекает Горький, прекрасно знающий, что у нас «инакомыслия» даже среди своей коммунистической семьи не допускается?

Что касается замыслов иностранцев о проведении закона к истреблению евреев, то у нас такой или подобный ему закон, только не в отношении евреев, уже существует и помаленьку да потихоньку начинает уже действовать. Все мы знаем, что ныне на XVII партконференции решено было заняться «перевоспитанием масс» и к концу второй пятилетки в целях приближения осуществления «бесклассового общества» аннулировать остатки капитализма, «давая беспощадный отпор сопротивлению гибнущих капиталистических элементов, преодолевая их предрассудки». Как на практике в дальнейшем будет это осуществляться, мы еще не знаем, пока видим еще только «цветочки, а ягодки впереди». Началось, как я уже

---

[22] Александр Игнатьевич Андреев — преподаватель Археологического института и Ленинградского государственного университета, в 1933–1935 годах был научным сотрудником Енисейского музея, находясь в ссылке по «академическому делу».

[23] Горький М. С кем вы, «мастера культуры»? // Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 26. М., 1953. С. 253.

упоминал в своих записках, со старых золотопромышленников и людей торгового класса.

У Горького много написано еще пустословия, но это заняло бы много времени, кажется, о нем я высказался достаточно.

* * *

Ввиду того что односторонняя мысль и агитационное направление советской литературы уже достаточно опротивели мне за истекшие 15 лет, я посвящаю свободное время чтению книг из собственной библиотеки, перечитывая старых классиков и любимых авторов дореволюционного времени. Остановившись на одной из статей старого литератора и обозревателя Меньшикова, я заинтересовался в ней его довольно правдивым здравым рассуждением в вопросе о значении какой-либо идеи в человеческом обществе, если она неразрывно связана с делом лица, ее высказавшего. Вот что сказано между прочим Меньшиковым:

> Сделайте себя гражданином нового, вами желаемого общества, представителем свежей, чистой культуры и поступайте так, как будто эта культура уже наступила, и если таких, как вы, найдется много, новый мир и наступит. Тогда вы, как Моисей с горы Харива, сами увидите край земли обетованной. Апостолы христианства завоевали своим словом мир только потому, что вместе с тем были и его подвижниками. Платон и Аристотель гораздо больше извлекли из жизни Сократа, чем из его слов — говорит Сенека[24].

Мне думается, что тов.[арищи] коммунисты больше принесли бы пользы в деле пропаганды своего учения, если бы вместо хождения с портфелями по собраниям да командования над рабочими и крестьянами сами образовали бы между собой коллективное хозяйство, хотя бы в области того же хлебопашества, и на практике показали бы всему миру предпочтительность такой формы хозяйствования по сравнению с единоличным трудом. Однако за истекшие 15 лет мы ни разу не видели чего-либо подобного. Да это вполне понятно: каждый из таких коммунистов в душе сознает, что он потому и коммунист, что к тяжелому физическому труду не способен, и если таких трутней соберется хоть сотня, дело не продвинется ни на вершок, да и сами они все в конце концов перессорятся. Пробовали было три семейных зава из интеграл-союза, жившие под общей крышей, объединиться в домашнем хозяйстве все одной семьей, но на вторую же неделю жены их передрались у кухонного очага, и супругам пришлось коммуну свою ликвидировать.

---

[24] Источник цитаты установить не удалось.

* * *

«Дни нашей жизни» в Енисейске бывают иной раз очень обильны разнообразием всяческих событий, грустных и забавных. То слышишь, как такого-то имярек привлекли по такой-то статье, чтобы приговорить его на суде к крупному штрафу в расчете, что когда он этот штраф не уплатит, описать и взять его дом, очень приглянувшийся одному из начальствующих, то штрафуют попа за то, что он пошел по вызову к больной напутствовать без разрешения врача, так как в доме этом тиф. Это называется у нас ударное время мобилизации средств. А вот случившаяся недавно на наших глазах история на почве религиозной общественности не поддается объяснению ни материалисту, ни церковнику. Дело в следующем. В местной Троицкой церкви вакантное место священника занял один из бывших ссыльных иереев, вооруживший свою собратию против себя тем, что во время священнослужения не упоминал имена патриаршего кандидата митроп.[олита] Сергия и архиерея Павла. Вдруг священника этого арестовывают и немедленно высылают <в одно из селений района>[25], тем же потом угрожают и его заместителю, также пропускавшему в своих молениях эти имена. После этого при выборе следующего кандидата в церковные настоятели церковный совет счел нужным предварительно испросить согласия ОГПУ и горсовета и уже по получении такового решил пригласить намеченное лицо.

Ну не забавно ли все это с точки зрения современной действительности? Вместо епархиального архиерея духовенство выбирает советская власть — безбожники, а архиерей только после этого благословляет на служение.

Вот вам и закон 1918 года об отделении церкви от государства!..

А вот и еще картинка из той же сферы духовных отношений, где советская власть является в роли духовного лица, так ненавидимого коммунистами. Один паренек-спецпереселенец, или «пострадавший от бедноты», как разъясняет их ГПУ, поженился на девушке-спецпереселенке и свой брак закрепил в загсе[26]. Является на участок комендант (прежний земский начальник, а теперь особый тип из ГПУ, содержимый на 5% отчисления от зарплаты этих несчастных невольников и командующий ими на правах верховного лица) и задает вопрос: на каком основании без его разрешения допущено это бракосочетание этих хотя бы и любящих друг друга сердец? А так как такого разрешения не оказалось, то новобрачный супруг направляется работать в тайгу, а молодуху посылают на совхоз, и, т.[аким] обр.[азом], брак расторгается.

[25] Подписано карандашом поверх зачеркнутого «в с. Каргино».
[26] У Миндаровского — «в заксе».

Как думаете, читатель, не напоминает ли этот факт исторические времена крепостничества, когда «барин» давал такие разрешения на брак и брал молодуху себе на первую ночь? Далее, не похоже ли это обстоятельство с формальной стороны на также исторические правила св.[ятых] отцов церкви, нарушение которых, т.[о] е.[сть] канонов, каралось епитимией и даже расторжением брака? (Прочтите со вниманием Апокалипсис и скажите, не знамение ли это времени, предвещающее перерождение зверя?)

Если присмотреться к современной жизни и к тем мероприятиям совет.[ского] правительства, какие иной раз приходится наблюдать и переносить многим на своем хребте, то невольно напрашивается сравнение с явлениями, взятыми целиком из истории русской церкви первых времен христианства. Напр.[имер], по церковному уставу старообрядцев первый церковный месяц, как и у иудеев, был сентябрь как время снятия жатвы плодоносного лета, для покрытия ею потребностей государства, согласно постановлению римского императора Августа Кесаря, собиравшего с народа подати по пятилетиям сначала железом и медью, потом серебром и, наконец, золотом! Разница с мероприятиями сов[етской] власти лишь та, что в Сибири сбор трудовых крестьянских с[ельско]х[озяйственных] произведений начинается месяцем позже в силу географических условий страны, а для извлечения из народного кармана остатков национальных богатств пятилетки распределены в обратном порядке: в первую пятилетку собирается золото, еще год, и ОГПУ займется изъятием серебра и в последнюю очередь железа и меди. Хотя «Утиль» не гнушается этим и теперь. Не правда ли, дорогой читатель?

* * *

На днях прошел пред нашими глазами районный съезд уполномоченных делегатов местного ЦРК «Самопомощь». По обычному порядку слушали доклады о деятельности правления, о ее видах и планах на будущее время, по обыкновению розовые и утешительные. Немного поволновали свои нервы прениями, а затем, усталые и утомленные, «единогласно» все утвердили. Кормильцы наши, коммунисты, к которым мы протягиваем руки за подаянием, нам объяснили, что в наступающей 2-й пятилетке будет приобретена племенная свинушка, которая принесет двенадцать поросяточек, поросяточки вырастут — принесут еще по двенадцати, и так получатся целые гроссы. Нам, Иванам-дурачкам, приводили цифры прогрессивного роста пайщиков и паевых взносов, показывали, как растут обороты кооперации и как под напором последней исчезают частник и спекулянт. Все это мы слушали и с этим молчаливо соглашались, хотя каждый про себя понимал, что в пайщики кооперации гонит необходимость, ибо, не будучи членом таковой, не получишь и куска хлеба. Торговые обороты не растут, а со-

кращаются по мере сокращения предметов купли-продажи. Увеличение же цифры оборотов объясняется падением курса советского рубля на рынке, благодаря чему растет в цене жизненная продукция, а исчезновение частника и спекулянта объясняется неимоверными налогообложениями его, а совсем не кооперацией. Наоборот, дайте свободу торговле, и кооперация тогда закрывай свою лавочку. Если она еще держится, то только благодаря государственной монополии, данниками которой мы все состоим.

Не скрыли товарищи-кооператоры и своих недочетов как в технической части аппарата, так и по части затруднений в деле снабжения своих пайщиков продовольствием, одеждою, обувью и другими жизненными предметами, необходимыми как вода или воздух. Говорили, что они все еще учатся, и никто ведь не пожалел их в природной малоспособности к учению, тем более что за 15 лет даже самые тупоголовые ученики при известном прилежании университеты кончали. В заключение 15 раз говорилось, что если бы все пайщики внесли свои паи на 100 процентов, то в новом пятилетии могли бы иметь все необходимое, как будто бы все те недостатки и полуголодное существование, которые переносит население СССР, являются исключительно причиною слабого поступления паевых взносов в кооперацию, а не есть результат правительственной механики, убивающей страну.

Когда я по любопытству прихожу на все подобные собрания, мне почему-то всегда приходит на память знаменитая сказка из сочин.[ения] А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», и мне думается, в конце социализма нашего не уподобимся ли мы той старухе, которая оказалась у разбитого корыта.

На съезде я видел много лиц интеллигентных, довольно неглупых и практически опытных. Все они мастера говорить, но все речи и разговоры их мне показались какими-то деланными, безжизненными и безнадежными, как бы декорация, дополняющая собой картину даваемого на театральной сцене представления.

Поработившая всё и вся диктатура пролетариата, не допускающая никаких суждений о существе советской политики, разумеется, и на этот раз свела все к шаблонному квасному патриотизму вроде пресловутых: «соцсоревнования», «ударничества», «разъяснительной» да «массовой работы» и т.[ому] п.[одобных] выкрикиваний да лозунгов, которыми кишмя кишат на каждом шагу все стены и окна правительственных мест и учреждений. Самообольщение и самообман — вот пароль нашей жизни, которыми живешь ты,

неумытая Россия,
и ты, подавленный народ[27].

[27] Автор неточно цитирует стихотворение М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия».

Есть ли еще где на земном шаре страна настолько варварская, что лишала бы свой народ самого существенного, данного природою права — права на кусок хлеба. Где бы человек обрекался на медленное голодное вымирание только потому, что он по социальному происхождению своему не крестьянин и не рабочий или по состоянию своего здоровья не способный работать.

Ныне в № 338 в московской газете «Известия» была напечатана специальная статья под заголовком «Лишите прогульщика и спекулянта возможности получать продукты и товары». Вот вам лучший показатель, куда мы идем. Дожив до 65-летнего возраста, я никогда в своем Енисейске не видал такого наплыва нищенствующих за куском хлеба людей, совершенно молодых по своему возрасту, изнуренных на вид. Работать физически они не могут, потому что голодны и обессилены, а власть им говорит: «Сначала заработай, а потом получишь хлеб».

На днях к нам входит женщина и предлагает узел шерсти в обмен на отруби. За неимением отрубей домашние мои предложили обменять на печеные ковриги, и женщина не согласилась, говоря: «Ребята напустятся на хлеб и скоро его съедят, а с буханкой из отрубей они проживут лишний день». Вот вам картинка текущих дней! Что же из этих детей будет в будущем при таком питании? Вот они, советские кадры, о которых так много говорят и пишут советские «казенные перья».

* * *

Опасайтесь сыпного тифа[28]

На эпидемическом фронте появляются сигналы о неблагополучии.

Это заставляет нас заострить внимание общественности на профилактических мероприятиях против сыпняка.

Прежде всего необходимо, чтобы каждый гражданин знал, что сыпной тиф разносится вшами, поэтому каждый должен бороться со вшивостью. Каждый должен знать, что чистота — лучшее средство предохранения от вшивости. Поэтому нужно еженедельно ходить в баню и менять белье, мыть голову чаще, прочесывать ее хорошим гребнем, а лучше стричь совсем волосы.

Если завелись вши, надо уничтожить их.

Запускать вшей нельзя — вошь быстро размножается и, переползая с одного человека на другого, распространяет смертельную заразу.

Те общежития, где только появится вошь, необходимо подвергать тщательной дезосанобработке.

Райсанврач В. Соломинский

---

[28] Вклеенная в рукописный текст газетная вырезка (За большевистские темпы. 1932. № 78).

Какой прекрасный добрый совет дает нам молодой доктор советской обработки! Еженедельно ходить в баню. Это в Енисейске, где частных и домашних бань нет совершенно или на весь город разве найдется десяток. Коммунальная же баня одна с пропускной способностью не более 200 человек в сутки. Это значит, что 6000-е население города может помыться в бане только раз в месяц.

Менять белье, которого у большинства нет даже на одну смену и купить негде. Кооператив же отпускает не более 3-х метров на человека в год, а мыло не отпускается в норму уже 4 месяца. Чесать голову хорошим гребнем, которых уже год как нет и в продаже ни в одном из магазинов города.

Опять самообман и самообольщение. Совет Соломинского напомнил мне давно когда-то прочитанный в «Стрекозе» анекдот, как один врач советовал больному туберкулезом ехать в Пятигорск на теплые воды, а когда больной сказал, что он нищий, то доктор только пожал плечами.

Здесь у Соломинского интереснее всего заголовок: «Опасайтесь сыпн.[ого] тифа», так как есть какие-то сигналы на эпидемическом фронте.

В прошлом году, как мы знаем, такими сигналами явились спецпереселенцы, которыми перегрузили город, прежде чем узнать, есть ли в нем достаточный жилищный фонд. Ныне таким сигналом является ГПУ, запрудившее арестованными все постройки усадьбы Баландина. У арестованных вымогают золото, нужное для восполнения разграбленных запасов страны, и, чтобы скорее выдавить из арестованного признание, их держат в невозможных условиях на хлебе и воде полуголодными, полуодетыми, в тесных и душных помещениях, благодаря чему уже есть случаи заболевания голодным сыпняком. Значит, начальство тиф искусственно вызывает, а врач советует лишь остерегаться. Замечательно, хорошо!

* * *

На днях попалась мне в руки брошюра Круссера под заглавием «Сибирские областники»[29], изд.[анная] в Новосибирске в 1931 г. Теперь путем наблюдений и живых примеров удивляться не приходится, когда видишь, как «прелюбодеи мысли и слова», чтобы заслужить себе кличку писателя-активиста и ради получения хорошего пайка, не останавливаются в своем усердии пред властью ни перед чем, хотя бы им пришлось вылить ушат грязи на головы старых революционеров («так было и так будет»), всю свою жизнь посвятивших нуждам Сибири и ее демократии, имена которых, как, напр.[имер], Потанина и Ядринцева, уже вписаны в историю Сибири золотыми буквами. Книжка Круссера, поставившего пред собой задачу, насколь-

[29] Круссер Г. В. Сибирские областники. Новосибирск, 1931.

ко возможно, очернить значение сибирского областничества с точки зрения марксизма, вошедшего ныне в права гражданства, нашла себе достойную оценку в статье его коллеги т.[оварища] Гудошникова, помещенной в № 1 за 1931 год иркутского журнала под названием «Будущая Сибирь»[30].

Хотя время для беспристрастной и справедливой критики сибирского областничества, наступившее было после февральских дней 1917 года, теперь уже миновало (полагаем, небезвозвратно), однако сколько бы современные писатели «от станка» ни пытались над выяснением его политической роли в экономике Сибири, выводы их не могут сослужить историку серьезным материалом для будущей истории Сибири. С какой бы точки зрения ни смотреть на областников, родоначальниками коих являются Потанин и Ядринцев, будущему историку придется согласиться с тем, что это были прежде всего коренные сибиряки по своему рождению. Вскормленные и взращенные на родной почве, они посвятили свою деятельность достижению Сибирью лучших дней для ее экономического и социального развития. Люди эти с полным правом носили в себе присвоенное им название патриотов Сибири. Современный коммунизм не любит областников за их мелкобуржуазность и за то, что на своем знамени борьбы с царизмом, под защитою которого шла эксплуатация Сибири капиталом метрополии, они ставили идейную борьбу, а товарищам надо, чтобы у них в руках были нож и топор.

Областничество определенно доказало, что, прежде чем пропагандировать лицемерную ложь какого-то международного братства трудящихся, надо уметь любить свою семью, свой очаг, свою родину. Один из славных сынов Сибири поэт Омулевский достаточно ярко и убедительно доказал это следующим четверостишием:

Люби страну свою не той пустой любовью,
Что с звуками речей уносится, как дым, —
Ты жертвуй для нее и плотию, и кровью,
Делися с ней умом и разумом своим[31].

Природа областничества не классово-буржуазная, как старается доказать т.[оварищ] Круссер, а чисто вольнонародная, демократически внеклассовая.

---

[30] Гудошников М. Классовая природа областничества (По поводу книги Г. Круссера «Сибирские областники») // Будущая Сибирь. 1931. № 1 (октябрь). С. 100–105.

[31] Омулевский И. В. Когда ты вырастешь со временем большая… // Полное собрание сочинений Омулевского (И. В. Федорова). В 2 т. Т. 2 / 2-е изд.; под ред. П. В. Быкова. СПб.: Изд-е т-ва А. Ф. Маркса, [1906]. С. 295–296.

«В Сибири, — писал Потанин, — есть только одно местное сословие, крестьянство, к которому нужно еще прибавить немногочисленное мещанство и казачество». Сами апологеты областничества происхождения ничуть не буржуазного. Потанин вышел из рядов казачества, а Ядринцев — сын мещанина.

Если во 2-й половине XVIII века на известном Екатерининском соборе сибиряки показали себя сторонниками монополий в торговле и крепостничестве, то спустя столетие Ядринцев как выразитель направления нарождающейся тогда сибирской интеллигенции писал, что экономическое благополучие Сибири состоит в даровании ей широких прав по самоуправлению, свободе народной производительности и промышленности, свободе передвижений и прекращений ссылки в Сибирь. Это необходимо было в интересах всех сибиряков без различия сословий, а не для капиталистов Сибири, как силится доказать Круссер.

Тот, кто знаком с произведениями Ядринцева, никогда не скажет, что это был буржуазный писатель, наоборот, все его мысли и слова выражают глубокую ненависть к «кулаку» и «чумазому».

По соображениям Круссера, не лично его, конечно, а по соображениям марксистской программы, этого нового евангелия изуверской секты коммунизма, областничество потому буржуазно, что оно стремилось пересадить буржуазную теорию российского капитализма на сибирскую почву. Допустим, что это так, однако это отнюдь не говорит за то, что областники разделяли взгляды метрополии в деле эксплуатации рабочего класса промышленностью. Это скажет всякий, кто хоть сколько-нибудь знаком с их программою федеративного устройства в Сибири. Круссер, понимая это, стоит на совершенно другой позиции. Ему как советскому прихвостню нужны насильственные меры, совсем уничтожить веками выработавшийся государственный строй в народном хозяйстве, чтобы вместо его насадить коммунизм. Областники же как люди в подавляющем своем большинстве зрелые и положительные пророчески понимали, что передача государственного аппарата в руки невежественной черни повела бы страну к экономическому развалу и полному политическому порабощению ее населения, разумеется, всячески противодействовали этому, почему и стояли и на стороне Сибирского временного правительства, и на стороне Колчака, взявшего власть, чтобы спасти Сибирь от ига коммунизма. И областничество, как видит читатель, оказалось первым. Теперь мы наглядно видим, к чему привела страну коммунистическая власть. В своих записках на основании откровенности Сталина я уже говорил, что та отчаянная борьба 1917–1919 годов, в которой большевики-коммунисты на лжи и обмане русских рабочих и кр[естья]н стремились к захвату власти в свои руки, нужна

была им для того, чтобы, устроившись самим потеплее, управлять Россией как стадом баранов, собранных в загон.

Теперь коммунистическая власть старается свести на нет это общественное движение сибиряков, чтобы выгоднее показать себя как якобы каких-то творцов нового нарождающегося человеческого общежития. С этою целью она устами верного ей пуделя Круссера на стр[анице] 61 его книжки говорит, что «областники и Колчак пошли в одной шеренге». Это неважно, что адмирал не совсем доверял деклараторам, что его «господа офицеры» иногда пристреливали неблагонадежный, как им казалось, областнический элемент и что «дряхлеющий Потанин» обращался к сибирякам с горячим словом призыва идти и встать на защиту своей родины от «злых и беспощадных» людей (большевиков).

Действительно, 1917–1919 годы были ужасным временем народного озлобления, среди которого погибло немало нужных и полезных для Сибири людей. Это был дикий период шатания мыслей и людских страстей, и почетный 85-летний старик-сибиряк, до гроба сохранивший зрелость своего ума, опираясь на свой авторитет в интеллигентной среде, со слезами на глазах пытался умиротворить разбушевавшиеся страсти. Он чувствовал и понимал, в какую пропасть и смертельную опасность попадет страна, если управление ею окажется в руках этой преступной и варварской олигархии.

«Господа офицеры пристреливали неблагонадежный, как им казалось, элемент», — говорит Круссер, а разве за истекшие 15 лет большевистского самодержавия мало расстреляно «чекой» и ГПУ видных революционеров-сибиряков, также неблагонадежных, как им казалось с их точки зрения? В момент, когда я пишу эти строки, в неотапливаемых подвалах ОГПУ г. Енисейска на каменном полу томится на хлебе и воде некто И. Н. Кайдалов, бывший торговец из с. Ворогова. Как враг царизма он в годы первой революции оказывал политсс[ыльным], следуемым в Туруханский край, разную помощь, снабжал без разрешения власти ружьями и охотничьими припасами, скрывал многих от розысков администрации и, наконец, распространял по району нелегальную литературу. За это в 1907/[190]8 гг. почти год просидел в царской тюрьме. И вот в знак благодарности за все это он обречен теперь на медленную мученическую смерть от холода и голода, быть может, теми самыми типами, которым он делал добро.

* * *

Вчера на пленуме горсовета при обсуждении доклада заведующего музеем о произведенном ремонте в нем и перестановке экспонатов возник весьма важный вопрос об исключении из названия музея имени его осно-

вателя Алекс.[андра] Игн.[атьевича] Кытманова, которое музею присвоено было старокупеческою город.[скою] думою после его смерти в ноябре[32] 1910 года ввиду заслуг покойного пред городом своими научными трудами, вложенными в историю Енисейско-Туруханского края.

Все бы ничего, если бы Кытманов не был сыном золотопромышленника и не был прикосновенен сам к золотопромышленности. Будь он просто таежный спиртонос или притонодержатель, как Фефелов, в честь которого наименована одна из улиц города, тогда другое дело, а то сын богача, на буржуазные деньги получивший образование, и сам жил буржуем, и будет носить свое имя наряду с пролетариатом, ну не позор ли? К черту его и заслуги, то ли дело вор и сводник в доме терпимости, как тов.[арищ] Фефелов.

[32] Над строкой карандашом вписано «5/XII».

1934 год, 3 июля

Пропустив в молчании около двух лет, я снова сажусь за продолжение моих записок, насколько тянутся мои годы, работает мысль и свободные дни «отпуска» позволяют это. Скажу по совести, что прожитое енисейское время ничем существенным не отличалось от предыдущих, разве только тем, что паек рабочим и служащим был еще сокращен, так что я вместо 16 к[ило]гр.[аммов] муки стал получать 14, а с июля месяца 1933 г. спустился на 8 килогр.[аммов], и это по должности бухгалтера, т.[о] е.[сть] «ответственного лица». Это уже показывает, куда мы идем при сплошной почти коллективизации в нашем районе, как будто бы, судя по газетам, повсеместно вошедшей в права гражданства. Осенью прошлого года мне довелось побеседовать с давно знакомым мне мужичком, председателем колхоза, и послушать его, как он «из мата в мат» пушил свой колхоз и свою власть, под давлением которой он вынужден был из единоличников стать колхозником, а когда я послушал его случайно на колхозном собрании, он весь стоял за «проведение конкурса, соцсоревнование и ударничество», т.[о] е.[сть] лозунги, стоящие теперь на первом плане. Вот тут и узнай русскую натуру: где и с кем он твой? Только выход его из колхоза зимой 19[3]3/[193]4 годов за неудовлетворенность расчетом по трудодням дает понять, что он далеко не сторонник колхозов.

В свете такой обстановки и взглядов самих крестьян надо оценивать и всю жизнь колхозных деревень района.

Заношу в свои записки следующий эпизод, имеющий тесную связь с вопросом о питании — этим злободневным и для[1] нас, старых людей, непонятным состоянием. В июне м[еся]це [19]33 года от опухоли ног умер один рабочий, некто Бабиков, много лет работавший в пожарной команде на обязанности трубочиста в домах по Енисейску. Болезнь эта, будучи распространенною у нас в последнее время, объясняется многими, да, кажется, и медициною, как результат недостаточного питания организма. Так ли это в действительности, утверждать не берусь, но факт тот, что Бабиков получал 80 руб[лей] в м[еся]ц, имел на своем иждивении 5 чел.[овек] детей и жену, довольствовался 8 килогр.[аммами] хлеба на м[еся]ц и половиной на семью — всего, следовательно, два пуда на месяц; естественно, прожить с семьей на эту «норму» не мог. Купить недостающее количество по цене 100 руб[лей] за пуд у крестьян он был не в состоянии, и вот пома-

[1] У Миндаровского — «до».

леньку подтачиваемые голодовкой силы угасли. Профсоюз, членом которого состоял покойный, приняв похороны на свой счет, проводил своего собрата с музыкой до могилы и тем самым очистил свою совесть. А я спрашиваю, логично ли довести человека до голодной смерти, а затем оказывать ему общественную почесть, очищая этим свой хвост и умалчивая о ненормальностях человеческой жизни в советской стране? Казалось бы, естественный долг союза состоял в том, чтобы оказать товарищу всемерную помощь к более нормальному его существованию с семьей, чего он, разумеется, сделать был не в состоянии, не имея у себя в запасе хлеба, и потому ограничился музыкой у трупа.

Неестественное, я бы сказал, подневольное состояние современных профсоюзов под пятою «диктатуры» сейчас сказывается во всем. Когда-то во времена Николая I Россия считалась «служилым государством» (вернее, при Петре I), и «если государство, создавая и воспитывая для себя служилых людей, возлагало на них известные обязанности и учило только тому, что было нужно для государства», как пишет в своих воспоминаниях писатель Н. В. Шелгунов, то является невольно вопрос: а что же представляют из себя теперешние «служилые люди» (профсоюзы), которых также считают оплотом государства социалистического, значит свободного во всех отношениях, и все-таки «творящих волю пославшего их», а не живущих своим умом? Когда-то Писарев пропагандировал необходимость самостоятельной работы мысли в каждом человеке, а где же она теперь? Не живут ли нынешние профсоюзы по той же указке, как было при Николае сто лет назад?

Д. Антошкин в своей книге «Профессиональное движение в России» профсоюзы называет «высшей формой экономической организации пролетариата, основной его базой в деле организации общества на новых, социалистических началах». Если это так, то насколько же высока и властна должна быть роль этих союзов в решении важных вопросов народного хозяйства в стране. Однако что же приходится наблюдать в действительности?

Когда весною прошлого года в низовья Енисея послан был караван судов из числа Енисейского речного флота, то в половине пути ему пришлось догнать низовый ледоход, идти в который, очертя голову, команда не решилась и на общем собрании своем решила обождать, о чем и сообщила радиотелеграммой в Красноярск, откуда так же срочно получается приказ, невзирая ни на какие препятствия, продолжать путь. В результате одну из баржей, наполненную пассажирами, оторвало и понесло в самую гущу льда на волю стихии, а часть судов подверглась аварии. Что стало далее, мы и до сих пор хорошенько не знаем, кроме выезда всех «властей» к месту ава-

рии. Словом, на этом примере нам вполне понятна теперь и причина гибели Челюскина, также, по-большевистски, как теперь принято рассуждать, залезшего во льды на явную себе смерть. Это наше предположение тем вероятнее, что моряки — герои, чествуемые повсюду, предвидя свою опасность еще до аварии, позаботились вытаскать все необходимое продовольствие на верхнюю часть корабля.

Когда слышишь о всех этих «крушениях», авариях и т[ому] п[одобном], то перед тобой невольно становится вопрос: во имя чего все это творится? Зачем так легкомысленно бросаются миллионы народных средств, образующихся из той «прибавочной стоимости», которую дает государству мускульная сила полуголодных русских людей, состоящих из тех же членов профсоюзов и подневольных рабов из лагеря так называемых лишенцев?

Как бы низко ни ценилась теперь человеческая жизнь и сколь бы дешевы ни были те ценности, какие создает человеческий труд, все же, мне думается, следовало бы поберечь этот живой инвентарь государства, как бы плодовит он ни был.

Неужели всероссийские помещики из Московского Кремля настолько уже обнаглели, увлекшись своими вивисекциями, творимыми на человеческом теле, что не на шутку рассуждают, «не дорого дано, не больно жаль», и ради создания себе шумихи вроде разных «чествований» посылают дикие приказы и инструкции исполнять порученное дело, не считаясь ни с какими опасностями или экономией, а делать, как велят? Разумеется, и делается, так как лучше погибнуть с честью на обязанности службы, чем подвергать себя расстрелу за неисполнение от руки какого-нибудь ГПУ.

* * *

Когда я прочитал № 193 газ[еты] «Известия» от 5 августа 1933 г., посвященный истории сооружения Беломорского канала, то мне вспомнился Достоевский, именно то его место из «Братьев Карамазовых», где имеется в виду постройка Петром I С[анкт-]Петербурга, и о котором он в своей речи о Пушкине, сказанной в 1880 году, передал в следующих словах:

> И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых вы строили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастие, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно и несправедливо замученного, и, приняв это счастие, остаться навеки счастливыми?[2]

[2] Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 26. Л., 1984. С. 142.

А что в этом грандиозном сооружении погибла не одна тысяча человеческих жизней, то это не подлежит сомнению, если принять во внимание наши пресловутые лесозаготовки или постройку приисковой дороги в 1929–[19]30 годах, передаваемые очевидцами. Справедливость требует сказать, что и в прошлом такие громадные по масштабу работы, как, наприм[ер], проводившаяся на моей памяти постройка Кругобайкальской ж[елезной] д[ороги] или «Амурки», усеяны были грудами человеческих костей, но тогда, по крайней мере, кормили как следует и слабосильных прикладами не подгоняли.

Наш советский запевало Алексей Максимович хотя и утверждает, что все работали с небывалым энтузиазмом и многие даже из мобилизованных «кулаков» перевыполняли свои задания, но цену всех этих перевыполнений мы уже давно знаем по нашей енисейской практике. В то же время допускаем, что, возможно, система работ была другая, т[ак] как там ближе к центру, не то что в нашем медвежьем углу, где все с рук сходит. Но как бы там ни было, новое чудо советской техники остается только приветствовать.

* * *

Был человек, облик которого покрыт был ореолом коммунистической святости, Степан Ильич Накладов из дер[евни] Маклаковой, о котором как человеке, пропитанном особой кровожадностью, я уже говорил в начале своих записок, все эти годы был кумиром енисейской партизанщины, и вдруг ни с того ни с сего повисла над ним тяжелая туча.

Вдруг откуда ни возьмись в краевом органе «Будущая Сибирь» появляется статья о восстании в городе Енисейске в 1919 году[3], где автор называет этого «бойца» «дезертиром фронта». Этого было достаточно, чтобы, несмотря на последующее разъяснение на эту статью[4] начать, т.[ак] сказ[ать], «кампанию».

Местная газетка «ЗБТ»[5] («зуботычина», как ее некоторые называют), помня крыловскую басню с изречением «и я его лягнул, пускай ослиное копыто знает», поместила прилагаемую статью о разоблачении Накладова, и с этого началось «дело».

Те из енисейцев, кто к приходу советской власти в 1919 г. был в зрелом возрасте, вероятно, помнят в Маклаковой содержателя вольной почты старика Накладова, не столько хлебопахаря, сколько ямщика-подрядчика,

---

[3] Вегман В. Восстание енисейских рабочих против колчаковской власти // Будущая Сибирь (Иркутск). 1932. Кн. 3. С. 81–86.
[4] Вредная история // Будущая Сибирь (Иркутск). 1932. Кн. 4–5. С. 126–127.
[5] «За большевистские темпы» — газета Енисейского райкома ВКП(б), райисполкома и райпрофсоюза.

В. ВЕГМАН

ВОССТАНИЕ ЕНИСЕЙСКИХ РАБОЧИХ ПРОТИВ КОЛЧАКОВСКОЙ ВЛАСТИ[1]

НА БОРЬБУ С КОЛЧАКОВЩИНОЙ

Как только эсеры и меньшевики, при содействии чехо-словацких штыков, свергли в июне—июле 1918 г. советы в Сибири и установили свою, так называемую „демократическую власть", оставшиеся на свободе большевики повели подпольную борьбу за свержение этой контрреволюционной власти. В августе 1918 года представители сибирских подпольных большевистских организаций собрались в Томске на конференцию для обсуждения способов борьбы с контрреволюционными захватчиками.

„Задача рабочих Сибири—это вооруженная борьба за восстановление советской власти",— гласит первый пункт резолюции, принятой на этой конференции по докладу о текущем моменте.

„Вооруженное восстание рабочих и солдатских масс в городах и крестьян в деревне, проводимое в сибирском масштабе,—такова ближайшая задача партии в Сибири",—подчеркивается в другой резолюции.

И после конференции подпольщики разъехались на места, чтобы заняться работой по организации вооруженного восстания. Но эта организационная работа, проводимая в тяжелых условиях, несколько затянулась. Тем временем ставленник Антанты, адмирал Колчак, поддерживаемый монархической военной кликой и махровыми черносотенцами, успел разогнать убогенькую эсеро-меньшевистскую „демократическую власть". И вооруженные восстания, подготовлявшиеся было для свержения „демократической власти", теперь уже были направлены для свержения колчаковской власти.

18 ноября 1918 года в Сибири установилась диктатура Колчака, а уже через месяц и четыре дня, 22 декабря, произошло изумительно смелое восстание омских рабочих. При помощи войск интервентов Колчаку удалось подавить это восстание. Подавление сопровождалось жестокими и зверскими избиениями повстанцев. Колчаковцам казалось, что кровавая баня, учиненная над омскими рабочими, навсегда отобьет у большевиков и рабочих Сибири охоту браться за оружие в целях восстановления советской власти. Действительность однако, вскоре, заставила колчаковцев разочароваться в своих упованиях. Через несколько дней после омского восстания колчаковцы были встревожены новым вооруженным восстанием: 27 декабря восстали рабочие и солдаты Канска и станции Иланская. Через месяц, 26 января 1919г. восстали черно-рабочие отдаленного Бодайбо. Канско-иланское и бодайбинское восстания также были жестоко подавлены. Тем не менее большевики и рабочие Сибири не намеревались сложить оружие. Они продолжали вести вооруженную борьбу с колчаковщиной. И 6 февраля восстали рабочие и солдаты г. Енисейска[2].

ВООРУЖЕННЫЙ ЗАХВАТ ЕНИСЕЙСКА

Енисейская подпольная большевистская организация, тесно связанная с красноярским подпольным комитетом, издавна вела среди рабочих и солдат г. Енисейска, а также среди окрестного крестьянского населения агитационную и организационную работу по подготовке вооруженного восстания. Енисейцы первоначально имели намерение восстать одновременно с красноярцами в первых числах декабря 1918 г., но провал красноярской организации (10 ноября) расстроил все планы. Енисейцы решили ждать, пока спасшиеся от ареста красноярские

[1] Статья представляет собою главу из книги „Вооруженное восстание рабочих и солдат Сибири в 1918—19 гг.", выходящей в издании зап-сиб. отделения ОГИЗа.

[2] Енисейское восстание, как читатель увидит из дальнейшего текста, заслуживает исключительного внимания, и между тем оно до сей поры нашло неполное и искаженное отражение в нашей исторической литературе. Мы делаем первую попытку осветить это восстание в печати. Весьма возможно, что в наш очерк вкрались кое-какие неточности. Просим поэтому всех участников енисейского восстания прислать нам свои исправления и дополнения.

Будущая Сибирь № 3 1932 г. 6

Статья В. Д. Вегмана «Восстание енисейских рабочих против колчаковской власти» в журнале «Будущая Сибирь»

знают, вероятно, и сыновей его, первых по деревне хулиганов, благодаря военной службе ставших потом партизанами и партийными деятелями, в особенности Степан Накладов, отличавшийся особою кровожадностью, расстрелявший более 20 человек по тракту на Бурмакинской горе. Газета пишет, что енисейская партийная организация «терпела» в своих рядах Накладова, а сейчас разоблачила его. Что заставляло партию «терпеть», а сейчас «разоблачать» то, о чем известно всему городу и всей деревне Маклаковой, для нас малоинтересно, так как таких типов в партии за истекшие 15 лет мы видели немало. Интересно само по себе дело о Накладове, тот показательный суд над ним, который продемонстрирован был пред публикою в городском клубе 25–26 сентября мин[увшего] года. Лично на суде мне не пришлось быть за недосугом, но мне, сидя у себя дома, удалось прослушать по радио речи сторон и самого подсудимого, по которым и мож-

но иметь представление о сущности процесса. Привлекался Накладов как директор лесозавода «Времянка» за целый ряд злоупотреблений, а работа на партизанском фронте являлась уже вопросом попутным, скорее как заслуга подсудимого, а не вина. В «деле» выяснилась, напр.[имер], растрата продовольственного фонда и спекуляция им с целью поднятия производительности лесозавода, избиения рабочих, преждевременные смерти от голодовок рабочих, что-то около 50 случаев; одним словом, наиболее сильным и крепким при работе Накладов помогал сверх нормы, слабосильных же совсем не кормил. Характерны слова самого подсудимого: «Был я красным командиром и еще не раз буду им впереди, убил я более 20 человек всякой сволочи и, если придется, еще убью столько же». Одним словом, убежденный из убежденнейших революционеров, каким был, таким и остался и по сие время. Накладов приговорен к 3-м годам заключения и сейчас работает завхозом на совхозе Нарсвязи.

* * *

Центральные советские газеты вообще не переставали никогда трубить об «империалистическом окружении», «военной опасности» и о проч[ем], но за последнее [время] они буквально «мобилизовали» себя печатать только слухи о войне, и дальневосточный вопрос, а в частности Япония, стоит теперь грозным призраком войны. Что на Востоке дела неважны, это мы видим и по военной подготовке, и по той массе военных сил и средств, какие уже не первый год непрерывно двигаются к пограничной полосе нашей Сибири. Действительно ли война стоит на очереди или просто это маневр наших соседей, блокада, чтобы как можно скорее вести страну к экономическому истощению с целью вызвать внутреннее возбуждение народных масс, томящихся под советской диктатурой, сказать трудно, а только факт тот, что те колоссальные средства, которые идут сейчас на наши пограничные предохранительные меры, весьма существенно подтачивают наши ресурсы, делают нашу жизнь день ото дня тяжелее и затруднительнее. Мне недавно удалось встретить знакомого инженера, который еще в 1913 году работал на изысканиях проектируемого варианта Томск-Енисейской дороги, а теперь служит в Желдорстрое в Н[ово]сибир[ске], и на мой вопрос, когда же приступят к постройке дороги Ачинск — Енисейск, о которой в печати говорится как о дороге уже существующей, он ответил, что «скорой постройкой вам обольщать себя не приходится, все зависит от д[альне]вост[очной] авантюры, отвлекшей все наши средства и силы, и на это время думать о сооружении дорог местного значения нам уже не приходится». Без сомнения, объяснения этого инженера вполне правильны. Вообще, нужно сказать, нам, современникам господства молодой власти, так называемого

пролетариата, жизнь выпала нерадостная; вся эта толчея и хождение по учреждениям за разного рода справками, очереди по лавкам, полуголодный паек поизмотали всех и каждого порядочно, и лучшего в будущем ничего не предвидится, а если открыть газету, то там только одни наши успехи во всем и «гигантский рост» по всем фронтам. А по поводу войны т[оварищ] Сталин на последнем, XVII съезде уверенно говорил: «пусть-ка наши враги со своим свинячьим рылом сунутся в наш советский огород, тогда мы им покажем». Конечно, такая тактика подбадривания народных масс во время носящихся призраков военных непогод является естественной при какой угодно власти. Те же самые слова «шапками закидаем» мы слышали в первые дни Русско-японской войны, то же было и при начале последней войны 1914 года. И было бы действительно каким-то сверхъестественным чудом, если бы пророчествуемая газетами война при тех успехах техники, какие мы видим повсюду в последнее время, оказалась для нас победоносной. Скептически нас заставляют смотреть на результат ожидаемой войны многие обстоятельства и наблюдения. Как на одно из главных я бы указал на то внутреннее настроение, на то скрытое недовольство управления советской системой, какие таят в себе широкие народные массы, не проявляя их ничем конкретно, и даже как бы на деле поддерживающие существующий строй. А затем, если мы примем во внимание все те неполадки и прорывы или то «качество» производимых работ, какие нам приходится наблюдать на фоне повседневной жизни и которые не скрывает в своих статьях и советская печать, то трудно поверить, чтобы это не отразилось и в военном деле. Мне передавали из заслуживающего[6] доверия источника слух, что многие из призванных на местах своей службы обращались по своему начальству с запросом, как содержится дома их семья или отец и мать. А мы часто видим, особенно в наших медвежьих углах, — на семьи красноармейцев не обращается ровно никакого внимания; пайком обсчитывают, отца и мать, если надо, раскулачивают. Если такие вести доносятся до призванного, может ли он быть спокоен и с энтузиазмом стоять на защите своей родины?

Слово «родина»! «Как много чувств на этом слове для сердца бедного слилось»[7], — воскликнул давно один из наших поэтов. И замечательно, этой родине газеты стали помещать в последнее время целые фельетонные статьи. Вот оно что значит, когда у задней части тела наших товарищей начинает слабеть... А ведь первые годы советской власти «квасной патриотизм» и «родина» обливались потоками советской грязи. Сибирское, наприм[ер],

[6] У Миндаровского — «заслуженного».
[7] Миндаровский неточно цитирует пушкинское «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось!» («Евгений Онегин», глава VII, строфа XXXVI).

областничество в лице Потанина и Ядринцева подвергнуто было жестокой критике и осмеянию. Не территориальная область подразумевалась под словом «отечество» или «родина», а классово-интернациональный слой трудящихся — наш международный, одинаково мыслящий с нами пролетариат. И вдруг теперь устами жонглера Сталина «разъясняется», что «пяди своей земли не отдадим и чужой не возьмем и что Красная армия есть железная бронь СССР, о которую разобьется вдребезги наш враг — капитализм». Удивительная логика и последовательность сов.[етской] мысли, гибкости которой поучается молодежь!..

Вообще справедливость требует сказать, замечательное время переживаем мы, советские подданные, следящие за международной политикой и всем тем, что творится у нас. Это тем более становится любопытным, что «правды-истины и правды-справедливости» мы не знаем, а черпаем из советской прессы только одни факты; фактом, напр.[имер], мы называем д[альне]восточную эпопею, грозящую нам неприятностью, и фактом, а не чем иным, мы можем объяснить вдруг ни с того вспыхнувшее гостеприимство и визиты друг к другу. К нам едут гости, и мы летим в гости, и это в тот момент, когда атмосфера насыщена пороховым дымом, а за спиной блестит отточенный нож.

В момент, когда я пишу эти строки, газеты принесли известие о смерти 86-летнего старца германского президента Гинденбурга. Что-то даст впереди смерть этого государственного человека и какое отражение она даст на политический мир Европы?

* * *

Когда мы, стараясь уверить себя в крепнущей коллективизации и в приближающемся день ото дня полном социализме в СССР, говорим в то же время и об экономическом росте в стране, то обыкновенно окружающая нас действительность показывает другую картину нашего быта.

Еще осенью прошлого года, когда везде прокричали о разрешении свободной торговли хлебом и об открытии колхозных базаров, в Енисейске этот день был особенно отмечен. Так, напр.[имер], к этому дню горкомхоз устроил длинный навес с прилавками и особые ларьки и прилавки по ширине базарной площади. На высоком столбе временно поставлен был громкоговоритель, который и кричал на всю площадь в день открытия. Около двух возов муки, откуда-то доставленных на площадь (только не от колхозов), поместился председатель горсовета Журомский, приветствовавший этот знаменательный день своею речью, а местная газета «За большевистские темпы», или «зуботычина», как расшифровывают некоторые ее сокращенное название из 3-х букв «ЗБТ», разразилась наглой статьей;

наглой я называю потому, что в ней без стыда и совести приведено было описание дня базара из 40 возов хлеба, творогу и молока и несколько туш мяса и т.[ому] п.[одобного] вранья, как бы в полное игнорирование свидетелей-очевидцев этого дня. Сделано было это, конечно, с тою целью, чтобы и краевая газета «В[осточно-]С[ибирская] правда» подхватила это и осветила этим всю читающую публику края, празднующую этот день. Вот наглядный пример того, как информирует своих читателей советская пресса. Взялся я описать этот день, потому что прошло теперь с этого дня целых 10 месяцев, а енисейский рынок каким был ранее, таким и остался до сегодня. Муку на продажу на рынок никто не возит, и продается она по-прежнему где-нибудь на постоялом дворе от 80 до 100 р. за пуд. Мясо продается только местного убоя по 15–16 р. за кило. Картофель, правда, привозят из деревень, и цена ему зимой была 10–12 р. ведро. Также аховые цены и на другие овощные продукты питания. Вообще народившиеся коллективы знают себе цену и дерут с горожанина не одну, а подчас и две шкуры. Осоциализировавшийся кр[естьяни]н, по-теперешнему колхозник, каким был шкуродером, таким и остался. Наблюдая жизнь в советском кривом зеркале, невольно приходишь к тому выводу, что пройдут еще пятнадцать лет, и мы все так же будем «не блекнуть, не мокнуть, не куржеветь». Советский рубль покатится все книзу, а цены будут расти, будем тянуться и мы с вами, читатель. Поправлять свое положение будет тот крестьянин, который, устроившись недурно в колхозе, будет у него на счету, добившись своего положения пресловутым «соцсоревнованием» и «ударничеством», а не действительной работой в поте лица, как работали прежние хлеборобы-труженики.

Любопытно изречение современного мудреца Сталина, произведенного теперь товарищами уже в гении, сделанное им на последнем съезде советов, что ближайшая цель его политики — «сделать колхозников зажиточными». Это еще лишний раз подтверждает тот факт, что индивидуальные особенности человека, данные ему природою, служат тем зародышем общественного неравенства, на почве которого и возрос капитализм.

Значит, «зажиточность» и у колхозников будет не у всех одинакова и в конце концов приведет к тому, что кого-нибудь из них снова придется опять раскулачивать.

Мне на своем веку немало приходилось читать книг, в том числе из т.[ак] наз.[ываемой] народнической литературы, и я помню до сих пор наблюдение над крестьянской жизнью одного из народников, Боголюбова, высказанное им на одном из собраний в 1876 году.

«Вот будет хорошо-то, как землю-то мы поделим! Тогда я, одиночка, принайму двух работников да и заживу на славу», — сказал при нем один

из землеробов-крестьян. И разве из теперешних колхозников — не лодырей, конечно, а подлинных тружеников, вместо работников имеющих, напр[имер], членов семьи, — не найдется лиц с такими желаниями «зажить на славу»? Выделившись т.[аким] обр[азом] из ряда других, не попадут ли они в число сталинских «кулаков»?

Иной раз пораздумавшись над всей этой коллективизацией, невольно приходишь к той мысли, что мы пробиваем брешь на пустом пространстве. Страна живет поколениями, поколения с эпохами, эпохи захватывают собой не одно поколение. Словом, «все движется». И лишь эгоистические стремления наши, желание устроить свою личную жизнь получше никогда не видоизменяются. О том, что легче восстановить крестьянина против царя, чем убедить его в том, что не надо частной собственности, это из опыта хождения в народ вынесли сами народники-революционеры. Теперь со времени народничества прошло более чем 60 лет. За этот более чем полувековой период времени мне, современнику его, пришлось перевидеть и пережить многое, и, однако, я не могу сказать, чтобы кто-либо или где-либо отказывался от удобств личной жизни, как и удобств порядка общественного, если он согласуется с этим.

Вот мы дожили до коммунизма, и что же мы видим? Видим, как каждый партиец стремится получше устроить свою личную жизнь. Получше питаться или покомфортабельнее пожить.

Второй год я работаю в арендно-жилищной кооперации при горсовете, сущность которой состоит в том, что почти весь жилой муниципализованный фонд передается в пользование этой кооперации, а кооперацией она называется потому, что каждый ее жилец, делаясь ее членом-пайщиком и платя в ее кассу квартирную плату, относится к своему углу так же заботливо и бережливо, как относился собственник к своему дому. Поэтому на общих собраниях своей организации (жакта) жильцы сами разрешают все хозяйственные и культурные потребности своего быта, ремонт, топливо и т. п. В целях наибольшей заинтересованности в этом и молодого поколения директивами центра рекомендуется вовлекать на обязанности членов и председателей жактов комсомольцев и лиц партийного актива. Такова основная база будущего социального общежития, и что же? Посмотрим теперь, как на деле исполняется все это:

1) Сам бывший председатель горсовета Журомский при переходе на другую работу остался должным за квартиру за три месяца 40 руб. и не платит их, несмотря на посылаемые извещения.
2) Политработник из «Севполярлеса», получив ордер на квартиру и заняв комнату, уехал в командировку, а затем, вернувшись и собрав свои вещи, сел на пароход и уехал, задолжав 52 руб.

3) Агент ГПУ, прожив полгода и держа в квартире кроликов, не соблюдая гигиены и санитарии, сгноил полы в помещении и оставил после себя воза грязи и нечистот.
4) В народном суде по жалобе председателя жакта разбирались два дела, где протоколом установлен был факт поломки полов амбара и лестницы на дрова жильцами, живущими в доме.
5) В одном из жактов председатель его комсомолец Козулин взял с текущего счета жакта 175 р. и употребил их на свои надобности, скрыв это от ревизионной комиссии, а сам, прожив в квартире год, не уплатил ни копейки. Другой бы беспартийный за растрату получил бы уже три или пять лет принудиловки, а этот спокойно служит и по сие время в конторе ЦРК.

Вот вам и еще лишний пример справедливости классового судилища и социалистического общежития. Как видит уважаемый читатель моих записок, приведенные факты этим далеко не исчерпываются. Все это доказывает, что и здесь сшитый костюм приходится не по корпусу и трещит по всем швам. А каковы факты из области взаимоотношений между органами, близко стоящими к жилищному делу, и их взгляд на условия жизни членов жилищной кооперации? Посмотрим и разберемся. Хотя газетной хвастовни о строительстве вообще слишком достаточно, однако она в отношении Енисейска как населенного пункта, где живут такие же трудящиеся, никакого значения не имеет. Здесь свои законы, свои порядки и, следовательно, свой взгляд на нужды и интересы населения. Во-первых, за 15 лет существования Енисейска при сов[етской] власти не только не выстроено ГКХ ни одного дома, но даже не вбито ни одного гвоздя в городское благоустройство, и все его заботы ограничиваются обязательным постановлением о ремонтах частниками, жактами и учреждениями своих домов, о постройке тротуар[ов] и об озеленении улиц посадкою деревцов и т[ому] под[обными] требованиями, сами же управители городским хозяйством не только не заботятся о расширении в городе жилой площади, но еще приводят в негодность и ломают все то, что оставлено было в наследство от буржуазной городской думы.

Я, кажется, уже упоминал в своих записках, что за это время уничтожены десятки довольно крепких и годных для эксплуатации домов, требовавших лишь ремонта крыши или замены окладных бревен новыми. Вандализм комхоза в этом отношении дошел до того, что стали ломать каменные здания, потому что требовался кирпич, как, напр[имер], была сломана историческая старина Енисейска — гостиный двор, дававший доход городу как удобное место хранения рыбы, разного сырья и т[ому] п[одобного]. В данный момент благодаря вообще обострившемуся квартирному кри-

зису и образовавшемуся недостатку в домах некоторые из учреждений в лице их управителей стали обращаться в жилищную кооперацию или в горсовет с ходатайствами о предоставлении им квартир и даже целых усадьб, облюбованных ими и находящихся в пользовании жилкооперации, так, наприм[ер], горкомхоз, уступая просьбе педтехникума, которому нужна поблизости усадьба для общежития воспитанников, открепляет у жакта усадьбу, наполненную жильцами, и в срочном порядке требует переселения их по другим помещениям, не принимая во внимание того обстоятельства, что жильцы эти в расчете на спокойное житье в своих квартирах обработали в усадьбе свои огороды и уже засеяли их овощами.

Такие распоряжения город[ского] совета и комхоза не могут, разумеется, способствовать укреплению самой идеи этой организации, а наоборот, они вселяют недовольство и неприязнь жильцов к кооперации, обезличивая ее автономию. Мало того, они извращают самую основу созданной кооперации в ее стремлении к созданию более улучшенных жилищно-бытовых условий трудящегося населения, проживающего в кооперативных домах. При решении таких вопросов о собрании не извещается даже заинтересованная сторона — жакт в лице ее председателя. Вообще местные органы власти не только не считаются с жилкооперацией как учреждением до некоторой степени общественным, а считают ее каким-то филиалом, обязанным подчиняться ее распоряжениям. Ясно, что такой взгляд и такие порядки на местах ведут не к укреплению престижа жактов и никогда не воспитают в жильцах чувства привязанности к ним, когда нет на свете человека, «который мог бы быть спокойным за обедом в семье, не зная, где ему придется спать»[8].

Хотя по жалобе жилкооперации в крайисполком постановление горсовета и отменено и разъяснен путь ко взаимоотношениям, однако это еще лишний раз доказывает, сколь легка районная жизнь и тот произвол на местах для частного человека, коль скоро сами государственные учреждения страдают от него.

Итак, вопрос с квартирами в Енисейске становится злободневным явлением. Объяснить это, с одной стороны, можно бегством многих не мирившихся с колхозным строем крестьянских семейств, кинувшихся в город в поисках заработка на производстве, что подтверждает масса брошенных домов в деревнях, с другой, занятием в городе многих домов учреждениями, и это обстоятельство день ото дня все более и более дает себя чувствовать, но это сейчас, летом, когда наблюдаются семьи, устроившие себе жилье в амбарах и сараях, а что же будет зимой? И горсовету, видимо, мало горя до этого. Горсовет, предисполкома, секретарь райкома только жарят

[8] Источник цитаты не установлен.

жилкооперацию записками «дать такому-то прибывшему в город товарищу (непременно ответработнику) соответствующую квартиру», а где?.. В обсуждение этого они не входят, да, кажется, никто из них и не думает шевелить мозгами об этом. Словно все живут только сегодняшним днем. У Щедрина хоть головами «тяпали», а здесь и этого не видим.

Жилкооперации хотя и предоставлена забота о строительстве, но ей не только думать об этом, а хотя бы справиться с поддержанием взятых домов от обветшания и то задача немалая, в особенности если взирать на будущее. Дело в том, что коэффициент между квартирной платой, собираемой от эксплуатации домов и за определенными отчислениями идущей на строительство, и теми расценками на строительные материалы и стоимость работ, какие установлены в последнее время лесозаводом и Стройбюро как подрядчиком, далеко не соответствуют одни другим. По этим ценам на 20 тыс. рублей в год, какие может дать за год кооперация на 120 имеющихся у нее домов, — это капля в море по сравнению с потребностями ремонта. Вот сравнение! На двух не первой молодости домиках Стройбюро перекрыло крышу, каковая работа с материалом обошлась в 1118 рублей. Доходность этих домиков в среднем 10 руб. в месяц, или 120 р. в год, значит, учиненный ремонт погашается в 10 лет, не сбрасывая на амортизацию. А через 10 лет домики совсем развалятся. Одним словом, жилищная кооперация — это худосочное дитя социализма, как и многое другое при нашем утопическом строе. Еще 5–10 л.[ет], и Енисейск развалится окончательно. Качество производимого ремонта — лучшее тому доказательство.

* * *

Трудно обойти молчанием одну комедию из судебной хроники, прошедшую пред глазами публики в помещении профклуба в начале лета 1934 года. Обвинялся пред нарсудом как будто бы весь состав госбанка, начиная с управляющего им товарища Колбенко. В основе дела — не то растрата, не то прочет 6000 «или несколько более рублей». Из разбора дела выяснилось, что выдавались из кассы деньги по 300–400 «и более» руб[лей] по старым, бывшим уже в употреблении чекам и ордерам. Получателем были и бухгалтер, и др[угие] лица, прикосновенные [к] делу. Поправлялась только дата да сумма выдачи. Употреблять на это старые бланки вынуждало «отсутствие бумаги». На суде фигурировали как сам управляющий, так и бухгалтер — нечто вроде свидетелей, и подсудимой была женщина-контролер, беспартийная, которой суд и дал 10 лет лишения свободы. Управляющий же ограничился переводом на другое место и вскоре покинул Енисейск, а бухгалтер и сейчас служит. Ну как не воскликнуть: «Дивны дела твои, Господи!..»

* * *

Получено известие, что в Севрайоне по р[еке] Вельмо сгорели склады с заброшенными туда промтоварами и запасами фуража на большую сумму. Выехала особая следственная комиссия из ГПУ, которая, вероятно, соберет всех лишенцев и кулаков, какие окажутся живущими поблизости, как элемент, пригодный для обвинения во вредительстве, чтобы из этого материала создать дело. Не в связи ли с этим событием, как передавали, «Севполярлес» в Енисейске постановил выдать начальнику енисейской милиции премию в 500 руб[лей] за то якобы, что за год его пребывания в Енисейске у них не было ни одной кражи из складов и самые склады целы и не погорели до сих пор. Удивляться такой мотивировке не приходится.

* * *

Привожу обязательное постановление Енис.[ейского] горсовета от 15 июня 1934 года, небезынтересное по существу и по редакции его:

> В целях борьбы[9] с эпидемией в городе горсовет предлагает санучастку пустить дезокамеру в полное обслуживание дезообработкой. Единовременно обязывает начальника ен[исейской] пристани Козулина, зав[едующего] домтрестом Мордвинова, предгоржилсоюза Иванова, частных домовладельцев и зав.[едующего] Домом крестьянина без предъявления документа о прохождении дезобработки в Енисейской дезокамере приводить в исполнение:
>
> а) запретить продажу билетов гражданам, желающим поехать на пароходе в другие районы;
>
> б) запретить въезд в квартиры;
>
> в) запретить помещаться в заезжие дома.
>
> Обязать комендатуру ОГПУ, «Севполяртрест», «Востсибпушнину», «Енисейзолото» без ведома сан[итарного] надзора не делать передвижения групп рабочих.
>
> Виновных за нарушение данного постановления подвергать судебной ответственности. Наблюдение за выполнением настоящего постановления возложить на сан[итарный] надзор, милицию, пред.[седателей] жактов и домкомов. Подписали: пред[седатель] горсовета Григорьев, секретарь Васильев.

Разумеется, все это свелось к тому, что каждый двигающийся человек прежде всего должен был пойти в санитарную канцелярию и там

[9] Без борьбы ни на шаг, хотя бы даже и со вшами. — *Прим. Миндаровского.*

за 4 руб[ля] купить себе удостоверение, что ты «санитарную дезокамеру прошел». Но интереснее всего то, что по редакции этого постановления начальник пристани всех пассажиров, явившихся на пароходе, должен гнать сначала на вшивобойку, а потом уже отправляться по своим квартирам.

* * *

С 19 августа сего 1934 г. до начала сентября в Москве происходил первый Всесоюзный съезд советских писателей и их коллег и единомышленников, прибывших из-за границы, чтобы еще лишний раз продемонстрировать перед лицом мирового пролетариата тот «небывалый и невиданный рост и энтузиазм», которыми охвачены все слои рабочих и крестьян СССР в своей работе на укрепление социализма под руководством коммунистической партии и ее «гениального» и «великого» вождя Сталина. На съезде представлены были все народности России, за исключением разве наших туземцев и чукчей, и, само собой разумеется, среди всего этого конгломерата центральной фигурой являлся всем известный советский запевало Максим Горький.

Думается, что немало было потрачено сил и народных трудовых средств, чтобы как можно картиннее изобразить это очковтирательство, дабы показать пред лицом всего мира нашу силу и мощь, какими охвачены якобы массы рабочих и крестьян в своей борьбе за укрепление власти Советов. Недаром съезд собран в самый тревожный момент готовящейся новой драки, которая затевается на Д.[альнем] Востоке, и причиной к возможному возникновению которой являемся мы, российские люди, вспоившие и вскормившие у своей груди этот действительно невиданный и неслыханный режим диктатуры под ярмом нового многоголового деспота — коммунистической партии.

Весьма естественно, как появившуюся на теле человека злокачественную, заразительную болезнь стараются уничтожить ножом хирурга, так и грозящую распространением своей заразы коммунистическую власть, пока не поздно, наши соседи хотят убить в зародыше, оберегая себя от этой заразы.

Несомненно, учитывая это, наша советская власть, идя по стопам хвастливого царизма, стремится показать свою силу и мощь, чтобы запугать капиталистические правительства, посягающие на советский строй. И вот при торжественной обстановке съезда она выпускает на кафедру свой, советский отсев писателей, который, став у радиоприемника, от имени народных масс поет на весь мир свою песнь о росте и могуществе Советского Союза, которых на деле нигде и ни в чем не видно, о воодушевленной борьбе трудящихся за социализм, который никому не нужен, кроме разве не-

дурно устроившихся главарей этого дела. И все это проводится под маской искренности и энтузиазма, выражаемых аплодисментами.

По существу, казалось бы, о чем могли говорить между собой люди науки, этот мозг страны по нашим прежним понятиям, как только не о тех проблемах будущего и прошлого, на уроках которого учится человечество. Однако все выступавшие ораторы конец своей речи сводили к тому, что нет в мире страны столько могучей и крепкой своими внутренними силами, рвущимися в бой, как только страна Советов — СССР! В действительности же эти «силы», лишенные возможности поднять свой голос, чтобы опровергнуть эту подлую клевету, молчаливо скрежещут только зубами, сидя у своей подворотни.

Немало говорилось на этом съезде о росте советской литературы, о небывалом спросе на последнюю со стороны читателей, а в действительности, если проследить за работою библиотек, наблюдения показывают, что однообразная, с агитационным марксистским уклоном книга, лишенная содержательности и таланта автора, давно уже всем надоела, и массовый читатель, придя в библиотеку, просит дать ему старых классиков или что-либо из периодической печати старого времени. А продажу железной дорогой целых кип не выкупленной грузополучателями литературы чем объяснить?

В общем, этот писательский съезд меня заинтересовал, и я, как человек, с давних времен привыкший ко всему относиться критически, хочу высказать будущему читателю моих записок те мои мысли и соображения, которые у меня возникли при чтении отчета съезда и остались «при особом мнении». Начну с доклада нашего Максима, которым открыт был съезд. Начав с истории первобытного человечества, с его рабства пред стихийными силами природы и борьбы за свою жизнь и перейдя к философии, Горький остановился, как полагается, на капитализме и сопровождающих в служении ему искусстве и религии. Говоря о корифеях нашей литературы, в частности о той плеяде шестидесятников и их творчестве, докладчик не преминул всполоснуть своими помоями и светлую тень богоискателя и мученика за свободу Достоевского. После прочтения всей этой философии автора, его мудреных выводов и построений у меня осталось впечатление, что вся феодально-крепостная эпоха, весь девятнадцатый век, в особенности от зарождения и развития торгово-промышленного капитализма и внесенной им цивилизации, были, судя по выводам докладчика, временем какого-то варварства, поголовного рабства, темноты и невежества, среди которых одиноко выделялись имена революционных писателей, упомянутых в докладе. Правда, славянофил Аксаков писал, что малограмотная Русь ни о чем не думает, кроме заботы о своем благополучии, а за нее говорят и пишут от ее имени более грамотные наши писатели и литераторы. Акса-

ков, конечно, и не думал, что слова его со временем окажутся пророческими, тем не менее, сколь бы малоразвитым ни было тогдашнее общество, все же развитием своим оно обязано господствующему тогда классу капиталистов с их фабриками и заводами. И это время образно описано было Глебом Успенским в одном из своих произведений.

Вот если бы взамен так наз.[ываемой] эпохи великих реформ Александра II и капиталистической цивилизации в это «темное» время заняла бы господствующее положение советская власть со своими разного рода «монополиями», в том числе и монополией права только ей одной говорить и писать от имени народа (по мысли Аксакова), то, разумеется, России как государства теперь не существовало бы, а было бы одно «кладбище человеческой мысли», «повсеместная тьма египетская». А теперь с октября 1917 года, как бы мы ни были загнаны под волю родной уголовщины, все же представляем из себя культурных людей, да и сами комиссары «чека» несколько ушли вперед от Малюты Скуратова.

Самый кардинальный вопрос в докладе Горького — это история литературы, бывшей на службе у буржуазии и выражавшей ея волю, и только теперь молодая народившаяся печать, советские писатели и поэты являются истинными выразителями нового быта, к которому перешла вся трудящаяся Русь, весь СССР. Интересно бы спросить автора: «Ну а теперь, почтеннейший старец, кому служит современная печать? Не тому же ли «классу», или, вернее, партии, представляющей из себя в то же время и правительство? А кто такие ваши писатели и поэты, которых вы превозносите?» Отстранив на время вопрос о качестве тех и других, мы можем только сказать, что если из плеяды старых писателей и поэтов находились экземпляры с убеждением «чего изволите», то теперь этот ярлык можно без колебания налепить на каждого субъекта из писательского «цеха».

Нигде и никто из прежних писателей и обозревателей жизни не позволял себе публично на страницах газет и журналов рекламировать себя, какой он гениальный писатель и сколь совершенна и прекрасна та власть, под прикрытием которой живет и наслаждается страна. Наоборот, что не отрицает и сам Алексей Максимович, были писатели, которые открыто и тем же путем печати обличали несовершенство существовавшей власти, так как эти люди понимали, что правительство должно выражать собою тот строй, какой соответствует прогрессивно развивающемуся укладу жизни суверена страны, т.[о] е.[сть] народа.

А может ли что-либо подобное быть в данное время? Может ли и в состоянии ли он, писатель, поднять свой голос к обличению действий, напр.[имер], той же советской власти, указать, наприм[ер], на незаконность захвата ею власти в стране? Не говоря уже о том, что это невозможно при

монополии правительства на печать, но ни один из писателей не рискнет на это, потому что это будет грозить его жизни, тогда как прежний писатель рисковал только административной высылкой. Вы травите молодое поколение, начиная со школы, на борьбу с капитализмом всех стран, в действительности борьба необходима народу (главнее всего русскому), и не с капиталом, а с вами, товарищи коммунисты, это сознает теперь каждый порядочный человек, испытавший на себе, на своем хребте, какова может быть жизнь при социализме. Полуголодный паек, лавочные хвосты и все те мучения и хождения по учреждениям, чтобы добыть какую-нибудь справку, издергали нервы всем и каждому, я не говорю уже про насильственно принуждаемый труд в форме различных «субботников», «воскресников», всяких вечеровок, заданий со стороны начальствующих и пр[очее], которые преждевременно уносят здоровье и сокращают жизнь работающего, будь это умственный труд или физический. А соревнования ударничества, разные бригады с целью улучшения дела, приносят ли они в действительности какую-нибудь пользу? Наконец, неимоверная на все предметы дороговизна, бьющая по хребту населения, и все это вместе взятое представляет ненормальную, искалеченную жизнь целой страны, с каждый днем все более и более делающуюся затруднительнее. Семнадцать лет испытывает все это на себе русский народ, не видя никакого просвета в будущем, утешаемый «товарищами» стереотипною фразой, что «все сразу не делается», в которую они и сами не верят. И вот такой-то самообман наш умалчивается печатью, про все, мною сказанное, не говорят теперешние писатели во главе со своим Моисеем (Горьким) и новым мессией Сталиным, ведущим свой народ в глубокую пропасть.

Разве такое положение вещей, если бы случилось, могло существовать прежде, когда печать разных направлений разнесла бы его в пух и прах, открыла бы на эту ненормальность глаза и зарубежным нашим соседям, массы коих, читая наше хвастанье и вранье, распространяемое газетами, наивно верят в них и по-своему истолковывают происходящие у нас события?

В самом деле, растущие как грибы после дождя «гиганты» фабрик и заводов, бурный рост строительства внутри городов, поголовная коллективизация крестьянских хозяйств, общее довольство и улыбающиеся лица на картинках — разве все это не вскружит голову доверчивого человека, критически не разбирающегося с деталями, а детали эти у нас таковы: есть гиганты в металлургии, изготовляющие двигательную силу для фабрик и заводов, но нет в продаже гвоздей и прочих скобяных изделий. Пишут, что всюду бьют теперь открытые фонтаны нефти, а в городах трудно бывает достать литровки керосину, отнесенного к дефицитным товарам.

Прежде либеральная печать писала, что русский мужик пьет чай[10] «с сахаром вприглядку», а теперь он не видит его совсем, хотя в газетах читаешь об открытии сахарных заводов чуть не ежегодно. Я не буду распространяться далее на эту тему, которая завлекла бы далеко, надо поберечь бумагу тоже как «дефицитный» товар, я полагаю, что все сказанное мною и так достаточно ясно освещает нашу жизнь, затемняемую нашей печатью. Так что читатель мой убедится, что и современные новые служители печатного слова работают и ведут страну не к развитию и просвещению, над чем трудились прежние глашатаи человеческой мысли, а, наоборот, к еще большему затемнению народных масс для торжества советских манипуляций.

Самореклама советской власти не ограничивается одной печатью. Очковтирательство идет и по другой линии. В Москве бросаются миллионные средства на постройку метрополитена. На месте сломанного храма Христа Спасителя строится какая-то новая «вавилонская башня» в полверсты вышиною, и это делается исключительно для того, чтобы затмить глаза посещающих нас иностранцев. Подмосковский фабричный район и другие фабричные центры искусственно ремонтируются и застраиваются скороспелыми стандартными домами, жители-домохозяйки обряжаются в фильдекосовые платья, и все это делается на тот случай, как бы иностранные гости не заглянули и туда, а истинная неприкрашенная советская Русь остается там, далеко за Уралом, в глубине сибирских степей и лесов, где люди пухнут от голода, а по городам разрушаются постройки, доставшиеся еще от буржуазии, примером чего может служить Енисейск.

Уклонившись немного от своей темы, я снова обращаюсь к съезду, оставленному мною для чтения речей, среди коих является тоже довольно интересным доклад другого прелюбодея мысли и слова — некоего Карла Радека, в годы революции выкинутого революционной волной к советскому пирогу.

Будучи в роли обозревателя международной политической жизни, он, вскользь упомянув о «загнивающей» капиталистической литературе, «оторвавшейся от народных масс», приступает к ее обзору со дня революции и делит на три «крупнейших исторических события, а именно: на мировую войну, Октябрьскую революцию и появление фашизма». Тот раскол в литературе, про который говорит Радек, есть, по моему мнению, не что иное, как переход более глубокомыслящей части человечества на положение войны с Сов[етской] Россией, и социал-фашизм является его активно действующей силой в борьбе этих двух политических течений. Стремясь по возможности избежать открытой международной войны, которая, как все сознают,

[10] У Миндаровского — «часть».

снова повергла бы народы в пучину крови и слез, фашизм хочет доказать доверчивым массам всю ту подоплеку российского коммунизма, который при посредстве своей монопольной печати питает малоразвитые народные слои своим злокачественным ядом. Мы не знаем в точности всей программы фашизма, кроме той оборотной стороны его, которую показывают наши газеты, а зная, насколько заслуживают последние нашего внимания, мы должны и подходить к идейной стороне фашизма с чрезвычайной осторожностью. Наприм[ер], Радек утверждает, что германские фашисты требуют от писателей, чтобы они писали только то, что не отступает от их программы. Отлично. И у себя дома мы видим то же самое, значит, мы одинаково равноценны с фашизмом. Надо только удивляться, как такие видные публицисты советской печати, как Горький и Радек, принимаясь критиковать своих противников, не оглянутся на себя. Неужели они думают, что читательская масса СССР — все дурак на дураке и не разберутся в этом.

Остальная интересная часть доклада относится к развитию молодой советской литературы. Здесь, говоря об успехах Октября, который большевики добыли, как мы теперь узнали из откровенного признания самого Сталина[11], обещанием пролетариату за содействие всех благ, вплоть до грабежа буржуазии, Радек хочет доказать, насколько за 16 истекших лет небывало вырос пролетариат, что из своей среды выдвинул на писательское поприще если не гениев, то во всяком случае талантов в лирике и прозе. Правда, докладчик не скрывает, что из среды молодых писателей попадаются люди, не совсем ясно усваивающие себе разницу между подлежащим и сказуемым в грамматике, но зато все они «полны коллективным творчеством изображаемой ими борьбы с капитализмом за осуществление социально бесклассового общества».

Из истории литературы прежнего времени мы знаем, что такая спешная оценка молодых писательских сил послужила бы во вред начинающему таланту и заставила бы его покраснеть до корней своих волос, не то теперь при новом быте, где принято кричать на весь свет о своих достоинствах и поступках, которые прежде оценивались историей в зависимости от последствий, какие оказались налицо после сошедшего со сцены таланта.

Теперь мы знаем, что, какой бы набор слов ни выбросил советский писатель, а в особенности поэт, — все это свежо и прекрасно, т.[ак] к[ак] полно борьбы с капитализмом и, конечно, дифирамбов советскому строю.

У меня есть тоже стихи, написанные однажды в минуту раздумья, которые я здесь, кстати, и приведу на память потомству:

---

[11] См. книгу «Основы ленинизма», главу «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, в особенности в период подготовки к Октябрю». — *Прим. Миндаровского.*

Роман на одной странице

Надумали дело.
Чтоб зашумело —
Ассигновали.
Поставили «зава»
У капитала,
Сполна все отдали
И ждали.
Потом оказалось,
«Она» тут ввязалась.
С партийным билетом
Нельзя быть кадетом;
Пошли недостатки.
Судили, решили,
Чтобы остатки
Со счета скостили
И всех отпустили.

Скажите, чем я не поэт? Прямо, пятьсот в месяц и паек по первой категории. Аминь.

1934 год, октябрь

Сейчас в местном домзаке[1] в числе уголовных преступников находится немало лиц, безупречных в своем поведении, честно работавших в учреждениях или на производстве и попавших на принудительные работы (настолько уже вошедшие в жизнь каждого гражданина за истекшие 16 лет, что на них каждый смотрит теперь как на повинность), [на] которые рано или поздно при случайных обстоятельствах может попасть всякий при усердии на то советского судебного аппарата. Недаром за 1933 год домзак заработал на бесплатном труде таких лиц 56 тысяч рублей, создав себе целое земельное поместье сельскохозяйственных культур, от плодов которых и кормится вся служебная рать «политответработников» г. Енисейска. В числе этой подневольной братии находится десятка два-три крестьян-единоличников, не выполнивших тех налогообложений и штрафов, какие тяжелым советским прессом легли на них по распоряжению свыше, как один из способов к расширению деревенской коллективизации. Не чем иным, как только этим приемом непосильного обложения для землероба-крестьянина, не идущего добровольно в колхоз, можно объяснить ту волну, ту тягу крестьянских семей в город, какая в этом году хлынула к нам, скупая у горожан дома и занимая у них свободные квартиры. Дошло до того, что сторонний человек, прибывший на службу из других мест, не имеет возможности найти себе помещения для жилья ни в частных домах, ни в жактовских. Нужен новый гениальный писатель, который так же художественно изобразил бы это переходное время социального переустройства деревни, как сделал это Глеб Иванович Успенский после падения крепостного права. «Поднятая целина» Шолохова, новоявленного бытописателя-марксиста, не дает той картины человеческих переживаний людей, потерявших свое добро, нажитое тяжелым трудом землероба. Это не купец, в один день утративший [и] легко наживший свои капиталы.

На страже закона[2]

Дежурный посыльный пригласил единоличников Ханина и Колесянкина явиться немедленно в сельсовет. Здесь им вручили повестки с требованием безоговорочно уплатить штраф: первому — в 595, второму — в 1264 руб.

[1] Доме заключения.
[2] Вклеенная в рукописный текст газетная вырезка.

Председатель сельсовета в своих объяснениях по этому вопросу был краток. Он напомнил единоличникам о ряде собраний и собеседований, где разъяснялась всем необходимость выполнения хлебосдачи в срок. Он показал им закон о зернопоставках, висевший на стене, и отчеркнул карандашом пункт о штрафе за невыполнение хлебосдачи в пятикратном размере по рыночной цене. В заключение он категорически предупредил, что Ханин и Колесянкин — люди зажиточные и штраф должны внести без промедлений. Таков точный смысл закона.

Секретарский сельсовет Саратовского края, принявший решительные меры против саботажников хлебопоставок после того, как были исчерпаны все меры словесного убеждения, массовой работы и прошли установленные законом сроки, поступил правильно. Секретарский сельсовет оправдал доверие своих избирателей, твердо встал на стражу советской законности, не побоявшись пойти на прямой конфликт с отдельными из своих сограждан.

К сожалению, во всем Саратовском крае наберется не так уже много сельсоветов и райисполкомов, показывающих пример решительной борьбы за точное выполнение закона о зернопоставках. Ведь нельзя же сказал о Турковском РИКе, оштрафовавшем М.[ало]-Полянский колхоз за злостную несдачу нескольких сотен центнеров зерна на 450 руб., что он решительно пресекает антигосударственные тенденции: 450 руб. штрафа для большого колхоза, оперирующего сотнями тысяч, звучат просто как потачка к дальнейшему укрывательству хлеба.

Какая-то подозрительная мягкосердечность и близорукость появились, например, в самом разгаре хлебосдачи у руководителей Ольховского, Нехаевского и ряда других районов. Разъезжая на фордах и таратайках по своим колхозам, они продолжают вяло и заученно заклинать: «Везите же хлеб! Как это нехорошо, как это неприлично не везти хлеб!» А в это время на их глазах в колхозе им. Ворошилова в потайной амбар ссыпают 300 центнеров чистой пшеницы, занося их в книги как «озадки», а в Н.[ижне]-Долгинском колхозе регулируют молотилки на обмолот не свыше 50 проц.[ентов] зерна. (Потом, дескать, для себя потихоньку перемолотим начисто.)

В этих районах забыли, очевидно, что борьба за государственную цифру хлебосдачи заключается не только в уговариваниях и болтовне. И что с классовыми врагами, носителями антигосударственных тенденций, когда прошли сроки, нужно начинать говорить на языке революционной законности.

С. Сергеев

Теперешняя социальная картина деревенской перестройки, когда, въезжая в село, видишь заколоченные дома, покинутые насиженные усадьбы и полузаросшие бурьяном луга и покинутые поля, наводит какое-то тяжелое, гнетущее впечатление на случайного посетителя этих мест, и только заправилы советской стряпни, не углубляясь в будущее, знают только одно, что брошенные пашни и луга, перейдя в обработку совхозам и колхозам, снова зацветут посевами, не задаваясь тою мыслью и тем уже сейчас наблюдаемым явлением, что немало таких засеянных мест остаются неубранными и нескошенными на зиму по недостатку рабочих рук и машин. Важен план и проценты, которыми в цифрах пестрят наши газеты при конце хозяйственного года государственных операций в деревне.

Под знаком такого «колхозного развития» и приведенного мною жилищного кризиса в городе подошло время перевыборов в советы. Началась спешная и «ответственная» работа на местах и у нас в горсовете по подготовке новых выборов. Прошли участковые предвыборные собрания избирателей, на одном из которых пришлось побывать и мне как советскому служащему. Снова прошла передо мной та же процедура открытия собрания председательствующим с предложением предоставления докладчику часового времени для доклада, а на критику по существу дела только десяти минут, как это обычно установлено для всех пленарных собраний, чтобы оппонент много не заговаривался; все это утверждается молчаливым согласием присутствующих с тою разве разницею от прежних лет, что теперь публика мало сидит на своих местах, а все больше занята хождениями из одной двери в другую, другие просматривают свежие номера газет или шушукаются с рядом сидящим соседом. Та же картина и в день выборов. Публика на все предложения председателя в отношении техники выборов соглашается и не возражает, голосовать ли целым списком, заранее уже просеянным и состряпанным, или персонально, ей все равно, на лицах у всех так и читай: черт с вами, лишь бы поскорее домой. Нынешние выборы характерны тем, что наказы будущим членам горсовета составляла особо избранная комиссия избирателей.

Ввиду того что в 1928–29 годах производившимся здесь землеустройством у города было отрезано до 600 десятин удобной земли в пользу крестьянских соседних дач по той причине, что горкоммунхоз при разгроме в 1920 году городских архивов как пережитка старого быта потерял земельный план и не мог доказать документально границ отведенных ему земель, а также под впечатлением всенарастающего квартирного кризиса я внес в эту комиссию три предложения-наказа в следующей дословно редакции:

1) Отсутствие пастбищ, крайний недостаток в покосах, испытываемый рабочими и служащими, должны заставить горкомхоз подумать о бу-

дущем и обратить свое внимание на болота, которые остались городу после землеустройства 1928–29 гг. Городское болото, уже исследованное в 1911 году, требует лишь устройства водосточных канав, задренированных канав в направлении к речкам Бойничной и Мельничной, вместо того чтобы ежегодно зря тратить деньги и живую человеческую и лошадиную силу на ремонт дороги в д. Горскую. Будущие члены горсовета должны обратить серьезное внимание на это и раз и навсегда упорядочить это негодное хозяйство старых времен.

2) Образовавшийся в последнее время жилищный кризис в городе как результат социально-экономического преобразования деревни властно заставляет подумать о расширении жилищного фонда в городе — вместо того чтобы ломать строения, приступить наконец к постройке новых домов для жилья вливающегося в город населения. С этою целью будущие члены горсовета должны серьезно обдумать те ненормальные явления, какие уже третий год практикуются у нас со средствами Домтреста, десятками, если не сотнями тысяч рублей уплывающими куда-то на сторону, вместо того, чтобы употреблять их на строительство в городе, как это требуется уставом Домтреста. Пора наконец остановить прогрессивно усиливающееся разрушение города и тот неестественный порядок испрашивания «дотаций», когда имеются свои внутренние ресурсы на это.

3) В городе существует пасынок горсовета — музей, в научном мире краса и гордость Енисейска, известный даже за границей. Теперь директивами правительства на музеи возлагаются почетные задачи быть проводниками на местах в деле исследования естественных богатств, какими располагает каждый район. А что же делается у нас? В то время как Туруханский район уже три года назад издал свой капитальный труд — монографию своего историко-экономического состояния[3], у нас нет даже простого справочника. Там начинает энергично работать общество краеведения, у нас оно замерзло в райплане. Выбранные члены горсовета должны обратить на этот участок своих забот в деле культурного строительства особенное внимание, вдуматься в это положение и с картою в руках доказать центру, какими богатствами в недрах земли и на поверхности район располагает, без чего надеяться на развитие нашего района нельзя. Потребуется найти средства к отпускаемым музею 7500 р. ежегодно, пригласить на работу в музей специалиста-геолога и при его содействии и руководстве начать необ-

[3] Тарасенков Г. Н. Туруханский край: экономический обзор с историческим очерком / Г. Н. Тарасенков; с пред. В. П. Косованова. Красноярск: Гостипо-литография, 1930.

ходимые исследования и изучение района в культурном его значении наравне с другими. Довольно жить беспаспортными Иванами, не помнящими своего родства, и пора восстановить свои ошибки прошлого нашего невежества.

Хотя у меня и теперь нет надежды на то, чтобы новые члены горсовета — отцы города — оказались лучше своих предшественников, однако я по пословице «капля камень точит» счел нужным исполнить свой голос совести старого городского деятеля, чтобы дать понять новым людям, в чем задачи их пред населением.

1935 год

Наступивший новый год на первых порах ознаменовался такой весьма крупной реформой, как уничтожение продовольственных хлебных пайков, которые за истекшие 15 лет достаточно уже измучили людей той отвратительной постановкой этого дела, которую создали на местах разные «снабы» и кооперация.

Хотя эта хлебная реформа материального облегчения для трудового населения не дала, а, наоборот, удорожила нормальные потребности человека продажею хлеба по 1 руб. за кило, но каждый примирился с этим, лишь бы не торчать и не мерзнуть целыми днями у дверей лавок в ожидании, когда привезут с мельницы муку и дадут вам 5–10 килогр.[аммов] на две недели. Это издевательство приходилось испытывать домохозяйкам два раза в месяц. Правда, бывают перебои в торговле хлебом и теперь, но мириться с ними возможно.

* * *

Вторым важным событием начала этого года надо отметить седьмой Союзный съезд советов, входящих в СССР, бывший в Москве в конце января.

Отчетный доклад Молотова, правой руки «Виссариона великого», на этот раз звучал уже более умеренным тоном делового акта, чем все прежние его выступления, дышавшие ненавистью и озлоблением по адресу зарубежных соседей.

Хотя с первого до последнего слова основной чертой доклада стояли наши достижения и почти окончательно выяснившийся переход страны на социалистический путь, тем не менее отрицать этого перехода, по крайней мере с официальной точки зрения, со стороны показной видимости, не приходится. Ценою неимоверных страданий крестьян и рабочих, потерею не только своего материального достатка, но лиц, близких своему сердцу — жен, детей, братьев, отцов, — устлан этот путь, к которому мы пришли теперь под флагом официального социализма. Да, только натура русского человека, веками воспитанная в атмосфере насилия и рабства, смогла переломить себя и подчинить свою волю и разум той дирижерской палочке, которая в эти годы переделывала 160-миллион[ный] народ под свою лапу. И действительно, как посмотришь кругом да почитаешь газетную самохвальбу, вся страна поет и ликует. Только в тайниках народной совести, в разговорах с отдельными лицами, с теми же колхозниками по деревням, услышишь иной раз задавленный

стон души человеческой и заметишь в глазах недобрый огонек скрытого недовольства своим положением. Такие времена враждебного отношения к политике правительства бывают чреваты своими последствиями. Примером тому является вся прошлая история России. Уже и сейчас, на заре строящегося социализма, обнаружилась какая-то контрреволюционная организация, убившая в Ленинграде комдарма С. М. Кирова (по прежнему — шефа жандармов), и хотя за голову убитого расстреляно в разных местах более сотни людей, но устрашит ли эта ужасная кара определившуюся, быть может, идею протеста, которая, как известно, на штыки не улавливается. Не разгорелась бы тлеющая искра в большой пламень подобно 1905 и 1917 гг.

Если этот строящийся социализм, как вновь сшитый костюм, окажется не по плечу для его владельца, то он и носить его будет до поры до времени, пока не соберется сшить себе новый.

Мне припоминаются пророческие в то время слова Герцена, читанные еще в молодые свои годы, где этот гениальный мыслитель-революционер говорит:

> Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией[1].

Не эти ли соображения в связи с убийством Кирова, имеющим безусловно политический характер, легли в основу еще более серьезной и неожиданной реформы — это изменение советской конституции 1918 года. Совершенно никем не ожидаемое предложение правительства, внесенное устами Молотова и закрепленное на VII Всесоюзном съезде советов, заменить открытые выбора поднятием рук закрытой баллотировкой, иными словами, восстановить старую «четырехвостку», уничтоженную большевиками при разгоне Учредительного собрания. Это изменение закона о выборах — факт большой политической важности, о котором в истекшие 15 лет опасно было даже упоминать и по поводу которого Сталин в своих «Вопросах ленинизма» говорил, что закрытая форма выборов — это способ «буржуазно-парламентский» и непригодный для диктатуры пролетариата, какою должна быть советская власть.

[1] Герцен А. И. С того берега // Сочинения А. И. Герцена. Том V. Genève — Bale — Lyon, 1878. С. 131.

Будем ждать появления нового закона «О декларации прав», чтобы можно было что сказать о его последствиях, а пока остается пожелать осуществления еще одной, не менее важной для развития страны реформы, это уничтожение монополии на печать, а вместе с этим и сокращение вранья в печати. Вот тогда советская власть помогла бы трудящимся забыть скорее свои незалеченные раны, нанесенные им своими манипуляциями во все прошлое время.

* * *

Прошло всего два месяца после расправы с активными виновниками насильственной смерти Кирова и расстрелами в разных местах сотен людей, заподозренных в сочувствии этому акту, как стали выявляться факты, о которых я говорил прошлый раз, — это то, что метод расправы с инакомыслящими, облюбованный еще царским правительством и воспринятый «товарищами» Сталиным, Молотовым и К°, не достигает цели. Я помню стихи нашего гениального критика Н. А. Добролюбова, читанные мною еще в молодые годы и запомненные мною до сего времени, под заглавием «Мысль». Он истинно говорил, что

Ее побивали камнями во прах,
Ее на кресте распинали,
В темницах томили и жгли на кострах
И псам на съедение бросали…
Но в тайные щели, как день золотой,
Как воздух она проникала;
Из мрака неволи, из пепла костров
Сильна и прекрасна вставала[2].

Оказывается, так называемая «зиновьевщина», несмотря на расстрелы, не уничтожена, и корни ея прут наружу. Живя в своем медвежьем углу, каким я представляю себе Енисейск настоящего времени, мы наблюдаем, как привозят к нам целыми пачками новых ссыльных политиков, в отличие от троцкистов, называемых зиновьевцами, а читая свежие номера газет, видим целые статьи о выявленных то там, то тут на служебных ответственных постах «потерявших классовое чутье» коммунистах, перерожденцах-двурушниках и т[ому] п.[одобных] приклеенных к ним эпитетах. Даже у нас в Енисейске нашлось несколько таких лиц, занимающих видные места

[2] Цитируемое Миндаровским стихотворение принадлежит Н. А. Дорошенко (см.: Ольденборгер О. В. Странички прошлого: [воспоминания] / [О. В. Ольденборгер; сост. Т. Ф. Киселева, О. Ю. Мавриной]. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. С. 31).

в госучреждениях, и среди них небезызвестный Енисейску Г. Н. Пронюшкин, сосланный сюда четверть века назад за самооскопление и с октябрьских дней 1917 г. работавший по линии городского хозяйства. Эта историческая личность, стяжавшая себе славу по части сломки домов в городе на дрова и на кирпич, 16 марта вычищена из партии и снята с поста директора комтреста, будучи обнаружен в оппортунизме и двурушничестве, этом новом политическом течении.

Эта новая чистка партийных рядов, или, проще сказать, внутрипартийная грызня, дает понять, что среди нее начинается какая-то переоценка ценностей, которая в конце концов может привести к перестройке основ советской власти и выявить новое ее направление, более, быть может, соответствующее жизненным потребностям нации, чем пресловутая диктатура пролетариата. В жизни народов это случалось.

Я отнюдь не собираюсь предрешать последствия исторических явлений, проходивших пред глазами современников их, но от выводов, рождающихся на почве действительности, удержаться нельзя. Напр[имер] я до сих пор не могу себе объяснить, что толкнуло представителей сов[етской] власти на переход производства выборов закрытым голосованием, против чего все время была советская власть, или что значат все те разговоры на только что закончившемся в Москве съезде колхозников, где при обсуждении проекта устава сельскохозяйственной колхозной артели Сталин как бы в развитие и разъяснение деталей устава говорит, что каждый колхозный двор может иметь «в личном пользовании корову или коня, до двух голов молодняка рогатого скота, две свиноматки, десять овец и коз вместе и неограниченное количество птицы, мало этого, каждый колхозник при желании может иметь особый выдел земли и свою пасеку до 20 ульев». Скажите, добрые люди, что это значит? Пять лет назад по указке того же Сталина разорялись не только прочные трудовые хозяйства деревень, но мы являлись свидетелями, когда однолошадники и однокоровники подводились под кулацкие хозяйства и конь и корова отбирались. Спрашивается, во имя чего целые семьи с малыми детьми в зимнее время выбрасывались на улицу, дома и имущество их отбирались и нередко уничтожались до последнего корыта, для чего тому же Сталину необходим был стон и вопль этих землеробов-тружеников, терявших свое добро, накопленное долгими годами упорной работы на страдном поле? Нужно было это только для того, чтобы этот авангард так наз.[ываемой] трудовой деревенской интеллигенции, как более развитой по своему составу, не мешал его работе по околпачиванию деревенской бедноты и лентяев, лишь бы заманить их в свою колхозную сеть как элемент более подходящий для социального оболванивания. Теперь, убедившись из опыта последних лет, что на этом слое де-

ревенского актива далеко не уедешь, Сталин начинает бить отбой и завлекать в коллективы разными обещаниями тех работников на земледельческой ниве, которые поддаются его ухаживанию и его посулам зажиточного рая на земле и полностью поддерживают советскую власть как конечный идеал совершенства в стране.

В № 67 от 21 марта 1935 г. нашей краевой газеты «Красноярский рабочий» в итогах краевого съезда колхозников помещены речи ударников, среди которых особенно обращает на себя внимание речь Солодухина из Хакасской обл[асти]. Он говорит (если слова его заслуживают вероятия), что за последний год он заработал 437 трудодней, а вместе с семьей 1600 и получил при распределении доходов 1600 пудов хлеба, из которых 750 пуд[ов] он продал кооперации и получил за это «патефон, велосипед и много других хороших вещей, которых раньше никогда не имел», и наконец устроил 8 марта банкет. Теперь вдумайся, дорогой читатель моих записок, в только что приведенные мною слова Солодухина и сочти: если человек берет в кооперации предметы роскоши, как патефон и велосипед и другие «хорошие вещи», то значит он в хлебе не нуждается, как не нуждается он и в других необходимых жизненных предметах. Далее этот Солодухин, человек, судя по приложенному в газете его портрету, человек зрелых лет, который при таких же благоприятных урожаях может получать и в последующие годы по 1600 пудов хлеба на семью и приобретать другие «хорошие» вещи, пожалуй вплоть до аэроплана, и таких Солодухиных на территории СССР найдутся тысячи, то не получится ли в конце концов та же картина капиталонакопления, какую мы видели во времена царизма и охраняемого им капиталистического хозяйства. Здесь наряду с Солодухиным небезынтересно сопоставить такое явление: рабочий или служащий на государственном фабричном заводском предприятии также производит своим трудом ценности для государства, допустим обувь, только за труды свои получает по трудодням не обувью, которую он мог бы сдать кооперации и получить за это велосипед, а ему дают по определенной шкале ставок так наз[ываемую] «зарплату» 150–250 руб. в м[еся]ц, получаемую зачастую по прошествии 2–3 м[еся]цев со дня заработка. На эту сумму он может купить у Солодухина необходимое количества хлеба для своей семьи, в среднем 5 пуд[ов] на месяц, и заплатить ему по 20 р. за пуд, т[о] е[сть] 100 руб., или половину своего месячного заработка, и что же ему останется на покупку велосипеда, если за спиной у него семья в пять человек? Второй мой вопрос читателю: а на что он устроит банкет, когда подойдет 8 марта?

Нет, дорогие товарищи, заблудились мы со своим социализмом в трех соснах, и выхода, кажется, не предвидит и сам «великий вождь», «гениаль-

ный» Сталин, которому мы можем хлопать только в ладоши благодаря своему ползучеству «пред сильными мира сего».

Бросаясь из одного конца в другой, мы, естественно, натыкаемся на препятствия. Так, у нас в Енисейске, где за последнее время благодаря социальным мероприятиям город сделался уплотненным жильцами, что называется, до отказа, чему немало поспособствовали Пронюшкин, Спиридонов и друг.[ие] умные деятели по сломке зданий, теперь город встал перед дилеммой, что делать и куда поместить прибывающих в город зиновьевцев. Недолго думая, ГПУ (теперь РМВД) в течение 2-часового времени выгоняет всех лишенцев, имеющих дома, с своих квартир и вселяет в эти помещения присланных. Получается абракадабра: с одной стороны, закон, изданный не без ведома Сталина, воспрещающий всякое выселение живых людей с квартир с 1 октября по 1 мая, а с другой — административное усмотрение, допускающее в глухих местах выбрасывание (все равно жаловаться не будут). И вот двое моих старых товарищей, по профессии быв.[ших] торговцев, и один священник, получив бумагу с 2-часовым сроком оставления своих жилищ, вынуждены были свои вещи выкидать в кладовые и амбары соседей, а самим ночевать где придется у добрых людей. Для чего это? А для того, чтобы вселить таких же лишенцев, но зиновьевцев (уж не будущих ли заместителей сов[етской] власти? Вот была бы находка для русского ползучего раба)!

* * *

10 марта открывается межрайонная ярмарка[3]

По постановлению бюро райкома и президиума райисполкома с 1 по 10 марта в г. Енисейске должна быть проведена межрайонная ярмарка. Срок открытия ярмарки наступил, а наши торговые организации и ярмарочный комитет еще не подготовились. Отбор нужных ассортиментов товаров проведен не во всех торговых организациях. Не подготовлены павильоны для ярмарки. Не подготовлен Дом крестьянина для приема приезжающих из района на ярмарку, не развернута массовая работа по подготовке к ярмарке, в коллективах города и среди колхозников. 27-го февраля президиум РИКа заслушал сообщение председателя ярмаркома о готовности проведения ярмарки и выявил совершенно слабую подготовку. Поэтому президиум РИКа постановил: из-за недостаточной подготовки межрайонную ярмарку отнести с 1-го марта на 10-е марта. Ярмарку провести с 10-го по 20-е марта.

[3] Вклеенная в рукописный текст газетная вырезка.

За недопустимо слабую работу ярмаркому объявлен выговор и дано категорическое указание обеспечить подготовку в пятидневный срок. К этому сроку для лучшей подготовки к ярмарке должны включиться в первую очередь парторги, месткомы, сельсоветы, колхозы и развернуть широкомассовую работу за организацию подлинно культурной советской торговли. Подготовить лучшие ассортименты товаров, организовать красные обозы колхозников, колхозников с сельскохозяйственными продуктами, сырьем на ярмарку и широко оповестить население о ярмарке.

Насибуллин

Незабвенный М. Е. Салтыков в одном из своих произведений приводит рассказ о том, как один из помпадуров, явившись на управление губернией, первым долгом вызывает к себе столоначальника и говорит ему: «Я хочу, чтобы в вверенном мне крае процветала промышленность и развивалась торговля. Сделайте распоряжение». «Слушаю-с», — отвечал подчиненный исполнитель.

Не напоминает ли собою этого начальника прилагаемое при сем распоряжение местного бюро райкома партии об открытии ярмарки в городе Енисейске с 10 марта с[его] г[ода]?

Вот желанный день наступил. «Флаг поднят, ярмарка открыта, народом площадь вся покрыта», а что же далее? Раздосадованный мой знакомый, обойдя весь строй выехавших саней, с досадой бросая корзину, говорит: «Черт знает что такое, обошел весь квартал и не нашел фунта сливочного масла. Редька, лук, чеснок, картошка и больше хоть и не спрашивай. Вот так ярмарка!»

Действительно, трудно было бы ожидать что-либо от этой искусственно сшитой ярмарки. С кем бы вы ни столкнулись из числа колхозников ближайших к городу деревень, повсюду одна песня (если это не на официальном собрании, а где-либо за околицей): «Хлеба нет, все отобрали товарищи, а отчислений по трудодням не хватает на прожитье. Задание на 1935 г. такое, что если работать все 24 часа без еды и отдыха, то и тогда не выполнить плана, а какая мне неволя чертомелить, коли это не мое, а какого-то дяди».

На днях спрашиваю знакомого мужичка из дер[евни] Борков, только что вошедшего в колхоз. «Ну как дела?» — спрашиваю. «Да надо бы хуже, да некуда», — отвечает он. «Почему?» — «Да потому, что нет выхода. Как единоличника от меня отобрали весь прошлогодний урожай, и теперь со старухой сидим впроголодь. Значит, или бросай все и иди на все четыре стороны, или записывайся в колхоз и веди туда последнюю скотинушку, ну я и избрал этот последний путь, все же, думаю, лучше, чем переходить на поденную работу куда-нибудь на производство». Вот таковы разговоры, которые повсю-

ду приходится слышать от землеробов. «А задание-то, которое тебе дадут, выполнишь?» — спрашиваю я. — «А там видно будет, лишь бы прокормиться, а в общем все-таки буду колхозник, везде будет мне облегчение, в магазине ли или хотя бы в бане, везде тебе почет, и, главное, не стоять в очередях: покажи колхозный билет и проходи или получай, зачем пришел».

* * *

По городу расклеено объявление, что по случаю эпидемии школы на неопределенное время закрываются, и детям вход в кино воспрещается, а церкви, куда дети и так теперь не ходят, те на это время совсем прикрываются, хотя ходьба по городу, по базарам, посещение музея, толкучка у винной лавки — это ничего. Следует отметить, что за последний ряд лет в Енисейске тиф и скарлатина, можно сказать, обжились. Ни одной зимы, ни одной весны не проходит без того, чтобы не было среди детей этих заболеваний и необъявленного карантина, тогда как в прежние годы эпидемические случаи отмечались почти один-два в десятилетие. Чем же это объяснить? Я не медик и не физиолог, но думаю, что здесь дело не без участия гигиены и питания. У нас обыкновенно все подгоняется к определенному времени. Назначается напр[имер] месячник чистоты, и все учреждения и жильцы начинают очистку своих усадьб, хотя, быть может, по степени опрятности того или иного домохозяина ему надо чиститься не однажды в год, а, может быть, два, три и даже четыре раза, как, например, общежитие милиции, где аммиаком начинает проедать даже каменную стену здания. Затем, что мы можем сказать в смысле питания среди населения, много ли найдется рабочих семей в городе, которые имели бы за обедом мясное блюдо, хотя бы только для детей? Я буду близок к истине, если скажу, что 80% населения забыли и думать о каких-нибудь жировых продуктах, о которых часто приходится читать в газетах, и для меня неудивительно, а только до слез больно и тяжело наблюдать такую картину, когда 16-летнего юношу привозят к врачу с зачатками туберкулеза легких. Брр... Жутко за будущее поколение, в особенности, когда бьем в литавры, хлопаем в ладоши и кричим: «Ура, да здравствует социализм!»

* * * [4]

Постепенно да помаленьку год от года Енисейск теряет свою прежнюю физиономию «старого Кремля», украшенного со стороны реки рядом красивых церквей, блестевших на солнце своими крестами и маковицами, со-

[4] Здесь на полях рукописного текста выставлена дата: «15/V 35 г.», но поскольку заключительный раздел рукописи снабжен датой «5 мая 1935 г.», то эта часть текста, снабженная датой «15/V 35 г.», не выносится в отдельную главу и остается в составе главы «1935 год».

лидными каменными зданиями и густолиственною зеленью городского бульвара. В момент, когда я пишу эти с[т]роки, пред глазами стоят полуразрушенные здания, груды щебня и мусора, смытые водою и дождем взвоза и набережные и почти целые кварталы пустырей, по которым публикою проложены уже проезжие дороги, сокращающие путь с одной улицы на другую. Я, кажется, уже приводил в своих записках количество уничтоженных за истекшие 15 лет советского хозяйства в Енисейске жилых домов и амбаров, сломанных на дрова и кирпич, требовавших только реставрации. Из новых же сооружений местного комхоза красуется лишь общественный клозет как панорама со стороны набережной.

Стремление наших заправил из горсовета к разрушению города не ограничивается только церковными зданиями, но идет далее по пути разрушения кладбищ, намогильных памятников и крестов и даже отдельных могил лиц, чем-либо заметных в истории города. В этом случае характерен следующий факт. При «ликвидации», как принято теперь выражаться, Абалакской церкви и кладбища разгрому подверглись не только мраморные и каменные надгробия, но даже была разрыта могила похороненного в ней в 1911 г. врача Ю. Н. Васильева, пользовавшегося в городе симпатиями всего населения как врача-бессребреника и как отзывчивого человека к страждущим. Стоявший над могилой мавзолей из мрамора, сооруженный городом на подписные средства, разворочен и спущен в разрытую могилу. Подверглось разгрому и другое погребение занесенного в летописи Енисейска гражданина М. О. Маркс[а] (географа и натуралиста-исследователя), чугунная ограда на могиле которого снята была еще год тому назад, а ныне сброшен и мраморный памятник, стоявший на могиле покойного.

Смотря на все совершающееся, передо мною встает трудноразрешимый вопрос, кому и для какой цели все это необходимо. Объяснить это простым хулиганством нельзя уже по одному тому, что хулиганство мимолетно и быстро, здесь же видна коллективная и притом хорошо организованная сила, способная громить и разбивать стопудовые тяжести, работать над разрытием земли в зимнее время, когда почва промерзает более аршина, и притом работать не одну ночь, а более продолжительное время, чтобы уничтожить все постаменты и кресты, бывшие на кладбище. По моему мнению, здесь дело рук целой организации, и организации, легализованной правящей властью, работавшей не только с ее ведома и попустительства, а также за определенную плату за труд. Все это подтверждается и той молчаливой безнаказанностью, какая и была в этом случае, как будто бы все это самое обыкновенное дело. Стороною слышны были разговоры, что уничтожение кладбища вызывается потребностью обратить это место под общественный сад для строящегося поблизости лесозавода, так как место это укра-

шают массивные хвойные насаждения. В таком случае мы бы спросили: «А разве этого требовали рабочие предприятия? И почему в таком случае такой же разгром происходит на Крестовоздвиженском кладбище, вблизи которого, кажется, никаких заводов не запроектировано»?

Констатируя все вышеприведенное, приходишь к тому выводу, что материализм спешит вытравить из человека не только воспитанные смолоду традиции, привычки и убеждения, насилуя их на каждом шагу закрытием церквей, запрещением колокольного звона, воспрещением обрядом и т[ому] п[одобным], но он стремится заглушить в человеке всякие гуманитарные чувства к своим близким в родстве, к отцу, к матери, родивших и воспитавших его, чтобы, как только закроется их крышка гроба и покроется землей, ничто уже более не напоминало об их существовании. С этою целью долой кресты и памятники!.. И мы, русские люди, считающие себя христианами, молчим и своим молчанием помогаем этому.

* * *

Надо сказать, что семена, брошенные в материалистическую почву, дают уже обильные плоды, и мы, историки и краеведы, должны спешить зафиксировать это как в городе, так и в деревне. Торопимся, так как время идет большевистскими темпами, особенно по пути нашего быта, отмеченного фольклором.

Милиция, милиция
Губы напомадила,
Поснимала с девок юбки —
Галифе наладила.

Или:

Уж как здешние ребята
Настоящи молодцы!
Ночь воруют, день торгуют,
Называются — купцы.

Это в городе, а вот в деревне:

Меня били, колотили
На заимочке в кустах.
Мне головушку пробили
В двадцати пяти местах.

А то совсем просто:

Завела Меланья шляпу
С голубыми лентами,
Ходит в лес не за грибами,
А за алиментами.

Насколько успешно наша сторона этого прогресса продвигается вперед, это лучше всего объясняет нам распубликованный недавно закон об алиментах, где говорится, что:

> дела об алиментах могут быть начаты не только по заявлению заинтересованных сторон или прокурора, но и по инициативе суда, опеки или профсоюза.
>
> В случае присуждения алиментов, в паспорт алиментно обязанных лиц вносятся соответствующие отметки. Уклонение от уплаты алиментов и содействие уклонению рассматривается как уголовное преступление и карается лишением свободы до 2-х лет («Красн.[оярский] раб.[очий]» от 15 апреля 1935 года).

Здесь как будто сам закон в интересах прироста населения гарантирует любительниц грибов и ягод от неприятных последствий, а каково молодому человеку с пылким сердцем уберечь себя в грибном лесу от соблазна и возможности получить отметку на паспорте, что он «блядун и плешник»? Перспектива не из приятных.

* * *

Случайно мне пришлось в одном семейном доме встретиться и поговорить с воспитанником здешнего педтехникума, готовящимся продолжать свое образование в вузах. Какое грустное впечатление осталось у меня после нашей беседы с этим юношей, очень симпатичным и неглупым от природы. Оказывается, он не только не знаком с историей Допетровской Руси, которая в его понятиях была не более как сборищем диких варваров, а в более поздние времена она являлась лишь страной угнетения и рабства со стороны царизма и капитала, но русский народ и не мог идти по пути своего развития по своей темноте и забитости.

Теперешняя школа, оказывается, так оскальпировала внутренний духовный мир этого юноши, настолько подавила в нем пытливую мысль, данную ему природой, что он с крайним удивлением посмотрел на меня, когда я поставил перед ним ряд вопросов, отвечать на которые он, по-видимому,

Преподаватели Енисейского педтехникума, 1929 г. Из фондов КККМ.

никогда и не думал, настолько все ясно и удобопонятно каждому. Я спросил у него: интересует ли его вообще история прошлого времени, совпадает ли видимое им направление жизни с его собственным духовным мировоззрением и не замечает ли он каких-либо диссонансов в окружающей его действительности? Хотя определенного чего-либо на этот счет он мне не объяснил, но из слов его я вывел ту мысль, что, к чему, дескать, такие отвлеченные вопросы из области софизма, когда мы, не рассуждая, должны употреблять себя на развитие и укрепление настоящего строя жизни и быта, оставляя в покое все прошлое. Для чего-де засорять свой ум и мозг какой-то критикой, когда уже раз навсегда Марксом и Лениным разрешен этот мировой вопрос, над которым зря ломали свои головы старые деятели. Вот вам и весь ответ по существу нашей с ним беседы на эту тему. После чего остается только сказать по адресу социализма словами обер-прокурора Саблера: «Слепое чувство и вера без рассуждений, а не пытливая мысль присущи его прозелитам».

* * *

В последнее время, отводя свободные часы чтению, я заинтересовался журналом «Древняя и Новая Россия», выходившим с 1875 по 1881 год, и хотя бегло, но успел ознакомиться с ним за весь этот период его издания. Журнал по направлению явно монархический, тем не менее оставляет впечатление правдивого и беспристрастного исследователя истори-

ческой старины. Читая подобные исторические материалы в настоящие дни пролетарской диктатуры и голодного социализма, получается любопытная историческая параллель. Как исторические акты и события, так и люди, стоявшие у руля власти, — все дышало определенным направлением к прославлению начал самодержавия. Если зарождался где-либо в молодом юноше или девушке вольный дух, вложенный в него природою, обязанность школы и церкви — отвратить их от тлетворных мыслей и направить на путь домостроевской добродетели. Тот же аппарат изготовления живых манекенов мысли, подобных вышеописанному юноше, работает и сейчас в стенах школы, а упраздненные места официального духовенства заменили профсоюзы в лице месткомов и парторгов — в сущности, тех же иерархов и священников. Даже сама домашняя и общественная жизнь старого времени, регулируемая правящим аппаратом, до мелочей похожа друг на друга с теперешним временем. Вот доказательство этому: в прочитанном мною журнале есть рассказ, как Аракчеев вел свое хозяйство в своем имении Грузино. 18 февраля 1811 года он дает письменный приказ своему дворецкому, в котором говорит, что «люди должны делать все, что нужно в хозяйстве, а если будут работать дурно и лениво, то на оное есть розги». На этот случай у него всегда находилась кадка с рассолом, где мокли розги и палки. Одним словом, во всем соблюдался строгий порядок. А вот теперь спустя 125 лет краевой прокурор издает следующий приказ по своим районам:

Приказываю всем районным прокурорам:[5]

В случаях злостного уклонения единоличников от выполнения доведенных им планов сева виновных привлекать к уголовной ответственности по ст.[атье] 61 ч.[асти] 2, а при наличии сговора — по 3 ч.[части] 61 ст.[атьи] Уголовного кодекса.

Во всех случаях отказа от принятия планов сева или от выполнения этих планов кулацкими элементами виновных привлекать к уголовной ответственности по ст.[атье] 61 ч.[асти] 3 Уголовного кодекса.

В случае организованного отказа единоличников и кулацких элементов от принятия планов сева или от их выполнения, принимающего форму контрреволюционного саботажа, — виновных привлекать к уголовной ответственности в зависимости от обстоятельств дела по ст.[атьям] 58–14 либо 58–11 Уголовного кодекса.

Расследование дел этой категории проводить в сроки до трех дней и обеспечить рассмотрение судами также в 3-дневный срок.

[5] Вклеенная в рукописный текст газетная вырезка.

Судебные процессы по делам весеннего сева проводить на месте с опубликованием приговора в газете и мобилизацией вокруг процессов активности широких масс колхозников и трудящихся единоличников на выполнение и перевыполнение планов сева.

Предупредить всех райпрокуроров о строжайшем соблюдении социалистической законности в проведении сева.

Прокурор края Коваленко

Как видите, дорогой читатель, сходство во всем поразительное. Разница состоит в том, что аракчеевский приказ относился к его крепостным людям, бывшим тогда простою вещью помещика, теперь пишется как будто для свободных людей, могущих работать на себя, кто сколько желает. Затем, прежде угрозой у Аракчеева была кадка с рассолом и прутья, теперь уголовный кодекс и та же принудительная работа на государство, только чрез посредство домзака.

Если мы обратим свое внимание вглубь исторических времен на Руси, начиная от смутного времени и дворцовых переворотов династии Романовых, то увидим здесь сплошное море лжи, притворства, лести, честолюбия, коварства, демагогии и алчного стремления к власти, не ограниченных даже преступлениями. Сравните это время с ходом последней революции, и вы найдете то же самое. Охватите своим взором 1917–1920 года и сочтите, сколько у нас в Сибири перебывало правительств и кто и когда их выбирал. Члены этих правительств не только не могли мирно ужиться друг с другом, но дошли до пределов самой крайней демагогии — убийства между собой (Новоселов[6]). А что представляли из себя так наз.[ываемые] народные представители?

Мне пришлось одно время ехать на пароходе, где находилась группа каких-то молодых людей, в числе коих был сын одного енисейца, студент Томского технологического института, который, указывая мне на трех своих товарищей, пояснил, что это члены Сибирской областной думы. Меня не удивила их молодость, зная, что теперь можно быть избранным и в 18-летнем возрасте, но удивило их поведение на палубе парохода, когда я увидел их участие вместе с другими своими сверстниками в борьбе жгутиками (кто кого перетянет). Разумеется, молодости свойственна такая забава по ее возрасту, но как членам политической организации, избранным решать дела государственной важности, вести себя так, да еще на глазах публики, как будто не с руки.

[6] См. некролог В. М. Крутовского, опубликованный после убийства А. Е. Новоселова в Омске 23 сентября 1918 года: Крутовский В. Тяжелые утраты // Сибирские записки. 1918. № 4. С. 99–104.

Если первое Временное правительство, сменившее царя, я готов был признать как законную власть, состоящую из лиц, облеченных народным доверием и действительно знающих народную жизнь и ее нужды, то все последующие перемены в людях государственного аппарата, как бы их ни называть, было одно лицемерие, интриги и корыстная игра «ва-банк». Разве этих трех молодых людей, которых я видел на пароходе, можно было назвать действительными выразителями народных нужд и чаяний? А что собою представляли городские думы, земства и даже само Учредительное собрание, разогнанное потом Советами? В подавляющем большинстве здесь были люди случайные, выкинутые на гребень революционной волны пронырством, способностью красиво говорить и много обещать и ничего не делать.

Такова в общих чертах история нашего русского самосознания и политического развития, о чем я уже неоднократно упоминал в своих записках.

Вся беда наша в том, что мы слишком легкомысленны и доверчивы ко всем, готовы пойти за первым, случайно явившимся на выбора претендентом, как показал это опыт в эту последнюю революцию. Вместо того чтобы внимательно разобраться в сложном выборном производстве, наметить не спеша своего честного, близко знакомого с положением дел кандидата, подобно хотя бы тому, как шли выбора в первую Государственную думу, мы вотировали за кого ни попало, за первого встречного, выставленного партией кандидата, и вот «с таким-то, — по выражению Глеба Успенского, — рылом мы и сели прямо в леформу»[7].

[7] Миндаровский цитирует рассказ Г. И. Успенского «Скучающая публика»: «Ни читать чтобы со смыслом, ни написать по-человечьи, ничего не умеем — одним словом, окончательно только получили от родителей один испуг, больше ничего. Что же мы можем понимать? Ничего! Ну, вот в этаком-то виде и всунулись мы рылом в леформы… Вот с тех пор только и делаешь, что врешь, да пойло жрешь, да с арфистками».

1935 год, 5 мая

Как в прошлом, 1934 году, так и ныне, первую подвижку льда Енисей сделал утром сегодняшнего дня. Это случайное совпадение ледохода двух лет оказалось, однако, различным по своим последствиям. Если в прошлом году лед прошел сравнительно спокойно, то нынешняя подвижка первого и второго раза была по малой воде и нанесла тяжелые повреждения судам, бывшим на зимнем отстое у берега рек и не успевшим войти в р[е]ч[ку] Мельничную.

Казалось бы, увеличивающееся с каждым годом количество судов, остающихся в городе на зимовку, должно бы озаботить кого следует из начальствующих лиц, свободных от религиозного дурмана, и поторопиться [с] разрешением вопроса о постройке затона вместо того, чтобы непроизводительно бросать ежегодно по сотне тысяч рублей на какой-то весенний отстой, однако этого не делается, а все полагается на большевистский авось да небось. В результате изрядно помяло железную баржу-дебаркадер, повредило два парохода, проломило и затопило две деревянных баржи и покарябало несколько мелких судов. Интереснее всего то, что в газете «Красн.[оярский] раб.[очий]» об этом событии ни слова и ни звука. Как будто ничего и не было. Вот вам политика сов.[етской] власти — замалчивать все то, о чем нам невыгодно говорить. Из этого молчания можно заключить, что ежегодная аварийность госпароходства по всему СССР достигает громадных размеров, только не знаем об этом мы — трудящиеся, на плечи которых ложатся эти убытки благодаря нашим пустоголовым помещикам.

* * *

Не прошло и пяти месяцев после того, как отменена была карточная система и стал действовать закон о хлебной торговле кооперативами, госучреждениями и колхозами, как весь этот аппарат уже захромал на одну ногу, и похоже на то, что и другая скоро откажется служить. В хлебных лавках и ларьках отпускают хлеб только ржаной, а пшеничный, если где окажется иной раз, то узнавшая об этом публика запруживает своим хвостом всю улицу настолько, что по ней не пройти, не проехать.

Вспомните, граждане, первые дни хлебной торговли в январе — сколько было газетной трескотни об этом. Уличные полосы красного ситца с надписями «Мы победили разруху», «Прочь, хлебные затруднения», «Выше знамя хлебной торговли» и проч.[ие] слепили глаза повсюду — и наконец вот вам результат. Нет, видно, «не бывать плешатому кудреватым», — как го-

ворит русская пословица. Я, скептически относящийся всегда к советскому хозяйству и всему социалистическому строю, в первые дни еще пророчествовал, что у товарищей ничего не выйдет и они еще до нового урожая расторгуются. И я снова, как в 1918 году, оказался прав, когда писал в «Голосе момента» про будущих наших управителей:

> В большинстве это люди малограмотные, с трудом подписывающие свою фамилию, есть и совсем не знающие грамоты. Так вот такие-то, совершенно невежественные лица будут стоять во главе такого сложного аппарата, как, например, продовольственная часть населения.

Тогда я не имел в виду нашей внешней торговли с иностранцами, где мы расплачиваемся за импорт хлебом, золотом и лесом; я только учитывал просто незнание наше в торговом деле и неумение его поставить; но теперь затруднения с хлебом, кажется, следует объяснять другими причинами, в истину которых никто из нас, тружеников на ниве народного хозяйства, не посвящен.

Если кто из вас, дорогие мои читатели, знаком с дореволюционной экономической борьбой сибиряков с централизмом на почве вывоза из Сибири хлебных излишков, которые исчислялись миллионами пудов, тот пусть это примет во внимание и скажет мне, где же эти излишки теперь, когда газеты на основании статистических данных утверждают, что мы теперь в своих производственных достижениях дореволюционное время «догнали и перегнали»? Это первое, о чем я хочу спросить, а затем, как истолковать разговор наших делегатов-колхозников в Москве с Мих.[аилом] Иван[овичем] Калининым, напечатанный в «Красноярском рабоч[ем]», где Мих.[аил] Ив[анович] советовал им усилить свою хлебную производительность настолько, чтобы хлеб в Сибирь им более не ввозить. Объяснить себе всю эту путаницу понятий в официальных сведениях и разговорах я могу только тем, что или врет статистика и мы в действительности не только никого не обгоняли, а по-прежнему топчемся на месте, или все же наши так наз[ываемые] хлебозаготовки от нас увозятся, а на удовлетворение местных потребностей оставляется та же полуголодная норма из числа низших культур (ржи и ячменя), которою мы питались при существовании пайков. Иначе эту абракадабру объяснить нечем.

Некоторые из защитников советских порядков объясняют создавшиеся затруднения в хлебоснабжении неисправностью мельницы, не успевающей удовлетворять нормальную потребность населения. Хорошо, значит, налажен социалистический аппарат общественного удовлетворения коммунальными услугами, если при построенном водопроводе население таскается за водой с коромыслами.

При электрической станции в городе — абсолютная темнота и сальное освещение по вечерам, наблюдаемое уже теперь в августе месяце. Баня не в состоянии обслуживать моющихся в ней: то нет воды в ней, то идет ремонт в ней, а тут еще мельница заставляет сидеть временами без хлеба. И ничего, все это терпим уже 16 лет: удивителен русский народ.

* * *

Меры борьбы на почве так наз.[ываемой] религиозной веротерпимости помаленьку из обыкновенного давления на верующих людей начинают переходить в открытый разбой.

Недели две тому назад в церковь бывш.[его] Спасского монастыря вошел полупьяный хулиган, оказавшийся надзирателем из домзака, и благодаря тому, что в церкви никого из публики не было, избил старика священника, пришедшего отправлять вечернюю службу, побил стекла в рамах, и если бы не услыхали живущие поблизости люди и не схватили погромщика на месте, возможно, погром продолжался бы и далее, т.[ак] к.[ак] погромщик у попа требовал денег. Вот в каких условиях общественной охраны начинает жить Енисейск. До сих пор я не могу дознаться, составлен ли об этом хотя бы протокол милиции.

Не лучше и в других делах нашей христианской церкви при существовании в государстве закона об отделении церкви от государства, ст[атья] 4 которого говорит:

> В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства, а школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

«Церковь отделяется от государства». Написано, кажется, ясно, и всем понятно, и до сих пор никем не изменено, а вот подите и полюбопытствуйте, что творится на практике. Я уже писал выше, как комендант за «спецпереселенцами» разлучил молодую парочку, хотя и зарегистрировавшуюся в загсе, но не испросившую предварительно разрешения его коммунистической светлости. Теперь при енисейской Успенской церкви открылось вакантное место священника, и община, в силу приведенного закона, беспрепятственно могла бы избрать себе любого кандидата из имеющихся в городе православных священников. Оказывается, не тут-то было. Желающий кандидат должен сначала быть зарегистрирован в горсовете — учреждении по характеру и духу антирелигиозном, следовательно не имеющем права в дела церкви и вмешиваться, однако факт налицо, по крайней мере, ни один из представленных кандидатов не принят. Ну чем еще не времена Августов и Тамерланов?

ПРИКАЗ

ПО ГАРНИЗОНУ гор. ЕНИСЕЙСКА

15 апреля 1921 года. № 53. город Енисейск.

§ 1.

Об'являю для сведения исполнения и руководства Приказ В. Ч. Учр. Енисейского Губериского Военного Комиссариата от 14 марта 1921 года № 130

§ 2.

„Ввиду непрекращающихся случаев нарушения некоторых пунктов декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви Отдел Юстиции доводит до сведения всех учреждений и должностных лиц, что 1) проведение в жизнь указанного декрета возлогается на все учреждения, 2) (в частности, согласно § 29 ст. 685 Собр. Узак. 19—1918 г. всякие религиозные изображения каких бы то не было ку[redacted]ов должны быть устранены из Государственных и иных публично-правовых учреждений) больниц, аптек, школ, волисполкомов, сельсоветов, многолавок и исключение может быть допущено лишь для стенной живописи, статуй, орнаментов и т. д. имеющих художественное, историческое или археологическое значение, о чем каждый раз уведомляется Отдел Юстиции.

3) (Ответственные руководители учреждений виновные в неисполнении декрета об отделении церкви от государства и школы от церки впредь будут предаватся суду Революционного Трибунала. Подлинный подписали Предгубисполкома Береговский, Заведывающий Отделом Юстиции (подпись не разборчива), Заведывающий ликвидационного подотдела (подпись)

Начальник Гарнизона
Увоенком **Веберс.**

Начкомчасти **Альтбрегин.**

Тираж 60 экз. Р. В. Ц. г. Енисейск, Енисейск. губ., Уездная Государств. Типография.

* * *

Город как фактически, так и в экономической своей жизни постепенно уничтожается, — так, всюду идет поломка церквей, остававшихся еще нетронутыми амбаров и пр.[очего], а утром 30 июня сгорел лесопильный завод со всем его оборудованием, то есть корпус завода, помещавшийся в одном из амбаров бывшего когда-то винокуренного завода Харченко, уничтоженного еще на заре социализма 1918–20 годов, и погорела вся обстановка: машины, станки и небольшая часть пиломатериалов.

Хотя у нас в хозяйственно-производственных делах и принято пристегивать всюду «широкую общественность» трудящихся, однако в подобных делах ей нечего делать. В прежние времена это событие прежде всего отмечено было бы в газетах, а теперь ни районная, ни краевая печать даже

не заикнулась бы об этом. Все, значит, гладко и хорошо. Не было даже собрания рабочих, чтобы обсудить собравшееся положение. По обыкновению сгоряча кого-то арестовали из служебного персонала завода, и на этом все затихло, а теперь уже скоро сентябрь, не слышно ни о показательном суде над виновниками, ни даже о ходе самого процесса расследования дела. Однако ни для кого не секрет, что причиной пожара являлась ненормальная перегруженность машины, нагрев которой надо было доводить, что назыв.[ается], «до белого каления» для того, чтобы выполнить и перевыполнить производственный план. Вот и считайте и ищите тут виновника пожара на полмиллиона убытка.

* * *

В поисках хотя чего-либо из закусок, чтобы угостить приехавшего гостя, я зашел в магазин Горпо[1] и мог достать лишь банку каких-то «рыбных фрикаделей в томатном соусе» фирмы «Дальгосрыбтреста» во Владивостоке. Заплатив за нее 3 р.[убля] 70 коп[еек], несу свою покупку и размыш-

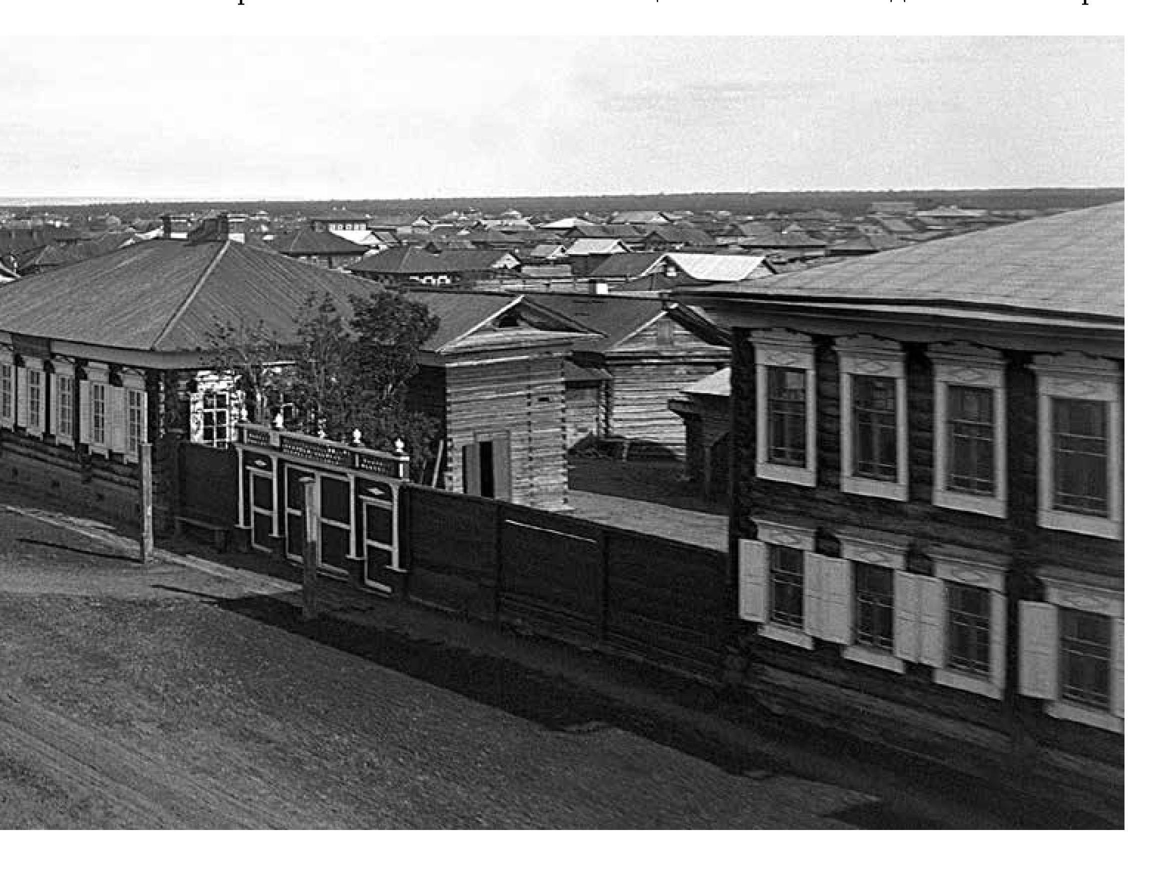
[1] Городское потребительское общество.

ляю: в каком же Тьмутараканске мы живем, чтобы ради гастрономического удовольствия покупать какие-то рыбные жмыхи или отбросы, привозимые за 4½ тыс[яч] верст, вкусовые качества которых я бы охотно променял на фунт туруханских селедок, стоивших когда-то гривенник. Невольно раздумаешься над тем «кривым зеркалом», которое представляет из себя наша жизнь. Те фабрикаты, которые дает наша рыбопромышленность реки Енисея, идут для угощения заграничной буржуазии, оставляя нам корешки и хвостики, а мы, трудящийся пролетариат Советской России, если желаем полакомиться, можем жрать и отбросы от тех осетров, нелем, сигов и проч[его], которые будут поданы на стол английских и друг[их] фабрикантов и заводчиков. А давно ли было время, когда мы могли одинаково кушать осетровой пирог вместе со своими буржуями Коноваловыми и Тонконоговыми за общим столом с ними. Вот она, социализация-то наизнанку.

* * *

Хотя и нет смысла изучать и знакомиться с историей по тем материалам, на выводы которых вы лишены возможности что-либо возразить, однако привычка ли к чтению или вообще любопытство подмывает иной раз

на чем-либо остановиться и хотя на страницах своих «подпольных» записок поведать свои взгляды будущим поколениям.

В 3-й книжке журнала «Каторга и ссылка» за 1931 год помещена статья редактора Теодоровича «Первое марта 1881 года», в которой автор на пространстве 50 с лишком страниц дает историческую сводку русского освободительного движения, начиная от декабристов и делит время на три периода, связанные между собой преемственно. Это 14 декабря 1825 г., 19 февраля 1861 г. и 1 марта 1881 г. Называя эти периоды пирровой победой царизма и дворянства в их борьбе за самосохранение, автор с исторической последовательностью и ссылкою на имена наших авторитетов в деле революционного движения доказывает, что, несмотря на общее народное озлобление и ту нищету и разорение мелких собственников-производителей, которые принесло с собой небывало быстрое развитие капитализма в России после февраля 1861 г., никакие, однако, народные революционные выступления на пространстве истекшего 50-летия опрокинуть царизм и буржуазию не могли, и только пролетариат и беднейшая часть крестьянства, руководимые партией большевиков, использовав уроки прошлого, под указанием Ленина принесли желанную свободу.

Таков вообще фон картины, нарисованной автором. Вникая в детали статьи, развиваемые им, мы прежде всего отметим упоминаемые в ней имена наших вождей и деятелей революционного движения, кто из них и какую позицию занимал. Видим также, что та нерешительность и осторожность, какие отмечает автор в их подготовительных действиях к выступлениям, приводили только к бесполезным спорам и склокам между народничеством и народовольцами. Наконец, впервые из статьи Теодоровича мы узнаем, что в числе врагов народа кроме помещиков, дворянства, буржуазии был и кулак как выродок из торгового капитала. Статья написана удобопонятным для всех языком и читается не без удовлетворения.

Если бы не последующие действия и события после октября 1917 года, живыми свидетелями и современниками коих нам пришлось быть, можно бы вполне и во всем согласиться с автором ст.[атьи] «1 марта 1881 года», настолько она объективна в своем историческом изложении, но вот те детали и выводы, которые приводит автор и которые независимо от него напрашиваются сами по себе при чтении статьи, и заставили меня еще лишний раз поделиться с моим будущим читателем своими суждениями на тему, пожалуй уже надоевшую нам.

Я уже писал в своих записках, что индивидуальные особенности человеческого труда, данные природой, являются и главною причиною общественного неравенства людей, что отмечает и Маркс. Тот нормальный ход

событий в России, который наступил вслед за падением крепостного права, которого не отрицает и сам автор, а именно постройка железных дорог, развитие торговой и промышленной жизни в стране, вообще все то, где обыкновенно принимают участие наиболее одаренные природою силы, — дельцы, попросту говоря, и люди опыта, — безусловно, являются главною причиною опролетаризации мелкого производителя — рабочего и крестьянина, таков уж естественный ход нашей жизни, где в борьбе за существование выживают и приспосабливаются наиболее ловкие и пронырливые люди, а наиболее слабые погибают или влачат жалкое существование, с трудом добывая себе кусок хлеба.

Возьмите наше послеоктябрьское время, свидетелями которого мы теперь являемся. Разве мы не видели того момента, как при установлении и реорганизации властей по местам и укреплении диктатуры, когда на гребне революционной войны, захватившей народные массы, работали и преодолевали люди хотя и с подмоченной совестью, но бесстрашные духом, сильные своей волей, а все наиболее слабое, рядовое, хотя и идущее рука об руку к одной цели, постепенно оттиралось в сторону, пока не становилось тем же, чем было и до этого времени. В этом-то и суть всяких народных передвижек, что на первый план выдвигаются люди, бывшие до этого в задних рядах общества, и стираются с поверхности те, которые стояли некогда впереди.

Вполне естественным утверждением автора является и то, что в защиту отстающих обездоленных масс, всегда составляющих большинство, взялись те «печальники народные», имена которых приводит автор. Но главная же суть здесь в том, что эти вожди и печальники в лице Герцена, Лаврова и др.[угих] прекрасно понимали, что бунтарское восстание снизу не только несет за собою море человеческой крови и жертв, но оно гибельно также и для экономического хода страны, они щадили народные массы, плохо разбиравшиеся в технике самих восстаний, отсюда и те «склоки и споры», о которых иронизирует автор, и говорит — вот путь, который указал и по которому привел пролетариат к победе т[оварищ] Ленин, является наиболее правильным из всех, какие применялись ранее.

Действительно, в этом последнем пути борьбы с врагом при использовании общего недовольства царским правительством со стороны народных масс не было заботы о последствиях для людей, остающихся жить в стране и непричастных к кровавым переворотам. Единственною целью и стремлением партии большевиков, если исходить из откровенного признания Сталина, сделанного в его «Вопросах ленинизма», было на первом плане околпачить фронтовиков разными обещаниями, хотя бы и несбыточными, чтобы только добыть в свои руки пушки, пулеметы и тюрьмы, а там

Набережная Енисея после наводнения, 1937 г. Из фондов ЕКМ.

мы сумеем устроиться. Лозунг товарища Ленина «грабь в мою голову» возымел свое действие.

Припомним первые дни советской победы и работы большевиков в октябрьские дни. Разгон законно избранного Учредительного собрания, о непременном созыве которого они же первые настаивали. Аннулирование денег в стране и национализация имуществ и капиталов, остававшихся в банках и сберегательных кассах, составлявших народное накопление, грабеж золотых запасов в государственных кладовых и, наконец, изъятие церковных ценностей — вот первый этап социализма, опустошивший страну настолько, что еще теперь, спустя 17 лет господства партии над страной, мы не можем оправиться. Наш бумажный рубль не только не котируется на мировом рынке как валюта, но и дома у себя ему грош цена. Но какое нам дело до того, как живут народные массы в стране, чем они питаются и как работают и что за это получают. Нам бы только добыть власть в свои руки и все те наслаждения и довольства, какими пользуются возглавляющие ее люди, а на остальное «начхать».

Автор статьи пишет, что:

> пролетариат, руководимый партией большевиков, решая по очереди сперва задачу раскрепощения буржуазного общества, а затем задачу освобождения трудящихся от капиталистической кабалы, использовал в первом

случае революционную демократию мелких производителей, а во втором уничтожил противоположности между городом и деревней.

Разберемся же со стоящим пред нашими глазами примером за прожитый период времени с Октября по настоящие дни, посмотрим, в каких условиях применения своего труда оказался этот мелкий производитель-промышленник, или попросту кустарь, как принято его называть. Действительно, капиталистической кабалы, в которой оказался этот кустарь при господстве и развитии капитализма, теперь не стало. Ее заменила огосударств[л]енная кабала, кабала кооперативная. Мы в последние годы перед войной своими глазами наблюдали, как под влиянием конкуренции наши торговцы были довольны пятачковым барышом на пуде крупчатки или сахара. Как же действует сейчас наша огосударственная кооперация? Ее первая и существенная задача — это выкачивание с члена-потребителя паевых средств, поднятых неимоверно, вторая — драть с покупателя на некоторых продуктах вдвое, втрое и даже вчетверо против себестоимости[2].

Сравните договорные цены с кустарями-рыбопромышленниками за 1922 год, приведенные мною в своих записках, и вы убедитесь в правоте моих доводов.

Затем надо помнить и то, что при капиталистической кабале полки магазинов ломились под тяжестью товаров, имя которым легион, а посмотрите, чем снабжает нас теперешняя кооперация? Далее автор утверждает, что теперь облегчилось бремя мелких производителей. Посмотрим. Когда сконструировали товарищи-партийцы свою власть, то все кустари закреплены были за кустпромом при Совнархозе, без разрешения которого не могли двинуть пальцем. Позднее же, с организацией кустарно-промышленного кооператива (кусткомбината), все кустарные ремесленные цеха стал объединять последний. И вот укажу два примера из жизни нашего Енисейска.

Был здесь старик Зорембо — единственный в городе мастер по чернению шуб и выделке зверовых шкурок, кормившийся этим ремеслом со своей старухой, и что же? Райфо, преследуя его налогом, говорит: составляй артель или иди работать в кусткомбинат. Так как Зорембо найти себе в товарищи других специалистов не смог, а работать на кусткомбинат не захотел, то в результате, как безработный, лишенный хлебного пайка, умер голодной смертью. Факт, который подтвердят все в городе в 1935 году. Другой подобный ему единственный в городе колбасный мастер, имевший свою мастерскую и гастрономическую торговлю, которые были у него национа-

[2] На днях я за килограмм соленых корзинок заплатил 3 р. 90 к., когда в старые времена в мелочной лавке торговца цена была 5 к. за фунт. — *Прим. Миндаровского.*

лизированы вместе с домом, а владелец переведен в разряд лишенцев, которым он числится и поныне. Ему, как одиночке, также воспрещено работать по своей специальности, кроме как в артели или на кусткомбинате, куда он и имел оплошность поступить, и что же? Ввиду того что комбинат этот, подобно многим другим организациям, сводит свои отчетные балансы с убытком, то Макарову как лишенцу он преподносит счет на 1000 руб. в погашение убытков вместо того, чтобы заплатить ему за проработанное время. Теперь на приведенных двух примерах заключайте, насколько «облегчилось бремя мелких производителей».

В заключение разберемся, как товарищи уничтожили старую распрю между городом и деревней, которая издавна происходила и была особенно заметна в земских губерниях России в прифабрично-заводских местах.

Тот, кто живя в Енисейске, не забыл еще первых годов т.[ак] наз[ываемого] военного коммунизма и НЭПа, разумеется, испытал на себе, как он тащил в деревню прежние излишки из своих домашних пожитков, чтобы получить какой-нибудь пуд хлеба или мешок картошки. Многие помнят еще и теперь, как этот деревенский мужик-кремень с тайным злорадством смотрел на горожанина, чувствуя всю зависимость последнего пред собой, и не знал, что запросить и какую цену взять за этот пудовик хлеба. Так тянулось время, пока сталинская «цепь великая», ударившая в начале буржуя-горожанина, другим своим концом не обрушилась и на хлебороба-мужика, оказавшегося потом «в нетях». Теперь место этого хлебороба-кулака заняли колхозы в лице разных бригадиров, ударников и т.[ому] под[обных] «знатных людей» деревни, тоже одинаково знающих себе цену.

Следя за колхозными базарами — этим советским выкидышем, мы видим, что «знатные» торговцы не спрашивают покупателя, каков его заработок и велика ли его семья, а дерут по 35 руб. за пуд хлеба, по 3 р. за ведро картошки, 6–7 руб. за десяток яиц, рублевку за два пучка луку. Таково соотношение цен между городом и деревней, про которые автор говорит, что они уничтожены. Для наглядности я приведу здесь табличку соотношения базарных цен на предметы первой необходимости в разное время.

На семью в 5 челов[ек]	Потребное количество	До войны		Теперь	
		Цена	Сумма	Цена	Сумма
Мука в среднем	60 кг	45 к./пуд	2.25 р.	1.10 р.	60.30 р.
Мясо около пуда	15 кг	0.20 р.	3.25 р.	12 р.	180 р.
Масло килограмм	1 кг	0.75 р.	0.75 р.	20 р.	20 р.
Картофель	3 мешка	0.80 р.	2.40 р.	3 р./ведро	30 р.
Крупа пуд	16 кг	0.80 р.	0.80 р.	2.50 р.	40.20 р.

На семью в 5 челов[ек]	Потребное количество	До войны		Теперь	
		Цена	Сумма	Цена	Сумма
Соль пуд	16	1.20 р.	1.20 р.	8 р.	8 р.
Рыба пуд	16	2.50 р.	2.50 р.	4 р.	64 р.
Чай — сахар в кило	1	2 р.	2 р.	10 р.	10 р.
		14 р.		412 р. 30 к.	

Значит, до войны рабочий человек мог просуществовать с семьей в 5 чел[овек] при самом экономном расходе на самое необходимое в жизни, зарабатывая 15 рублей в м[еся]ц, а теперь он получает в среднем от 6 до 8 р. в день, значит, в м[еся]ц около 200 руб. и сидит на одних овощах, так как жировые продукты для него недоступны. Вот теперь и сравните взаимоотношение между городом и деревней прежде и теперь.

Тот же автор, говоря о помещичьем хозяйстве после 19 февраля 1861 года, когда оно пошло окончательно к распаду, пишет:

> капиталов негде взять, денег нет ни у казны, ни в банках, но есть возможность взять эти капиталы с крестьян и обратить их на улучшение помещичьего хозяйства. Крестьянство, получив урезанный надел, будучи прикрепленным к земле, не могло свободно маневрировать на рынке труда, и, имея постоянный недостаток в продуктах продовольствия, должно было обращаться за арендой или покупкой земли к помещикам, и, таким образом, быть у них в кабале.

Удивительно, что большевистская близорукость, твердолобая уверенность в проводимой политике настолько ослепляют автора статьи, что он не сознает даже, что пишет. Это, что называется, из-за сосны не видеть леса. Не то же ли самое мы сейчас наблюдаем в манипуляциях пр-[авительст]ва с крестьянским хозяйством? Не то же ли самое прикрепление крестьянства к помещику-колхозу проводится в данное время и не та ли же кабала применяется сейчас в отношении «свободного» крестьянского труда у единоличников? Разберемся по порядку. «Денег не было ни у казны, ни у банков» после 1861 года, и помещиков выручала арендная плата с крестьян за землю, — правильно. И сейчас в советской казне, судя по курсу нашего рубля, тоже «кот наплакал», но теперь прежнюю арендную плату заменяет система зернопоставок государству в лице коммунистической партии, и та «прибавочная стоимость» труда рабочих и служащих, которой пользовались помещики и капиталисты, а теперь получает ее партия и правительство как главные распорядители в деле распределения народного труда. Справедливость требует сказать, что как тогда, говоря словами автора, крестьяне были «прикреплены» к земле, так же прикре-

плены они и теперь, когда каждый колхоз, каждый единоличник по своей воле не только шагу ступить не могут свободно, без направления и указки партии, но они не могут и взять себе даже пуда своего хлеба, прежде чем не получат на это разрешения. Выше я приводил вырезку из распоряжения прокурора относительно планов сева крестьянами, а вот теперь и последствия этого распоряжения:

Наказаны за плохое качество уборки[3]

Бригадиры Буйко Александр и Беленя Даниил колхоза имени Громова (Ачинский район) в погоне за косовицей забыли о качестве уборки хлеба. В бригаде Беленя потеряно зерна на гектар до 21,7 проц.[ента], а у бригадира Буйко — 22 проц.[ента] на га, или в среднем 152 килограмма.

Районный суд под председательством тов. Соболева за нарушение директивы партии и правительства об уборке урожая приговорил: бригадира Буйко Александра к двум годам тюремного заключения, а бригадира Беленя — к 1 году. Председателю колхоза Гоголю вынесен строгий выговор с предупреждением.

З. Краснов

Какую же еще лучше можно придумать «кабалу» для исторического мужика-крестьянина, попавшего «из огня да в пламя»?

Сейчас принято на веру считать, что какую бы глупость ни придумал Сталин, все это справедливо и гениально. Но вряд ли глупее Сталина и Ленина были те Лавровы и Герцены, о которых упоминает автор статьи «1 марта». Нет, эти светлые люди со свойственной им прозорливостью глубоко смотрели вперед на будущее; они прекрасно понимали, что один неосторожный шаг может завести темный русский народ в другую пучину бесправия. Они, болея о судьбе русского народа, боялись, как бы революция, вырвав его из рук самодержавия, не отдала его в руки других деспотов из лагеря черни и пауперизма. Это как раз и случилось благодаря слабости власти, сменившей царизм.

* * *

На днях из Красноярска получилось сведение, что дочка наших бывших соседей Толстых, 16-летняя девушка, окончившая уже среднюю школу, написала какое-то стихотворение, критикующее советскую власть в контрреволюционную сторону. Этого было достаточно, чтобы над этой молодой, только что вступающей в жизнь нетронутой силой смастерить какой-то суд

[3] Вклеенная в рукописный текст газетная вырезка.

и лишить ее не только права продолжать образование, но и права на работу в советских учреждениях чуть ли не на всю ее жизнь. Просто не верится такому варварскому постановлению, выносящему человеку политическую смерть за какие-то несколько фраз по молодости и неопытности, вылившиеся на бумагу. Но с другой стороны, нет ничего удивительного в действительности такого явления. Ее отец был казак и расстрелян «чекой» в 1921 г. в городе Красноярске. Хотя эта девочка и осталась после отца по второму году, и на четвертом году воспитателем был уже отчим, вполне советский служащий, да разве это принимается во внимание. Карается не возраст, а отцовская кровь до третьего поколения. Таков уж мстительный гробокопательский закон, установленный главарями пролетарского российского государства, «единственного во всем мире».

* * *

В старое время, когда затевались какие-либо правительственные проекты к поднятию и развитию той или иной местности в стране, то прежде чем решать окончательно такой вопрос, собирались материалы и обследования об экономическом состоянии этого края, о его промышленности, торговле и т[ому] под[обном].

В данное время, с индустриализации страны, — что можно отнести в особенную похвалу правящей коммунистической партии, — является крайне необходимым, чтобы каждый район, каждый отдельно взятый уголок в точности знал свое состояние, степень его промышленности, его природные богатства, залегающие в недрах земли или на поверхности ее, для изучения чего теперь в качестве пособия имеются богатейшие литературные труды, было бы только желание и любовь к делу («Познай самого себя» — сказал, кажется, Менделеев). Чтобы привлечь к этому делу молодые и старые силы, последними могут быть организуемы общества краеведения, равноценные по своей структуре с существовавшим у нас когда-то кружком членов Общества изучения Сибири и улучшения быта, в котором работал и я. Советская власть всячески идет навстречу таким организациям, чтобы побудить массы к заинтересованности этим делом. Само собой разумеется, что ближе всего тут должны быть люди местные, и не только в силу жизненных и служебных условий связанные с краем, но инсти[н]ктивно болеющие о нем. Из плеяды таких работников по местам возникла когда-то по Сибири целая организация областничества, на которую почему-то смотрят теперь с отвращением.

Первоначально такие общества краеведов хотели сорганизовать из членов партий и молодежи (комсомола), но потом, убедившись на практике, что это мертвое дело, пр-[авительст]во поставило это дело на рельсы об-

щественных организаций, где каждый желающий по своим знаниям и силам мог бы принести пользу.

Однако и такие добровольческие организации налаживаются у нас слабо и с большими трудностями. Правда, газеты трещат о повсеместном развертывании таких обществ, чему верить можно только относительно. Наша краевая газета пишет, что краеведение развилось даже на далеком Севере, в пределах Таймырского района, обильном песцами и медведями, но в нашем Енисейском районе, хотя и близком к медвежьему углу, краеведческое дело никак сдвинуться с места не может.

В начале настоящего года я по согласованности с районным отделом народ.[ного] образ.[ования], как старый работник-краевед, хотел было помочь в налаживании здесь отделения Общества изучения Красноярского края (такое о[бщест]во образовалось одновременно с краем с 1 января 1935 г.), но усилия мои оказались тщетными. Правда, одиночек-сочувствующих я привлек более 30 человек, но раскачать местные правительственные организации, которые в условиях советского строя должны бы являться основными звеньями такого общества, я никак не мог. Все, видите ли, поглощены своими делами, как будто бы для меня это оправдание. Я прежде работал в двух-трех местах, и на все хватало время, потому что была вера в плодотворность своей работы, а теперь что? Возглавляют район люди, неведомо откуда пришлые, которым интересы района так же близки, как нам прошлогодний снег. Все их заботы, все помыслы направлены к тому лишь, чтобы не нарушить линии, проводимой партией в политическом отношении, чтобы сохранить и уберечь диктатуру партии над страной, а остальное на последнем плане.

Пробовал было я пропагандировать идею краеведения чрез местную районную печать, и написанные мною две статейки на эту тему напечатаны не были. В конце концов и я сам был снять с работы как человек надоедливый и к ихнему лагерю не подходящий.

«Со святыми упокой» — остается сказать про наше краеведение.

* * *

На этом я записки свои кончаю и дальнейшие записи поведу в виде дневника, избегая, по возможности, своих комментариев.

М. Миндаровский
Сентябрь
1935 г.

Приложение

Революционные дни в Енисейске

М. Миндаровский

журнал «Сибирские записки», 1919, № 6 (ноябрь-декабрь)[1]

С каким энтузиазмом и верою в лучшее будущее два года назад встречали мы зарю светлого освобождения своей родины от гнета самодержавного режима, и с какою грустью и разочарованием пришлось смотреть потом, как гибли завоеванные в февральские дни блага человеческого существования, как в чаду и безумии одураченными народными массами разрушались сокровища и богатства великой Империи, уничтожались и те жалкие следы культуры и цивилизации, которыми так бедна была самодержавная Русь.

Этот второй период революции, период владычества черни, под флагом рабоче-крестьянского правительства, возглавляемого Лениным и К°, знаменитый своими событиями и тем неслыханным вандализмом «диктатуры пролетариата», какой пришлось пережить обыкновенному обывателю, чуждому всякой политики, не обошел, кажется, ни одного живого угла громадной страны, чтобы не наложить на нем свою печать разрушения.

Всюду это революционное время оставило при себе тот или иной след на фоне общественной жизни, который страна переживет еще не скоро. Не миновал этот день и нашего Енисейска.

Зато с какой радостью встречена была в Енисейске первая весть о совершившемся перевороте, когда на публичном чтении 3-го марта, устроенном местным Обществом потребителей, оглашена была встреченная аплодисментами официальная телеграмма об этом событии и торжественно почтена вставанием память погибших борцов за свободу.

На завтра этого дня город принял праздничный вид. Состоялось торжественное заседание думы, посвященное такому важному событию, при

[1] *Примечание редакции [«Сибирских записок»].* Время для оценки событий последних двух лет, конечно, еще не настало. Всякое изложение событий последних 2-х лет в настоящее время будет носить довольно много субъективного. Но во всяком случае материал, даваемый современниками, ценен и интересен и он должен быть сохраненным для будущего историка. Печатаемая статья не отличается полной объективностью, но она во всяком случае достаточно осторожно написана и вместе с тем интересна. Мы печатаем эту статью как материал, и были бы очень рады получить подобный же материал о пережитых событиях из других мест. Особенно ценным материалом были бы для нас аналогичные сообщения из сельских мест.

участии представителей от политических и общественных организаций, на котором сформирован был комитет общественного порядка и спокойствия. Были посланы приветственные телеграммы новому Временному правительству, нашей армии, в лице ее главнокомандующего, председателю Государственной думы, Совету рабочих и солдатских депутатов и министру юстиции Керенскому. После этого начались деловые заседания думы и комитета. Пришлось принять предохранительные меры по отношению некоторых лиц старой власти на случай их контрреволюционного выступления. Словом, первые дни обновленной России, как и повсюду, прошли у нас в дружной спокойной работе всех объединившихся общественных сил. Даже освобождение из тюрьмы всех арестантов не отразилось на спокойствии города, а этот шаг, при других обстоятельствах, являлся не только чрезвычайно рискованным, но и явно преступным. Исполнительный комитет общественной безопасности, в объяснение необходимости освобождения всех заключенных, приняв на себя роль верховной власти, сделал общему собранию граждан следующее заявление:

> Вопрос с заключенными по уголовным делам непосредственно связан с великими событиями освобождения Великого Русского народа. Старый бюрократический режим создал в жизни условия, которые не давали личности широко развиваться по пути самоопределения, по пути труда на благо человечества. Бюрократический режим, идя сам по преступному пути, толкал на этот путь многих из потерявших равновесие в жизни. Этот режим не старался поддержать в момент упадка, а, наоборот, низвергал их навсегда в пропасть так глубоко, что подняться оттуда было им не под силу. Мы безвозвратно осудили тот старый строй, который всю Россию вместо школ покрыл колоссальным количеством тюрем и все усилия свои направлял к тому, чтобы эти тюрьмы были заполнены. Раз мы осудили и пригвоздили к черной доске все порядки прежнего, мы должны осудить также и все его последствия. Объявленной свободе России не нужны жертвы того мерзкого, тайного строя, покрывшего всю России язвами. Широко мы рассеяли этот свет, и сияние солнца свободы мы должны понести во все темные углы.

Это было утром 10-го марта, когда состоялся грандиозный митинг с участием чинов местного гарнизона, с оркестром музыки из учащихся мужской гимназии и рабочих, а к вечеру состоялись проводы отбывающих по домам ссыльных, сопутствуемых наилучшими пожеланиями провожавшей интеллигенции. Все это носило теплый, задушевный характер торжественно настроенной массы, участвовавших в проводах горожан. В этот

Демонстрация в Енисейске весной 1917 г.
В акции принимают участие эсеры, члены рабочих профсоюзов со знаменами организаций и гимназисты. Из фондов КККМ.

НАРОДНАЯ ЧИТАЛЬ
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
РЕСПУБЛИКА!
В БОРЬБѢ
ОБРѢТЕШЬ ТЫ
ВЛАСТИ
КРЕСТЬЯНАМИ

день произнесено было много речей, главным образом ссыльными, значительное число коих прибыло из уезда. И вот в этих-то речах впервые резким диссонансом прозвучали прискорбные нотки, режущие слух по-праздничному настроенной публики. Третирование Временного правительства, истерические выкрики «долой войну», «конец буржуазии» казались слишком вульгарными для этого дня, они словно тучею обволакивали зарождающуюся зарю русской свободы, и многие, покидая митинг, уходили в предчувствии чего-то недоброго за будущий день. И предчувствие не обмануло их в этом.

Если политическая ссылка, во многом содействовавшая культурному росту сибиряков, до сих пор высоко стояла в глазах сибирской интеллигенции, то современные представители ее в этот исторический день в своих речах показали всю свою нравственную наготу и убожество мысли. С этого дня, по сумме слагаемых действий, мы стали знать, каковы вожди молодой русской демократии и куда они приведут ее. Открыв свое политическое кредо и разобравшись на партии, они пошли с проповедью своего учения в те слои населения, которым отвлеченные идеалы социализма были чужды и недоступны их пониманию, как запрещенный райский плод нашим прародителям.

Не учитывая того, что приспособленные к свергнутому самодержавию бытовые условия и нравы не могут исчезнуть, как сон, что темная народная масса требует особо бережного с ней обращения, новоявленные апостолы, почувствовав себя строителями новой жизни, поспешили занять первыми свои позиции ответственных руководителей в деле укрепления новой власти на местах своего подневольного проживания и в этой, несвойственной им роли хватили через край. Поскольку уровень их культурного развития и нравственные качества отвечали пониманию данного переходного момента, постольку планомерны были и первые шаги на пути укрепления нового строя.

Вскоре же, после первых мартовских дней, события показали, что принимая на себя ответственную пред своей совестью и непосвященной массой населения роль, некоторые вожаки пролетариата оказались далеко не на высоте своего положения и в действиях своих даже превзошли своих урядников и становых приставов.

Так по крайней мере в первые дни революции происходило дело в нашем уезде, в отдаленном, малолюдном, поголовно неграмотном Туруханском крае, где, по рассказам очевидцев, подвиги новых реформаторов могли бы дать богатый материал для обозревателя.

А действия и приказы новых властей в абсолютном большинстве были лаконичны и строги. Наприм.[ер], у нас городской общественный коми-

2 Мая 1917 г.

ГРАЖДАНЕ!

Грозныя событія послѣднихъ дней, которыя переживаетъ въ страшной тревогѣ городъ, побудили Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ прибѣгнуть къ исключительной мѣрѣ—**объявить городъ НА ОСАДНОМЪ ПОЛОЖЕНИИ. Постановленіемъ Комитета я назначенъ Комендантомъ.**

Граждане! осадное положеніе установленно не для того, чтобы лица, которымъ даны исключительныя полномочія, творили произволъ. Нѣтъ Совѣтъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ произвола не допустить. Уничтожить съ корнемъ зло, отъ котораго всѣ граждане переживаютъ невыносимый ужасъ—прямая и единственная цѣль введенія осаднаго положенія и врученія широкихъ полномочій Комендату.

Граждане! насколько велико происходящее зло—пожары,—настолько и обширны полномочія Коменданта, поэтому приглашаю всѣхъ гражданъ подчиниться моимъ распоряженіямъ безпрекословно—въ сознаніи, что каждый гражданинъ тѣмъ самымъ исполняетъ свой гражданскій долгъ и способствуетъ уничтоженію страшнаго зла.

Предупреждаю, граждане, что не исполненіе моихъ распоряженій и постановленій повлечетъ за собой очень большую отвѣтственность—**до отдачи въ каторжныя работы безсрочно.**

Призываю Васъ, Граждане, содѣйствовать мнѣ при исполненіи мною сложной и отвѣтственной работы; вѣрю, что Вы такъ именно и будете дѣлать и избавите меня отъ тяжелой необходимости принимать мѣры принужденія и наказанія, которыя, Вы должны знать, будутъ чрезвычайно строгими.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объявляю, что:

1) Всѣ вооруженныя силы находятся въ моемъ распоряженіи;

2) Должностныя лица и государственныя и общественныя учрежденія также находятся въ моемъ распоряженіи и обязаны исполнять мои приказы неукоснительно;

3) Имущества частныхъ лицъ, кои могутъ служить средствомъ устраненія устрашающаго всѣхъ зла—поступаютъ, по моимъ приказамъ, въ общественное пользованіе.

Нарушеніе моихъ постановленій и неисполненіе приказовъ карается въ порядкѣ осаднаго положенія.

Комендантъ Х. Летухинъ.

тет, принявший на себя верховную власть по введению нового общественного порядка, своему уполномоченному по Туруханскому краю комиссару Масленникову дал «полную свободу действий включительно до расстрела» всех, не подчиняющихся новому строю. Однако, благодаря ли особым индивидуальным качествам этого верховного лица, или в силу других иных каких-либо благоприятно складывавшихся обстоятельств, случаев казни в Туруханском крае от руки Масленникова не зарегистрировано. Смена властей и новый порядок осуществлены были сравнительно спокойно, и крупных эксцессов на этой почве не зарегистрировано.

Не то было в пределах прилегающей к городу Анциферовской волости и Ангарского края, где вновь испеченные комиссары и руководимые ими общественные организации не признавали ни частной собственности, ни прав свободного гражданина, о которых так много говорено и писано было в книжках руководителями социалистического движения. Вот что рассказывали мне свидетели про действия одного из членов самого себя избравшего общественного комитета по Анциферовской волости. Для того чтобы убедиться в действительности опьянения двух инородцев, оживленно жестикулировавших, идя по деревне, чрезвычайный уполномоченный Енисейского комитета комиссар Корф приставил к ним дуло револьвера и держал его до тех пор, пока не сказали, что «действительно, малось выпили».

Или едет «власть» в село Назимовское. По узкой снежной дороге встречаются сани. «Кто едет? Сворачивай!» Сани, видимо, не торопятся. Тогда «власть» выскакивает из кошевки, подбегает к ослушнику и, направляя на него свой револьвер, кричит: «Застрелю, каналья, говори, кто такой?»

«Худышкин, — подавленным голосом произносит проезжий, — со мной ничего нет», — и со страху падает в ноги, моля о пощаде.

В голове несчастного блеснула мысль, что на него напали грабители.

Приказав Худышкину (жителю села Ворогово) вернуться и следовать за своей особой в село Назимовское, Корф по приезде отдал распоряжение отдать Худышкина под недельный арест.

Также хотел было поступить и с енисейским золотопромышленником В. Г. Евсеевым, заперев его в холодную баню, да каким-то образом приговор не был приведен в исполнение.

Особенно колоритный характер имел факт расправы с торговцами дер. Вороговой Поповым, которого уполномоченный комитета хотел повесить, да, к счастью, Попов был в отъезде, и Кайдаловым, человеком достаточно интеллигентным, за свои радикальные мысли в 1908 году сидевшим даже в тюрьме. У последнего расхищен был почти весь товар лавки.

Рассказывали, что жители селения Ворогово, где владычествовали Корф и Виноградов, смотря на такие картины «укрепления революции», глубоко произносили: «Господи, что-то еще будет далее?»

На Ангаре, например, были такие случаи произвола. В Богучанах и Пингуче члены общественного комитета забрали товар из лавок торговцев Толстых и Каверзина, приобретенный ими еще в довоенное время, чтобы они не смели конкурировать с лавкой общества потребителей, продавая товар ниже цен потребительской лавки. Сыромолотовский комитет Кежемской волости отобрал у торговцев пушнину с тою целью, чтобы самому наживать деньги торговлей с инородцами.

Я привел только голые факты со слов самих потерпевших и на основании имеющихся у меня документов, а сколько таких аналогичных явлений было кроме Анциферовой и Ангары, в других местах и селениях, ютящихся в дебрях сибирской тайги, где хозяйничали разные «комиссары», всего не опишешь.

Программу социализма, стремящегося к достижению тех времен, когда не будет ни бедных, ни богатых, эти опьяненные властью лица осуществляли не в форме научного философского обоснования, о котором, может быть, и сами-то имели смутное представление, а как право сильного: «Иду на вас!», поэтому-то на всем пути своего диктаторства и позволяли себе всяческие безобразия.

Разумеется, такие явления имели место главным образом там, где власть вручалась политическим и уголовным ссыльным с поношенным нравственным багажом, терроризирующим своими действиями мирное население, и где, по издавна сложившимся традициям, о политике думали меньше всего.

Енисейску и его уезду в этом отношении особенно посчастливилось. Начавшее проявляться с мартовских дней модное большевистское течение здесь работало без устали во всех направлениях. Обыватель недоумевал и не мог понять — демократия ли это или просто нарождающаяся анархия.

Город хотя также испытывал на себе различные проявления новой революционной силы, но, как более культурная община, видел их осуществление в более мягких формах. И здесь начавшая сеять свои плоды проповедь ленинского учения и анархизма лозунгами «долой войну» имела свой успех и пришлась особенно по душе тому элементу, который всегда в старое время норовил пожиться на чужой счет. Такие уголовные типы, известные всему Енисейску, как «Кудрявчик» и ему подобные, стали «товарищами», «правой рукой» взявших в свои руки власть бухгалтеров, конторщиков, аптекарей и т. п. «демократии».

Народная читальня имени Баландина — единственное в городе место для спектаклей, народных собраний и т.[ому] п.[одобного], стала цитаделью революционной демократии; сюда приходили и говорили люди всяких политических убеждений и всевозможных национальностей; некоторых публика видела на трибуне первый раз, не зная совершенно личности оратора, верного своим идеям и исповедуемой им программы, приглашали смыкать свои ряды и идти на бой не с немцем, а с заклятым врагом — буржуазией. Грустно и тяжело становилось на душе за будущее родины, когда, бывало, зайдешь послушать таких ораторов с призывом к дубине и к уничтожению эксплуататоров рабочего люда.

В БОРЬБѢ

Участники Второго крестьянского съезда, Енисейск, 1917 г. Из фондов ЕКМ.

И обыватель, простой рабочий, неграмотный человек, на которого революция свалилась как снег на голову, слушая такие речи, проникался только одним сознанием, доступным его пониманию, со знанием ненависти к своим работодателям, желанием если не погрома, то хотя бы какого-нибудь реванша в виде вреда по адресу мнимого врага.

Из всех говоривших, вероятно людей глубоко убежденных в том, что они идут в темные народные низы с целью развития в нем политического понимания и воспитания широких масс, как наиболее искусных ораторов, действовавших особенно на толпу, выделялись фигуры Петунина, Яковлева, Иоффе, Перенсона и Ассинского. Последний своим выразительным народным языком буквально очаровывал публику; одно время был ее любимцем, а затем этой же толпой впоследствии был развенчан. Боже упаси было в этот момент кому-нибудь возразить оратору! Хорошо, если только свистом и шумом ему не дадут открыть рта; нельзя было поручиться за то, что осмелившемуся на контрвыступление благополучно удалось бы унести свои ноги.

Так шло время так наз.[ываемого] «углубления революции», вплоть до перелома в октябрьские дни, когда многие из ораторствовавших демагогов раскололись на два непримиримых лагеря — большевиков, за которым пошли в пропасть наэлектризованные массы всякого сброда и на вовремя удержавшихся на своих позициях меньшевиков и эсеров.

Наряду с пропагандой большевистских идей одинаково шло и разложение рабочего класса. В стремлении к идеалу «поменьше сделать и побольше взять» понизилась до невозможного производительность рабочих рук. Росли еженедельно требования о повышении заработной платы в предприятиях и поденном труде, приведшие к тому, что должна была прекратить свои работы казна, строящая Новонифантьевскую дорогу на прииска, а только что наладившееся, довольно крупное лесопильное дело Лида и К° — ликвидировать свои действия. Когда митинговые выступления ораторов достаточно уже социализировали публику, в городе начались поджоги.

В течение двухнедельного периода с конца апреля Енисейск покрыт был заревом пожаров, на которых происходила полная вакханалия грабежа спасаемого имущества, и вот растерявшаяся новая революционная власть, для того только, чтобы переловить всем известных хулиганов, проживавших без определенных занятий, освобожденных 10 марта из тюрьмы лиц с уголовным прошлым, чтобы иметь основание лишить их свободы более 24-часового времени, город объявляется на осадном положении, во время которого все мирное население должно было подвергнуть себя домашнему аресту и лишить возможности свободно высказывать свои мысли в пе-

Российская
Советская Федеративная
Республика.

ЕНИСЕЙСКИЙ
Уездный Исполнительный
Комитет
Совета Рабоч., Солдат. и Крест.
ДЕПУТАТОВ.

Апреля 25 дня 1918 г.

Исх. № 2088

г. Енисейск.

ДЕКРЕТ № 14.

Озабачиваясь предохранением города от ужасов пожара, подобно пережитым в прошлом году возникавших главным образом от злостных поджогов, и могущих повториться с наступлением весны благодаря присутсвию в городе большого числа темного преступного элемента, Уездный Исполнительный Комитет декретирует следующее:

1) При первом пожаре, где будет усмотрен злой умысел поджога, город будет объявлен на военном положении;

2) Все подозрительные личности, не имеющие никаких занятий, немедленно без всякого разбора будут изолированы от общества путем ареста:

3) С преступниками будет поступлено самым строжайшим образом; ЗАДЕРЖАННЫЕ НА МЕСТАХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ БУДУТ ТУТ-ЖЕ РАССТРЕЛИВАТЬСЯ;

4) Для борьбы с пожарами привлекается все население города и по этому поводу будет издано особое постановление—обязательное для всех жителей города.

5) Все требования Членов Исполнительного Комитета по этому поводу должны немедленно и безпрекословно выполняться. Неповинующиеся будут привлечены к строгой ответсвенности.

6) Волостным и Сельским Исполнительным Комитетам предписывается настоящий декрет принять в основу борьбы с пожарами на местах; уличенные в бездействии будут также привлечены к ответственности.

Председатель Исполнительного
Комитета С. Иофе.

Член-Секретарь Николай Семенов.

Типография Енисейского Т-ва Печатного Дела.

НАСЕЛЕНІЮ И УЧРЕЖДЕНІЯМЪ ГОР. ЕНИСЕЙСКА И УѢЗДА.

Объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что на основаніи распоряженія **Предсѣдателя Комитета Народныхъ организацій въ городѣ Красноярскѣ**, возникшаго вслѣдствіе **устраненія власти Колчака**, въ цѣляхъ урегулированія хозяйственной жизни края и установленія гражданскаго правопорядка **гражданская власть или гражданское правленіе переходитъ въ руки Земствъ**, въ частности въ г. Енисейскѣ и уѣзда населеніе и всѣ учрежденія со всѣми вопросами, съ которыми прежде обращались къ Управляющему Уѣздомъ, **должны обращаться къ ЕНИСЕЙСКОЙ УѢЗДНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВѢ.**

Уполномоченнымъ по пріемкѣ дѣлъ отъ Управляющаго Уѣздомъ ею избранъ гласный Уѣзднаго Земства **Петръ Ивановичъ Александровъ.**

При Земской Управѣ будетъ существовать **Уѣздный Комитетъ Общественныхъ организацій** въ составѣ: 3 представителей отъ Земства, 3 отъ Городской Думы, 2 отъ Профессіональныхъ Союзовъ и 1 отъ Коопераціи, для чего призываю профессіональныхъ работниковъ возобновить дѣятельность Профессіональныхъ союзовъ и поспѣшить избрать своихъ представителей.

Кромѣ того Земской Управой сконструирована **Слѣдственная Коммиссія** изъ представителей общественныхъ организацій, которой поручено въ экстренномъ порядкѣ заняться разсмотрѣніемъ дѣлъ и освобожденіемъ политическихъ заключенныхъ изъ тюрьмы.

Зная тревогу населенія по поводу распространившихся слуховъ объ эвакуаціи изъ города различныхъ учрежденій и цѣнностей и основываясь на постановленіи соединеннаго засѣданія Городской Думы и гласныхъ Уѣзднаго Земства а также распоряженія новой гражданской власти—Губернскаго Комитета Народныхъ организацій, **нами пріостановлена подготовка къ эвакуаціи гражданскихъ учрежденій и цѣнностей, какъ то телеграфныхъ аппаратовъ, денежныхъ знаковъ и пр., и все это должно остаться въ городѣ.**

Въ цѣляхъ принятія мѣръ къ прекращенію гражданской братоубійственной войны Губернскій Комитетъ созываетъ въ Красноярскѣ 15 Января **Народное Собраніе** изъ представителей населенія для выясненія вопроса о власти и другихъ жизненныхъ вопросовъ.

Объявляя объ этомъ, я призываю населеніе города и уѣзда отнестись спокойнѣе къ случившемуся и заниматься своимъ непосредственнымъ дѣломъ, со своей же стороны о всѣхъ совершающихся событіяхъ Земская Управа будетъ стремиться давать самую полную и точную информацію.

Предсѣдатель Земской Управы ЮРІЙ ЩЕГЛОВЪ.

Секретарь М. П. М[illegible]

29 Декабря 1919 г.

чати и устно. Появившаяся в половине апреля еженедельная внепартийная газета «Голос момента» вынуждена была на это время приостановиться.

Этот период затишья, объясняемый небывалой репрессивной мерой, совпал с провалом в Красноярске упомянутого выше гр.[ажданина] Ассинского, по каким-то данным заподозренного в прикосновенности к охранному отделению, и пока шло следствие и постепенно прояснились сгустившиеся[2] над этим событием тучи, местная группа социал-демократии все это время была крайне в удрученном, подавленном состоянии. В выпущенном к населению объявлении группа вполне справедливо называла этот факт «ужасным бичом демократии», так как Ассинский выставлен был от этой партии (в то время еще не расколовшейся на меньшевиков и большевиков) кандидатам в Учредительное Собрание и официальный орган «Известия сов.[ета] раб.[очих] и сол.[датских] депутатов», писал, что «никто иной, как только он, Леонид Васильевич Ассинский, может быть истинным защитником интересов демократии». Впоследствии взведенные обвинения не подтвердились настолько достаточно, чтобы открыто обвинить его в провокаторстве, однако и полной реабилитации этого человека партия так и не сделала.

Вслед за этими событиями подошло предвыборное время для избрания новой городской думы, согласно опубликованным Временным правительством правил[ам] 15 апреля 1917 года.

Занявшая в городе доминирующее положение социал-демократия во главе с советом солдатских и рабочих депутатов снова ожила и заволновалась. Начались предвыборные собрания, на которых, не щадя красок, разносилась буржуазия и в особенности та часть ее, объединившаяся под флагом внепартийной народно-республиканской группы, основателями коей являлись по преимуществу местная интеллигенция и чиновники. А так как эта группа выставила свой список кандидатов в гласные, то борьба пошла на два фронта. Республиканцы рекламировали себя чрез посредство своего печатного органа «Голос момента», а социал-демократия вела агитацию митинговыми выступлениями и демонстративными шествиями по улицам даже в ночное время с горящими факелами и знаменами, где среди обещаний разных благ трудящемуся классу раздавались, между прочим, и призывы к захвату капиталов у богачей.

Насколько своеобразно воспринимались толпой митинговые речи ораторов, характеризует следующий курьезный случай: одна из обывательниц после митинга пришла к соседу за советом, куда бы ей спрятать серебряные ложки, оставшиеся от родителей. Ее смутила фраза оратора, который говорил: «Откроем сундуки и посмотрим, что у кого запрятано».

---

[2] В тексте — «спустившиеся».

Соединненый Исполнительный Комитетъ Представителей Енисейскаго Общественнаго Комитета,

Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Съѣзда Гражданъ уѣзда

Г. Енисейскъ. Апрѣля 22-го дня 1917 года.

Оффиціальное объявленіе.

Соединенный Исполнительный Комитетъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что волею народа, вмѣсто устраненныхъ властей для управленія городомъ и уѣздомъ, установлены слѣдующія учрежденія:

УПРАВЛЕНІЕ ГОРОДОМЪ.

1) Управленіе городомъ сосредоточено въ Енисейскомъ Общественномъ комитетѣ. Городской комитетъ вѣдаетъ всѣми дѣлами, какъ административными, такъ и хозяйственными, относящимися къ населенію города.

Предсѣдателемъ Общественнаго комитета состоитъ К. Г. Петунинъ, товарищемъ предсѣдателя А. Г. Перенсонъ и секретаремъ С. М. Іофе.

Городская дума и управа прежняго состава временно продолжаютъ вести городское хозяйство, впредь до выборовъ городского самоуправленія на демократическихъ началахъ.

Въ качествѣ исполнительнаго органа Общественнаго Комитета, стоитъ Исполнительная Комиссія изъ 7-ми членовъ и 3-хъ кандидатовъ.

Составъ Исполнительной Комиссіи: предсѣдатель К. Г. Петунинъ, члены: А. И. Шереметьевъ, И. И. Покровскій, А. Г. Перенсонъ, Еремченко, Т. Т. Скобкаревъ, Е. Ф. Слуцкій и А. И. Елтышевъ; кандидаты: В. Н. Яковлевъ, Тарвацкій и Быстровъ; секретаремъ приглашенъ С. М. Іофе.

2) Всѣ дѣла, относившіеся ранѣе къ городской полиціи находятся въ вѣдѣніи учрежденной при Общественномъ Комитетѣ **Народной миліціи** во главѣ съ выборнымъ начальникомъ миліціи.

УПРАВЛЕНІЕ УѢЗДОМЪ.

3) Управленіе уѣздомъ въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи сосредоточено въ особомъ органѣ, созданномъ на съѣздѣ представителей отъ волостей и названномъ **„Временная земская управа"**.

4) Постановленіемъ съѣзда институтъ крестьянскихъ начальниковъ упраздненъ и всѣ дѣла бывшаго съѣзда крестьянскихъ начальниковъ и самихъ крестьянскихъ начальниковъ поступали цѣликомъ въ вѣдѣніе Земской управы.

Управа состоитъ изъ 3-хъ членовъ и 2-хъ кандидатовъ; въ члены управы избраны: Буданцевъ С. К., Бѣловъ Л. М. и Ассинскій Л. В. и въ кандидаты: Карасевъ Н. П. и Спорышевъ Г. Г.

Въ составъ управы, съ правомъ совѣщательнаго голоса, входитъ одинъ представитель Енисейскаго Общественнаго Комитета и одинъ представитель отъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ. Предсѣдателемъ управы избранъ Л. М. Бѣловъ.

5) Въ уѣздѣ, вмѣсто прежнихъ властей, сформированы сельскіе и деревенскіе комитеты и волостныя управы. Какъ тѣ, такъ и другіе избираются населеніемъ на самыхъ демократическихъ началахъ.

6) Волостныя управы вѣдаютъ всѣми дѣлами волости. При нихъ учреждена народная милиція и особо завѣдывающій наружной охраной.

Дѣла, находившіеся ранѣе въ вѣдѣніи волостныхъ правленій, становыхъ приставовъ, урядниковъ и стражниковъ, переданы волостнымъ управамъ или сельскимъ комитетамъ по принадлежности.

7) Число и мѣстонахожденіе Волостныхъ Управъ вполнѣ соотвѣтствуетъ числу и мѣстонахожденію волостныхъ правленій.

ОБЪЕДИНЕНІЕ ВЛАСТИ ВЪ ГОРОДѢ И УѢЗДѢ

8) Для объединенія управленія городомъ и уѣздомъ, вмѣсто бывшаго ранѣе уѣзднаго полицейскаго управленія, учрежденъ **Соединенный Исполнительный Комитетъ**, который вѣдаетъ всѣми дѣлами, являющимися общими для города и уѣзда, и являетъ собою высшую административную власть Енисейскаго уѣзда.

9) На обязанности его лежитъ:

1. Исполненіе функцій, возлагаемыхъ Временнымъ Правительствомъ на уѣздныхъ комиссаровъ.

2. Согласованіе дѣятельности городскихъ и уѣздныхъ органовъ управленія и 3. Завѣдываніе общественными учрежденіями, относящимися одновременно къ уѣзду и городу.

Соединенный Исполнительный Комитетъ включаетъ 9 лицъ: 3-хъ представителей отъ Общественнаго Комитета, 3-хъ предст. отъ Земской Управы и 3-хъ предст. отъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ. Въ составъ его избраны отъ Общественнаго Комитета членами: К. Г. Петунинъ, И. И. Покровскій и С. М. Іофе; кандидатами: М. П. Миндаровскій и Тарвацкій. Отъ Земской Управы членами: Л. М. Бѣловъ, С. К. Буданцевъ и Л. В. Ассинскій; кандидатами: Н. П. Карасевъ, Спорышевъ. Отъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ членами: В. Н. Яковлевъ, Е. Ф. Слуцкій и Агибаловъ.

Предсѣдателемъ избранъ К. Г. Петунинъ, товарищами предсѣдателя И. И. Покровскій и Л. М. Бѣловъ, секретаремъ С. М. Іофе.

За этими измѣненіями, всѣ остальныя Государственныя и общественныя учрежденія и должностныя лица продолжаютъ функціонировать въ обычномъ порядкѣ.

Корреспонденцію слѣдуетъ направлять непосредственно каждому учрежденію по принадлежности, согласно указаннымъ выше наименованіямъ.

МѢСТОНАХОЖДЕНІЕ УЧРЕЖДЕНІЙ.

1. Соединенный Исполнительный Комитетъ помѣщается въ зданіи бывшаго Уѣзднаго Полицейскаго Управленія.

2. Канцелярія Исполнительной Комиссіи Городского Общественнаго Комитета находится тамъ-же.

3. Временная Земская Управа помѣщается въ канцеляріи бывшаго Съѣзда Крестьянскихъ Начальниковъ—Нагорно-Береговая ул., д. насл. Кытманова.

4. Волостныя Управы находятся тамъ-же, гдѣ были Волостныя Правленія.

Всѣ созданныя народомъ новыя учрежденія, кромѣ органической работы по управленію дѣлами, поставили себѣ слѣдующія задачи:

а) Устраненіе остатковъ старой власти и организація на мѣстахъ новой народной власти.

б) Подготовка и проведеніе выборовъ въ Учредительное Собраніе.

в) Подготовка и проведеніе выборовъ въ земство на основѣ четырехчленной избирательной формулы.

г) Подготовка и проведеніе выборовъ въ Городское Самоуправленіе по такой же избирательной системѣ.

д) Руководство дѣломъ продовольствія.

е) Дѣятельность этихъ учрежденій будетъ согласована съ указаніями Временнаго Правительства и его комиссаровъ, поскольку оно выполняетъ объявленную программу по проведенію въ жизнь властныхъ требованій демократіи и будетъ поддерживаться Петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣмъ трудовымъ населеніемъ страны.

Предсѣдатель Соединеннаго Исполнительнаго Комитета
К. Петунинъ.

Члены Соединеннаго Исполнительнаго Комитета **Л. Бѣловъ.** **И. Покровскій.**

Секретарь **С. Іофе.**

В другом месте обещание оратора «провести по этой улице электричество» так подействовало на домовладельца, жаждущего у себя иметь таковое, что он побил жену за то, что она в полученном избирательном бюллетене поставила цифру номера[3] списка народно-республиканской группы, а не цифру социал.[истической] партии.

Так шла борьба наших социалистических партий, в том числе большевиков и меньшевиков, объединившихся против буржуев в одном кандидатском списке.

На происходивших 25-го июня выборах социалистический список получил 14 мест гласных, а из народно-республиканского списка вошли 9 человек; кроме того прошли один от списка горожан домовладельцев и один от мещанского общества.

В первые же дни после состоявшихся выборов пришлось наблюдать очень характерное явление, это начавшийся отлив денежных вкладов из городского общественного банка, выразившийся в течение месяца более чем на 300 000 руб., так что агитационные семена, бросаемые товарищами, не пропали даром, а, как видно, принесли определенный плод.

Разумеется, все эти горы обещаний населению всяческих благ, как трудновыполнимые в короткий срок, и до сих пор продолжают висеть в воздухе, так как реальная жизнь, с ее неуловимой действительностью, устроена так, что осуществление социальных преобразований одним красивым жестом руки не проведешь. Кропотливая муниципальная работа над перестройкой старых, обветшалых форм городского хозяйства требует, во-первых, практического навыка, определенной трудоспособности и сноровки, не говоря уже о любви и преданности своему делу, а вот этими-то качествами, как впоследствии оказалось, избранные гласные как раз и не обладали.

Так называемый абсентеизм гласных цензовиков в старых думах был понятен, как [в] учреждениях уже отживших свой век, но чтобы этой же болезнью могли страдать молодые демократические силы, этого, признаться, мы не ожидали видеть. К сожалению, факт оказался налицо, гг. гласные скоро утомились.

Из многочисленных исполнительных комитетов городской думы удовлетворительно стал работать один школьный. Финансовая же комиссия, в своих попытках реформировать денежную часть города, оказалась в ущемленном положении. Ее откровенный доклад о безвыходном финансовом положении города и попытка провести единовременное подоходное самообложение, чтобы покрыть 60-тысячный дефицит, не привели ни к чему, а тем временем росла дороговизна, а вместе с нею росли расходы города

[3] В тексте — «№».

на увеличение окладов содержания городским работникам; в противовес этому шло сокращение торговли, закрывались магазины, а в связи с ними падала и доходность города. Теперь задолженность его за время революции достигла 252 000 руб. Изменить этот естественный ход событий никакие революционные силы, разумеется, были не в состоянии.

Слабая работоспособность думы, впрочем, вполне понятна. Большинство гласных оказались новичками в деле разнообразного городского хозяйства, а их лидеры и соратники не столько были серьезными работниками на муниципальной ниве, сколько митинговые партийные крикуны. Это не строители городской жизни, где требуется упорный труд и преданность своему городу, а просто люди, стоящие «на страже революции», как они любили себя назвать. Их амплуа — наводить лишь критику, вести непрерывные политические споры да затемнять головы народных масс, чтобы легче было вести их в неведомую даль социальных преобразований. И последующие события показали, что труды их не пропали даром. В этом отношении нам приходилось наблюдать много забавных превращений. Вчерашний торговец, сбывавший 18-коп.[еечный] кусок мыла по целковому, становится ярым социал-демократом. Другой торгаш, спустивший тятенькино наследство, или бывший черносотенец и член общества хоругвеносцев, теперь большевик, но чтобы кто из этой братии встал в ряды полезных деятелей по городскому управлению, таких не оказалось.

С первых же дней вступления социалистической думы в свои права список гласных стал редеть. Одни стали покидать город, с которым их ничто не связывало, другие, с падением большевизма, должны были уйти из думы как его последователи, отчего господствующий на выборах список № 3 оказался под конец своих полномочий настолько кургузым, что из него уже нельзя было набрать и половины гласных, благодаря чему перевес оказался уже на стороне конкурирующего с ним списка № 1 группы республиканцев, или «кадетского», как его называли противники.

Теперь полномочия думы окончились, и хотя наследство ее окажется не из легких для преемницы ее прав, но в этом винить думу не приходится. Прошедшие полтора года полномочий были самыми тяжелыми днями ее существования в смысле финансового положения города. Поверить в осуществление всех ее предвыборных обещаний могли только легковерные, наивные люди. Во-первых, при всей ее работоспособности слишком был бы короток срок для выполнения этих обещаний, во-вторых, потребовались бы для этого и солидные средства. Достаточного того, что удалось отвоевать из рук концессионера электрическую станцию, и это уже заслуга думы. Предприятие хотя безвыгодное на первое время благодаря безалаберной постановке его, но, несомненно, выгодное для города в будущем.

Как исключение, по сравнению с другими своими коллегами, Енисейская дума непрерывно провела свои полномочия не будучи разогнанной большевиками, и в этом, справедливость требует сказать, большую услугу оказал городу городской голова К. Г. Петунин — меньшевик, своим участием в совете рабочих и солдатских депутатов сумевший влиять на остальных его членов в определенном направлении, отражая всякие попытки к разгону думы.

Не подлежит сомнению, большевистское правление городским хозяйством принесло бы столько вреда городу, исправлять его хватило бы на многие годы, примером этому у нас может служить история с национализацией винокуренного завода Харченко, ограбленного и разрушенного до основания.

Этот злокачественный нарыв на теле Енисейского комитета соц.[иал]-дем.[ократической] рабочей партии, именуемый большевизмом, стал выявляться еще с июня месяца, а к осени он уже работал самостоятельно, имея даже собственный клуб для своих членов. Несмотря на то что в первые дни своего зарождения это была небольшая кучка лиц, десятка два человек, возглавляемые Иоффе — бухгалтером по профессии, и студентом-медиком Перенсоном, ряды этой группы стали быстро пополняться всевозможными способами. Например, принудительным путем, под угрозой потери заработка рабочими; членов союзной организации заставляли вступать в ряды красной армии; заманчивые призывы к походу на богачей влекли туда всякий сброд, охочий до легкой поживы, так что к ноябрю месяцу — времени большевистского царствования — эта группа представляла уже компактную массу людей из разных лагерей: рабочих, приказчиков, чиновников и пр.[очих] — в прежнее время людей, совершенно, казалось, даже не склонных к какому-либо политическому мышлению.

Необходимо отметить, что в роли подголоска к этой компании присосалась и временная земская управа, возглавляемая неким Беловым, как председателем, обладающим способностью сидеть между двух стульев, и бывшим письмоводителем податного инспектора, а потом товарища председателя земской управы и комиссаром милиции Карасевым — правым эсером, левевшим не по дням, а по часам.

К этому времени надо отнести одно событие, в котором этим два господина играли руководящую роль. В другое время и при других условиях это событие, вернее инцидент, казался бы настолько ничтожным, что о нем не стоило бы терять слов, но предшествующие нижеописываемому дню обстоятельства настолько типичны и колоритны, а вся последующая история, вылившаяся в форме публичного диспута, так ярко характеризу-

Российская Советская Федеративная Республика.

Енисейский Уездный Исполнительный Комитет Совета Р., С. и Кр. Депутатов.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

В целях возстановлеия порядка в городе, злонамеренно нарушенного темными силами, враждебно настроенными к завоеваниям великой октябрьской революции и стремящимися к порабощению рабочих и всего трудового населения, Исполнительный Комитет в экстренном заседании 8 сего Мая постановил и предписывает к неукоснительному исполнению следующее:

1) запрещается без ведома и разрешения Исполнительного Комитета какия бы то нибыло собрания. Никто не имеет права вывешивать, а типографии—печатать объявлений о сходах, собраниях и митингах без разрешения Исполнительного Комитета. Митинги будут в самом начале разгоняться, а зачинщики—арестовываться.

Примечание: Спектакли должны происходить под личной ответственностью устроителей и никто не имеет права вмешиваться в их распоряжения.

2) по городу выставляются военные патрули, для охраны порядка. Подходить к патрулям ближе 6-ти шагов строго воспрещается, подошедшие—тут же подлежат аресту безо всяких отговорок;

3) так же запрещается под страхом ареста приближаться к тюрьме ближе чем на 50 саженей;

4) никто не имеет права входить во двор военных казарм; вошедшие будут арестованы;

5) воспрещаются явные и скрытые контр-революционные выступления за свержение советской власти;

6) воспрещаются самочинные аресты кого бы то нибыло без разрешения Исполнительного Комитета;

7) запрещается иметь нарезное огнестрельное оружие, в том числе и взрывчатые вещества, лица, имеющие таковые, должны представить Исполнительному Комитету В ТРЕХДНЕВНЫЙ СРОК. Укрывающие будут привлечены къ ответственности по всей строгости революционного времени.

Председатель Исполнительного Комитета С. Иофе.

Член-Секретарь Николай Семенов.

8 Мая 1918 года
г. Енисейск.

Типография Енисейского Т-ва Печатного Дела

ет будущих «властителей дум» горожан, что я невольно попрошу читателей на нем остановиться.

20 октября в зале народной читальни, переполненном публикой, объявлено было совещание представителей всех демократических организаций города «По вопросу о создавшихся взаимоотношениях между демократическими учреждениями города и уезда и комиссаром правительства». Так гласила обнародованная повестка временной земской уездной управы инициатора совещания.

Поводом к созыву этого совещания, как оказалось потом, были следующие причины.

В половине октября от разрыва сердца внезапно умер один из членов исполкома большевик Худзинский, которому товарищи устроили грандиозные похороны, потребовав для этого даже закрытия на время всех магазинов и остановки работ в предприятиях. Председатель комитета Иоффе мобилизовал для хора и оркестра учащуюся молодежь гимназий под репетицию и спевки, что вызвало чувство возмущения у директора гимназии, обратившегося к уездному комиссару и начальнику милиции с просьбой о составлении протокола на это самоуправство.

В эти же дни, на одном из сеансов в кинематографе, уездным комиссаром Муратовым были заняты три стула, и заняты, по мнению другого комиссара Карасева, незаконно, и потому потребовавшего их освобождения. Это обстоятельство повело к тому, что на завтра на заседании земской управы ком.[иссар] прав.[ительства] Муратов, при встрече с ком.[иссаром] «совдепа» Карасевым, не подал последнему руки.

Вот два мотива, послужившие к созыву экстренного совещания, на которое, как потом оказалось, собраны были рабочие, солдаты и вообще мобилизованы все наличные силы нарождающейся власти — «совдепии».

Собрание, как и надо было ожидать, было крайне беспорядочно, явно пристрастно.

Прежде всего председателем совещания избранным оказался никто иной, как обвинитель Муратова Иоффе, лицо заинтересованное в деле, который, узурпируя власть председателя, вел себя возмутительно, кричал, грозил кулаком в сторону сидевшего обвиняемого Муратова, требовал «выселения его из города в 24 часа» и допускал многое другое, недопустимое ни в одном уважающем себя собрании.

Не менее любопытен был и другой обвинитель Муратова — Карасев, из содержания доклада которого можно было вынести только то заключение, что в лице Карасева неподачею его руки нанесено оскорбление всей демократии города, что Муратов совершил «бестактичный, незаконный и явно враждебный» поступок по отношению к представителю демократии,

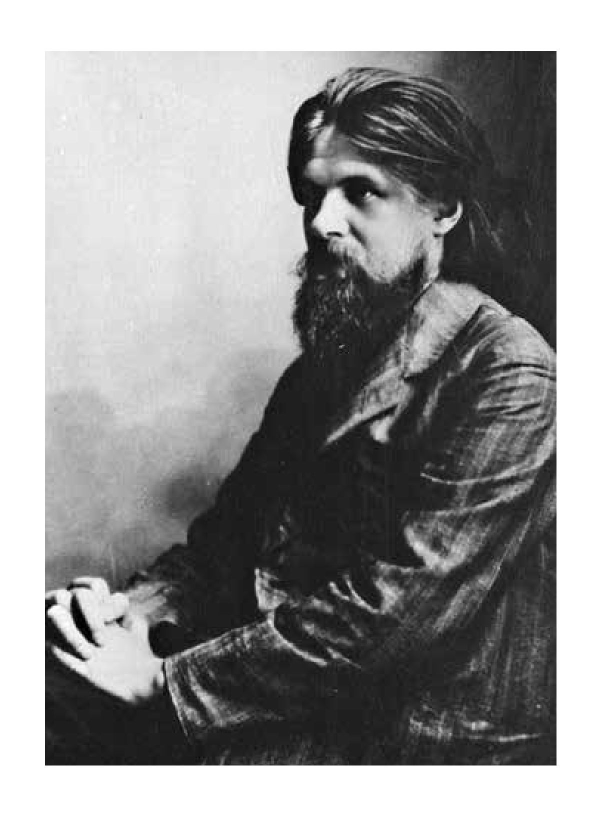
Председатель Енисейского исполкома С. М. Иоффе

т. е. тот, видимо, поступок, который, по Щегловитову, квалифицируется словами: «всякий, кто позволит себе поколебать прерогативы священной особы» и т. д. — до смертной казни включительно.

Досталось от этих ораторов-бенефициантов и директору гимназии, непонимающему самых элементарных приличий современного захватного строя, олицетворением которого являлись Иоффе и Карасев. Чего только мы не наслышались в этот знаменитый вечер от наших правителей! И упрек по адресу Муратова, что он «образование получил при старом режиме», и указание на невежество педагогов, допускающих по сие время носить светлые пуговицы, которые почтенное собрание приглашалось срывать, и посягательство на верховные права демократии, тем, что по приказанию Муратова начальником милиции был составлен протокол на нового «помазанника» Иоффе за самоуправное занятие зала гимназии, которая, по глубокомыслию Иоффе, «отныне есть народная собственность», а следовательно, и хозяин в ней не директор, а он, г. Иоффе с братией. И вся эта грязь, все помои, какие были вылиты из уст этих ораторов, встречали сочувствие и крики «браво» неистовавшей от восторга аудитории.

Словом, это был один из многих ему подобных способов, коими в сознании народных масс внедрялись понятия о социализме и революции, которую в Енисейске «углубляли» Карасевы, Иоффе и К°.

Когда эти руководители народной темноты разыгрываемыми ими подобными фарсами убедились, что последователей их учения имеется достаточное количество для того, чтобы начать хозяйничать по-своему, были назначены перевыборы состава сов.[ета] раб.[очих] и сол.[датских] депутатов, на которых в исполком прошли уже исключительно одни большевики. Вслед за этим ленинский декрет об уничтожении чинов и сословий, расклеенный по заборам, оповестил население, что бразды верховного правле-

А. Г. Перенсон

ния в городе берет новая власть в лице «исполкома». Это было 20 ноября 1917 года.

Как только новая власть вступила в свои права, тотчас же предъявлено было требование о расформировании местного гарнизона и передаче оружия организованной красной армии. Это обстоятельство вызвало чувство протеста как среди солдат гарнизона, так и значительной части горожан, по преимуществу запасных и уволенных по болезни фронтовиков. Брожение носило столь возбужденный характер, что, кажется, каждую минуту готово было вылиться в кровавую схватку.

По настоянию гарнизона состоялось во дворе воинских казарм многолюдное собрание с участием представителей общественных организаций города и главарей из красной армии, на котором, после продолжительных и крайне беспорядочных прений, было решено предоставить компетенцию в вопросе о разоружении гарнизона общему собранию этих организаций во главе с городской думой. Таким маневром старались смягчить возбужденное настроение горожан и более спокойно обсудить создавшееся положение. Но на завтра дело получило совершенно неожиданный оборот; кем-то, по чьему-то приказанию, оружие и патроны оказались выданными красноармейцам. С этого дня судьба и спокойствие енисейцев всецело уже зависели от исполкома и того сброда людей, который составлял ряды этой разношерстной новой военной силы.

Первые шаги деятельности переизбранного исполнительного комитета сов.[ета] раб.[очих] и сол.[датских] депутатов с подавляющим числом большевиков, как и всюду, начались, разумеется, с похода на обывательские квартиры; обыски и выемки стали обычным явлением. Отбиралось все, что бросится в глаза или понравится: лошади, упряжь, седла, фураж, а главным образом съедобное; последнее якобы с целью равномерного распределения для продажи потребительских лавок, но впоследствии оказалось, что мно-

гое из отобранного в кладовых буржуев только перенесено было в квартиры большевиков и красноармейцев, как представителей власти.

Выемки и обыски зачастую носили явно преступный характер, отвергающий всякие понятия о нравственности. Так, под видом розыска завезенного якобы пулемета, произведен был набег на помещение обеих гимназий и даже на церковь монастыря. Эти обыски, с одинаковым цинизмом осмотра со штыками и винтовками напрестольного церковного облачения и дамских нарядов в квартирах директора и начальницы, превзошли даже времена жандармских ротмистров, в глазах которых такие учреждения, как церковь и школа, считались неприкосновенными. Все это вызвало чувство возмущения городской думы, выразившееся в особом по этому поводу постановлении, принятом всеми присутствующими гласными, за исключением воздержавшихся большевиков.

Не церемонясь с церковью, они тем менее сочли ненужным считаться с основами правопорядка и законности, а потому институт мировых судебных установлений заменили судом улицы.

Посадив на кресло судьи его письмоводителя, а по бокам к нему двух солдаток, назвали эту троицу судебным трибуналом. Рассказывать о том, насколько мудры и осмысленны были решения этого судилища, заняло бы много времени; для убедительности же читателя укажем на случай применения к подсудимому декрета, обнародованного двумя неделями позже момента совершения обвиняемым проступка. Или в какой правовой, уважающей себя стране мог быть допустим пересмотр не приведенного в исполнение приговора по уголовному делу, на решение которого не было даже протеста обвинителя. Все это оказалось возможным и вполне нормальным явлением в дни советского властвования. Счастливая Фемида своей слепотой, иначе она покраснела бы от стыда, глядя на нравственную наготу своего выродка. Решения этого «шемякиного суда» были безапелляционны, и только для разбора более важных дел учрежден был особый коллектив народного суда (трибунала), состав которого вербовался исключительно из большевиков, почему за красным сукном стола можно было встретить лиц всевозможных национальностей и профессий включительно до самогонщиков. Обвинителем при разборе дел обычно выступал тот же представитель земства и совдепии Карасев, замещающий в то же время и обязанность судебного следователя. Такому суду, между прочим, подвергнут был один из торговцев, вздумавший было партию кирпичного чая, заготовленного ранее, отправить в Красноярск для продажи по вздутым ценам, и за все это получил тройную порцию наказаний: год тюрьмы, конфискацию товара и воспрещение торговли в дальнейшем. Наблюдению этого трибунала, возглавляемого судьей Карасевым, вверена была

и вся сыскная часть, находившаяся в производстве начальника городской милиции.

Так постепенно подчиняла себе все органы власти в городе власть сов.[ета] раб.[очих] и сол.[датских] депутатов, о признании которой верховным органом выносились всевозможными организациями и союзами соответствующие резолюции, и только союз потребительских кооперативных объединений и союз учителей и деятелей по народному образованию гор. Енисейска категорически отказались признать «всю власть советов».

В момент укрепления этой власти подоспело время к выборам в учредительное собрание и гласных в уездное земство. Начались подготовительные работы. Снова пошли предвыборные собрания и митинги с разносом всех капиталистов и буржуазии; снова пошли в ход приемы околпачивания неразумной публики обещаниями невиданного рая на земле, а главное, немедленного прекращения войны и всенародного братства, и хотя после каждого такого собрания сторож народной читальни по-прежнему выметал по коробу ореховой шелухи, семечек и окурков, однако массовое отношение публики к этому моменту стало как бы остывать и даже чувствовалась какая-то подавленность в наступившем режиме; того ажиотажа и страсти, какие наблюдались при выборах в городскую думу, уже не было. Теперь большевиками выставлены были свои списки кандидатов, за которыми многие и потянулись — одни по искреннему доверию данным обещаниям, а кто и «страха ради Иудейска».

Народно-республиканцы решили на выборах в учредительное собрание поддержать кадетов, изменивших свою программу на республиканскую, о чем и рекламировали в выпускаемой ими газете, призывая население голосовать за их кандидатов.

На происходивших 26 ноября выборах в учредительное собрание подано было 2628 избирательных записок, которые по подсчету распределились в таком порядке:

за кадетов	список № 1	1060 записок
[за] большевиков	№ 2	1162 [записки]
[за] соц.[иалистов-]революцион.[еров]	№ 3	1032 [записки]
[за социал-]демокр.[атов]	№ 4	279 [записок]
[за социалистов-]интернацион.[алистов]	№ 5	5 [записок]
[за социалистов-]народ.[ников]	№ 6	4 [записки]
и за областников	№ 7	15 [записок]

В следующее воскресенье происходили выборы шести гласных в уездное земское собрание от города. На этот раз к урнам явилось всего 1017 избирателей, подавших свои голоса за кандидатов:

[за] народно-республиканский список	№ 1	433 [записки]

за соц.[иалистов-]революц.[ионеров]	№ 2	46 [записок]
[за социал-]демократ.[ов]	№ 3	52 [записки]
[за] большевиков	№ 4	486 [записок]

Таким образом конкурирующими между собой группами избирателей оказались на обоих выборах правые — народно-республиканцы и крайне левыми — большевики; центр — меньшевики и эсеры провалились. В гласные уездного земского собрания вошли по три человека от той и другой группы.

Физиономия открывавшегося 7 января 1918 года первого земского собрания в подавляющем большинстве своем оказалась правоэсеровской, к которой присоединили свои голоса горожане-республиканцы (все беспартийные). Это обстоятельство весьма не понравилось большевикам, как партии правительственной, и у них уже зрела мысль о разгоне земского собрания, особенно когда большинством решено было вопрос о текущем ремонте поставить последним. К этому историческому дню они усиленно мобилизовали свои силы, причем заранее предвидя, что решение большинства будет не в их пользу, они выступили перед собранием с такой декларацией:

Товарищи! Революционный фронт, ведущий к разрушению всех устоев капиталистическо-буржуазного строя и к созданию новых условий бытия трудящихся масс, становится все шире и шире.

Трудовые массы города и деревни, объединенные лозунгом «вся власть только трудящимся», пришли к определенному заключению, что Земство в его данном составе и виде, будучи выбрано на основании партийных списков, составленных до октябрьского переворота, когда народ всей массой не мог еще восстать против вечного гнета эксплуататоров, не знал того отчаянного сопротивления, какое окажут имущие классы при отстаивании своих шкурных привилегий. Такое земство не удовлетворяет требованиям и чаяниям народных масс.

Земство, созданное по форме и образцу буржуазно-соглашательного правительства Керенского, не может осуществить диктатуры труда над капиталом и поэтому не может противопоставить себя лозунгу: «Вся власть советам».

Исходя из этих предпосылок, мы, левая часть земского собрания, объявляем настоящую декларацию, долженствующую положить конец соглашательной политике и провести нас к единой государственной системе управления, т. е. переход власти в руки советов на следующих основаниях.

Земство, не отвечающее требованиям народа, должно быть отменено.

Все делегаты трудящихся масс объявляют себя сов.[етом] крестьян.[ских] депутатов и сливаются с сов.[етом] раб.[очих] и сол.[датских] депутатов и выбирают из своей среды на объединенном заседании единый исполнительный Комитет, к которому и переходит вся власть в городе и уезде.

Это мероприятие избавит вас от распыления культурных сил и даст возможность приступить к немедленному осуществлению мероприятий в области социальных реформ, требуемых жизнью.

Мы, таким образом, сольемся в единую семью нашей Советской Республики и свою судьбу свяжем с судьбой всего революционного народа.

Мы признаем только власть советов и народных комиссаров и будем проводить все их декреты, направленные к социальному перевороту.

Мы осуществим в городе и уезде самую твердую советскую политику и революционный порядок, не останавливаясь ни перед какими препятствиями.

В программу работ мы намечаем:

а) немедленно ввести прогрессивно-подоходный налог с ежемесячной уплатой и связать уплату налога с получением продуктов продовольствия;

б) сейчас же осуществить принудительный заем среди всего имущего класса в размере одного миллиона рублей;

в) удовлетворить все острые нужды населения в области продовольствия, медицины, народного образования, дорожного дела и пр[очего];

г) развить промышленность путем использования местных богатств и в первую очередь принять меры, чтобы имеющиеся заводы были пущены в ход, не останавливаясь перед реквизицией или конфискацией, а также постановку выработки в первую очередь с[ельско]-х[озяйственных] орудий.

8) В первую очередь выработать пояснения о советах и на основании их[4] созвать съезд крестьянских депутатов, с участием сов.[ета] раб.[очих] и сол.[датских] депутатов.

9) Для проведения в жизнь всех указанных мероприятий необходимо объединение всех демократических сил без всякого участия буржуев.

Мы взываем поэтому ко всем гласным, считающим себя представителями трудящихся, идти за нами по намеченному пути.

Возврата к прошлому нет и быть не может.

Да здравствует единение всех трудящихся.

Да здравствует единый совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

---

[4] В тексте — «его».

В ответ на это в кулуарах выработана была собранием гласных следующая резолюция:

Заслушав декларацию «левой группы» гласных и обсудив предложенные в ней вопросы об отмене земства и передаче коей полностью власти сов.[ету] раб.[очих], сол.[датских] и крестьян.[ских] депутатов, уездное земское собрание находит, что существующие сов.[еты] раб.[очих], сол.[датских] и крестьян.[ских] депутатов должны объединить вокруг себя, как организации, стоящие на страже революции, все трудовые классы населения; что вмешательство советов в административную и экономическую жизнь страны, усугубляя всеобщую разруху, низвергает страну в анархию, как в правовую, так и экономическую; что вывести нашу революционную Россию из этого тяжелого положения, в котором мы оказались благодаря событиям последнего времени, смогут только учреждения, созданные и опирающиеся на волю всего демократического населения Российской республики, — этими учреждениями являются на местах земские и городские самоуправления, единицы, возглавляемые единственным полноправным хозяином земли русской — Всероссийским учредительным собранием.

После шума и рева, какими была встречена оглашенная резолюция, восемь гласных большевиков покинули заседание, а вечером этого дня исполнительным комитетом сов.[ета] раб.[очих] и сол.[датских] депутатов был прислан декрет № 13 о разгоне земского собрания, в котором добавлялось, что те гласные, которые исповедуют большевистскую веру, приглашаются влиться в состав исполкома, дабы образовать единую мощную силу демократии, и, разумеется, такие перебежчики нашлись: все восемь человек, людей почти сплошь неграмотных, ушли туда, как мощная сила «демократии».

Характерна маленькая подробность на одном из предвыборных собраний большевиков. Иоффе — председатель «исполкома», говоря о значении земства как органа хозяйственного управления на местах, руководимого народными избранниками, приглашал аудиторию обязательно идти в день выборов и подать свой голос; мало этого, когда в течение двухнедельного срока, объявленного для подачи кандидатских списков, Иоффе с товарищами, погруженные в дела «углубления революции», прозевали объявленный срок и своего списка не представили, то они усиленно домогались отнести выборы и дать им возможность представить список. Уездная участковая комиссия, вопреки закону, пошла навстречу их просьбе и выборы отложила.

Увидев, что домогательства их получить на выборах большинство не выгорели, они свой фронт изменили, и при благосклонном участии

Гласные Первого Енисейского уездного земского собрания.
В верхнем ряду 4-й справа — М. П. Миндаровский. Из фондов ЕКМ.

того же Иоффе съехавшиеся представители были разогнаны. Делегаты от сотни солдат и рабочих постановили разогнать представителей уезда, избранных всем населением на основах прямого, равного и тайного голосования, т. е. все то, что было проделано в Петрограде с Учредительным собранием, в миниатюре повторилось у нас в Енисейске, только будто бы без пролития крови.

Городская дума в первое ближайшее очередное заседание, отмечая возмутительный факт совершившегося события, вынесла резолюцию, принятую большинством 14 против 2-х, при 2-х воздержавшихся:

> Енисейская городская дума, отмечая совершившийся факт разгона Енисейского уездного земского собрания, выражает свое глубокое негодование и протест против попрания прав населения уезда, пославшего своих представителей устраивать народное благополучие и общественную жизнь на началах братства, равенства и свободы, ибо такое посягательство всюду ведет народ на путь анархии, в пучину морального и экономического развала, к позору и гибели всей страны. Городская дума, как представительница городского населения, избранная на основах всеобщего, прямо-

го, равного и тайного голосования, считает своим долгом всячески протестовать против неслыханных проявлений вандализма непризнанными народом вершителями его судеб.

Аналогичное этому постановление — протест против «захвата власти кучкой авантюристов», вынесено было и на общем собрании учащихся и деятелей по народному образованию города Енисейска, принятое большинством 33-х против 3-х и 2-х воздержавшихся, в котором члены этой организации, т. е. учащие, берут на себя обязанность оказывать «моральное влияние на народные массы против подобных проявлений диктатуры и анархии».

Это проявление общественного негодования, само собой разумеется, ничем не смутило самозваных правителей, напротив, они тотчас же, без замедления приступили к выполнению своих обещаний, торжественно заявленных в декларации.

Быстро разосланы были местной буржуазии предложения о немедленном взносе контрибуции в размере тут же указываемой суммы, причем оговаривалось, что при отказе в платеже облагаемый плательщик будет подвергнут тюремному заключению.

И что же? Действительность превзошла всякие ожидания. Денежки полились рекой в карманы властителей. Крепкий, как камень, капиталист или торговец, из которого, бывало, не выжмешь полтинника на общественное дело, сюда потащил тысячи, многие приходили поторговаться и получали «сморку»[5]. Нашлось, правда, несколько упорствующих, но большинство откупалось. В этом факте наша «буржуазия» в особенности отличилась, показав всю свою слабость и страх перед тюремной решеткой. В короткое сравнительно время состоятельный класс горожан, среди коих попадались знакомые гласные цензовики, своим хозяйничаньем доведшие город до разрушения, выложили на зубок советских правителей кругленькую сумму 250 000 руб., а на постройку в свое время набережной, на укрепление взвозов в городе — на это не было денег, и их невозможно было вытянуть у богатеев-обывателей.

Платя деньги, наши тузы не соображали, что этим они оправдывают советскую власть в глазах крестьянской темноты и отдаляют час ее падения.

Пусть себе разные там контрреволюционеры подводят факт принудительного сбора с буржуазии под определенную статью уложения, но наши местные творцы международного социализма наглядно показали, как должен происходить переход частной собственности в общественное пользование.

[5] Так в тексте журнальной публикации. Вероятно, следует читать: «скидку».

Простодушный обыватель, привыкший доходить до всех «своим умом», не мог разрешить только одного вопроса: почему это год тому назад ему твердили в уши, что «всякий, кто несет свои деньги на общественные или государственные потребности, вправе знать их назначение? А теперь те же самые люди, прошлогодние Иоффы и Перенсоны, говорят: «Подай без разговоров, иначе в тюрьму», и это после неоднократного упоминания ими на митингах о правах человека и гражданина, где трактовалось о неприкосновенности личности, жилища и т. п., — многих хороших и приятных слов из английской конституции.

Но все то, что казалось неразрешимым и противоречащим на деле для наивных людей, было вполне ясным и доступным пониманию любителей приятно пожить за чужой счет, не утомляя себя и свой ум напряженной работой. И такие люди были желанными, верными последователями этой немудреной науки, преподаваемой Иоффе и К°.

Последним аккордом, «последней лебединой песней» привольной жизни «совдепии» надо считать уездный съезд сов.[етов] раб.[очих], сол.[датских] депутатов (слово «крестьянских» приставлено было после разгона земства), происходивший с 10 по 16 апреля, в котором приняли участие съехавшиеся представители образовавшихся к этому времени волостных и сельских советов кр-[естьянских] д-[епута]тов и Маклаковского лесопильного завода, соорудившего свою собственную совдепию. Всего съехавшихся делегатов и членов местного «исполкома» на съезде было 33 человека. Представители деловой интеллигенции города — врачи, учителя, на съезде не участвовали, за исключением лишь одной супружеской четы, все время близко стоявшей к делам «исполкома». Программа работ съезда заключалась в следующем:

1) текущий момент;
2) финансовый налоговый вопрос;
3) продовольственное дело;
4) борьба с самогонкой;
5) дорожно-строительная часть;
6) гоньба;
7) судебная часть;
8) народное образование;
9) организация власти на местах и охрана порядка;
10) доклады заведующих отделами «исполкома» и доклады с мест;
11) выборы исполкома.

Вопросы, как видите, вполне деловые, касающиеся внутренней хозяйственной части всего уезда, о которых там давно изболелась страна.

Мы не будем подробно останавливаться на работах съезда, выпущенных в свое время отдельной брошюрой, во многих резолюциях которого красной каймой проходит решение «не сдавать своих позиций добровольно ни под какими явлениями и действиями», и если судить по докладам, вносимым на пленарные заседания, и принятым по ним решениям, можно прийти к тому заключению, что люди серьезно верят в прочность и незыблемость проводимых ими идей осуществления социалистического рая на земле, всевозможных реквизиций, принудительных обложений, национализации производства, промышленности и т. д.

И до съезда эти идеи усердно проводил официальный орган «исполкома» «Известия Уездного совета р.[абочих], с.[олдатских] и кр.[естьянских] депутатов», первый номер которого звал рабочих, солдат и крестьян уничтожать все злое и вредное.

Любопытно, к какому бы практическому результату привело решение съезда «О порядке обложения прогрессивно-подоходным налогом деревенского населения, о немедленном взыскании с него недоимки до 2-х миллионов» после обещанного в декларации о разгоне земства создания новых условий бытия трудящихся масс, если бы приведение в исполнение этого решения в деревнях не опередило начавшееся в мае месяце выступление на территории Сибири чехо-словацких войск, победоносным шествием своим всполошивших все большевистское царство. Думается, что крестьянские массы быстро бы разочаровались в искренности всех обещаний советской власти, как только дело коснулось бы взыскания податей, о переложении которых на плечи буржуазии им внушалось чуть ли не с первых дней революции на фронте, в тылу и у себя дома.

События, начавшиеся в западной части Сибири, пали как снег на голову совдеповским вершителям, и им было уже не до исполнения решения съезда, когда они не могли не видеть, что наступает начало конца.

По мере приближения развертывающихся событий к Красноярску они все более и более тревожат нервы «товарищей», и как ни старались «Известия» извращать сведения, получаемые по прямому проводу из Красноярска, всем было ясно, что последняя карта советов в скором времени будет бита.

Не мог не сознавать «исполком» и того обстоятельства, что с потерей центральной власти в губернии теряют свою почву под ногами и местные комитеты. Председатель комитета Иоффе всевозможными способами старался узнать отношения местной рабочей среды к происходящим событиям в центре, делал общие собрания, вел собеседования, но достаточно твердой опоры от них не добился; гробовое молчание рабочих было ему ответом на вопрос: «Нужна ли им советская власть?» Начались дипломатические переговоры с представителем городского самоуправления Петуниным; по-

следний, видя неминуемый крах советов и необходимость принятия со стороны городского управления необходимых мер к возможно безболезненному переходу власти в руки самоуправления, стараясь избежать эксцессов, всегда возможных в этот момент, предложил на общем собрании граждан и советов рабочих и солдатских депутатов комбинацию, принятую собранием: «Исполнительный комитет, распуская красную армию, передает вооружение и всю власть городскому самоуправлению; обязывается подчиняться последнему и не вести против него преступной агитации. Городское же управление, принимая власть, гарантирует членам совета полную неприкосновенность личности и свободу выезда из города, кто куда пожелает». Вероятно, это так и случилось бы, если бы не новые сведения из Красноярска, ободрившие исполкомцев. Оказалось, что Красноярский комитет, захватив пароходы и ценности, эвакуируется в Енисейск. Действительно, ранним утром следующего дня является к нам вооруженный караван судов, на которых оказались привезенными запасы продовольствия и все ценности, взятые из государственного банка и казначейства, сопровождаемый комиссарами и всем красноярским олимпом. Через день еще прибывают семь пароходов с лихтерами при полном вооружении. Тогда уже картина быстро меняется; на совместном совещании двух исполкомов решается никакого самороспуска не делать и оружия не сдавать, а наоборот: красноярские товарищи тотчас же приступили к реквизиции по городу всего, что только попадало на глаза и казалось подходящим; за все платилось наличными деньгами, не торгуясь. Так были отобраны машины обеих типографий, забран запас товаров у кооперативов, взята мануфактура и кожи с кожевенных заводов. Забраны были из казначейства через взлом замков все банковские ценности, сложенные туда накануне. Шла усиленная и спешная работа в отправке всей флотилии в Туруханский край; чтобы показать всю власть енисейцам, по улицам были расставлены патрули и разъезжали конные армейцы. Не обошлось без провокаторского выстрела, которого было достаточно, чтобы открыть по городу стрельбу, в результате которой оказалось двое убитых из числа горожан. Вслед за этим начались аресты из лиц местной буржуазии. Арестован был в полном составе и союз увечных воинов, вздумавший было организовать отряд дружинников. Все арестованные объявлены были заложниками на случай убийства кого-либо из красных. Следующие сутки были т.[ак] с.[казать] технической подготовкой к отплытию, заключавшейся в приведении в негодность пароходов «Дедушка», «Сокол», «Сибиряк» и туера «Иннокентий» на случай предотвращения возможности какой-либо за собой погони, а красная армия занялась ограблением и поломкой городских казарм, в которых помещалась. Наконец в ночь на 28 июня по новому стилю непрошеные гости отбыли в даль-

нее плавание. Все арестованные перед отплытием были освобождены с пароходов, где они находились. При роспуске красноармейцев местного штаба каждому вручена была в подарок винтовка, с которыми они и разбрелись по окрестностям города. Наутро же при общественном самоуправлении началась спешная работа по организации охраны города. Собрано было экстренное заседание думы с участием граждан города, на котором решено было мобилизовать у обывателей остатки сохранившегося оружия, красноармейцев же, возвративших оружие добровольно, преследованию не подвергать. И действительно, многие из них, мобилизованные насильно, врученные им винтовки возвращали, но значительная часть скрылась в лесах и по заимкам, но, разумеется, ненадолго. Беспощадные комары и мошка, наполняющие лесные дебри, и недостаток пищи заставляли многих являться домой и сдаваться на волю победителя. Многих арестовывали и привозили крестьяне; немало, конечно, было случаев и самосуда.

Параллельно с этим шла работа организованной думой следственной комиссии по расследованию степени виновности арестовываемых в прикосновении к свергнутой власти. Тюремные камеры, освобождавшиеся от заключенных по приговорам народных трибуналов, вновь заполнялись арестовываемыми, изобличенными в том или ином преступном деянии, предусмотренном уголовным законодательством.

Помаленьку, с помощью живых общественных сил, стал налаживаться аппарат государственной власти. Восстановлено было земство в составе сначала комиссариата из трех лиц по избранию городской думы, а затем на сентябрьском земском собрании произведены были выборы членов земской управы и председателя, вместо убитого красноармейцами П. М. Портянникова, первого народного избранника в разогнанную большевиками управу. Снова сформирован был местный гарнизон под начальством поручика Гулида, часто менявшийся потом в своем составе, который, заполненный значительным количеством дезертиров, оказался главной причиной вторичного восстания в Енисейске, произведенного в ночь на 7 февраля 1918 г. Зло, посеянное в свое время советскими комиссарами в темной народной среде, не могло, разумеется, исчезнуть, как сон, и то здесь, то там показывало свое лицо; в особенности это можно было наблюдать в деревнях, во время призыва на военную службу, или когда дело доходило до взыскания податей и вообще земских сборов на народные нужды. Читая какое-нибудь постановление волостного схода, так и чувствуешь в нем скрытую мысль и тоску о потерянном рае.

Не разбирающейся в сложных вопросах государственного устройства и хозяйственного быта в стране крестьянской массе, разумеется, приятно было, когда советская власть не требовала от нее ни солдат, ни денег, беря из государственного сундучка ее же народное достояние, но когда этой

ОБЪЯВЛЕНІЕ

КЪ ГРАЖДАНАМЪ ГОР. ЕНИСЕЙСКА.

Ввиду нахожденія въ окрестностяхъ гор. Енисейска вооруженныхъ отрядовъ красногвардейцев и красноармейцевъ мною введено военное положеніе для обезпеченія полнаго порядка и безопасности гражданъ.

Населеніе города должно спокойно отнестись къ введенію военного положенія, такъ какъ обстоятельства военного времени заставляютъ принимать всѣ мѣры обезпечивающія безопасность войскъ и спокойствіе населенія.

Получивъ приказъ ликвидировать большевитское засилье въ Енисейскомъ уѣздѣ и отнять ограбленную большевиками народную казну, призываю населеніе помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ спокойнымъ и сознательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ моимъ приказамъ.

Послѣ ознакомленія мною съ положеніемъ дѣлъ въ городѣ и уѣздѣ и установленіи порядка военное положеніе будетъ снято.

Начальникъ Отряда войскъ Сибирскаго Временнаго Правительства Подполковникъ Мальчевскій.

Адьютантъ Отряда Прапорщикъ Тихомировъ.

30 Іюня 1918 г.

г. Енисейскъ.

Типографія Енисейскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

ТЕЛЕГРАММА.

Енисейскъ, Начальнику Гарнизона. Военная.
Копія Городскому Головѣ.

Изъ Назимово.

Большевики настигнуты въ селѣ Монастырскомъ; бой произошелъ утромъ 8 іюля; беглецъ разбитъ; все параходы и лихтера захвачены въ полной исправности, за исключеніемъ Лены, у которой отъ артиллерійскихъ снарядовъ три пробоины въ данное время исправлены и параходъ годенъ для плаванія. Ящикъ съ золотомъ отобранъ; захвачено кредитокъ на параходахъ и отобрано у красноармейцевъ всего въ мѣстѣ 16 милліоновъ. Мануфактура награбленная въ Туруханскомъ краѣ по предъявленіи документовъ подлежащими властями возвращается обратно. Взято въ плѣнъ 141 человѣкъ, 410 винтовокъ, 8 пулеметовъ и много запасныхъ частей къ нимъ, 434 гранаты, 53 ящика патроновъ, 98 затворовъ къ винтовкамъ, 3 орудійныхъ затвора, для прицѣла 1 понорама, 2 ящика динамида и около 20 пудовъ пороха. У насъ потерь нѣтъ. У противника убитыхъ 8 и 1 раненый. 17 го выхожу изъ Назимовой.

1918 года 17 Іюля.

Командиръ Отряда Войскъ

Временнаго Сибирскаго Правительства

Подполковникъ Мальчевскій.

Типографія Енисейскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

жертвы требовали от нее ради спасения родины и ее же собственного благополучия, тогда обтрепанные лозунги свергнутой власти ей снова пришли на память. А для этого в любом селе, не говоря уже о городе, найдется всегда готовый к услугам элемент в роли агитатора.

<…>[6]

Событие это произошло при следующих обстоятельствах: подошедшая к гарнизону толпа — десятка два вооруженных винтовками людей — предложила стоящим на постах солдатам перейти «на сторону народа». Бросившаяся к ружьям часть гарнизона, спавшая в казарме, была поражена: винтовок в казармах не оказалось. Все, оказывается, было предусмотрено заранее. Храбрость добровольца фельдфебеля, кинувшегося на осаждающих, стоила ему жизни. Видя полную невозможность какого-либо сопротивления и совершенно пассивное отношение к происходившему другой части солдат, присоединившихся уже к восставшим, верные своему долгу службы воины отказались вступать в ряды повстанцев и были тут же арестованы. Вслед за этим восставшими таким же путем, «без единого выстрела» занята была тюрьма, из которой почти вся уголовная шпана была выпущена, но вместо нее водворены упорствующие солдаты гарнизона. Одновременно с этим таким же путем занята была почтово-телеграфная контора и телефонная станция. Все это, как заранее предусмотренное, произошло настолько быстро, что живущий в 2-х верстах от казарм начальник гарнизона узнал об этом только утром, идя на службу, где на улице был убит повстанцами.

Как только ночь сменилась дневным светом, начались обыски, аресты и грабежи обывательских квартир. Одним из первых арестован был уездный казначей, вскоре же освобожденный для занятий под контролем приставленного комиссара. Затем взяты были помощник управляющего уездом, атаман казачьей станицы, два офицера и много лиц из местного состоятельного класса горожан. Днем был захвачен и отвезен в тюрьму и.[сполняющий] об.[язанности] городского головы. Часть жителей, в том числе начальник милиции и его помощник, успели скрыться и, несмотря на усиленные розыски, так и не были найдены.

Грабежу подвергались многие дома состоятельных граждан, во время которого убит в своей квартире управляющий одного из крупных енисейских золотопромышленников Власова — Г. А. Мамулошвили.

Расклеенный по городу декрет № 1 оповещал население, что власть Колчака пала и что организован «военно-революционный штаб», которому все

[6] Здесь в тексте журнальной публикации из набора изъято несколько строк, видимо, по цензурным соображениям.

имеющие оружие должны сдать таковое до 5 часов вечера этого дня, иначе будут арестованы и судимы «по закону революционного времени». Второй приказ извещал о реквизиции лошадей и седел, третий приказ о том, что «подвергающиеся обыскам должны требовать от производивших таковые мандаты», но чем, какими причинами вызывается необходимость производства таких обысков по домам обывателей, об этом ни слова.

Пред огорошенным и трепещущим за свое добро обывателем мелькали лишь никому неведомые имена «товарищей», скреплявших своими подписями вылетавшие из типографского станка декреты.

Руководители восставшей банды пробовали было войти в соглашение с самоуправлениями города и уезда передачею им внутренней охраны последних, но резолюция, вынесенная на совместном заседании городской думы и членов земской управы, говорила «оставаться каждому на своих местах и продолжать порученную избирателями работу, не вступая ни в какие соглашения со штабом, однако озабочиваясь сохранением в городе порядка, личной и имущественной безопасности горожан; предложить штабу чрез делегированных от собрания представителей принять к исполнению следующие положения:

1) избегать обысков и арестов вообще; если же, с точки зрения штаба, без этого обойтись невозможно, то поручить исполнение их по особо выданным мандатам лицам, заслуживающим доверие;

2) совершенно не производить ночных обысков и арестов;

3) усилить охрану винного склада, поручив таковую вполне благонадежным лицам;

4) для безостановочной и нормальной работы думы, земской и городской управы немедленно освободить из-под ареста городского главу Миндаровского и гласного Обмоина;

5) освободить из-под ареста всех вообще политических противников;

6) изъять от лиц, замеченных ранее в уголовных преступлениях, огнестрельное оружие, как выданное военно-революционным штабом, так и лично этим лицам принадлежащее;

7) возвратить немедленно взятые у председателя продовольственного комитета А. М. Бородина 19 000 руб. во избежание остановки работ по продовольствию».

Из всех этих требований приемлемыми для общего собрания революционного штаба оказался лишь пункт 4-й, так как вечером этого же дня задержанные были освобождены.

С третьего дня переворота пошла отправка «красных» на укрепление и защиту фронта по тракту на Красноярск и в то же время начались вымогательства денежных контрибуций у буржуазии. Если прошлогодние боль-

шевики за невзнос угрожали тюрьмой, то эти за уклонение от уплаты грозили расстрелом. Причем и самые ставки этого обложения далеко определили смелостью своих предшественников. Запрос[ы] в 100–200 тысяч с одного лица были не редкостью, но сговаривались обычно на значительную скидку. Тем не менее общая сумма такой контрибуции за три недели владычества штаба, по грубому подсчету, выражается чуть ли не в миллион рублей.

Из каких подонков общества сформировалась «красная армия», лучшим доказательством может служить следующее постановление комиссара по охране города, которое проводится дословно с сохранением орфографии:

> Лица, поступившие в ряд красной армии с целью присвоения казенных вещей и оружия для спекуляции, будут строго преследоваться законом по всем строгостям закона революционного времени вплоть до расстрела.
>
> Комиссар (*подпись отсутствует*)

Здесь все: грабеж, спекуляция, распродажа, воровство и, наконец, самый текст постановления свидетельствует, в каких руках оказался осажденный город. Командный состав этой шайки первое время состоял из двух лиц: Бабыкина — портного по профессии, и солдата-дезертира Байкалова,

ПОСТАНОВЛЕНІЕ КОМИССАРА ПО ОХРАНѢ Г. ЕНИСЕЙСКА И УѢЗДА.

Лица поступившіе в ряды красной арміи с цѣлью присьоенія казенных вещей и оружія для спекуляціи будут строго преслѣдоваться законом, и все вообще замѣченные в продажѣ вещей казеннаго обмундированія или оружія разнаго рода будут преслѣдоваться законом по всѣм строгостям закона Революціоннаго время в плоть до разстрѣла.

Комиссар

Типографія Енисейскаго Товарищества Печатного Дела.

ПРИКАЗ

КОМИССАРА КОМАНДУЮЩАГО ВСЕМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ЕНИСЕЙСКОГО УЕЗДА.

№ 10

14 февраля 1919 г. гор. Енисейск.

§ 1.

Вследствии смерти помощника моего тов. БАБЫКИНА, покончившаго с собою самоубийством, помощником моим назначаю тов. СИЛИНА.

Воизбежание неправильных толков и кривосудов о самоубийстве товарища БАБЫКИНА довожу до всеобщаго сведения граждан города Енисейска, что самоубийство тов. БАБЫКИНА отнюдь не связано с событиями данного момента и произошло исключительно на любовной почве.

§ 2.

Для поднятия на должную высоту боеспособности арміи приказываю всем красноармейцам безусловно подчиняться своим начальникам, как-то: ротным и взводным командирам и выборным комиссарам, помня, что настоящая армія формируется на основах товарищеской дисциплины. Поэтому каждый сознательный солдат-красноармеец должен понять это и внушить тому кто этого не понимает.

За неподчиненіе этому приказу виновные будут предаваться революционному суду.

§ 3.

Для более правильной и решительной борьбы с контр-революционными выступлениями в Енисейском уезде ПРЕДПИСЫВАЮ: всем волостным и сельским обществам строго следить за появлением в пределах Енисейского уезда контр-революционных шпионов, правокаторов и пр. Всех подозрительных лиц являющихся в деревни, ведущих контр революционную пропаганду и всех скрывающихся немедленно арестовывать и препровождать в Енисейскую тюрьму. С теми лицами кои не будут подчиняться законным требованиям граждан и неисполнять настоящій приказ поступать по всем строгостям революционнаго времени вплоть до уничтожения на месте.

Немедленно удалить с выборных должностей, лиц не надежных заменив их вполне надежными лицами.

Настоящий приказ прочесть на всех сельских, волостных сходах и распубликовать в копиях возможно шире среди населения. Копии всюду вывесить на видном месте.

Комиссар, командующий всеми вооружёнными силами Енисейского уезда Вайналов.

Секретарь И. Костенко.

Типографія Енисейскаго Т-ва Печатнаго Дѣла.

ОБЪЯВЛЕНІЕ,

ОТЪ ЕНИСЕЙСКАГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНІЯ

1-го Января 1919 года истекаетъ срокъ полномочій настоящему составу Енисейской Городской Думы.

Предварительной работой къ осуществленію новыхъ выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права является регистрація мѣстнаго осѣдлаго населенія обоего пола въ возрастѣ отъ 20 лѣтъ для чего въ ВОСКРЕСЕНІЕ 21-го ОКТЯБРЯ (3-го НОЯБРЯ) имѣетъ быть произведенъ обходъ города участковыми счетчиками для занесенія жителей въ избирательный списокъ.

Городское Управленіе проситъ отнестись къ этому съ должнымъ вниманіемъ неуклоняясь отъ этого гражданскаго долга.

И. об Городскаго Головы *Миндаровскій.*

Секретарь *Ив. Филиппов.*

Типографія Енисейскаго Товарищества Печатнаго Дѣла.

ДЕКРЕТЪ

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦІОННАГО ШТАБА ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА.

Въ городѣ Енисейскѣ власть Колчака пала организованъ Военно-Революціонный Штабъ. Все оружіе военнаго образца какъ винтовки такъ и револьвера сдать въ Штабъ Красной Гвардіи помѣщающагося в домѣ Баландина по Большой ул.

Всѣ несдавшія оружія до 5 часовъ вечера сего 6-го Февраля будутъ немедленно арестованы и привлечены по закону революціоннаго времени.

Военно-Революціонный Штабъ: *Байкаловъ.*

Секретарь *И. Костенко.*

6 Февраля 1919 г.

г. Енисейскъ.

Типографія Енисейскаго Товарищества Печатнаго Дѣла.

бывшего гимназиста, изгнанного из 4-го класса. Это были единственно интеллигентные люди из всей шайки, и потому, видимо, действия их были сравнительно слабы и не удовлетворяли помыслам и желаниям кровавой расправы, осуществление которой было главной мечтой управляемой ими опричнины, почему она и потребовала потом их удаления. С 22-го февраля во главе штаба встали: Кузнецов — слесарь Федоровского золотопромышленного общества — уголовный тип, Лапин — солдат-дезертир, сын таежного спиртоноса, еще подростком гонявшийся с ножом за родной матерью, и некто Шестаев — темная и никому неведомая личность. А вот результат энергичной деятельности этих правителей: в ночь на 23-е число в стенах тюрьмы было приколото семь человек из числа заключенных местных граждан, с которыми сводили члены шайки свои личные счеты.

Это кошмарное событие, о котором на завтра уже знал весь город, не предвещало ничего доброго. С мыслью о нем мы жили и ложились спать, трепеща за завтрашний день. Ожидаемой со дня на день военной силы все еще не появлялось, а банда тем временем продолжала вершить свои преступные дела да строила под окнами обывателей баррикады для отпора в случае наступления.

Наконец 27-го февраля утром в город вступили правительственные войска. Как неизбежный спутник ликвидации подобных мятежей, пошли расправы и расстрелы захваченных с винтовками красных и вообще всех участвовавших или замешанных в этом преступном выступлении. За два дня осадного положения города на улицах подобрано было более 200 трупов.

Этой карательной мерой подавлена была не только безумная авантюра восставших, но уничтожено было много другого преступного элемента, не попадавшегося под кару уголовных законов. Успели исчезнуть от расправы только главари шайки, но и те за, исключением Кузнецова, были впоследствии найдены и казнены. Часть банды однако успела скрыться из города и соединилась потом с тасеевцами.

Накануне дня занятия города правительственными отрядами, уже в то время, когда город был окружен ими, красными убиты были в тюрьме еще шесть человек заключенных, а наутро собирались приколоть и остальных, но судьба не допустила совершиться этому адскому замыслу. Циркулировали слухи, что будто бы в руки военных властей попал список предназначенных к истреблению горожан из числа буржуазии и интеллигенции с числом обреченных до 800 человек. И невероятного в этом ничего нет.

Так кончились эти кошмарные дни, оставившие свой памятный след молодому подрастающему поколению на всю его жизнь. Будем уверены, что с этими кровавыми днями уйдут от нас в историю и та партийная рознь

ПРИКАЗ

Енисейского Временного Революцiонного Штаба

№ 8.

13 Февраля 1919 года.

гор. Енисейск.

Многiе граждане гор. Енисейска, не взирая на постановленiе Революционнаго Штаба об ограничении хождения по городу, позволяют себе ходить и ездить, без особых на то пропусков, ранее 6 час. утра и позже 8 час. вечера, и, когда патрули просят остановится для проверки пропусков, то граждане не обращают на эти просьбы ни какого внимания, следуя безостановочно по своему пути. Кроме того, граждане позволяют себе сборища тем более около здания Штаба. Еще раз предупреждаю граждан, что все лица, позволившия себе хождение въ неуказанное время без особых на то пропусков, будут задерживатся и отправлятся под арестом в Милицию и все сборища будут мною пресекатся в корне.

Подлинный подписали Комисар Вооруженными Силами Енисейскаго уезда *Байкалов*

Помощник его *Бобыкин*

С подлинн. верно Секретарь *И. Костенко.*

Типографiя Енисейскаго Товарищества Печатного Дела.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

8 Марта 1919 года.

РОДСТВЕННИКАМЪ УБИТЫХЪ КРАСНОАРМЕЙЦЕВЪ РАЗРѢШАЮ БЕЗПРЕПЯТСТВЕННО ПРОИЗВОДИТЬ ПОДНЯТІЕ И ПОХОРОНЫ ТАКОВЫХЪ.

Начальникъ Гарнизона
города Енисейска
Поручикъ Толкачевъ.

Типографія Енисейскаго Товарищества Печатнаго Дѣла.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Довожу до свѣдѣнія граждан г. Енисейска, что 27 Апрѣля н. ст. в Богоявленском Соборѣ, в 9 час. утра, будет совершена литургія по мученически погибшим за вѣру, церковь и родину, послѣ которой, на Братской могилѣ, при участіи всего городского духовенства имѣет быть отслужена панихида.

Управляющій Енисейским Уѣздом
Штабс-Капитан ***Платонов.***

г. Енисейск.
26 Апрѣля 1919 года.

Тип. В. А. Кытманова.

и классовая травля, какие непрерывной лентой тянулись на протяжении 2-х лет российской революции и принесли такие печальные плоды, также море горя и слез.

Почему-то думается, что если бы вырвать эту ядовитую траву с корнем в первые дни ее появления, вовремя убрать бы из Енисейска трех лиц: Перенсона, Иоффе и Яковлева, сотни людских жизней были бы сохранены от насильственной смерти, и разнузданность темной преступной толпы не достигла бы той высокой степени озлобления и анархии, как это случилось теперь.

Еще по сие время находятся упрямые люди, готовые видеть в последнем грабеже и убийствах какую-то политическую и классовую борьбу, в виде недовольства народных масс диктатурою правительства возглавляемого Колчаком, и что это-то недовольство и вылилось в такую стихийную форму чуть ли не в виде второй революции.

Для нас слышать это от людей, всюду ищущих компромисса, не открытие, но тот, кто лично пережил эти дни и наблюдал ход событий, предшествовавших дням последнего восстания, вполне ясно, что это была авантюра двух-трех десятков лиц, <…>[7]

Смешивать это со стихийной борьбой пролетариата тем более нелепо, что здесь на первом плане заблаговременно учитывать возможность открытого грабежа, битья зеркал, посуды и прочего, ничего общего ни с экономикой, ни с политикой не имеющего, и если, быть может, в первом большевистском движении будущий историк найдет идейное течение, то уж в последнем мятеже, кроме анархии и уголовщины, он ничего не отыщет.

[7] Здесь в тексте журнальной публикации из набора изъята строка.

Научное издание

ЕНИСЕЙСК В ЗАПИСКАХ МИХАИЛА ПРОКОПЬЕВИЧА МИНДАРОВСКОГО. 1891–1935 ГГ.

Редакторы-составители:
М. А. Лаптева, Н. В. Поздеева, А. В. Ульверт

Набор текстов: Е. А. Сафина

Верстка: А. В. Ульверт

Корректура: Е. Г. Иванова, З. В. Малькова, З. В. Зимина

Обложка: К. В. Крафт

Подписано в печать 17.07.2019.
Номер заказа 41972 .
Формат 60 × 90 / 16.
Бумага офсетная. Тираж 1200 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Полихром».
Красноярск, ул. Дубровинского, д. 58, пом. 78.
Тел. (391) 227-77-81.

